ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 10-12

ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

Издание газеты „ПРАВДА"
МОСКВА 1930

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ № 10—12 1930

СОДЕРЖАНИЕ.

Постановление ЦК ВКП (б) о журнале «Под Знаменем Марксизма» (1). Передовая—Важнейший исторический документ. (3). Итоги философской дискуссии (Резолюция Бюро ячейки ИКП Ф. и Е.). (15). М. Митин.—К итогам философской дискуссии. (25). М. Фуршик.—Философские заметки. (60). И. Разумовский.—Ленин и исторический материализм. (82). П. Кучеров.—Ленин и теория познания Плеханова. (113). П. Вышинский.—Философия буржуазных реставраторов (кондратьевщина). (143). И. Вайнштейн.—Методология экономической апологетики (критика методологии Струве). (160). Н. Петров.—Национальные хозяйства как узлы мировых хозяйственных связей. (192). Резолюция Президиума Комакадемии о естественно-научном фронте. (251). П. Серебровский.—Диалектика и эволюционном процессе (ответ А. Серебровскому). (258). В. Рудаш.—О некоторых основных понятиях механики и диалектики. (288). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: Щевкин.—Ник. Карев.—За материалистическую диалектику. (315). Л. Арисьян.—О философском разделе ленинградских «Проблем Марксизма». (326). А. Максимов.—Большая Советская Энциклопедия. (339). В. Боровский.—Философствующие естественники.—Эмерджентная эволюция. (352). СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ: Резолюция Ивановской организации ОВМД. (360). Письмо Дмитриева. (363). Содержание ПЗМ за 1930 год. (364).

О журнале „Под Знаменем Марксизма".

(Постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года).

1. Несмотря на известные достижения, которые были в работе „Под Знаменем Марксизма", в особенности по борьбе с механицизмом, представляющим попытку своеобразной ревизии марксизма, журнал не сумел осуществить основных указаний Ленина, данных им в статье „О значении воинствующего материализма", не стал боевым органом марксизма-ленинизма. Работа журнала была оторвана как от задач строительства социализма в СССР, так и от задач международного революционного движения. Ни одна из проблем переходного периода, теоретически разрабатываемых и практически разрешаемых партией, журналом не была поставлена.

2. Журнал „Под Знаменем Марксизма" исходил из совершенно ошибочной установки, вытекающей из непонимания ленинского этапа, как новой ступени в развитии философии марксизма, что было обусловлено позицией группы тт. Деборина, Карева, Стэна и др., фактически превратившей журнал, особенно за последнее время, в свой групповой орган.

3. Отрывая философию от политики, не проводя во всей своей работе партийности философии и естествознания, возглавлявшая журнал „Под Знаменем Марксизма“ группа воскрешала одну из вреднейших традиций и догм II Интернационала — разрыв между теорией и практикой, скатываясь в ряде важнейших вопросов на позиции меньшевиствующего идеализма.

4. ЦК ВКП(б) постановляет:

а) Журнал „Под Знаменем Марксизма“ должен быть боевым органом марксизма-ленинизма, вести решительную борьбу за генеральную линию партии, против всяких уклонов от нее, проводя последовательно во всей своей работе ленинский принцип партийности философии. В области философии журнал должен вести неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма, как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой тт. Деборина, Карева, Стэна и др. Важнейшей задачей „Под Знаменем Марксизма“ должно быть действительное выполнение намеченной для него Лениным программы, разработка ленинского этапа развития диалектического материализма, беспощадная критика всех антимарксистских и, следовательно, антиленинских установок в философии, общественных и естественных науках, как бы они ни маскировались. Журнал должен разрабатывать теорию материалистической диалектики, вопросы исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции. Журнал „Под Знаменем Марксизма“ должен об'единить для выполнения этих задач воинствующих материалистов-диалектиков, систематически выращивая большевистски выдержанные философские кадры.

б) Вместо прежнего состава редакции „Под Знаменем Марксизма“ утвердить редакцию „Под Знаменем Марксизма“ в следующем составе: Покровский М. Н., Адоратский, В. В. Митин М. Б., Кольман Э., Юдин П., Максимов А. А., Деборин А. М., Тимирязев А. К.

Важнейший исторический документ.

Решение Центрального комитета нашей партии о журнале «П. З. М.» представляет собой документ крупнейшего исторического значения. Этот документ продолжает лучшие большевистские традиции по отношению к вопросам революционной теории. Он свидетельствует о подлинно-ленинском внимании к процессам, которые происходят на теоретическом фронте, о большевистской непримиримости по отношению ко всякого вида уклонам или ревизии марксистско-ленинского учения.

В своей статье «Три источника и три составных части марксизма» Ленин писал, что «только философский материализм Маркса указал пролетариату выход из духовного рабства, в котором прозябали доныне все угнетенные классы». В целом ряде других своих произведений Ленин неустанно подчеркивал, что материалистическая диалектика—это революционная душа марксизма, его коренное теоретическое основание. Ленин сам в течение всей своей революционной деятельности давал жесточайший отпор всяким попыткам ревизии философии марксизма, народнически-суб'ективистским, струвистско-кантианским, махистско-богдановским, каутскианским и т. д.

Продолжая эти ленинские традиции, резолюция Центрального комитета клеймит и осуждает двоякого рода попытки ревизии марксистско-ленинской философии, с которыми должна вестись решительная и беспощадная борьба, т.-е. механистическую ревизию диалектического материализма, являющейся в основном теоретической базой правого уклона, теоретической базой узколобого делячества, ползучего эмпиризма, самотека в работе, потери революционных перспектив и т. д. и идеалистическую ревизию марксизма, меньшевиствующий идеализм деборинской группы, являющийся в свою очередь в основном теоретической базой троцкистской, по существу социал-демократической «эмиграции» от конкретной действительности классовой борьбы, от практики социалистического строительства, от защиты и активного проведения в жизнь генеральной линии нашей партии.

Важнейшее историческое значение этого решения Центрального комитета состоит в том, что оно подводит итоги, по существу, двум философским дискуссиям, которые мы имели на протяжении последних лет на философском участке теоретического фронта. Эта резолюция ЦК подводит, наконец, итоги длительной борьбы, которая велась у нас против механистической ревизии марксизма. В самом деле наша партия не могла принять те результаты и итоги

Подводя итоги прошлой работы журнала, необходимо сказать, что он не стал боевым органом марксизма-ленинизма, не стал боевым органом воинствующего материализма. У журнала «П. З. М.» — особенно за последний период его деятельности—сильно притупилось его острие, которое должно было быть направлено против идеализма всех оттенков и мастей, под каким прикрытием он бы ни выступал. Наоборот, сам журнал стал средоточием идеалистической ревизии марксизма со стороны деборинской группы. Журнал совершенно не уделял места критике всяких «модных» буржуазных философских направлений, особенно тех, которые вырастают на кризисе современного естествознания. Наоборот, деборинщина совершенно не критически относилась к идеалистическим предрассудкам представителей современной науки, если только даже по форме что-нибудь в их работах напоминало диалектику.

Далее, Ленин говорил о журнале: «Такой журнал должен быть, во-вторых, органом воинствующего атеизма... Он... должен уделять много места атеистической пропаганде, обзору соответствующей литературы и исправлению громадных недочетов нашей государственной работы в этой области. Особенно важно использование тех книг и брошюр, которые содержат много конкретных фактов и сопоставлений, показывающих связь классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с организациями религиозных учреждений и религиозной пропаганды».

В этом отношении мы имеем особенно разительные из'яны в работе журнала «П. З. М.». За 9 лет своего существования журнал поместил только 12 статей, рецензий, заметок в той или иной степени, посвященных вопросам, о которых говорит Владимир Ильич. Из этих 12 статей — несколько (4 или 5) посвящены дискуссии о происхождении религии в связи с вопросом о «страхе смерти». Журнал не стал органом воинствующего атеизма. Пропаганда атеизма, разработка вопросов антирелигиозного движения, анализ классового содержания и гнуснейшей контрреволюционной роли, которую играет современная церковь, папство, католические, и христианско-социалистические организации, разоблачение той колоссальной литературы, которая выбрасывается ежедневно на рынок для «оглупления» трудящихся на Западе и в Америке, в Индии, Японии и Китае, не стало делом журнала во всей его прошлой работе. Руководившая журналом деборинская группа, эти представители завуалированной и самой тонкой идеалистической ревизии марксизма, естественно не могла стать руководителями боевой работы журнала в духе воинствующего атеизма.

Далее, в статье, определявшей содержание работы журнала, Ленин указывал на необходимость союза воинствующего материализма с теми представителями современного естествознания, «которые склоняются к материализму и не боятся отстаивать и проповедывать его против господствующих в так называемом «образованном обществе» модных философских шатаний в сторону идеализма и скептицизма». Как бы предвидя установки механистов, Ленин подчеркивал, что этот союз должен быть под руководством представителей диалектического материализма. Он указывал на то, что в настоящее время мало быть просто или

только материалистом, что надо быть современным материалистом. Чтобы выдержать борьбу со всякими реакционными направлениями и идеями, которые нарождаются в крутой ломке, переживаемой современным естествознанием, «естественник,— писал Ленин,— должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т.-е. должен быть диалектическим материалистом».

Что в этом отношении было сделано журналом «П. З. М.»? Опять-таки и тут завещание Ленина не было выполнено, а, наоборот, извращено. Правильно поступая в смысле необходимости жестокой критики вульгарного, механистического материализма, представляющего собой значительный шаг назад от современного материализма, деборинская группа не осуществляла союз с материалистами-естественниками, предпочитая, в гораздо большей степени, союз с идеалистами-естественниками. Критикуя ограниченность и механистические предрассудки ряда материалистов-естественников, деборинская группа отбрасывала их, вместо того чтобы на основе критики поднимать их до уровня диалектического материализма.

Особо важное значение Ленин придавал в своей статье вопросу о необходимости изучения гегелевской диалектики. Однако как рекомендовал Ленин изучение диалектики Гегеля? Он писал: «Сотрудники журнала «Под Знаменем Марксизма» должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения, т.-е. той диалектики, которую Маркс практически применял и в своем «Капитале», и в своих исторических и политических работах и применял с таким успехом, что теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай), т.-е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обусловливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы - каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все более и больше подтверждают марксизм».

Итак, изучение диалектики Гегеля по Ленину должно происходить с материалистической точки зрения, с точки зрения диалектики Маркса, с точки зрения диалектики, примененной в «Капитале», с точки зрения применения диалектики к классовым боям современного периода мировой пролетарской революции.

Ленин далее еще более уточняет этот вопрос, когда он говорит о том, как надо разрабатывать диалектику. «Опираясь на то,— писал он, — как применял Маркс материалистически-понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических и политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много».

Нужно сказать, что в этом отношении журнал «П. З. М.» в наибольшей степени извратил ленинские директивы. Изучение диалектики Гегеля превратилось в руках деборинской группы в какую-то самоцель. Изучение Гегеля рассматривалось вопреки всем указаниям Ленина как единственная основа для разработки материалистической диалектики, как единственный возможный исходный пункт для разработки теории диалектики. Ленин рекомендовал разрабатывать то, как Маркс применял материалистически понятую диалектику Гегеля, а деборинская группа перенимала диалектику Гегеля «как она есть» и «разрабатывала» ее без всякого привлечения конкретного материала.

Ленин говорил о необходимости комментировать материалистически-понятую диалектику образцами, которые дает новейшая история, империалистическая война и революция, — а деборинская группа занималась переписыванием логических категорий Гегеля в их внутреннем самодвижении без всякого привлечения материала из классовой борьбы эпохи империализма и пролетарских революций. — Крайне важное и необходимое для углубления нашего мировоззрения, нашего метода изучение диалектики Гегеля превратилось в свою противоположность, ибо вместо разработки материалистической диалектики мы имели шаг назад от Маркса к Гегелю, от диалектического материализма к идеализму. Вместо того, чтобы в материалистически-истолкованной диалектике Гегеля получить ответы «на философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании» и т. д., получалась идеалистическая ревизия марксизма, получалось «гегельянизирование» Маркса. Вместо того, чтобы воинствующий материализм стал сражающимся, он в работах деборинской группы «стал сражаемым», вернее даже сраженным, гегелевским идеализмом.

Ленин указывал, что задача материалистического истолкования и пропаганды гегелевской диалектики чрезвычайно трудна и что, несомненно, в этом отношении будут ошибки. Однако ошибки ошибкам рознь В работах деборинской группы мы имеем не отдельные ошибки, а вся их работа над Гегелем, характер этой работы — оказались ошибочными. Основная суть ошибочности этой работы состояла в том, что получился разрыв между философской работой и конкретными науками, конкретным знанием, конкретным материалом нашей исключительной эпохи. Вся суть ошибочности работы деборинской группы над Гегелем оказалась в том, что рассматривали и изучали Гегеля не «через очки» Маркса и Ленина, а, наоборот, Маркса, Энгельса, Ленина рассматривали, подчас, «через очки» Гегеля, Гегеля-диалектика, но одновременно ведь и Гегеля-идеалиста.

Ошибочность работы состояла в том, что при изучении и «разработке» Гегеля вопросы нашей революционной эпохи, актуальные проблемы социалистического строительства были «загнаны» в примечания, как некогда сам Гегель «загонял» природу в примечания. Естественно, что понятые таким образом директивы Ленина об изучении гегелевской диалектики привели к идеалистическому искажению материалистической диалектики, к отрыву теории от практики, философии от политики, диалектики от материа-

лизма, метода от мировоззрения, логического от исторического и т. д. Идеалистически искажалась ленинская теория отражения, являющаяся основой материалистической теории познания.

В своей статье Ленин, далее, на конкретном примере с реакционером Сорокиным показывает, как журнал «П. З. М.» должен неустанно разоблачать в области общественных наук взгляды «современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.». Этот конкретный пример Ленина должен был для журнала стать директивой в смысле отношения к подобного рода классовым врагам в области теории. Между тем журнал «П. З. М.» за время своего существования не посвятил ни одной статьи критике гг. Сухановых, Базаровых, Кондратьевых, Чаяновых, Финн-Енотаевских и т. д., являющихся прямыми представителями капиталистической реставрации в нашей стране, прямыми агентами империализма. Необходимой классовой бдительности у руководящей журналом группы, претендовавшей на ортодоксальный марксизм, не оказалось. Вот почему резолюция Центрального комитета партии совершенно правильно указывает: «Несмотря на известные достижения, которые были в работе «Под Знаменем Марксизма», в особенности по борьбе с механицизмом, представляющим попытку своеобразной ревизии марксизма, журнал не сумел осуществить основных указаний Ленина, данных им в статье «О значении воинствующего материализма», не стал боевым органом марксизма-ленинизма. Работа журнала была оторвана как от задач строительства социализма в СССР, так и от задач международного революционного движения. Ни одна из проблем переходного периода, теоретически разрабатываемых и теоретически разрешаемых партией, журналом не была поставлена».

Важнейшим из'яном во всей работе журнала является то, что игнорировался ленинизм в философии, ленинский этап как новая, высшая ступень в развитии диалектического материализма. Нет и не может быть в настоящее время, в эпоху империализма и пролетарских революций, марксизма без и вне ленинизма, ибо ленинизм и есть марксизм современной эпохи. Точно также нет и не может быть ныне философии диалектического материализма без и вне ленинизма в философии, ибо ленинизм в философии и есть диалектический материализм, адэкватный современной революционной эпохе.

Эпоха империализма и пролетарских революций, эпоха грандиозной перестройки старой общественной формации, основанной на классовом господстве и экоплоатации дает новые закономерности, новые формы связи, крайнюю сложность взаимоотношения классовых сил, быстро меняющуюся обстановку и ситуацию и т. д., и т. д. Дать анализ этой эпохи, понять ее внутренние закономерности, правильно наметить стратегию и тактику пролетариата, организовать его на штурм капиталистического способа производства возможно только на основе материалистической диалектики. Однако и сама материалистическая диалектика как живое, развивающееся учение должна уточняться, конкретизироваться, углубляться для того, чтобы в наибольшей степени соответствовать новой эпохе.

Ленин поднял весь марксизм, все его составные части на новую ступень. Решительно во всех областях марксистской теории и марксистского мировоззрения Ленин внес чрезвычайно много нового, своеобразного, в том числе и в философию марксизма. Было бы чрезвычайно странно, если бы Ленин не углубил и не конкретизировал материалистической диалектики, совершивши в то же время в области теории марксизма то, что им сделано. Только метафизическое представление о философии марксизма как о чем-то мертвом, застывшем, неподвижном и абсолютном — может исходить из той установки, что Ленин не есть новая ступень в развитии диалектического материализма.

Ленинизм в философии и есть не что иное, как дальнейшее развитие и конкретизация диалектического материализма Маркса и Энгельса в условиях империализма, пролетарских революций и строительства социализма. Ленинизм в философии и есть диалектический материализм Маркса и Энгельса, примененный к новой эпохе к современному состоянию науки и естествознания.

Деборинская группа, руководившая работой журнала «П. З. М.», явно не понимала, извращала, игнорировала ленинизм в философии, становясь тем самым на антимарксистские позиции. В наибольшей степени игнорирование и извращение ленинизма в философии сказалось в извращении ленинского принципа партийности философии, в отрыве философии от политики, от практики социалистического строительства. Наиболее яркая и гениальная черта во всей совокупности ленинских работ является его синтез революционной теории и революционной практики. Из всех марксистов после Маркса и Энгельса только Ленин дает образец такого синтеза и отсутствие разрыва между словом и делом, между теоретическими писаниями о диалектике и ее применением. Вот почему Ленин неустанно подчеркивает эту связь в своих работах. Вот почему Ленин писал: «Нет, господа! Это — соединение революционной теории с революционной политикой, то соединение, без которого марксизм становится брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом» [1]).

Разрыв философии и политики, революционной теории и революционной политики, который был у деборинской группы, оказывался по существу на деле антимарксизмом, меньшевиствующим идеализмом. Ленин во всех своих работах, где он касается вопроса о соотношении философии и политики, не перестает клеймить разрыв теории и практики, показывает, что такой разрыв есть на деле отход от материализма, извращение марксизма. Так, в статье «Карл Маркс» он писал: «Выяснив еще в 1844—1845 гг. один из основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности, Маркс в течение всей своей жизни, наряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата... Поэтому мы должны ограничиться здесь лишь самыми общими и краткими замечаниями, подчеркивая, что без этой стороны

[1]) Ленин, Маркс, Энгельс, марксизм, сб. Института Ленина, стр. 64.

материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным».

Работы деборинской группы представляют собой как раз такой образец «материализма» без всяких вопросов тактики классовой борьбы пролетариата, без всякого внимания к значению революционной практической деятельности.

Работа журнала «Под Знаменем Марксизма» была половинчатой, односторонней, мертвенной, ибо он не уделял почти никакого внимания вопросам стратегии и классовой борьбы пролетариата. Между тем, какое богатое девятилетие, какой исключительный, исторический период представляют собой годы 1922—1931, т.-е. время существования журнала! Первая полоса нэпа, так называемый восстановительный период, переход к периоду реконструкции, гигантские успехи строительства социализма, коллективизация сельского хозяйства, ликвидация кулачества как класса, развернутое наступление социализма по всему фронту, исключительные события в международном революционном движении — все это не получило почти никакого теоретического освещения на страницах журнала. Исключительная по своему содержанию идейно-политическая борьба, проведенная нашей партией за эти годы, борьба за коренные проблемы марксистско-ленинской теории: во-первых, с троцкизмом по вопросам организационного строения партии, о характере Октябрьской революции, о перманентной революции, о строительстве и построении социализма в одной стране, о законе неравномерности развития капитализма и т. д., во-вторых, с зиновьевско-троцкистской оппозицией — по этим же основным вопросам, плюс вопросы классов и классовых отношений в нашей стране, по вопросам китайской революции и т. д., в-третьих, с правым оппортунизмом по вопросам классовой борьбы в переходный период, по вопросу о характере нашей революции, о темпах социалистического строительства и коллективизации деревни, о развернутом наступлении социализма, об организованном капитализме и т. д., и т. п. — также не получила своего отражения на страницах журнала «П. З. М.»,—если не считать те статьи и материалы, которые прямо ставились на службу троцкизму (напр., статьи Карева, Ваганяна и т. д.). Вот почему резолюция Центрального комитета констатирует, что руководившая журналом группа Деборина, Карева, Стэна, Луппола, Подволоцкого превратила, особенно за последнее время, журнал в свой групповой орган, скатившись на позиции меньшевиствующего идеализма.

Самой характерной чертой «марксизма» II Интернационала является противоречие между словом и делом, между теорией и практикой. Самой характерной чертой его являлась до последнего времени (теперь и это исчезло) приверженность букве марксистского учения и отрицание духа его. Догматизм, метафизический метод мышления, полное отсутствие гибкости, неумение применять марксистскую теорию к конкретным ситуациям постоянно изменяющейся конкретной действительности классовой борьбы — вот чем характеризуется «марксизм» гг. Каутских, Отто Бауэров, Гильфердингов, Адлеров, Мартовых, Данов, Плехановых и т. д.

Подлинный синтез теории и поправки, творческое развитие марксизма, единство слова и дела, мастерское применение материалистической диалектики, исключительная непримиримость ко всяким извращениям марксизма, откуда бы они ни исходили — вот что характерно для ленинизма, вот что характерно для большевистской теории. Ленин писал: «Наше учение, — говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга, — не догма, а руководство для действия. В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живую, мы подрываем его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии, мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории» (Собр. соч., т. XI, ч. 2, изд. 1-е, стр. 138).

Отрыв теории от практики, философии от политики, который характерен для деборинщины, представляет собой не что иное, как воскрешение худших традиций «марксизма» II Интернационала, представляет собой по существу ликвидацию живой души марксизма, его революционной диалектики. Диалектика жизни такова, что те, кто претендовал на самое ортодоксальное развитие диалектики, оказывались сами ликвидаторами революционной диалектики.

Вот почему резолюция Центрального комитета констатирует, что: «отрывая философию от политики, не проводя во всей своей работе партийности философии и естествознания, возглавлявшая журнал «Под Знаменем Марксизма» группа воскрешала одну из вреднейших традиций и догм II Интернационала — разрыв между теорией и практикой, скатываясь в ряде важнейших вопросов на позиции меньшевиствующего идеализма».

* * *

Ленинская статья «О значении воинствующего материализма», указания и директивы т. Сталина, данные в беседе с Бюро ячейки ИКП философии и естествознания, решение Центрального комитета нашей партии являются программой работы нашего журнала. Гигантские успехи социализма в нашей стране, достройка фундамента социалистической экономики, ликвидация кулачества на базе сплошной коллективизации, овладение техникой как решающей проблемой построения социализма, обостряющийся кризис мирового капитализма и рост пролетарских национально-колониальных революций, вопросы периода социализма, в который мы вступили, — все это должно быть центральными узлами нашей теоретической работы. В противовес старой практике и старым традициям журнала вся дальнейшая наша работа — как в вопросах философской теории, так и в вопросах естествознания — должна быть от начала до конца проникнута большевистской партийностью. Журнал должен стать боевым, большевистским органом, ведущим неуклонную, последовательную, непримири-

мую борьбу за генеральную линию партии со всякими уклонами от нее. Нет и не может быть ныне марксизма-ленинизма вне борьбы за генеральную линию партии, — ибо только наша партия, ибо только Коммунистический Интернационал, строго следуя заветам Маркса, Энгельса, Ленина, представляют в современную эпоху **действенный, творческий марксизм**.

Журнал должен во всей своей дальнейшей работе испытанным оружием материалистической диалектики разить главную опасность — правый оппортунизм, представляющий собой прямую кулацкую агентуру в партии, так всякие «левые», «левацкие» загибы и уклоны, который под левой фразой протаскивают свое махрово-правое существо.

Особое значение приобретает на настоящем этапе развития **действительная разработка ленинского философского наследства**, изучение и разработка ленинского этапа в развитии диалектического материализма. Эта работа будет успешно развиваться, если наряду с ней будет итти беспощадная критика и разоблачение, разворошение всех и всяческих меньшевистских или меньшевиствующих, оппортунистических и ревизионистских идей и теорий, притупляющих острие нашего теоретического оружия, вырывающих его «душу живу», ослабляющих революционную сущность марксистско-ленинской теории.

Борьба в области философии на два фронта, с механистической ревизией марксизма-ленинизма, как с главной опасностью с меньшевиствующим идеализмом деборинщины, совершенно недостаточно разоблаченным и требующим особой бдительности к себе — должна быть первейшей обязанностью во всей теоретической работе журнала. Разработка теории материалистической диалектики, теории исторического материализма в тесной связи с практикой социалистического строительства и мировой революции возможна только на основе неуклонной борьбы с делянческим, эмпирическим, механистическим отрицанием материалистической диалектики, как «философской науки», так и с идеалистическим отрывом логических категорий от истории бытия, истории человеческой практики и мышления, от конкретного знания, от практики социалистического строительства. Разработка теории материалистической диалектики, теории исторического материализма должна проходить на основе материалистически понятой гегелевской диалектики, на основе того, как диалектику применял Маркс в «Капитале», Маркс и Энгельс во всех своих теоретических, политических и тактических работах, на основе того, как Ленин теоретически разрабатывал ее и практически применял во всех своих работах в эпоху империализма и пролетарских революций. Наконец, разработка теории материалиалистической диалектики должна проходить на основе изучения того, как наша партия теоретически и практически разрешает важнейшие проблемы строительства социализма и уничтожения всякого классового господства.

В соответствии с социалистическим строительством, с перестройкой общественных отношений, перед нашей партией, стоят гигантские, всемирно-исторического масштаба, задачи перестройки естествознания, технических наук на базе диалектического материализма. Журнал «Под Знаменем Марксизма» должен стать орудием этой перестройки, орудием овладения комму-

нистической мыслью техническими знаниями, наукой, орудием действительного проникновения метода диалектического материализма во все области знания. Журнал должен вести борьбу со всякого рода хвостистским отношением к «современной науке»—будь то хвостизм механистов, отрицающих вообще необходимость диалектического материализма, будь то хвостизм деборинцев, некритически относящихся к идеалистическим шатаниям и предрассудкам современного естествознания, твердо памятуя завет Ленина, что, «без солидного философского обоснования, никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания».

Журнал будет вести борьбу против всяких попыток огульного отрицания метода диалектического материализма, имеющих место среди естественников в связи с разоблачением деборинщины, так и против формалистического приклеивания всяких «диалектических ярлыков», в корне дискредитирующих позиции диалектического материализма в естествознании. Журнал «Под Знаменем Марксизма» будет вести борьбу за то, чтобы материалистическая диалектика стала сознательным орудием и методом научного исследования.

Наконец, журнал должен стать органом воинствующего атеизма, строго выполняя указания, имеющиеся в статье Ленина. Чем острее классовая борьба и классовые противоречия, чем ближе капиталистический строй к своей гибели, чем выше и мощнее волны пролетарского революционного движения — тем гнуснее становится контрреволюционная, изуверская, роль церкви, папства, всяких вообще видов религии. Роль религии, как оголтелой прислужницы капитализма, фашизма, выявляется теперь особенно ярко при подготовке интервенции против диктатуры пролетариата в СССР. Журнал «Под Знаменем Марксизма» должен несравненно больше, чем это было раньше, заниматься вопросами антирелигиозного движения, теоретически разрабатывая и освещая актуальные вопросы в этой области.

Особенный сдвиг в работе журнала должен произойти в связи с необходимостью систематического выращивания и подготовки большевистски выдержанных философских кадров. Должен быть положен конец старой практике журнала, когда он по существу был групповым органом, своеобразным «закрытым распределителем», когда его страницы использовались для беспринципного покрывания своих и чужих ошибок, когда его страницы могли служить местом беспринципной «теоретической расправы» с теми, кто смел выступать с критикой так называемого «философского руководства», чему яркой иллюстрацией являются печальной славой известные недавние статьи Новикова.

На философском участке теоретического фронта происходит поворот во всей работе исключительной глубины и силы. Он связан с окончательным разоблачением меньшевиствующих идей и традиций в самых отвлеченных областях теории. На передовые линии теоретической работы выходят широкие партийные кадры диалектиков-материалистов. Все это дает надежду и уверенность, что величайшие задачи, которые стоят перед нами, будут разрешаться в духе учения Маркса, Энгельса, Ленина.

Итоги философской дискуссии.

(Резолюция Бюро ячейки ИКП Ф. и Е. от 29 декабря 1930 г.).

Заслушав сообщение о беседе бюро ячейки ИКП Ф. и Е. с т. Сталиным, по вопросу о положении на философском фронте, собрание ячейки находит:

1. Гигантские успехи социалистического строительства в нашей стране, вступление в период социализма, в полосу завершения построения фундамента социалистической экономики представляют собой крупнейшие сдвиги, имеющие всемирно-историческое значение. Развертывание на основе решений XVI с'езда партии наступления социализма по всему фронту, успехи реконструкции народного хозяйства, ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации происходит в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Живая реальная ткань социалистических производственных отношений, охватывающих все большие людские массивы в экономике, в сельском хозяйстве, связанная с уничтожением последних корней классовых отношений и основ дальнейшего классообразования, — вызывает жесточайшее сопротивление со стороны обреченных историей капиталистических элементов. Классовая борьба, принимающая чрезвычайно разнообразные формы и очертания в политике и экономике, находит свое резкое выражение также во всех областях идеологии. Период обостренной классовой борьбы, трудности, которые приходится преодолевать пролетариату под руководством коммунистической партии, четкое, последовательное, большевистское проведение генеральной линии партии в борьбе с правым оппортунизмом, как с главной опасностью современного периода, с «левыми» загибами, с право-«левацким» блоком, с двурушничеством и т. д. и т. п., не может не вызвать соответствующего отклика в идеологической области в виде чрезвычайно-важных, имеющих крупное историческое значение, процессов, происходящих на теоретическом фронте.

Современный период социалистического строительства представляет собой лучшую проверку боеспособности всех участков нашего теоретического фронта. В период обостренной классовой борьбы и напряженной работы по социалистическому переустройству нашей страны, основные политические и теоретические вопросы ставятся ребром. В процессе борьбы партия вскрывает все то, что не только в экономике и политике, но также и на всех теоретических участках борьбы является выражением сопротивления развернутому и победоносному наступлению социализма. Он беспощадно разоблачает все гнилое, оппортунистическое, все не-большевистское, антиленинское в теории, все, что является в той или иной форме выражением буржуазного или мелкобуржуазного влияния на идеологию пролетариата, как бы тщательно оно ни было завуалировано и скрыто.

2. Восстановительный период развития нашей страны сопровождается некоторым ростом капиталистических элементов, неизбежно порождавшим и воскрешавшим в ряде теоретических областей различные формы проян-

ления меньшевистских теорий II Интернационала, под всевозможной маскировкой ревизующих теорию марксизма-ленинизма.

Эти, по своему существу, меньшевистские, ревизионистские теории и «теорийки», в силу ряда причин и обстоятельств, прочно угнездились в отдельных теоретических областях. Меньшевистская, контрреволюционная идеология рубинщины, являющаяся по своему существу экономической теорией II Интернационала, которая, несмотря на прямые указания ЦК партии, до сих пор совершенно недостаточно критикуется и разоблачается, богдановско-механистические теории Бухарина и др. в политической экономии, меньшевистско-струвистская концепция переверзевщины, воронщина и т. д. в литературоведении, критика которых до сих пор не поднята на соответствующую теоретическую высоту, блок механистической ревизии материалистической диалектики с открыто-меньшевиствующей: позитивистско-кантианской ревизией марксизма (Сарабьянов, Перов, Аксельрод, Тимирязев) и идеалистическая ревизия марксизма-ленинизма со стороны деборинской группы (Деборин, Карев, Стэн, Луппол, Франкфурт и т. д.) — в области философии и естествознания и т. д. и т. п. — все это звенья одной исторической цепи.

Эти внутренне между собой связанные процессы на теоретическом фронте, будучи выражением буржуазных и мелкобуржуазных интересов в нашей стране, представляют собой в то же время различные формы приспособления международного меньшевизма к своеобразным условиям диктатуры пролетариата.

3. Успешная борьба за генеральную линию партии со всякими антибольшевистскими уклонами и течениями, разоблачение антимарксистской, антиленинской сущности троцкизма и правого оппортунизма — происходили на основе изучения непосредственного претворения в жизнь ленинского учения. Ленинизм как марксизм эпохи империализма и пролетарских революций — представляет собой новую ступень развития решительно во всех областях марксистской теории. За истекший период развития мы имели проникновение марксистско-ленинской теории в миллионные массы пролетариата и трудящихся, а также значительный рост и подготовку подлинно большевистских теоретических кадров.

Все эти обстоятельства приводят к серьезной теоретической борьбе на важнейших участках идеологического фронта. Основной смысл и значение этой борьбы заключается в развернутом наступлении марксистско-ленинской теории на всех участках идеологии и окончательном преодолении всяких антимарксистских, антиленинских теорий, всяких проявлений квази-марксизма эпохи II Интернационала в теории, под каким бы флагом они ни выступали. Мы стоим перед величайшей задачей действительного изучения и развития ленинского теоретического наследства во всех областях марксистской теории.

4. В свете данной оценки положения на теоретическом фронте необходимо подойти к итогам дискуссии и очередным задачам марксистско-ленинской философии.

Бюро ячейки ИКП Ф. и Е. и парторганизация в целом проводила и проводит правильную линию в борьбе на философском фронте. Правильность этой линии подтверждена центральными органами партии («Правда», «Большевик»).

Правильность проводимой бюро линии подтверждена также всем ходом философской дискуссии и консолидацией основных кадров теоретических

работников в области философии, на основе решений бюро ячейки ИКП Ф. и Е. от 14 октября 1930 г.

Партийная организация ИКП Ф. и Е. правильно поняла указания т. Сталина на конференции аграрников-марксистов о необходимости быстрейшей ликвидации недопустимого отставания теории от практических успехов социалистического строительства и вытекавшую из этих указаний крайнюю необходимость во всю ширь и глубину поставить эти вопросы в применении к положению дел на философском фронте. В процессе философской дискуссии совершенно правильно были определены основные линии разногласий: о необходимости и характере поворота на философском фронте, о партийности философии, естествознания и всей теории вообще, о ленинизме в философии, о необходимости развернутой борьбы на два фронта в философии и естествознании, о новых задачах марксистско-ленинской философии в связи с практикой социалистического строительства, и т. д. и т. п.

Высказывания т. Сталина в беседе с бюро ячейки по вопросу о положении на философском фронте 9 декабря 1930 года, в которых с полнейшей ясностью была дана квалификация взглядов деборинской группы как взглядов меньшевиствующего идеализма, была четко поставлена задача разворошения идеалистического хлама на философском фронте, задачи борьбы на два фронта в философии и разработки ленинского философского наследства, имеют крупнейшее историческое значение, открывают новую страницу, подымают на высшую ступень ход философской дискуссии и должны лечь в основу всей дальнейшей теоретической работы в области философии.

5. Ход и итоги философской дискуссии еще раз обнаружили теснейшую связь, которая существует между философией и политикой, между наукой и классовой борьбой и недопустимость какого бы то ни было их разрыва с точки зрения марксизма, а особенно в условиях обостренной классовой борьбы, ликвидации кулачества как класса и развернутого наступления социализма по всему фронту. Дискуссия еще раз обнаружила, что малейшие отклонения от правильных, марксистско-ленинских позиций, даже в самых абстрактных вопросах теории, приобретают ныне важное политическое значение и выражают определенную классовую обусловленность, направленную, в конечном счете, против диктатуры пролетариата.

Дискуссия показала правильность основных принципиальных установок бюро в критике позиций так называемого философского руководства.

6. Учитывая опыт и уроки дискуссии, всю глубину политических и философских разногласий с деборинской группой, смысл и значение которых особенно ярко были определены в указаниях т. Сталина, собрание считает, что квалификация взглядов так наз. философского руководства, данная в резолюции бюро от 14 октября с. г. («Большевик» № 19 — 20), как формалистического уклона, является академической, недостаточно четкой и должна быть уточнена и усилена, ибо формалистическое извращение материалистической диалектики является по своему существу идеалистической ревизией марксизма.

Вся совокупность теоретических и политических взглядов деборинской группы представляет собой на деле, по существу — м е н ь ш е в и с т в у ю щ и й   и д е а л и з м, имеющий в своей основе немарксистскую, неленинскую методологию, выражающий собой форму проявления мелкобуржуазной идеологии и давления на пролетариат окружающих его враждебных классовых сил. Это—чрезвычайно тонкая форма идеалистической ревизии марксизма, крайне тщательно завуалированная, прикрытая материалистической, марксистской фразеологией, наряженная часто в марксистско-ленинские одежды, выступающая сама часто в очень резкой форме не только против откровенного, поповского, контрреволюционного идеализма типа Лосева, но и даже против идеалистов-гегельянцев типа Лукача.

Такое своеобразие данной формы, по существу идеалистической, ревизии марксизма связано со специфическими условиями диктатуры пролетариата, когда господствующей теорией является теория марксизма-ленинизма, когда чрезвычайно затруднительно непосредственное проявление прямой, открытой ревизии.

Борясь против ленинизма в философии и против поворота на философском фронте,— группа Деборина, Карева, Стэна и др. встала на путь прямой и открытой борьбы с диалектическим материализмом, на путь антимарксизма.

7. Собрание ИКП Ф. и Е. считает также необходимым изменить следующие формулировки, дающие оценку линии работы, на прошлом этапе так называемого философского руководства, резолюции бюро ячейки от 14 октября:

1) «непосредственно философская работа в нашей стране за прошлый период в ряде областей велась в общем в направлении, указанном Лениным», и 2) «на прошлом этапе развития линия философского руководства в основном была правильной»,— как несоответствующие действительности, а также данной выше характеристике сущности взглядов деборинской группы.

Основные задачи теоретической работы в области философии были определены известной статьей Ленина в 1922 г. «О значении воинствующего материализма». Эти задачи сводились к следующему: 1) вести беспощадную борьбу со всякого рода идеализмом и поповщиной всех мастей и оттенков, под каким бы флагом или прикрытием они ни выступали, «в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных» дипломированных лакеев поповщины; 2) вести борьбу за воинствующий атеизм; 3) вести развернутую разработку материалистической диалектики по целому ряду линий и направлений, «опираясь на материалистически понятую диалектику Гегеля», «комментируя ее образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дает необыкновенно много»; 4) осуществлять союз с материалистами-естественниками, перестраивая вместе с тем естествознание на базе диалектического материализма; 5) вести неуклонную борьбу со всякими проявлениями реакционных идей в общественных науках, борьбу со всякими «современными крепостниками», прикрывающимися мантией научности, демократизма и т. д.

Меньшевистские традиции т. Деборина, сильное влияние целого ряда ошибочных моментов политических и философских взглядов Плеханова, критиковавшихся Лениным, от которых т. Деборин полностью не освободился до сих пор, а также большевистская невыдержанность кадров, окружавших его (Карев, Стэн и др.) — все это создавало из деборинской группы материал, легко подвергавшийся воздействию влияния мелкобуржуазной идеологии, и не могло не отразиться самым резким образом на их теоретической работе.

В обстановке и условиях диктатуры пролетариата, в обстановке классовой борьбы в первые годы нэпа, влияния мелкобуржуазной стихии, воспроизводящей и «химически» выделяющей меньшевизм в тех или иных формах — не могло не привести к тому, что деборинская группа не только подошла к осуществлению основных указаний Ленина, но, наоборот, в значительной степени их извратила, ведя свою теоретическую работу не в духе последовательного диалектического материализма, а в духе, по существу, идеалистической ревизии его.

Нельзя пройти мимо той борьбы, которая была проведена на прошлом этапе нашей партией против антимарксистских, антиленинских установок механистической ревизии марксизма-ленинизма. Борьба с ме-

ханистами бесспорно помогла вскрыть механистическую, богдановско-эклектическую методологию правого оппортунизма Бухарина, а также родство всех этих теоретических установок с реставраторской идеологией базаровщины, сухановщины и т. д.

В борьбе с механистами деборинская группа сыграла известную положительную роль. Необходимо однако иметь в виду, что эта группа критиковала механистов не с марксистско-ленинских позиций. В основном и по существу гегельянские, идеалистическо-диалектические установки деборинской группы в важнейших вопросах методологии позволяли до известной степени критиковать и разоблачать полное непонимание механистами существа философии вообще и диалектики в особенности, их насквозь метафизическую методологию, их грубый, вульгарный материализм и позитивизм и этим выполнять известную положительную роль. В свое время Ленин крайне метко отмечал: «Гегель бьет всякий материализм кроме диалектического» (Ленинский сборник XII, стр. 235).

Однако критика деборинской группы не обеспечивала последовательного, до конца проведенного разоблачения механистической методологии. Наоборот, идеалистическая сущность и эклектизм писаний этой группы на деле приводил ее представителей к фактическому согласию в целом ряде вопросов с механистами (напр., согласие тт. Деборина и Луппола с Сарабьяновым о якобы-терминологическом характере ошибок Плеханова по вопросу об иероглифах, о соотношении Ленина и Плеханова как философов-марксистов, согласие Луппола с Сарабьяновым по вопросу о локковской теории первичных и вторичных качеств и т. д.).

8. Антимарксистская сущность взглядов деборинской группы нашла свое выражение:

а) В отрыве теории от практики, философии от политики и т. д., чем фактически воскрешалась «одна из вреднейших черт и догм II Интернационала» (Сталин).

б) В полном отказе от применения, а также в извращении ленинского принципа партийности философии, который в наиболее четкой форме выражает классовый характер нашей философии, ибо лучшее в рабочем классе — это его партия, в наиболее четкой форме выражает действенный характер нашей философии, ибо наиболее сознательная действенная часть класса— это его авангард, коммунистическая партия. Группа Деборина, Карева, Стэна игнорировала этот ленинский принцип, ибо он необходимо включает в себя требование защиты генеральной линии партии и борьбу со всякими уклонами от нее.

в) В недооценке, наконец, Ленина, как теоретика вообще, а особенно как философа-марксиста, в игнорировании, непризнании ленинизма в философии как новой ступени в развитии диалектического материализма, в повторении, углублении ряда плехановских ошибок в области философии и исторического матерализма. Недооценка философского и вообще теоретического значения работ Ленина, несомненно, стоит в связи с установками в научно-исследовательской работе, проводимой Институтом Маркса и Энгельса.

9. Эта же сущность нашла также выражение не только в непонимании со стороны деборинской группы ленинизма в философии, но и в органически связанном с этим непонимании важнейших проблем ленинизма вообще, в крупнейших ошибках, допущенных по этим вопросам. Сюда относятся: каутскианского типа ошибки в трактовке империализма, совершенно абстрактная постановка проблем диктатуры пролетариата, демократии и диктатуры (Деборин, «Ленин как мыслитель»), правооппортунистические взгляды в вопросах культуры и культурной революции (Луппол, Карев, Бобровников), абстрактное, богдановское противопоставление индивидуализма и коллекти-

визма, постановка ряда проблем коммунистического общества в духе старой, богдановско-базаровской «философии коллективизма», с большой примесью фейербахианства, «коллективизации чувств» и т. д. (Деборин, ст. «Строительство социализма и наши задачи на теоретическом фронте», «П. З. М.» № 5, 1930 г.), меньшевистско-сухановская трактовка проблемы производительных сил и производственных отношений («производительные силы — активное начало, производственные отношения, пассивное следствие» — Гоникман, «П. З. М.» № 2—3, 1930 г.), каутскианские ошибки в вопросах нравственности (Деборин),— наконец, троцкистские, а по существу меньшевистские, социал-демократические позиции Карева по вопросу о классах переходного периода, о невозможности построения социализма в нашей стране, полутроцкистские ошибки т. Стэна, одного из «идейных» вдохновителей право-левацкого блока, и общая крайняя абстрактность вопросов классов и классовой борьбы в тех случаях, когда представители этой группы в той или иной мере касались их.

10. Извращение, ревизия материалистической диалектики в работах группы Деборина, по всему своему характеру в основном происходила под флагом «гегелизирования» материализма, марксизма. Революционная диалектика Гегеля, не будучи материалистически переработанной, не изучаемая через призму работ Маркса, Энгельса, Ленина, не применяемая к практике социалистического строительства, сочетаемая вместе с тем с целым рядом материалистических моментов, неизбежно вела к «каше» (замечание Ленина по поводу деборинской статьи по философии), к эклектике, к целому ряду кантианских моментов. В основном, в собственно философских взглядах деборинской группы, мы имеем крайне эклектическое сочетание элементов материализма с идеалистической диалектикой Гегеля, с ошибками фейербахианского и кантианского типа.

11. Неспособность действительного преодоления идеализма Гегеля, восприятие без материалистической перестройки важнейших моментов его философии — получили свое выражение в виде целой системы идеалистических взглядов, в собственно-философских вопросах, начиная с общей трактовки и определения материи и кончая вопросом о структуре логики. Изучение гегелевской диалектики, необходимость которого в очень резкой форме подчеркивает В. Ленин, поскольку оно в работах группы Деборина не опиралось на материалистическую диалектику Маркса, Энгельса, Ленина, на практику социалистического строительства и т. д., превращалось в свою противоположность. Вместо того, чтобы углублять понимание диалектического материализма и его развивать — такое «изучение» Гегеля приводило к идеалистическому извращению материалистической диалектики. В работах так наз. философского руководства, вопреки совершенно определенным и ясным положениям Маркса, Энгельса, Ленина об отношении марксизма к идеалистической диалектике Гегеля — мы имеем по существу реставрирование Гегеля, канонизирование его, превращение его в икону, забвение того обстоятельства, что марксизм материалистически переработал гегелевскую диалектику и тем самым поднялся на высшую ступень. В результате «попадания в плен» к гегелевскому идеализму — необходимо констатировать идеалистическое извращение важнейших вопросов философии диалектического материализма со стороны деборинской группы.

12. Это извращение нашло свое выражение в ошибках, связанных с неправильными, впадающими в идеализм, определениями материи. Например: определение материи, как бесконечной совокупности опосредствований, отношений, связей (Деборин), из которого вышел реальный носитель этих отношений; совершенно идеалистическое понимание материи, как синтеза пространства и времени (Гессен), махистское положение о том, что «живую реальность, действительность — об'ект получает только в процессе взаи-

модействия с суб'ектом» (Гессен), идеалистический рационализм во всех важнейших вопросах философии (Тымянский, «Введение в диалектический материализм») и т. п.

С неправильными определениями материи органически связано совершенно неправильное понимание самой материалистической диалектики, представляющей собой якобы «всеобщую методологию, вносящую внутреннюю связь в конкретное содержание» (Деборин), ошибки в понимании теории диалектики как якобы только «общей теории, трактующей категории, «абстрактно» отвлекаясь от того, как они применяются в определенных частных случаях, давая общий логический их анализ» (Деборин), выдержанное в духе гегелевского идеализма требование необходимости «замкнутой системы категорий диалектики» (Гоникман: «Мысль Ленина имеет и другое еще содержание: она говорит о замкнутой системе диалектики. Диалектика должна начаться с бытия, но бытием же она должна закончиться») и т. д. и т. п.

13. Борясь с ползуче-эмпирической, антимарксистской системой взглядов махистов, отрицающих теорию вообще, материалистическую диалектику в особенности — группа Деборина впадала в другую односторонность, неправильно понимая философию, как «чистую» методологию, «чистую» теорию диалектики, оторванную от конкретного знания и конкретных наук, от практики. В обоснование такого «методологизирования» была создана теория, согласно которой основная задача в настоящую эпоху якобы заключается в борьбе только за диалектику, в то время как в начале XX века основная задача перед марксистской теорией состояла якобы только в борьбе за материализм. Бесспорно, что в определенных конкретных условиях, в особой исторической обстановке выдвигаются на первый план те или другие стороны марксистского мировоззрения, — однако борьба за материалистическую диалектику всегда является коренной задачей в области философии.

Методологизирование в работах группы Деборина выразилось по существу в идеалистическом разрыве метода и мировоззрения, диалектики и материализма, диалектики и теории познания, диалектики и исторического материализма.

В своей статье «К вопросу о диалектике» Ленин писал: «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах». Между тем у Деборина причудливо сочетается, с одной стороны, противопоставление теории познания диалектике (Деборин, «Маркс и Гегель»), с другой стороны, взгляд, что «теория познания поглощается методологией» (Деборин, «Маркс и Гегель»). Постановка вопроса о поглощении теории познания методологией имеет только один смысл — схоластическо-идеалистическое теоретизирование над «чистой» методологией, над «диалектикой», оторванной от материализма.

Основной особенностью всех этих ошибок является то, что указанная группа в своих теоретических работах не сумела правильно разрешить вопрос о соотношении теории и практики, извращая марксистско-ленинское учение о законе единства противоположностей, не смогла материалистически переработать гегелевское учение об единстве общего, особенного и единичного, не справилась с этими важнейшими проблемами материалистической диалектики. Вследствие этого у ее представителей получался разрыв между эмпирическим и рациональным моментом в познании, между ощущением и мышлением, между историческим и логическим, между формой и содержанием. Категории диалектики оказывались только абстрактными, «общими», оторванными от конкретного, особенного, единичного, категориями мышления, в которых нет ни атома эмпирии, чисто-логическими категориями,

абстрагированными от истории бытия, от истории человеческого познания, — что фактически и приводило к гегелевской точке зрения.

14. В теснейшей связи с положением на философском фронте находится и положение на естественно-научном фронте. Ряд руководящих товарищей в области естествознания полностью поддерживали позиции группы Деборина (Агол, Левит, Левин, Гессен), либо примиренчески к ней относились, по существу защищая ее (Шмидт). Указанная группа естественников, кроме того, в специальных вопросах естествознания заняла неправильную, по существу антимарксистскую позицию (аполитичность, извращение указания т. Сталина о соотношении теории и практики, отрыв теории от практики, противодействие проведению самокритики, непонимание роли Ленина в естествознании, ревизия методологических установок Энгельса в естествознании, в частности в биологии, непонимание смысла и значения работ Энгельса для современного естествознания, отождествление достижений теоретической биологии с марксизмом, подмена материалистической диалектики, как методологии естествознания, генетикой, переход на позиции автогенеза, махистские высказывания в области физики и математики, антимарксистское по существу содержание руководимого представителями деборинской группы естественно-научного отдела БСЭ). Борьба с механистами носила совершенно недостаточный, чисто-формальный характер, по существу имеется смычка с механистами в отдельных участках (соотношение марксизма и естествознания, проблема внутреннего и внешнего и др.). Совершенно оставались вне поля зрения механистические концепции в области медицины (группа Обуха).

Наряду с антимарксистской политической и теоретической позицией нынешнее руководство естественно-научного фронта в организационном отношении не обеспечивало фактического осуществления линии партии. Совершенно отсутствовала ставка на подбор и воспитание новых пролетарских и партийных кадров естественников, не было даже попытки внести в работу элемент плановости, не было серьезных начинаний по переработке буржуазной науки, налицо отрыв теории от практики социалистического строительства и на этом участке, а также покровительство буржуазным, зачастую реакционным ученым в духе либерального к ним отношения. Антимарксистские позиции руководства в области естествознания особо остро ставят проблему партийности в науке и необходимость более глубокого изучения всего богатейшего наследства Маркса, Энгельса, Ленина.

15. В связи со всем вышеизложенным встает задача **пересмотреть, переворошить все написанное по философии представителями группы т. Деборина и подвергнуть жесточайшей критике все антимарксистское, антиленинское в их писаниях.** Этот пересмотр должен иметь целью вместе с тем не только не ослабление борьбы с механистической ревизией диалектического материализма, а, наоборот, должен вести к усилению борьбы с ней, к окончательному разоблачению механистов.

Отрицание механистами марксистско-ленинской философии, борьба против **материалистической** диалектики под флагом борьбы против **гегельянства** группы Деборина, хвостистское отношение к «последним выводам современного естествознания», якобы заменяющим собою философию марксизма-ленинизма, теория «сведения», ведущая к дискредитации общественных наук, меньшевистская ревизия теории скачков, защита «иероглифической» теории познания и локковской теории первичных и вторичных качеств, кантианско-агностическое искажение ленинского учения об об'ективности, относительной и абсолютной истине, защита меньшевистски-кантианской внеклассовой теории нравственности и т. д. и т. п.—все это свидетельствует о том, что в лице беспринципного блока механистов мы

имеем откровенно-ревизионистское антимарксисткое, антиленинское философское течение.

16. Особо важное значение приобретает ныне решительная и последовательная борьба на два фронта в области философии. Главной опасностью в современных условиях остается механистическая ревизия диалектического материализма (тт. Бухарин, Перов, Варьяш, Сарабьянов, Тимирязев, Аксельрод и др.), богдановско-механистическая ревизия исторического материализма (Бухарин и др.), ибо она является в основном теоретической базой откровенно-оппортунистического правого уклона, агентуры кулачества в партии, ибо она имеет глубокие социальные корни в стране в условиях реконструктивного периода и развернутого наступления социализма по всему фронту.

Вместе с этим необходима величайшая бдительность, особое внимание к ставшей на путь антимарксизма идеалистической ревизии материалистической диалектики, к меньшевиствующему идеализму деборинской группы (Деборин, Карев, Стэн, Подволоцкий, Левит, Агол и др.), ибо эта опасность в очень малой степени разоблачена, еще совершенно недостаточно подвергнута теоретической и политической критике, ибо она в свою очередь питает главную опасность.

Необходимо повести решительную борьбу со всякого рода примиренчеством как к механистам (напр., Васильев и др.), так и к идеалистической ревизии марксизма деборинской группой (напр., Столяров).

После разоблачения существа взглядов деборинской группы как меньшевиствующего идеализма, открытая защита их взглядов или же открыто-примиренческое отношение к ним чрезвычайно затруднительно. Поэтому требуется особое внимание по отношению к формальному признанию этих основных установок и решительная борьба с нежеланием проводить их во всей работе, как теоретической, так и практической, — ибо такое формальное признание явится одним из худших видов примиренчества.

Наряду с этим собрание ячейки ИКП Ф. и Е. считает необходимым указать на опасность упрощенческого понимания меньшевиствующего идеализма. Такие представления пытаются свести всю суть меньшевиствующего идеализма только и исключительно к меньшевистскому прошлому Деборина и этим по существу ограничиться в своей критической работе, не понимают социальных корней, которые он имеет в условиях диктатуры пролетариата. Об'ективно такие представления направлены против поставленной выше задачи перевороошить все написанное Дебориным и его соратниками по философии, особенно после Октября.

17. Партийное собрание ИКП Ф. и Е. считает необходимым отметить попытки сколачивания блока между механистами и представителями идеалистической ревизии марксизма, которые имели место, например, во время дискуссии по философским вопросам в Баку между полумеханистом т. Васильевым и воинствующим формалистом, соучастником «левацких» дел Карева и Стэна по ИКП — т. Гарбером. Попытки такого блока в дальнейшем бесспорно будут усиливаться, так как ряд ошибочных взглядов как механистов, так и деборинской группы имеют общий источник в философских ошибках Плеханова, представляя собой уродливое их углубление (например, Аксельрод, Сарабьянов, Деборин), так как и те и другие не понимают и не приемлют в той или иной степени ленинизма в философии.

18. Перед работниками теоретического фронта стоит исключительной важности и сложности задача под'ема на новую высоту всей теоретической работы в философии, на основе действительного учения и разработки богатейшего наследства Ленина в области материалистической диалектики, на основе критического преодоления, с одной стороны, грубого, вульгарного,

механического материализма с его ползучим эмпиризмом, непониманием и вульгаризацией основных законов диалектики, с его позитивизмом, с его теорией «сведения», теорией равновесия и т. д., а с другой стороны, абстрактно-схоластического теоретизирования, отрыва теории от практики, превращения философии в самоцель, схоластического оперирования «мыслительными сущностями», исключительно и чисто-логического анализа категорий диалектики и т. п.

Мы стоим перед задачей **действительной разработки теории материалистической диалектики**, особая актуальность которой выдвигается всем ходом и успехами социалистического строительства, технической революцией, происходящей в нашей стране, стоим перед всемирно-исторического масштаба задачей, реконструкции всей науки на базе диалектического материализма.

19. Собрание ячейки ИКП Ф. и Е. в связи с крупнейшими задачами, которые стоят на философском фронте, поручает бюро развернуть положительную работу по быстрому и решительному проведению в жизнь как основных решений от 14 октября, так и этой резолюции. Отставание в темпах работы является совершенно недопустимым. Необходимо быстрая и решительная перестройка и рационализация всей работы в ИКП Ф. и Е., вовлечение всех слушателей ИКП в активное участие по выполнению всех этих задач. Собрание отмечает, что бюро до сих пор не развернуло в должной мере научную общественность, не поставило на широкое обсуждение важнейших проблем, выдвинутых ходом философской дискуссии.

Собрание считает необходимым приступить немедленно к дальнейшему пересмотру учебных планов и программ нашего Института, поскольку существующие планы и программы не отражают в достаточной степени всего характера поворота, совершаемого на философском фронте, а также задач, которые стоят перед нами.

В связи с крупными требованиями, которые пред'являет практика социалистического строительства, упорная борьба партии за завершение построения фундамента социалистической экономики перед всеми участниками теоретического фронта, необходимо быстрейшим образом ликвидировать разрыв, который существует между этими задачами и работой Коммунистической Академией.

Собрание ячейки ИКП Ф. и Е. считает необходимым поставить перед Культпропом ЦК вопрос о необходимости быстрейшей перестройки основных философских учреждений и расстановки кадров, обеспечивающих большевистское проведение поворота на философском фронте. Собрание ставит перед Коммунистической Академией, Институтом Философии, а также перед правлением В. А. ОВМД вопрос о необходимости полного пересмотра повестки дня философской конференции и обеспечения созыва ее во второй половине 1931 года, а также о необходимости полного пересмотра подготовляемого материала «Философской энциклопедии» с целью обеспечения выхода в свет подлинной марксистско-ленинской философской энциклопедии, а также философского отдела БСЭ.

К итогам философской дискуссии.

(Обработанная стенограмма доклада, прочитанного на заседании фракции ОВМД в Комакадемии 1 января 1931 года).

М. Митин.

I.

Подводить итоги философской дискуссии, которая длится уже несколько месяцев или, вернее, около года, теперь в одном докладе трудно, потому что эта дискуссия затронула чрезвычайно важные, можно сказать: основные, проблемы марксистско-ленинской философии. Поэтому я в своем докладе постараюсь сжато охарактеризовать лишь основные линии философских разногласий, основные итоги прошедшей дискуссионной борьбы и те задачи, которые сейчас стоят перед нами на философском фронте. Мы сейчас, бесспорно, вступили в важнейший этап философской дискуссии, мы вступили в такой этап, когда с наибольшей ясностью определилось содержание, смысл и характер поворота, который происходит на философском фронте. Мы недавно отмечали годовщину выступления т. Сталина на конференции аграрников-марксистов. В этом выступлении т. Сталин подчеркнул отставание нашей теории от успехов практики социалистического строительства. Теперь, подводя итоги этому году, мы можем сказать не только в отношении к философии, но, пожалуй, по отношению ко всем участкам теоретического фронта, что за этот период практика социалистического строительства сделала дальнейшие гигантские шаги вперед, происходит дальнейшее движение бурными темпами вперед — в то время, как теория не только на философском участке, но и на остальных важнейших участках теоретического фронта продолжает отставать. В связи с этим встает очень важная и серьезная задача—проанализировать положение, которое имеется на идеологическом фронте. Перед нами стоит очень серьезная задача—выяснить причины такого отставания, а также смысл и значение тех процессов, которые происходят вообще на идеологическом участке и в свете этого анализа подойти к вопросу о положении на философском фронте, вскрыть значение философской дискуссии и выяснить те задачи, которые стоят перед нами на этом участке.

В самом деле, если мы посмотрим, что мы имеем за последние полтора—два года на важнейших участках теоретического фронта, то мы должны будем отметить чрезвычайно важные и интересные процессы. Я сейчас не-

буду говорить относительно разоблачения открытых и прямых контрреволюционных теорий—кондратьевщины, сухановщины, богдановщины и т. д. Я буду говорить о тех теориях и той борьбе, которая происходила на различных участках теоретического фронта, в которой принимали участие значительные кадры коммунистов—теоретических работников, теорий, которые защищались иногда значительными группами коммунистов в целом ряде областей. Надо отметить, что за последние полтора—два года мы имели ряд таких явлений, которые, бесспорно, должны привлечь к себе внимание и анализ которых для нас обязателен. Я имею в виду то, что мы имели в области политэкономии, что мы имели в области литературоведения, я имею в виду то, что мы имели и имеем на философском фронте, на этих основных и важнейших теоретических участках. Примерно, год тому назад мы имели очень острую борьбу с рубинщиной и свержение этого «теоретического бога», а ведь он бесспорно занимал, если не полностью, то в значительной степени, господствующее положение в области теории политэкономии. Мы имели очень серьезную борьбу, которая, пожалуй, до сих пор продолжается, со струвистско-переверзевской концепцией в области литературоведения. Мы имели такое положение, что известная группа коммунистов защищала эту теорию. До настоящего времени отрыжки этой теории продолжают существовать, и с ними приходится вести борьбу. Наконец, мы все были свидетелями, а многие из нас непосредственными участниками той жестокой «драки», которая идет на философском фронте, которая в конце концов приводит к такому положению, когда и здесь, по существу, мы стоим перед «свержением» еще одного «теоретического бога» в области философии. Если сопоставить все эти явления, они выстраиваются в определенный исторический ряд. При всем том отличии, которое существует между ними,—а не видеть этого отличия нельзя,—можно установить определенное единство и внутреннюю органическую связь, существующую между этими процессами. Между Рубиным и Переверзевым, между Рубиным и Дебориным имеется определенное своеобразие,—не видеть этого своеобразия, не понимать его никоим образом нельзя,—однако вместе с тем надо видеть то единство, которое проявляется во всех этих процессах, надо видеть и понимать ту волну, которая прокатывается по всем участкам теоретического фронта.

В первую очередь необходимо отметить, что теоретические, дискуссионные бои, которые прокатываются по указанным участкам теоретического фронта, теснейшим образом связаны с современным этапом пролетарской революции, с реконструктивным периодом, переживаемым нашей страной. Они связаны, с одной стороны, с гигантскими успехами социалистического строительства у нас, а, с другой стороны, с той обостренной классовой борьбой, которую мы имеем в нашей стране в результате развернутого наступления социализма.

Первый период нэпа, восстановительный период характеризуются известным ростом и укреплением капиталистических элементов в нашей стране. Все, вероятно, помнят о том, что, когда вводился нэп, Владимир Ильич указывал, подчеркивал и предсказывал известное развитие и укрепление

капиталистических элементов, но не все помнят, что наряду с этим В. И. тогда же, в период введения нэпа, говорил относительно того, что неизбежно, в связи с некоторым ростом мелкобуржуазной стихии, в связи с ростом капиталистических элементов в нашей стране, химически будут выделяться, возрождаться, в той или иной форме, различные меньшевистские теории. Этот момент чрезвычайно важен для того, чтобы понять то, что происходило на теоретическом фронте. Действительно, в восстановительный период нэпа, наряду с известным ростом капиталистических элементов, с известным ростом мелкобуржуазной стихии происходило также то, что возрождались и «химически выделялись» различные меньшевистские теории, теории II Интернационала, которые принимали подчас чрезвычайно завуалированную, чрезвычайно тонкую форму. Эти меньшевистские теории пытались принимать часто такие формы, которые в наибольшей степени соответствовали бы условиям диктатуры пролетариата, были бы к ней, так сказать, приспособлены. Это приспособление к условиям диктатуры пролетариата заставляло эти теории рядиться в марксистско-ленинские одежды, прикрывать существо свое, это существо проявлять в совершенно различных отношениях и т. д. Вот что в известной мере об'ясняет то, что мы имели на различных участках теоретического фронта, то, что мы имели известное господство этих теорий, взглядов и идей.

Успехи социалистического строительства и обострение классовой борьбы, которое происходит в связи с наступлением социализма, бесспорно вызывают и не могут не вызывать соответствующего отклика, соответствующего отражения и на всех участках теоретического фронта. В реконструктивный период, период обостренной классовой борьбы, которая происходит в стране, важнейшие политические и теоретические вопросы ставятся ребром. Партия разоблачает, обнажает до корня все не-марксистское, все не-ленинское, все не-большевистское как в теории, так и в практике. Все немарксистское, антимарксистское, все антиленинское в теории ходом социалистического строительства, обостренной классовой борьбой разоблачается, вскрывается. Становится ясным классовый смысл, значение таких теорий. Это вскрывание и разоблачение происходит настолько глубоко, что затрагиваются и такие теории и взгляды, такие идеи, которые носят подчас чрезвычайно завуалированный, чрезвычайно тонкий характер. Это первое, что необходимо отметить, когда мы подходим к оценке положения дел на идеологическом фронте.

Второе, что необходимо отметить, и что бесспорно связано с гигантскими успехами социалистического строительства в нашей стране—это рост и подготовка крепких, выдержанных, большевистских партийных кадров, которые «приходят в теорию»; кадров, которые прошли за эти годы школу борьбы со всякими антиленинскими учениями, троцкистскими, правоуклонистскими теориями и т. д. Не только к различным участкам хозяйственного строительства, но и к области самых различных теоретических дисциплин, к вопросам самой абстрактной теории подходят настоящие, подлинно-большевистские кадры, крепкие кадры, которые ставят сейчас серьезно вопросы большевизации работы на всех этих теоретических участках. Это безу-

когда приходится ему говорить на эти темы. Все это неудивительно, если вспомнить, как Рязанов в свое время писал о ленинизме. Ведь, именно, ему принадлежат «известные» слова: «Я не большевик я не меньшевик, и не ленинист. Я только марксист и, как марксист, — я коммунист». Неизвестно только — продолжает ли до настоящего времени Рязанов считать себя «только марксистом», коммунистом, но не большевиком, коммунистом, но не ленинистом? [1])

Взгляды Рязанова по вопросу о ленинизме в философии отнюдь не являются единичными. Наоборот. Эти взгляды красной нитью проходят по работам Деборина, Карева, Стэна (кстати, у Стэна никаких работ нет, имеются только устные высказывания).

Однако в этом вопросе и наше бывшее «философское руководство» не является одиноким, этих взглядов на вопрос о ленинизме в философии придерживаются такие «теоретики», как Троцкий, Зиновьев, Преображенский, Бухарин и «иже с ними».

Начнем с т. Карева. Еще в 1924 г. он сформулировал свой ответ на вопрос о том, можно ли говорить о ленинизме вообще, в частности о ленинизме в философии. Он следующим образом определял тогда ленинизм: «Это—марксизм,—писал он,—на практике пролетарской революции, для которой не было еще достаточных материальных предпосылок в марксовском Интернационале. Больше всего Ленин был бы удивлен, если бы ему сказали, что он открывает новую эру в марксизме» [2]). Нельзя сказать, чтоб аргументация, идущая от «удивления» Ленина, была тут сильной. Важно здесь другое — т. Карев считает ленинизм—только марксизмом на практике. Тут звучат уже весьма знакомые ноты, в достаточной степени разоблаченные в современной философской дискуссии. В соответствии с таким пониманием ленинизма т. Карев в этой же статье высказывается и по собственно интересующему нас вопросу. Он пишет: «Пролетариат—единственный законный наследник немецкой идеалистической философии, один лишь ставит себе целью всерьез разработать это наследство. Метод Гегеля принадлежит ему со времени Маркса. Но никакой «новой эры» в марксизме разработка этого метода открыть не может. Она дает лишь более глубокое понимание и применение старой теории... В этом смысле всякие разговоры о «новой эре» в марксизме вредны и и д е о л о г и ч е с к и, и п о л и т и ч е с к и» [3]). Совершенно ясная, определенная и решительная постановка вопроса. Вот эта постановка вопроса по существу и являлась руководящей нитью в работе журнала «ПЗМ», в работах «философского руководства», приведшая к недооценке и полному непониманию ленинского философского наследства, ленинских работ по вопросам диалектического материализма. Как выше было сказано, такое понимание ленинизма, с теми или другими вариациями, характерно для всей плеяды «теоретиков», которые выше перечислены. Нет возможностей в этой статье проанализировать взгляды Троцкого, Зиновьева. Однако на высказы-

---

[1]) Оказывается, эту свою «формулу» Рязанов претворял в действие. Последние события показали, что он скатился к прямой помощи контрреволюционной меньшевистской организации, за что и исключен из партии.

[2]) «П. З. М.» № 4—5, 1924 г., стр. 241.

[3]) Там же, стр. 256.

ваниях Преображенского, с одной стороны, и т. Бухарина, с другой, остановиться крайне необходимо. В сборнике «Воинствующий Материалист» кн. II за 1925 г. напечатана статья Преображенского «Ленин и Маркс как теоретики», в которой ставится вопрос о ленинском теоретическом наследстве. Помимо ряда грубых ошибок, на которых нет возможности останавливаться, Преображенский в этой статье развивает следующую механистическую схему: он различает в марксизме различные элементы, «имеющие разную степень долговечности». Во-первых, такие элементы, которые должны остаться целиком, во-вторых, такие, которые должны быть развиты и дополнены, и, в-третьих, такие, которые должны быть замещены новыми построениями. И вот, с точки зрения этой своей схемы, Преображенский приходит к тому выводу (и это основная мысль его), что методология марксизма, диалектический материализм,—это и есть как раз тот элемент марксовского учения, который не терпит никакого развития. Он пишет: «Что касается общефилософского метода, то Ленин взял его целиком у Маркса, защищал от нападений противников и блестяще применил (вместе с методом исторического материализма) на конкретной философской работе «Материализм и эмпириокритицизм» и т. д. Поскольку Ленин писал о методе диалектического материализма, он писал как сторонник этого метода, писал в защиту того понимания метода Маркса и Энгельса, какое он считал правильным и «с подлинным верным» [1]). Далее, продолжая развивать эти свои мысли, Преображенский находил, что в единстве метода диалектического материализма заключается тождество теоретических основ Маркса и Ленина.

Теперь перейдем к т. Бухарину. В своей брошюре «Ленин как марксист» т. Бухарин также ставит вопрос о диалектическом материализме в работах Ленина. Подходит он к этой проблеме следующим образом: он различает в марксизме «две вещи»: во-первых, сумму идей, положений, теоретических взглядов и т. д., и, во-вторых, метод марксизма, его методологию, с помощью которых эта сумма идей, взглядов, теоретических положений добыта, с помощью которой проанализирована определенная историческая эпоха и т. п. И вот в этой связи он пишет: «Но если мы под марксизмом будем подразумевать не сумму идей, какова она была у Маркса, а тот инструмент, ту методологию, которая заложена в марксизме, то само собой разумеется, что ленинизм не есть нечто видоизменяющее или ревизующее методологию марксового учения. Наоборот, в этом смысле ленинизм есть полный возврат к тому марксизму, который был сформулирован самим Марксом и Энгельсом» [2]).

Итак, с точки зрения т. Бухарина, ленинизм по своей методологии есть полный возврат, и только возврат, к марксизму, сформулированному самими Марксом и Энгельсом. В этом отношении нет никакого дальнейшего развития, никакого дальнейшего углубления и конкретизации марксовского учения. Таким образом, мы видим, что в поднятом нами в этой статье вопросе мы имеем трогательное единство взглядов у Рязанова, Троцкого, Зиновьева, Преображенского, Бухарина, Деборина, Карева и т. д.

[1]) «Воинствующий Материалист», кн. II, 1925 г., стр. 44.
[2]) Бухарин, сб. «Атака», стр. 255.

В противовес всем этим положениям, в противовес неправильным установкам и ошибочным положениям в этом вопросе во всех его вариантах мы имеем установку и решение этой проблемы, данное т. Сталиным еще в 1924 г., в его «Основах ленинизма». Он писал по интересующему нас вопросу: «То, что дано в методе Ленина, в основном уже имелось в учении Маркса, являющемся, по словам Маркса, «в существе своем критическим и революционным». Именно этот критический дух и революционный дух проникает с начала и до конца метод Ленина. Но было бы неправильно думать, что метод Ленина является простым восстановлением того, что дано Марксом. На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики» [1]).

Вот здесь дана единственно правильная постановка и решение вопроса о ленинизме в философии. Работы Ленина по вопросам теории диалектического материализма, его гениальное применение метода материалистической диалектики представляет собой не только возврат, после всех извращений и отступлений от диалектического материализма, которые мы имели в эпоху II Интернационала, к диалектическому материализму в той формулировке, какой он дан Марксом и Энгельсом.

Ленинизм в философии представляет собой не только возврат, но дальнейшее развитие, углубление и конкретизацию диалектического материализма. Ленинизм в философии представляет собой новый, высший этап в развитии философии марксизма. Ясно и понятно должно быть для всех, что такая постановка вопроса ни в коей мере не может означать какого бы то ни было противопоставления ленинизма марксизму, или какого бы то ни было непонимания или недооценки наследства Маркса и Энгельса. Наоборот, если действительно быть верным духу марксизма, а не его букве, если правильно понимать соотношение между методом и мировоззрением, между теорией и практикой, если понимать, что марксизм не застывшая догма, а живое развивающееся учение, то возможен только тот ответ, который дан т. Сталиным по вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма.

Совершенно не случайно то обстоятельство, что правильное разрешение этого вопроса было дано еще в 1924 г. именно со стороны т. Сталина, ибо только он дал правильное, классическое решение вообще вопроса о соотношении между марксизмом и ленинизмом, выяснение вопроса о том, что такое ленинизм. Мы знаем, что как раз в те годы появился ряд работ по ленинизму: работы Зиновьева, Бухарина. Из всех этих работ только лекции т. Сталина: «Об основах ленинизма» являются наиболее последовательными, наиболее выдержанными с точки зрения марксистско-ленинского учения.

Постановка вопроса о методе диалектического материализма, данная Преображенским, Бухариным, взгляды, которые исходят из того, что в области содержания марксизма, богатства его идей может быть крупное дальне-

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1930 г., стр. 19.

ние вперед, но в области методологии марксизма никакого движения вперед и углубления быть не может, базируются на полном непонимании соотношения метода марксизма и других его составных частей, на непонимании по существу, если шире поставить вопрос, соотношения между теорией и практикой, на непонимании самого метода диалектического материализма. В самом деле, может ли быть значительно *новое* содержание в самом развитии марксизма, такое значительное, каким являются, например, работы Ленина об империализме, о государстве и революции, о советской форме диктатуры пролетариата и т. д. и т. п.—без развития, конкретизации, углубления самого метода материалистической диалектики? Новая эпоха, и именно такая богатая эпоха, какой является эпоха империализма и пролетарских революций, дает новые формы связи, новые закономерности, новые типы отношений, чрезвычайно сложные формы отношений классов, разнообразные формы классовой борьбы, гигантское развитие техники, естественных наук, своеобразные противоречия этого развития и т. д. и т. п. Понять все это (не только описать) можно только на основе углубления и конкретизации самой марксистской методологии. Поскольку диалектический материализм является всеобщей научной методологией, постольку углубление и конкретизация его не может не базироваться на всей совокупности знания, наук своего времени. И именно как раз во всех этих отношениях Ленин гениален и велик.

В связи со всем этим перед нами встает проблема: чем же характеризуется ленинский этап в развитии философии марксизма, что в нем своеобразного? Иначе говоря, что *нового и своеобразного* внес Ленин в развитие диалектического материализма по сравнению с тем, какое выражение получил диалектический материализм в работах Маркса и Энгельса? Думать, что при современном состоянии нашей «философской науки», при том положении, когда к таким проблемам не было совершенно привлечено внимание, когда по существу вся философская работа строилась и шла по установке Деборина, что «Ленин практик», и по установке Карева, которая приведена выше, — думать, что можно теперь давать полную и развернутую картину ленинизма в философии, по крайней мере смешно. Это проблема, которая поставлена в ходе философской дискуссии, это программа нашей дальнейшей теоретической работы в области философии.

Прежде всего работы Ленина в области диалектического материализма, главным образом его «Материализм и эмпириокритицизм», представляют собой новое явление в том смысле, что они суть *обобщение результатов развития естествознания после Маркса и Энгельса, анализ состояния естественных наук, в особенности физики, эпохи империализма, вскрытие существа и смысла глубокого кризиса, переживаемого современной наукой, и об'яснение этих процессов с точки зрения материалистической диалектики.*

Маркс, в особенности Энгельс, занимались состоянием естествознания своей эпохи. «Диалектика природы» Энгельса представляет собой исключительное явление в литературе марксизма, посвященное применению диалек-

тики в естествознании. Однако ни Маркс, ни Энгельс, естественно, не в состоянии были обобщать на базе диалектического материализма состояние естествознания другой, последующей эпохи. Вот эту работу для эпохи империализма последовательно в духе работ Маркса и Энгельса выполнил Ленин. Тов. Сталин в своих «Основах ленинизма» таким образом характеризует роль Ленина в этом отношении: «Может быть, наиболее ярким выражением того высшего значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм»» [1]).

Не случайно то обстоятельство, что обобщение на основе диалектического материализма новейших достижений естествознания эпохи империализма, раскрытие смысла кризиса современной науки дано Лениным, дано тем, кто дал глубокий анализ всей эпохи империализма, кто раскрыл значение и смысл кризиса всей общественно-экономической формации капитализма. Совершенно не случайна эта связь. Капиталистическая общественная формация в эпоху империализма переживает глубочайший и основной кризис всей системы. Этот кризис охватывает всю систему капитализма, начиная с базиса и кончая идеологическими надстройками. Кризис, переживаемый естествознанием, — это одна из форм выражения кризиса всего капиталистического здания. В чем же сущность кризиса, который переживает буржуазная наука в эпоху империализма и пролетарских революций? Суть этого кризиса состоит в противоречии между богатейшими достижениями, фактическим материалом, знаниями, накопленными наукой, и методологическими рамками буржуазной науки. Суть кризиса состоит в том, что колоссальное развитие науки не умещается в идеалистических, мистических, механистических и т. д. рамках, которыми окутана наука, и которыми она не может не быть окутана в силу своего буржуазно-классового характера. Это по преимуществу м е т о д о л о г и ч е с к и й кризис. И точно так же, как в области экономики и политики, Ленин не только проанализировал империалистическую эпоху, не только вскрыл глубочайшие внутренние противоречия, которые делают империалистическую стадию капитализма кануном пролетарской революции, но указал выход из этого кризиса, политические и организационные пути, по которым должна вестись классовая борьба для создания нового общества—точно также Ленин и в области естествознания не ограничился вскрытием сущности кризиса, но указал пути и выходы из этого кризиса в виде рождения, создания материалистическо-диалектического естествознания. Существует глубокая внутренняя связь между такими работами Ленина, которые на первый взгляд кажутся совершенно далекими

[1]) И. С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 1930 г., стр. 20.

друг от друга, как его «Империализм как новейший этап капитализма» и его «Материализм и эмпириокритицизм».

Под этим углом зрения необходимо вести дальнейшую разработку ленинского философского наследства. Под этим углом зрения надо изучать его «Материализм и эмпириокритицизм» и все философские проблемы, разрешаемые там Лениным. О том, какое важное значение придавал Ленин связи философии с современным естествознанием, свидетельствует следующая характеристика, данная им плехановской борьбе с эмпириокритицизмом, махизмом и богдановщиной. В пятой главе «Материализма и эмпириокритицизма» он пишет: «Разбирать махизм, игнорируя эту связь (т.-е. связь с естествознанием: *М.*), как делает Плеханов — значит издеваться над духом диалектического материализма, т.-е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса». Вот какую резкую характеристику, жестокую критику дает Ленин Плеханову по этому вопросу, поскольку Плеханов оторвал критику богдановщины и махизма от современного естествознания.

Следующий момент, который необходимо отметить, когда мы говорим о ленинском этапе в развитии диалектического материализма, — это то, что не кто иной, а именно Ленин из всех марксистов современной эпохи дал наиболее полную, развернутую критику новейших антиматериалистических течений, с которыми приходится бороться и до настоящего времени. Новейшие формы кантианства, неокантианства, махизма, суб'ективного идеализма, богдановщина, наконец, физический идеализм — все это подвергнуто Лениным беспощадной критике и разоблачению. Ленинская критика и разоблачение этих антиматериалистических, антидиалектических течений является наиболее сильной, ибо это не есть критика их с позиций вульгарного материализма, на что иногда сбивался даже Плеханов. Ленин в своей критике этих учений диалектически сочетает логическую критику с историческо-классовым подходом, рассмотрение связи данных течений с состоянием современного естествознания. Развернутая критика агностических ошибок даже у такого представителя диалектического материализма, каким является Плеханов, также дана Лениным. Вот все это связано с новым этапом в развитии диалектического материализма. Это новое ни в коем случае не есть противопоставление Ленина Марксу-Энгельсу. Наоборот, это есть наиболее правильное, ортодоксальное продолжение марксовских и энгельсовских положений. Это есть, как правильно говорит т. Сталин, дальнейшее углубление и конкретизация диалектического материализма на тех проблемах, которые выдвинуты современной эпохой.

Следующий вопрос, по которому мы можем и должны отметить новое и своеобразное, связанное с именем Ленина,—это вопрос об отношении марксизма к Гегелю. Вообще надо сказать, что вопрос об отношении Маркса к Гегелю и гегелевской диалектике является в известном смысле пробным камнем для всякого вида ревизионистского отступления от марксистской философии. В этом отношении крайне характерна вся плеяда ревизионистов, начиная с Бернштейна, Кунова, Каутского и кончая нашими механистами и т. Бухариным. Вся эта плеяда ревизионистов, не понимающая революци-

онной материалистической диалектики, отрицающая или извращающая ее, исходит по существу из положения, что на работах Маркса-Энгельса лежит пятно гегельянского идеализма. Даже т. Бухарин в своей книге «Теория исторического материализма» в своей главе «К постановке проблемы исторического материализма»—хотя и в довольно завуалированной форме—считает, что Маркс заражен в той или иной степени гегельянщиной. Это связано с механистической концепцией Бухарина, с его непониманием действительного соотношения, которое существует между Марксом, Энгельсом и Гегелем. У Ленина по этому вопросу мы имеем прежде всего восстановление, возврат к правильному пониманию этой проблемы после всех извращений в этом вопросе эпохи II Интернационала. Если бы мы, однако, ограничились только этим, мы неполно выразили бы суть ленинского решения этой проблемы. У Ленина не только возврат, но дальнейшее развитие и конкретизация этой проблемы—поскольку у Ленина мы имеем более или менее развернутую постановку вопроса о систематическо-развитой теории диалектического материализма. Конкретизация и дальнейшее развитие Маркса-Энгельса в этом вопросе у Ленина состоит в том, что он (например, в своих философских тетрадях) дает блестящие образцы материалистической переработки диалектики Гегеля по всем важнейшим основным категориям. Работы Ленина, совершенно недостаточно осознанные, совершенно недостаточно популяризированные, дают такой богатый теоретический материал, который углубляет понимание основных вопросов марксистской теории познания, материалистической диалектики, всех основных ее категорий и являются наилучшим противоядием против современного потока ревизии марксистской философии — идеалистическо-гегельянского ее извращения, имеющей целую серию таких попыток, начиная с Лукача и кончая деборинской группой. Если взять вопросы теоретической диалектики, как «философской науки», то содержание, которое имеется у Ленина, бесспорно представляет собой новую эпоху в развитии диалектического материализма. Ленинская постановка и разрешение вопроса о соотношении диалектики, логики, теории познания, его разработка вопроса о категории единства противоположностей, как о ядре материалистической диалектики, его глубочайшие замечания по вопросам о соотношении абстрактного и конкретного, логического и исторического, теории и практики, ощущения и мышления и т. д. и т. п.—представляют собой материал, двигающий вперед, развивающий и конкретизирующий то гениальное содержание, которое мы имеем у творцов диалектического материализма, у Маркса и Энгельса. Работы Ленина представляют собой в этом отношении исключительное явление в марксистской литературе. Ленин критикует Плеханова за то, что тот в своей богатой философской деятельности не посвящает совершенно никакого внимания вопросам диалектики как философской науке, за то, что он скатывается к упрощенному пониманию диалектики, как суммы примеров, в то время как она есть «закон познания (и закон об'ективного мира)». Все это вместе взятое говорит о том, какое большое значение Ленин придает теории, насколько серьезной, важной и глубокой считает он задачу систематической разработки диалектики.

Характерным фактом, вскрывающим непонимание, извращение, игнорирование со стороны деборинской группы всех этих вопросов, является то, что Деборин в своем предисловии к I тому сочинений Гегеля (к «Малой логике») совершенно не использовывает этот богатейший ленинский материал.

Далее. Говоря о новой ступени в развитии диалектического материализма, надо с особой силой подчеркнуть ленинский принцип партийности философии, естествознания и науки вообще. Этот принцип является дальнейшим развитием марксистских положений о классовом характере науки, философии. Этот принцип является конкретизацией марксистских положений о действенном характере нашей философии, ибо в эпоху империализма и пролетарских революций наивысший вид «революционной, практическо-критической деятельности» — это есть деятельность пролетарских коммунистических партий. Не случайно то, что именно Ленин и никто иной из марксистов нашей эпохи смог так заострить проблему партийности философии, так прекрасно претворять ее во всей своей практической и теоретической деятельности. Это связано с тем, какую роль сыграл творец международного большевизма в деле создания пролетарской партии, поведшей штурм капиталистического общества.

Мы не исчерпали еще и десятой доли тех вопросов, которые разработаны Лениным в области диалектического материализма и которые должны быть теперь поставлены во главу угла всей нашей теоретической работы. Однако из сказанного видно, насколько правильно решение ЦК о ленинизме в философии, насколько неправильную, оппортунистическую, антиленинскую и, следовательно, антимарксистскую позицию занимало «философское руководство» в философской дискуссии. Только сильным влиянием меньшевизма, сильным влиянием старых традиций недооценки Ленина как теоретика, как марксиста-философа—может быть об'яснен этот факт.

То, что дано Лениным в вопросах исторического материализма, несомненно, представляет собой новую ступень в развитии исторического материализма. Эта составная часть марксизма, эта область теоретической работы не была «в почете» у философского руководства, и это опять-таки не случайно, ибо как раз во всех этих вопросах с наибольшей силой сказался гений Ленина. Я хочу ограничиться тут только одним примером: я имею в виду небольшую ленинскую статью «О нашей революции» по поводу «Записок» Суханова. Ленинские заметки о Суханове по глубине своего содержания, по насыщенности разрешаемых в них проблем, по гениальности своих положений могут быть поставлены в один ряд с такими историческими работами Маркса, как «Предисловие» к «Критике политической экономии». Ленинские заметки о Суханове представляют собой гениальное углубление и конкретизацию марксистского учения о революции. Нельзя теперь всерьез ставить ни одной теоретической и практической проблемы пролетарских, национально-колониальных революций, не усвоив, не осознав теоретическое богатство этой ленинской статьи. Статья Ленина о Суханове представляет собой наиболее сокрушительную и убийственную критику всего современного международного меньшевизма, социал-фашизма, «дубоватого» марксизма, шаблона и педантизма меньшевиков.

Стоит только поставить вопрос о том богатейшем теоретическом содержании, которое представляют собой ленинские работы по вопросу о диалектике в политике, чтоб было ясно, какой крупный прорыв мы имеем в теоретической работе на философском фронте, обусловленный в значительной степени позициями меньшевиствующего идеализма так называемого «философского руководства».

Мы набросали тут только некоторые основные вехи, по которым должна итти сейчас теоретическая работа по выяснению ленинского этапа в развитии диалектического материализма. То, что здесь сказано, никоим образом не может быть ответом на тот вопрос, который поставлен в начале,— это только известная попытка эти проблемы выдвинуть, чтоб они могли быть отправными вехами во всей дальнейшей работе. Если под этим углом зрения подойти к работам Деборина, Карева, Луппола, то мы имеем такое органическое непонимание, что диву даешься. Мы имеем полное смазывание нового этапа в развитии диалектического материализма, в лучшем случае эти работы представляют собой «причесывание» Ленина под Плеханова, смазывание плехановских ошибок и т. д. и т. п. Вот почему этот вопрос не мог не быть одним из центральных вопросов всей дискуссии, вот почему эта дискуссия носила такой острый характер. Речь шла о важнейших вопросах марксизма-ленинизма, речь шла о коренных проблемах большевистской теории.

Теперь можно перейти к третьему разделу этой главы, к вопросу о соотношении Ленина и Плеханова как философов-марксистов. Это тоже один из важнейших вопросов современной дискуссии. Со стороны деборинской группы, со стороны представителей меньшевиствующего идеализма мы имеем полное непонимание этой проблемы, извращение и ревизию важнейших ленинских установок и совершенно неверную линию теоретической работы, особенно ярко сказавшейся в журнале «П. З. М.». О «диком» непонимании этого вопроса свидетельствует доклад т. Деборина на президиуме Комакадемии. Он говорил там, примерно, следующее: нам надо разрабатывать ряд важнейших вопросов теории материалистической диалектики, перед нами стоят такие проблемы, как вопрос о спиралевидном движении, а вот нам тут суют «темку» (так и сказал: «темку»!) Плеханов и Ленин, нас этим отвлекают в сторону от серьезной работы [1]). Спору нет о том, что нужно изучать и вопрос о спиралевидном движении—как одну из форм общего диалектического движения и развития, однако считать проблему Ленин-Плеханов—ничего не стоящей «темкой»—дальше итти некуда. Ведь эта проблема в известном смысле концентрирует в себе не более и не менее, как следующие вопросы: о ленинском этапе в развитии диалектического материализма, о роли, значении и месте Плеханова в развитии философии марксизма, о соотношении между политическими ошибками, меньшевизмом Плеханова и его

---

[1]) Некоторые ярые последователи и ученики Деборина настолько увлеклись этой проблемой спиралевидного движения, что даже «открыли» 4-й закон диалектики: «закон спиралевидного движения»!

теоретическо-философскими позициями, об истории развития марксизма в России, о квази-марксизме II Интернационала и т. д. и т. п.

Сейчас не имеет смысла останавливаться на достаточно-разоблаченной уже деборинской постановке вопроса о Плеханове как теоретике, дополняющем Ленина как практика. Можно взять другую установку «ученика» Карева по этому вопросу, не менее яркую. Мы имеем в виду статью Карева «Вместо статьи к пятилетию журнала», напечатанную в «П. З. М.» № 12 за 1926 год. В этой статье по интересующему нас вопросу Карев писал следующее:

«В наше время делаются неоднократно попытки противопоставить Плеханова Ленину или Ленина Плеханову. Попытки никуда не годные! Всем известны политические ошибки Плеханова. Известно, что на закате дней своих во время войны и в 1917 г. многие из политических ошибок у столь последовательного ума, каким был Плеханов, перерастали и в ошибки теоретические. И до войны у Плеханова было несколько неточных формулировок и неудачно поставленных ударений в области теории: известная история с иероглифами и понятием опыта (!), недостаточное подчеркивание включения у Маркса теории познания в диалектику (!), выпадение классов в схеме общественного целого (!!!), подготовившие ошибки Плеханова в «Истории русской общественной мысли» и т. п. Но все эти частные ошибки не могут устранить того общего, что неоднократно подчеркивал Ленин—философские произведения Плеханова до сих пор остаются лучшим из того, что написано на эти темы в мировой литературе марксизма».

Здесь Каревым положена целая концепция в понимании Плеханова. Ни грана большевизма в этой концепции нет. Тут что ни строка—то грубейшие ошибки, при чем ошибки как политического, так и теоретического характера. Общий смысл этих ошибок: апологетическое отношение ко всему Плеханову, к Плеханову меньшевику, к Плеханову автору «Истории русской общественной мысли» и т. д. и т. п. Кареву невдомек (или очень хорошо вдомек!), что Ленина-большевика надо противопоставлять Плеханову-меньшевику, что ленинскую теорию отражения надо противопоставлять иероглифической теории Плеханова и т. д. и т. п.

Карев считает, что «выпадение классов в схеме общественного целого»—это «неудачно поставленное ударение»! Это место ярким прожектором раскрывает и освещает всю меньшевиствующую, а то и просто либеральную суть воззрений Карева и всей деборинской группы. Это место великолепным образом раскрывает антимарксистскую сущность меньшевиствующего идеализма.

Вот установки, которые были у деборинской группы по вопросу о соотношении между Лениным и Плехановым. Между тем задача заключается в том, чтобы дать ясный четкий марксистский ответ на вопрос: какова роль Плеханова в развитии диалектического материализма, какое место в этом развитии занимает Ленин. Вместо этого у деборинской группы неустанное повторение одного и того же: Ленин и Плеханов друг друга дополняют, противопоставлять их никоим образом нельзя.

Не имеет большого смысла разбирать сейчас установки т. Деборина по этому вопросу, данные им в «Предисловии» к Ленинскому сборнику IX, также и установки Карева в статье в «П.З.М.» о Ленинском сборнике XII— поскольку эти установки в ходе философской дискуссии в достаточной степени были разоблачены. Необходимо разобрать другую разновидность совершенно ошибочных положений о Ленине и Плеханове, которая представлена на Украине т. Семковским. Семковский выступал со смешной претензией в том, что ему первому (ну, конечно, после т. Сталина!) принадлежит честь правильной постановки вопроса о Ленине и Плеханове как философах-марксистах на том основании, что еще в 1927 г. он выступил со статьей «Що вніс Ленін в матеріалізм». Когда мы внимательно ознакомились с этой статьей, то оказалось, что его решение этого вопроса есть у х у д ш е н н о е и з д а н и е д е б о р и н щ и н ы, д а е щ е с с и л ь н о й п р и м е с ь ю м е х а н и ц и з м а. Оказалось, что оппортунистическо - меньшевистское прошлое Семковского наложило очень серьезный отпечаток на решение этого «щекотливого» вопроса. Основная мысль Семковского в этой статье сводится к тому, что Плеханов творчески расширил марксизм в области общественных наук, в то время как заслуга Ленина состоит, де, в том, что он творчески расширил диалектический материализм в применении к естествознанию. Эта постановка вопроса является чудовищным непониманием ленинизма, роли Ленина в развитии марксизма. В другой статье, написанной уже в момент поворота, в сборнике «Философия и политика», выпущенному на Украине к XVI партс'езду, т. Семковский дает следующую схему: в развитии рабочего движения мы имеем три эпохи, представленные тремя Интернационалами: адэкватным выражением для эпохи I Интернационала является диалектический материализм Маркса-Энгельса, для эпохи II Интернационала — Плеханов и для эпохи III Интернационала—Ленин. Ясно, что эта схема ошибочна. Она неправильна потому, что бесспорно сужает эпоху Ленина. Эпоха Ленина—это эпоха империализма, империалистических войн, пролетарских революций. Семковский вместе с тем непомерно преувеличивает роль и значение Плеханова в развитии философии марксизма, считая е г о и т о л ь к о е г о адэкватным выражением всей эпохи II Интернационала.

Вообще, надо сказать, что пора положить конец такой «философии истории», которая исходит из того, что развитие марксизма идет от Маркса-Энгельса через Плеханова к Ленину, что Ленин «ученик» и «продолжатель» марксизма Плеханова. Такая «философия истории» недоучитывает следующего весьма интересного обстоятельства, что после Маркса-Энгельса е д и н с т в е н н ы м, н а и б о л е е п о с л е д о в а т е л ь н ы м, о р т о д о к с а л ь н ы м в л у ч ш е м с м ы с л е э т о г о с л о в а, с а м о с т о я т е л ь н ы м м а р к с и с т о м у ж е с с а м ы х п е р в ы х с в о и х р а б о т б ы л Л е н и н. Подлинная история развития марксизма идет от Маркса-Энгельса к Ленину и отнюдь не через Плеханова.

Какова же должна быть правильная постановка вопроса о соотношении Ленина и Плеханова как философов-марксистов? Плеханов по всей совокупности своих философских и политических работ не выходит за пределы марксизма эпохи II Интернационала. В своих собственно политиче-

ских, а также и теоретических работах Плеханов во время войны скатился на самые правые, социал-шовинистские, социал-империалистические позиции.

Что касается, собственно, философских работ Плеханова, то они представляют лучшее, что есть в марксизме всей эпохи II Интернационала, если не считать то крыло, из которого вырос и сложился большевизм. В своих философских работах Плеханов лучшим образом выражает ортодоксальный марксизм по сравнению с теоретиками II Интернационала типа Каутского и т. д. Об этом как раз и говорят ленинские характеристики Плеханову как марксисту-философу.

Поскольку, однако, марксизм эпохи II Интернационала, за исключением крыла, из которого сложился ленинизм, представляет собой по существу шаг назад, отступление от ортодоксального марксизма и поскольку Плеханов во всей совокупности своих работ в основном не выходит за пределы марксизма этой эпохи—постольку и его собственные философские работы мы можем рассматривать с точки зрения ряда отступлений от последовательного марксизма.

Бесспорно ошибочным является мнение, будто у Плеханова мы имеем в области философии только ряд отдельных, случайных ошибочных формулировок. Отдельных ошибок с точки зрения ленинского понимания проблем марксистской философии у Плеханова очень много. Задача понимания этих ошибок, задача критического их преодоления заключается в том, что необходимо искать и раскрывать внутреннюю логику этих ошибок,— а также органическую связь, которая существует между ними и политической, в основном, меньшевистской линией Плеханова.

Подходя к оценке всей совокупности теоретических работ Плеханова, необходимо прежде всего отметить, что «основная традиция и догма II Интернационала»—разрыв между теорией и практикой, разрыв между теоретическими писаниями о диалектическом материализме и неумением его применять—получили у него очень яркое выражение. В области общей теоретической трактовки важнейших вопросов диалектического материализма Плеханов исключительно яркая страница, в области применения диалектики совершенно беспомощен. Стоит только напомнить ленинские характеристики этой плехановской «диалектики» («догматика» «вреднейшая софистика», «извращение», «издевательство над духом марксизма» и т. д. и т. п.), чтоб понять, какой сильный, характеризованный выше, разрыв, существует у Плеханова.

Если взять собственно-философские работы Плеханова и проанализировать всю совокупность ошибок, которые у него имеются, главные из которых раскритикованы Лениным, то, в общем, можно наметить примерно четыре стержня, вокруг которых концентрируются эти ошибки:

1) непонимание «сути» диалектики, а именно «диалектики как теории познания»,

2) приверженность к формализму и логистике,

3) сильный налет агностицизма,

4) несомненно весьма значительное влияние Чернышевского и Фейербаха на его философские работы.

В этом докладе нет никакой возможности хотя бы кратко рассмотреть эти пункты. Это темы для специальных работ. Хочется здесь только указать на ленинскую критику Плеханова по линии его приверженности к формализму и логистике уже в первых работах. Я имею в виду ленинские замечания на плехановский проект программы партии, опубликованные в Ленинском сборнике II. Ленин в своих замечаниях о «втором проекте» Плеханова писал следующее:

«1) По способу формулировки важнейшего отдела, относящегося к характеристике капитализма, этот проект дает не программу пролетариата, борющегося против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического учебника, посвященного капитализму вообще.

2) В особенности не пригодна программа для партии русского пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще...

Отделаться тем, что капитализм «в развитом своем виде» отличается вообще такими-то свойствами, — а в России капитализм «становится преобладающим», — значит уклониться от того конкретного обвинения и об'явления войны, которое для практически борющейся партии всего важнее» [1]).

Эти полные глубокого смысла ленинские замечания бросают яркий свет на все различие между ленинской конкретной диалектикой и плехановским формализмом, его логистикой при решении крупнейших вопросов.

У Ленина—требование конкретного анализа конкретного капитализма в России и намечение конкретных задач для партии, пролетариата, у Плеханова—общая характеристика капитализма, общая абстрактность и выведение «свойств» русского капитализма из дефиниции понятия капитализма вообще. Вот эта «система характеризовать капитализм вообще» — крайне характерна, как отмечает Ленин для всей программы. Вместо конкретного анализа на основе диалектического материализма—выведение из понятий, логическая дефиниция понятий—вот характерная черта формализма и логистики.

В июле 1907 г.—в предисловии ко II-му изданию «Развития капитализма в России»—Ленин возвращается к этой же характеристике плехановской методологии, но уже по другим вопросам. Он писал: «Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения этой истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их—т.-е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии

[1]) Ленинский сборник II, стр. 88—89.

общей истины об основном характере нашей революции — есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом».

Намеченные здесь проблемы по вопросу о соотношении Ленина и Плеханова подлежат дальнейшей теоретической разработке. Со стороны деборинской группы во всей их работе имелось полное игнорирование таких важнейших проблем марксистской методологии. В последнее время, уже в периоде дискуссии, когда вопрос об известном критическом отношении к плехановскому наследству был поставлен—со стороны Карева мы могли слышать один совершенно никчемный аргумент: «Нельзя отдавать Плеханова международному меньшевизму».

Этот все покрывающий «аргумент» Карева страдает одним небольшим недостатком», это—не марксистский аргумент. Если по-вашему, т. Карев, Плеханова (какого Плеханова? всего Плеханова?) нельзя отдавать международному меньшевизму, то очевидно, что меньшевизм, социал-шовинизм, социал-империализм в работах Плеханова можно выдавать за зародыш большевизма или может быть просто за большевизм. Ведь недаром Ваганян писал в свое время в «П. З. М.», что международный большевизм—продолжение плехановских традиций. Ведь Ваганян, т. Карев, великолепно проиллюстрировал этим, что значит ваше «не отдавать Плеханова и т. д.». Нет, меньшевизм, оппортунизм, извращения диалектического материализма и т. д. и т. п. у Плеханова—мы отдадим международному меньшевизму! Работы же Плеханова по философии, представляющие собой лучшее, что дает марксизм II Интернационала, будут материалом, который войдет «в железный инвентарь», по которым, следуя совету Ильича, будут учиться философии марксизма, но с тем дополнением, что одновременно будет изучаться все то, в чем Ленин как материалист-диалектик превосходит Плеханова!

Огромной заслугой современной философской дискуссии является то, что все эти важнейшие проблемы поставлены, что открываются широчайшие перспективы для творческой теоретической работы по философии марксизма.

III. Меньшевиствующий идеализм деборинской группы.

Когда мы говорили о меньшевиствующем идеализме деборинской группы, то необходимо уяснить себе то, что речь идет не о простом, обычном типе идеализма. Надо уяснить себе то обстоятельство, что речь вовсе идет не о таком вопросе, как ясный, последовательный идеализм, скажем, типа Лосева, Рубинштейна и т. д. и т. п. Речь идет о чрезвычайно тонкой, чрезвычайно завуалированной форме идеалистической ревизии материалистической диалектики, выступающей под всевозможной маскировкой, под флагом марксизма-ленинизма. Речь идет о трусливом идеализме. Речь идет о такой ревизии философии марксизма, которая прикрыта марксистско-ленинской терминологией, которая выступает под флагом воинствующей марксистской ортодоксии, которая сама часто бомбардирует открытый, поповский, контрреволюционный идеализм типа Лосева или даже идеализм типа Лукача,

И вместе с тем по своему нутру, по своему существу—это есть идеалистическая ревизия марксизма. Характеристика взглядов деборинской группы—как взглядов на деле, по существу меньшевиствующего идеализма—это есть характеристика, синтезирующая в себе и политическую и собственно теоретическую оценку. Уже из вопросов, рассмотренных выше, видно, насколько такая характеристика передает самое существенное в теоретической работе деборинской группы. В самом деле—непонимание, игнорирование ленинского философского наследства, борьба против ленинизма в философии, борьба против поворота на философском фронте, против самокритики и большевистской партийности философии не может не получить соответствующей политической характеристики.

В самом деле, отрыв теории от практики, философии от политики, философии от актуальных задач социалистического строительства—разве это не есть воскрешение, как говорит резолюция Центрального Комитета ВКП(б) о журнале «П. З. М.», одной из самых вреднейших традиций и догм II Интернационала? Разве мы не обязаны рассмотреть эти «грехи» собственно-философской работы деборинской группы в связи и в совокупности с политическими ошибками представителей этой группы? Разве внутренняя сущность всей совокупности этих ошибок не есть социал-демократическая сущность?

Все это вместе взятое говорит о том, насколько необходимо правильна такая синтетическая характеристика. Однако, когда мы подходим к анализу взглядов меньшевиствующего идеализма, мы сталкиваемся с двоякого рода упрощенческими постановками. Суть одной вульгарной, упрощенческой установки заключается в том, что всю суть меньшевиствующего идеализма деборинской группы пытаются в ы в е с т и исключительно и только из того обстоятельства, что Деборин—бывший меньшевик, что бывший меньшевик мог давать только меньшевиствующую философию. Упрощенство такой «точки зрения» состоит в том, что деборинская группа сводится только к Деборину, что упускается из виду то обстоятельство, что в период диктатуры пролетариата существовали и существуют такие социальные условия, которые п о р о ж д а л и, в о с к р е ш а л и меньшевиствующие взгляды в философии, точно так же, как этот же период, особенно с его гигантскими успехами социализма, порождает условия для выкорчевывания таких взглядов и идей. Вредность такой вульгаризации состоит в том, что по существу фактически снимается задача критики, разоблачения идей, ошибок идеалистической ревизии марксизма, ибо простая ссылка на меньшевизм сама по себе, с этой точки зрения, уже «самый убийственный аргумент»!

Другого типа вульгаризация и вредная точка зрения состоит в том, что пытаются забыть, упустить прошлое представителей деборинской группы, в особенности самого т. Деборина, что забывают о том исключительно сильном влиянии меньшевистско-плехановского прошлого на работы Деборина и общую линию его философской продукции в послеоктябрьский период.

Только подлинно диалектическое сочетание логического и социально-

классового анализа дадут нам возможность разоблачать и критиковать меньшевиствующий идеализм, в который впадала деборинская группа.

Подходя к анализу взглядов этой идеалистической ревизии марксизма, необходимо здесь остановиться на следующих основных моментах: 1) на гегельянстве деборинской группы в вопросах разработки теории материалистической диалектики, 2) на ряде антимарксистских установок в вопросах истории философии и естествознания и 3) на совокупности политических ошибок деборинской группы.

Переходим теперь к первому вопросу. Общий характер философских писаний Деборина, Карева, Луппола состоит в том, что их работы представляют собой крайне причудливое сочетание элементов материализма с гегелевской идеалистической диалектикой, элементов материализма с целым рядом кантианских моментов. Общая окраска этого причудливого сочетания состоит в исключительно сильном «гегелизировании» материализма, марксизма. То, что эта идеалистическая ревизия марксизма выступает как «гегельянщина», как «гегелевское» извращение материализма, отнюдь не случайно. Это бесспорно связано с тем, что в условиях революционной эпохи, диктатуры пролетариата, в условиях, когда материалистическая диалектика Маркса, Энгельса, Ленина пользуется исключительной популярностью, революционная диалектика Гегеля притягивает к себе огромное внимание и интерес.

Весьма характерно то обстоятельство, что на Западе в основном ревизия марксизма, марксистской философии идет главным образом под флагом кантианства или различных видов неокантианства. В условиях же диктатуры пролетариата, в условиях глубочайшей революции, происходящей в нашей стране, революционного преобразования всех старых отношений и социальных форм—меньшевиствующая ревизия диалектического материализма, помимо кантианско-позитивистского типа, какой характер она имела у Аксельрод и механистов, не могла не принять формы «гегелевского» извращения марксизма. Необходимость изучать и материалистически перерабатывать гегелевскую диалектику, что так категорически подчеркивал Ленин, в руках деборинской группы превратилась в основу идеалистического выхолащивания всякого конкретного материального содержания из теории диалектики. Необходимость комментировать Гегеля на основе того богатейшего материала, который дают сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, который дают нам современная эпоха империализма и пролетарских революций, превратилось в совершенно некритическое усвоение гегелевских формул. «Гегелизирование» марксизма зашло настолько далеко, что вся работа в течении 3—4 лет, например, в Институте красной профессуры, на философском отделении, вращалась исключительно вокруг «Науки логики» Гегеля, при чем ни разу в течении 3-х, 4-х выпусков не успевали подходить даже к Фейербаху, не то что к Марксу или к Ленину.

Эта вся линия или направление работы базировалось на той мысли, которая многократно повторяется в работах представителей деборинской группы, а именно, что исходным пунктом, отправным началом в настоящее

время, даже после того, как мы имеем работы Маркса, Энгельса, Ленина— для разработки теории материалистической диалектики, — остается все же гегелевская логика.

Эта линия настолько укоренилась, что, например, Карев и Стэн всю суть поворота на философском фронте поняли в том смысле, что надо повернуться теперь от изучения «Науки логики» к изучению «Феноменологии духа». Мы отнюдь не против изучения «Феноменологии духа»,—наоборот, считаем, что программы ИКП должны быть так построены, чтоб слушатели изучали всего Гегеля, мы считаем, что необходимо ускорить выход в свет других томов Гегеля, его «Философии права», «Философии истории» и т. д. и т. п.—однако мы категорически оспаривали предложение Стэна и Деборина так «актуализировать» работу, чтоб повернуться к изучению «Феноменологии духа» или к изучению «первобытного мышления».

Перейдем теперь к вопросу о соотношении между Гегелем и Марксом. В процессе дискуссии был вскрыт ряд крупнейших ошибок в этом вопросе у Деборина, Карева, Луппола и т. д. Здесь мне хочется привести одно местечко из работы Деборина «Диалектика у Канта», которое, мне кажется, дает, как бы в концентрированном виде итог и резюме всех ошибок Деборина, которое дает как бы своеобразную «философию теории и практики» деборинской группы в этом вопросе. Эта формулировка т. Деборина проливает яркий свет на всю линию теоретических исследований по вопросу о соотношении марксизма и Гегеля. Тов. Деборин писал: «Диалектический материализм представляет собой синтез диалектического метода Гегеля с материалистическим пониманием природы и истории» [1]. Тов. Деборин здесь нам ничего не говорит о том, что метод Гегеля, будучи диалектическим, является вместе с тем идеалистическим. Диалектика и идеализм у Гегеля не разорваны и не лежат в разных ящичках. Диалектика и идеализм у Гегеля органически сплетены, связаны. У Гегеля—система диалектического идеализма или, наоборот, система идеалистической диалектики. Деборин обо всем этом здесь ничего не говорит. Кто считает, что диалектический материализм—это синтез метода Гегеля с материалистическим пониманием природы и истории, не говоря о том, что речь должна итти у нас о материалистическом истолковании метода Гегеля, тот явно протаскивает идеализм в наше мировоззрение. Эта формула Деборина великолепно выразила всю суть работы над разработкой теории диалектики, которая велась им на протяжении нескольких лет, а именно: они синтезировали без критического преодоления, без материалистической переработки основные категории гегелевского метода с материалистическим пониманием природы и истории, и в результате... мы получили развернутую идеалистическую ревизию марксизма. Это некритическое «синтезирование» и восприятие метода Гегеля зашло настолько далеко, что, начиная с понимания самого предмета диалектики, с вопросов о соотношении между теорией познания и диалектикой и кончая пониманием категорий диалектики, Деборин по существу становился на идеалистическую точку зрения.

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» кн. I, стр. 14.

Обратимся к статье т. Деборина «Материалистическая диалектика и естествознание». Разбирая вопрос о предмете диалектики, т. Деборин пишет: «Материалистическая диалектика как всеобщая методология должна проникать собой все конкретные и эмпирические науки, ибо она является, так сказать, алгеброй наук, вносящей внутреннюю связь в конкретное содержание» [1]). Эта постановка вопроса явно идеалистическая, ибо материалистическая диалектика трактуется как наука, которая вносит связь в конкретное содержание. Правда, на этой же странице т. Деборин спешит оговориться, что не нужно это понимать мол в том смысле, что связь привносится и з в н е и т. д., что связь в природе об'ективна и т. д. и т. п. Однако эти оговорки не могут иметь существенного значения потому, что в этой же статье т. Деборин дает развернутую картину, как он понимает эту свою точку зрения. Вот что он, например, пишет, переходя к вопросу о категориях диалектики: «Общая диалектика занимается исследованием тех категорий, которые лежат в основании всякого знания вообще. Каждая же отдельная область действительности—природа и общество, базируясь на общих законах и формах движения, имея их своим фундаментом, в то же время покоится на специфических частных категориях, присущих именно данной области. Одна и та же а б с т р а к т н а я категория, которая составляет предмет общей диалектики, принимает такие различные к о н к р е т н ы е формы в зависимости от того, где она встречается или применяется: в естествознания или в обществознании» [2]). Кто хоть немного знаком с Гегелем, тот скажет, здесь развернута явно гегелевская идеалистическая точка зрения. В самом деле т. Деборин нигде здесь ни разу, трактуя вопрос о законах диалектики, не дает нам ясной формулировки о том, что законы диалектики в нашем мировоззрении суть о т р а ж е н и е об'ективных законов, суть «ступеньки нашего углубления» в познание об'ективной, материальной природы. Далее т. Деборин, говоря о категориях диалектики, здесь не говорит нам ничего о том, что он, собственно, понимает под категорией. Если под категориями диалектики он понимает понятия, выражающие об'ективные закономерности, то ясно, что эти п о н я т и я не могут быть фундаментом для отдельных форм движения материи и отдельных законов этого движения. Если же под категориями он понимает о б' е к т и в н ы е м а т е р и а л ь н ы е з а к о н ы, то ясно, что эти законы не могут «применяться», а могут только «встречаться» в природе. Вот всей этой минимально-необходимой материалистической ясности в важнейших вопросах диалектики у т. Деборина нет, вместо этого—мы имеем явно идеалистическую концепцию о том, как «абстрактные категории принимают различные конкретные формы» и т. д. и т. п. Т о в. Д е б о р и н с о в е р ш е н н о н е п о н и м а е т м а т е р и а л и с т и ч е с к о й т е о р и и о т р а ж е н и я, д а ю щ е й в о з м о ж н о с т ь п р а в и л ь н о, м а т е р и а л и с т и ч е с к и п о н и м а т ь о с н о в н ы е з а к о н ы д и а л е к т и к и.

Для того, чтоб показать, что эти места не являются отдельным исключением, что речь идет об «органическом пороке», о системе идеалистическо-

---

[1]) Д е б о р и н, Диалектика и естествознание, стр. 31.

го извращения марксизма, обратимся к статье Деборина «Маркс и Гегель» и посмотрим, как он ставит там вопрос о категориях диалектики. Он пишет: «Необходимо отдать себе отчет в том, что в основе всякого научного познания лежат основные понятия, имеющие характер категорий. Они в одинаковой степени (!) присущи как бытию, так мышлению». Что значит в одинаковой степени присущие бытию и мышлению? Разве это материалистическая постановка вопроса? Разве категории как понятия не суть отражение об'ективных закономерностей? Разве диалектика понятий не должна быть понимаема как выражение об'ективной диалектики? Это все азбука материализма, азбука марксизма. А у Деборина—это чистейший идеализм. Гегель подпишется здесь под каждым словом Деборина, ибо, именно, с его точки зрения, основные категории диалектики суть ступеньки развития абсолютного духа, суть понятия, присущие в одинаковой степени бытию и мышлению.

Далее, мы узнаем здесь еще одно очень важное соображение: диалектика рассматривает бытие и мышление, не отрывая их друг от друга. Вместо того, чтобы, разбирая вопрос о категориях диалектики, давать четкую материалистическую установку, т. Деборин ограничивается этой, ничего не говорящей, фразой.

Остановимся еще на одном вопросе—на вопросе о соотношении между диалектикой и теорией познания. Этот вопрос, как отмечал Ленин, является сутью диалектики. Посмотрим, что нам дарит в своих произведениях т. Деборин по этому поводу. В этой же статье «Маркс и Гегель» т. Деборин писал:

«Значение диалектики как методологии, противопоставляемой теории познания, осознавалось в полной мере основоположниками марксизма и наиболее крупными его представителями» [1].

Итак, т. Деборин находит, что между диалектикой и теорией познания существует глубокая пропасть, и будто такая точка зрения есть единственно-марксистская точка зрения. Деборин в этом вопросе, как видно из дальнейшего контекста цитируемой страницы, совершенно некритически воспринимает представление идеалистической философии о 3 важнейших этапах в истории философии: метафизика, теория познания и методология. Тов. Деборин считает, что «теория познания выполнила определенную историческую роль» и что она «может уйти». Однако нет у т. Деборина и попытки даже проанализировать, не является ли гегелевская диалектика одновременно и теорией познания? Гегель дает как раз именно такое разрешение вопроса, он стоит на точке зрения единства диалектики, логики и теории познания,—вся суть только в том, что это единство дано у него на идеалистической основе. Диалектический материализм также стоит на точке зрения единства диалектики, логики и теории познания—вся суть и все различие от гегелевского решения этого вопроса в том, что это единство дано на материалистической основе. Диалектика как методология, оторванная от теории познания, превращается ведь в совершенно

[1]) Деборин, Философия и марксизм, стр. 368.

«чистую методологию». Ведь то, что в марксистской литературе понимается как теория познания — это вопрос о соотношении суб'екта и об'екта, это вопрос о материальном происхождении и материальном источнике нашего познания. Во что превращается методология, если она противопоставлена этой проблеме?—Конечно, в «чистое методологизирование». Именно такое методологизирование и является как раз крайне характерной чертой для той «теоретической разработки» диалектики как философской науки, которую давала нам деборинская группа.

Здесь нет никакой возможности дать хотя бы более или менее развернутое рассмотрение этих крупнейших вопросов. Задача доклада заключается в том, чтобы в кратких чертах показать идеалистическую ревизию марксизма, которую мы имеем у представителей деборинщины, наметить только проблемы, которые подлежат специальной разработке и специальной критике. Однако все то, что приведено здесь, свидетельствует с неоспоримой ясностью, что гегелевский идеализм оказал исключительно сильное влияние на их взгляды, что вместо того, чтоб материалистически переработать Гегеля, «старик Гегель» идеалистически переработал кой-кого.

Надо поставить перед собой вопрос: в чем суть, основной смысл, ядро всех ошибок деборинской группы в вопросах разработки теории диалектики. Разрыв между теорией и практикой, между философией и политикой, который был у них, не мог проходить бесследно для их теоретических изысканий, и, наоборот, пороки собственно философской работы оказали огромное влияние на политические взгляды деборинской группы.

Суть, стержень, ядро всех этих идеалистических шатаний состоит в том, что, оказавшись «в плену» у Гегеля, деборинщина не сумела найти правильное, т.-е. материалистическое, разрешение вопросов о соотношении общего и особенного, рационального и эмпирического в познании, мышления и ощущения, логического и исторического, абстрактного и конкретного.

Все эти вопросы разрешаются на основе единства противоположностей. Однако кто только на этом останавливается, тот еще очень далек от истины. Деборинская группа не смогла уяснить себе разницы между гегелевским и материалистическим разрешением всех этих важнейших проблем философии. Между Гегелем и марксизмом формальное сходство в разрешении этих вопросов, но глубокое различие по существу. Это различие двух основных линий в философии. Деборинская группа от этого основного критерия отвлекалась и брала «только диалектическое» разрешение этих проблем. Однако «только диалектического» разрешения вопросов философии быть не может; может быть только материалистическо-диалектическое или идеалистическо-диалектическое разрешение.

Выходит, что деборинская группа неправильно понимала и самое ядро материалистической диалектики — закон единства противоположностей. Опять-таки вопросу о том, как «повезло» закону единства противоположностей в работах деборинской группы — этому надо посвятить специальные

работы и на основе критики их подойти к правильной постановке этой важнейшей проблемы диалектического материализма. Мы здесь дадим только самую общую характеристику. У Деборина часто этот закон встречается и применяется как примирение противоположностей. Не надо будет много времени потратить на то, чтоб понять, что такая трактовка этого закона представляет собою явно оппортунистическое извращение материалистической диалектики. Ленин в своей известной статье «К вопросу о диалектике» писал, характеризуя закон единства противоположностей. «Единство (совпадение, тожество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение».

Далее, закон единства противоположностей понимается у деборинцев (и это красной нитью проходит по всем их писаниям) как простое взаимодействие противоположных моментов: одна противоположная сторона действует на другую и обратно. Вот до какого плоского уровня сводилась разработка теории диалектики со стороны тех, которые претендовали быть единственными носителями теоретической мысли на советской земле! Подлинную «философию» такого понимания единства противоположностей дал т. Луппол в своей книге «Ленин и философия» на конкретном вопросе о соотношении теории и практики. Луппол характеризует диалектический материализм как «методологию знания на основе действия» и «методологию действия на основе знания». Что же все-таки является основой этого единства противоположностей—знания и действия, теории и практики? У т. Луппола получается полное равноправие между теорией и практикой. Практика действует на теорию, теория действует на практику, без практики нет теории, без теории нет практики и т. д. и т. п. Ясно, что, в лучшем случае, мы тут имеем эклектическое разрешение вопроса, а не материалистическо - диалектическое разрешение его. Тов. Лупполу невдомек, что еще Плеханову удалось выяснить вред такого взаимодействия без понимания основы этого взаимодействия. Во взаимодействии теории и практики, в этом единстве противоположностей — практика с точки зрения марксизма играет решающую роль, является основой. У Ленина есть чрезвычайно меткая характеристика соотношения теории и практики. В Ленинском сборнике IX он писал: «Практика выше (теоретического) познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» [1].

Итак, мы видим, что разработка теории диалектики деборинщиной была настолько неправильна, неудачна, шла не в духе диалектического материализма, что мы имеем теперь развернутую систему идеалистической ревизии марксизма, начиная с общих вопросов определения материи и предмета диалектики и кончая важнейшими категориями ее. Требуется теперь большая серьезная теоретическая работа, чтоб все эти взгляды преодолеть и действительно всерьез, в духе Маркса и Энгельса, на основе указаний Ленина подойти к вопросам разработки теории материалистической диалектики.

Перейдем теперь к другому вопросу—к вопросу о том, как велась работа по проблемам марксистской истории философии. Мы можем и здесь

[1]) Ленинский сборник IX, стр. 261.

констатировать у т. Деборина, а также у его «ближайших» учеников целый ряд антимарксистских установок. Основные из'яны в работе по историко-философским темам могут быть сведены к следующим трем важнейшим моментам: 1) отсутствовал в достаточной мере проведенный социально-классовый анализ философских школ, направлений, 2) господствовал выработавшийся и получивший широкое распространение какой-то «юбилейный» подход и 3) происходило совершенно некритическое, совершенно огульное причесывание под марксизм, под материалистическую диалектику всех и всяческих философских систем и направлений.

Для характеристики того, насколько правильно первое замечание, можно сослаться на ту работу, которая шла вокруг гегелевской философии. Сотни страниц посвящены в нашей литературе Гегелю, десятки докладов ставились на семинарах ИКП по вопросу о Гегеле, Гегель всесторонне изучался и прорабатывался, трактовался и т. д., между тем нельзя будет, пожалуй, указать ни одной статьи, ни одной страницы, посвященной анализу социально-классовых корней гегелевской философии. Нельзя будет указать ни одной статьи, которая выдержала бы важнейшее требование марксизма — исторического подхода к этой историко-философской проблеме. Гегель стал надисторической, надклассовой проблемой в нашей «марксистско-философской», так сказать, историографии. Несомненно, сказалась та тенденция, которая в очень сильной степени проявлена уже в деборинском «Введении в философию диалектического материализма», где проведен, в основном, логический анализ философских систем и направлений при отсутствии их социально-классового, исторического анализа. Между тем правильный подход и правильная постановка вопросов марксистской истории философии возможны только при условии единства логического и исторического анализа и при том подлинно диалектического единства. В работах деборинской группы господствует «юбилейный тон» и подход к важнейшим вопросам истории философии. Но с какого времени «юбилейный» подход заменил марксистский подход? С какого времени юбилейное славословие стало вытеснять у нас необходимость с точки зрения исторического материализма анализировать вопросы развития идеологических надстроек? С какого времени «юбилейное чествование» того или иного мыслителя стало заменять у нас необходимое марксистское правило анализа ограниченности или недостатков его? Ведь подлинно научная оценка—это есть оценка того или иного идеологического явления с точки зрения его социально-классовой значимости, с точки зрения его исторических корней, одним словом, с точки зрения диалектического материализма. Примеров такого юбилейного славословия и совершенно некритического подчесывания под марксизм очень много, мы остановимся кратко только на вопросе о философии Фейербаха. После энгельсовской работы «Людвиг Фейербах», после работ Маркса и Энгельса о Фейербахе, опубликованных в первом томе «Архива Маркса и Энгельса», после, наконец, тезисов Маркса о Фейербахе—казалось, трудно напутать по такому вопросу. Между тем работа т. Деборина «Людвиг Фейербах» представляет собой яркий образец охарактеризованного выше подхода к философским вопросам. Под удачл:-

вой рукой т. Деборина Фейербах превращается в материалиста-диалектика, в исторического материалиста, марксизм становится не чем иным, как родом фейербахианизма. Никто лучше Энгельса не сказал о той огромной роли, которую сыграл Фейербах в подготовке взглядов диалектического материализма, однако Энгельс не считал нужным замазывать недостатки материализма Фейербаха, или же ряд его ограниченностей выдавать за диалектику.

В предисловии к своей книге «Людвиг Фейербах» т. Деборин писал: «Ф. Энгельс в своей превосходной брошюре «Людвиг Фейербах» дает не столько изложение взглядов Фейербаха, сколько изложение мировоззрения Маркса на почве критики идей Фейербаха. Энгельс, в соответствии с поставленной им себе задачей, иначе поступить не мог. Мы же, в связи с пятидесятой годовщиной смерти мыслителя считали необходимым дать историческую оценку деятельности Фейербаха и представить его мировоззрение в систематическом изложении». Задача, которую поставил себе т. Деборин—весьма почтенная, только он не об'яснил нам, почему историческая оценка роли Фейербаха исключает критическую оценку с точки зрения высшей ступени развития философии, с точки зрения диалектического материализма; почему задача систематического изложения не должна быть задачей одновременно и критики ограниченности и недостаточности идей Фейербаха.

Этот пример, который, несомненно, не является единичным (Бэкон, Гоббс, Спиноза, Кант и т. д.), говорит нам о тех немарксистских установках, которые мы имели в важнейших вопросах истории философии и истории подготовки марксизма. И в этой области перед нами теперь стоит серьезная задача — критического разворошения всего того, что тут написано деборинской группой, преодоления ошибок и создания предпосылок для подлинно-марксистской истории философии.

В этой же связи необходимо остановиться на том некритическом отношении преимущественно к идеалистическим представителям современного естествознания, которое красной нитью проходит по всем работам Деборина, по журналу «П. З. М.». Общеизвестны и в достаточной степени разоблачены ошибки, сделанные журналом «П. З. М.» в отношении к махисту физику Ми. Требуется еще разоблачение ошибок т. Деборина в его отношении к Паладжию и т. д. Здесь нам хочется остановиться коротенько на ошибках, совершенных уже в 1930 г. по отношению к такому крупному ученому, каким является Планк. Планк проделывает за последнее время весьма основательную эволюцию в сторону от материализма к агностицизму и идеализму. Он различает в своей последней лейденской речи «Das Weltbild in der neuen Physik», как об этом пишет сам т. Деборин,—три мира: чувственный, физический и метафизический. Ясно, что это различение 3 миров отводит Планка далеко от материализма. Продолжая дальше рассматривать взгляды Планка, т. Деборин пишет: «Таким образом, — продолжает Планк вполне в духе материализма Ленина,—мы вынуждены предположить за чувственным миром еще второй, реальный мир, имеющий самостоятельное, независимое от человека существование, которое мы, правда, никогда не можем воспри-

нять прямо, а всегда лишь через посредство чувственного мира, с помощью известных знаков, сообщаемых нам последним»[1]. Вот это место из речи Планка, которое цитирует т. Деборин и которое полно агностицизма, иероглифизма, т. Деборин признает, что оно написано в духе материализма, да еще в духе материализма Ленина. Тут допущена прямо вопиющая ошибка, идущая по той же линии идеалистического извращения марксизма, некритического отношения к идеалистическим предрассудкам современного естествознания. В «Материализме и эмпириокритицизме», говоря о нашем отношении к буржуазным ученым, Ленин писал следующее: «Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков,—и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов».

Представители деборинской группы повторяли тут ошибки механистов, против которых они вели жестокую борьбу, но с другого конца. Механисты хвостистски относились к современному естествознанию, растворяя в нем философию марксизма. Деборинская группа относилась хвостистски к современному естествознанию, к его идеалистическим предрассудкам—потому, что в любом крупном ученом они обязательно хотели видеть материалиста-диалектика.

Теперь надо перейти к 3-му разделу этой главы, к постановке целого ряда политических вопросов, политических проблем со стороны т. Деборина и его группы, чтобы еще раз показать, что характеристика «меньшевиствующий идеализм» совершенно правильна. Конечно, мы здесь не имеем 100%-го меньшевизма — тогда все было бы совершенно ясно, но речь идет о меньшевиствующей постановке целого ряда вопросов и проблем. В этом отношении чрезвычайно характерна книга Деборина «Ленин как мыслитель». Как Деборин, например, трактует империализм? Если вы посмотрите в этой книге главу об империализме, вы увидите, что ленинские цитаты подчас сопровождаются совершенно каутскианским их комментированием и постановкой вопросов. Если вы внимательно вчитаетесь в целый ряд вопросов о том, как трактуются проблемы соотношения между экономикой и политикой в условиях империализма, вы увидите, что каутскианская точка зрения механически сочетается с ленинскими цитатами и целым рядом ленинских положений, что каутскианского типа ошибки крайне характерны для деборинской трактовки целого ряда проблем империализма. Если вы возьмете страницы, которые у Деборина посвящены вопросу диктатуры пролетариата, вы увидите, что мы тут имеем в самой постановке проблемы крайнюю абстрактность, оторванность от актуальных вопросов.

Проблема диктатуры пролетариата, постановка всех важнейших вопросов, связанных с этими проблемами, это крайне актуальные, жизненные

---

[1] Деборин, Ленин и кризис новейшей физики, стр. 13.

вопросы, которые по существу не могут быть абстрактно толкуемы. Если они толкуются абстрактно, т.-е. оторванно от действительной диктатуры пролетариата, от действительно классовых взаимоотношений, которые мы тут имеем, то это по существу есть уход от диктатуры, меньшевиствующее извращение этих проблем. Это, конечно, не прямой меньшевизм, который открыто отрицает диктатуру пролетариата, который выступает против диктатуры пролетариата. Нет, это такой меньшевизм, который «признает и как бы исходит из диктатуры пролетариата», однако из всех этих важнейших вопросов выхолащивает самое нутро, выхолащивает основное классовое содержание и смысл. По этому поводу можно было бы привести ряд цитат, которые подтверждают правильность того, что я говорю. Если вы возьмете оппортунистические ошибки, которые делались по вопросу о культурной революции со стороны Карева, Луппола, Бобровникова, если мы все это сопоставим, то мы увидим, какой мы имеем букет по целому ряду политических вопросов и проблем. Я не могу подробно останавливаться сейчас на этих вопросах. Я хочу указать на ошибки, по существу, меньшевистского порядка, базаровско-богдановского типа, которые мы имеем уже в самой последней статье Деборина — «Строительство социализма и наши задачи», которая была опубликована в так называемом «философском подарке XVI с'езду партии» в журнале «П. З. М.» № 5. Эта статья до сих пор не подвергалась критике, но это такая статья, которая требует, чтобы она была подвергнута очень серьезной, основательной критике. Во-первых, эта статья, хотя она написана на чрезвычайно актуальную тему: строительство социализма и наши задачи на теоретическом фронте, написана вместе с тем в необычайно абстрактном духе, не ставит ни одной из действительных теоретических задач, которые стоят перед нами в свете той политики, которую проводит наша партия, в свете генеральной линии партии. Ни одна из этих задач не поставлена. Тов. Деборин писал эту статью тогда, когда широко развивалась коллективизация и мы имели крупные успехи на этом фронте, и, очевидно, под влиянием и впечатлением коллективизирующейся деревни т. Деборин выдвигает вообще проблему коллектива и коллективизма, при чем эта проблема ставится им в значительной степени в богдановском духе, в духе абстрактного противопоставления коллективизма и индивидуализма. Тов. Деборин хочет поставить целый ряд проблем, связанных с нашим движением вперед к коммунистическому обществу, но вместо того, чтобы говорить так, как говорится в большевистской литературе относительно коммунизма и коммунистического общества, т. Деборин ограничивается общими разговорами о коллективизме. Вместо действительного анализа тех действительных форм коммунистического труда, которые мы имеем, тех действительных проявлений его в виде ударничества, соцсоревнования, встречного промфинплана, вместо анализа этих действительно конкретных форм коллективизма, вместо этого мы имеем совершенно абстрактные рассуждения о том, что такое коллективизм, при чем дело доходит до того, что ставится даже вопрос о социализации, коллективизации чувств и т. д. Тов. Деборин буквально пишет следующее: «Человеческие силы, чув-

ства — физические и духовные — по мере освобождения от власти над ними вещей, предметов, присвоивших себе человеческие силы, будут все больше очеловечиваться и социализироваться».

Тов. Деборин настолько увлечен всем этим делом, что спешит прокламировать новую, высшую ступень материалистической диалектики. В этой же статье он пишет: «Диалектика коллективности поднимает материалистическую диалектику на новую, более высокую ступень». Если сопоставить ряд мест, которые написаны у Деборина с «Очерками по философии коллективизма», изданных в 1909 г. Н. Вернером, А. Богдановым, В. Базаровым, А. Луначарским и др., то мы сможем констатировать чуть ли не дословное совпадение в целом ряде крупнейших вопросов. У т. Деборина мы имеем воскресение абстрактного, немарксистского, неисторического противопоставления индивидуализма и коллективизма, которое красной нитью проходит по этому сборнику. Ясно, что такое некритическое отношение к базаровско-богдановским теориям еще раз показывает нам, как трактовался целый ряд крупнейших вопросов, имеющих ныне кардинальное политическое значение. Не надо подробно говорить о по существу социал-демократической теории о невозможности построения социализма в одной стране, которых придерживался Карев, о тех теориях, которых придерживался Стэн, и т. д.; они были в достаточной степени разоблачены на дискуссии. Если все это вместе сопоставить, мы увидим, что получается «интересный букет», и тогда станет совершенно ясно, что та характеристика, которая дана взглядам деборинской группы, как меньшевиствующий идеализм, в полной мере соответствует действительности. Эта характеристика ставит перед нами сейчас ряд сложных вопросов: нужно действительно переворошить, действительно раскритиковать весь тот «навоз», который накопился на философском участке теоретического фронта.

IV. Задачи борьбы на два фронта в философии.

Как никогда, перед нами остро стоит теперь борьба на два фронта в области философии. Механистическая ревизия марксизма продолжает оставаться главной опасностью, ибо она имеет широкую социальную базу в нашей стране. В основном механистическая методология является теоретической базой правого оппортунизма. О том, насколько важно, необходимо теоретическое разоблачение механистической ревизии марксизма, теоретическое разоблачение теории равновесия свидетельствует следующее: член ЦК РСДРП, контрреволюционной организации, организовавшей совместно с Промпартией, с германской социал-фашистской партией, со II Интернационалом интервенцию—Залкинд таким образом отзывался о теории равновесия: «Теория правого уклона, обосновывающая эти положения, именно теория равновесия, полностью может быть нами принята для защиты наших положений».

Настоящий этап пролетарской революции требует переключения всего внимания в теоретической работе на связь ее с социалистическим строи-

тельством. Практика пролетариата, проводящего гигантскую стройку социализма, требует большой теоретической оснастки, требует развернутой теоретической работы, обслуживающей социалистическое строительство, дающей дальнейшие перспективы и ставящей задачи нашего продвижения вперед к коммунизму. Та органическая связь, которая особенно нужна теперь, между теорией и практикой чревата тем, что у неустойчивой прослойки партии, у людей, недостаточно понимающих суть учения Маркса, Энгельса, Ленина, не понимающих лучших традиций большевизма, будет порождать, воскрешать в той или иной форме «антифилософские» уклоны, механистическо-позитивистское понимание, а тем самым и отрицание роли теории, будет порождать механистические шатания. Борьба с механистами, как с главной опасностью, требует к себе в настоящее время чрезвычайного внимания. Борьба с механистической ревизией марксизма должна быть передвинута на общественно-исторические рельсы, на проблемы социальные, исторического материализма и т. д., она должна быть «политизирована» — чего не в состоянии была сделать за все время своей борьбы деборинская группа. Вместе с тем особая, исключительная бдительность требуется по адресу меньшевиствующего идеализма. Взгляды идеалистической ревизии марксизма, меньшевиствующего идеализма совершенно недостаточно разоблачены, получили свое отражение в целом ряде научных областей. Они сами питают главную опасность — механистическую.

Сейчас механисты хотят чувствовать себя чуть ли не «героями», чуть ли не «именинниками», считают, что все, что сейчас говорится о деборинской группе, все, что сейчас говорится относительно меньшевиствующего идеализма деборинской группы, подтверждает якобы взгляды, которые они в свое время высказывали. Но нужно сказать, что механисты очень глубоко ошибаются, напрасно чувствуют себя «именинниками». Эти «именины» они, вероятно, очень скоро почувствуют потому, что перед нами сейчас встает з а д а ч а п р о в е д е н и я в т о р о г о т у р а б о р ь б ы с м е х а н и с т и ч е с к о й р е в и з и е й м а р к с и з м а. Этот второй тур должен быть проведен действительно на основе марксистско-ленинского подхода к философским вопросам. Если деборинская группа представляет собой по существу антиленинские теории в области философии, то и механисты представляют собой антимарксистские, антиленинские теории. В этом отношении есть очень много родственных черт у механистов и меньшевиствующего идеализма. В самом деле, с каких позиций били механистов представители деборинской группы? Они били механистов в основном с точки зрения гегелиански-идеалистическо-диалектических установок, что давало возможность до известной степени разоблачать совершенно антимарксистские, метафизические установки механистов, их голое отрицание теории, их непонимание диалектики, полное извращение основных законов диалектики и т. д. На этот счет мы имеем чрезвычайно меткие, исключительно богатые своими мыслями, своим содержанием замечания Ленина в Ленинском сборнике XII. По поводу одного вопроса он пишет: «Этим Гегель метко бьет всякий материализм, к р о м е диалектического» (стр. 225). Гегелианско-идеалистические, диалек-

тические установки, которые были у деборинской группы, влияние Гегеля было до известной степени положительным фактом в том отношении, что оно давало возможность разоблачать метафизику механистов и бить механистов постольку, поскольку они становились совершенно на позитивистский путь, поскольку они отрицали всякую теорию. В том же Ленинском сборнике (стр. 223) напечатано еще одно крайне интересное замечание Ленина: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм. Диалектический идеализм вместо умный; метафизический, неразвитый, мертвый, грубый, неподвижный вместо глупый».

Перефразируя это ленинское замечание, можно сказать следующее: идеалистическая сущность взглядов деборинской группы в той мере и поскольку этот идеализм сочетался с диалектикой оказывался в известной степени ближе к диалектическому материализму, чем механистические материалисты. Вот почему мы можем говорить об известном положительном значении той борьбы, которая проведена со стороны деборинской группы с механистической ревизией марксизма. Но, вместе с тем, бесспорно, деборинская группа со своих позиций, с позиций меньшевиствующего идеализма не могла подойти к окончательному разоблачению механистов, их взглядов и теорий. Лучшей характеристикой того, как «успешно» была проведена борьба с механистами, является тот факт, что до настоящего времени, после нескольких лет борьбы с механистами, ни один из них не признает своих ошибок! Наоборот, они чувствуют себя даже правыми, до сих пор продолжают отстаивать свои позиции. Это является лучшей характеристикой того, как велась борьба с ними со стороны деборинской группы. Когда же к борьбе с механистами мы подойдем с действительно марксистско-ленинских позиций, когда мы будем давать не только абстрактно-теоретическую характеристику их взглядов, но и политическую, когда будем давать социально-классовый анализ их взглядов, когда с марксистско-ленинской точки зрения будем вскрывать те ошибки, которые они делают, тогда механисты почувствуют те «именины», которые для них настали. Совершенно напрасно они радуются. Эта радость связана с тем, что они совершенно не представляют себе, что происходит на теоретическом фронте, не представляют себе того, перед какими задачами сейчас встала наша теоретическая мысль. Надо разбить предрассудок, который прочно угнездился в философской литературе, будто борьба с механистами велась только деборинской группой. Борьба с механистами была проведена нашей партией, и эта борьба давала возможность разоблачить механистическую методологию правого оппортунизма, то родство, которое в этой методологии мы имеем между правым оппортунизмом и идеологией Базарова, Кондратьева, Суханова и т. д. Ясное дело, то, что сейчас происходит на философском фронте, никоим образом не может умалить дальнейшее значение борьбы с механистами, а, наоборот, поднимает эту борьбу на новую ступень.

Далее, можно отметить целый ряд совершенно родственных моментов во взглядах механистов и представителей деборинской группы, в частности, по вопросу—об отношении к ленинизму в философии. У обоих течений мы имеем непонимание, отрицание, невосприятие ленинизма в философии.

В самом деле, стоит только поставить вопрос о том, в каком отношении находятся взгляды Аксельрод к ленинизму в философии, чтобы стал совершенно ясным антиленинский характер ее теории, антимарксистский характер ее писаний. Стоит только поставить вопрос о том, как т. Сарабьянов ставит вопрос о Ленине и Плеханове, и мы увидим, что в этом пункте, в вопросе о понимании ленинизма, как новой ступени в развитии диалектического материализма, мы имеем трогательное совпадение взглядов Сарабьянова и Деборина, Аксельрод и Карева. На этот счет можно привести небольшое местечко из Сарабьянова, из его книжки «В защиту философии марксизма».

Вот, что пишет т. Сарабьянов: «Нечего и говорить, что по существу вопроса, по всем основным проблемам марксистской философии между Лениным и Плехановым, как и их учителями, нет ровно никаких разногласий»[1]. Сарабьянов считает, что нет ровно никаких разногласий по всем основным вопросам марксистской философии между Лениным и Плехановым. Что это, как не наиболее яркое выражение рассмотренных выше мыслей Деборина и Карева! Что это, как не полное непонимание ленинизма в философии! Что это, как не замазывание меньшевизма Плеханова и т. д. и т. п.!

Далее, т. Сарабьянов в своей книге, идущей под громким флагом защиты философии марксизма, развивает чудовищную, эклектическую смесь различных положений и антимарксистских взглядов, становится на точку зрения иероглифического марксизма, с гораздо большей «последовательностью», чем это делал Плеханов, и все это выдается за якобы защиту, якобы материализма. Нет возможности останавливаться на причудливой, эклектической смеси, которая имеется у Сарабьянова, начиная с первичных и вторичных качеств и кончая абсолютной, относительной истиной. Стоит вспомнить основные установки Аксельрод (тоже-ортодокс!), чтоб понять, какое неправильное понимание основных вопросов философии марксизма распространялось у нас. Основная родственная черта, которая имеется у механистов и меньшевиствующего идеализма — это непонимание, невосприятие и отрицание ленинизма в философии.

Это невосприятие ленинизма и исторически и логически в целом ряде основных положений покоится на ошибках Плеханова, которые «уродливо продолжены», углублены как у механистов, так и у «горе-диалектиков» деборинской группы. Нужно сказать, что зерно истины было в заключительном слове Деборина на президиуме Комакадемии в его совершенно ошибочных положениях, когда он целиком превратил Плеханова в механиста, когда он целиком сдал его механистам.

Зерно истины заключается в том, что непонимание «диалектики как философской науки» у Плеханова, отдельные механистические ошибки, которые имеются у него, будучи односторонне продолжены, развиты, превратились у механистов в целую систему взглядов, в мировоззрение. Однако Деборин забыл сказать, что разрыв теории и практики, приверженность к формализму и логистике у диалектического материалиста Плеханова, бу-

[1] Сарабьянов, В защиту философии марксизма, предисловие.

дучи уродливо продолжены и односторонне углублены у представителей деборщины, дали в результате развернутую идеалистическую ревизию марксизма. Если Аксельрод углубляла ошибки Плеханова в сторону их дальнейшей «кантианизации», особенно в вопросах этики, в сторону агностицизма, особенно в вопросах иероглифизма, если она развивала отдельные ошибки Плеханова в сторону позитивистской и механистической системы взглядов, то Деборин и его ближайшие ученики углубляли и «развивали» плехановский разрыв между теорией и практикой, «гегельянизировали» марксизм.

Если у Аксельрод и «иже с ней» мы имеем меньшевистский механицизм и позитивизм, то у Деборина и «иже с ним» мы имеем меньшевиствующий идеализм.

Это два потока меньшевиствующего извращения марксистско-ленинской философии. Один меньшевиствующий поток ревизионизма идет по линии вульгарного практицизма, узколобого делячества, ползучего эмпиризма и отказа от революционной теории, без которой нет и не может быть революционного движения. Другой меньшевиствующий поток ревизионизма идет по линии идеалистического отрыва теории от практики, превращения теории в самоцель, абстрактно-схоластического методологизирования, отрыва от конкретного содержания, от практики революционного движения и социалистического строительства. Оба потока ревизионизма выступали под марксистским знаменем, особенно завуалированной следует считать деборинщину, ибо она претендовала на марксистско-ленинскую ортодоксию. Верно ли, что механисты (Степанов, Сарабьянов, Аксельрод, Тимирязев) вели борьбу с гегельянщиной деборинской группы? По форме как бы совпадает то, что мы говорим о гегельянстве деборинской группы, с тем, о чем трубили механисты. Однако, здесь глубочайшее различие по существу. Механисты, воюя с гегельянством деборинской группы, выступали по существу и по форме против материалистической диалектики, против диалектического материализма Маркса, Энгельса, Ленина. Они по существу вели борьбу с гегельянством, особенно это характерно для Аксельрод, с кантианско-позитивистских позиций. Наша же борьба с гегельянством деборинской группы есть борьба за материалистическую диалектику Маркса, Энгельса, Ленина.

Перед нами стоят исключительной сложности теоретические задачи на основе последовательной борьбы на два фронта с двумя потоками ревизии философии марксизма. Сейчас вплотную поставлены задачи действительной разработки теории материалистической диалектики. Всем ходом философской дискуссии поставлена грандиозная задача освоения, изучения, разработки и популяризации ленинского философского наследства, ликвидации проклятого разрыва философии и политики, теории и практики социалистического строительства. Не может быть и речи о снижении теоретического уровня философской работы. Речь идет о поднятии теоретического уровня нашей работы на новую высоту. Поскольку теперь в дело включаются большой партийный коллектив, большевистски подготовленные кадры, надо думать, что эти основные теоретические задачи будут удовлетворительно разрешаться.

Философские заметки.

М. Фурщик.

Статья первая[1]).

1. К плехановской оценке французского материализма и о деборинской „каше".

В Ленинском сборнике XII напечатаны, между прочим, заметки Ленина к статье т. Деборина «Диалектический материализм», появившейся в 1909 г. в сборнике «На рубеже» и представляющей главу из книги «Введение в философию диалектического материализма», вышедшей позднее, в 1916 г. Эти заметки имеют огромное значение для понимания ленинского материализма, который существенно отличается от материализма Плеханова. Они дополняют, конкретизируют другой ряд прямых и косвенных критических замечаний по адресу Плеханова, разбросанных по философским тетрадкам Ленина (Ленинские сборники IX и XII).

Что между плехановским и ленинским материализмом есть существенное различие, что материализм Ленина есть продолжение и развитие марксо-энгельсовского материализма, в то время как Ленин отмечает «ошибочность плехановского отступления от формулировки материализма Энгельсом» — вот этого положения у нас в философских кругах себе не уяснили; мало того, всячески культивируется в указанных кругах взгляд противоположный, взгляд, согласно которому между Плехановым и Лениным в материализме нет никаких разногласий или, если есть, то они несущественны. Так, например, т. Деборин в своей брошюре «Ленин как мыслитель» заявляет: «Ленин был совершенно прав в своем возражении против теории символов или иероглифов. Читатель знает, что Плеханов, вообще говоря, не стоит на иероглифической точке зрения и что он признал свою терминологию неправильной, ибо у Плеханова все дело сводилось только к т е р м и н о л о г и и, но не к с у щ е с т в у вопроса»[2]). Тов. Деборину вторит т. Карев: «Необходимо отметить, что во втором издании примечаний и в письмах против А. Богданова... Г. В. Плеханов отказался от «иероглифической» точки зрения»[3]). В этом же смысле, но еще более обобщающе высказывается т. Луппол: «В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин выступал не критиком, а как раз з а щ и т н и к о м Плеханова, защитником с о д е р ж а н и я его воззрения одновременно от его же т е р м и н о л о г и и и от нападения махистов»[4]).

---

[1]) Настоящая статья написана в апреле прошлого (1930) года, знакома в рукописи ряду товарищей с мая-июня, не увидела света по независящим обстоятельствам. Мы даем ее здесь без изменений. А в т о р.

[2]) А. Д е б о р и н, Ленин как мыслитель, изд. 3-е, 1929 г., стр. 52.

[3]) Предисловие Ник. Карева к «Людвигу Фейербаху» Э н г е л ь с а, 1928 г., стр. XIII.

[4]) И. К. Л у п п о л, Ленин и философия, 1930 г., 1930 г., стр. 65.

Эти категорические заявления сделаны в связи и по поводу плехановской теории иероглифов, против которой Ленин считал необходимым высказаться в 1908 г., т.-е. после того, как Плеханов «отказался» от нее в 1905 г. Странное обстоятельство! Плеханов «снимает» свою иероглифическую теорию в 1905 г.; Ленин, не взирая на это, считает необходимым выступить против нее в 1908 г., Плеханов этим выступлением очень недоволен [1]), — а наши философские круги упорно продолжают считать, что между Лениным и Плехановым разница лишь в терминологии.

На этом вопросе мы и хотим здесь остановиться. Но предварительно приведем один из афоризмов Ленина, касающийся плехановского материализма и извлечений из Ленинского сборника IX. Мы имеем в виду следующий афоризм: «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь a limine (с порога. *М. Ф.*) отвергает их рассуждения, а не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий» [2]). Ленин обвиняет здесь Плеханова в том, что он в борьбе с кантианством и агностицизмом вообще за материализм не применял диалектики, лишь с порога отвергал рассуждения противника, не исправляя их, как этого требует диалектика. Материализм Плеханова при сражении с противником обнаруживал себя, по мнению Ленина, более вульгарным, чем диалектическим — таково твердое мнение Ленина, не оставляющее, казалось бы, места никаким сомнениям и кривотолкам. Тов. Деборин, однако, в своем предисловии к тому же Ленинскому сборнику IX, тщательно обходя только что приведенный ленинский афоризм, но вынужденный, однако, кое-что сказать, делает замечание в самой общей форме насчет различия между Плехановым и Лениным, состоящее в том, что Ленин заострил «все вопросы вокруг методологических основ марксизма, вокруг материалистической диалектики» [3]). По поводу материализма молчок. Слов нет, материализм тесно связан с диалектикой, но в ленинском афоризме характеризуется плехановский материализм. И если к этому прибавить, что т. Дебориным и его учениками пропагандируется взгляд, согласно которому Плеханов уделил больше внимания материализму, а Ленин больше посвящал свое внимание диалектике, то волей-неволей напрашивается вывод, что мы имеет дело с отчетливо определившейся тенденцией смазывания, замалчивания различия между Лениным и Плехановым в вопросах материализма. Этой тенденции необходимо, по нашему мнению, об'явить самую решительную борьбу.

После этих предварительных замечаний перейдем теперь к вопросу по существу.

В своих заметках на указанную статью т. Деборина Ленин дает краткую, но тем более сокрушительную характеристику тезису т. Деборина, согласно которому противопоставление «сущности» «свойствам» у французских материалистов «означает в известном смысле тот же дуализм, что между «вещью в себе» и «явлениями» у Канта. Ленинская характеристика гласит: «вранье!» [4]). Ленин глубоко возмущен, как нельзя более остро протестует против приравнивания французского материализма к Канту.

Приравнивание французского материализма к Канту в вопросе об отношении нашего представления о вещи к самой вещи исходит от Плеханова. В статьях против Бернштейна и Конрада Шмидта и еще раньше в «Очерках по истории материализма», где он полемизирует с кантианцем Ланге, Пле-

[1]) См. Г. В. Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 39, прим.
[2]) Ленинский сборник IX, стр. 196.
[3]) Там же, стр. 3—4.
[4]) Ленинский сборник XII, стр. 355.

канов, выступая против нелепого отождествления материализма с наивным реализмом, приводит французских материалистов в свидетели, но комментирует их при этом таким образом, что принципиальная грань между французским материализмом и кантианством стирается. Дадим слово самому Плеханову.

«Старик Гольбах, — говорит Плеханов, — высказывается в том же духе, как и нынешние представители «теории познания». Каким образом Ланге не узнал в Гольбахе своего союзника? Дело в том, что Ланге никак не мог себе представить, что еще до появления «Критики чистого разума» могли существовать люди, да еще «материалисты», которым были известны истины в сущности достаточно старые, но представляющиеся Ланге величайшими открытиями новейшей философии. Он читал Гольбаха с предвзятым мнением» [1].

Плеханов, как видно из приведенного, весьма недвусмысленно об'являет Гольбаха союзником кантианца Ланге, считая, что Гольбах, не отождествляя «сущности» или «природы» вещи с ее свойствами, поступал до Канта по Канту, который в своей «Критике чистого разума» различает между «вещью в себе» и «явлением».

На это необходимо возразить следующее: верно, что как Гольбах, так и Кант не отождествляют представления о вещи с самой вещью, но одинаковые ли у них при этом принципиальные соображения? Ведь в этом существо, гвоздь вопроса. И если ясно поставить перед собой этот вопрос, на который можно дать только отрицательный ответ, тогда не может быть речи о «дуализме» у французских материалистов, тогда нельзя говорить о Гольбахе, как о «союзнике» Ланге.

«Читатель видит, — продолжает т. Деборин, — как хорошо понимают французский материализм те, кто приписывает ему отождествление явлений с вещью в себе. Заслуга Плеханова-Бельтова заключается в том, что он первый представил французский материализм в его истинном свете» [2]. Это утверждение верно лишь отчасти. Неверно в нем то, что Плеханов представил французский материализм в его «истинном свете». Вернее будет сказать, что Плеханов допустил ошибку, не проводя четкой грани между кантовской «вещью в себе» и гольбаховской «сущностью», и что т. Деборин, углубляя эту ошибку, вульгаризируя Плеханова, открыл «дуализм» у французских материалистов. Кантианство не отождествляет вещи в себе и явления, но явление, по Канту, не содержит в себе ничего об'ективного, и между явлением и вещью в себе по Канту существует принципиальная грань, непроходимая пропасть. Фейербах характеризует кантовское явление, как «существование без сущности», а о вещах в себе или ноуменах Канта он же говорит следующее: «Они мыслимы, но им недостает существования, по меньшей мере существования для нас, недостает и об'ективности» [3]. Сказать же это или подобное этому о французских материалистах было бы более чем чудовищно. У французских материалистов, как увидим ниже, «свойство» представляет «сущность» вещи, выражает ее, представляет об'ективную реальную действительность. Вот в чем различие между кантианством и французским материализмом. Это — различие между суб'ективизмом и материализмом, точнее: между непоследовательным суб'ективным идеализмом и последовательным, хотя и ограниченным материализмом.

Но Плеханов и за ним т. Деборин считают «сущность» у французских материалистов метафизической в смысле потусторонности, недоступности познанию. Естественно, что при таком понимании вещей французские мате-

---

[1]) Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 35—36.

[2]) А. Деборин, Введение в философию диалектического материализма, 1930 г., стр. 221.

[3]) Л. Фейербах, Соч., т. I, стр. 105.

риалисты должны представляться агностиками, кантианцами. Такой вывод неизбежен, неотвратим, но такой вывод в то же время неприемлем. Как тут быть? «Мы были бы, однако, несправедливы к французскому материализму,— говорит т. Деборин,—пытаясь выйти из создавшегося положения,—если бы мы отождествили его с кантианством. Материализм восемнадцатого столетия все же признает относительную познаваемость даже сущности вещей» [1]). Ленин отмечает это рассуждение, ярко отражающее тупик, в который попадают, когда смешивают воедино или неясно отграничивают кантовскую «вещь в себе» от гольбаховской «сущности», кантовское «явление» от гольбаховских «свойств». Ленин делает замечание: «До nec plus ultra (до самой крайней степени. *М. Ф.)* неуклюже» [2]).

Легко видеть, в чем неуклюжесть. Совершив явную ошибку, назвав французских материалистов дуалистами à la Кант, хотят затем при помощи всеспасительного «однако» поправить непоправимое. На самом деле. Метафизическое противопоставление «сущности» свойства a la Кант с неизбежностью превращает «свойства» в нечто суб'ективное, и французские материалисты перестают быть последовательными материалистами, становятся агностиками. И вот, чтобы избежать такого вывода, выдвигается ублюдочное положение, что французский материализм «все же признает относительную познаваемость даже сущности вещей». Спрашивается, как это возможно? Как можно при противопоставлении метафизической непознаваемой «сущности» вещи ее «свойствам» познавать эту самую сущность, которая, как метафизическая, скрыта, отгорожена от познающего суб'екта, отгорожена абсолютно — как можно ее познавать даже относительно? Вот какие соображения вызвало ленинское замечание: до самой крайней степени неуклюже.

Далее. С точки зрения Плеханова и его последователей французские материалисты должны оказаться в высокой степени непоследовательными. С одной стороны, сущность потусторонняя, неизвестна, познанию недоступна, с другой стороны, мы познаем некоторые свойства вещей — потусторонняя сущность оказывается частично, относительно познаваемой. «Французский материализм,—продолжает т. Деборин,—исходя из того же соображения (что и Кант. *М. Ф.)*, что материя действует на наши внешние чувства, признает, однако, что некоторые свойства вещей самих по себе познаваемы. Но французский материализм недостаточно последователен, поскольку он учит, что познаваемы лишь некоторые свойства вещей, между тем как сама «сущность» или «природа» их скрыта от нас и не вполне познаваема». Напротив последнего предложения Ленин пишет на полях: «Это — каша» [3]).

Нетрудно видеть, в чем «каша». Она в том, что французским материалистам бросается обвинение в противопоставлении скрытой сущности или природы свойствам, и одновременно с этим тут же обвиняют их, почему эта скрытая сущность или природа не признается ими полностью познаваемой. Это все равно, что обвинить профессионального вора в недостаточном благородстве и куртизанку в недостаточном целомудрии. Нелепо, например, требовать от метафизика диалектики. Гораздо больший смысл тре-

---

[1]) Ср. с следующим рассуждением Плеханова, являющимся продолжением приведенного нами выше:

«Но это еще не все. Между Гольбахом и Ланге есть без сомнения огромное различие. Для Ланге как кантианца «вещь в себе» совершенно непознаваема. Для Гольбаха как «материалиста» наш ум, т.-е. наша наука, вполне способна открыть по крайней мере некоторые свойства вещи. И автор «Системы природы» не ошибался в этом пункте» (Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 36).

[2]) Ленинский сборник XII, стр. 355.

[3]) Там же

бовать от диалектика, городящего метафизический вздор, чтобы он оставил это занятие.

Плехановскую ошибку т. Деборин углубил, развил и довел до абсурда, из которого он искал выхода, и нашел его в том, что Ленин называет «кашей» [1]).

Обратимся теперь к самому Плеханову. Плеханов об'явил Гольбаха союзником кантианца Ланге, с одной стороны, а, с другой стороны, он же упрекает их в непоследовательности в вопросе о познаваемости. «Если мы, — говорит Плеханов, — благодаря действию на нас вещей самих по себе, знаем некоторые свойства этих вещей, то нам, вопреки Гольбаху, до некоторой степени известна и их природа, ведь природа вещи обнаруживается именно в ее свойствах» [2]). Г. В. Плеханов неправ. Французские материалисты не отождествляют вещи самой по себе и представления о ней, но они также не противопоставляют метафизически сущность вещи ее свойствам в том смысле, в каком это понимает Плеханов, т.-е. в смысле потусторонности, недоступности нашему познанию.

Выдержки из «Системы природы» Гольбаха, которыми Г. В. Плеханов подкрепляет свой взгляд на гносеологию французских материалистов, следующие:

«Мы не знаем сущности ни одного существа, если под словом сущность понимать свойственную ему природу; мы знаем материю лишь по получаемым нами от нее восприятиям, ощущениям и идеям; на основании этого мы и судим о ней более или менее правильно, в зависимости от особенного состояния наших органов» [3]).

«Мы не знаем ни сущности, ни истинной природы материи, хотя мы в состоянии познать некоторые из ее свойств и качеств по способу ее воздействия на нас» [4]).

Для правильного понимания этих выдержек необходимо сопоставить их со следующими рассуждениями того же Гольбаха:

«Мы не знаем элементов тел, но мы знаем некоторые из их свойств и качеств, и мы отличаем друг от друга различные вещества по действиям или изменениям, производимым ими в наших чувствах» [5]).

«Если мы не знаем сущности или внутреннего сочетания материальных существ, то мы можем все же, с помощью опыта, открыть некоторые их отношения к нам самим; мы знаем их поверхности, их протяжение, их форму, цвет, мягкость, твердость, благодаря производимым ими на нас впечатлениям» [6]).

---

[1]) Тов. Карев в своей рецензии на Ленинский сборник XII, помещенной в «Правде», пишет о ленинских заметках на статью Деборина следующее: «Ленин отмечает некоторые ошибки (в частности неверную характеристику учения о познании вещей у французских материалистов XVIII века), отдельные и неточные выражения и крайне тяжелый стиль этой статьи». Трудно сказать, чего тут больше — научной недобросовестности, продиктованной интересами «школы», или вытекающего из «духа» школы непонимания всей глубокой принципиальной важности ленинской критики плехановско-деборинской оценки гносеологии французского материализма XVIII века. Вероятно всего, что налицо и то и другое.

[2]) Примечания к «Л. Фейербаху», «Библиотека марксиста», стр. 118.

[3]) Поль Гольбах, Система природы, изд. Института Маркса и Энгельса, стр. 353.

[4]) Там же, стр. 373.

[5]) Там же, стр. 31.

[6]) Там же, стр. 366; разрядка наша.

Для всякого после этого очевидно, что Гольбах под сущностью или природой вещей, материи понимает элементы тел и их сочетания. А это совсем не похоже на то, что Кант понимает под «вещью в себе». Гольбаховская сущность не что иное, как об'ективно существующие первичные, неизменные элементы вещества, находящиеся в определенных сочетаниях друг с другом, образуя тела, вещи, которые мы наблюдаем. Вот чего мы по Гольбаху «не знаем» — мы не знаем элементов тел и их сочетаний. Признание неизменных элементов, неизменной сущности вещей есть метафизический, т.-е. антидиалектический, материализм, но не это ведь критикует Плеханов.

Элементы и их сочетания обуславливают свойства тел. Поэтому Гольбах сущность описывает так же, как совокупность свойств, составляющих тело. «Какого бы рода ни были движения тел, — говорит он, — они являются необходимыми следствиями из сущностей или составляющих их свойств и свойств тех причин, действие которых они испытывают» [1]. Читатель может убедиться, что о метафизическом противопоставлении сущности свойствам у Гольбаха не может быть и речи.

Гольбах сущность описывает еще как «способ бытия» или «существование». «Существование предполагает наличность свойства в существующей вещи; раз она имеет свойства, то ее способы действовать должны вытекать необходимо из ее способа бытия» [2]. Вслед за Декартом Гольбах говорит, что различные движения материи являются следствиями ее существования, ее сущности, ее свойств. Тут же Гольбах заявляет: «Материя без свойств есть чистое ничто» [3]. Между сущностью и существованием нет никакого принципиального различия; существование предполагает наличие свойств, обуславливаемых первичными элементами тел и их сочетаниями или сущностью, природой тел. Все это ни в какой мере не похоже на философию Канта, у которого, по меткой характеристике Фейербаха, явление есть существование без сущности, а вещь в себе — сущность без существования.

Теперь пойдем дальше и спросим, что же означает гольбаховское «мы не знаем»? Означает ли оно, что мы знать не можем, что знать не дано, что мы, другими словами, имеем тут дело с принципиальным отказом или с подобием отказа от познания сущности вещей? Для этого снова дадим слово самому Гольбаху:

«Законы тех естественных явлений, о которых мы в состоянии судить или познавать, помогают нам открыть те законы, которые ускользают от нашего наблюдения; по крайней мере, мы можем судить о них по аналогии, и если мы станем внимательно изучать природу и раскрываемые ею перед нами процессы ее, то мы научимся не смущаться теми, которые она скрывает от нас. Наиудаленнейшие от своих действий причины, несомненно, действуют через посредство промежуточных причин, с помощью которых мы можем иногда добраться до первых. Если в цепи этих причин встречаются некоторые помехи нашим исследованиям, то мы должны стараться преодолеть эти препятствия; и если это нам не удается, то мы не имеем права заключать отсюда, что цепь сломана, или что действующая причина сверх'естественна: удовольствуемся признанием, что природа обладает неизвестными нам ресурсами» [4]. Эти строки меньше всего похожи на неверие в силу человеческого познания, они, наоборот, больше похожи на гимн познавательным возможностям человека. «Неизвестное» в устах Гольбаха означает еще неизвестное, пока неизвестное, и

[1] Там же, стр. 19, разрядка наша.
[2] Там же, стр. 27.
[3] Там же, стр. 27—28.
[4] Там же, стр. 39—40.

именно потому автор «Системы природы» призывает не смущаться тогда, когда природа от нас «скрывает».

Гольбаховское ограничение об'ективно выражает состояние знания того времени: мы знаем лишь некоторые свойства, качества тел потому, что мы еще не знаем элементов тел и их внутреннего сочетания, еще не знаем состава, структуры тел. Одним из излюбленных примеров Гольбаха является растение, относительно которого он повторяет: мы не знаем, как оно «прозябает и действует». Но крик ли это по химии, по физиологии? Своим ограничением Гольбах выражает об'ективную потребность в дальнейшем развитии естествознания, в развитии химии, физиологии. Химические соединения, образующиеся в телах животных и растений, еще оставались в XVIII веке «вещами самими по себе» или «непостижимыми сущностями», по терминологии Гольбаха. Словечко «лишь» не выражает агностической ограниченности, а ограниченность знаний того времени.

II. Действительная ограниченность французского материализма и плехановская иероглифика.

Вот как Гольбах определяет материю: «Материя вообще есть все то, что воздействует каким-либо образом на наши чувства, а качества, приписываемые нами различным веществам, основываются на различных впечатлениях или различных изменениях, производимых ими в нас» [1]).

Характерным в этом определении является то, что наряду с подчеркиванием об'ективного источника познания особливо и со специфическим ударением подчеркивается с у б'е к т и в н а я с т о р о н а п о з н а н и я

Эта особенность гносеологии французских материалистов особенно ярко представлена у Ламеттри. Мы приведем только одно место из его «Трактата о душе», § 4, озаглавленного: «Ощущения не дают познания природы тел; они изменяются вместе с органами». Мы читаем там следующие примечательные строки:

«Итак, ощущения вовсе не передают вещей таковыми, каковы они сами по себе, так как сами ощущения целиком зависят от частей тела, открывающих им доступ к душе. Значит ли это, что они обманывают нас? Нет, конечно, что бы по этому поводу ни говорили, так как они существуют скорее для сохранения нашего организма, чем для приобретения знаний... В сущности чувства обманывают нас лишь тогда, когда мы делаем на основании их слишком скороспелые выводы, тогда как в остальных случаях они являются верными слугами. Душа может рассчитывать, что они ее во-время предупредят о расставленных для нее тенетах. Чувства всегда бодрствуют, всегда готовы исправлять свои ошибки и взаимно себя контролировать» [2]).

Здесь выступает сильная и слабая сторона французского материализма одинаково ярко. Полное, безоговорочное доверие показаниям органов чувств, с одной стороны, наряду же с этим утверждение, что ощущения не передают вещей такими, как они есть сами по себе, так как сами ощущения целиком зависят от частей тела, открывающих им доступ к душе. Этот взгляд присущ в общем и целом всему французскому материализму XVIII века.

Энгельс в своих «Примечаниях» к «Анти-Дюрингу», констатируя, что «бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления» является согласованность между мышлением и бытием, говорит о материализме XVIII столетия следующее:

«Материализм XVIII столетия, будучи по существу метафизического характера, исследовал эту предпосылку только с точки зрения ее содержа-

[1]) Там же, стр. 31.

[2]) Л а м е т т р и. Избр соч. Гос. изд., 1925 г., стр. 69—70.

ния. Он ограничился доказательством того, что содержание всякого мышления и знания должно происходить из чувственного опыта, и восстановил старое положение: nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu». Исследование этой предпосылки также со стороны формы есть заслуга,—продолжает Энгельс,—современной, идеалистической, но вместе с тем диалектической философии и в особенности философии Гегеля с ее идеалистической, на голову поставленной формой ее конечного результата, единства мышления и бытия. Это она «доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных отраслей знания, аналогию между процессами мышления и процессами в области природы и истории». С другой стороны, — продолжает Энгельс, — современное естествознание тезис об опытном происхождении всего содержания нашего знания до того расширило, «что от его старой метафизической ограниченности и формулировки ничего не осталось». «Естествознание, признав наследственность приобретенных свойств, расширяет суб'ект опыта, делая им не индивида, а род; нет вовсе необходимости, чтобы отдельный индивид имел известный опыт; его частный опыт может быть до известной степени заменен результатами опытов ряда его предков. Если, например, среди нас математические аксиомы кажутся каждому восьмилетнему ребенку чем-то само собою разумеющимся, не нуждающимся в опытном доказательстве, то это является лишь результатом накопленной наследственности. Бушмену же или австралийскому негру их трудно втолковать путем доказательства» [1]).

Метафизичность гносеологии французских материалистов, стало быть, в том, что они не исследовали теоретическую предпосылку о согласованности между бытием и мышлением со стороны формы. Ламеттри, как мы только что видели, категорически, безоговорочно доверяет чувствам, что они при правильном их употреблении верно передают то, что совершается во внешнем мире. Но эта уверенность Ламеттри касается только содержания. Человек, как хорошо сложенная и функционирующая машина, снабжен аппаратом чувств, более или менее верно передающим то, что происходит вне его, но форма этой передачи целиком зависит от природы организма, от машины, называемой человек. Природе внешних тел противостоит природа человеческого тела, воспринимающего органа. Органы чувств существуют скорее для «сохранения организма», чем для «приобретения знаний», — говорит Ламеттри. Это противопоставление, хотя и относительное, тем не менее характерно. Оно свидетельствует о метафизическом, антиисторическом, взгляде на мышление человека. Отсюда полезность органов чувств и правильное отражение ими реального мира недостаточно увязаны друг с другом. Человек и его мышление брались французскими материалистами как раз-на-всегда данные, вне развития. Отсюда неясности, колебания в вопросе о форме познания. Было бы удивительно, если бы этого не было.

С точки зрения современного материализма мышление и сознание — продукты человеческого мозга, и человек сам продукт природы, развившийся в окружающей его среде и вместе с нею; отсюда уже само собой следует, что порождения человеческого мозга, как продукты природы в последней инстанции, не противоречат, а согласуются со всей остальной природой. Биологическая теория передачи наследственных признаков, на почву которой, как мы видели, становится Энгельс, с естественно-научной стороны подкрепляет теорию познания современного материализма. В результате расширения суб'екта опыта до рода совершается ускорение процесса приближения нашего познания к об'екту и тем самым все большего и большего преодоления суб'ективности в нашем познании. Противоречие между формой

[1]) «Архив Маркса и Энгельса» кн. II, стр. 136.

именно потому автор «Системы природы» призывает не смущаться тогда, когда природа от нас «скрывает».

Гольбаховское ограничение об'ективно выражает состояние знания того времени: мы знаем лишь некоторые свойства, качества тел потому, что мы еще не знаем элементов тел и их внутреннего сочетания, еще не знаем состава, структуры тел. Одним из излюбленных примеров Гольбаха является растение, относительно которого он повторяет; мы не знаем, как оно «прозябает и действует». Не крик ли это по химии, по физиологии? Своим ограничением Гольбах выражает об'ективную потребность в дальнейшем развитии естествознания, в развитии химии, физиологии. Химические соединения, образующиеся в телах животных и растений, еще оставались в XVIII веке «вещами самими по себе» или «непостижимыми сущностями», по терминологии Гольбаха. Словечко «лишь» не выражает агностической ограниченности, а ограниченность знаний того времени.

II. Действительная ограниченность французского материализма и плехановская иероглифика.

Вот как Гольбах определяет материю: «Материя вообще есть все то, что воздействует каким-либо образом на наши чувства, а качества, приписываемые нами различным веществам, основываются на различных впечатлениях или различных изменениях, производимых ими в нас» [1]).

Характерным в этом определении является то, что наряду с подчеркиванием об'ективного источника познания особливо и со специфическим ударением подчеркивается с у б 'е к т и в н а я с т о р о н а п о з н а н и я.

Эта особенность гносеологии французских материалистов особенно ярко представлена у Ламеттри. Мы приведем только одно место из его «Трактата о душе», § 4, озаглавленного: «Ощущения не дают познания природы тел; они изменяются вместе с органами». Мы читаем там следующие примечательные строки:

«Итак, ощущения вовсе не передают вещей таковыми, каковы они сами по себе, так как сами ощущения целиком зависят от частей тела, открывающих им доступ к душе. Значит ли это, что они обманывают нас? Нет, конечно, что бы по этому поводу ни говорили, так как они существуют скорее для сохранения нашего организма, чем для приобретения знаний... В сущности чувства обманывают нас лишь тогда, когда мы делаем на основании их слишком скороспелые выводы, тогда как в остальных случаях они являются верными слугами. Душа может рассчитывать, что они ее во-время предупредят о расставленных для нее тенетах. Чувства всегда бодрствуют, всегда готовы исправлять свои ошибки и взаимно себя контролировать» [2]).

Здесь выступает сильная и слабая сторона французского материализма одинаково ярко. Полное, безоговорочное доверие показаниям органов чувств, с одной стороны, наряду же с этим утверждение, что ощущения не передают вещей такими, как они есть сами по себе, так как сами ощущения целиком зависят от частей тела, открывающих им доступ к душе. Этот взгляд присущ в общем и целом всему французскому материализму XVIII века.

Энгельс в своих «Примечаниях» к «Анти-Дюрингу», констатируя, что «бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления» является согласованность между мышлением и бытием, говорит о материализме XVIII столетия следующее:

«Материализм XVIII столетия, будучи по существу метафизического характера, исследовал эту предпосылку только с точки зрения ее содержа-

[1]) Там же, стр. 31.
[2]) Л а м е т т р и. Избр соч. Гос. изд., 1925 г., стр. 69—70.

ния. Он ограничился доказательством того, что содержание всякого мышления и знания должно происходить из чувственного опыта, и восстановил старое положение: nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu». Исследование этой предпосылки также со стороны формы есть заслуга,—продолжает Энгельс,—современной, идеалистической, но вместе с тем диалектической философии и в особенности философии Гегеля с ее идеалистической, на голову поставленной формой ее конечного результата, единства мышления и бытия. Это она «доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных отраслей знания, аналогию между процессами мышления и процессами в области природы и истории». С другой стороны, — продолжает Энгельс, — современное естествознание тезис об опытном происхождении всего содержания нашего знания до того расширило, «что от его старой метафизической ограниченности и формулировки ничего не осталось». «Естествознание, признав наследственность приобретенных свойств, расширяет суб'ект опыта, делая им не индивида, а род; нет вовсе необходимости, чтобы отдельный индивид имел известный опыт; его частный опыт может быть до известной степени заменен результатами опытов ряда его предков. Если, например, среди нас математические аксиомы кажутся каждому восьмилетнему ребенку чем-то само собою разумеющимся, не нуждающимся в опытном доказательстве, то это является лишь результатом накопленной наследственности. Бушмену же или австралийскому негру их трудно втолковать путем доказательства» [1]).

Метафизичность гносеологии французских материалистов, стало быть, в том, что они не исследовали теоретическую предпосылку о согласованности между бытием и мышлением со стороны формы. Ламеттри, как мы только что видели, категорически, безоговорочно доверяет чувствам, что они при правильном их употреблении верно передают то, что совершается во внешнем мире. Но эта уверенность Ламеттри касается только содержания. Человек, как хорошо сложенная и функционирующая машина, снабжен аппаратом чувств, более или менее верно передающим то, что происходит вне его, но форма этой передачи целиком зависит от природы организма, от машины, называемой человек. Природе внешних тел противостоит природа человеческого тела, воспринимающего органа. Органы чувств существуют скорее для «сохранения организма», чем для «приобретения знаний», — говорит Ламеттри. Это противопоставление, хотя и относительное, тем не менее характерно. Оно свидетельствует о метафизическом, антиисторическом, взгляде на мышление человека. Отсюда полезность органов чувств и правильное отражение ими реального мира недостаточно увязаны друг с другом. Человек и его мышление брались французскими материалистами как раз-на-всегда данные, вне развития. Отсюда неясности, колебания в вопросе о форме познания. Было бы удивительно, если бы этого не было.

С точки зрения современного материализма мышление и сознание — продукты человеческого мозга, и человек сам продукт природы, развившийся в окружающей его среде и вместе с нею; отсюда уже само собой следует, что порождения человеческого мозга, как продукты природы в последней инстанции, не противоречат, а согласуются со всей остальной природой. Биологическая теория передачи наследственных признаков, на почву которой, как мы видели, становится Энгельс, с естественно-научной стороны подкрепляет теорию познания современного материализма. В результате расширения суб'екта опыта до рода совершается ускорение процесса приближения нашего познания к об'екту и тем самым все большего и большего преодоления суб'ективности в нашем познании. Противоречие между формой

[1]) «Архив Маркса и Энгельса» кн. II, стр. 135.

и содержанием познания разрешается с этой точки зрения в поступательном ходе исторического развития человечества.

Французские материалисты, у которых отсутствовала историческая точка зрения, ограниченные состоянием знания того времени, могли только классически формулировать это противоречие, что они и сделали.

«Представления о величине, твердости и т. п. создаются лишь при посредстве наших органов, — говорит Ламеттри. — Если бы у нас были другие органы чувств, мы имели бы другие представления о тех же самых атрибутах... Наши представления не исходят ни от знания свойств тел, ни от того, в чем состоит изменение, испытываемое нашими органами. Но образуются они только благодаря этому изменению. Это изменение, в зависимости от его характера и степени, вызывает в нашей душе представления, не имеющие никакой связи с их случайными и действительными причинами... Боль, теплота, красный или белый цвет не имеют ничего общего с огнем или пламенем; представление об этой стихии столь чуждо этим ощущениям, что человек без элементарных знаний в области физики никогда не получит его» [1]).

Желая подчеркнуть нетождественность вещи в себе и представления о ней, Ламеттри формулирует эту свою мысль так, что представление получается оторванным от его действительной причины, от об'екта. Правильная мысль об опосредовании органом представления формулирована неправильно, формулирована механически в смысле XVIII века. Сравните эту формулировку с формулировкой той же мысли у Фейербаха. «Мой вкусовой нерв такое же произведение природы, как соль, но из этого не следует, чтобы вкус соли непосредственно, как таковой, был об'ективным свойством ее, — чтобы тем, чем является (ist) соль лишь в качестве предмета ощущения, она была также сама по себе (an und für sich), чтобы ощущение соли на языке было свойством соли, как мы ее мыслим без ощущения (des ohne Empfindung gedachten Salzes)». «Так и человек есть существо природы (Naturwesen), подобно солнцу, звезде, растению, животному, камню, но тем не менее он отличается от природы, и, следовательно, природа в голове и сердце человека отличается от природы вне человеческой головы и вне человеческого сердца» [2]). Одна и та же мысль у Ламеттри и у Фейербаха, но Фейербах рассматривает человека и продукты его мозга— мышление и сознание—в единстве с природой; поэтому он наряду с «отличием» природы в голове человека от природы вне человеческой головы видит и их «тождество». Ламеттри же односторонне делает ударение на отличии. Между об'ектом и представлением стоит перегородкой опосредствующий орган. Французский материализм, чуждый агностицизма, неверия в познание, формулировал, однако, отношение представления, ощущения к об'екту метафизически. Фейербаху также чужд исторический взгляд на человеческое познание, но он в своей теории познания мог учесть успехи естествознания, успехи физиологии, которые в его время были налицо. Ленин, опираясь в частности на Фейербаха, формулирует свое знаменитое положение: «Ощущение есть суб'ективный образ об'ективного мира, мира an und für sich» [3]).

Теперь обратимся к плехановской формулировке материалистической теории познания.

В статье «Конрад Шмидт против Маркса и Энгельса» Плеханов противопоставляет свою точку зрения точке зрения материалистов XVIII века следующим образом:

---

[1]) Ламеттри, Избр. соч., стр. 68—69; разрядка наша.
[2]) Цитировано по Ленину, Соч., т. XIII, изд. 3-е, стр. 97.
[3]) Ленин, Соч., т. XIII, изд. 3-е, стр. 97.

«В «Abrégé des Systèmes» Ламеттри мы встречаем интересные замечания о том, что мы можем познать только некоторые «совершенно относительные» свойства «внешних» вещей, и что большая часть наших ощущений и представлений до такой степени зависит от наших органов, что немедленно изменяется, вслед за изменениями, совершающимися в этих последних.

Надо помнить, что слово «познать» вообще не имеет никакого другого смысла. Узнать данную вещь — именно и значит узнать ее свойства. А что такое свойство вещи? — Это именно тот способ которым она действует на нас непосредственно или посредственно. Сказать, что вещи сами по себе для нас непознаваемы, а что мы знаем только впечатления, ими на нас производимые, это то же, что сказать: если мы отвлечемся от действия на нас вещей самих по себе, то мы не в состоянии будем представить себе, каким образом они могли бы на нас действовать. Если материалисты восемнадцатого века говорили, что мы знаем только внешность, «скорлупу» вещей, то они говорили в сущности именно то, что сказано мной в предыдущей фразе. А это — неправильная мысль, и материалисты, ее высказывавшие, в сущности, хотя и не сознавая этого, изменили своей собственной теории познания» [1]).

Нас в этом рассуждении интересует прежде всего способ возражения Плеханова французскому материализму, внутренняя логика его аргументации. Понимая «сущность» у французских материалистов, как метафизическую, он, говоря словами Ленина, отвергает ее с порога, но не исправляет ее. Не следует, — говорит он по адресу французских материалистов, — противопоставлять «внешность», «скорлупу» — «сущности», явление — вещи самой по себе, так как мы вообще имеем дело только с явлениями, познавать сущность, вещь в себе как таковую нам вообще не дано. Вещь сама по себе есть абстракция — мы познаем не ее самую по себе, а ее способ действия на нас, т.-е. свойства. Плеханов аргументирует формально: узнать данную вещь и значит узнать ее свойства, т.-е. ее способ действия на нас — ergo, проблема сущности вообще снимается, отпадает сама собой. Но ведь это и значит на языке Ленина отвергать, но не исправлять. Исправлять метафизическое понятие сущности означает показать, что сущность и явление не метафизические, а диалектические противоположности, что сущность должна являться, как говорит Гегель, и что, познавая явление, мы вместе с тем познаем сущность, которая не остается скрытой за явлением, по ту сторону его. Проблема сущности вещи не отпадает, а ставится в иную плоскость. Так возражает Энгельс Канту, когда он в своем «Л. Фейербах» говорит: «Химические соединения, образующиеся в телах животных и растений, оставались подобными «вещами самими по себе», пока органическая химия не выучилась приготовлять их; но когда она постепенно дошла до этого, «вещи сами по себе» стали вещами «для нас» [2]). И так возражает Ленин махистам, когда он говорит: «На деле каждый человек миллионы раз наблюдал простое и очевидное превращение «вещи в себе» в «явление», в вещь для нас. Это превращение и есть познание» [3]). Энгельс и Ленин не просто отвергают, а исправляют, показывая связь вещи в себе и явления, превращение, первой во второе. Плеханов же, говоря, что узнать свойства значит узнать вещь, но не указывая при этом на переход, на превращение вещи в себе в явление, в вещь для нас, поступает формально, не диалектически. Метафизическая, по его мнению, «сущность» французских материалистов им просто отвергается, снимается тем самым проблема сущности вообще, чем чело-

[1]) Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 99.
[2]) Фр. Энгельс, Людвиг Фейербах, 1928 г., стр. 43.
[3]) Ленин, Соч., т. XIII, изд. 3-е, стр. 97—98.

веческое знание ставится под угрозу превращения в знание только относительное.

Но пойдем дальше. Вот как Плеханов излагает материалистическую теорию опыта, как он ее понимает.

«Согласно этой теории, — говорит Плеханов в своей статье «Материализм или кантианизм», — природа есть прежде всего совокупность явлений. Но так как вещи в себе составляют необходимое условие явлений, иными словами, так как явления вызываются действием об'екта на суб'ект, то мы вынуждены признать, что законы природы имеют не только суб'ективное, но и об'ективное значение, т.-е. что взаимоотношение идей в суб'екте соответствует, когда человек не ошибается, взаимному отношению вещей вне его. Конрад Шмидт скажет, конечно, что это «философия тождества», и что она считает «элементы явлений вещами в себе». Он ошибается. Чтобы предостеречь его от заблуждения, я попрошу моего оппонента вспомнить ту геометрическую фигуру, с помощью которой Спенсер старался облегчить своим читателям понимание «трансформированного реализма». Представим себе цилиндр и куб. Цилиндр есть суб'ект; куб — об'ект. Тень, падающая от куба на цилиндр, есть представление. Эта тень совсем не похожа на куб: прямые линии куба являются в ней ломаными; его плоские поверхности выгнутыми. И, несмотря на это, каждому изменению куба будет соответствовать изменение его тени. Мы можем предположить, что нечто подобное происходит в процессе образования представлений. Ощущения, вызванные в суб'екте действием на него об'екта, совсем не похожи на этот последний, как не похожи они на суб'ект, — но тем не менее каждому изменению в об'екте соответствует изменение его действия на суб'ект. Это совсем не та грубая и вульгарная философия тождества, которую приписывает нам Конрад Шмидт. Эта теория опыта, имеющая своей точкой отправления природу, дает нам возможность избежать как непоследовательности кантианизма, так и нелепости суб'ективного идеализма.

Мне возразят, может быть, что одно дело «трансформированный реализм» Герберта Спенсера, а другое дело материализм. Недостаток места не позволяет мне рассматривать здесь, в чем состоит главное различие этих двух учений. Все, что я могу сказать в этой статье,—впрочем, этого достаточно для моей цели,—состоит вот в чем. Теория познания Спенсера,—в тех границах, в которых я пользуюсь ею здесь, — составляет лишь дальнейшее развитие идей французских материалистов восемнадцатого столетия» [1]).

Дать здесь развернутую критику плехановской теории опыта не входит в нашу задачу. Мы хотим сказать лишь следующее. Плеханов справедливо указывает, что теория познания Герберта Спенсера составляет «дальнейшее развитие» идей французских материалистов, но весь вопрос в том, является ли она развитием вперед или движением вспять. Теория познания Герберта Спенсера есть углубление и «дальнейшее развитие» идей французских материалистов в сторону большей метафизичности, в сторону агностицизма и релятивизма. Основной вопрос об отношении ощущения к вещи самой по себе стоял у французских материалистов в иной плоскости, иначе, чем у Спенсера. Гольбах говорит о «смутном и неполном» познании вещей, о «слабом постижении» материи «по ее воздействиям на нас» [2]), — вот что он, собственно, понимает под «скорлупой»,— а Герберт Спенсер говорит по существу об искаженном отражении действительности в сознании. Одно дело «смутно и неполно» представлять

---

[1]) Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 128—129.

[2]) См., напр., 352. 373 «Системы природы» указанного издания.

предмет сам по себе, а другое дело, совсем другое дело, когда предмет сам по себе представляется в другой форме, в другом виде. Это шаг назад по сравнению с Гольбахом. Гольбах—последовательный материалист, ограниченный состоянием знания своего времени. Спенсер—агностик, он принципиально отказывается от адэкватного познания вещей. Явлению соответствует действительная вещь, вещь в себе, но отношение между ними равно отношению между прямой линией и ломаной, плоской поверхностью и выгнутой. Плеханов с этим спенсеровским положением согласен. Но с этим не согласны Энгельс и Ленин, которые говорят о снимках, копиях, зеркальных отображениях вещей. Энгельс и Ленин мыслили отношение вещи в себе к ощущению, как отношение полного к неполному, более ясного к менее ясному, модели к ее изображению, и что является главным, характерным в их понимании этого отношения, так это то, что оно принципиально исключает искривление, искажение об'ективного предмета в сознании, которое характеризует спенсеровское понимание этого отношения. Но Г. В. Плеханов утверждает, что ощущения «совсем не похожи» на об'ект. Плеханов в борьбе с кантианством делает явную уступку противнику, облегчая ему борьбу с материализмом.

Твердо стоя на точке зрения об'ективиой истины, но не взглянув на познание, как на исторический процесс, не понимая отношения между относительной и абсолютной истиной, Плеханов легко очутился в плену гносеологической метафизики Герберта Спенсера. Между явлением и вещью в себе устанавливается подобие принципиальной грани, нечто такое, что еще не грань, но подобие ее, напоминание о ней, покушение на проведение таковой. За этот излишний формализм, за эту метафизику ухватились, как известно, враги материализма, проводя контрабандой свое отречение от материализма под флагом критики иероглифов.

Несостоятельность теории соответствия в том, что она мирится, принципиально допускает искривление, искаженное выражение вещи в себе. Она подчеркивает лишь, что каждому представлению соответствует предмет сам по себе (если мы не ошибаемся), но она пытается проводить подобие принципиального различия между явлением и вещью в себе. Теория соответствия в ее плехановской формулировке означает: мы не можем знать вещь в себе иначе, как через суб'ективные формы, а эти последние раз навсегда таковы, что они предмет представляют не таким, каков он есть в действительности, а искаженно. Это—материализм, но материализм с существенной оговоркой, материализм недостаточно последовательный, делающий серьезную уступку противнику. Игнорирование диалектики в теории познания дорого обошлось Плеханову. Природа по плеханову, как мы видели выше, есть «прежде всего совокупность явлений». Прежде всего! Природа как таковая, об'ективный мир an und für sich превращена в абстракцию.

В своей последней статье против Конрада Шмидта Плеханов характеризует свою теорию кратко, но выразительно следующим образом:

«Наши представления о формах и отношениях вещей не более как иероглифы; но эти иероглифы точно обозначают эти формы и отношения... Но мне могут справедливо заметить, что «мой» материализм очень похож на агиостицизм, например, Герберта Спенсера. На это я отвечу словами Энгельса: «английский агностицизм есть лишь стыдливый материализм»» [1]).

На самом деле, теория соответствия есть теория материалистическая, но стыдливо-материалистическая. Она подчеркивает, настаивает на том, что представлению суб'екта соответствует об'ект в действительности, но она заключает в себе некоторое недоверие к познанию и, будучи метафизической,

[1]) Там же, стр. 138.

лишает человеческое познание возможности все большего и большего приближения к об'екту, к абсолютной истине через прогрессивное преодоление суб'ективного в познании. Плеханов игнорирует теорию относительной и абсолютной истины Энгельса, а это значит, что он не применяет диалектики в теории познания. Ленин пошел дальше Плеханова, решительно исправил в этом пункте Плеханова, связав об'ективную истину с истиной абсолютной, восстановил учение Энгельса об относительной и абсолютной истине, впервые после Энгельса ввел подлинную диалектику в теорию познания.

Это важнейшее различие между Лениным и Плехановым можно иллюстрировать на следующем примере. Пространство и время Плеханов называет «формами сознания», и первым отличительным свойством их он считает поэтому суб'ективность. «Весь вопрос в том,—продолжает он,—не соответствуют ли этим формам сознания некоторые формы или отношения вещей» [1]). На этот вопрос материалисты отвечают утвердительно,—говорит Плеханов. Значит, материализм в вопросе о времени и пространстве отличается от идеализма, по Плеханову, только тем, что он считает, что этим формам сознания, первым отличительным признаком которых является суб'ективность, соответствуют некоторые формы или отношения вещей». «Некоторые», но какие, неизвестно. Являются ли время и пространство об'ективными формами бытия? На этот вопрос Плеханов не отвечает, обходя его. К этому обязывает теория соответствия, из нее вытекает умалчивание о том, каково это соответствующее. Об'ективный мир становится неопределенным, неконкретным, абстрактным. Не лишено интереса то обстоятельство, что Плеханов здесь ссылается на Гоббса. Материализм Гоббса Маркс характеризовал, как абстрактный. Учение Гоббса о времени и пространстве характерно налетом феноменализма.

В третьем письме против Богданова Плеханов делает шаг вперед, заявляя, что «пространство и время представляют собою не только форму созерцания, но также и формы бытия». Это шаг вперед, но «это все же недостаточно» [2]).

В отличие от Плеханова Энгельс, как известно, считает время и пространство «формами существования материи»; Энгельс первым отличительным признаком времени и пространства считает их об'ективность. На этой же точке зрения стоит Ленин. «Нам дела нет,—пишет Энгельс,—какие понятия изменяются в голове г-на Дюринга. Речь идет не о понятии времени, а о действительном времени, от которого г. Дюрингу так дешево» (т.-е. фразами от изменчивости понятий) «ни в коем случае не отделаться». Приводя это место Энгельса, Ленин со своей стороны поясняет: «...Энгельс противопоставляет Дюрингу общепризнанное и само собою разумеющееся для всякого материалиста положение о действительности, т.-е. об'ективной реальности времени, говоря, что от прямого признания или отрицания этого положения не отделаться рассуждениями об изменении понятий времени и пространства. Не в том дело, чтобы Энгельс отвергал и необходимость, и научное значение исследований об изменении, о развитии наших понятий о времени и пространстве, а в том, чтобы мы последовательно решали гносеологический вопрос, т.-е. вопрос об источнике и значении всякого человеческого знания вообще» [3]). Как видит читатель, первым отличительным признаком времени и пространства Энгельс и Ленин считают их об'ективность, ибо иначе нельзя последовательно решать гносеологический вопрос об

[1]) Там же.
[2]) Г. В. Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 76.
[3]) Ленин, Соч., т. XIII, изд. 3-е, стр. 144.

источнике и значении человеческого знания. Относительны наши представления о времени и пространстве, но время и пространство как таковые абсолютны. Так рассуждают Энгельс и Ленин, иначе рассуждает Плеханов. Своим «прежде всего», при помощи которого Плеханов превращает в абстракцию природу в целом, он ограничивает об'ективное значение категорий времени и пространства, скатившись к абстрактному материализму Гоббса.

Рамки статьи не позволяют остановиться на других примерах, но и этого достаточно для того, чтобы убедиться в неудовлетворительности теории соответствия, в ее метафизичности. Плехановская теория соответствия есть без сомнения карикатура на теорию согласованности бытия и мышления, теорию отражения Энгельса и Ленина. И иероглифы Плеханова вполне «соответствуют» этой теории. Под иероглифами Плеханов понимает «формы сознания» или, точнее, «представления о формах и отношениях вещей», которые точно обозначают эти формы и отношения». Термин «иероглифы» у Плеханова не случайный, им подчеркивается, излишне, ненужно и глубоко неправильно подчеркивается суб'ективность наших представлений, которым только «соответствуют формы и отношения» действительности, но которые их не отражают такими именно, какие они есть в действительности. Неоднократное подчеркивание Плехановым «точности» обозначения иероглифами об'ективных форм и отношений «правильного соответствия», без которого «самое существование наше стало бы невозможным»[1]) показывает лишь то, что Плеханов желает быть последовательным материалистом, но оно же и показывает, что его стремление лучше его теории. Плеханов хочет исправить непоправимое. «Поправить» суб'ективистский «знак» указанием на его точность дела спасти не может. «Точный знак»—внутренне противоречивое, эклектическое.

III. Материализм Плеханова после „снятия“ иероглифов и позиция тов. Деборина.

В 1905 г. во втором издании своих примечаний к «Л. Фейербаху» Энгельса Плеханов отказался от термина «иероглифы» и вступил в полемику с Сеченовым, за которым он следовал в первом издании этих же примечаний. Это обстоятельство и служит поводом т. Деборину и его ученикам к тому, чтобы ставить знак равенства между материализмом Ленина и Плеханова.

Плеханов, естественно, говорит о «неточности терминологии», о том, что он «только впоследствии почувствовал все неудобства такой неточности», но следует ли отсюда, что различие между Лениным и Плехановым исключительно терминологическое? Отнюдь не следует.

Мы раньше указали, что термин иероглифы соответствовал теории. Тов. Деборин и его последователи были бы правы только в том случае, если бы Плеханов вместе с термином снял также и теорию соответствия, заменив ее теорией отражения. Но все дело в том, что Плеханов ограничился снятием термина, оставшись при старой теории.

Что Плеханов, снимая термин, не снял теорию, лучше всего видно будет, когда мы сравним полемику Плеханова с Сеченовым, с одной стороны, и полемику Ленина с Гельмгольцем, с другой стороны.

Гельмгольц говорит:

«Наши ощущения суть именно действия, которые вызываются в наших органах внешними причинами, и то обстоятельство, как обнаруживается такое действие, зависит, разумеется, весьма существенно от характера аппа-

---

[1]) Плеханов, Соч., т. XI, стр. 188.

рата, на который оказывается действие. Поскольку качество нашего ощущения дает нам весть о свойствах внешнего воздействия, которым вызвано это ощущение, — постольку ощущение может считаться знаком (Zeichen) его, но не изображением. Ибо от изображения требуется известное сходство с изображаемым предметом... От знака же не требуется никакого сходства с тем, знаком чего он является».

Ленин отвечает Гельмгольцу:

«Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие «никакого сходства» с ними, то исходная материалистическая посылка Гельмгольца подрывается, подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов, ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам, и всякий знает примеры таких знаков или символов. Гельмгольц вслед за Кантом покушается провести подобие принципиальной грани между «явлением» и «вещью в себе». Против прямого, ясного, открытого материализма Гельмгольц питает непреодолимое предубеждение» [1].

Ленин считает наши ощущения образами вещей, а не знаками или символами, так как образ тем отличается от знака или символа, что он адэкватно выражает об'ективное, в то время как от знака не требует «никакого сходства» с тем, знаком чего он является. Вопрос об отображении является решающим, так как с ним связан другой вопрос, самый коренной, самый основной вопрос, вопрос о независимом от нас существовании внешних предметов. Кто становится на ту точку зрения, что наши ощущения не имеют «никакого сходства» с ощущаемым предметом, тот подвергает, по мнению Ленина, некоторому сомнению существование внешних предметов, подрывая, таким образом, собственную исходную материалистическую посылку. Теория знаков или символов постольку и есть покушение провести подобие принципиальной грани между «явлением» и «вещью в себе». Со всякими покушениями, попытками подобных покушений можно последовательно бороться только тогда, когда защищают взгляд на ощущения, как на изображения существа вещей вне нас, как на образы, т.-е. действительные отображения действительных вещей. Ленин борется не только с кантианством, проводящим принципиальную грань между «явлением» и «вещью в себе», но и с подобиями проведения принципиальной грани между «явлением» и «вещью в себе». Таким подобием является теория знаков или символов, теория иероглифов. «Плеханов сделал явную ошибку при изложении материализма, — заключает Ленин. — Ошибочность плехановского отступления от формулировки материализма Энгельсом» [2]. Ошибка эта, совершенно очевидно, состоит в том, что плехановская теория иероглифов является, по мнению Ленина, покушением на проведение подобия принципиальной грани между «явлением» и «вещью в себе». Не отождествляя Плеханова с Гельмгольцем, Ленин на ярком примере Гельмгольца показывает Плеханову опасность, связанную с теорией иероглифов.

Повторяем, Ленин счел нужным энергично указать на ошибку Плеханова, несмотря на то, что Ленин находился с Плехановым в философском блоке против махистов, и несмотря на то, что Плеханов еще в 1905 г. снял свои иероглифы, упрекнув Сеченова и себя самого за «терминологические уступки» «своим философским противникам». Больше того, Ленин не считает нужным упомянуть о «снятии» Плехановым своих иероглифов ни одним словом. Почему, спрашивается — потому ли, что этот факт ему не был из-

[1]) Там же, стр. 190.
[2]) Там же, стр. 190, 195.

вестен, или же потому, что отказ Плеханова от своих иероглифов его не удовлетворил? Какое из этих двух предположений нужно считать наиболее вероятным? Теперь обратимся к полемике Плеханова с Сеченовым.

Вот как Плеханов опровергает сеченовские «условные знаки»: «Когда он (Сеченов. *М. Ф.*) допускает, — говорит Плеханов, — что наши впечатления являются лишь условными знаками вещей самих по себе, то он как будто признает, что вещи сами по себе имеют какой-то неизвестный нам «вид», недоступный нашему сознанию. Но ведь «вид» есть именно только результат действия на нас вещей самих по себе; «помимо этого действия они никакого «вида» не имеют. Поэтому противопоставить их «вид», — как он существует в нашем сознании, — тому их виду, какой они будто бы имеют на самом деле, значит не отдавать себе отчета в том, какое понятие связывается со словом «вид»» [1]. Под «видом» вещи Плеханов понимает, как он об'ясняет во втором письме против Богданова, «свойства вещи, как они отражаются в представлении суб'екта» [2]. Характерное в этом рассуждении то, что Плеханов, признавая существование вещей независимо от нас, обладающих известными свойствами, отказывается, однако, от обозначения этих свойств. Именно в этом смысл плехановского утверждения, что вещи сами по себе не имеют никакого «вида». Плеханов, как материалист, убежден, что вещи сами по себе имеют свойство, независимо от суб'екта, но он тем не менее строго-настрого запрещает называть их, говорить о «виде» вещи как таковой, так как «вид» вещи есть лишь результат ее действия на нас. Вещь сама по себе остается как бы завуалированной, как бы занавешенной; она не непознаваема, не недоступна, но не до конца познаваема, не целиком и без остатка доступна; она доступна и познаваема человеком, но поскольку человеческое познание обусловлено организацией человека, постольку оно не может дать адэкватного его изображения. Вещь сама по себе и вещь в нашем представлении у Плеханова остаются разорванными. «На деле, — говорит Ленин, — каждый человек миллионы раз наблюдал простое и очевидное превращение «вещи в себе» в явление, в «вещь для нас». Это превращение и есть познание» [3]. Но Плеханов не умел применять диалектику в теории познания, отсюда пагубный отрыв формы от содержания познания.

В первом издании «Примечаний» говорится, что наши ощущения как иероглифы «не похожи на те события, которые ими передаются», хотя «они могут совершенно верно передавать» их, а главное, существующие между ними отношения. Во втором издании не говорится прямо «не похожи», но зато утверждается, что вещи сами по себе не имеют «никакого вида». Ясно, что перед нами один и тот же ход мыслей; не сказать «не похожи», но ничего не сказать об отображении — сводится по существу к одному и тому же. Плеханов в 1905 г. вопрос «похожи или не похожи» решил обойти вовсе.

Плеханов снял термин иероглифы, но не снял теории, а эта теория есть теория соответствия. Плеханов во втором издании своих «Примечаний», как и в первом, соглашается, принимает в основном формулировку Сеченова, которая гласит:

«Каковы бы ни были внешние предметы сами по себе, независимо от нашего сознания, — пусть наши впечатления от них будут лишь условными знаками, — во всяком случае чувствуемому нами сходству и различию знаков соответствует сходство и различие действительное. Другими словами, сходства и различия, находимые человеком между чувствуемыми предметами, суть сходства и различия действительные».

[1]) Примечания к «Л. Фейербаху», 1928 г., стр. 120.
[2]) Г. В. Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 42.
[3]) Ленин, Соч., т. XIII, стр. 97—98.

Во втором издании он только возражает против термина «знак», но остальное принимает, т.-е. принимает теорию соответствия Сеченова, согласно которой сходствам и различиям ощущений соответствуют сходства и различия действительные. По вопросу же о «сходстве» ощущения с вещью Плеханов отмалчивается. Если я о двух стоящих предо мною стульях имею сходные ощущения, то сходны и сами стулья, но при этом остается неясным, «сходно» ли мое ощущение стула с действительным стулом, т.-е. изображает ли оно его таким, каким он является в действительности. Этот последний вопрос теория соответствия обходит и тем самым оставляет лазейку, щелочку агностицизму. Теория соответствия Плеханова является материалистической теорией, но не последовательно материалистической.

Тов. Деборин стоит в теории познания на ухудшенных плехановских позициях. Возьмем несколько примеров как из переиздаваемого без малейших поправок и изменений «Введения в философию диалектического материализма», так и из его известной брошюры «Ленин как мыслитель».

Так, в «Введении в философию диалектического материализма», желая доказать познаваемость вещей в себе, т. Деборин цитирует знакомое нам положение, формулированное Сеченовым, затем в подкрепление ему приводит положение Плеханова, что ощущения «совсем не похожи» на об'ект, как «не похожи» и на суб'ект, но что «тем не менее каждому изменению в об'екте соответствует изменение его действия на суб'екта». С своей стороны т. Деборин формулирует эту же мысль вот как: «Предметы сами по себе познаваемы, так как чувствуемому нами сходству и различию восприятий или ощущений соответствует сходство и различие действительное» [1]. Познаваемость обосновывается по-сеченовски, т.-е. так, что тщательно обходится, умалчивается вопрос о «сходстве» между ощущением и вещью, т.-е. вопрос о том, изображают ли ощущения об'ективный мир или не изображают. Согласно теории соответствия этот вопрос остается открытым. Вместе с Плехановым т. Деборин стоит между Гельмгольцем и Лениным, стоит посредине. А между тем здесь необходимо решать: или один шаг вправо к гельмгольцовско-сеченовским условным знакам, или один шаг влево к Фейербаху, Энгельсу и Ленину.

Но пойдем дальше.

Трудность, заковыка у т. Деборина, очевидно, в самом понятии ощущения, восприятия. «Восприятие предмета или то, что на философском языке носит название явления, есть равнодействующая двух факторов: вещи в себе и свойств нашего я», — говорит т. Деборин [2]. Это определение восприятия, явления страдает тем недостатком, что под ним может подписаться любой механический материалист и даже правоверный кантианец. Вот как Плеханов формулирует «явление по смыслу кантовой философии. Это — равнодействующая двух факторов: 1) действия на наше «я» тех предметов (ноуменов), которые существуют вне нас и известны нам не сами по себе, а только через посредство производимых ими на нас впечатлений; 2) свойств нашего «я», перерабатывающего сообразно этим свойствам впечатления, получаемые им от вещи самой по себе» [3].

Совершенно очевидно, что если плехановское понимание кантовского «явления» правильно, а оно с формальной стороны правильно (на деле Плеханов прикрашивает здесь Канта), то деборинское определение явления в материалистическом понимании его неточно, неправильно, поскольку оно не защищает границ диалектического материализма не только от материализма механического, но даже от кантианства в понимании явления, восприятия.

[1]) А. Деборин, Введение в философию диалектического материализма, изд. 5-е, 1930 г., стр. 233—234.

[2]) Там же, стр. 233.

[3]) Примечания к «Л. Фейербаху». 1928 г., стр. 115—117.

Но вот еще одно определение. «Впечатление, — говорит т. Деборин, — есть равнодействующая двух факторов и, как таковая, неизбежно обуславливается природой этих двух факторов и заключает в себе нечто такое, что составляет природу того и другого фактора» [1]). Это определение ничем не лучше первого, так как указание на «нечто такое», что «составляет природу того и другого фактора», ничего по существу не прибавляет, поскольку умалчивается о самом главном для последовательного материалиста, умалчивается о том, что оно, впечатление, восприятие отражает, отображает вещь в себе. Деборинское определение восприятия, впечатления, явления неясны, неточны и, поскольку они не в состоянии защитить границ диалектического материализма от его противников, также неправильны.

Основной их порок в их механистичности. Они не характеризуют четко связь ощущения с внешним миром. Несколькими строками раньше мы читаем следующее: «Внешний мир конструируется нами из наших восприятий, на основании тех впечатлений, которые в нас вызываются внешним миром, предметами самими по себе». Ленин в своем конспекте ставит на полях два вопросительных знака по поводу деборинского слова «конструируется». Смысл ленинских вопросительных знаков ясен: конструирование прямо противоположно ленинскому отображению. «Конструирующая» внешний мир «природа» нашего «я» в формулировках т. Деборина выступает в роли некой перегородки между внешним миром и нашим восприятием. У т. Деборина нет полного убеждения в правильности энгельсовского положения о согласованности между мышлением и бытием. По его мнению, «наши представления о внешнем мире заключают в себе такие свойства, которые не чужды внешнему миру». Только не чужды! Сравните с этими формулировками следующие слова Ленина: «Для всякого естествоиспытателя, не сбитого с толку профессорской философией, как и для всякого материалиста, ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания» [2]). Не о равнодействующей двух факторов говорит Ленин, а о превращении энергии внешнего раздражения в факт сознания. А разница следующая: в одном случае мы имеем дело с механистической теорией познания, а в другом случае—с диалектической.

Теория факторов в применении к теории познания так же нелепа, как нелепа она в применении к общественным явлениям. Она смазывает, обходит вопрос о том, какой «фактор» является решающим. В применении к теории познания она означает смазывание и опаснейшее умалчивание о примате источника познания. А это ничего другого не означает, как прямое скатывание к идеализму. Поистине теория соответствия не дает гарантии против идеализма.

Но характеристика теории соответствия была бы неполной, если бы мы не отметили еще вот чего: с нею связана тенденция к ограничению нашего познания одними отношениями и связями. Согласно этой теории мы можем познавать сходства и различия вещей, но не сами вещи. Уже у Плеханова представлена эта тенденция. Так, напр., об ощущениях-иероглифах он говорит, что они могут «совершенно верно передавать как самые события, так и — и это главное — те отношения, которые между ними существуют» [3]). Плеханов говорит о событиях и отношениях, но не о вещах. И это не однажды. Число подобных высказываний можно было бы увеличить. Это обстоятельство, разумеется, не случайное. Теория соответствия приходит к вещи через отношения, другого пути у нее нет: сходствам и различиям в ощущении со-

[1]) Примечания к «Л. Фейербаху», 1928 г., стр. 286.
[2]) Ленин, Соч., т. XIII, изд. 3-е, стр. 41.
[3]) Примечания к «Л. Фейербаху», 1928 г., стр. 115.

ответствуют сходства и различия действительные — познание вращается в сфере отношений. Раньше всего, под угрозу ставится возможность познания субстанции, материи—этого реального носителя отношений.

Но наиболее ярко эта теория представлена у Каутского [1]. Вот что он говорит в своей книге «Этика и материалистическое понимание истории» в связи с его критикой кантовской теории познания: «Они (познавательные способности. *М. Ф.*) могут мне доставлять только пространственно-временные представления, т.-е. могут указывать лишь те отношения между вещами, которые в состоянии вызывать в моем мозгу представления о времени и пространстве. На впечатления другого рода, если бы таковые существовали, они не реагируют. Благодаря моим познавательным способностям, эти впечатления особым образом достигают моего сознания, и лишь постольку категории пространства и времени определяются природой моих познавательных способностей. Сами же *соотношения* и *различия* между вещами, о которых мне сообщают пространственно-временные представления, и благодаря которым отдельные предметы представляются мне то маленькими, то большими, то близкими, то отдаленными, то раньше, то позже, являются *действительными* отношениями и различиями внешнего мира и не обусловлены характером моих познавательных способностей. Если мы не можем познать отдельную вещь в себе, и наши познавательные способности в этом отношении являются способностями непознавания, то мы все же можем познавать действительные различия вещей. Эти различия — не простые явления, хотя созерцать их мы можем только при помощи явлений, они существуют вне нас и могут быть нами познаваемы, правда, в определенных формах» [2]).

Здесь теория соответствия представлена с наибольшей ясностью и откровенностью. Определенно заявляется, что мы не можем познать отдельную вещь в себе, а познаем одни различия. По отношению к отдельным вещам, об'ективным, реальным вещам, наша познавательная способность есть способность не познавать; наша познавательная способность пригодна исключительно для соотношений и различий. Что у Плеханова проявляется в качестве тенденции, выступает у Каутского, как законченная теория. И не случайно то обстоятельство, что теория соответствия Каутского, являющаяся материалистической, вернее: полуматериалистической, постольку, поскольку она настаивает на действительности различий и отношений, уживается у него рядышком с рядом идеалистических положений в той же «Этике», уживается с агностицизмом, являющимся характерным для Каутского в целом [2]). Но это между прочим. Нам необходимо вернуться к т. Деборину.

---

[1]) Каутский в философии шел иными путями, нежели Плеханов, представляя особый «оттенок» в марксизме эпохи II Интернационала, но это не исключает того, чтобы они кое-где «сошлись».

[2]) К. *Каутский*, Этика и материалистическое понимание истории, 1922 г., стр. 27—28

[3]) На точке зрения теории соответствия стоит также Аксельрод-Ортодокс, являющаяся видной ученицей Плеханова и давно скатившаяся к идеализму кантовского толка. В одной из статей против Каутского я писал: «Очевидно, аксельродовский «секрет» в словечке «соответствует». Общие понятие не *отражает* общих свойств, а ему соответствует общее свойство. Аксельрод, очевидно, гносеологически плавает в каутскианских водах. Нашим понятиям об'ективно соответствуют некие тожества и некие различия, но они не отражают об'ективной реальности. Даваемый ею бой по вопросу об абстракции есть стратегический бой — цель лежит глубже. Цель — отрицание за сознанием способности отражать об'ективный мир таким, каким он является в действительности» («Под Знаменем Марксизма» 1929 г., № 4, стр. 80). В своей работе «Материалистическое понимание истории» Каутский от теории соответствия прямо шагает к открытому идеализму. Это — лишнее доказательство, что теория соответствия, по существу своему агностическая, одним своим концом выходит за пределы материализма.

В своей брошюре «Ленин как мыслитель» т. Деборин дает ряд определений материи; из них необходимо остановиться на двух:

«Материя есть чувственная вещь; она непосредственно или же посредственно дана в чувствах. Поскольку речь идет об отражениях, об образах материального мира, ясно, что между «материей» и ее «образами» существует определенное соответствие, некая однородность, по крайней мере в отношении некоторых качеств, что не вызывает никаких сомнений».

Употребляя термины «отражение», «образ», т. Деборин тут же вкладывает в эти понятия «свое» содержание: отношение между материей и образами характеризуется как отношение «определенного соответствия», «некой однородности», при чем тут же эта и без того неясная характеристика получает свое дальнейшее ограничение в прибавлении «по крайней мере в отношении некоторых качеств»; последнее прибавление: «что не вызывает никаких сомнений» просто забавно, ибо в чем же еще осталось сомневаться, когда все сомнения уже высказаны [1]). Тов. Деборин ленинского понимания отношения образа вещи к вещи в себе не приемлет, иначе он сказал бы менее мудрено и таинственно, а сказал бы по Ленину, что ощущение есть суб'ективный образ об'ективного мира, его копирующий, его отображающий. Но т. Деборин никак не выйдет из магического круга идей теории соответствия. Между материей и образами, по его мнению, есть «определенное соответствие». Какое соответствие? Тщетно будете ждать ответа.

Второе определение материи, данное на той же странице т. Дебориным, следующее: «Материя есть об'ективная реальность, существующая во времени и пространстве, действующая на наши чувства и в них отражающаяся». Это определение, являющееся в основном правильным и самим автором названное «более развернутым», т. Деборина, однако, не удовлетворяет, ибо он тут же вслед дает третье определение материи. Оно гласит: «В более широком смысле материя есть вся бесконечная конкретная совокупность «опосредствований», т.-е. отношений и связей». По поводу этого последнего определения материи необходимо заметить следующее: оно действительно «широкое», но настолько «широкое», что из него выпала материя, как об'ективная реальность; исчез носитель, субстрат отношений и связей. Махисты требовали «широкого» определения материи, т.-е., по существу, требовали такого определения материи, которое позволило бы протащить идеализм. Надо определенно сказать, что «широкое» определение материи т. Деборина идет навстречу этому требованию махистов [2]). Как могло подобное случиться? Оно только потому могло случиться, что т. Деборин в плену теории соответствия, которая в своем законченном виде у Каутского отказывается от по-

---

[1]) Сравните с этим рассуждением т. Деборина следующее место, выписанное Лениным из «Лекций о сущности религии» Фейербаха: «У нас нет никакого основания воображать, что если бы человек имел больше чувств или органов, он познавал бы также больше свойств или вещей природы. Во внешнем мире, в неорганической природе их существует не более, чем в органической. У человека как раз столько чувств, сколько именно необходимо, чтобы воспринимать мир в его целостности, в его совокупности». Ленин, выписывая это место, замечает: «Если бы человек имел больше чувств, открыл ли бы он больше вещей в мире? Нет. Важно против агностицизма» (Ленинский сборник XII, стр. 103).

Читатель видит, что т. Деборин в своей книге «Ленин как мыслитель» изображает не Ленина, а себя. Тов. Деборин превращает Ленина в полуагностика.

[2]) Как на один из многочисленных примеров можно указать на следующее рассуждение одного из современных физиков-идеалистов: «Дайте мне материю и движение,—сказал Декарт,—и я построю вселенную». Ум говорит наоборот: дайте мне мир—мир, в котором есть отношения,—и я построю материю и движение». Это рассуждение принадлежит Эддингтону. (См. его «Пространство, время и тяготение», Одесса 1923 г., стр. 184). Комментарий излишен. Эддингтон—крупный представитель современного махизма.

знания вещей, настаивает на действительности одних только отношений. Такова уже «природа» теории соответствия, что один неосторожный шаг вправо прямехонько приводит в лагерь противника, в лагерь идеализма.

Рамки статьи не позволяют остановиться на других моментах, сторонах теории познания Плеханова, на почве которой (вульгаризуя ее, во много раз ухудшая ее), по нашему убеждению, продолжает стоять в основном т. Деборин, несмотря на отдельные критические замечания по адресу Плеханова, высказанные им в последние годы. В предлагаемой небольшой статье нас преимущественно интересовал вопрос — действительно ли между Плехановым и Лениным в основном вопросе теории познания различие только в терминологии или же мы, наоборот, имеем здесь дело с различием по существу.

Мягкая критика Лениным Плеханова в «Материализме и эмпириокритицизме» перед лицом общего врага в лице махистов не должна заслонить, не может затушевать того, что ленинская формулировка материализма выше по типу своему, являясь наиболее последовательной.

Необходимо с особой силой подчеркнуть, что шаг вперед, сделанный Лениным по сравнению с Плехановым в философском материализме, состоит именно в том, чтобы он восстановил и дальше развивал подлинные взгляды Маркса и Энгельса на теснейшую связь между материалистическим признанием существования внешнего мира и признанием его познаваемости»[1]).

Ленин потому против теории иероглифов, что он настаивает на сходстве ощущения с вещью в себе. Ленинское понятие образ в одинаковой мере направлено как против теории тождества, совпадения, так и против теории иероглифов. Ощущение есть суб'ективный образ об'ективного мира an sich, есть зеркальное отображение, копия об'ективного. Основная материалистическая посылка о существовании мира вне нас и независимо от нас начинает колебаться в тот момент, когда мы в той или иной форме, в той или иной степени сдаем позиции в вопросе о познаваемости. И ленинские взгляды целиком совпадают с взглядами Энгельса. В своем «Л. Фейербахе» Энгельс, формулируя материализм и идеализм по признаку того, как каждое из этих двух основных философских направлений разрешает вопрос об основном начале, продолжает свое рассуждение так: «Но вопрос об отношении мышления к бытию имеет еще и другую сторону: как относятся к окружающему нас миру наши мысли о нем? В состоянии ли наше мышление познать действительный мир? Могут ли наши представления и понятия о действительном мире быть верными его отражениями?» Энгельс, стало быть, считает вопрос о познаваемости, вопрос о том, являются ли наши представления, понятия о действительном мире верными его отражениями, «другой стороной» вопроса об отношении мышления к бытию. Одна сторона «великого основного вопроса»—это то, что является основным началом, другая сторона его—верно ли мы мир отражаем. И Энгельс, как известно, в том же «Л. Фейербахе» приходит к выводу, что мы мир верно отражаем, что доказывается практикой, т.-е. экспериментом и промышленностью. «Наши восприятия и представления, — говорит Ленин, — образы их (существующих вне нас вещей. *М. Ф.*), проверка этих образов, отделение истинных от ложных дается прак-

[1]) Считаем нелишним отметить, что эта формулировка различия между Лениным и Плехановым в философском материализме в таких же словах впервые дана мною в статье, направленной против Аксельрод-Ортодокс. Я ее здесь воспроизвожу, на основе более широкой, хотя и далеко не исчерпывающей предмета, аргументации. В порядке самокритики необходимо, однако, прибавить, что другая моя формулировка, данная в той же статье и касающаяся плехановского «снятия» иероглифов, является нечеткой. Я сказал там: «Плеханов исправил, хотя и недостаточно решительно, свою ошибку еще в 1905 году» («Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 12, стр. 30). Я, несомненно, проявил здесь нерешительность в критике Плеханова.

тикой» [1]). Убеждение в верном отражении нашим сознанием действительности, теоретическая предпосылка о согласии между бытием и мышлением находит свое подкрепление, проверку и доказательство в практике. С другой стороны, не может быть успешной, революционной практики без твердого убеждения в **верном** отражении нашим сознанием действительности. Практика требует ясной теории. Различие между Плехановым и Лениным в материализме имеет не только теоретический интерес. Вопрос о том, какому материализму отдать предпочтение, прямому, ясному и открытому, до конца последовательному материализму Энгельса и Ленина или менее последовательному, менее ясному и менее открытому, делающему серьезные уступки агностицизму, материализму Плеханова — имеет не только теоретическое, но и глубоко практическое значение. Уверенная революционная практика имеет своей предпосылкой ясную и до конца последовательную теорию.

---

[1]) Ленин, Соч., т. XIII, изд. 3-е, стр. 89.

Здесь уместно заметить, что Маркс, Энгельс и Ленин понимают отражение не как простое, непосредственное, а как процесс, в котором непосредственное есть лишь момент. Но это — тема, требующая специального рассмотрения.

Ленин и исторический материализм [1]).

И. Разумовский.

Кто не понял этого своеобразия и «противоречивости» нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма.

Сталин.

Статья первая.

I.

В своем докладе на XVI с'езде ВКП(б), имеющем исключительное теоретическое значение для правильного понимания итогов и перспектив переживаемого исторического этапа, т. Сталин поставил перед нашей марксистской философской мыслью основные проблемы, которые должны стать в центре нашей философской работы. Это главным образом, вопросы диалектики исторического процесса: проблема общественного целого, его внутренние закономерности, его движущие противоречия; неравномерность капиталистического развития, соотношение между антагонистической системой капиталистического хозяйства и социалистической системой; качественное своеобразие развития и движущие противоречия социалистической системы; превращение возможности в действительность; пути и темпы нашего исторического развития и активная роль в их определении и развертывании рабочего класса и партии; подымающаяся или потухающая кривая развития; переход к последней стадии нэпа и проблема уничтожения классов; новые производственные отношения строящегося социализма; содержание и национальные формы культурной революции.

Правильное теоретическое разрешение всех этих основных проблем социалистического строительства и мировой революции немыслимо однако, — как уже ранее указал т. Сталин, — без борьбы на два фронта, борьбы за ленинское понимание диалектики истории, за подлинно материалистическое ее освещение.

Несомненно, что мы сейчас в философской области вступаем в новую фазу борьбы за материализм. И здесь сказывается спираль нашего исторического развития! Мы каждый раз «по-новому» возвращаемся к основной проблеме философии — к проблеме соотношения между материализмом и идеализмом. И к этой основной проблеме мы приходим и сейчас, разумеется, на более высокой основе — на основе более углубленного понимания основ материалистической диалектики, которое стало возможным со времени опубликования всего философского наследия Маркса, Энгельса и Ленина. Мы начинаем новую борьбу — за материалистическую диалектику. Борьба с идеализмом — нашим вековечным врагом и с фор-

[1]) Статья представляет собою литературную переработку доклада на ту же тему, сделанного в Ком. Академии 14 ноября 1930 г. Помимо уточнений, поправок и улучшений редакционного характера, в статью внесены некоторые дополнения в развитие соответствующих пунктов доклада.

мализмом, представляющим собою лишь прикрытие в наших советских условиях того же идеализма — приобретает важное значение в эпоху крайнего обострения классовой борьбы, как борьба с влиянием откровенно-буржуазной идеологии на рабочее движение. Но эта новая фаза нашей теоретической работы становится необходимой и для правильной постановки борьбы с механистическим мировоззрением, представляющим для нас как идеология правого оппортунизма особую опасность. В области борьбы с механистическим мировоззрением мы сейчас подошли к такой более высокой ступени развития, когда борьба за диалектику становится одновременно в значительной мере и борьбой за последовательный материализм — против идеалистических шатаний механистов, за правильное понимание исторического материализма, за выявление социальных корней механистических воззрений.

Наша философская борьба необходимо подошла к такой стадии своего развития, когда она должна быть распространена на борьбу за материализм в истории в его единственно правильном, ленинском понимании. Мы не можем ограничиваться общей теоретико-познавательной постановкой вопроса о бытии и сознании, но немедленно обязаны переходить к общественому бытию и общественному сознанию, стремясь учесть роль различных классов в развертывании этого общественного бытия. Проблему исторического материализма мы должны тем самым перевести на более высокую ступень, в полном соответствии с указанием Ленина, что и тактика пролетарской борьбы является необходимой стороной материализма.

Между тем, когда перечитываешь всю современную марксистскую литературу, говорящую о роли Ленина в постановке и разработке проблем исторического материализма, приходится удивляться тому, как еще мало в этом отношении сделано. Новое, внесенное Лениным в исторический материализм, еще почти совершенно не освещено и не изучено и во всяком случае оставляется без того должного внимания, какое это заслуживает.

Здесь дает себя знать тот, совершенно неверный, но еще распространенный взгляд, согласно которому Ленин едва ли мог сказать что-либо новое в области исторического материализма. Приходится слышать такие утверждения, что мол Плеханов, конечно, делал ошибки в области философии, но зато имеет определенные заслуги по линии исторического материализма. При этом совершенно игнорируется та теснейшая внутренняя связь, которая существует, с одной стороны, между историческим материализмом и основными посылками философии марксизма, с другой стороны, между историческим материализмом и политикой рабочего класса, политикой пролетарской партии, — связь «внутренняя и неразрывная», как выражается Ленин. Заслуги Плеханова в области обоснования и особенно защиты материалистического понимания истории несомненно велики. Но несомненно также, что материалистическое понимание истории у Плеханова имело свои существенные недостатки, которых никоим образом не должно затушевывать и замазывать в нашей теоретической работе и которые выступают особенно отчетливо, когда мы начинаем изучать постановку тех же проблем у Ленина.

Ошибочен и тот взгляд, согласно которому Ленин мыслится только как простой комментатор основных положений исторического материализма, уже до него высказанных Марксом и Энгельсом. Несомненно, что Ленин, — лучше, чем кто-либо иной, — знал Маркса и Энгельса и самым внимательным образом штудировал их великое литературное наследие. Но как читал Ленин Маркса и Энгельса? Если ознакомиться с материалами, которые по этому вопросу недавно опубликованы (хотя бы в Ленинском сборнике XIV), то обращает на себя внимание, что Ленин не просто комментирует или повторяет отдельные положения Маркса и Энгельса. Ленин всегда умеет выявить,

подчеркнуть у Маркса и Энгельса отдельные положения, отдельные мысли, дать им более выпуклое освещение, а иногда и более глубокое об'яснение. Таким образом, уже и в этом отношении Ленин не просто повторяет Маркса и Энгельса, а вносит нечто новое в их исторические установки.

Но этого мало. Странно было бы, если бы вообще Лениным не был поставлен вопрос о дальнейшем развитии, о дальнейшей разработке проблем исторического материализма, принимая во внимание общий взгляд Ленина на марксистскую ортодоксию. Об этом характере марксистской ортодоксии Ленин писал еще в своем «Развитии капитализма в России», когда он указывал, что под ортодоксией нужно понимать «отнюдь не простое истолкование Маркса». Но можно, — писал тогда Ленин, — «развивать марксизм в разных направлениях», можно, в противоположность критикам марксизма, «оставаться последовательными марксистами, развивая основные положения марксизма сообразно с изменяющимися условиями и местными особенностями разных стран, разрабатывая дальше теорию диалектического материализма и политико-экономического учения Маркса» [1]). Примерно то же Ленин повторяет в своем наброске «Наша программа», опубликованном в Ленинском сборнике III и относящемся к тому же времени: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса, как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только общие руководящие положения, только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше, во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социологов особенно необходима самостоятельная разработка теории, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения... и т. д.» [2]).

Поскольку Ленин жил на гораздо более поздней ступени развития капитализма, на новейшей и высшей стадии его развития, совершенно очевидно, что он имел возможность охватить и осветить, осмыслить весь процесс исторического развития, в этом смысле находясь в более выгодном положении, чем Маркс. Ленин имел возможность подытожить весь дальнейший опыт развития не только русской, но и всей мировой пролетарской революции. Несомненно, что и по этим причинам Ленин должен был двинуть дальше разработку проблем исторического материализма.

Нет и не может быть проведено качественной грани между историческим материализмом эпохи империализма и пролетарских революций, историческим материализмом Ленина и историческим материализмом Маркса - Энгельса, осмысливших весь исторический процесс развития капитализма и предшествовавших формаций. Но точно так же, как империализм представляет собою новую стадию в развитии капитализма, так и исторический материализм Ленина является дальнейшей новой стадией, новой ступенью развития материалистического понимания истории.

Только правильное ленинское понимание исторического материализма, углубленное его понимание сквозь призму тех достижений материалистической диалектики, которую мы имеем в работах Ленина, понимание, в корне враждебное всякому механицизму, формализму и идеалистическим шатаниям; только выявление тесной связи неразрывного, внутреннего единства, существующего между историческим материализмом и политической борьбой рабочего класса, — позволяют нам ответить на теоретические запросы сегодняшнего дня, правильно подойти к изучению всей нашей переходной эпохи и отдельных «переходных периодов», как выра-

[1]) Развитие капитализма в России, 1925 г., стр. 509.
[2]) Ленинский сборник III, стр. 15.

жается в одном месте Ленин—«переходном периоде». Только при этом условии можно изучить специфические особенности реконструктивного периода, — понять характер, тип, направление и закон развития общественно-исторического целого в реконструктивный период. Только при этом условии мы сумеем противопоставить антагонистический характер закономерностей, проявляющийся в каждом экономическом явлении капиталистической эпохи, движущим имманентным противоречиям, остающимся и при социализме—в противоположность капитализму.

Понять, как подходил Ленин к разрешению тех или иных проблем исторического материализма — значит понять общую методологическую установку нашей партийной борьбы с различными уклонами от генеральной линии партии, — уклонами, которые дают совершенно иное освещение социальных взаимоотношений нашей эпохи, законов, путей и направления ее развития, роли в них рабочего класса и партии.

II.

Как в свое время подходили Маркс и Энгельс, так и Ленин подходит к историческому материализму, как к науке — исторически. Он исходит «из истории философии и истории социальной науки». Марксизм как «идеология классовой борьбы пролетариата», по словам Ленина, «подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т. е. основывается на всем материале человеческого знания, предлагает высокое развитие науки» и т. д.

Марксизм и, в частности, исторический материализм рассматриваются Лениным как «прямое и непосредственное продолжение», как результат закономерного развития всей предшествующей науки, как «вывод, которому учит всемирная история» [1]). Это, — во-первых. Во-вторых, марксизм, вообще, и материалистическое понимание истории, в частности, вырастают в борьбе идей, в борьбе идеологий — в борьбе новой идеологии пролетариата с другими классовыми идеологиями. Подобно Марксу и Энгельсу, Ленин борется за материалистическое понимание истории. Он преодолевает, в этой своей борьбе за материалистическое понимание истории, за диалектический метод исторического познания, и суб'ективную социологию, представляющую собой идеологию мелкой буржуазии, и буржуазный об'ективизм кантианской социологии, и махистскую «игру в биологии и социологии», и вульгарный, механический материализм социал-оппортунистов.

В чем видит Ленин основные недостатки старого, механистического материализма, как относится Ленин, например, к Людвигу Фейербаху? Ленин отнюдь не прикрашивает Фейербаха, не пытается его представить, как это иногда сейчас делается, «по-современному», чуть ли не в качестве исторического материалиста, он не преувеличивает и «социализма» Фейербаха. Ленин отмечает все зародыши исторического материализма, имевшие действительно место у Фейербаха, его понимание роли «социального эгоизма» и т. д., и вместе с тем отмечает все существенные недостатки старого материализма. Это — неумение найти материальные корни идей, неумение охватить «действия масс», одностороннее выхватывание отдельных сторон и отдельных моментов исторического процесса, — неисторичность старого материализма, его абстрактное понимание «сущности» человека, не как «совокупности общественных отношений» — «определенных конкретно», — добавляет здесь Ленин к формуле Маркса — его непонимание роли практической деятельности» [2]).

---

[1]) Соч., т. V, стр. 286; «Три источника» и т. д., т. XII, ч. 2, стр. 393.

[2]) «Карл Маркс», сб. «Маркс, Энгельс, марксизм», стр. 12, 16; Ленинский сборник XII, стр. 105, 113.

В то же время Ленин считает нужным отметить развитие идей об'ективной закономерности и идей классовой борьбы у предшествующих экономистов-классиков, у историков и философов начала XIX века, несмотря на их реакционные взгляды [1]). Интересно в этом вопросе особо внимательное отношение Ленина к Гегелю. Ленин рассматривает «исторический материализм, как одно из применений и развитий гениальных идей-зерен, в зародыше имеющиеся у Гегеля» [2]).

Чтобы оттенить полностью новое, внесенное Лениным в исторический материализм, полезно провести одну параллель — сопоставление между пониманием исторического материализма у Ленина и у Плеханова.

И нужно сказать, что одно это сопоставление дает чрезвычайно интересный и поучительный материал. Становится понятным, что Плеханов имел основания отличать свой марксизм от «узкого и дубоватого большевистского марксизма». Недаром, — по словам Л. Мартова в одном из его писем по поводу конфликта с редакцией старой «Искры», — Плеханов еще в период этого конфликта сам считал нужным подчеркнуть, что между ним и Лениным имеется «различие и очень важное в оттенках мировоззрения». Эту противоположность оттенков он характеризовал как противоположность между «диалектическим материализмом Бельтова и метафизическим материализмом Тулина» (т.-е. раннего Ленина), при чем на вопрос Мартова о том, относится ли это различие только к тактике в отношении к либерализм, ответил — «не только» [3]).

Как, например, читает Гегеля Ленин и что отмечает он у Гегеля, как зародыши материалистического понимания истории? Уже в этом смысле чрезвычайно любопытно сопоставление оставленных Лениным заметок с точкой зрения Плеханова.

Плеханов касается этого вопроса в одной из своих ранних работ, в статье, написанной «К 60-летней годовщине смерти Гегеля», а попутно и в ряде последующих работ, — в частности в «Очерках истории материализма» и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Плеханов правильно отмечает значение общих идей гегелевской диалектики для общественной науки, а также гегелевского учения о необходимости и свободе. Плеханов лишь вскользь останавливается на диалектике отдельных сторон общественного процесса у Гегеля, сводя его к вопросу об источнике этого взаимодействия, который Гегель де видит в свойствах «народного духа». Плеханов очень бегло останавливается и на идее становления у Гегеля, подчеркивает лишь общее значение идеи развития. Зато очень пространно Плеханов стремится отметить поиски Гегелем некоторой основы общественной жизни — чего-то третьего, «высшего», дающего возможность об'яснить развитие и идей, и политики и т. д. Плеханов останавливает далее свое внимание на целом ряде примеров, которые действительно можно найти у Гегеля — где Гегель проявляет материалистическое понимание отдельных моментов исторического развития, где он, в противоречии со своим идеализмом, пытается подойти к экономическому об'яснению тех или иных явлений. Элементы классовой борьбы, имевшие место в гегелевской философии истории, также освещаются Плехановым с точки зрения экономического об'яснения истории. Наконец, он останавливает особое внимание на известной главе философии истории Гегеля, посвященной «географической основе всемирной истории», влиянию «географической среды». Плеханов, таким образом, подчеркивает у Гегеля, главным образом, зародыши материализма, связывающиеся с «географическим» и «экономическим»

[1]) Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 392.
[2]) Ленинский сборник IX, стр. 217.
[3]) Ленинский сборник III, стр. 408 (Сам Плеханов говорит об этом в статье «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция», Соч., т. XIII, стр. 130).

об'яснением истории. Экономика, по словам Плеханова, снимает Гегеля с мелей идеализма, «экономическое развитие оказалось тем prius'ом, который обуславливает собой весь ход истории» [1]).

Если сопоставить с этими соображениями Плеханова то, что позже отмечал во время своего чтения Гегеля Ленин, то здесь сразу выступают некоторые новые моменты, сказывается более высокая ступень развития марксизма. Ленин, конечно, тоже говорит о таких вещах, как о «роли орудий» у Гегеля; он попутно отмечает поставленный Гегелем вопрос в «географической основе всемирной истории», замечая тут же сбоку, что именно на этом остановил свое внимание Плеханов! Но что интересует Ленина прежде всего у Гегеля? Прежде всего он находит «много прекрасного в постановке вопроса» Гегелем то, что Гегель дает чрезвычайно верную, глубоко диалектическую «картину истории», всемирного исторического развития. То, что Гегель стоит «за строгую историчность», за последовательность развития исторических явлений, раскрывая логику, диалектику «исторической формы». Уже Гегель, как отмечает Ленин, подчеркивает в своей «Философии истории» то, что впоследствии развил Энгельс: «история не начинается с сознательной цели»; люди больше всего руководятся своим «себялюбием», но то, что является бессознательным для людей, «нечто другое» получается в итоге их собственных «действий»; в результате деятельности людей имеет место нечто более далекое, которое хотя и заключено внутренне в их интересе, однако не заключено в их сознании или намерении.

Гегель подчеркивает ту мысль, что общая совокупность индивидуальных страстей и интересов, это сплетение страстей и потребностей, бездна «мелких сил», эта масса общего интереса,— что все это создает грандиозное историческое развитие, создает новое в истории. Гегель, таким образом, подмечает единство в этом многообразии интересов, динамическую целостность исторического процесса. И конституция, и мысль, и религия, и политика и т. д. — все они образуют одну субстанцию, некий «единый дух». Рассматривая «всемирную историю как целое», Гегель в то же время считает нужным подчеркнуть особенности, индивидуальность каждой эпохи. В процессе исторического развития Гегель считает нужным выдвинуть роль «противоречий» в истории. Эту сторону Ленин также отмечает у Гегеля уже не в плоскости экономического об'яснения классовой борьбы, но с точки зрения диалектического осмысления Гегелем исторического процесса. Ту же диалектику истории Ленин стремится всюду выявить у Гегеля — и в его истории философии, и в его категориях суб'ективной логики. Частные цели в истории, по мысли Гегеля, творят идею — закон истории. Ленин всячески подчеркивает всю глубину идеи исторической закономерности у Гегеля, то обстоятельство, что «Гегель подводит вполне историю под каузальность», под принцип причинности, но «в тысячу раз глубже и богаче понимает каузальность, чем тьма «ученых» ныне понимает движение истории, улавливаемое в своей внутренней связи», понимает каузальность, причинность, как некую частичку универсальной связи исторических явлений.

Наконец, — и это очень существенно, — Ленин при своем чтении Гегеля всячески подчеркивает ту роль, которую Гегель отводит практике («узлу практики») в историческом развитии человека и его теоретического познания. «Изменение мира, не удовлетворяющего человека», является,

[1]) См. Плеханов, «К 60-летней годовщине смерти Гегеля», «Очерки по истории материализма», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и др.

по Гегелю, необходимым моментом познания мира. Таковы те моменты, которые Ленин считает нужным выделить у Гегеля [1].

Достаточно такого беглого сравнения, чтобы заметить, что уже здесь сказалась та общая недооценка Плехановым сущности диалектики, о которой говорит Ленин и которая заключается в непонимании Плехановым единства противоположностей, как основного закона диалектики, в непонимании противоречивости и целостности развития и т. д. Это непонимание сущности диалектики и рассмотрение диалектики как «суммы примеров» не могло не отразиться и на плехановском материалистическом понимании истории. Если мы возьмем не только «Основные вопросы марксизма» Плеханова, но и лучшие его работы, — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и статьи против Струве, имевшие несомненно большое значение для развития марксизма, и сравним их с ранними работами Ленина, то даже здесь порою уже ощущается существенное различие в формулировках исторического материализма. «Что такое друзья народа» и «Экономическое содержание народничества» появляются в 1894 г. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» относится к 1895 г., и в этой работе Плеханов выступает уже как вполне зрелый марксист и с огромной философской эрудицией, в противоположность «начинающему» Ленину,—через много лет после того, как он написал «Социализм и политическая борьба» и т. д.

Прежде всего обращает внимание то, что у Плеханова мы почти не имеем изучения исторического развития, как целостного общественно-исторического процесса в его всесторонности и противоречивости. Точно так же, как при рассмотрении взглядов Гегеля Плеханов в каждом отдельном историческом примере стремится выделить «основное» в общественных отношениях, их материалистическую основу, но он не воссоздает диалектики исторического развития в целом. Плеханов неоднократно говорит о «взаимодействии» экономики и надстроек, но он не показывает, как осуществляются их взаимность и взаимодействие. Конечно, может быть, это сказано «для популярности», но очень уж характерно в этом отношении положение Плеханова в одной из его ранних статей, что для того, чтобы осуществить переворот в экономике, нужно «подняться в надстройку» и там произвести изменение. Как осуществляется в исторической действительности воздействие этого изменения надстройки на экономику, где связь их, в чем их единство, где переплетение всех этих моментов? Об этом Плеханов не говорит: для того, чтобы это сказать, нужно показать взаимодействие всех этих элементов в развитии общественного целого.

Только в изучении процесса исторического развития можно выявить подлинное диалектическое единство всех сторон и категорий исторического материализма. Как известно, Ленин неоднократно упрекал Плеханова в простом логическом развитии общей истины. Нужно сказать, что это стремление к простому логическому развитию общей истины, вместо изучения действительного исторического процесса в его особых формах, неоднократно проявляется и в понимании Плехановым исторического материализма. Исторический материализм обычно берется Плехановым, как сумма примеров. Вы найдете у него отдельные примеры из области материалистического понимания истории, в которых устанавливается материалистически связь между базисом и надстройками, им подчеркивается «экономический» материализм в истории, но им не дается живой диалектики противоречивых исторических процессов. Плеханов естественно не может выдвинуть значе-

---

[1]) Ленинский сборник IX, стр. 163, 169, 217, 219; Ленинский сборник XII, стр. 153, 155, 159, 287.

ние *особых* стадий развития для развития целого, значение конкретного в истории в его взаимоотношении с общим. В своем понимании исторического развития общества Плеханов *не доходит*, я сказал бы, до глубоко диалектического понятия *общественно-экономической формации*, на котором, в особенности, заостряет наше внимание Ленин. А это значит, иными словами, что он не доходит и до правильного понимания взаимоотношений между *внешней* средой и *самодвижением* общественной формации, до роли в этом развитии *классов* и классовой борьбы, он не доходит поэтому и до признания *диктатуры пролетариата*, являющегося подлинным и наиболее глубоким критерием марксизма.

Нет никакого сомнения, что Плеханов в своем понимании материализма и диалектики на много голов стоял выше наших отечественных махистов, пытавшихся протаскивать старый идеалистический вздор «под флагом борьбы с тактическим оппортунизмом Плеханова» [1]), выше ревизионистов типа Кунова и Каутского, — позитивистов и механистов. Несомненно также, что у Плеханова имеются большие заслуги в деле разработки и особенно защиты материалистического понимания истории. Но совершенно *неправильно было бы* на этом основании затушевывать ту теснейшую внутреннюю связь, которая существовала между тактическим оппортунизмом Плеханова и его материалистическим пониманием истории. Значит ли это, что мы должны целиком отдать Плеханова международному меньшевизму? Отнюдь не значит. Мы менее всего должны игнорировать то, что говорил о Плеханове Ленин,— что работы Плеханова по философии — это «лучшее, что имеется в международной литературе марксизма». Но Ленин говорит это, напоминая положение Плеханова, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», — мысль, которую Плеханов часто повторял вслед за Чернышевским; Ленин имеет в виду такие работы, как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Несомненно, что «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»—классическая книга, на которой воспитывалось целое поколение марксистов и которая останется настольной книгой каждого коммуниста. То же самое относится и к некоторым статьям Плеханова, написанным против ревизионистов и подвергшимся, кстати напомнить, редакторской правке Ленина. И, тем не менее, проблема «Ленин и Плеханов» была выдвинута всем ходом нашего теоретического и политического развития. Она встала во весь рост в особенности после опубликования всего философского наследства Ленина, его философских фрагментов, где дана определенная оценка Плеханова как философа. Это противопоставление вовсе не является метафизическим: оно вытекает из всего хода развития *классовой борьбы*, из всего исторического хода развития нашей партийной борьбы.

Конечно, к вопросу о Плеханове нельзя подходить чересчур абстрактно: наше отношение к нему нужно более конкретизировать. Но совершенно очевидно, что если даже в области философских предпосылок Плеханов делает крупнейшие ошибки в понимании материализма и диалектики, то, разумеется, естественно искать еще больших ошибок у Плеханова в области исторического материализма, который теснейшим образом связан с *политикой* рабочего класса.

Основная заслуга Плеханова в области исторического материализма заключается в правильной постановке им вопроса о закономерном развитии марксизма из всего исторического прошлого философии и социальной теории. Плеханов первый поставил этот вопрос уже в своих «Очерках по истории материализма», он первый поставил вопрос об исторических пред-

[1]) *Ленин*, Марксизм и ревизионизм.

шественниках марксизма в утопическом социализме, в немецкой классической философии, во французском материализме. Правда, формулировки, которые и в этом отношении дает Ленин, гораздо правильнее, но заслуги Плеханова в этом вопросе несомненны.

«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханова развертывает проблему единства об'екта и суб'екта и его проявления в общественной жизни, как взаимоотношение необходимости и свободы. Проблема необходимости и свободы имела громадное значение для борьбы с народничеством, а в более углубленной постановке ее Лениным имела громадное значение и в дальнейшем — для борьбы с меньшевизмом. Понимание Плехановым взаимоотношения природы и общества, которое дается в его «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и в некоторых других работах, также гораздо более проникнуто материалистической диалектикой, чем соответствующие взгляды современного ревизионизма. Многие формулировки Плеханова и в этих вопросах, и в некоторых более специальных останутся классическими. Этих заслуг Плеханова, этих его достоинств мы вовсе не забываем: этого Плеханова мы меньшевикам не отдадим!

В ранний период революционно-марксистской работы Плеханова еще можно говорить только о недостаточной последовательности Плеханова, об отдельных ошибках, о недооценке им отдельных сторон вопроса, о нечеткости его отдельных формулировок, даже в лучших, классических его произведениях. Правда, и тогда порою обнаруживается вся теоретическая несостоятельность Плеханова в трактовке им серьезнейших вопросов—например, анархизм; уже в период старой «Искры» назревают, как мы видели, серьезные расхождения между Бельтовым и Тулиным!

Начиная с известной статьи «Чего не делать» — в ответ на ленинскую «Что делать?» — явно начинается новая страница теоретической работы Плеханова. Занимая в борьбе между большевизмом и меньшевизмом в огромном большинстве случаев неправильную меньшевистскую позицию, Плеханов постепенно все более передвигается на теоретические рельсы буржуазного и мелкобуржуазного мышления: его политические устремления сказались чрезвычайным образом на его теоретических формулировках. Уже статья Плеханова «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция», с критикой ленинского понимания теоретического развития рабочего класса, обнаружила все недостатки плехановского понимания взаимоотношения общественного мышления и общественного бытия, теории и практики — применительно к истории рабочего движения. Толкуя чрезвычайно упрощенно мысль Ленина о том, что в России теоретическое учение социал-демократии «возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения», Плеханов вместе с тем обнаруживает явное непонимание необходимой диалектики взаимоотношений между стихийностью и сознательностью, революционной теорией и практикой в развитии рабочего движения. Он совершенно абстрактно, метафизически, односторонне изображает действительное развитие, предполагая, что рабочие «на известной стадии общественного развития» (?) сами пришли бы к социализму, сами стали бы на путь социалистической революции, несмотря на все воздействие буржуазной идеологии. В дальнейшем история рабочего движения показала, к какому оппортунизму на практике ведет эта плехановская «диалектика»! [1]).

---

[1]) Плеханов здесь высокомерно замечает: «Я никогда не считал Ленина сколько-нибудь выдающимся теоретиком и всегда находил, что он органически неспособен к диалектическому мышлению» (Соч., т. XIV, стр. 135).

В тесной связи с этим новым политическим этапом в развитии Плеханова находятся и его географический материализм, и его знаменитая формула материалистического понимания истории, данная им в «Основных вопросах марксизма». Было бы совершенно неправильно не видеть глубокой связи, существующей между «географическим» уклоном Плеханова, его преувеличенным представлением о роли природной среды для исторического развития, его «формулой» и его оппортунистической оценкой, например, буржуазно-демократической революции в России. В более поздней «Истории русской общественной мысли» Плеханова эта взаимозависимость политики и исторической теории получила наиболее яркое свое отражение. Географический или натуралистический уклон Плеханова имеет более глубокий смысл: он обозначает не только явно недиалектическое представление о соотношении в историческом развитии между внешней средой и внутренними закономерностями общественного движения. Этот географический материализм точно так же, как и родственная ему «теория равновесия», ведет к смазыванию роли классов в движении и развитии общественных формаций, к затушевыванию значения революционной борьбы.

Эта иная, немарксистская, а скорее механо-материалистическая и позитивистская, концепция получила свое отражение в «формуле» Плеханова. Конечно, и в этой формуле многое можно об'яснить тем, что Плеханов пишет так «для популярности». Но несомненно также, что эта формула страдает целым рядом весьма существенных недостатков. Прежде всего она характерна известным разрывом, — иной раз явно механистическим, — между отдельными категориями — членами этой формулы: «состоянием производительных сил», «экономическими отношениями», «социально-политическим строем», психикой и т. д. Состояние «производительных сил», которое берется Плехановым вне формы их развития, производственных отношений, представляет собой абстрактный фундамент всей этой сложной постройки. Из этого «состояния» производительных сил и особого значения географической среды для их развития исходит Плеханов. Поскольку им здесь не показано взаимодействие производительных сил и производственных отношений в их диалектическом единстве, формула Плеханова, конечно, легко могла быть использована как благодарный теоретический материал для известной меньшевистской концепции «производительных сил». Каутский и др. ренегаты марксизма «во имя исторического материализма» постоянно ссылаются на процесс производства, на развитие производительных сил, от которых-де зависит все остальное историческое развитие, этим общим местом без диалектического его понимания прикрывая свой политический оппортунизм. Неудивительно, что в формуле Плеханова и столь важный член, как «социально-политический строй общества», страдает полной расплывчатостью определения. По существу здесь скрадена мысль о государстве, как орудии классового угнетения и орудии классовой борьбы, и, что самое важное, в «формуле» вообще ничего не говорится о классах. Здесь нет, стало быть, теории классовой борьбы, которая для Ленина всегда являлась руководящей нитью социального исследования, в которой Ленин видел настоящее и подлинное проявление материализма в отличие от об'ективизма, которая полностью раскрывается в теории социальной революции и которая должна быть доведена до признания «диктатуры пролетариата».

В формуле Плеханова вообще нет связи, нет движения, нет общественного развития с его обострением противоречий. Формула эта глубоко статическая, не могущая поэтому дать правильный «лозунг борьбы». Плеханов подчеркивает местами «методологическое значение

исторического материализма», сам говорит о том, что исторический материализм показывает, «как нужно подходить» к об'яснению исторических явлений. Но поскольку «алгебра» общественного развития — как выражается Плеханов — у него обычно оторвана от реальной его «арифметики», его «метод» не имеет действенного, практического характера. Получается некая схема формальных предпосылок, стоящая над действительной историей, представляющая собою логическое развитие общей истины, схема, стоящая гораздо ближе к об'ективизму буржуазной социологии. Формула Плеханова глубоко отлична в этом отношении от полного динамики, вскрывающего антагонизм общественных формаций, зовущего к социалистической революции, предисловия Маркса к «К критике политической экономии». Схема материалистического понимания истории Плеханова является поэтому в той или иной мере приемлемой для буржуазии, в то время как исторический материализм в понимании и истолковании Ленина для нее абсолютно неприемлем!

Уже наиболее ранние формулировки Ленина, в сравнении даже с классическими работами Плеханова, в этом отношении характерны своей революционной, классовой четкостью и теоретической последовательностью. Недаром, говоря о материализме, как «единственно научном приеме об'яснения истории» [1]), Ленин заканчивает свою самую раннюю работу прогнозом «коммунистической революции», предвидением путей российского Октября. В историческом материализме Ленин видит «путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей его разносторонности и противоречивости процесса». Это глубокая диалектическая формулировка Ленина дает нам все важнейшие моменты историко-материалистического исследования,—единство и закономерность процесса общественного развития, разносторонность и противоречивость этого исторического развития. Она подчеркивает одновременно и методологическое значение исторического материализма, и об'ективное конкретно-историческое содержание его предмета — самого исторического процесса в его внутренней противоречивости.

В чем видит Ленин прежде всего применение «материализма в истории»? В том, что корни всех без исключения идей и противоречивых стремлений Ленин вслед за Марксом ищет в «об'ективных условиях производства материальной жизни», как «общественных условиях жизни масс», в общественном строе производства, в «различии в положении и условии жизни классов». Теория классовой борьбы является для Ленина «руководящей нитью» социального исследования: она открывает возможность установления об'ективной закономерности в кажущемся лабиринте и хаосе исторических явлений. Антагонистические противоречия характеризуют об'ективные закономерности классовых обществ, определяют закон их движения и развития. Именно в ней, в теории классовой борьбы, Ленин видит поэтому и высшее преодоление буржуазного исторического об'ективизма и вместе с тем наиболее последовательное проведение подлинно-об'ективного, материалистического изучения истории. Недаром Ленин употребляет такое выражение, крайне характерное для Ленина, как «научно-классовая» характеристика исторического процесса. Здесь Ленин проявляет свое глубочайшее понимание общественной закономерности и путей ее осуществления.

Ленин, как никто другой, подчеркнул руководящий, революционно-практический, стимулирующий рабочий класс к организации характер метода исторического материализма, всю его творческую действенность. Ленин включает в материалистическое понимание исто-

[1]) «Что такое друзья народа», Соч., т. I.

рии не только понимание роли и исторического значения каждого отдельного, а особенно передового класса, но и роль, историческое положение и тактику передовой партии рабочего класса в каждом историческом движении. Диалектика истории получает свою характеристику как цельная научная теория, вносящая единство во «взгляды на историю и политику». Или, как формулирует свое воззрение Ленин, «хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается вследствие роста производительных сил, другой, более высокий»[1]) Ленин рассматривает исторический процесс как нечто единое, целостное, как некоторую совокупность всех сторон, всех столкновений, всех тенденций. Но процесс этого развития Ленин изучает во всей его разносторонности и противоречивости, ведущей к новым формам этого исторического процесса. Исторический материализм вскрывает противоречия живой истории: нужно проследить движение и развитие этих противоречий, развитие их до конца: тем самым открывается выход из создавшихся противоречий, переход к новой исторической ступени развития, тем самым дается правильный лозунг политической борьбы.

Именно отсюда вытекает столь внимательное отношение Ленина к особенностям каждого отдельного этапа развития, к свойственным каждой отдельной ступени истоической развития особым противоречиям и особым законам перехода ее в высшую форму.

Последнее нашло свое выражение в понятии общественно-экономической формации, в представлении об историческом процессе, как «естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций».

Здесь, в этих ленинских формулах исторического материализма, дан подлинный образец исторической диалектики. Закономерное развитие общественно-экономических формаций, каждая из которых характеризуется особыми ей свойственными имманентными противоречиями и формами классового антагонизма, развитие их в то же время как движение живых общественных классов, поставленных в определенные условия материального производства, борющихся между собой за определение об'ективной закономерности и выдвигающих в процессе этой борьбы свои руководящие партии—вот формула подытоживающая проведенную нами параллель между Плехановым и Лениным.

Недаром, сравнивая писания новоискоровцев и имея в виду, конечно, Плеханова, с созерцательным материализмом Фейербаха, Ленин указывал, что «новоискровцы принижают материалистическое понимание истории, игнорируют действенную, руководящую и направляющую роль, которую могут и должны играть в истории партии, осознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов»[2]).

III.

Махисты, по словам Ленина, «заучили историческую теорию Маркса, но не выяснили себе ее основы, философского материализма»[3]).

Исторический материализм, с точки зрения Ленина, «внутренне и неразрывно» связан с философией диалектического материализма»,—не только потому, что опирается на ее методологические предпосылки. Исторический материализм для Ленина — если только внимательно проследить по всем его

[1]) «Три источника и три основных части марксизма».
[2]) Соч., т. VII, стр. 324.
[3]) Материализм и эмпириокритицизм, стр. 377.

работам его понимание исторического материализма — представляет собой существенную часть философии марксизма. Это необходимый ингредиент, необходимая составная часть единого философского миросозерцания. «Углубляя и развивая философский материализм, — я подчеркиваю эти слова Ленина, — Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание человеческого общества». С этой именно точки зрения Ленин называет мировоззрение Маркса и Энгельса «законченным, философским материализмом», а исторический материализм—«величайшим завоеванием научной мысли» [1]). То же говорит Ленин и в статье о К. Марксе, где «теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата» рассматриваются Лениным, как существенная часть нового марксистского «миросозерцания», где тактика классовой борьбы понимается как необходимая «сторона материализма», без которой он был бы «половинчатым, односторонним, мертвенным». Поэтому, критикуя Бухарина, Ленин указывает: «социологический, вернее философский аспект». Или в другом месте, например, он говорит: «философский и социально-исторический взгляд о корнях движения» в глубине.

Мы видим таким образом, что Ленин придает историческому материализму глубокое философское значение. Это философское значение исторического материализма двоякого рода. Прежде всего, нужно уяснить роль и значение общих философских основ марксизма для понимания всех сторон и каждой отдельной категории исторического материализма. В центре внимания Ленина, как и у Маркса и у Энгельса, — в центре всей его теоретической работы стоит применение материалистической диалектики, применение ее, в частности, к «истории» и к «политике». И действительно в этом отношении исторический материализм поднят Лениным на неизмеримую философскую высоту в сравнении с материалистическим пониманием истории Плеханова. В связи с этим приобретает особое значение и то, как, по какому методу Ленин критикует буржуазных и мелкобуржуазных социологов. Он подвергает критике не только их исторические и социальные теории, но и вскрывает философские корни этих теорий. Ленин критикует не просто суб'ективно социологию, но одновременно выявляет позитивизм и идеализм народников. Он подчеркивает, например, позитивизм Михайловского, который заявляет, что мол «сущность исторического хода вещей неуловима» и т. д. Он отмечает механистичность воззрений народников на общество. Он вскрывает кантианские корни социологического суб'ективизма Струве, Булгакова и многих других. То же самое относится к критике Лениным Богданова. Говоря об историческом материализме в понимании Богданова, Ленин вскрывает методологические корни «исторического материализма» Богданова в механицизме, в его суб'ективизме, в его идеализме. Это относится, наконец, и к философским корням «социалистической схоластики» Бухарина. И здесь Ленин считает нужным подчеркнуть позитивизм Бухарина, «стыдливый агностицизм», который лежит в основе его «социологических построений».

Применение материалистической диалектики к изучению общества и истории не может протекать иначе, как через посредство категорий исторического материализма. Лишь, когда мы отвлекаемся от исторического процесса в целом, от его движущих сил и закономерностей и выделяем лишь отдельные стороны и моменты исторического развития, мы можем оставить в стороне специфические категории исторического мышления и ограничиться применением общих положений материалистической диалектики. Правда, Ленин сам говорит иной раз: «материалистическое понимание

---

[1]) «Три источника и три составные части марксизма».

истории и диалектический метод». Но этим Ленин только отмечает две стороны одного целого, неразрывно связанные между собой, единство мировоззрения и метода марксизма. «Материализм в истории» вскрывает материальные корни идей в общественном строе производства, в соотношениях классов и их интересах. Тот же исторический материализм, как диалектика истории, раскрывает нам связь и развитие всего исторического процесса в целом, его особенности, его противоречивость.

Распространение диалектического материализма на область общественной жизни ведет к тому, что каждая философская категория приобретает определенный социально-исторический смысл. Эту постоянную параллель можно найти у самого Ленина: бытие и сознание, общественное бытие и общественное сознание, социальное качество, социальные противоречия, экономическая основа, общественно-экономические содержание и форма, историческая закономерность, историческая необходимость и действительность — все эти философские категории приобретают в историческом материализме определенный социально-исторический смысл, наполняются определенным историческим содержанием. Философское углубленное понимание исторического материализма означает правильное диалектическое его понимание, диалектическое понимание взаимоотношений всех отдельных сторон и категорий исторического процесса.

Но помимо этого исторический материализм приобретает у Ленина важное значение, как существенная часть философии марксизма, еще в другом смысле, в другом отношении. Мы уже указывали, что было бы неправильно проводить какую бы то ни было качественную грань между философскими воззрениями Маркса-Энгельса и философскими взглядами Ленина. Однако, если правильно оценить все новое, внесенное Лениным в дело разработки и систематизации теории материалистической диалектики, если признать, что именно Ленин закладывает в целом ряде своих формулировок основные предпосылки теории материалистической диалектики, как «философской науки»,—то становится несомненным, что Ленин превратил исторический материализм в существенную часть этой «философской науки». Здесь необходимо вспомнить мысль Ленина о внесении «жизни в логику», о необходимом рассмотрении логики в связи с «общими посылками бытия конкретного суб'екта (жизнь человека) в об'ективной обстановке» [1]).

Мы этим не хотим сказать, что работа в области материалистической логики, что работа в области материалистической истории и теории познания должна смениться эмпирическим рассмотрением проблем, имеющих лишь временное значение для пролетарской борьбы. Ленин сам возражал против такого теоретического упростительства, указывая, например, что вопрос о пространстве и времени, поставленный Энгельсом в «Анти-Дюринге», конечно, не имеет живого «конкретного» значения для непосредственной борьбы, хотя имел то общее значение, что выяснял опасность отступлений к идеализму и позитивизму [2]). Но тем не менее логическое, при всем учете его общего значения, у Ленина всегда теснейшим образом связывается им с конкретно-историческим.

Не в пример нашим новокантианцам «рубинского» толка, не в пример и некоторым нашим «диалектикам» от формализма и идеализма, Ленин вскрывает материальные корни, классовые корни самых общих, самых абстрактных логических понятий. Так, например, хотя стоимость,

---

[1]) Ленинский сборник IX, стр. 239.
[2]) Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 205.

по Ленину, не содержит «ни атома природного вещества», Ленин в одном месте говорит о материальном эквиваленте прибавочной стоимости. Он отмечает этот момент в понятии прибавочного продукта, то, что прибавочному продукту в определенном смысле, конечно, в известных определенных пределах соответствуют определенные доли хлеба, сукна и т. д. Ленин считает нужным всегда подчеркнуть, — что, к сожалению, далеко не всегда сейчас делается, — исторические, классовые корни процесса исторического развития философского мышления и отдельных философских систем и воззрений. В самых общих вопросах, даже в таком общем вопросе, как, скажем, историческое развитие мышления по кривой, и здесь Ленин считает нужным, что это развитие мышления по кривой («круги» на «спирали») имеет определенную историческую основу, что превращение отрывков этой кривой в прямую линию закрепляется определенными классовыми интересами, интересами господствующих классов (Я имею в виду известный отрывок Ленина «О диалектике»).

То же самое повторяется и при выяснении Лениным логических корней гегелевского идеализма, когда Ленин говорит о роли абстракции, о раздвоенности нашего познания, о необходимости «отойти», чтобы лучше «прыгнуть» и т. д. И здесь Ленин подчеркивает узел практики, «узловой пункт» — «практика человека и человеческой истории» [1]).

Могут возразить, что для правильной разработки общих посылок философии марксизма, мы должны изучать и природу. Это, конечно, несомненно. Но все дело в том, что изучение природы также связано с определенными общественно-историческими условиями; различные стороны и различный характер изучения природы тоже в значительной степени зависят от этих общественно-исторических условий. Если принять во внимание все эти соображения, то становится очевидным, что теория материалистической диалектики не может быть разработана и построена без исторического материализма, без определенных «взглядов на историю и политику» (Ленин). Поэтому всякого рода рассуждения, характерные для некоторых философов типа т. Стэна, чрезмерно отгораживающих теоретическую борьбу пролетариата от иных форм его классовой борьбы,—так что эта его теоретическая борьба оказывается протекающей как-то вне единой классовой борьбы; всякого рода противопоставления теории материалистической диалектики историческому материализму, как чем-то более «высокого», некоторой «высшей формы», страхи за то, что могут-де осквернить священные абстракции логики и «свести» ее к историческому материализму,—я думаю, что все эти явления, обнаруживавшиеся в нашей последней дискуссии, Ленин заклеймил бы, как величайшую пошлость, как явное издевательство над марксизмом!

Именно в этой плоскости, под углом философского и практически-политического значения исторического материализма и должен получить свое разрешение вопрос о взаимоотношении исторического материализма и социологии, вообще вопрос о социологии в марксизме. Понимание этого вопроса Лениным ничего общего не имеет с своеобразной «схоластической игрой в дефиниции», которую неоднократно высмеивал Ленин, которая по своему теоретическому происхождению теснейшим образом связана с кантианским формализмом и позитивизмом и может вести только к шатаниям в сторону идеализма. Я поэтому не могу, например, согласиться с соображениями т. Карева, который исторический материализм отказывается рассматривать как социологию лишь потому, что эта «форма науки» не соответствует историческому характеру формулируемых марксиз-

---

[1]) Ленинский сборник XII, стр. 229.

ном законов, что самому типу социологии как науке присуща абстрактная точка зрения»[1]).

Не в «форме науки» вовсе дело!

Форма, тип науки всегда, разумеется, в той или иной мере определяется характером предмета данной науки: характер предмета науки определяет и характер метода науки, а стало быть, и метода ее построения. В зависимости от этого наука по своему типу, по своему методу может быть более или менее абстрактной: например, политическая экономия, ботаника. Но самый подход с точки зрения «формы науки» ничего общего не имеет с марксизмом. Самый вопрос, является ли исторический материализм социологией, носит все черты формалистической установки, так как заранее предполагает, что речь идет о социологии, как о «форме науки». Тем самым исторический материализм рассматривается лишь как форма, как тип науки: отрыв метода от мировоззрения, отрыв формы от содержания находят здесь особенно яркое выражение! Не напрасно очевидно т. Карев подкрепляет свои соображения перефразировками Канта, в роде того, что исторический материализм без истории пуст, а история без исторического материализма — слепа. Весь подход к проблеме исторического материализма, в сущности, носит у него отпечаток той же кантианской логики: как, в какой форме «возможен» исторический материализм как наука?

Для марксиста важно, прежде всего, философское и об'ективно-историческое содержание той или иной исторически сложившейся социальной науки, ее классовая роль, ее отношение к политике того или иного класса. Для марксиста важно глубокое противоречие между философским, диалектико-материалистическим содержанием и классовой ролью исторического материализма и отношением к философии и к политике рабочего класса со стороны исторически сложившейся буржуазной социологии. Нужно скаазать, что в спорах об «определении» истмата, которые имели место за последний год, было, с моей точки зрения, допущено много невероятной схоластики в самих разграничениях и противопоставлениях: теория или наука, метод или наука, метод или теория! Как будто бы, будучи теорией самого об'ективного исторического процесса, исторический материализм тем самым не является и методом единственно-научным и «приемом» об'яснения любого исторического явления?! Если бы Ленин мог как-нибудь высказать свое отношение к этому, он, вероятно, просто посмеялся бы над всей этой игрой с дефиницией, как над совершенно ненужным вздором, не имеющим никакого серьезного значения.

Ленин не только в своих ранних работах, но и работах позднего порядка очень часто говорит о социологии,—в «Материализме и эмпириокритицизме» и в целом ряде статей мы нередко находим у него выражение «социология», «социологический». Но совершенно несомненно, что Ленин сам относился к этому термину настороженно, что часто, когда Ленин сам употребляет это выражение, он употребляет его с известными оговорками. Приведу, в качестве примера, хотя бы статью Ленина «О некоторых исторических особенностях развития марксизма», где Ленин сам, говоря о своей чисто-теоретической, «социологической» «точке зрения», ставит слово «социологический» в кавычки. Почему? Да потому, что Ленин считает термин «социология» неполным, неточным, неверным, не выражающим главного, основного — философского, диалектико-материалистического содержания исторического материализма и философских корней исторической теории марксизма.

---

[1]) Ник. Карев, Исторический материализм как наука. «П. З. М.» № 12, 1929 г.

Вот почему в своих замечаниях об «Экономике переходного периода» Бухарина Ленин писал: «социологический, вернее философский аспект». «Социологическая схоластика» Бухарина, равно как и «социологии» всякого рода буржуазных историков и социологов теснейшим образом связаны с позитивизмом, со «стыдливым агностицизмом», с отрицанием философии или непониманием ее действительного значения, с тем, что, например, диалектическая точка зрения у Бухарина одна из многих «точек зрения», с тем, что метод материализма имеет для него лишь «познавательную ценность» [1]). Но социологический позитивизм, характерный для всего исторического развития социологии, как науки, ведет и к другому не менее существенному пороку. Он ведет к социологическому об'ективизму, об'ективизму типа Струве, о котором Ленин говорил, что этот об'ективизм «не доходит до материализма» [2]).

В чем видел Ленин основную особенность материализма в отличие от социологического и исторического об'ективизма? В том, что материалист, в отличие от об'ективиста, отчетливо проводит теорию классовой борьбы и занимает определенную партийную позицию, позицию определенного класса, пролетариата, в этой борьбе. Абстрактная социология теснейшим образом связана не только с философским позитивизмом, но и с этим социологическим об'ективизмом. Абстрактные социологи являются все без исключения только об'ективистами, но не материалистами в том глубоком смысле, какой придавал этому понятию Ленин.

С другой стороны, Ленин показал, что самая абстрактность социологии, как формы или типа науки, что самый характер социологических схем и рассуждений об обществе вообще, что этот тип, эта схема, эта форма также имеют вполне определенные, эмпирические, классовые корни. Он указывал, что «общество вообще» по существу вовсе не есть общество вообще, так как оно построено по марке буржуазного торгаша. С этой точки зрения всякого рода абстрактная социология играет определенную служебную политическую роль: она служит притуплению классовых противоречий. Рассуждения об обществе «вообще» затушевывают резко противоположные классовые позиции социологического об'ективизма и материализма. А между тем исторический материализм — глубоко партийная наука. Он внутренне и неразрывно связан с теорией революционной борьбы пролетариата, с научным коммунизмом, как программой его классовой борьбы.

Задача социальной науки по Ленину, как известно, — это дать руководство для действия, дать «лозунг борьбы». Отсюда, уже отсюда, из этого критерия практики, а не из каких-либо логических соображений, вытекает необходимость не только общего содержания каждой отдельной категории исторического материализма, но и особенного ее содержания. Уж отсюда вытекает необходимость рассмотрения исторического материализма и его отдельных проблем по-новому на каждом этапе развития истории.

Отсюда вытекает возможность постановки и разработки основ исторического материализма «по-новому» и в условиях нашего переходного периода.

IV.

Два наиболее важных момента выпячиваются на первый план, когда мы подходим к ленинскому пониманию исторического развития. Это прежде всего глубокое диалектическое понимание общественного целого и

[1]) Ленинский сборник XI.

[2]) «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», Соч., т. II.

об'ективной закономерности в развитии системы общественных отношений. Это далее выявление той активной, действенной роли, которую играют классы и партии в определении путей исторического развития,—активное, действенное, творческое понимание исторического материализма.

Эти два момента представляются нам наиболее характерными для большевистского революционного марксизма: глубокое и отчетливое осознание об'ективной закономерности исторического развития, уяснение тех особых, специфических форм, в которых эта об'ективная закономерность находит свое проявление, и, одновременно, раскрытие тех слагаемых, из которых складывается общественная необходимость по своему классовому содержанию и определение роли своего класса и своей партии в борьбе за тот или иной исторический путь развития. Это в первую очередь относится к наиболее общему понятию исторического материализма, к понятию общественно-экономической формации. Учение Ленина об общественно-экономической формации позволяет (и в этом его глубокое отличие, скажем, от бухаринской «социологии») понять, почему и через какие этапы классовой борьбы мы можем и должны притти к социализму, понять об'ективно-закономерный характер нашего движения к социализму. С другой стороны, проблема общественно-экономической формации в ее правильной постановке, при правильном выяснении связи между об'ективно-закономерным строем общественных отношений и классовой борьбой, имеет совершенно исключительное значение для выявления действенной роли классов в историческом развитии, для понимания роли рабочего класса, как творца нового в истории, как созидателя новых общественных отношений.

В чем видит основную задачу исторического материализма Ленин, в своей полемике с Богдановым? В разрешении той же основной проблемы философии — взаимоотношение между бытием и сознанием — в ее историческом преломлении. В том, чтобы охватить «об'ективно-неизбежную диалектику человеческой истории», чтобы «охватить об'ективную логику эволюции общественного бытия в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно критически приспособить к ней свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран» [1]). Марксизм, по словам Ленина, указал «путь к всеоб'емлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определенным условиям жизни и производства различных классов общества»: такова основная методологическая предпосылка к выполнению этой задачи [2]). Только в процессе развития общественно-исторического целого, рассматриваемого каждый раз как особая, исторически-определенная совокупность противоречивых тенденций, может раскрыться об'ективная закономерность данного развития, как то действительное единство общего, особенного и единичного, на котором так часто настаивал Ленин. Только в процессе развития, в движении формаций в действии классов раскрывается единство содержания всех категорий исторического материализма, производительных сил и производственных отношений, классов и их идеологии.

Народническая социология и буржуазная социология, с которыми приходилось бороться Ленину, социология Булгаковых, Струве, Каблуковых

---

[1]) Материализм и эмпириокритизм, гл. VI, 2.

[2]) Ленин, Карл Маркс.

и т. д. и т. п., отличалась прежде всего своим эмпиризмом. Народнические и буржуазные социологи обычно отвлекаются от целостности общественной жизни. При помощи формально-логических абстракций и аналогий они вырывают и доводят до абсурда отдельные черты и отдельные стороны исторической действительности, и эти отдельные стороны и черты возводят на степень общих законов. Вместо того, чтобы говорить об общественном целом—каждый раз в его специфичности,—буржуазные и мелкобуржуазные социологи говорили об отдельных кусочках этого целого. Говоря, например, о роли кооперации, мелкобуржуазный социолог рассматривал кооперацию не как момент развития каждый раз некоторого исторически-определенного, общественно-исторического организма, не знакомился со специфической ролью кооперации в различных общественно-исторических условиях, при различных взаимоотношениях классов, при различном классовом господстве и т. д. Он стремился абстрактно представить кооперацию «вообще», как некий кусочек социализма. Естественно, что отсюда и вытекала та точка зрения буржуазного и мелкобуржуазного социолога на свою роль в историческом процессе, точка зрения, которую мы называем реформистской, которую Ленин обозначал как «штопание» истории. Характерно, что такой эмпиризм нередко находил свое проявление и у Плеханова. В споре с Лениным по поводу внесения национализации земли в партийную программу Плеханов ссылался на то, что национализация земли была характерна для азиатского способа производства и потому-де является «реакционной» политической мерой при капиталистических производственных отношениях! Подобного же типа эмпиризм мышления проявили позже тт. Зиновьев и Каменев, когда они распространили понятие «государственного капитализма» на всю совокупность наших производственных отношений.

Между тем понятие общественного целого имеет исключительно важное значение для диалектики исторического процесса. Здесь важно уловить соотношение частей, отраслей, сторон, тенденций исторически-определенного, общественно-экономического целого, характер совокупности самых различных тенденций, выявить определяющее значение, которое имеют в данной совокупности некоторая основная тенденция, отрасль и т. п., определить общественное качество, характеризующее единство противоречивых тенденций,—здесь важно вскрыть проявляющуюся в данном общественном целом закономерность. Так именно применяет категорию «целого» т. Сталин в своем докладе на XVI с'езде партии, когда он говорит о мировом капитализме в целом, с его обостряющимися противоречиями, когда, с другой стороны, он рассматривает рост народного хозяйства СССР в целом и последовательно отмечает в нем: рост продукции промышленности в целом и растущий перевес продукции индустрии в динамике соотношения между промышленностью в целом и сельским хозяйством в целом, как определяющие для всего народного хозяйства в целом; далее — рост удельного веса тяжелой индустрии, как определяющий для индустрии в целом; наконец, командующее положение социалистической промышленности, как определяющей в основном решение вопроса «кто—кого» в промышленности. Помимо того, понятие общественного целого имеет существенное значение для изучения закономерности исторического развития, для определения особых этапов и стадий в развитии данного общества, для выяснения переходов от одной общественной формации, как некоего целого, к другой формации.

Ленин исследует историческую действительность, как некоторую целостную совокупность тех или иных противоречивых тенденций. Он ставит вопрос, какова эта совокупность, каков закон ее развития и изменения. При этом в вопросе о закономерности, об истори-

ческой необходимости Ленин также выявляет целый ряд новых моментов, не получивших освещения до сих пор в марксистской литературе.

Плеханов, с его стремлением к «алгебраическому» разрешению вопросов общественного развития, ограничивался обычно абстрактным признанием исторической закономерности, не входя в оценку особых этапов и форм развития каждого данного общественного организма. Рассматривая, как примеры, отдельные моменты исторического развития, Плеханов ограничивается каузальным, причинным об'яснением явлений, путем выведения их из «экономической основы». Ленин всецело стремится подвести историю под «каузальность», но, точно также как и Гегель, гораздо глубже и богаче понимает эту каузальность. Поэтому Ленин не придает причинности, «обычно нами понимаемой», такого большого значения, какое придавал ей Плеханов. Каузальность для Ленина «лишь малая частичка всемирной связи» [1], находящей свое более глубокое выражение в закономерности явлений. «Понятие закона, — говорит Ленин, — есть одна из ступеней познания человеком единства связи, взаимозависимости и цельности мирового процесса». Закон есть «отношение», вслед за Гегелем определяет Ленин, «отношение сущностей или между сущностями». «Закон есть существенное явление», «отражение существенного в движении универсума; «прочное», остающееся, идентичное, тождественное в явлениях. Закон присущ явлению, как «спокойное отражение явлений», — комментирует Гегеля Ленин, находя это «замечательно материалистическим и замечательно метким определением». Поэтому закон, всякий закон узок, неполон, приблизителен», и «явление богаче закона». В то же время закон, например, закон стоимости, правильнее, глубже, полнее отражает капиталистическую действительность, чем каждый отдельный акт обмена. В законе научное мышление отражает движение в целом: в этом смысле «узкий» закон одновременно отражает цельность, тотальность явлений. В форме всеобщности он воплощает «богатство особого и отдельного».

Исторический закон для Ленина — одна из весьма важных ступеней познания связи и целостности исторического процесса, «спокойное» отражение в наших понятиях реального конкретного исторического развития. В пределах своего исторического действия он выражает известное об'ективное отношение, он приблизительно характеризует об'ективную существенную связь данных исторических явлений. Но он не отражает «сразу» полностью всего богатства исторических явлений, всего случайного, несущественного в каждом историческом явлении. В своей форме всеобщности, «в себе замкнутости» (Энгельс), закон имеет целью выразить типичное, идеально-среднее. Закон возрастания постоянного капитала Маркс, по словам Ленина, рассматривал как «закон общих тенденций капитализма, а не закон всех отдельных случаев» [3]. Иной взгляд на закон противоречил-бы диалектике процесса познания. «Значение общего, — всячески подчеркивает Ленин, — противоречиво, оно мертво, оно нечисто, неполно и т. д., но оно только и есть ступень к познанию конкретного, ибо мы никогда не познаем конкретное полностью. Бесконечная сумма общих понятий, законов и т. д. дает конкретное в его полноте». Идеалист Гегель, по словам Ленина, трусливо обходит критику Аристотелем «идей» Платона, как основ идеализма вообще, критику идеалистического понимания абстракции, «закона», «необходимости» [4]. В то же время Гегель

[1]) Ленинский сборник IX, стр. 161—163.
[2]) Там же, стр. 63, 145, 148, 149, 161.
[3]) Аграрный вопрос, Сб. ст., стр. 9.
[4]) Ленинский сборник XII, стр. 229, 235.

стремится восполнить свое материалистическое определение закона, как «покоящегося образа явлений», идеалистической оговоркой, что область законов образует некоторый мир, который возвышается над являющимся миром, как «сущий в себе и для себя» «сверх'естественный мир» [1]).

Ленин, поэтому, ведет в этом вопросе решительную борьбу на два фронта. Он борется с эмпиризмом буржуазных историков типа Риккерта или Струве, отрицающих роль исторических законов и возможность установления закономерности в историческом развитии. Но Ленин борется также с тем абстрактным, абсолютным, универсальным пониманием закона, которое было характерно для философов об'ективного идеализма и механического материализма. Ленин ведет решительную борьбу с абстрактной необходимостью «об'ективных историков», с абсолютированием исторических законов. В каждом историческом законе Ленин стремится подчеркнуть его гибкость, его относительный характер. Ленин говорит, например, о законе превосходства крупного земледелия, что этот закон не так абсолютен и не так прост. Названное превосходство имеет место, но это превосходство имеет место лишь «в известных пределах», оно не одинаково для различных стран, для различных условий. Ленин ставит своей задачей раскрыть конкретное классовое содержание каждой социальной закономерности, ее движущие силы, ее противоречия, присущий данной общественной форме классовый антагонизм. Он вскрывает направление данного исторического развития, проследив до конца развитие его внутренних противоречий, и выявляет поэтому и пределы действия данной закономерности. Он открывает возможный выход за эти пределы в действиях определенных классов, действиях, вытекающих из той же об'ективной закономерности и способствующих ее реализации. В этом и заключается отличие материалиста от об'ективиста: материалист, по словам Ленина, «не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость» [2]).

Совершенно очевидно, что Ленин никогда не мог бы согласиться с тем, например, пониманием закона, какое дается в цитированной уже статье т. Карева. Тов. Карев считает «неполной истиной» материалистическое и меткое, по словам Ленина, определение закона, как «спокойного отражения явлений». Узость, «неполнота» закона, по мнению т. Карева, об'ясняется тем, что это определение носит «статический характер», тем, что закон якобы не дан в этом материалистическом определении в единстве с явлениями. «Поэтому, — пишет т. Карев, — закон должен необходимо конкретизироваться и в конкретном своем выражении выступать в качестве необходимо присущей данному предмету тенденции его развития». Тов. Карев видимо не понимает, что приведенное материалистическое определение закона само по себе динамично, глубоко диалектично: что, будучи «спокойным» отражением явлений, общий закон одновременно, тем самым, в самой форме «всеобщности» гораздо конкретнее, чем отдельное явление, «воплощает богатство особого и отдельного», что лишь бесконечная сумма законов дает конкретное во всей его полноте [3]). Для т. Карева очевидно неясно, что об'ективная действительность в ее конкретном проявлении есть отправной пункт познания, что она находит

---

[1]) Наука логики, ч. 2, стр. 97.

[2]) Ленин, Собр. соч., т. II.

[3]) «Общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный «конкретный» пример этого» (Энгельс, Диалектика природы).

свое отражение в познании, в понятии закона. Задачу науки Маркс видел в том, чтобы «рассматривать явления в их закономерном, отвечающем их понятию виде», «в чистом виде», и в том, чтобы «найти действительную тенденцию их развития. Поэтому Маркс и говорит о законах, как тенденциях, или о «законе тенденции». Но господствующая тенденция не становится от этого «законом всякого отдельного случая». Правило, по словам Маркса, прокладывает себе путь «через беспорядочный хаос явлений только как слепо действующий закон средних чисел». При капиталистическом производстве «всякий общий закон осуществляется лишь как господствующая тенденция, весьма запутанным и приблизительным образом». Даже абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления», подобно всем другим законам в своем осуществлении модифицируется многосложными обстоятельствами»[1]). Говоря, что закон «должен необходимо (?) конкретизироваться», что закон «полагает явление, господствует над ним»[2]), т. Карев делает шаг от материализма в сторону гегелевского идеализма, в сторону абсолютирования понятия закона! В конечном счете мы имеем здесь господство формы исторического процесса и его познания над многообразием его содержания. Правда, т. Карев как бы чувствует идеалистический и «об'ективистский» характер своего определения закона и стыдливо оговаривается, что осуществление исторической необходимости «включает в себя и момент практического действия». Но он даже не ставит вопроса о классовом содержании закона, и о действиях классов, определяющих данную закономерность.

Логический априоризм всегда неразрывно связан со своей оборотной стороной — эмпиризмом. Из этого абсолютирования вытекает и весь методологический эмпиризм и формализм т. Карева, когда последний говорит о специфичности форм исторического процесса, о специфичности законов каждой общественной формации, выступая против бухаринских «отвлеченных законов», годных для всяких вообще общественных отношений. Особые законы одной общественной формации оказываются у т. Карева в полном разрыве с особыми законами другой формации. «Историческая точка зрения, — по т. Кареву, — изучает различные законы различных, общественных форм, но общим и связывающим их остается переход этих законов, смена их и метод изучения этой смены»[3]). Что это за «общее и связующее» в переходе (смене) различных законов и в чем заключается «метод» изучения, если он не отражает некоторой об'ективной реальности, — остается покрытым тайной. Тов. Карев, видимо, не понял мысли Ленина об общественной формации, как социальном организме, «имеющем особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»[4]). Ведь мысль Ленина отмечает то обстоятельство, что особые законы функционирования одной формации являются вместе с тем законами, подготовляющими переход ее в высшую форму, и что, наоборот, законы функционирования новой формации являются вместе с тем законами ее зарождения в недрах старой формации. Не «переход законов», а законы перехода, которые состоят в том, что переход к новым отношениям до наступления революционного скачка подготовляется законами старой формации, а после революции совершается по законам новой формации, при чем оба эти этапа об'единяются получающим свое диалектическое разрешение противоречием

---

[1]) Капитал, т. I. стр. 72, 663 и др.; т. III, ч. I, стр. 139, 169.

[2]) Н. Карев, Исторический материализм как наука, «П. З. М.» № 12 1929 г., стр. 15.

[3]) Там же, стр. 19.

[4]) Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 73; разрядка наша.

старого и нового. А между тем это положение Ленина является самым важным для правильного понимания общественно-экономической формации, различных стадий ее развития, особых законов этого развития и в то же время для изучения каждого «особого социального организма», как звена в диалектической цепи единого исторического процесса. Одни и те же производственные отношения характеризуют феодальное общество и его крепостническую стадию, ведущую к новой общественной формации. Один и тот же закон стоимости, вскрываемый в любом массовидном акте обмена (Ленин) и получающий свое дальнейшее выражение в конкуренции, в противоречии между обобществленным производством и индивидуальным присвоением и т. д. — проявляется во всем развитии капиталистической формации, начиная с вызревания ее в недрах феодального общества и кончая новейшим этапом ее—империализмом. Но и этот наиболее общий закон развития товарно-капиталистического общества узко, «неполно» отражает многообразие явлений капитализма. Он модифицируется на разных стадиях и в разных условиях капиталистического развития; он требует своего дополнения и развития в бесконечном множестве законов, развертываемых Марксом в «Капитале». Период зарождения капитализма есть период борьбы новых буржуазных отношений со старыми феодальными отношениями, но эта борьба находит себе выражение прежде всего во внутренних противоречиях самого крепостничества на почве феодальных отношений. Точно также период вызревания коммунистического общества в недрах капитализма знаменуется все обостряющимся внутренним противоречием самого капитализма — между общественным производством и индивидуальным присвоением, на почве капиталистических отношений. Так в особых законах находят свое осуществление общие законы диалектики истории, диалектические переходы от одной формации к другой.

Вот почему в понятии общественно-экономической формации мы имеем то оружие, при помощи которого мы боремся и с механистическими, и с идеалистическими тенденциями в современной исторической и экономической науке. Я имею в виду, в частности, недавнее выступление т. Дубровского по вопросу о феодализме и крепостничестве, в котором крепостничество изображалось как особая общественная формация. Понятие общественной формации имеет чрезвычайно важное значение также и для понимания взаимоотношений между капитализмом и империализмом, как его новейшей стадией. Для того, чтобы понять империализм, как новый этап развития капитализма, чтобы правильно вести борьбу с теориями «организованного капитализма», ультра-империализма Каутского и т. п., нужно исходить из понятия капиталистической общественной формации, из основных законов конкуренции и их модификации на отдельных стадиях капитализма.

Такие работы Ленина, как «Развитие капитализма в России», «Империализм как новейший этап капитализма», «Государство и революция», показывают, как Ленин подходит к изучению процесса развития общественно-экономических формаций. Он не только внимательно прослеживает их историческое зарождение в предшествующем развитии и все конкретные ступени развития данного общественного процесса, в его противоречивости, в его разносторонности, в его целостности. Он не только умеет всегда отличить особый характер и особые проявления общей закономерности на каждой отдельной стадии этого процесса. Но всюду — при анализе классового общества — Ленин от начала до конца последовательно проводит теорию классовой борьбы, как руководящую нить исследования.

Ленин стремится подчеркнуть противоречивость, как необходимый момент всякого исторического развития, стремится выявить различные противоположные его тенденции. Например, когда он говорит о национальном вопросе, он отмечает диалектику одновременного развития и на-

ционального или интернационального движения. Или когда он говорит, например, о том взаимодействии и единстве, которое в эпоху социалистической революции существует между борьбой гегемона—пролетариата и колониальных народов. Но особое внимание Ленин уделяет той специфической форме противоречий, какою являются антагонизмы в классовом обществе.

Маркс по этому вопросу сделал ряд замечаний в своей «Критике философии государственного права» Гегеля («Архив Маркса и Энгельса» кн. III). Антагонизмы отличны от простых противоречий своим доведением противоположности до конца, доведением ее до непримиримых крайностей.

Изучая экономическую структуру отдельных формаций классового общества, изучая законы этих общественных формаций, Ленин всегда отмечает не только имманентные противоречия, движущие вперед данную общественную структуру, но и антагонистический характер этих противоречий. Это в частности и прежде всего относится к развитию капитализма. По словам Ленина, в каждом экономическом явлении капиталистической эпохи проявляется «специфическая, свойственная капитализму, внутренне-противоречивая структура». Ленин отмечает этот антагонизм и его проявления и в процессе возникновения противоречий, там, где этот антагонизм существует еще в неразвитом виде,—например, когда Ленин говорит о процессе разложения крестьянства при капитализме. И там, где мы уже имеем дело с обострением противоречий, — там это обострение противоречий приводит к кризису и к революции. Развитие антагонизма до конца, развитие до конца внутренних противоречий в процессе борьбы классов и дает выход из той или иной общественной формации, дает разрешение данному противоречию. Вот почему Ленин по поводу «Экономики переходного периода» Бухарина говорит: «Социальная система, общественная формация, все это недостаточно конкретно без понятия класса и классового общества».

Этого понимания общественного целого и законов его развития нет у т. Бухарина. Явно эклектическое и механистическое понимание т. Бухариным общественного целого неизбежно вытекает из его шатаний к идеализму и его теории общественного равновесия. Крайне характерно, что, когда Бухарин говорит о товарном хозяйстве, он не видит в нем «организованного» хозяйства; когда же Бухарин говорит об «организованном капитализме», то он склонен видеть в нем только такое «целое», но не видит элементов конкуренции и борьбы. Еще в своей «Экономике переходного периода» т. Бухарин стремится показать, как «процесс развития в целом», в переходную эпоху ведет к отмиранию классовых противоречий. Ленин так и отмечает в своих «Заметках на «Экономику переходного периода»», что в изображении процесса развития общественного целого т. Бухарин не видит этапов этого развития, что он смешивает умирание старого и зарождение нового. Если некоторые ученики т. Деборина в погоне за специфичностью формы забывают об общих законах диалектики исторического процесса, то т. Бухарин не видит обратного: особых закономерностей в развитии общественного целого, основных тенденций в этом развитии, противоречий и борьбы внутри этого целого. Именно такая точка зрения нашла себе выражение в известных статьях Бухарина, направленных против троцкизма. Он говорит в них, что генеральная линия пролетариата при капитализме направлена на взрыв общественного целого, а при диктатуре пролетариата она направлена на укрепление общественнного целого, против раскола общества, за эволюционное движение к коммунизму. Он полагает, что классовые противоречия начинают на известном этапе отмирать, что диктатура пролетариата—оболочка для известного сотрудничества классов, которая выражает это единство общественного целого.

Если иметь в виду, что небезызвестные соратники Кондратьева тоже исходят из «интересов общественного целого», то становится очевидной вся важность проведенного различия в понимании категории общественного целого, различия между диалектическим пониманием общественного целого и между механистическим и эклектическим пониманием этого целого, которое имеется, например, у т. Бухарина. Поднятие общественно-экономической формации и законов ее функционирования и развития в их ленинском понимании имеет поэтому особенно важное значение для переходного периода, для изучения законов перехода к социализму и соотношения между капиталистической и социалистической системами.

В своем докладе на XVI с'езде т. Сталин выдвинул во весь рост эту проблему — противоречия между капиталистической и социалистической системами. С одной стороны, мы имеем капитализм в целом, капиталистическую систему, развивающуюся по правилу антагонизма: т. Сталин отмечает, как сейчас все более обостряются противоречия внутрикапиталистического порядка. Помимо этого имеет место антагонистическое противоречие между капитализмом в целом и страною строящегося социализма, СССР. Но в то время, как это новое противоречие «вскрывает до корня все внутренние противоречия капитализма, собирает их в один узел, еще более обостряет их и тем самым расшатывает самые основы капиталистического общества» — то же противоречие, по отношению к СССР, может определять только внешнее положение СССР, так как внутри СССР действуют уже иные законы развития. Тов. Сталин дает нам представление о законе, который характерен для нашего социалистического строительства. Этот закон, конечно, есть также противоречие: в нашей социалистической экономике действует некоторое имманентное противоречие; иначе мы не имели бы развития, не имели бы движения вперед. Но это противоречие—иного, не антагонистического типа. Тов. Сталин определяет это внутреннее движущее противоречие строящегося социализма, как противоречие между ростом обобществленного сектора и емкостью внутреннего рынка. Он указывает, как одна противоположность толкает вперед другую, — как рост обобществленного сектора толкает вперед развитие емкости нашего внутреннего рынка, и, наоборот, развитие нашего внутреннего рынка толкает дальнейшее развитие нашего обобществленного сектора. В этой диалектике нашего переходного периода, в этом противоречивом развитии социалистических отношений уже сказывается новая закономерность, глубоко отличная от прежних закономерностей антагонистического общества, знаменующая зарождение и вызревание новой общественной формации.

Это тот же закон строящегося социализма, который т. Сталин формулирует иначе как закон расширенного воспроизводства, как закон высоких темпов, как закон подымающейся большевистской кривой!

V.

Задача диалектико-материалистического рассмотрения заключается не только в том, чтобы понять общий характер исторической закономерности, вскрыть ее классовое содержание, но и в том, чтобы выявить формы перехода, формы развертывания исторической действительности, как необходимости. Здесь выступает основная проблема, которая получает особенно важное значение в процессе создания новых, социалистических отношений и выдвинута уже нашей партией, — это проблема перехода возможности в действительность.

Переход возможности построения социализма в нашей стране в действительность и та активная роль, которую играют в этом превращении возможности в действительность рабочий класс и партия, — вот та основ-

ная проблема, которая должна стать в центре нашего философского обсуждения и освещения. Приходится говорить об этом не только с точки зрения общего значения этих категорий для понимания творческого характера марксистского метода, но и для правильной постановки борьбы с механистическим мировоззрением. Легко проследить при этом также, как всякого рода шатания в сторону идеализма находятся в то же время в тесной связи с недиалектической постановкой вопроса о связи между возможностью, действительностью, необходимостью. Правильное разрешение данной философской проблемы получает исключительно важное политическое значение.

Ленин исходит из установленного Гегелем диалектического соотношения между возможностью и действительностью, подвергая, однако, положение Гегеля материалистической переработке, наполняя их реальным, материалистическим содержанием. Именно в таком понимании, — которое было свойственно и Марксу, — рассматривается Лениным вопрос о возможности и действительности, как исходном пункте партийной тактики в период между Февральской и Октябрьской революциями, именно такое содержание приобретает проблема возможности построения социализма в нашей стране.

Об'ективная возможность построения новых отношений, об'ективная возможность творчества в истории должна быть материалистически и диалектически обоснована. Но это диалектическое обоснование должно быть глубоко материалистическим, ничего общего не имеющим с суб'ективной социологией народничества и утопических социалистов, с суб'ективизмом троцкистских и левых загибов, с логическими прыжками через материальные этапы, характерными для правооппортунистического механицизма. Мы должны исходить не из «желаемого», как выражался неоднократно Ленин в своей полемике с Бухариным, а из действительного, — из развертывания этой действительности в необходимость, из тех об'ективных внутренних тенденций исторического развития, которые имеются в самой исторической действительности. И ленинская теория классовой борьбы, как «руководящая нить» исследования, дает нам наиболее глубокое понимание роли и значения каждой отдельной исторической возможности в их отношении к исторической необходимости.

Прежде всего нужно отметить, что Ленин не смешивает возможности и действительности — претворения этой возможности в истории. Ленин считает, что марксисты не могут исходить из абстрактной, чисто-теоретической, формальной возможности и в понимании исторического развития, и в своей тактике. Ленин тщательно отмечает у Гегеля то место, где Гегель противополагает возможное, как категорию, действительности и требует «подтверждения в истории» любой возможности [1]). «Невозможность доказуется лишь практически», замечает Ленин по поводу «теоретических» построений т. Бухарина [2]). Еще в своих спорах с легальными «марксистами» типа Булгакова Ленин указывал на ту односторонность, которая возникает в понимании возможностей экономического развития, когда вопрос о «возможности» ставится лишь формально, вне практического осуществления и подтверждения в исторической действительности. Действительность всегда обнаруживает противоречащие одна другой «возможности», взаимно-противоречивые влияния и тенденции развития. Булгаковы повторяли пустую фразу о возможности, например, «нивелирования» различий в условиях сельскохозяйственного производства, в то время, как, по словам Ленина, «Маркс ставит

---

[1]) Ленинский сборник XII, стр. 161.

[2]) «Замечания на «Экономику переходного периода» Бухарина», Ленинский сборник XI, стр. 362.

вопрос о превращении этой возможности в действительность и показывает, что рядом с нивелирующим влиянием наблюдается и дифференцирующие» и т. д. [1]).

Марксисты могут говорить только об об'ективных возможностях, коренящихся в самой развивающейся действительности, в качестве различных тенденций этого развития.

Именно так ставит вопрос Ленин об исходном пункте партийной тактики в период между февралем и октябрем 1917 г. «Марксист в учете момента должен исходить не из возможного, но из действительного», «не должен сходить с точной почвы анализа, анализа классовых отношений», «должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня». Выдвигая правительство советов как единственно возможное кроме буржуазного, Ленин исходит из факта колебаний внутри крестьянства, классового сотрудничества буржуазии и крестьянства, идущего в хвосте за буржуазией и из необходимости противопоставить этому факту буржуазного влияния, борьбу пролетариата за влияние на крестьянство внутри советов. Ленинское понимание роли крестьянства в революции и его революционных возможностей отвергало и троцкистский суб'ективизм с его стремлением перепрыгнуть через крестьянское движение, и формальную постановку вопроса т. Каменевым, который предполагал абстрактную возможность завоевания крестьянством власти и «завершения» им буржуазно-демократической революции — в порядке так сказать «самотека»! [2]).

Ленин исходит из исторической действительности, но самую действительность он понимает глубоко диалектически, как процесс развертывания всех моментов действительности, как процесс борьбы, в котором об'ективная, реальная, материальная возможность преодолевает противоречащие ей возможности и становится исторической необходимостью. «Возможно или невозможно что-либо, это зависит от содержания», — приводит Ленин слова Гегеля. «Цельность, совокупность моментов действительности, которая в своем развертывании оказывается необходимостью», — говорит Ленин, видя в развертывании всей совокупности моментов действительности «сущность диалектического познания» [3]).

Эта насквозь материалистическая и диалектическая постановка вопроса о возможности и необходимости нашла себе яркое выражение и подтверждение во взглядах Ленина на строительство социализма в одной стране. Ленин находит основание «возможной победы социализма первоначально в немногих, или даже одной, отдельно взятой капиталистической стране» в «безусловном законе капитализма», законе неравномерности экономического и политического развития. В диктатуре пролетариата, в союзе пролетариата со «многими миллионами мелких и мельчайших крестьян», при руководящей роли пролетариата и собственности пролетарского государства на все крупные средства производства — при посредстве кооперации — он видит «все необходимое и достаточное» для построения полного социалистического общества. Возможность построения социализма, коренящаяся в общих законах мировой экономики, оказывается, помимо того, об'ективной возможностью, с необходимостью вытекающей из особенностей социального строя диктатуры пролетариата. Но Ленин ни на минуту не забывает о борьбе социалистической тенденции пролетариата с товарно-капиталистической тенденцией крестьянства в переходную эпоху. Он не забывает и о другой, противоположной,

[1]) Ленин, Гг. критики в аграрном вопросе.
[2]) Ленин, Соч., т. XIV, стр. 29—33.
[3]) Ленинский сборник XII, стр. 159.

возможности — возможности раскола между пролетариатом и крестьянством. «В нашем социальном строе, — считал Ленин, — не заложены с необходимостью основания для такого раскола», но «если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен». Почему же возможность победы социализма с необходимостью вытекает из нашего социального строя, возможность же раскола с крестьянством не заложена в нашем строе «с необходимостью». Да потому, что наш социальный строй предполагает превращение возможности в действительность не в порядке «самотека». Он предполагает определенную активную роль, политику рабочего класса и партии, направленную на правильное использование наших возможностей, на предупреждение разногласий с крестьянством, на выкорчевывание корней социализма в нашей стране. Развертывание моментов действительности, превращение возможности в необходимость есть не пассивный, но активный — со стороны партии и рабочего класса — процесс!

Именно так развивает мысль Ленина т. Сталин в своем докладе на XVI с'езде ВКП(б): «Советский строй дает колоссальные возможности для полной победы социализма. Но возможность не есть еще действительность. Чтобы превратить возможность в действительность, необходим целый ряд условий, в числе которых линия партии и правильное проведение этой линии играют далеко не последнюю роль». Нужно строго различать между возможностями, имеющимися в нашем строе, и использованием этих возможностей, превращением этих возможностей в действительность». И далее т. Сталин показывает, как чисто-формальное признание возможности построения социализма в нашей стране со стороны правых оппортунистов на деле означает скатывание к троцкистскому отрицанию возможного построения социализма—так как правые уклонисты отрицают те «пути и средства, без которых невозможно» построить социализма!

Диалектико-материалистическое понимание возможности и ее соотношения с действительностью — понимание Ленина и т. Сталина — вскрывает в самой действительности материальное, производственное, классовое содержание любой об'ективной возможности: оно предполагает определенные пути и средства борьбы, заложенные в самой действительности и направленные на осуществление возможности, роль классов и партии в борьбе за ее осуществление. Отрицание Троцким возможности построения социализма обозначает в сущности суб'ективистическое отрицание об'ективных тенденций действительного развития, логический прыжок через действительность.

Позиция т. Бухарина в этом вопросе, будучи рассматриваема философски, обозначала чисто-формалистическую, нематериалистическую и недиалектическую постановку вопроса о возможности и действительности. В конечном счете, мы имеем здесь позитивистское, кантианское понимание возможности, в смысле так называемой категории «модальности», выражающей лишь «отношение к способности познания», принадлежащей лишь суб'ективному мышлению. Подобно тому как Кант ставил некогда вопрос: «как возможно познание?» и переходил к критике нашей познавательной способности, так и Бухарин еще в своей «Экономике переходного периода» выдвигает чисто-«теоретическое» понимание возможности и невозможности, не связанное с практикой. «Как возможен процесс эксплоатации?» — спрашивает т. Бухарин, находя ответ на этот вопрос не путем анализа самих производственных отношений капитализма, но в существовании дополнительного «условия равновесия» — государства. «Стоит только поставить общий вопрос, — пишет т. Бухарин, — как возможна система хотя бы отно-

сительного равновесия или, вернее, как возможно создание условий движения к самому равновесию, чтобы принять категорическую обязательность централизованного и формально обобществленного хозяйства». Отсюда т. Бухарин делает вывод о «формальном» тождестве задач, стоящих перед пролетариатом и буржуазией в период империализма![1]).

Поскольку «возможность» отрывается т. Бухариным от действительного развития общественных отношений, она неизбежно попадает в сомнительную «теоретическую» зависимость от бухаринского «постулата» равновесия, от его «точки зрения», представляющей, по словам Ленина, шатание от материализма к идеализму. Мы имеем не только механистическое соотношение между возможностью и действительностью, но и формалистическое, идеалистическое понимание возможности. В конечном счете, этот отрыв возможного от действительного ведет к тому же троцкистскому логическому скачку через действительность, а пути и средства к формалистическому, идеалистическому познанию самой действительности.

Подлинно диалектическое понимание категорий возможности, действительности, необходимости, — как показывает Ленин, — имеет место лишь при условии последовательно-материалистического истолкования их содержания. В этом отношении необходимо критическое отношение не только к суб'ективному идеализму, не только тем или иным рецидивам кантианства и позитивизма вообще, но и к диалектическому, об'ективному идеализму Гегеля. Исходя из гегелевского понимания диалектической связи возможности и действительности, Ленин вместе с тем истолковывает ее материалистически. Некритическое отношение к гегелевскому идеализму неизбежно ведет к сугубо ошибочным политическим выводам. Примером таких ошибок могут служить взгляды т. Деборина на возможность и действительность.

Учение Гегеля о действительности, наряду с многими близкими, глубокими к материализму и в известной мере приемлемыми для марксизма диалектическими положениями, несет на себе печать основного идеалистического порока гегелевской системы: речь идет о действительном, как о разумном; недаром изложение действительности начинается у Гегеля с «абсоусловия новой действительности. От формальной возможности Гегель рассматривает сначала формальные возможности, т.-е. возможности лишь мыслимые, суб'ективные, осуществление которых может создать лишь внешнюю, формальную, «случайную» действительность, в которой все лишь возможно, и где наряду с одной формальной возможностью может найти случайное осуществление и другая идеальная возможность. Но эта внешняя, непосредственная действительность имеет—по Гегелю—и другую внутреннюю, существенную сторону: она содержит в себе зародыш чего-то иного, условия новой действительности. От формальной возможности Гегель отличает реальную возможность, которой уже не противоречит другая реальная возможность; реальная возможность по Гегелю представляет собою весь круг условий, всю совокупность условий, то содержательное «бытие в себе», которое необходимо становится реальной действительностью, в процессе самодвижения формы — от условий к действительности предмета.

Нетрудно заметить, что, даже отличая от формальной, чисто-суб'ективной возможности реальную возможность, идеалист Гегель не ставит и не в состоянии поставить вопрос о подлинно-об'ективной, материальной

---

[1]) См. «Экономика переходного периода», Замеч. и подчерк. Ленина (XI Лен. сб.).

возможности. Реальная возможность остается у Гегеля логическим понятием, моментом «самодвижения формы»—к тому, что Гегель называет «формальной необходимостью». Реальной возможности Гегеля уже не может противостоять другая об'ективная возможность. Гегелевская реальная возможность—это замкнутый круг условий, с внутренней необходимостью, в порядке самодвижения формы — вне всякой борьбы возможностей — создающий новую действительность. Взгляды Гегеля имели несомненно большое значение для устранения суб'ективизма и укрепления идеи об'ективной закономерности исторического развития. Но совершенно очевидно, что понимание реальной возможности и ее связи с действительностью у Гегеля — это воззрения идеалиста-об'ективиста, но не материалиста. И здесь крайне существенное значение приобретает различие, проводимое Лениным между об'ективистом и материалистом!

Между тем т. Деборин явно некритически перелагает здесь гегелевские положения, хотя, как явствует из его последующей полемики с т. Тимирязевым, он и полагает, что представил взгляды Гегеля «уже в очищенном от идеалистической скорлупы виде [1]). Тов. Деборин, прежде всего, не проводит четкого различия даже между гегелевскими «формальной» и «реальной» возможностями. «Итак, осуществленная возможность есть случайность,— пишет т. Деборин,—результат различных реальных условий на поверхности действительности»; необходимость, согласно т. Деборину, «вызывает ряд случайностей, создает ряд возможностей, которые имеют свои корни в сущности, т.-е. в законе развития данной действительности». Но ведь лишь осуществление формальной, суб'ективной возможности есть «случайная» действительность по Гегелю. Достаточно наполнить эти категории материальным содержанием, как сразу выступает ошибочность трактовок т. Деборина. Разве осуществленная возможность построения социализма есть случайность?.. Разве формальные возможности развития, исповедуемые идеологами правого оппортунизма имеют действительные «корни» в законах нашего экономического развития?!

У т. Деборина нет правильного понимания «развертывания всей совокупности моментов действительности», где возможность доказывается на практике (Ленин), в «ходе работы» (Сталин). Превращение возможности в действительность мыслится им поэтому как гегелевский процесс «самодвижения формы». «Возможность есть внутреннее, но обнаруживающееся внутреннее, становящееся внешним. Например, семя есть реальная возможность дерева; из семени развивается дерево с внутренней необходимостью. Но от других, внешних условий зависит, скажем, рост дерева». Какой политический смысл может приобрести такое понимание развития возможности «с внутренней необходимостью», показывает пример, приведенный т. Дебориным в первой редакции его статьи (в «П. З. М.» № 1—2, 1926 г., стр. 76... «Нэп есть реальная возможность социализма. Социализм в нэпе есть внутренняя сторона, еще не развившаяся, но в процессе дальнейшей эволюции становящаяся внешним, т.-е. осуществляющимся». В последующих изданиях т. Деборин выбросил этот пример и поступил совершенно правильно. Как ни важно противопоставить троцкизму возможности социалистического строительства, содержащиеся в нэпе, но формулировка т. Деборина уподобляла нэп «семени», из которого с внутренней необходимостью вырастает «дерево» социализма; нэп оказывался внутренней сущностью социализма, из коей развивается «внешнее» — социализм!

Но ведь примерно такая же нечеткая и политически ошибочная концепция сквозит в понимании т. Деборина ленинских двух возможных путей

[1]) А. Деборин, Диалектика и естествознание, М. 1929 г., стр. 125—135, 196. Первая статья предварительно напечатана в «П. З. М.» № 1—2, 1926 г.

развития советской республики. Согласно т. Деборину возможность победы социализма и возможность раскола с крестьянством суть возможности «одинаково имеющие свои основания в действительности», обе они ограничены об'ективной необходимостью и сами «имеют свои основания в этой необходимости, в данном социальном строе». «Мы можем сознательно действовать в направлении одной возможности, отрицающей другую возможность». «Вместе с тем здесь крайне важно то, что развитие противоречий происходит на основе одной определенной возможности», именно, — «победы социалистических элементов нашей экономики» [1]). Таким образом у т. Деборина получается, с одной стороны, явное противоречие ленинским положениям, что «в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола». Ограничивая обе возможности, стало быть и возможность победы социализма «об'ективной (?) необходимостью», т. Деборин явно не учитывает классового содержания необходимости нашего социального развития. Он недооценивает того обстоятельства, что пути и средства борьбы, проводимые рабочим классом и его партией, предотвращают раскол, делают, его не необходимым, что эта борьба входит обязательной составной частью в «необходимое и достаточное» для победы социализма. Правда, т. Деборин говорит, что «в действительной жизни всегда борются различные тенденции», но по т. Деборину это — лишь «зигзаги» действительности, и развитие противоречий происходит у него необходимо на основе лишь одной определенной возможности — победы социализма. Спрашивается: чем такое понимание «борьбы» в рамках одной заранее предопределенной возможности победы социализма, отличается от того, что говорит о «классовой борьбе» т. Бухарин, который также не отрицает наличия некоторых «зигзагов» действительности на пути «врастания в социализм?! И многого ли стоит в этих условиях «сознательное действие» т. Деборина «в направлении одной возможности», которая и без того сама по себе «отрицает» другую возможность!

Так своеобразный «суб'ективизм» в трактовке нэпа и в понимании «осуществленной возможности» социалистического строительства сочетается у т. Деборина с чисто-гегелевским об'ективизмом в понимании путей нашего развития. Получается подлинный «синтез об'ективизма и суб'ективизма» [2]), как стремится определить метод диалектического материализма сам т. Деборин!

ОТ РЕДАКЦИИ: Редакция отмечает, что т. Разумовский занимаясь в статье вопросами исторического материализма, ни единым словом не упоминает о своих ошибках в этой области.

---

[1]) Там же, стр. 135; разрядка наша.
[2]) А. Деборин, Ленин как мыслитель.

Ленин и теория познания Плеханова [1])

П. Кучеров.

Разработать:

> Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1.000 страниц... Из них о большой логике, по поводу нее, ее мысли (т.-е. собственно диалектика как философская наука) ничего!!
>
> Ленин.

Отношение Ленина к теоретико-познавательным взглядам Плеханова, является классическим образцом непосредственной связи философии диалектического материализма и политики большевистской партии.

Меньшевиствующий идеализм деборинской группы не мог дать удовлетворительного решения этого вопроса. Отрыв философии от политики партии, влияние худших сторон мировоззрения Плеханова сказались в неправильном понимании т. Дебориным взаимоотношения Ленина и Плеханова как философов. По мнению т. Деборина, различие ленинского и плехановского понимания вопросов философии отражает «особенность исторических фаз в развитии революционного движения» [2]). В этой формуле смазывается весь процесс политической борьбы большевизма с меньшевизмом, игнорируется совокупность ошибок Плеханова в философии, представляющих собой отход от диалектического материализма Маркса и Энгельса.

Пытаясь исправить Деборина, т. Карев выдвигает несколько иную, но столь же неверную, неленинскую точку зрения на взаимоотношение Ленина и Плеханова. «Плеханов и Ленин,—говорит Карев,—представляли не различные эпохи в рабочем движении, а различные струи в нем — различную глубину его понимания» [3]). В марксизме не существует множественности струй, в политической партии пролетариата нет множественности течений, группировок, выдерживающих теоретически и практически марксистскую характеристику. Ошибки Плеханова находятся за пределами марксизма, правильное у Плеханова является ценным приобретением марксистской мысли. Точка зрения Карева в оценке Ленина и Плеханова реставрирует меньшевистско-троцкистское понимание свободы фракционных укладов.

Революционный марксизм представляет собою единую, последовательную методологию, на определенном этапе характеризующуюся, как ленинизм в политике, в теории и философии.

Методология марксизма органически связана с процессом пролетарской революции. «Ленинизм вырос и оформился, когда противоречия капитализма дошли до крайней точки, когда пролетарская революция стала вопросом

---

[1]) Статья печатается в порядке обсуждения. *Ред.*

[2]) Ленинский сборник IX, предисловие Деборина, стр. 3.

[3]) Карев, О Ленинском сборнике, «П. З. М.» № 6, 1930 г. стр. 35.

непосредственной практики, когда старый период подготовки рабочего класса к революции уперся и перерос в новый период штурма капитализма» [1]). Ленинизм вырос и оформился в борьбе за непосредственную организацию пролетарской революции, в борьбе с оппортунизмом в рабочем движении.

Эта элементарная для большевика истина должна быть взята за основу при изучении ленинского философского наследства.

Оппортунизм в рабочем движении всегда сопровождался и сопровождается выхолащиванием революционного содержания марксизма, извращением основных положений диалектической методологии. Логика политических ошибок непосредственно связана с недостатками политической методологии, с непониманием, с извращением и ревизией методологии диалектического материализма.

Ленинская критика ошибок Плеханова в философии марксизма, неразрывно связана с критикой меньшевистской тактики периода 1903—1917 годов. Ленин вскрывает в политической методологии Плеханова ряд существенных ошибок плехановского понимания диалектики.

Разногласия между Плехановым и Лениным в программных вопросах пролетарского движения выявились в отчетливой форме уже в 1902 году. В своих «Замечаниях на первый проект Плеханова программы РСДРП» Ленин вскрывает ряд существенных ошибок в теории познания Плеханова. Первый и второй проекты программы Плеханова страдают формалистическим выведением основных задач партии из самого понятия, из «дефиниции» развитого капитализма. В обоих проектах извращается основная суть теории познания марксизма, игнорируется необходимость рассмотреть процесс во всей его конкретности. С точки зрения диалектической методологии подход Плеханова нелогичен, формален и неправилен. «§ V проекта Плеханова дает с точки зрения Ленина дефиницию «развитого» капитализма вообще».... Такой прием нелогичен и неправилен. Неправилен — потому, что борющийся пролетариат учится тому, что такое капитализм, не из дефиниции, а из практического ознакомления с противоречиями капитализма, с развитием общества и его последствиями. Нелогичен — потому, что процесс вытеснения мелкого производства крупным (§ VI) и процесс распадения общества на собственников и пролетариев (§ V) есть один и тот же процесс» [2]).

Методология Плеханова не вскрывает природу противоречий, подлинную сущность развития. Плеханов не понимает единства противоречий процесса. Непонимание единства противоречивых сторон процесса составляет коренную ошибку плехановской теории познания. Непонимание единства противоположностей является основной сутью «нелогичности» теории познания Плеханова.

В политической методологии Ленин вскрывает уже в 1902 г. основной недостаток философских взглядов Плеханова. С дальнейшим ростом пролетарского движения, с дальнейшим размежеванием большевистской тактики в революции от оппортунистической политики меньшевиков, углублялось различие ленинского и плехановского понимания диалектики. В своей полемике против большевистской тактики Плеханов, не переставая, говорил, и говорил с большим пафосом, о непонимании Лениным и его последователями философии марксизма. Ни одно выступление Плеханова не обходилось без «иезуитской ссылки на диалектику» (Ленин). «Известно, что Плеханов не раз потешался над «беззаботностью» Ленина на счет теории и особенно философии» (Сталин). Чем больше углублялись разногласия в рядах русской социал-демократии, чем подлее становилась тактика русского меньшевизма,

[1]) И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 76.
[2]) Ленин, Замечания на второй проект программы Плеханова, т. V, стр. 13.

тем больше опошлялись Плехановым основные принципы революционного марксизма, тем существеннее им извращались основные законы материалистической диалектики.

Ленин, вопреки мнению Деборина, не был и не мог быть учеником Плеханова в области философии. В те годы, когда Плеханов был революционным марксистом, в годы появления ряда его работ против народничества, Ленин высоко ценит политическую, теоретическую, философскую деятельность Плеханова. Такое произведение Плеханова, как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», навсегда вошло в классическую литературу марксизма. Однако в своих работах «Что такое друзья народа» и «Экономическое содержание народничества» Ленин исходит непосредственно и самостоятельно из основных теоретических положений марксизма и, в первую очередь и главным образом, из методологии «Капитала» Маркса. Ленин эпохи борьбы с народничеством выступает как теоретик, в совершенстве владеющий философией марксизма.

Уже то обстоятельство, что в период 1894—1899 гг. Лениным «с чрезвычайной ясностью формулирована... «теория отражения»: «идеальное есть только отражение материального» [1]), говорит о самостоятельном развитии Ленина, независимом от философского пути Плеханова.

Теория отражения устанавливает материалистическое понимание диалектики, логики и теории познания. Для Ленина формы мысли отражают действительность, в логических категориях мышления отражается диалектика об'ективных материальных процессов, в этих же категориях вскрываются характерные особенности человеческого познания.

Плеханов никогда не понимал теории отражения, устанавливающей единство диалектики и теории познания в марксизме. Об этой теории Плеханов умалчивает в своей характеризованной выше книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Этой теории он в 1892 г. противопоставляет кантианскую теорию иероглифов.

Ленин дает самостоятельную критику народничества, независимую от плехановской полемики с Михайловским, Кареевым и К°. Это наглядно доказывают две работы, относящиеся к 1894 г., — «Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократами?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г-на Струве». Уже в ранних работах Ленин выступал совершенно зрелым материалистом-диалектиком.

«Лениным была самостоятельно продумана сущность метода Маркса, и он владел этим методом в совершенстве, самостоятельно применяя его к вопросам русской экономики, русской истории, к вопросам классовой борьбы и политики» [2]).

Самостоятельная работа Ленина над теорией марксизма, самостоятельное применение этого метода к вопросам рабочего движения в России, к организационным и тактическим принципам партии обуславливает возможность теоретической критики Лениным Плеханова.

Социально-политическое перерождение, превращение меньшевистской партии из оппортунистической в буржуазную сопровождается изменением идеологических и, в частности, философских принципов меньшевизма. Уже на первых ступенях партийной борьбы ленинизма с оппортунизмом становится возможным обнаружить основные черты буржуазного метафизического способа мышления в политической методологии меньшевиков. Основная черта буржуазного мышления выражается в одностороннем преувеличении, в возведении в абсолютную догму одной стороны сложного многообразного процесса

---

[1]) В. Адоратский, О занятиях Ленина философией, «Большевик», № 2, 1930 г., стр. 92.

[2]) Там же, стр. 91.

развития. Метафизическое обособление определенной стороны процесса, неразрывно связанной со всей закономерностью развития, превращение этого кусочка действительности в целое, в единственно существующую действительность Ленин устанавливает, как характерную особенность политической логики меньшевизма.

«...Плохие вы диалектики, товарищи из «Искры»! Вы не умеете рассуждать диалектически, хотя прекрасно умеете вилять и вертеться, как Плеханов... Вы просмотрели, что при условии победы восстания все эти кусочки переворота (подразумевается организация потребительских обществ. *П. К.*) неизбежно сольются в цельный, законченный «эпилог» восстания, тогда как без победы восстания кусочки останутся кусочками. Оппортунисты социалдемократии и накануне социалистического и накануне демократического переворота имеют дурную привычку носиться, как с писаной торбой, с одним из мелких кусочков великого процесса, возводя этот кусочек в целое, подчиняя этому кусочку целое, уродуя этим целое, превращаясь в силу этого в прихвостней непоследовательных и трусливых реформистов» [1]).

В борьбе с меньшевизмом, в разоблачении оппортунистической тактики устанавливались основные черты буржуазного мышления [2]).

Политическая методология меньшевизма характеризуется формализмом, антиисторизмом — с одной стороны, механистическим противопоставлением внешнего внутреннему, отрицанием скачков, вульгарным эмпиризмом (напр., теория «зачинщика» Плеханова 1914 г.)—с другой. «Политика,— говорил Ленин в «Заметках публициста», имеет свою внутреннюю логику» (Соч., т. XII, стр. 46). Логика меньшевистской политической тактики ничего общего не имела с логикой диалектического материализма. Внутренняя логика оппортунистической политики изменяла философские взгляды Плеханова от революционного марксизма к буржуазным философским теориям. Когда-то революционер-материалист, диалектик, талантливейший представитель марксизма, впоследствии оппортунист, оправдывающий политическое предательство пролетариата «опошлением марксизма», «карикатурой на марксизм» (Ленин). «Пожалеем Плеханова,— он заслужил лучшего своей борьбой с оппортунизмом, народниками, махистами и ликвидаторами» [3]), борьбой, имевшей огромное значение для марксизма.

В восьмидесятых и девяностых годах Плеханов выступает как пролетарский революционер, как политический руководитель революционного движения в России. Отчетливо представляя себе ближайшие задачи классовой борьбы в России, Плеханов теоретически и практически подготовляет организацию партии пролетариата. Огромные заслуги Плеханова этого периода неоспоримы. Революционная практическая деятельность Плеханова до 1903 года теоретически закреплена в ряде работ, имеющих большое значение для понимания марксизма. Известны высокие оценки, данные Лениным Плеханову, как материалисту-диалектику. Ленин подчеркивает необходимость для каждого большевика ознакомиться со всем тем, что написал Плеханов в области философии, подчеркивает значение ряда философских работ Плеханова, защищающих ортодоксальный марксизм от всякого рода ревизионизма. «Мы отметим только, — писал Ленин в своей статье «Марксизм

---

[1]) Ленин. Последнее слово искровской тактики, Собр. соч., т. VIII, стр. 309.

[2]) Анализ политической методологии меньшевизма подводил к изучению характерных особенностей недиалектического мышления в условиях классового общества. Ленин вскрывает в своем «К вопросу о диалектике» существо идеализма, как одностороннее превращение «кусочка», «стороны», «грани познания» в абсолют. Политический опыт борьбы с меньшевизмом был учтен Лениным в его теории исторического движения познания.

[3]) Ленин, Плеханов, не знающий, чего он хочет, Соч., т. XVII, стр. 407.

и ревизионизм» в 1908 г.,—что единственным марксистом, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили ревизионисты,— был Плеханов. Это тем более необходимо решительно подчеркнуть, что в наше время делаются глубоко ошибочные попытки провести старый реакционный философский хлам под флагом критики тактического оппортунизма Плеханова» [1]).

Реакционному философскому хламу Богдановых, Базаровых и др. Плеханов противопоставил защиту ортодоксального марксизма. «Гносеологической схоластике» Конрада Шмидта Плеханов противопоставил критику кантианства. Критика Бернштейна Плехановым, резкая и принципиальная, выгодно отличает его от большинства теоретиков II Интернационала, от либерального благодушия Каутского того времени по отношению к философским взглядам Бернштейна.

Высоко ставя плехановскую критику ревизионизма, богдановщины, кантианства и др., Ленин, однако, считает эту критику недостаточно конкретной (Письмо к Горькому 24 марта 1908 г.), отмечает ее коренные недостатки (фейербахианство и т. д.).

Правильное в этой критике теснейшим образом переплетается с неправильным, ряд марксистских положений существует с отступлениями от материалистической диалектики. В 1908 г. Ленин писал Горькому: «Теперешнего Плеханова ни один русский социал-демократ не должен смешивать со старым Плехановым» [2]). «Старый Плеханов» и Плеханов-оппортунист получили свое отражение в философском наследии Плеханова. Правильное и в корне неверное, с точки зрения марксизма, перепуталось в работах, имеющих в общем большую для философии диалектического материализма ценность. Недостатки и ошибки Плеханова в области философии вскрываются Лениным, как мы видим, на всем протяжении борьбы большевизма с русским и международным меньшевизмом. Разбросанные в ряде работ: «Шаг вперед, два шага назад», «Последнее слово искровской тактики», «Материализм и эмпириокритицизм», в «Письмах», в «Конспектах «Науки логики» Гегеля», в отрывке «К вопросу о диалектике» и т. д., ленинские критические указания должны быть систематизированы. Ошибочно было бы думать, что критические указания Ленина относятся только к отдельным недостаткам философии Плеханова. Есть глубокая внутренняя связь между апологетическим отношением Плеханова к Фейербаху и его непониманием диалектики, как теории познания, между плехановским пониманием опыта и недостаточным пониманием революционной практической критической деятельности. Вся совокупность недостатков и ошибок Плеханова представляет определенную неверную для марксистско-ленинской философии тенденцию теории познания, тенденцию, вскрытую и разоблаченную Лениным. Все сказанное Лениным о Плеханове должно быть руководством при оценке этого крупного представителя марксизма. Только руководствуясь ленинской критикой Плеханова, можно отделить верное от неправильного в его философских работах, только лишь таким образом можно показать актуальную ценность Плеханова для марксизма.

* * *

Философская эволюция Плеханова неразрывно связана с историческими особенностями развития русской общественной мысли. Плеханов времен «Черного Передела» и Плеханов группы «Освобождение Труда» связан с идей-

---

[1]) Ленин, Марксизм и ревизионизм, Соч., т. XII, стр. 185.

[2]) Письмо к Горькому от 13 февраля 1908 г., Ленинский сборник I, стр. 89.

ными традициями прогрессивной революционной общественной мысли того времени. Особенное влияние на Плеханова этого периода оказывал Чернышевский. «В эпоху Казанской демонстрации Плеханов преклонялся перед ним, как величайшим учителем русской революционной молодежи. В эпоху зарождения группы «Освобождение Труда», когда он писал программную брошюру, Плеханов считал Чернышевского «родоначальником русской социал-демократии» [1]). Несмотря на обстоятельную критику философских взглядов Чернышевского в специальной работе о талантливейшем русском ученом, Плеханов не мог преодолеть до конца идейных влияний Чернышевского. С Фейербахом Плеханову удалось через Чернышевского познакомиться несколько ранее, чем с Марксом, Фейербах всегда оставался для Плеханова величайшим авторитетом в вопросах теории познания. В этом сказалось бесспорное влияние Чернышевского на формирование философской мысли Плеханова, которое сам Плеханов никогда не отрицал. В письме от 21 октября 1881 г. Плеханов писал Лаврову: «С тех пор, как во мне начала пробуждаться критическая мысль, вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитавшими, развившими мой ум во всех отношениях».

Материализм Чернышевского оставался непреодоленным материализмом Фейербаха. Ряд блестящих формулировок диалектического метода данных Чернышевским, остались у него несвязанными, оторванными от его материалистической концепции. Свои материалистические взгляды он изложил в систематической форме в работе «Антропологический принцип в философии». Чернышевский стоит в этой работе на почве фейербаховского антропологизма. «Принципом философского воззрения на человеческую жизнь служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма. Наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о раздвоении человека. Философия видит в нем то, что видит медицина, физиология, а философия прибавляет, что если бы человек имел кроме реальной своей натуры другую натуру, то эта другая натура обнаружилась бы в чем-нибудь, и так как она не обнаруживается ни в чем, так как все происходящее и проявляющееся в человеке по одной только его натуре, то другой натуры в нем нет» [2]). Взгляды Чернышевского на материализм, на проблему отношения суб'ективного и об'ективного являются воспроизведением взглядов Фейербаха. Для Чернышевского взгляды Фейербаха полностью подтверждались последними выводами естествознания, естественно-научные данные давали, по его мнению, исчерпывающую характеристику основной гносеологической проблемы, собственно в этом и заключался антропологизм Фейербаха и «антропологический принцип в философии» Чернышевского. Почти в тех же выражениях изображает Плеханов отношения фейербаховского исходного пункта в теории познания к естествознанию. В своей большой работе о Чернышевском он пишет: «Фейербах до сих пор является представителем самой глубокой и наиболее современной, т.-е. наиболее соответствующей нынешнему состоянию естествознания, философской теории» [3]).

Значительное влияние Чернышевского, а стало быть и непосредственно Фейербаха, сказавшееся во всех основных философских работах Плеханова, бесспорно. «Мое собственное развитие,— говорит в одной из статей Плеханов,— совершалось под огромнейшим влиянием Чернышевского, разбор его взглядов был целым событием в моей литературной деятельности. Остается

[1]) Рязанов, Маркс и Чернышевский, «Летописи Марксизма» № VII—VIII, стр. 50.
[2]) Чернышевский, Собр. соч., т. VI, стр. 194.
[3]) Плеханов, Собр. соч., т. V, стр. 237.

проследить, как повлияло на литературную деятельность Плеханова в области философии это бесспорно важное событие русской общественной мысли.

* * *

Чернышевский говорил о себе, что «не имеет ни малейших притязаний сказать что-нибудь новое, принадлежащее лично ему, что он желал бы только быть истолкователем идей Фейербаха» [1]).

Для Плеханова «Фридрих Энгельс» был человеком, который лишь «способствовал дальнейшему систематическому развитию взглядов Фейербаха» [2]). Для Плеханова «гносеология Маркса по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха, она собственно и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной у ней Марксом гениальной поправки» [3]). Для Чернышевского и для Плеханова фейербахианство представляло исходный пункт правильного научного мышления. Плеханов почти полностью отождествляет теорию познания Фейербаха с марксистской гносеологией, Чернышевский пытается исходить непосредственно от философских принципов Фейербаха.

Фейербах и Чернышевский исходили из натуралистического понимания суб'екта и об'екта. Человеческую практику Фейербах и Чернышевский рассматривали физиологически, биологически, а не социально-исторически. На почве биологизма проблема суб'екта в теории познания решалась индивидуалистически. Антропологическая точка зрения рассматривала человека только лишь, как организм, одаренный способностью чувственного восприятия. Всякая форма связи между индивидами, понималась как натуралистическая, биологическая форма связи. Предметом теории познания являлся отдельный организм, определенное тело. «Мое тело»—это исходный пункт философских рассуждений Фейербаха. Для Чернышевского предметом философии является антропологически понятый «человек, как отдельная личность» [4]).

«Нужно рассматривать, — говорил Чернышевский, — деятельность человека, как деятельность всего его организма» [5]). Плеханов, излагая решение основного вопроса философии в марксизме, продолжал мысль Чернышевского. «Я—не то отвлеченное существо, с которым оперирует идеалистическая философия, — говорил он в «Основных вопросах марксизма». — Я — существо действительное, мое т е л о принадлежит к моей с у щ н о с т и, — более того, мое тело как целое и есть моя истинная сущность» [6]). В разрешении основного вопроса философии Плеханов целиком примыкает к Фейербаху и Чернышевскому.

Не социально-историческое рассмотрение суб'екта, а биологическое понимание организма лежит в основе теории познания Фейербаха и его талантливейших русских последователей.

Конечно, Маркс не мог бы думать, вместе с Плехановым, что «в словах Фейербаха выражается все учение материалистов о суб'екте и об'екте» [7]).

Для Маркса суб'ект — это определенная «общественная деятельность», «персонификация определенного общества», «представитель определенного класса». Сказать, что «тело как целое есть истинная сущность суб'екта — это значит обойти социально-историческую характеристику суб'екта, высказав при этом полное непонимание учения Маркса об общественной практике.

---

[1]) Ч е р н ы ш е в с к и й, Собр. соч., т. X, ч. 2, стр. 192.
[2]) П л е х а н о в, Соч., т. V, стр. 30.
[3]) П л е х а н о в, Соч., т. V, стр. 19.
[4]) Ч е р н ы ш е в с к и й, Собр. соч., т. VI, стр. 217.
[5]) Там же, стр. 237.
[6]) П л е х а н о в, Соч., т. XVIII, стр. 188.
[7]) П л е х а н о в, Соч., т. XVI, стр. 136.

Понятие суб'ективной деятельности означает трудовую, экономическую и познавательную деятельность. Суб'ект — это общественная категория. Натуралистический материализм Фейербаха, Чернышевского и, в известном смысле, и Плеханова сводит понятие суб'екта к внеисторическому содержанию. Суб'ект, таким образом, сводится к «форме об'екта», к об'екту.

Проблема познания решается диалектиком материалистом на той почве, которая специфична для познавательной деятельности. Натуралистический материализм есть по существу материализм метафизический. Проблема отношения суб'екта к об'екту разрешается Фейербахом вне качественно своеобразной диалектики суб'екта и об'екта, вне общественной практики, в сфере биологии и физиологии чувств.

Плеханов целиком соглашается с известным положением Фейербаха: «Я ощущаю и мыслю вовсе не как суб'ект, противостоящий об'екту, а как суб'ект-об'ект, как действительно материальное существо. И об'ект для меня есть не только ощущаемый предмет, но также основное, необходимое условие моего ощущения. Об'ективный мир находится не только вне меня, он также— во мне самом, в моей собственной коже».

Биологическое отношение человека к предмету является предпосылкой общественно-исторической диалектики суб'екта и об'екта, но только лишь в социальной истории имеет место трудовая, экономическая и познавательная деятельность, а стало быть суб'ективная деятельность людей.

Огромные заслуги Фейербаха перед историей материализма неоспоримы. Философия по-своему последовательного материализма Фейербаха была целым событием в немецкой духовной жизни сороковых годов. Но основное положение материализма «без об'екта нет суб'екта» Фейербах развивал в пределах «антропологии», в этом ограниченность, узость материализма Фейербаха. «Узок,—говорит Ленин,—термин Фейербаха и Чернышевского «антропологический принцип» в философии. И антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные слабые описания материализма [1]).

Не в биологии и физиологии, а социальной истории марксизма устанавливает процесс суб'ективной деятельности деформирующий материальный мир, процесс конкретной деятельности, переходящий в предметы внешней природы.

Оставаясь на почве органической жизни, созерцательности материализма, Фейербах не мог правильно понять единство процессов бытия и мышления. Только в этом смысле справедливо обвинение Марксом материализма Фейербаха в созерцательности. Различие между Марксом и Фейербахом в решении основного вопроса философии существенное и принципиальное [2]).

Для Плеханова почти нет различия между Марксом, Фейербахом и Чернышевским в решении проблемы суб'екта и об'екта. «Сторонник учения Маркса, — писал он, — и теперь не может не согласиться с верным последователем Фейербаха и Чернышевского, что касается взгляда на суб'ект и об'ект [3]).

Устранение различий между марксизмом и фейербахианством в основном вопросе теории познания Плеханову удается не без натяжек. «Плеханов дал пересказ, а не перевод» (Ленин) [4]) второго тезиса Маркса о Фейербахе. Благодаря пересказу Плеханова общественная практика, обнаруживающая человеку «истинность, т.-е. действительность, лишь посюсторонность своего мышления» (перевод Ленина), превращалась в добавочный аргумент в пользу того, что мышление «не останавливается по сю сторону явлений» (перевод

[1]) Ленинский сборник XII, стр. 121.

[2]) См. нашу статью «Практика как единство суб'екта и об'екта», «Под Знаменем Марксизма» № 5 за 1929 г.

[3]) Плеханов, Соч., т. V, стр. 130.

[4]) Ленин, Соч., т. X, стр. 81.

Плеханова). Основным критерием об'ективной истины для Плеханова является фейербаховское учение о единстве организма.

Принципиальная критика антиисторизма, отвлеченного натурализма, данная в тезисах Маркса о Фейербахе, для Плеханова представляет собой применение фейербаховского антропологизма. «Уже в своем третьем тезисе о Фейербахе, — говорит Плеханов, — Маркс вплотную подходит к самой трудной из всех тех задач, которые ему предстояло решить с помощью выработанного Фейербахом правильного понятия об единстве суб'екта и об'екта» [1].

Третий тезис Маркса показывает всю бесплодность «фейербаховского отвлеченного человека» (Энгельс), показывает, что диалектика суб'екта и об'екта есть общественная практика. «Изменившиеся люди являются продуктом изменившихся обстоятельств», с другой стороны, «обстоятельства изменяются именно людьми». В общественно-историческом процессе возникает суб'ект, неразрывно связанный с предметным бытием данной общественной формации, с другой стороны, суб'ективная деятельность общественных людей изменяет бытие данной формы общественной жизни.

Третий тезис Маркса против Фейербаха рассматривается Плехановым, как применение учения Фейербаха. Как сильно было влияние Чернышевского, так непоколебим для Плеханова авторитет Фейербаха.

«Чтобы перейти, — говорит Энгельс, — от фейербаховского отвлеченного человека к действительным живым людям, необходимо было изучать их в их историческом развитии». Чтобы перейти к социально-историческому пониманию суб'екта, необходимо было преодолеть фейербаховскую теорию отвлеченного человека. Антропологизм Фейербаха, вынужденного «абстрагироваться от хода исторического развития», представляет основу философской аргументации Плеханова.

Недостаточное понимание Плехановым революционной — практической — деятельности в марксизме приводит его к ошибочной трактовке проблемы опыта. Опыт есть конкретная диалектика суб'екта и об'екта, опыт в своем рациональном и наиболее широком понимании есть всемирно-историческая практика.

Одна из основных проблем в теории познания, проблема опыта, может быть правильно решена только лишь в связи с критерием практики. Известно, что для Энгельса опыт, практика, промышленность являются почти синонимами. Опытная деятельность является определенной стороной практической деятельности. В опыте суб'ективная деятельность и независимая от суб'екта об'ективность выступают в единстве. Для философии марксизма опытная деятельность, обуславливает познание «об'ектов познания независимых от познания» (Ленин) [2].

Не доходя до понимания исторической практики, Фейербах не мог дать правильное решение проблемы опыта. Принимая отвлеченное от общественной практики учение о суб'екте Фейербаха, Чернышевского, Плеханов допускает ряд грубейших ошибок «сплошную путаницу» (Ленин) в понимании того, что такое опыт.

«На стр. X — XI своего предисловия к «Людвигу Фейербаху» (изд. 1905 г.) Плеханов говорит: «Один немецкий писатель замечает, что для эмпириокритизма опыт есть только предмет исследования, а вовсе не средство познания. Если это так, то противопоставление эмпириокритизма материализму лишается смысла, и рассуждения на эту тему о том, что эмпириокритизм призван сменить собою материализм, оказывается пустыми и праздными». «Это — одна сплошная путаница» [3], — говорит по поводу приве-

---

[1] Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 197.
[2] Ленин, Соч., т. XIII, стр. 125.
[3] Там же, стр. 124.

денного Плехановым рассуждения Ленин. «Под словом «опыт» несомненно может открываться материалистическая и идеалистическая линия в философии, а равно и юмистская и кантианская, но ни определение опыта, как предмета исследования, ни определение его, как средства познания, ничего еще не решает в этом отношении» [1]). Ничего не решает потому, что определения опыта как средства познания и определение опыта как предмета исследования остается в пределах отвлеченного процесса мысли. То и другое определение органически не связано с практической деятельностью людей и конкретной реальностью внешнего мира.

К теоретико-познавательному принципу Фейербаха-Чернышевского, к их взгляду на единство суб'екта и об'екта Плеханов прибегает во всей своей литературной деятельности. Знаменитое положение Фейербаха: «Я — это я для себя и ты для других одновременно» — для Плеханова является центральным положением основных вопросов марксизма, то же положение является основой в критике кантианства, в полемике с Карлом Шмидтом и высшим критерием в письмах против Богданова.

В этой связи необходимо отметить апологетическое отношение к Фейербаху А. Деборина, видного ученика Плеханова-философа. Некритическое отношение к Фейербаху является одной из худших сторон философских взглядов Плеханова. Это «худшее у Плеханова» развивает и продолжает Деборин. Решение проблемы суб'екта и об'екта вне исторической революционной критики является недиалектическим решением основного вопроса философии.

Признавая, что принцип Фейербаха «насквозь диалектичен» [2]), Деборин считает существенное различие между марксизмом и фейербахианством в основном вопросе теории познания. В 1868 г. Маркс писал Энгельсу: «В Германии думают, что диалектика Гегеля—это дохлая собака». В этом отношении многое лежит на совести Фейербаха. По мнению Деборина «диалектическим методом Фейербах пользовался мастерски: можно сказать, что его мысль насквозь диалектична» [3]).

Вопреки той оценке, которую дал Фейербаху Маркс, Деборин, следуя Плеханову, превращает Фейербаха в диалектика.

Отношение человека к предмету, проблему опыта Плеханов рассматривает вне революционно-практическо-критической деятельности. Натуралистическое понимание проблемы суб'екта и об'екта, отвлеченное от исторического процесса, от определенных общественных формаций, претендовало на исчерпывающее решение того вопроса, полностью освещающее отношение людей к вещам и друг к другу в любой форме общества. На почве антропологии создавался общий шаблон для всех конкретных процессов истории. Отвлеченное натуралистическое решение проблемы суб'екта и об'екта, к которому склоняются Плеханов и Деборин, игнорирует качественно различные формы практики. Социалистическая и капиталистическая практика, труд в условиях капитализма и переходного к социализму периода, стираются в едином свете «гуманизма» и антропологии. Совершенно беспомощным остается «антропологический принцип» перед развертывающимся социалистическим соревнованием, ударничеством, перед новыми формами труда, практики, перед новыми отношениями суб'екта к об'екту. В противоположность капитализму труд у нас становится «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» (Сталин). Труд становится первой жизненной потребностью, а не только средством к жизни.

---

[1]) Там же, стр. 125.
[2]) А. Деборин, Людвиг Фейербах, изд. 1929 г., стр. 228.
[3]) Там же. стр. 229.

Шаблонное антиисторическое разрешение основного вопроса философии, игнорирование революционной практики в философии и в политике коренится в самой социальной природе меньшевизма.

Антиисторизм является основной особенностью буржуазной идеологии, теоретическим продуктом всей социально-экономической природы капитализма. Антиисторизм в разрешении вопросов философии оппортунизма в отчетливой форме проявляется уже в первых работах Бернштейна в повороте от материалистической диалектики к Канту, характеризует всю теоретическую продукцию М. Адлера, К. Форлендера и др., находит свое выражение в отвлеченном натурализме Каутского. Антиисторизм в тактике характеризуется неумением понять различные этапы борьбы пролетариата в их необходимой связи с организацией победы пролетарской революции, применением общего шаблона,—подменой учета конкретных условий диалектического процесса общественного развития формалистическими силлогизмами. «Оппортунисты, — говорит Ленин, — ограничиваются применением ко всем случаям общего шаблона... Дума есть представительное учреждение,—следовательно, бойкот есть анархизм и надо итти в Думу. Таким детски простым силлогизмом исчерпывались всегда все рассуждения на эту тему наших меньшевиков и в особенности Плеханова» [1]).

Диалектическая методология в тактике заменяется у Плеханова формально логическим доктринерством, полнейшим игнорированием учета конкретного процесса общественного развития. Конкретному историзму в диалектике противопоставляется отвлеченный шаблон, антиисторические схемы. Раскрытие сущности противоречий конкретного процесса в логике уступает место отвлеченно-абстрактной доктрине. «Резолюция меньшевиков о значении представительных учреждений в революционную эпоху чрезвычайно рельефно показывает этот шаблонный антиисторический характер их рассуждений. Наоборот, революционные социал-демократы центр тяжести переносят на учет конкретной политической ситуации» [2]), на учет всей конкретной противоречивости действительного процесса.

* * *

Фейербахианское разрешение основного вопроса философии приводило Плеханова к неправильному пониманию процесса логического мышления.

Для каждого, кто, хотя бы бегло, изучил историю философии, очевидна неразрывная связь понимания проблемы суб'екта и об'екта с трактовкой процесса мышления. Общеизвестна взаимообусловленность дуалистической теории вещи в себе и явления у Канта, с его трансцендентальной логикой, взаимообусловленность декартовского учения о материальной и духовной субстанции, с его пониманием научного метода.

Гносеологические исходные пункты диалектического материализма неразрывно связаны с теорией материалистической логики. Ленин неоднократно подчеркивает неразрывную связь между диалектической логикой и всемирно-исторической практикой, вскрывает взаимообусловленность между марксистским решением основного вопроса философии и методологией диелктического материализма.

Вопрос о том, как относится суб'ект к об'екту, как отражается материальный мир в процессе мышления, перерастает в проблему развития логических категорий материалистической диалектики. В этом своеобразие решения основного вопроса всякой филосфии в марксизме.

В практике, в конкретной диалектике суб'екта и об'екта, предмет деформируется в своих внутренних существенных связях. Диалектическая

[1]) Ленин, О бойкоте, Соч., т. X, стр. 26; разрядка моя *П. К.*

[2]) Там же; разрядка моя *П. К.*

логика вскрывает внутренние, существенные противоречия действительности. В практике суб'ективная деятельность переходит в об'ективную. В диалектической логике «Истина есть процесс от суб'ективной идеи к об'ективной истине» (Ленин) [1].

Логический процесс непосредственно связан с процессом практики. «От суб'ективной идеи человек идет к об'ективной истине, через практику» [2].

Для социально-исторического суб'екта в процессе общественной практики предмет выступает во всей своей целосности, обнаруживая в развитии практики свою внутреннюю структуру, свою действительную сущность. Для организма предмет доступен только лишь со стороны внешних свойств, доступны лишь стороны предмета, действующие непосредственно на его природу.

Материализм Фейербаха и Чернышевского исходил из натуралистически понятого суб'екта познания, ограничивая при этом познание об'екта внешней непосредственно-данной стороной его. Познать природу об'екта для созерцательного материализма означает познать его внешние свойства.

Антропологический принцип в философии, приводил к метафизическому отождествлению внутренней структуры предмета с ее внешними свойствами. Качество процесса отождествлялось со свойством вещи.

Отождествление качества предмета с его отношениями к другим предметам составляет одну из характерных особенностей философии французских материалистов XVIII в., Фейербаха и Чернышевского.

Н. Г. Чернышевский в своем «Антропологическом принципе» полностью приравнивает понятие качества к понятию свойства. Известно, что тяжесть, давление, блеск, твердость, являются свойствами предметов, проявляющимися в отношениях к другим предметам, но тяжесть, давление — это не структура предмета, не качество предмета. «Железо, серебро, золото, — пишет Чернышевский, обнаруживают очень значительное количество того качества, которое называется тяжестью и мерилом которого у нас на земле служит вес... другое качество есть способность сжиматься от «давления» [3]. «Лед тверд и блестящ, что общего между твердостью и блеском? Логическое расстояние одного из этих качеств до другого безмерно велико» [4].

Следуя в данном вопросе философическим взглядам Чернышевского, Плеханов отождествляет свойства вещи с ее качествами. «Что же мы называем, — говорит он в статье «Трусливый идеализм», — качеством вещи? Ее качествами — или, чтобы употребить более общий и более точный в данном случае термин, ее свойствами, мы, материалисты, называем ее способность изменяться известным образом, при известных условиях и вызывать соответствующие изменения в других вещах, так или иначе связанных с ней. Пример: вода при 0° замерзает. Это ее способность замерзать при указанной температуре, несомненно, принадлежит к числу ее свойств» [5].

Понятие качества для Плеханова тождественно понятию свойства, понятие свойства — понятию качества. Это вполне правильно с точки зрения Гольбаха, Фейербаха и Чернышевского, но не выдерживает никакой критики с точки зрения марксистско-ленинской теории познания.

Качество процесса Плеханов понимает, как его форму отношения с другим процессом. Имманентный, внутренний характер качества выхолащивается. Качество, как внутренняя определенность, как специфическая форма бытия, приравнивается внешним отношением между процессами.

---

1) Ленинский сборник IX, стр. 297.
2) Там же.
3) Н. Г. Чернышевский, Собр. соч., т. VI, стр. 195.
4) Там же.
5) Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 115; разрядка моя. *П. К.*

Эта грубейшая методологическая ошибка, ведущая к непониманию особенностей внутренней закономерности, ведущая к политическому оппортунизму, к смазыванию внутренних противоречий, к замене их внешними.

Для Ленина понять качество процесса значит раскрыть его конкретное своеобразие, его особенность, понять природу внутренних предмету противоречий, познать борьбу, взаимное проникновение противоположностей, имманентных самому процессу. Из внутренних противоречий качества процесса может быть только понято отношение данного процесса к другим формам движения, свойства самого процесса. Из природы целого должны быть поняты отдельные стороны этого целого, «кусочки» этого целого. Примат целого над частью, целого над кусочком, качества над свойством является одним из основных положений логики марксизма-ленинизма и политической методологии большевизма. «Социалисты, — говорит Ленин, — должны уметь отличать кусочек от целого, должны выставлять своим лозунгом целое, а не кусочек, должны противопоставлять коренные условия действительного переворота тем частичным штопаньем, которые нередко сбивают революционеров с истинного пути» [1].

Для Ленина категория качества — это определение вещи. «Качество — определение вещи или явления» [2], определение структуры вещи, ведущее мышление к раскрытию внутренней закономерности о сущности противоречий предмета.

Категория качества выступает, как ступень в процессе познания единства противоположностей, как ступень в познании сущности противоречий действительности. Категория качества отражает далеко не полно внутренние противоречия предмета, но в непосредственной форме здесь выступает целостность процесса, его специфичность, его отличие от других качественно своеобразных форм движения. Ленин, следуя Гегелю, ~~и Марксу,~~ понимает под качеством определенность, специфичность процесса, ступень познания закономерности противоречий с самой сущности процессов.

Понятие о качестве и свойствах определенного качества Ленин обосновывает общим характером марксистской теории познания. Теория познания есть логика, есть диалектика. В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов [3]. Истинное познание есть познание самой сущности предмета. Познать вещь — это познать внутренние противоречия ее сущности.

Чернышевский, отождествляя понятия свойства и качества, вслед за французскими материалистами и Фейербахом ограничивает познание вещи, познание ее свойств. Свойства вещи и ее качества понимаются не как ступени познания, раскрывающие противоречивую сущность действительности. Свойства или, что то же для метафизического материализма, качества являются содержанием истины в теории познания.

Для французских материалистов, для Фейербаха и его русского последователя Чернышевского процесс познания раскрывает лишь свойства предмета.

«Мы не знаем, — говорит Гольбах, — ни сущности, ни истинной природы материи, хотя мы в состоянии определять некоторые ее свойства и качества, сообразно тому, как она на нее влияет».

«Душа познает лишь некоторые отдельные свойства предметов».

«Мы по нашей природе не способны познать то, что составляет сущность предмета, в нашем распоряжении нет никаких средств познать ее. Познание сущности вне наших сил», — говорит Робинэ.

---

[1]) Ленин, Последнее слово искровской тактики, Соч., т. VIII, стр. 30.
[2]) Ленинский сборник IX, стр. 291.
[3]) Ленинский сборник XII, стр. 193.

«Нам неизвестна и останется всегда неизвестной... сущность материи и тела», — говорит Ламеттри.

Для Плеханова вышеприведенные положения Ламеттри, Гольбаха и Робинэ являются исходными пунктами критики кантианства (Плеханов, Соч., т. XI, стр. 10, 11).

«Плеханов, — говорит Ленин, — критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения» [1]).

Теория познания французских материалистов основана на учении о естественном человеке. «Естественный человек», отвлеченный отдельный индивид, рассматривается вне зависимости от развития общественной истории. Познание есть свойство природы естественного человека. Познать «по своей природе» (Робинэ) человек может лишь «свойства материи, которые открываются внешним чувством» (Ламеттри).

Ламеттри и Гольбах, исходя из своей теории отдельного чувственно-воспринимающего существа, последовательно приходили к выводу, что человеческому познанию «доступна лишь внешняя скорлупа явления».

Французские материалисты, высказывая эту мысль, по мнению Плеханова, «изменяли своей собственной теории познания» [2]). На самом же деле французские материалисты последовательно приходили от антиисторического понимания человека к отрицанию последовательного, ступенчатого познания внутренней структуры предмета.

Марксистская критика исторических взглядов французских материалистов является большой заслугой Плеханова. Но Плеханов не рассматривает исторические взгляды французских материалистов в единстве с их теорией познания.

Теоретико-познавательные воззрения французских материалистов, по которым «человеку даны лишь внешние свойства вещей», тесно связаны с их историческими взглядами.

Этого недооценивает Плеханов в своей критике французских материалистов. Критика Плеханова носит несколько формальный характер, сравнение с кантианством и т. п.

Критика французских материалистов для самого Плеханова была затруднена его отношением к Фейербаху. Ведь Фейербах «в XIX столетии был настоящим реставратором материализма XVIII века», он является «представителем этого материализма со всеми его преимуществами и недостатками» [3]).

Плеханов, для которого гносеология Фейербаха являлась в основном правильной, не мог избежать вместе с Фейербахом недостатков французского материализма.

Антропологическое, внеисторическое понимание суб'екта приводит Плеханова к признанию теоретико-познавательной формулы французских материалистов: «Познать предмет значит познать его свойства».

«У Ламеттри, — говорит Плеханов, — мы встречаем интересные замечания о том, что мы можем познать некоторые совершенно относительные свойства «внешних вещей»... Надо помнить, что слово «познать» вообще не имеет никакого другого смысла. Узнать данную вещь именно и значит узнать ее свойства. А что такое свойство вещи? Это именно тот способ, которым она на меня действует посредственно и непосредственно» [4]).

---

[1]) Ленинский сборник IX, стр. 127.
[2]) Плеханов, Соч., т. XI, стр. 99.
[3]) Плеханов. Соч., т. XI, стр. 18.
[4]) Там же, стр. 93.

Защищая вышеприведенное положение Ламеттри, Плеханов противоречит своей же критике теории познания французских материалистов.

Плеханов соглашается с Гегелем, что «диалектика есть душа всякого научного познания» [1]), и наряду с этим признает чуждую диалектическому методу точку зрения на познание.

Эта двойственность Плеханова коренится в своеобразных условиях его собственного политического и философского развития. Практическая измена диалектическому материализму — оппортунизм, идейная преемственность русской общественной мысли, сильное влияние Чернышевского оставляло ряд положений теории познания Плеханова на ступени Фейербаха. Философские работы Маркса и Энгельса подводили вплотную к диалектическому материализму. Плеханов диалектик материалист выступает с критикой французского материализма, учит о связи теории познания с культурной историей, присоединяется к гегелевской критике точки зрения «человеческой природы». Плеханов последователь определенной традиции в русской общественной мысли, сторонник антропологического принципа в философии, соглашается с основным положением теории познания французских материалистов, ограничивает гносеологию связью с физиологически понятым, отрешенным от социальной истории индивидом.

С общественно-исторической практикой несовместима натуралистическая теория познания, с ее метафизическим пониманием отношения суб'екта к об'екту. Истинность мышления раскрывается в процессе углубления в действительность предмета. Процесс углубления мышления в действительность предмета есть исторический процесс.

Ничего общего с марксизмом не имеет философия Богданова, для которой «об'ективное познание сущности вещей, несовместимо с исторической условностью всякой идеологии» [2]). Величие теории познания диалектического материализма заключается именно в том, что об'ективное познание сущности вещей ею обосновывается **материалистическим** и **историческим** харектером познания.

«С точки зрения марксизма, — говорит Ленин, — исторически условны пределы приближения наших знаний к об'ективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей, до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед «безусловно об'ективного познания» [3]).

Познание сущности вещей неразрывно связано с историческим характером познания, в этом особенность теории познания диалектического материализма, в этом отличие теории познания диалектического материализма от гносеологии французских материалистов, от Людвига Фейербаха и Чернышевского.

Материалистическая диалектика окончательно преодолевает дуалистическое понимание процессов бытия и мышления в своем учении о ступенчатом развитии категорий логического познания об'ективно существующего материального мира. Ступенчатый характер познания в диалектической логике неразрывно связан с историческим пониманием развития мышления.

Отвлеченное от социальной истории учение «о естественном человеке» энциклопедистов и фейербаховское понимание единства организма не создавали возможности окончательного преодоления дуалистической теории бытия и мышления.

---

[1]) **Плеханов**, Соч., т. XVIII, стр. 136.

[2]) **Богданов**, Эмпириомонизм, кн. III, стр. IV.

[3]) **Ленин**. Соч., т. XIII, стр. 111.

Понимая под процессом познания познание внешних сторон процесса, созерцательный материализм рассматривает отношение суб'екта и об'екта, как внешнее отношение. Неопределенный дуализм в теории познания французских материалистов существенно отличен от дуализма кантовской философии. Кант учит о полной невозможности познать материальный предмет в целом. Ламеттри и Гольбах допускают возможность познания свойств об'екта, указывая при этом полную неспособность мышления познать сущность материальных процессов. Дуализм суб'екта и об'екта выступает здесь в форме раздельности процесса познания от сущности материального предмета. Проблема истины в теории познания созерцательного материализма рассматривается вне зависимости от познания внутренних противоречий сущности вещей. Соглашаясь с материалистами XVIII столетия в том, что «познать данную вещь значит иметь правильное представление об ее свойствах», Плеханов должен признать их точку зрения на проблему истины. «Вопрос о том, может ли знание быть истинным», сводится для Плеханова к вопросу, «могут ли представления о свойстве вещи, возникающие у суб'екта, соответствовать, т.-е. не противоречить действительным ее свойствам?» [1]). Плеханов, высказывая свой взгляд на природу истинного познания, обходит проблему познания сущности вещей. Следуя принципам теории познания созерцательного материализма, Плеханов вслед за Фейербахом делает первые шаги в процессе преодоления метафизического дуализма бытия и мышления. Окончательно преодолеть гносеологическую метафизику делается возможным лишь на почве диалектической логики, на почве категории диалектической теории познания последовательно раскрывающих противоречивую сущность вещей.

Теория познания, для которой отношение мышления к бытию не переставало быть внешним, отрешенным от существа материальных процессов отношением, представляла собой материалистически непоследовательную, оставляющую лазейку для идеализма теорию познания. С точки зрения Ленина Плеханов допустил крупнейшую ошибку, приняв теорию иероглифов Гельмгольца.

Конечно, между учением метафизического материализма о познании одних лишь свойств действительного об'екта и иероглифической теории познания имеется существеннейшее различие. Для созерцательного материализма познаваемы действительные свойства об'екта, для иероглифической теории знания, — говорил Ленин,— ощущения и представления человека представляют из себя не копии действительных вещей и процессов природы, не изображение их, а условные знаки, символы, иероглифы и т. п.» [2]).

«Фейербах, — говорит Маркс, — хочет иметь дело с конкретными об'ектами», в этом его последовательный материализм. «Фейербахианец Альбрехт Рау, — говорит Ленин, — отвергает иероглифический или символический материализм, или полуматериализм Гельмгольца во имя последовательного материализма Фейербаха» [3]).

Однако созерцательный материализм не устраняет полностью идеалистических искажений в теории познания. Фейербах высказал ряд идеалистических положений в своей критике религии. Отрыв процесса познания от сущности материального развития, допущенный Плехановым, не мог гарантировать его от ошибочной теории иероглифического материализма.

«Ошибочность плехановского отступления от формулировки материализма» (Ленин), обусловлена недостаточностью ряда положений его теории познания.

---

[1]) Плеханов, Соч., т. XVII, стр. 116.
[2]) Ленин, Соч., т. XIII, стр. 190.
[3]) Там же, стр. 193.

Для Плеханова целиком приемлем взгляд Фейербаха на суб'ект и об'ект. Это обстоятельство, как мы уже видели, мешало Плеханову правильно поставить задачу логической «теории отражения» конкретных об'ектов. Исходные позиции антропологизма Фейербаха могли быть преодолены более последовательным материализмом Маркса, или дополнены чем-либо совсем не последовательным. По старому пути пошел Плеханов, дополнив целиком для него приемлемый антрологизм в теории познания «иероглифическим материализмом». Несмотря на то, что Плеханов, под давлением Ленина, признавал ошибочность теории иероглифов, «иероглифический материализм» не был чисто-случайной ошибкой Плеханова [1].

Совокупность ошибок в теории познания Плеханова, вскрытая Лениным, представляет определенную единую тенденцию, обусловленную историческими условиями возникновения взглядов Плеханова на философию, обусловленную русским оппортунизмом периода 1903 — 1917 годов. Апологетическое отношение Плеханова к учению о суб'екте и об'екте Фейербаха и Чернышевского находится в непосредственной связи с его (Плеханова) непониманием теории познания, как диалектики, как логики. Непонимание диалектики, как теории познания, является причиной ошибочных суждений Плеханова в области философии. Понимание диалектики как теории познания несовместимо с натуралистическим разрешением основного вопроса всякой философии, несовместимо с ограничением познания познанием свойств вещи, несовместимо с иероглифическим материализмом.

Понимание диалектики как теории познания предполагает решение проблемы суб'екта и об'екта на почве социально-исторической практики, предполагает необходимость раскрытия путем мышления противоречий в сущности вещей.

Разбирая критику Плехановым различных направлений в буржуазной философии, Ленин показывает, на примере критики Плеханова, неразрывную связь между апологетическим отношением к фейербахианству и непониманием диалектики как теории познания.

Плеханов в критике кантианской и махистской теории познания исходит из основных положений философии Фейербаха, критикует «более пофейербаховски» и «по-бюхнеровски».

«Плеханов критикует кантианство» (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь a limine отвергает их рассуждения, а не исправляет эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий» [2]).

Показать связь и переходы понятий, раскрывающих конкретные формы материального движения, это значит понять теорию познания как диалектическую логику.

Плеханов, принимая антиисторический взгляд Фейербаха на проблему суб'екта в теории познания и известную формулу «познать предмет, значит познать его свойства», не мог понять теорию познания, как логику, как диалектику.

Для логики диалектического материализма процесс познания есть процесс раскрытия путем мышления об'ективных противоречий в самой сущности вещей.

Для диалектической логики, — говорит Ленин, — «человеческие по-

---

[1]) А. Деборин смазывает всю глубину плехановской ошибки иероглифического материализма, утверждая, что «у Плеханова все дело сводилось только к терминологии, но не к существу вопроса» (Деборин, Ленин как мыслитель, стр. 45, изд. 2-е 1925 г

[2]) Ленинский сборник IX, стр. 197—198.

нятия суб'ективны в своей абстрактности, оторванности, но об'ективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» [1]).

Об'ективный характер логических положений основан на их непосредственной связи с историческим процессом практики.

Процесс и тенденция логических форм, категорий непосредственно связан с процессом и тенденцией определенных форм общественной жизни. Ленин определяет процесс познания, исходя из его истоков, из конкретно исторической диалектики суб'екта и об'екта, из практики, в которой суб'ективное и об'ективное взаимопроникают друг друга. Суб'ективное, абстрактное и об'ективное-конкретное в логическом процессе выступают в единстве. «Абстрактное и конкретное, — говорит Ленин, — единство противоположностей».

Исходя из антропологического понимания суб'екта в теории познания. Плеханов рассматривает логические понятия вне процесса, вне тенденции, абстрактно, суб'ективно. Рассматривая вслед за Фейербахом суб'ективность вне исторического процесса познания, Плеханов характеризует процесс познания, как процесс возникновения мыслей в отдельном индивиде. Процесс познания получает у Плеханова не логическую, а скорее суб'ективистически психологическую трактовку. «Знание, как и ощущение,—говорит Плеханов,—всегда суб'ективно, потому что процесс познания есть не что иное, как процесс возникновения известных представлений в суб'екте» [2]).

Логикой, научной методологией принимается во внимание процесс возникновения и исчезновения определенных представлений в суб'екте. Логика, теория познания исследует процесс воспроизведения путем мышления истинной сущности, противоречий материальной об'ективной действительности. Для логики процесс мышления есть процесс раскрытия об'ективной истины. Сама «истина есть процесс от суб'ективной идеи... к об'ективной истине». В такой форме проблема соотношения суб'ективного и об'ективного в логике может быть решена только при понимании связи проблемы истины с процессом исторического развития. «От суб'ективной идеи, — говорит Ленин, — человек идет к об'ективной истине через (практику и технику)» [3]). В теории познания суб'ективность получает не суб'ективистски-психологическую, а историческую и логическую характеристику. «Суб'ективность, по Ленину, есть стремление уничтожить отдельные идеи от об'екта» [4]). Ленинское понимание суб'ективности в теории познания представляет собой диалектически-логическое ее понимание. Теория познания, рассматривающая суб'ект, как «стремление уничтожить отдельные идеи от об'екта», становится методологией, логикой.

«Диалектика, — говорит Ленин, — и есть теория познания... марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а суть дела), не обратил внимание Плеханов, не говоря уже о других марксистах» [5]). «Логика есть учение о познании. Есть теория познания» [6]). Ленинское понимание диалектической логики предполагает методологическую трактовку теоретико-познавательных проблем. Для Ленина диалектика и есть теория познания и есть логика.

У Плеханова вопросы диалектики рассматриваются отдельно от теории познания. Теория познания в ряде существенных пунктов совпадает с суб'ективно-понятой психологией.

[1]) Ленинский сборник IX, стр. 249.
[2]) Плеханов, Соч., т. XVIII, стр. 116.
[3]) Ленинский сборник IX, стр. 297.
[4]) Там же, стр. 225; разрядка моя. *П. К.*
[5]) Ленинский сборник, XII, стр. 325.
[6]) Ленинский сборник IX, стр. 292.

Суб'ективистическое решение теоретико-познавательных вопросов приводит Плеханова к ряду ошибок. Продолжая до крайности суб'ективистические ошибки Плеханова, Л. И. Аксельрод полностью отождествляет теорию познания с психологией в смысле Локка.

«Психология без души, — говорит Аксельрод о философии Локка, — означает в его системе научное мышление без всяких метафизических предпосылок и примесей. Гносеология совпадает у него с психологией в обширном значении понятия последнего. Но, несмотря на такую правильную постановку задачи и начатки ее разрешения, выразившееся, прежде всего, в критике врожденных идей Локк не мог разрешить ее при условии научной мысли своей эпохи» [1]).

«Марксистская» теория познания, по мнению Аксельрод, продолжает «правильную научную постановку задачи» Локка. Суб'ективизм, в теории познания не совместимый с методологией диалектического материализма, представляет собой философскую реакцию даже в отношении к Фейербаху и Чернышевскому и приводит к худшим сторонам эмпиризма.

Присоединение к принципам философии Локка представляет собой сформулированный отказ от понимания теории познания как логики. Алогизм в теории познания Аксельрод имеет место в зародышевой форме у Плеханова.

Аксельрод, исходя из суб'ективистического понимания теории познания, по-своему последовательно защищает иероглифический материализм, выдвигая ряд придирчивых аргументов против ленинского методологического понимания логики, как теории познания, против теории отражения.

Плеханов говорил о Фейербахе: «Я защищаю все его философические взгляды, за исключением его взгляда на диалектику» [2]). Фейербаховскую трактовку вопросов теории познания Плеханов защищает, признает правильной. Теория познания для Плеханова—это воспроизведение теории познания Фейербаха. Непонимание Фейербахом диалектики не смущает Плеханова, не дает еще повод критически пересмотреть его теорию познания. Теория познания для Плеханова представляет особую область, особый круг вопросов. Проблема суб'екта и об'екта, критерий познания, возможности и границы познания, — все эти вопросы для Плеханова вопросы самостоятельные, не зависимые от проблем диалектики. Плеханов глубоко убежден, что вопросы теории познания разрешены до-марксовским материализмом, в особенности Фейербахом. Маркс фейербахианскую теорию познания дополнил диалектикой, прибавил к ней диалектику. «У Плеханова общее понимание марксистской философии сводится к тому, что она есть... теория познания + диалектика» [3]).

Для Ленина диалектика и есть теория познания. В диалектической логике материализма находят свое решение основные вопросы теории познания. В диалектической логике материализма разрешается проблема суб'екта и об'екта. В категориях логики устанавливается реальная возможность и действительность познания. Только лишь при понимании диалектики как теории познания становится возможным установить действительную об'ективную связь между различными формами материального движения, становится возможным установить последовательность воспроизведения материальной конкретности в мышлении. В «ступенях познания», в категориях логики теории познания раскрываются мышлением в определенной последовательности законы конкретного диалектического развития. Метод, путь познания воспроизводит об'ективную закономерность диалектического процесса. Только лишь методологическое понимание теории познания делается

[1]) Там же, стр. 271.
[2]) Плеханов, Соч., т. V, стр. 130.
[3]) М. Митин, За действительную разработку... «Правда» № 218.

возможным установить совокупность законов диалектики, единство, взаимосвязь этих законов. Только в единстве диалектики и теории познания может быть вскрыта суть диалектики, обнаруживающаяся в сложной совокупности ее законов.

Ленинское понимание диалектики как теории познания является критерием, «сутью» раскрытия об'ективных законов материального движения, критерием, устанавливающим единство этих законов, единство противоположностей. Плеханов не понимает этого критерия, не обращает внимания на эту «суть дела» (Ленин).

Условием познания единства противоположностей являются диалектика, понятая как логика, как теория познания. Для Плеханова осталось неизвестным «условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанейном развитии, в их живой жизни» [1]). Для Плеханова осталась неизвестной диалектика как «философская наука» (Ленин).

«Вкратце диалектику, — говорит Ленин, — можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики» [2]). Единство противоположностей раскрывается в законах об'ективного диалектического развития, как их сущность, является «ядром» законов прерывности и непрерывности, целого и части, всеобщего и единичного, необходимого и случайного. Процесс познания в логике диалектического материализма есть процесс раскрытия единства противоположностей. Познание представляет собой раскрытие определенных форм, законов единства противоположностей, установления связи и взаимозависимости этих законов. Существующее в различных формах материального движения единство противоположностей раскрывается в познании. Единство противоположностей понимается Лениным, как основной «закон познания и закон об'ективного мира», тем самым устанавливается единство диалектики и теории познания на почве рационального понимания единства противоположностей.

Плеханов не понимает единства противоположностей как «закона познания и закона об'ективного мира», он не ставит перед собой задачу последовательного раскрытия в теории познания закона единства противоположностей, не устанавливает единства соотношения различных форм единства противоположностей,—закона диалектики друг в друге. Диалектика, «учение о единстве противоположностей», в работах Плеханова не развита в философскую науку. Непонимание диалектики как теории познания единства противоположностей снижает плехановскую трактовку единства противоположностей до уровня суммы примеров.

Для Ленина в категориях диалектики последовательно, «ступенчато» раскрывается в различных формах существо противоречий материального движения, единство противоположностей, самодвижение об'екта. У Плеханова «тождество противоположностей берется как сумма примеров». «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его, — говорит Ленин,— ... есть суть (одна из сущностей, одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики... На эту сторону диалектики обычно (напр., у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется, как сумма примеров, например, «зерно», например, первобытный коммунизм, а не как закон познания) и закон об'ективного мира» [3]).

В работе Плеханова «Основные вопросы марксизма» проблемы диалектической логики, законы диалектики вовсе не разбираются, весь философский раздел почти целиком посвящен изложению теории познания Фейербаха. В главе «Современный материализм» книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» почти отсутствует разбор философской теории

[1]) Ленин, К вопросу о диалектике, т. XIII, стр. 301.
[2]) Ленинский сборник IX, стр. 276.
[3]) Ленин, К вопросу о диалектике, Соч., т. XIII, стр. 301.

марксизма. В главе «Немецкая идеалистическая философия» той же книги проблемы диалектики рассматриваются по принципу «например, зерно». В лучшей своей работе по вопросам философии, в статье «Гром не из тучи!», Плеханов аргументирует от примеров Чернышевского. «Чернышевский поясняет мысль Гегеля, беря в пример войну. «Пагубна или плодотворна война? — спрашивает он. — Вообще нельзя отвечать на это решительным образом: надобно знать, о какой войне идет дело, все зависит от обстоятельства времени и места... Марафонская битва была благодетельнейшим событием в истории человечества». Еще пример—дождь. «Благо или зло дождь? Этот вопрос отвлеченный, определенно ответить на него нельзя: иногда дождь приносит пользу, иногда, хотя реже, вред; надобно спрашивать определенно: после того, как посев хлеба окончен, в продолжение пяти часов шел сильный дождь, — полезен ли он был для хлеба? Только тут ответ ясен и имеет смысл: этот дождь был полезен» [1]). Не ставя перед собой цели систематической разработки диалектического метода, не осознавая эту задачу, Плеханов ограничивается иллюстрацией отдельных положений диалектики. Основная суть диалектики—единство противоположностей—не могла и не может быть понята наглядно-иллюстрированным путем. Полезность дождя и войны, зависящая от места и времени, ничтожно мало еще говорит о характере противоречий «сущности вещей», об определенных законах диалектики. Последние могут быть обнаружены только лишь в последовательном раскрытии всей целостности определенных форм материального движения научной методологией.

В ряде отдельных положений Плеханов пытается выйти за пределы простого констатирования диалектичности определенных процессов, но эти попытки остаются разрозненными, не увязанными с общим характером его работы над диалектическим материализмом. «Маркс, — говорит Плеханов,— стал на ту конкретную почву, которая создала возможность научного отношения к предмету, т.-е. отношения к предмету с точки зрения закономерностей, совершающихся в нем процессов» [2]), но Плеханов не развивает эту мысль, не кладет ее в основу своей работы в области философии.

В предисловии к книге Энгельса «Людвиг Фейербах» Плеханов подходит к ленинскому определению диалектики, как теории познания, формулируя положение в корне, противоречащее гносеологии Фейербаха, теоретико-познавательным принципам французского материализма и суб'ективистической теории иероглифов. «Без диалектики, — говорит он, — неполна, одностороння, скажем больше: невозможна материалистическая теория познания» [3]). Сказав, что без диалектики невозможна теория познания, Плеханов еще не устанавливает характера взаимосвязи между диалектикой и теорией познания, он указывает лишь в самой общей форме на существование этой связи.

Ленин в своих работах по философии выполнил огромную задачу разработки категорий диалектической логики, непосредственно увязывая методологию диалектического материализма с общественно-исторической практикой, вскрывая единство теории познания и логики, на почве истории человеческого познания. Вся совокупность ошибок Плеханова в политической практике и теории познания препятствовала разработке диалектики как философской науки. «Плеханов написал о философии (диалектике) вероятно до 1.000 страниц (Бельтов + против Богданова + против кантианцев + основные вопросы и т. д. и т. д.). Из них о большой логике, по поводу нее, ее мысли (т.-е. собственно диалектика как философская наука) ничего» [4]).

[1]) Плеханов, Гром не из тучи! «П. З. М.» № 5, 1928 г., стр. 12.
[2]) Там же, стр. 17.
[3]) Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 22, предисловие Плеханова.
[4]) Ленин, Ленинский сборник, XII, стр. 225.

Политическая практика меньшевизма упраздняла задачу разработки диалектики как философской науки. Плеханов не приступил и не мог приступить к осуществлению этой задачи. «Нельзя без смеха читать, — говорит Ленин в своей работе «Шаг вперед, два шага назад»,—великолепные и гордые заявления г. Плеханова..., что его не поняли вследствие новизны его мыслей, вследствие незнакомства с диалектикой...» [1]). Основной недостаток философии Плеханова заключается в непонимании диалектики как методологии познания конкретной действительности. Диалектика приобретает у Плеханова отвлеченный характер. «Абстрактные общие положения» (Ленин) иллюстрируются «суммой примеров», «суммой намеков». В противоположность Плеханову у Ленина в 1904 г. вполне складывается взгляд, согласно которому существо диалектики заключается в воспроизведении конкретных противоречий самого предмета, в воспроизведении внутренних противоречий, единства противоположностей самой действительности. «Беда т. Плеханова,— говорит Ленин,—состояла в том, что он пустил в обращение *сумму намеков*... Тов. Плеханов впал в беду, потому что нарушил основное положение столь неудачно помянутой им диалектики: отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна. Источник этих забавных и грустных недоразумений, из которых так забавно и так грустно выпутывался потом т. Плеханов, лежал именно в нарушении основного положения диалектики: разбирать конкретные вопросы во всей их конкретности» [2]).

Вульгарность сведения диалектики к сумме намеков, к сумме примеров является одним из существенных пунктов ленинской критики диалектики у Плеханова.

«Диалектика и есть теория познания... вот на какую сторону дела (это не сторона дела, а суть дела) не обратил внимание Плеханов»... «У Плеханова тождество противоположностей берется как сумма примеров» [3]). То, что Ленин специально формулирует отрыв теории познания от диалектики и вульгарное понимание закона единства противоположностей в 1915—1916 гг., не говорит еще о том, что эти существенные ошибки Плеханова не были ранее известны Ленину.

По существу те же аргументы противопоставлены Лениным в 1904 г. плехановскому оправданию уступок меньшевизму. Эти же аргументы воспроизведены и развиты во всей последующей борьбе с оппортунизмом.

Наивным и немарксистским было бы мнение, что Ленин подошел к пониманию основных недостатков плехановской диалектики только лишь после чтения Гегеля в 1914 году. Ошибки и общие недостатки теории познания Плеханова Ленин вскрывает на протяжении всего периода борьбы большевизма с политической методологией и тактикой меньшевиков. Специальная, систематическая работа над логикой диалектического материализма обусловила необходимость сформулировать проверенный всем развитием пролетарского движения общий недостаток философии Плеханова.

Недостатки философии Плеханова периода 1905—1917 гг. непосредственно обусловлены политической методологией меньшевизма. Замазывание задач революционного переворота, превращение тактики пролетарской революции в парламентскую дипломатию в 1905 г. уже выступает в отчетливом виде в меньшевистском лозунге «революционное самоуправление народа».

«В этом лозунге,—говорит Ленин,—или вернее в превращении его в центральный лозунг, корень всех шатаний «Искры». Защищать этот лозунг «Искра» пробовала ссылкой на «диалектику», — ту самую плехановскую диалектику, благодаря которой «организационные туманности» Плеханова были сначала защищаемы, а потом разоблачаемы Плехановым.

---

[1]) Ленин, Шаг вперед, два шага назад, Соч., т. VI, стр. 293.
[2]) Там же.
[3]) Ленин, К вопросу о диалектике, Ленинский сборник XII, стр. 321—323.

Революционное самоуправление народа не пролог восстания, а его эпилог. Без победы восстания нельзя говорить серьезно о настоящем и полном самоуправлении» [1]).

Сведение последовательности диалектического процесса развития, к отдельным разрозненным этапам его, способ рассматривать различные этапы движения вне их целостного результата, в данном случае вне пролетарской революции, в которой каждый отдельный этап рабочего движения получает свою действительную ценность, характеризует тактику меньшевизма. Плехановское понимание диалектики отразило эту тактику сведением диалектической методологии, последовательно раскрывающей конкретные противоречия, к сумме отдельно взятых примеров имеющихся в действительности противоречий. В этой сумме примеров диалектики исчезала последовательность диалектического процесса, смешивались, спутывались этапы последнего, становилось невозможным разработать логику, диалектическую теорию познания, раскрывающую последовательно в познании действительную закономерность реального процесса. Необходимости раскрыть внутреннюю закономерность процесса противопоставлялась теория «запутанности стихийного процесса». Логике классовой борьбы пролетариата, партийной действенности, противопоставлялась тактика приспособления к стихийности существующего экономического развития.

««Искра» пыталась,—говорит Ленин,—защищать путаницу своих сознательных лозунгов ссылкой на «диалектику» бессознательного стихийного процесса. Жизнь де не знает резких границ... Пролог и эпилог в диалектическом процессе не редко де переплетаются. Это последнее совершенно справедливо. Да, процесс действительного развития всегда идет запутанно, высовывая кусочки эпилога раньше настоящего пролога. Но значит ли это, что вождю сознательной партии позволительно смешивать пролог с эпилогом? Может ли диалектика запутанного стихийного процесса оправдывать путаницу в логике сознательных социал-демократов? Не значит ли это подменять диалектику в смысле Маркса диалектикой в смысле Плеханова?» [2]).

* * *

Понять взаимоотношение между определенными категориями логики, установить взаимозависимость между законами диалектики можно лишь при условии понимания самого характера методологии диалектического материализма. Опираясь на всю совокупность исторических форм общественной практики, на рациональное понимание истории человеческого познания, логика диалектического материализма вскрывает реакционность, псевдо-научность буржуазной теории. Рассматривая кризис современного естествознания в тесной связи с тенденцией развития всего человеческого познания, Ленин отделяет в этом кризисе реакционное, вздорное от зарождения новых еще не осознанных современным естествознанием тенденций к диалектическому материализму. Критерием действительного понимания той или иной естественно-научной теории является диалектика как философская наука. Не обратив внимания на диалектику как теорию познания, склоняясь к наглядно эмпирическому толкованию диалектики, Плеханов не в состоянии дать действительную оценку современным ему естественно-научным теориям. Непонимание общего характера диалектики как науки ведет к позитивистическому не критическому отношению к теориям буржуазных ученых в области естествознания. Некритическим отношением к отдельным естественно-научным теориям Плеханов сближается с механистической ревизией марксизма.

[1]) Ленин, Последнее слово искровской тактики, Соч., т. VIII, стр. 307.
[2]) Там же.

Энгельс устанавливает невозможность сведения высших форм движения к низшим его формам. В органической жизни господствующими законами являются законы, не имеющие места в химической и механической форме движения. Химические и механические законы в области биологии выступают как подчиненные, как побочные формы движения. «В глазах материалистов XVIII столетия, — говорит Энгельс, — человек был машиной, как животные в глазах Декарта. Исключительное приложение мерила, заимствованного из механики, к химическим и органическим явлениям, т.-е. к таким явлениям, в области которых механические законы, хотя и продолжают действовать, но отступают назад перед другими высшими законами, — составляет первую специфическую неизменную тогда черту ограниченности классического французского материализма [1]). «По этому поводу, — пишет в примечаниях к «Людвигу Фейербаху» Плеханов,—можно заметить, пожалуй, что и химия, и биология в конце концов сведутся к молекулярной механике» [2]).

Энгельс устанавливает, исходя из диалектического понимания законов качества и количества, принципиальную невозможность сведения биологии и химии к механике. В противоположность Энгельсу Плеханов настаивает на неизбежности сведения биологии и химии к механике.

Плеханов некритически воспринимает механистическую тенденцию современного ему естествознания, готов пожертвовать в угоду этой тенденции основными законами диалектической методологии материализма.

Своей «поправкой» Плеханов пытается опровергнуть Энгельса. Механистическая ревизия марксизма в своей борьбе против материалистической диалектики использовала «поправку» Плеханова. Тов. Степанов, доказывая необходимость сведения законов развития высших форм движения к механистическому движению, ссылается на Плеханова, как на марксиста, понявшего необходимость этого сведения. Борьба с механистической ревизией марксизма должна стать борьбой и с рядом ошибок плехановского понимания философии марксизма, должна быть действительной борьбой за диалектико-материалистическое овладение современным естествознанием. Ленин раскрывает диалектический характер кризиса современного естествознания, рассматривает в связи с этим кризисом буржуазные философские теории Маха и Авенариуса, устанавливает соотношение между диалектическим материализмом и физическими теориями строения материи. Теория познания диалектического материализма разрабатывается Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» в непосредственной связи со всей историей знания (абсолютная и относительная истина), в связи с современным естественнонаучным пониманием материи философское и физическое понимание материи). Ленин подтверждает методологию диалектического материализма современным естествознанием. Плеханов в своей поправке к Энгельсу капитулирует перед отрицательными тенденциями современного естествознания. «Не кто иной, как Ленин, — говорит т. Сталин, — взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии, наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин в своей замечательной работе «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решался даже серьезно приступить к выполнению такой задачи» [3]).

[1]) Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 46, 122.
[2]) Там же.
[3]) И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 30

* * *

Не обратив внимание на диалектику, как теорию познания, допуская ошибочную трактовку законов качества и количества, сводя понимание единства противоположностей к сумме примеров, Плеханов не в состоянии был дать исчерпывающую критику формальной логики.

Критика формальной логики предполагает два неразрывно связанные друг с другом условия: 1) понимание диалектики как теории познания, категорий логики, как ступеней познания об'ективных законов материального мира, 2) понимание противоречий в сущности процессов единства противоположностей. Категории логики диалектического материализма отражают в познании конкретную противоречивость процесса. Законы тождества различия и основания отражают единство противоречий в сущности самых вещей, раскрывают единство противоположностей процесса.

Формальная логика дает в корне неверную трактовку законов тождества, различия и основания, определяя эти законы вне процесса развития вещей, вне самодвижения конкретных форм материи, обособляя тождество от различия, различие от основания. Категории тождества, различия и основания являются категориями теории познания диалектического материализма и могут быть правильно поняты только лишь из общего характера диалектики, как теории познания. Дать правильное понимание тех законов, которые в течение двух тысячелетий являлись основными законами метафизического мышления, можно только исходя из того, что диалектический процесс познания есть последовательно ступенчатое познание противоречий в сущности вещей.

Исходя из формулы: «познать предмет — значит познать его свойства», Плеханов не может дать исчерпывающую критику формальной логике. Недостатки этой формулы сказываются в недостатках плехановской критики метафизического мышления. Ограничение познания познанием свойств вещи делает невозможным рассмотрение теории познания как логики, отражающей в мышлении противоречия сущности самого об'екта. Ограничивая познание познанием свойств вещи, невозможно установить последовательность категорий логики. Ведь сам порядок категорий диалектики основан на том, что в каждой последующей категории даны в более полном, развернутом виде противоречия сущности самого предмета, ибо каждая последующая категория является конкретнее предыдущей. Порядок категорий обусловлен их содержанием, содержание категорий познания заключается в полноте отражения противоречий сущности процесса.

Для Плеханова категории тождества, противоречия и основания не существуют, как ступени познания противоречий предмета. Разбор законов формальной логики Плеханов ограничивает вопросом о принадлежности предмету определенных свойств. «На каждый определенный вопрос о принадлежности данному предмету д а н н о г о с в о й с т в а надо, — говорит Плеханов, — отвечать или да, или нет. Это не подлежит сомнению. Но как прикажете отвечать в том случае, когда предмет изменяется, когда он уже у т р а ч и в а е т д а н н о е с в о й с т в о или пока еще только приобретает его? Само собой разумеется... что определенным ответом будет здесь только ответ, построенный по формуле да — нет, нет — да». Вопрос о взаимоотношении формальной и диалектической логики решается Плехановым в плоскости изменчивости или неизменности определенных свойств предмета, на почве внешних форм проявления процесса. Такое решение вопроса недостаточное, а потому неправильное. Изменчивость и относительная неизменность свойств находит свое об'яснение в сущности процесса, внешнее находит свое об'яснение во внутреннем, является формой проявления внутренних противоречий процесса. Тождественность, постоянство, устойчивость опре-

деленного свойства, изменение и возникновение данного свойства не могут быть рассмотрены вне зависимости от тождества и противоречия сущности процесса, от единства противоположностей, имманентного предмету. Для Ленина положительное решение проблем, связанных с основными законами формальной логики, возможно лишь как всестороннее решение проблемы единства противоположностей.

Критикуя формальную логику в отвлеченных границах внешней стороны процесса, Плеханов относительную неизменность определенных свойств не об'ясняет внутренней природой противоречий процесса, не об'ясняет относительную неизменность свойств диалектической природой сущности процесса. К об'яснению относительного постоянства свойств процесса Плеханов применяет не диалектическую логику, а логику формальную. «Когда речь идет об отдельных предметах, — говорит Плеханов, — то в суждениях о них мы обязаны следовать... и вообще руководствоваться «основными законами» мышления (формальной логикой. *П. К.*). В этой области царствует любезная г. Бернштейну «формула»: да — да и нет — нет»[1]). Формальная логика у Плеханова получает свою автономию. В области отдельных предметов и неизменных свойств царствуют законы да — да, нет — нет. Покой, частный случай движения, понимается не как особая форма движения, а рассматривается отвлеченно от движения. В общем правильная, известная аналогия Плеханова между покоем и движением и между формальной и диалектической логикой конкретизуется неправильно. Абстрактное понимание тождества и абстрактное понимание противоречия, на котором метафизическое мышление односторонне строило целую логическую систему, находят свое правильное истолкование только в диалектической логике.

Для иллюстрации возьмем те же примеры, на которых Плеханов пытается доказать автономию формальной логики. «Если нам укажут на планету Венеру и спросят, существует ли эта планета, мы не колеблясь ответим: да. А если нас спросят, существуют ли ведьмы, то мы столь же решительно ответим: нет»[2]).

Для Плеханова эти определенные ответы об'ясняются рассуждением по принципам формальной логики, на самом же деле эти ответы лишь подтверждают преимущество диалектического мышления.

Ленин основной недостаток формальной логики видит в ее полной оторванности от теории познания. Формальная логика ограничивается чисто-описательной характеристикой отдельных форм мышления. Метафизическая логика не ставит вопрос о «соответствии с истиной» (Ленин) определенных логических положений, отвлекается от соответствия форм мысли с конкретной действительностью. Для Ленина формальная логика не приемлема в своей основе. Логика действительного мышления есть вместе с тем теория познания.

На вопрос, существуют ли ведьмы?.. формальная логика может ответить решительно: нет, но может столь же решительно ответить: да. Содержание ответа не интересует эту логику, для последней важно лишь установить принципиальную несовместимость между «нет» и «да», между отрицанием и утверждением. Устанавливая существование планеты Венеры и отсутствие ведьм, мы выходим за пределы формальной логики, рассматривая конкретные противоречия действительности, существующие в природе процессы развития.

Рассматривая конкретную противоречивость процессов природы, мы применяем и должны применять диалектическую методологию. Последняя раскрывает противоречивость процесса, обосновывая в то же время ряд

[1]) Энгельс, Людвиг Фейербах, предисловие Плеханова, стр. 17.
[2]) Ленинский сборник IX, стр. 191.

категорий, раскрывающих определенность предмета, его относительную неизменность.

Категории диалектической логики: «качество», «вещь», «целое», «закон» дают исчерпывающее об'яснение определенности предмета, раскрывают эту определенность на основе всей конкретности противоречивого развития. Диалектическая логика дает исчерпывающее об'яснение необходимости определенного ответа, дает это об'яснение, исходя из самой конкретности процессов природы и общества.

Известные формулы «да — да», «нет — нет» могут быть правильно поняты только в свете диалектической логики и не могут быть конкретно поняты при метафизическом способе мышления.

Ленинское или — или накануне пролетарской революции обосновано всей совокупностью общественных отношений в России, самой природой Февральской революции. Ленинская формула «кто—кого» определяется всем существом переходного периода от капитализма к социализму, социалистическим строительством в переходный период.

Диалектическая логика материализма, большевистская революционная практика обнаруживали полную беспомощность, отвлеченность формально-логической дедукции в логике и в политической методологии меньшевизма.

Для формалистической дедукции характерно стремление непосредственно вывести из общих положений чисто умозрительным путем ряд выводов. Вся совокупность выводов, для отвлечения дедуктивной теории, целиком заложена в посылках. Для логики диалектического материализма принципиально неприемлема теория отвлеченных силлогизмов. Диалектическая логика раскрывает, воспроизводит конкретную совокупность противоречий действительности. Теория простого логического развития общей истины является полным игнорированием материалистической диалектики. Политическую методологию меньшевизма характеризует теория простого логического развития общей истины. Ленин обнаруживает формализм, как основную особенность методологии в тактике меньшевизма. «Способ рассуждений,—говорит он,—нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их, т.-е. стремление искать ответы на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опошление марксизма, сплошная насмешка над диалектическим материализмом» [1]).

Теория простой логической дедукции из общей истины принципиально отлична от логики диалектического материализма своим подходом к вопросу об абстрактном и конкретном. Для формалистической теории общие посылки полностью и целиком обуславливают собой все выводы... Вместо воспроизведения конкретного процесса в мышлении, в абстракциях, выступает логическое выведение одной абстракции из другой. Верность посылок не гарантирует еще целиком правильности выводов, верные посылки ведут лишь к правильному пониманию конкретной действительности. Выводы из посылок верны лишь постольку, поскольку отражают конкретность происходящих в действительности процессов.

В спорах между большевизмом и меньшевизмом о характере революции 1905 г., в спорах о тактике социал-демократии в этой революции, полностью был обнаружен теоретический формализм Аксельродов, Мартовых, Плехановых и т. д. Теоретический формализм обосновывал тактику поддержки буржуазии, являясь оправданием предательства пролетарской революции. «В буржуазной революции нельзя социал-демократии не поддерживать бур-

[1]) Развитие капитализма в России, предисловие ко 2-му изд. 1907 г., Соч., т. III, стр. 8; разрядка моя. *Н. К.*

жуазной демократии,—таково основное положение Плеханова и его присных, — говорит Ленин, — и из этого положения прямо и непосредственно делают вывод о поддержке кадетов. А мы говорим: посылка верна, а вывод никуда не годен, ибо еще надо разобрать, какие партии или течения выражают собой в данный момент силу, действительно способную на борьбу, силу буржуазной демократии» [1]).

Рассуждения меньшевиков и Плеханова о характере революции 1905—1907 гг. представляют ряд формалистических выводов, обнаруживают полную неспособность учесть конкретные противоречия общественного развития. Рассуждения Плеханова в этот период представляют собой ряд аргументов, оправдывающих поддержку буржуазных партий. Оппортунизм в политике обуславливал опошление марксизма в теории. Материалистической диалектике противопоставлялась формалистическая дедукция. Революция буржуазна,—рассуждали меньшевики,— следовательно, буржуазия является движущей силой этой революции, следовательно, основной задачей социал-демократии является непосредственная поддержка буржуазных партий.

Это насквозь формалистическое рассуждение ничего общего не имеет с методологией диалектического материализма. «Если наша революция буржуазна по своему экономическому содержанию,—говорит Ленин,—то отсюда нельзя делать вывод о руководящей роли буржуазии, как движущей силе ее. Такой вывод, обычный у Плеханова и меньшевиков, есть опошление марксизма, есть карикатура на марксизм» [2]). Опошление марксизма потому, что полностью игнорируется основное в диалектическом методе, раскрытие противоречий в сущности самого конкретного процесса, карикатура на марксизм, потому что всестороннее исследование общественного процесса подменяется рядом доводов, имеющих только лишь формальную связь друг с другом.

Антимарксистский формалистический уклон представляет собой форму просачивания меньшевистской идеологии в философию.

Неверный в своем существе формализм в политической методологии меньшевизма характерен неумением учесть основное, существенное в процессе развития. Формализм знает только внешнюю связь между определенными событиями. Сущность процесса и его внешнее проявление. Движущие силы революции и политические события для меньшевистской логики являются событиями одного и того же порядка. Парламентская дипломатия приравнивается к классовой борьбе, подменяет собой организацию пролетарской революции. Внешние, случайные события общественной истории рассматриваются, как основные, определяющие характер политики партии причины.

Диалектическая методология раскрывает противоречия в самой сущности вещей, в этом ее основное отличие от логики формального вывода. Каждое последующее положение логики диалектического материализма раскрывает полнее, всестороннее, глубже сущность процесса. Каждый последующий вывод для теории формальной логики не отражает более глубоких более существенных связей процесса. Доводы формальной логики, вне зависимости от их последовательности, имеют одинаковое значение; их истинность обуславливается лишь только их взаимной непротиворечивостью. Рассматривая какой-либо факт, сторонник формальной логики останавливается на нем, подыскивая ряд доводов для его оценки. Разбираемое событие оказывается необ'яснимым, доводы приобретают чисто-суб'ективное значение, логика подменяется софистикой.

«В благородном деле подмены диалектики софистикой, — говорит Ленин, — Плеханов побил рекорд. Софист выхватывает один из «доводов», и

---

[1]) Ленин, По поводу одной статьи в органе Бунда, Соч., т. X., стр. 207; разрядка моя. *П. К.*

[2]) Ленин, Большевики и мелкая буржуазия, Соч., т. XI, стр. 25.

еще Гегель говорил справедливо, ибо «доводы» можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к конкретным движущим силам, к развитию производительных сил и классовой борьбе» [1]).

Брошюра Плеханова «О войне» представляет яркий образчик софистики, прикрывающей оборонческую, буржуазную политическую позицию. Примитивная, подлая теория «зачинщика», рассуждение на тему, кто на кого напал, франкофильство, апология Антанты характеризуют Плеханова 1914—1917 годов. Во всех этих доводах, разумеется, не было ни грана диалектики. Материалистическая диалектика подменялась формалистической, кантианским подходом к историческим процессам, неприкрытым суб'ективизмом. «Мы видим... на примере Плеханова. Из марксизма явными софизмами выхолащивают его революционную живую душу, в марксизме признают все, кроме революционных средств борьбы, проповеди и подготовки их, воспитания масс именно в этом направлении» [2]). Оппортунизм перерастает в 1914—1917 гг. у Плеханова в буржуазное политиканство, в прямую помощь империалистической политике.

Ленинская оценка Плеханова этого периода была краткой. «Буржуа,— писал он в письме к Н. Д. Кикнадзе в октябре 1916 г.—Следует ли, что я данного буржуа Плеханова теперь буду признавать за социал-демократа? Нет, не следует». Споры между Лениным и Плехановым идут уже не по вопросам марксизма, не по вопросам понимания революционной тактики и теории, споры перерастают в классовую вражду, практически закрепившуюся всем периодом от февраля до октября 1917 года.

Ленин вскрыл совокупность ошибок в марксистской философии Плеханова. Эти ошибки перерастают в определенную чуждую марксизму ревизионистскую теорию у Аксельрод. Эти ошибки по своему теоретическому содержанию сближаются с философией современной социал-демократии М. Адлера, К. Форлендера и К. Каутского. Эти ошибки воспроизведены механистической и формалистической ревизией марксизма.

Нужно, однако, твердо помнить, что у Плеханова определенная совокупность неправильных мыслей существует с правильным ортодоксальным марксизмом. Работы Плеханова против народников, кантианцев и Богданова направлены на защиту ортодоксального марксизма, эти работы должны быть рассмотрены как классические произведения в марксистской литературе. Критика суб'ективной социологии Михайловского и К° многим способствовала организация марксистской партии в России. Значение, которое имела книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», огромно. В статьях против Бернштейна, в статьях против «гносеологической схоластики» Конрада Шмидта велась борьба за революционную теорию партии пролетариата. Плеханов был ближайшим союзником Ленина в борьбе против антимарксистских взглядов Богданова. «Нельзя, — говорит Ленин, — быть сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее в международной литературе марксизма». Это лучшее в международной литературе марксизма должно быть изучено в непосредственной связи с ленинской критикой ошибок Плеханова.

[1]) Ленин, Крах II Интернационала, Соч., т. XVIII, стр. 274.
[2]) Ленин, Социализм и война, Соч., т. XXVIII, стр. 203.

Философское наследие Плеханова является наглядным доказательством того, что ортодоксальный марксизм несовместим с оппортунистической политикой. Работы Плеханова в области философии показывают, как вступают в необходимое противоречие правильные положения философии марксизма с меньшевистской политикой, как искажаются, извращаются эти положения практической изменой пролетарской революции.

Антиисторизм в политической методологии меньшевизма находит свое непосредственное выражение в недостаточном понимании Плехановым революционной практической деятельности. Формализм политической методологии меньшевизма нашел свое выражение в кантианских ошибках Плеханова, в непонимании последовательной связи теории познания и диалектики в марксизме. При изучении философских работ Плеханова, это обстоятельство должно быть взято за основу на ленинском этапе философии диалектического материализма, когда единство философии и большевистской политики становится критерием работы над диалкетическим материализмом.

Философия буржуазных реставраторов.

(*кондратьевщина*).

П. Вышинский.

События в истории повторяются дважды,—говорил Маркс,—один раз как трагедия и второй как фарс.

Народничество — это было трагедией. Мелкобуржуазный и уже тогда, по существу, реакционный утопизм «общинного социализма» расцвел в морозную пору Александровско-Николаевского режима. Это была трагедия мелкобуржуазной интеллигенции, отвечавшей на язвы растущего капитализма мечтой о патриархально-идиллическом укладе жизни. Это была трагедия напрасных усилий, крах утопических надежд.

Неонародничество в советских условиях — это фарс. «Народолюбцы», «друзья народа» и тогда представляли собой реакционное течение. «Марксизм, — писал Ленин, — смотрит на народничество в целом, как на направление не социалистическое, не классовое, не рабочее, а мелкобуржуазное. Было время, когда народники считали эту оценку их направления со стороны марксистов просто бранным словом, резким полемическим приемом. Но время показало, что тут не было ничего похожего на «брань», а была трезвая классовая научная оценка» (Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 243). С тех пор происходило безостановочное вырождение народничества в эсерство («неонародничество»), и, наконец, их жалкие эпигоны в советских условиях дошли до того, что создали «крестьянскую партию» с целью свержения диктатуры пролетариата. Эти обломки исторического прошлого скатились к контрреволюционной мечте о реставрации помещичье-капиталистического строя и о кулацком перерождении советской власти. Но они не только мечтали, но, об'единив вокруг своей эсерствующей группы также меньшевиков и кадетов и заручившись поддержкой интервентов, они занялись активной вредительской работой над осуществлением своей мечты. Все свои силы они приложили, чтобы повернуть колесо революции вспять. Но из этого вышел только фарс. Карающая рука пролетарской диктатуры вырвала с корнем вредоносную кондратьевщину и бросила ее под откос.

Было бы неправильно, конечно, на том основании, что это — фарс, недооценить все значение этого эпизода классовой борьбы в реконструктивный период. Это фарс в их судьбе. Для нас же это сигнал к тому, чтобы повысить нашу бдительность, покрепче встряхнуть тех, кто потерял пролетарское классовое чутье к врагам пролетарской диктатуры, и особенно крепко ударить по тем в наших рядах, которые не смогли противостоять обволакиванию их контрреволюционной вредительской идеологией, ударить по бесхребетному правому и «левому» оппортунизму, в теории и на практике смыкающемуся с кондратьевщиной.

Идеология буржуазных реставраторов прошла в своем развитии несколько фаз. Было время, когда они надеялись на мирную эволюцию, на незаметное перерождение пролетарской диктатуры — сменовеховщина, устря-

ловщина. Затем они, затаив дыхание, прислушивались к истерическим крикам Троцкого о термидоре и к оппозиции (троцкистской), отрицавшей социалистический характер нашего строительства. Но, когда надежды были потеряны, было потеряно и терпение, и реставраторы все более рьяно начинали бороться за свою программу. Успехи соцстроительства, решающие сдвиги в сельском хозяйстве в сторону социалистического сектора, успех пятилетки и невиданно быстрые темпы движения вперед лихорадили кондратьевцев. Они видели, как приходит конец всем их надеждам. И тогда от саботажа они переходят к планомерному, рассчитанному вредительству. Они связываются с заграницей и с «промышленной партией» и работают над ускорением интервенции, подготовляя наш хозяйственный тыл к провалам и провокации вооруженных кулацких восстаний. И вовсе не случайно, что обнаружение и разоблачение кондратьевщины произошло именно в период развернутого социалистического наступления по всему фронту, коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса, идеологами которого они являлись. Растущая активность миллионов участников социалистического строительства, рост сознательности, возникновение новых форм труда (ударничество) — ставят «работу» всяких вредительских групп во все более трудные условия. Наступит, наконец, такой момент, когда вредителей полностью обезвредят.

Идеология капиталистической реставрации не исчерпывается во всех своих проявлениях группой Кондратьева-Чаянова. Она гораздо шире. Она связана с правооппортунистическими взглядами, до сих пор имеющимися в нашей партии. Она связана с идеологией еще очень многих групп буржуазных специалистов. Нельзя скрывать и того факта, что и в партии еще имеется очень много примиренцев к кондратьевщине и даже их прямые защитники и подпевалы (напр., Слепков, Марецкий, Айхенвальд и др. исключенные из партии).

В этой статье мы хотели бы бегло очертить теоретический багаж и методологические приемы кондратьевщины и показать связь того и другого с правоуклонистской идеологией.

* * *

Американский министр внутренних дел Вильбур недавно высказал то, о чем думают все идеологи буржуазии:

«Один из великих народов, — сказал Вильбур, — со всей решительностью пытается осуществить грандиозную социально-экономическую программу и управлять обширной территорией при помощи новых методов. Наша экономическая, политическая и социальная философия должна дать гигантский бой его философии».

Группа буржуазных реставрантов — Кондратьев, Громан, Суханов, Чаянов и многие другие — пытались дать нам, от имени буржуазной науки, такой бой.

В чем своеобразие очередной вылазки наших классовых врагов? Что характерно для кондратьевско-громановской кулацко-капиталистической агентуры в стране советов?

Первое — это то, что кондратьевцы вели свою вредительскую работу во всеоружии буржуазной науки. Грязные щупальцы буржуазной науки пытались (и в отдельных случаях небезуспешно) проникнуть в советский организм под видом выхоленных пальцев спецов, жрецов науки. На протяжении ряда лет эти вредители вели кротовую, подрывную работу, будучи уверенными в превосходстве своего оружия, уверенные в том, что пролетариат не справится там, где нужна наука, и что, поэтому, его дело обречено на неудачу, что ему не удастся обуздать стихийный ход вещей, роковым образом ведущий к капитализму. Если вредители более мелкого калибра надеялись преимущественно на свою диверсионную работу, срыв

снабжения, голод и т. д. и действовали по подсказке своего классового инстинкта и звериной ненависти к пролетариату, то кондратьевцы кроме того бронировали свои реставраторские убеждения и свою вредительскую работу тройной броней «об'ективной» науки, аргументации, обоснований, ученых выкладок и проч. Поэтому ни в коем случае нельзя недооценивать значения, данного нам буржуазной наукой, в их лице, боя и той особенной, совершенно своеобразной и доселе неслыханной формы классовой борьбы, которую представляет из себя «ученое» или «научное» вредительство. Буржуазные реставраторы прикидывались «друзьями» советской власти, клялись подчас Марксом и марксизмом (Базаров), по всякому поводу вопили о «неизбежной катастрофе» для того, чтобы, став в позу ментора, поучающего «неопытную» пролетарскую власть, лицемерно предлагать «спасительные» рецепты от «неизбежного краха», рецепты, которые неизменно преследовали одну цель — на тормозах спустить пролетарскую диктатуру на поклон к капитализму.

Нельзя также не подчеркнуть и всего значения одержанной нами победы, ибо «ученое» вредительство, хотя и нанесло нам неисчислимый вред, все же не смогло парализовать соцстроительства. Несмотря на все хитроумные приемы маскирования, партия сумела разоблачить вредоносную кондратьевщину и показать, что за «об'ективной» «чистой наукой» кондратьевцев скрываются оскаленные клыки фашистской интервенции и оголтелого кулачья, бешено сопротивляющегося социалистическому наступлению.

Второй характерной и важной особенностью раскрытого вредительства является глубокая связь и идейное родство кондратьевщины с правооппортунистическими взглядами и теориями. Связь между уклонами в партии и внешними партии враждебными силами имелась всегда, ибо внутрипартийные уклоны отражают влияние враждебных пролетариату классов. Но никогда еще не было такой непосредственной, прямой идейно-теоретической связи уклонистской идеологии с контрреволюционными группировками вне партии. Никогда еще не наблюдалось такого полного «сродства душ» и такого идейного «товарообмена», как в данном случае, когда вредители пользовались как своим оружием теориями правых оппортунистов, поставляя взамен правым «фактический материал», а заодно и пронизывающие этот материал реставраторские идеи. В лице правых кондратьевцы имели свою агентуру в нашей партии, а правые в кондратьевцах имели (но не хотят этого видеть!) — людей, последовательно проводивших их правооппортунистические установки.

Эта связь затрудняла и замедляла выявление и изоляцию кондратьевщины, так как последние проводили свою линию часто руками и устами правых коммунистов. Идейный разгром правых явился ступенью для того, чтобы теперь «расчехвостить и вырвать с корнем» (Сталин) ядовитый чертополох контрреволюционной кондратьевщины.

На конференции аграрников-марксистов т. Сталин предупреждал относительно «буржуазных теорий, распространяемых иногда — к стыду нашему — нашими товарищами коммунистами». В свете разоблаченного вредительства буржуазных реставраторов теории правых обнаруживаются и с некоторых новых сторон и углов, которые раньше были менее заметны. Обнаруживается, что как правые оппортунисты, так и «ученые» вредители пользовались одним и тем же теоретическим оружием из одного и того же буржуазного идеологического арсенала. Поэтому разгром реставраторской идеологии означает также и продолжение критики правооппортунистической капитулянтской идеологии.

Основной прием «ученых» вредителей заключался в том, чтобы повсюду, где можно (а в руках кондратьевцев было много научных и

руководящих институтов и учреждений), научно доказывать принципиальную несостоятельность, экономическую невозможность и т. д. наших планов, нашего строительства и всех экономических и политических мероприятий и политики в целом. Конечной целью было — сбить с позиций и «научно доказать» несостоятельность всей нашей «экономической, политической и социальной философии», т.-е. несостоятельность и невозможность социализма.

То, что социализм побеждал — это, разумеется, кондратьевцы видели, но они также знали, что победа социализма означает поражение той системы эксплоататорских отношений и того класса, плоть от плоти и кость от кости которых они сами являлись. Дело, следовательно, не в том, что шоры буржуазной науки мешали кондратьевцам разглядеть советскую действительность под правильным углом зрения. Дело в том, что классовый интерес, ненависть к диктатуре пролетариата и лакейская преданность капиталу, верными слугами которого они являлись, — диктовала им определенную оценку нашего хозяйства. Нам известна «слепота» буржуазной науки. Но в данном случае «научная» аргументация была лишь маскировкой, военным прикрытием для одурачивания тех коммунистов, которым присуще мелкобуржуазно-либеральное отношение к классовым врагам. Как известно, правые оппортунисты оказались в идеологическом плену у кондратьевцев. Являясь об'ективно кулацкой агентурой в партии, правые оппортунисты тем незаметнее воспринимали кондратьевские идеи в силу того, что эти последние были идеями кулацко-капиталистической реставрации. Т.-е. правооппортунистическая идеология находит в кондратьевщине свою истину. Это теперь обнаруживается с полной очевидностью.

Кондратьевцы, работая в советских органах, находясь на командных вышках советской экономики (Госплан, Наркомзем, Наркомфин), отрицали ее социалистический характер, не хотели видеть в ней чего-нибудь принципиально отличного от капиталистической экономики. Одним и тем же аршином буржуазной политической экономии мерялось советское хозяйство и хозяйство капиталистическое. Они твердили, что советская экономика мало чем отличается от капиталистической. «Советское хозяйство образует... особую форму товарно-денежного хозяйства», — писал кондратьевец проф. Л. Н. Юровский.

В чем же, однако, особенность этой формы капиталистического хозяйства? Ее особенность, — говорит Юровский, — состоит в том, что обычные, стихийные, присущие «нормальной» капиталистической системе хозяйства закономерности нарушены, искажены экономической политикой советской власти, в первую голову, планированием или, точнее, политикой планирования. Ибо кондратьевцы тоже за план — какой, мы увидим ниже. Но кондратьевцы против политики — разумеется, тоже не всякой политики, но против политики пролетарской диктатуры. Вместе с Вебером и Зомбартом они считают, что «политика искажает науку» и что планирование должно находиться в руках беспристрастных «спецов», «трезвых» людей, не зараженных «партийными фантазиями». А ихняя буржуазная «наука» учит, что регулирование в товарно-денежном хозяйстве основано на принципе сохранения и поддержания «необходимого в хозяйстве равновесия» (Юровский) [1]. Таким образом, все то, что нарушает равновесие, т.-е. стихийную закономерность рынка, с точки зрения кондратьевцев, и является той «поправкой», с внесением в расчет которой советское хозяйство можно привести к одному знаменателю с капиталистическим. Кондратьевцы считают, однако, что

[1]) «Регулятивная идея равновесия» была обща всем кондратьевцам. Они открыто заявляли себя сторонниками богдановской методологии и его теории равновесия.

«советское государство... не может уйти от закономерностей рынка и цен» (Юровский) и что вся его политика есть, таким образом, временное и случайное насилие над капиталистическими законами хозяйства, насилие, которое с их точки зрения, должно неизбежно закончиться признанием своего бессилия.

В свое время троцкисты отрицали социалистический (по типу) характер советской экономики. Однако более глубокое родство в этом вопросе существует между кондратьевцами и правыми оппортунистами в нашей партии. Это родство устанавливается общим признанием равновесия основным регулирующим началом и законом всякого экономического режима. Постулат равновесия распространялся кондратьевцами не только на сферу распределения («рыночное равновесие»), но и на производство, на денежное обращения и на все другие сферы хозяйства. Всюду, куда вмешивалась пролетарская диктатура, кондратьевская «наука» вывесила надписи: «остерегись нарушить равновесие», т.-е. не вмешивайся совсем.

По мнению кондратьевцев, советская система не обладает какой-либо специфической закономерностью, — ей присущи закономерности капиталистического способа производства. Но мы ошиблись бы, предположив, что речь идет о закономерностях капиталистического способа производства, открытых Марксом. Нет. Кондратьевская наука черпает свою экономическую мудрость из вульгарной буржуазной политической экономии[1]). Плоская мысль о равновесии заимствована ими именно оттуда, хотя они и ссылаются на Бухарина и др. марксистов. Но только наивные люди могут поверить т. Бухарину, будто автором теории равновесия является Маркс. Если у Маркса можно найти слово «равновесие», то это ни о чем еще не говорит, кроме непонимания Маркса сторонниками теории равновесия. Мы помним, как Троцкий тоже уверял, что его, Троцкого, теория перманентной революции заимствована им у Маркса.

Обратимся к т. Бухарину.

«Теоретически овладевая капиталистической системой производственных отношений, Маркс исходит из факта ее существования. В обществе с общественным разделением труда... это означает, что должно быть определенное равновесие всей системы». «Найти закон этого равновесия и есть основная проблема теоретической экономии. Результат рассмотрения всей капиталистической системы при условии ее равновесия и есть теоретическая экономия, как научная система». «Маркс всегда ставит вопрос так: равновесие дано,—как это возможно? Равновесие нарушено,—как оно восстанавливается?» (Бухарин, Экономика переходного периода, стр. 127 — 130). Здесь Бухарин возвел неслыханный поклеп на Маркса и на марксистскую научную политическую экономию. Всякому совпартшкольцу известно, что Маркс исследовал не законы равновесия капиталистического общества, но законы его движения и развития. В предисловии к т. I «Капитала» Маркс писал: «Конечной целью этой работы является раскрытие закона эко-

[1]) Для уровня «научности» кондратьевцев и характеристики их вульгарно-экономических взглядов весьма показательным является одно время развивавшаяся В. Базаровым чисто-мальтузианская идея о соотношении производств и потребления. Базаров считал, что потребление широких трудящихся масс СССР возрастает столь быстро, что за ним не может угнаться никакое производство (общий «довод» всех противников социализма). Но, рассуждал Базаров, так как советская власть не может (в силу своей социальной природы) оставить неудовлетворенными насущные нужды трудящихся, то она вынуждена будет от миллионных ассигнований на соцстрахование перейти к миллиардным. Это будет означать с'едание основного капитала промышленности, подрыв всех резервов и в результате,—вещал Базаров,—должен наступить неизбежный крах...

Должно быть, развитие Советской страны происходит не по законам Мальтуса-Базарова, так как «все оказалось наоборот» в сравнении с тем, что предсказывал Базаров.

руководящих институтов и учреждений), научно доказывать принципиальную несостоятельность, экономическую невозможность и т. д. наших планов, нашего строительства и всех экономических и политических мероприятий и политики в целом. Конечной целью было — сбить с позиций и «научно доказать» несостоятельность всей нашей «экономической, политической и социальной философии», т.-е. несостоятельность и невозможность социализма.

То, что социализм побеждал — это, разумеется, кондратьевцы видели, но они также знали, что победа социализма означает поражение той системы эксплоататорских отношений и того класса, плоть от плоти и кость от кости которых они сами являлись. Дело, следовательно, не в том, что шоры буржуазной науки мешали кондратьевцам разглядеть советскую действительность под правильным углом зрения. Дело в том, что классовый интерес, ненависть к диктатуре пролетариата и лакейская преданность капиталу, верными слугами которого они являлись, — диктовала им определенную оценку нашего хозяйства. Нам известна «слепота» буржуазной науки. Но в данном случае «научная» аргументация была лишь маскировкой, военным прикрытием для одурачивания тех коммунистов, которым присуще мелкобуржуазно-либеральное отношение к классовым врагам. Как известно, правые оппортунисты оказались в идеологическом плену у кондратьевцев. Являясь об'ективно кулацкой агентурой в партии, правые оппортунисты тем незаметнее воспринимали кондратьевские идеи в силу того, что эти последние были идеями кулацко-капиталистической реставрации. Т.-е. правооппортунистическая идеология находит в кондратьевщине свою истину. Это теперь обнаруживается с полной очевидностью.

Кондратьевцы, работая в советских органах, находясь на командных вышках советской экономики (Госплан, Наркомзем, Наркомфин), отрицали ее социалистический характер, не хотели видеть в ней чего-нибудь принципиально отличного от капиталистической экономики. Одним и тем же аршином буржуазной политической экономии мерялось советское хозяйство и хозяйство капиталистическое. Они твердили, что советская экономика мало чем отличается от капиталистической. «Советское хозяйство образует... особую форму товарно-денежного хозяйства», — писал кондратьевец проф. Л. Н. Юровский.

В чем же, однако, особенность этой формы капиталистического хозяйства? Ее особенность, — говорит Юровский, — состоит в том, что обычные, стихийные, присущие «нормальной» капиталистической системе хозяйства закономерности нарушены, искажены экономической политикой советской власти, в первую голову, планированием или, точнее, политикой планирования. Ибо кондратьевцы тоже за план — какой, мы увидим ниже. Но кондратьевцы против политики — разумеется, тоже не всякой политики, но против политики пролетарской диктатуры. Вместе с Вебером и Зомбартом они считают, что «политика искажает науку» и что планирование должно находиться в руках беспристрастных «спецов», «трезвых» людей, не зараженных «партийными фантазиями». А ихняя буржуазная «наука» учит, что регулирование в товарно-денежном хозяйстве основано на принципе сохранения и поддержания «необходимого в хозяйстве равновесия» (Юровский) [1]. Таким образом, все то, что нарушает равновесие, т.-е. стихийную закономерность рынка, с точки зрения кондратьевцев, и является той «поправкой», с внесением в расчет которой советское хозяйство можно привести к одному знаменателю с капиталистическим. Кондратьевцы считают, однако, что

[1] «Регулятивная идея равновесия» была обща всем кондратьевцам. Они открыто заявляли себя сторонниками богдановской методологии и его теории равновесия.

«советское государство... не может уйти от закономерностей рынка и цен» (Юровский) и что вся его политика есть, таким образом, временное и случайное насилие над капиталистическими законами хозяйства, *насилие*, которое с их точки зрения, должно неизбежно закончиться признанием своего *бессилия*.

В свое время троцкисты отрицали социалистический (по типу) характер советской экономики. Однако более глубокое родство в этом вопросе существует между кондратьевцами и правыми оппортунистами в нашей партии. Это родство устанавливается общим признанием *равновесия* основным регулирующим началом и законом всякого экономического режима. Постулат равновесия распространялся кондратьевцами не только на сферу распределения («рыночное равновесие»), но и на производство, на денежное обращения и на все другие сферы хозяйства. Всюду, куда вмешивалась пролетарская диктатура, кондратьевская «наука» вывесила надписи: «остерегись нарушить равновесие», т.-е. не вмешивайся совсем.

По мнению кондратьевцев, советская система не обладает какой-либо специфической закономерностью, — ей присущи закономерности капиталистического способа производства. Но мы ошиблись бы, предположив, что речь идет о *закономерностях* капиталистического способа производства, *открытых Марксом*. Нет. Кондратьевская наука черпает свою экономическую мудрость *из вульгарной* буржуазной *политической экономии*[1]. Плоская мысль о равновесии заимствована ими именно оттуда, хотя они и ссылаются на Бухарина и др. марксистов. Но только наивные люди могут поверить т. Бухарину, будто автором теории равновесия является Маркс. Если у Маркса можно найти слово «равновесие», то это ни о чем еще не говорит, кроме непонимания Маркса сторонниками теории равновесия. Мы помним, как Троцкий тоже уверял, что его, Троцкого, теория перманентной революции заимствована им у Маркса.

Обратимся к т. Бухарину.

«Теоретически овладевая капиталистической системой производственных отношений, Маркс исходит из факта ее существования. В обществе с общественным разделением труда... это означает, что должно быть определенное равновесие всей системы». «Найти закон этого равновесия и есть основная проблема теоретической экономии. Результат рассмотрения всей капиталистической системы при условии ее равновесия и есть теоретическая экономия, как научная система». «Маркс всегда ставит вопрос так: равновесие дано,—как это возможно? Равновесие нарушено,—как оно восстанавливается?» (Бухарин, Экономика переходного периода, стр. 127 — 130). Здесь Бухарин возвел неслыханный поклеп на Маркса и на марксистскую научную политическую экономию. Всякому совпартшкольцу известно, что Маркс исследовал не законы равновесия капиталистического общества, но законы его движения и развития. В предисловии к т. I «Капитала» Маркс писал: «Конечной целью этой работы является раскрытие *закона эко-*

---

[1]) Для *уровня «научности»* кондратьевцев и характеристики их *вульгарно-экономических* взглядов весьма показательным является одно время развивавшаяся В. Базаровым чисто-мальтузианская идея о соотношении производства и потребления. Базаров считал, что потребление широких трудящихся масс СССР возрастает столь быстро, что за ним не может угнаться никакое производство (общий «довод» всех противников социализма). Но, рассуждал Базаров, так как советская власть не может (в силу своей социальной природы) оставить неудовлетворенными насущные нужды трудящихся, то она вынуждена будет от миллионных ассигнований на соцстрахование перейти к миллиардным. Это будет означать с'едание основного капитала промышленности, подрыв всех резервов и в результате,—вещал Базаров,—должен наступить неизбежный крах...

Должно быть, развитие Советской страны происходит не по законам Мальтуса-Базарова, так как «все оказалось наоборот» в сравнении с тем, что предсказывал Базаров.

номического развития современного общества». Ясное дело, что Бухарин своим толкованием извращает и подменяет марксистскую политэкономию — буржуазной, вульгарной политэкономией, а Маркса — своим любимцем Богдановым. Богданов в своем «Курсе политической экономии» писал: «Весь наш анализ будет исходить из одной руководящей точки зрения, которую можно обозначить как принцип равновесия социального целого» (Богданов, Курс политической экономии, т. II, стр. 21).

Но Бухарин пытается найти «место» у самого Маркса.

В т. I «Капитала» читаем: «Различные сферы производства постоянно стремятся к равновесию, потому что...» и т. д. «Однако, — продолжает Маркс, — эта постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия» («Капитал», т. I, стр. 268 по 4 изд.). Вот и все. Для Маркса равновесие — момент в движении капиталистического способа производства. Маркс равновесие очень часто называет случайным и всегда относительным. Маркс говорит о равновесии лишь как о тенденции. Для Маркса равновесие лишь известная относительная, преходящая устойчивость в соотношении частей системы. Никогда и нигде Маркс не считал равновесие законом развития.

А Бухарин факт некоторой устойчивости в соотношении сфер производства превратил в основной закон и регулятор экономики (и не только экономики) всех и всяких общественно-исторических формаций!

На самом же деле явление равновесия не только не об'ясняет (и не движет) капиталистической (и вообще никакой) системы, но само нуждается в об'яснении. Вот что писал Маркс: «Если две силы равные по величине действуют в противоположных направлениях, то они взаимно уничтожаются, вовсе не действуют во-вне, и явления, возникающие при этом условии, должны быть об'яснены как-нибудь иначе, а не действием этих сил» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 165).

Кажется, ясно? Если рыночная цена, как денежное выражение стоимости, лежащей в основе цен, а задерживается на явлении соотношения ному экономисту кажется, что это равенство спроса и предложения и является законом образования цен. Вульгарная политическая экономия не проникает в сущность, за поверхность явлений, она не доходит до стоимости, лежащей в основе цен, а задерживается на явлении соотношения спроса и предложения... но зато она и является вульгарной политэкономией.

То же самое следует сказать и о равновесии во всех других областях Равновесие ничего нам не об'ясняет в движении системы, так как само нуждается в об'яснении, будучи моментом в этом движении. Абсолютно неправильным является возведение равновесия в какой-то «закон» и «регулятор» общественного производства. Подобные «регуляторы» и «законы» есть измышления вульгарной политической экономии для прикрытия подлинной сути общественных отношений. Бухарин в данном случае попал в плен к буржуазной кондратьевской «науке».

Комментируя Маркса (письмо к Кугельману от 11 июля 1868 г.), т. Бухарин резюмирует: «Другими словами: закон пропорциональных трудовых затрат, или, для краткости, «закон трудовых затрат», есть необходимое условие общественного равновесия при всех и всяческих общественно-исторических формациях». (К вопросу о законах переходного периода, стр. 34; разрядка Бухарина). «Из анализа Маркса... как дважды два — четыре вытекает, — пытается Бухарин уверить читателя в другом месте, — что закон ценности не может перерастать ни во что иное, как в закон простых трудовых затрат» (Там же, стр. 38; разрядка Бухарина). Что же это за «закон трудовых затрат»? Это, оказывается, капиталистический закон ценности, переодетый в новый костюм

(Там же, стр. 35). В капиталистическом хозяйстве закон трудовых затрат ходит наряженный в фетишистский костюм ценности. В экономике переходного периода «закон трудовых затрат» — голенький или в костюме — оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни» (Там же, стр. 37). Но ясное дело, что если «закон трудовых затрат» «есть необходимое условие общественного равновесия при всех и всяческих общественно-исторических формациях», и притом отличается от капиталистического регулятора лишь своим одеянием, костюмом, формой, «степенью линяния общественных законов», как говорит в одном месте Бухарин (Там же, стр. 25), то в таком случае экономика переходного периода есть также не что иное, как особая форма, «степень» капиталистического хозяйства. Такой вывод с логической неизбежностью следует из бухаринской постановки вопроса о том, что обеим системам присущ один и тот же регулятор в различной форме, костюме, виде. Совершенно неизбежным является вывод, что наше хозяйство в своей основе также стихийно и различается только надстроечными сооружениями.

Неудивительно поэтому, когда Бухарин пишет: «Само плановое начало в значительной мере покоится на предвидении равнодействующей стихийных факторов. Поэтому в каждый данный момент необходимо опасаться и недооценки и переоценки планового начала, а равно помнить об исторической относительности самого противопоставления» (Там же, стр. 25; разрядка Бухарина) (противопоставления социалистического накопления по закону трудовых затрат, закону ценности. *П. В.)* (Там же, стр. 53). Подобное «планирование» признавали и кондратьевцы. Они также считали хозяйство переходного периода лишь особой формой товарно-денежного хозяйства, — к чему, по существу, и приводит бухаринская концепция закона трудовых затрат, как постулата равновесия. И если т. Бухарин неоднократно в то же время заявлял, что наша система принципиально отлична от капиталистической, то это свидетельствует только об эклектизме и неувязке концов с концами.

Постулат равновесия кондратьевцы довели до его логического конца и применили для обоснования и защиты своей реставраторской программы. Равновесие всего народного хозяйства, учили кондратьевцы, зиждется на равновесии между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством. Отсюда требование — не «обижать» крестьянства (читай: «кулачья»), не толковать понятия «кулак» слишком широко (Кондратьев), не спешить с индустриализацией и коллективизацией и т. д.

А чего хотели правые? Что такое «эквивалентный обмен», «восстановительные цены» (лозунги правых), если не пересказ кондратьевских лозунгов?

Последовательно проводя принцип равновесия, кондратьевцы требовали уравнения политической и экономической мощи пролетарской диктатуры с кулацкой деревней. Кондратьевцы требовали уничтожения ведущей роли социалистической промышленности в народном хозяйстве страны.

А чего хотели правые?

Что такое теория «самотека», разоблаченная т. Сталиным в речи на конференции аграрников-марксистов? «...Это теория, имеющая об'ективно своей целью дать новое оружие в руки капиталистических элементов деревни в их борьбе против колхозов» (Сталин). Теория «самотека» учит, что деревня самотеком будет врастать в социализм, а социалистическая промышленность, как и планирование сельского хозяйства, здесь не при чем.

Этим самым смазывалась и отрицалась ведущая роль пролетарского города. Эта роль сводилась к пассивному условию стихийного роста социализма, а в действительности — к стихийному росту кулацко-капиталистических элементов деревни, ибо без активного руководства деревней со

стороны социалистического города деревня может «врастать» только в капитализм, но никак не в социализм.

«Нет сомнения, — говорил т. Сталин, — что ведущая роль социалистического города в отношении мелкокрестьянской деревни велика и неоценима. На этом именно и строится преобразующая роль индустрии в отношении сельского хозяйства. Но достаточно ли этого фактора для того, чтобы мелкокрестьянская деревня сама пошла за городом в деле социалистического строительства? Нет, недостаточно»... «Социалистический город должен вести за собой мелкокрестьянскую деревню, насаждая в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый, социалистический лад» (Сталин).

Выходит, что кондратьевцы открыто защищали идею поравнения города с деревней под сурдинку разговоров о будто бы требуемом наукой сохранении равновесия, а правые стыдливо, вполголоса, но, по существу, принижая значение ведущей роли социалистической промышленности, высказывали то же самое. Теория самотека неразрывно связана с теорией равновесия и вытекает из последней. Ведущая роль предполагает движение вперед. Теория равновесия, наоборот, покоится на принципе статичности, устойчивости, равновесия (в данном случае увековечения двух секторов, долженствующих находиться в равновесии), а потому она принципиально не нуждается в ведущем, направляющем звене, т.-е. приводит к оппортунистической теории самотека.

Теперь возвратимся к кондратьевцам.

Социалистическое хозяйство — плановое хозяйство. Поскольку они не хотели признать социалистического характера нашего хозяйства и не видели его принципиальных отличий от капиталистического, постольку они не считали возможным его планировать, или говорили о планировании и регулировании в духе буржуазных и социал-демократических пророков «организованного капитализма».

Как известно, партия стоит на той точке зрения, что социалистическое планирование есть проведение определенной политики партии в хозяйственном строительстве и экономической жизни страны. Пролетариат диктует свою волю, дает направление, директивы, задания для всей хозяйственной жизни и перестройки общественных отношений на социалистический лад. План, следовательно, есть задание, директива, предуказание. Если дело идет о пресловутом «равновесии», то мы не за всякое «равновесие», не за «равновесие», складывающееся стихийно, но за нами сознательно устанавливаемое «равновесие». Мы за такое «равновесие», в котором развитие всего народного хозяйства зависело бы от тяжелой индустрии и других командных высот пролетарской диктатуры. Мы за такое «равновесие» — если нас вынуждают употреблять этот термин, в котором ведущая, господствующая и направляющая роль будет принадлежать социалистическому сектору. Но мы против равновесия в смысле уравновешения или уравнения соцсектора с частно-капиталистическим. Короче говоря, во всех случаях для нас план вовсе не исчерпывается предвидением — предвидение общей закономерности нашего развития разумеется совершенно необходимо, но является заданием, предуказанием.

Совсем иначе поступает буржуазная наука. Капиталистический способ производства характеризуется анархичностью, стихийностью, бесплановостью. Самое большее, на что способна буржуазная экономическая наука, так это — по эмпирически установленным симптомам предсказывать, предугадывать изменения в общей кон'юнктуре рынка. Эти предсказания нельзя даже назвать предвидением, но именно — предсказанием, так как они основаны не на познании внутренних пружин капиталистической системы, но на эмпирическом схватывании внешних, случайных, сопутствующих экономической закономерности, явлений. Схватывание таких явлений,

признаков, симптомов и т. д. есть скольжение по поверхности, а не научный анализ, а потому мы так часто встречаемся с неоправдавшимися предсказаниями, — блестящий пример этому — «оптимистические» предсказания Гувера и его школы насчет окончания кризиса в САСШ. Предугадывание нужно биржевым акулам для целей наживы и использования кон'юнктуры для своего обогащения игрой на курсе, сбыте или закупке облигаций, разорения миллионов мелких держателей ценных бумаг и т. д.

И вот по вопросу о планировании советского хозяйства кондратьевцы держались такого же взгляда. Они считали, что план должен быть предсказанием. Но если план — по их мнению, предсказание, то предсказание — конечно, не план. Т.-е. позиция кондратьевцев сводилась, по существу, вообще к отрицанию плана и планирования.

Подходили они к этому делу исподволь. Кондратьевцы, прежде всего, настаивали на установлении границ и пределов планирования. Такая постановка вопроса уже с самого начала скрывала в себе сомнение насчет возможности планирования (и планового хозяйства) вообще.

Пролетарская диктатура и ее экономическая политика, по теории кондратьевцев, есть ненормальный нарост на нормальном теле товарно-денежного хозяйства. Она не в состоянии ни преодолеть, ни изменить закономерностей, присущих последнему. Поэтому планирование, по их мнению, может отражаться на хозяйстве только болезненно. Вмешательство в стихийно-складывающееся экономическое равновесие вредно и недопустимо. Но зато предвидеть — другое дело. Предвидеть можно. Предвидение есть антиципация той равнодействующей, которая получается в результате свободной игры стихийных факторов [1]. «Необходимо ограничиться указанием тенденций изменения соответствующих явлений», — рекомендовал Кондратьев.

Предвидение возможно путем автоматического продолжения в том же ритме закономерности прошлых лет — на будущие годы, — говорил Кондратьев. Но, так как советского типа хозяйства в прошлом не было и так как кондратьевцы считали его извращенным капиталистическим хозяйством, которое должно «войти в норму», то они брали динамику нормального темпа развития буржуазных стран за прошлые годы и механически переносили ее на советское хозяйство. Отсюда — развитие по «затухающей кривой», развитие, так сказать, «к норме». «Трудно допустить, — говорил Кондратьев, — чтобы наша промышленность развивалась по какой-либо другой кривой»...

Правые оппортунисты, не разглядели в «затухающей кривой» кондратьевцев «кривую» развития к капитализму, «кривую» реставрации...

Однако к чему же предвидение, если вмешательство в стихийную закономерность, с целью ее регулирования, невозможно? Ради интересов созерцания, что ли? Или из любви к угадыванию?

«Когда мы предвидим стихийную равнодействующую, — отвечает Кондратьев, — мы тем самым «принимаем на себя определенную директиву в организации наших мероприятий и действий» (Кондратьев, «Пути Сельского Хозяйства» № 2, 1927 г., стр. 11). Иными словами, мы не только не даем направления стихийному ходу развития, но сами «принимаем на себя директивы» от стихии, т.-е. предвидим для того, чтобы лучше приспособиться к ожидаемому. Политически, это означало, что

---

[1]) К такой постановке вопроса близок и т. Бухарин. «Здесь (регулирование цен в порядке плана. *П. В.*) есть предварительная антиципация (предвосхищение) того, что при стихийном регулировании устанавливалось бы post festum» (Бухарин, К вопросу о закономерностях переходного периода, стр. 52). Т.-е. при наличии «закона трудовых затрат» роль плана сводится лишь к предвосхищению того, что стихийно устанавливается действием упомянутого закона.

диктатура пролетариата должна приспособлять свою политику к законам рыночной стихии и стихии мелко-крестьянского и кулацкого, в первую очередь, хозяйства, вместо того, чтобы, воздействуя на все рычаги, имеющиеся в распоряжении пролетариата, обуздать стихию, регулировать ее и вытеснять ее господство посредством все большего охвата планированием всех областей хозяйства. Вместо нарушения равновесия в интересах пролетариата и строительства социализма рекомендуется обратное: сохранять и поддерживать равновесие!

Приспособляйся к рынку, к кулаку, иди на выучку к капитализму — вот пароль кондратьевщины. План — это помеха и источник затруднений. Любопытно, что наши хозяйственные успехи приписывались кондратьевцами стихийным явлениям, кон'юнктурным условиям. Неудачи и прорывы на фронте соцстроительства — наоборот, сваливались на план, на просчеты и ошибки планирования.

Однако это еще не все, сказанное Кондратьевым о планировании. Мы видели, что он соглашается лишь на предвидение с целью приспособиться к тому, что должно неизбежно наступить. Но вот оказывается, что и предвидеть нельзя, а можно лишь предсказывать, т.-е. гадать. Ибо, если, по-кондратьевски, план есть предвидение равнодействующей стихийных сил, то «для того, чтобы предвидеть их (конкретные события экономической жизни. *П. В.*), нам нужно было бы располагать почти идеальным знанием хозяйственного положения в исходный момент и почти всей совокупности закономерностей хода относящихся сюда событий» (Кондратьев, там же, стр. 13 — 14). Ну, а раз такого знания никогда не бывает, то остается «ограничиться указанием тенденций».

Кондратьевцы сходятся в этом со всеми буржуазными экономистами, с их отказом от научного анализа экономических явлений, с их тягой к иррациональному и мистическому и превращением категорий экономики в мистифицированные сущности (как это было у Фромана и др. с понятием «кон'юнктуры»). Эти экономисты устроили в 1928 г. специальный диспут на тему — «Возможно ли предвидение в хозяйственной жизни», с докладом «светила» буржуазной экономической мысли — Вернера Зомбарта. Какие же мысли высказывались там? «Я признаю, — говорил один из них, — Шульце-Геверниц, — возможность возвыситься до установления тенденции развития, но, в противоположность Зомбарту, я считаю, что мы никогда не сможем обойтись без того, чтобы не включать различных возможностей» (см. сб. «Буржуазные ученые о закате капитализма», стр. 54).

Нечего сказать, хорошо предвидение с «различными возможностями»!

Другой — Хр. Эккерт, — высказался еще определеннее: «Мы не в состоянии с какой бы то ни было уверенностью заглядывать в будущее ни на три, ни на тридцать лет вперед... Наше знание будущего все же остается ограниченным. Наш прогноз остается ненадежным, потому что неизвестные, не могущие быть предвиденными, факторы развития смогут сыграть решающую роль и вызвать непредвиденные изменения... Во всех прогнозах будущего мы должны оказаться несостоятельными... «Где находимся?» и «куда грядем?». — Ответ на этот вопрос, к сожалению, остается как для индивидуума, так и для общества неразрешимым вопросом судьбы, и ни один мудрец не в состоянии найти для данного вопроса должного ответа» (Там же, стр. 32).

Что касается общего направления развития советского хозяйства, то тут «наши» буржуазные профессора, не в пример своим западным коллегам, «предвидели» и активно работали над эволюцией назад к капитализму. Но по вопросу конкретного предвидения «наука» кондратьевцев неизменно давала осечку, ибо это была буржуазная наука, тождественная с эксплоататорской апологетикой.

Приведя советскую систему к общему знаменателю с капиталистической, видя в первой только особую (извращенную) форму второй, кон

дратьевцы затем пускали в ход свою статистику. Реставраторы любили «научно доказывать», посредством сравнения коэффициентов эффективности социалистического и капиталистического хозяйства, экономическую «невыгодность» социалистической плановой экономии. Кондратьевцы «доказывали», что капиталы, в прежнее время непроизводительно потребляемые капиталистами,—не значительны и что теперь тоже, де, часть средств расходуется непроизводительно. Наши затруднения, которые они называли кризисами, сравнивались с капиталистическими кризисами. Получалось: кризис там и кризис здесь — никакого преимущества. Прославлению преимуществ капитализма посвящены многие работы кондратьевцев — Юровского, Никитина, Базарова и др. Кулацкий реставратор, апостол антично-византийской империи, основанной на мелкопоместном хозяйстве, проф. Чаянов [1], в 1925 — 1926 гг. многоцветными диаграммами и цифровыми выкладками доказывал мизерную выгодность трактора перед сохой! Так применяли кондратьевцы свою «науку». А многие коммунисты поддавались великой «учености» своих спецов, верили их выкладкам. Правооппортунисты черпали для своих теорий «фактический материал» из таблиц, над которыми священнодействовали эти контрреволюционные профессора!

Далее, верная своему метафизическому методу антиисторизма и неумению брать действительность в ее развитии и становлении, кондратьевская «наука» позволяла себе такого рода «научный» прием. Сравнивались коэффициенты капитализма, уже выявившего все свои возможности, с показателями страны еще только, строящей социализм и, следовательно, еще не развернувшей всех своих преимуществ. Точно так же вне времени и условий брались столь различные «об'екты исследования, как капитализм на закате, который ослабляется каждым новым кризисом, и наши «трудности роста», из которых страна неизменно выходит все более крепкой, наши затруднения, которые «в самих себе содержат возможность их преодоления» (Сталин). Для того, чтобы легче опорочить и дискредитировать идею социализма, кондратьевцы намеренно об'являли то нэп, то эпоху военного коммунизма — уже зрелым и полным социализмом. Наоборот, то, что еще не достигнуто (напр., полный охват всего народного хозяйства планом), то, что еще в перспективе социалистического строительства (напр., сплошная коллективизация), об'являлось кондратьевцами фантазией и утопией (Кондратьев говорил, что коллективизация осуществима... через 600 лет!).

«Закон убывающего плодородия почвы» — другой теоретический кит народнической школы, как и всех защитников кулацкого хозяйства.

Как и теория равновесия, теория убывающего плодородия земли своими истоками имеет буржуазную апологетику и развивалась вульгарной политэкономией. Достаточно здесь назвать имена Вэста, Мальтуса, Дж. С. Милля, Брентано и др.; у нас — кроме народников—С. Булгаков особенно горячо защищал эту теорию.

К сожалению, эта вульгарная теория, служащая делу «теоретического» обоснования устойчивости мелкого сельского хозяйства, еще недостаточно разоблачена и не успела еще приобрести печальной славы, подобно своей сверстнице — теории равновесия. До сих пор еще имеются коммуни-

---

[1]) Тов. Ярославский в своей статье «Мечты Чаяновых и советская действительность» («Правда», 17 октября) вскрыл всю черносотенно-поповскую пошлость этого поистине «кулацкого философа». В своей «утопии» Чаянов «доказывал», что социализм отжил, еще не родившись, и что ему, Чаянову, известно уже то будущее, которое придет социализму на смену. В нарисованной Чаяновым картине будущего мы узнаем старый капитализм и кулацко-фашистский строй. Чаянов высказывается за культуру... византийскую, он за музыку... колокольного звона. «Утопия» Чаянова развивает «философию», весьма родственную с поповским мракобесием идеалиста Лосева.

сты (напр., т. Варга), которые находятся в плену этого буржуазного предрассудка, называемого теорией.

Методологическая канва теории убывающего плодородия — та же, что и теории равновесия, — именно позитивистское, эклектическое учение о соотношении системы и среды, общества и природы. Еще О. Конт высказал одиозную мысль, что если бы человек не принуждался законами природы к жизни на этой планете, то общество неминуемо распалось бы, так как люди «вследствие бродяжнических стремлений» разлетались бы по разным планетам (4-й вып. «Родоначальники позитивизма», стр. 68). Вульгарные экономисты пытались уточнить и конкретизировать эту зависимость общества от природы. Буржуазная апологетика сделала заключение, что не только общество в целом, но и внутренняя его структура, общественные отношения и пр. зависят от природы как среды. Сторонникам подобного взгляда «несть числа». Подавляющее большинство представителей буржуазной науки стоит на различных вариантах этой точки зрения. На такой точке зрения стоит и т. Бухарин. Он пишет: «Прочность всякого структурного равновесия, т.-е. равновесия между различными общественно-людскими группировками, людскими элементами общественной системы, опирается на определенное равновесие между обществом и внешней средой» (Бухарин, Экономика переходного периода, стр. 87 — 88). Толковать это нельзя иначе, как только так: прочность (жизненность, устойчивость) общественных отношений между людьми, между классами, структурные формы этих отношений и т. д. зависят от среды, т.-е. от природы. В своей «Теории исторического материализма» Бухарин прямо говорит, что общество есть ф у н к ц и я среды. Функция — это зависимая переменная, среда — это аргумент, независимая переменная. Между бухаринской концепцией отношения общества и природы и позитивистскими буржуазными теориями по этому вопросу, а также концепцией Каутского по существу и в принципе нет разницы.

«Закон» же убывающего плодородия почвы и все связанное с ним есть не что иное, как приложение теории равновесия к проблеме развития сельского хозяйства.

В чем вредность теории убывающего плодородия почвы (как и новейшей теории современных буржуазных экономистов — убывающей производительности последовательных затрат труда и капитала)?

Теория, или, как ее ради пущей важности зовут, «закон» убывающего плодородия почвы, является псевдонаучным вымыслом «буржуазной политической экономии, заслонявшей общественные отношения вымышленными «вечными законами» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 180). Это «закон» служит целям гнусной капиталистической и империалистической (здесь нет возможности остановиться на связи этого закона с буржуазными и социал-демократическими теориями империализма) апологетики и реставраторской кулацкой идеологии. У нас в СССР этим мнимым «законом» хотят посеять сомнение в возможности крупного социалистического машинного сельского хозяйства и поддержать теорию выгодности кулацкого хозяйства. Этот «закон» служит также укреплению теории «самотека»: незачем-де направлять развитие сельского хозяйства, ибо оно управляется естественным законом самой природы.

Вот, что писал по поводу этого закона еще Булгаков: «Для меня совершенно несомненно, что социальный вопрос в его теперешней постановке существенно связан с этим законом». «Вся история XIX века, с его проблемами богатства и бедности была бы непонятна без этого закона». Этот же закон, по мнению Булгакова, составляет главную трудность «сколько-нибудь широкому проведению принципов коллективизма или кооперации в сельскохозяйственном предприятии».

«Закон» этот вкратце и грубых чертах сводится к следующему. Сельское хозяйство должно находиться в равновесии со средой. Закон, призван-

ный сохранять это равновесие, и есть «естественный закон убывающего плодородия почвы». Отсюда — судьбы сельского хозяйства связываются с законами самой природы, т.-е. почвы, земли. И не только связываются, но и об'являются зависящими от этого «естественного» закона. Затем делаются вполне логические и вполне реакционные выводы: естественный закон убывающего плодородия почвы делает затруднительным проникновение капитала в сельское хозяйство и обеспечивает путь «общинного социализма». При советской власти этот же — естественный, никем-де не могущий быть отмененным железный закон убывающего плодородия кладет предел полезного, эффективного насыщения сельского хозяйства машинами, он же лимитирует «оптимальный размер» (Чаянов) хозяйства. Оптимальным, разумеется, оказывается при этом размер кулацкого хуторского хозяйства. И все это во имя «закона» убывающего плодородия, против которого, говорит Чаянов, «далеко не пойдешь!».

Вряд ли можно сыскать что-нибудь более метафизическое, чем этот пресловутый закон. Общественно-историческую закономерность, определяющую различные пути развития сельского хозяйства при феодализме, капитализме, переходном периоде и т. д. сторонники этого закона пытаются об'яснить каким-то естественным и вечным законом, подобно тому, как одним и тем же вечным регулятором Бухарин думал об'яснить «все и всякие общественно-исторические формации». Никакой тут принципиальной разницы нет. Закон убывающего плодородия почвы можно вполне вывести из теории равновесия, стоит только иметь такое намерение.

Кондратьевцы в этом смысле были гораздо последовательнее т. Бухарина. Они расшифровали и конкретизировали теорию равновесия для различных областей экономики. При чем мы видим любопытное переплетение различных мотивов, сливающихся в одну мелодию равновесия. «Элементы общественной системы» зависят от природы, — говорит т. Бухарин. Сельское хозяйство зависит от естественных законов земли, тянут народнические эпигоны. А развитие индустрии зависит от развития с. хозяйства», подхватывает снова Бухарин («Заметки экономиста»). Дедка за репку, бабка за дедку... и теория равновесия, описав порочный круг, снова повисает приманкой для всех желающих поупражняться в борьбе с генеральной линией партии.

Если бы т. Бухарин вдумался в свою, вышеприведенную формулировку и попытался бы переложить ее с «тектологического» языка на понятный и простой, а также конкретизировать, он увидел бы ее реакционность. Бухаринская формулировка, по существу, покрывает собой (образует методологический фундамент) не только закон убывающего плодородия. Она гораздо шире и ее содержанием является та каутскианская и буржуазно-позитивистская мысль, что законы общества есть лишь модифицированные законы природы. Из всякого сосуда, как говорится, проистекает то, что в нем содержится, и теория равновесия является питательным теоретическим источником для великого множества антимарксистских, псевдо-научных «законов» и «теорий». Ничем нельзя скрыть того факта, что в теоретических своих работах многие кондратьевцы «исходили» из бухаринской концепции. Это факт, и замазать его ничем нельзя. Один пример.

В 1927 г. Кон'юнктурный институт (ныне раскассированный), находившийся в руках кондратьевцев, поместил в «Вопросах Кон'юнктуры» статью Т. И. Райнова — «К вопросу о природе экономического равновесия» (имеется отдельный выпуск под тем же заголовком). В примечании автор приносит «искреннюю благодарность коллегам по Кон'юнктурному институту: А. Л. Вайнштейну, И. Н. Жирковичу, Н. Д. Кондратьеву, Е. Е. Слуцкому и Н. С. Четверикову» за полезную критику при разработке очерка. Следовательно, это, некоторым образом, коллективный труд кондратьевцев.

Следуя бухаринской традиции начинать от механики, а также логике самого предмета (ибо, как справедливо замечает автор, «теоретики экономического равновесия обычно имеют в виду, явно или молчаливо, аналитическую механику», стр. 114), автор ставит подзаголовком своей темы: «Проблема равновесия в экономике и в классической механике». Затем, выхватив из «Капитала» словечко «равновесие», с целью намека, что де Маркс тоже учил о равновесии, Райнов пытается найти себе более верную опору, и, конечно, сразу обращается к Бухарину: «Ср. Н. И. Бухарин, Экономика переходного периода, и др. позднейшие теоретические работы этого автора» (стр. 113, примечание). Освятив, таким образом, начало исследования — ссылкой вскользь на Маркса и вполне определенно на Бухарина, Райнов приступает к делу. «Проблема экономического равновесия, — говорит автор, — ... является центральной проблемой экономики».

«Впрочем, о равновесии можно говорить не только в применении к капиталистическому хозяйству. О наличии или отсутствии равновесия, о возможности его нарушения и восстановления, наконец, о разных типах равновесия рассуждают, например, и по поводу хозяйства СССР (напр., В. А. Базаров, Е. А. Преображенский, Л. Н. Юровский) (стр. 93). Надо отдать автору должное: он упоминает в своем очерке почти всех без исключения сторонников теорий равновесия. Но среди длиннейшего index'а имен мы находим только двух марксистов: Е. А. Преображенского и Н. И. Бухарина. Все остальные — маститые представители буржуазной науки. Так что бухаринская теория равновесия нисколько не нова и не оригинальна. Об этом мы слышим от сторонников этой же теории. Райнов пишет: «Всех дальше пошел Парето. По его мнению, равновесие экономической системы представляет поразительные аналогии с равновесием механической системы... Никто не превзошел Парето в последовательном проведении этой мысли» (Там же, стр. 93—94).

А вот отзыв Питирима Сорокина о «Теории исторического материализма»:

«Наиболее интересными и ценными главами книги гр. Бухарина являются главы, трактующие о равновесии общества с природой и элементов первого друг с другом, а затем глава, посвященная учению о нарушении и восстановлении общественного равновесия. Не скажу, чтобы эта трактовка была новой. В труде буржуазного Парето («Trattato etc.) мы находим более глубокую трактовку тех же вопросов».

А Бухарин-то думает, что он своей теорией равновесия обосновал диалектику, об'яснил закономерность общественного развития, открыл вечный регулятор и т. д. и т. п. Увы, все это сон и благие намерения, которыми, как говорится, вымощена дорога в ад. В действительности, дело обстоит иначе. С разоблачением вредоносной кондратьевщины теория равновесия Бухарина встает перед нами в новом свете. Если раньше кое-кто мог думать, что эта теория имеет сравнительно невинный характер чисто теоретических измышлений, то теперь разоблаченная кондратьевская «наука» убеждает нас в том, что теория равновесия есть насквозь буржуазная теория, ничего общего ни с марксизмом, ни с диалектикой не имеющая, приводящая к невероятной и вредной путанице и к буржуазной апологетике, дающая теоретическое оружие нашим врагам в том случае, когда ее проповедуют марксисты.

Совершенно нельзя пройти мимо того, как кондратьевцы пользовались диалектикой.

Эпиграфом к своей «Утопии» проф. Чаянов поставил диалектическую мысль Герцена о бесконечности общественного развития и преходимости общественных форм. Под прикрытием такой ссылки на диалектику Чаянов затем проводит насилие над диалектикой. Диалектику этот «кулацкий фило-

соф» понял так, что всякое развитие есть попятное движение и возвращение назад к своему исходному пункту, что в ходе развития не происходит никакого обогащения предмета, и что все развитие есть, таким образом, не восхождение на новую ступень, но бессмысленный пустой круговорот. По Чаянову, после кратковременного «приступа» социализма (ибо для буржуазных реставраторов социализм — аномалия, болезнь) происходит возвращение социального уклада к мелкому крестьянскому хозяйству — к феодально-капиталистическому укладу. В этом царстве, учил Чаянов, не будет ни городов, ни пролетариата, ни крупной индустрии, но фермерско-хуторское хозяйство и музыка... колокольного звона.

Ослепленные ненавистью к социализму, кондратьевцы цинично мечтали о том, чтобы самые колхозы превратить в своеобразные инкубаторы единоличных зажиточных хозяйств. По их мнению, беднота и маломощное середнячество вступают в колхоз для под'ема экономической мощи своего хозяйства и как это будет достигнуто—пойдет молекулярный процесс распада колхозов на свои составные части. Образуется вновь «единоличная» деревня, а социализма как не бывало!

«Мечты, мечты, где ваша сладость?»!

Правоуклонистская теория «самотека» ушла не дальше чаяновских образцов применения диалектики. Так, по Бухарину, социалистический цикл развития начинается не с капитализма, но возвращается для начала к докапиталистическим формам хозяйства — к простому товарному хозяйству. Согласно этой концепции, капитализм не представлял из себя чего-нибудь прогрессивного в сравнении с феодальной системой отношений и был не естественной фазой социально-экономического развития, но каким-то извращением, аномалией, болезненным наростом, подлежащим удалению. Согласно этой концепции, стоит только выполоть плевелы капитализма, стоит лишь разбить, разложить капитализм на составные части, как из этих частей («простое товарное хозяйство») самотеком начнет расти социализм, как результат разложения капитализма. Недаром т. Бухарин считает, что до захвата власти перед пролетариатом стоит задача «разрушения», а после захвата власти — задача мирного строительства, перегруппировки, перестановки, «склеивания», как он выражается. Бухарин не догадывается, что разложить капитализм еще не означает — построить социализм. Подлинная марксистско-ленинская диалектика учит, что капитализм должен быть не только «разрушен», но и превзойден. Социализм есть более высшая в сравнении с капитализмом, производительность труда. Спрашивается, дает ли в этом отношении какие либо перспективы простое товарное хозяйство? Разумеется, никаких! Каждому ленинцу известно, — и этим мы отличаемся от «крестьянских философов» и мелкобуржуазных теоретиков аграрного вопроса, — что мелкое хозяйство характеризуется чрезвычайно низким уровнем производительности труда, даже более низким, чем капиталистический способ производства. Следовательно, построить социализм — не означает сложить в ином порядке (иной «субординации», «координации» — любимые термины богдановско-бухаринской школы) те «кирпичики», из которых состоит капитализм. Социализм есть новая и высшая ступень в истории развития после капитализма, а не только новый синтез старых элементов! Ленин необычайно верно отметил порок бухаринской методологии, говоря о социологической схоластике» (Ленинский сборник XI. Замечания на книгу Бухарина), с точки зрения которой общество можно разложить на отдельные «кирпичики» и сложить вновь. Кстати заметить, бухаринский метод в этом вопросе родственен методу народников. Критикуя суб'ективизм народнических социологов, Ленин писал: «Философ этот (народнический философ. *П. В.)* чисто-метафизически смотрит на общественные отношения, как на простой механический агрегат

тех или других институтов, простое механическое сцепление тех или других явлений. Ему чужд, говоря языком Маркса, диалектический метод, обязывающий смотреть на общество, как на живой организм в его функционировании и развитии» (Ленин, Что такое «друзья народа»? стр. 60).

Мы видим здесь, кроме того, полнейшее непонимание диалектики всеобщего и единичного или отдельного.

«Отдельное есть общее, — писал Ленин. — Отдельное не существует, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного» (Ленин, К вопросу о диалектике, т. XIII, стр. 302 — 303).

И вот т. Бухарин не понимает, что мелкое товарное хозяйство как отдельное капиталистического общего, как клеточка товарно-капиталистического хозяйства, может порождать из себя только свое общее, т. е. капитализм. Ибо это общее есть сущность, тенденция и закон развития товарных хозяйств.

«Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным производством, — писал Ленин. — Здесь мы имеем чрезвычайно широкую и имеющую очень глубокие, очень прочные корни, базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь — в самой ожесточенной борьбе с коммунизмом» (Ленин, Соч., т. XVI, стр. 348—349).

А по Бухарину что выходит? Капитализм разрушен. Результатом его разложения оказывается мелко-товарное хозяйство. Оно, по Бухарину, должно самотеком двигаться к социализму. Задача переделки мелкотоварного хозяйства совершенно выпадает. Вместо этой ленинской теории переделки социалистической промышленностью мелко-товарного хозяйства выдвигается теория «врастания кулака в социализм» и увековечения мелко-товарного сектора, находящегося в «равновесии» с социалистическим. Этой теории сопутствует и непонимание классовой структуры крестьянства. То т. Бухарин считает, что наличие мелкого крестьянского хозяйства — прогрессивный фактор, как элемент разложения капитализма и не порождает буржуазии (VIII с'езд РКП), но самотеком движется, «врастает» в социализм, то вдруг заявляет, что «крестьянство, даже если говорить о крестьянине-середняке и бедняке, есть деревенская мелкая буржуазия» («Политическое завещание Ленина»). В обоих случаях мы имеем смазывание классового расслоения крестьянства, непонимание двойственной природы крестьянина-середняка, непонимание диалектического процесса возникновения нового. Для механистической философии правых весьма характерно представление о возникновении нового, как новое склеивание и слаживание элементов, частей раздробленного старого. Здесь мы встречаемся все с той же метафизической концепцией схематического круговорота, без движения вперед и восхождения на новые ступени. Было бы, пожалуй, излишним иллюстрировать это положение и на всех других проблемах переходного периода: непонимание правыми и кондратьевцами нового этапа нэпа, нового лозунга по вопросу о союзе с крестьянством, новых форм смычки, новых форм классовой борьбы и т. д. и т. п.

Таким образом, за что ни возьмись, у кондратьевцев и правоуклонистов оказывается странное совпадение взглядов. Несогласие имеется в суб'ективных выводах тех и других, но об'ективно они вели, несомненно, к одному и тому же «выводу» — выводу пролетарской диктатуры на путь капиталистической реставрации.

Ленин учил нас рассматривать всякие внутрипартийные уклоны как выражение напора и влияния внешних партии, враждебных пролетариату классовых сил. Партия квалифицировала правых оппортунистов, как кулацкую агентуру внутри партии, отражающую сопротивление капита-

листических элементов социалистическому наступлению. Раскрытие кондратьевщины воочию убеждает нас в этом. Для всех становится ясным, что идейный багаж правоуклонистов одинаков, даже тождественен с идеями, которыми руководствовались в своей вредительской работе кондратьевцы. На конференции аграрников-марксистов т. Сталин предупреждал, что «в нашей общественно-политической жизни все еще имеют хождение различные буржуазные и мелкобуржуазные теории по вопросам нашей экономики... имеющие своей целью отстоять позиции индивидуального крестьянского хозяйства, вооружить кулацкие элементы «новым» теоретическим оружием в их борьбе с колхозами и дискредитировать позиции колхозов», «буржуазные теории, распространяемые иногда — к стыду нашему — нашими товарищами-коммунистами и засоряющие головы нашим практикам».

И если раньше мы считали, что правоуклонистские теории вытекают из извращения и непонимания марксистско-ленинской диалектики, то теперь обнаружился и другой канал, питавший правую идеологию — канал буржуазной псевдонауки, буржуазной апологетики и реставрации.

Связь и переплетение идеологии реставраторов с правооппортунистическими взглядами приводит нас к выводу, что кондратьевцы (реставраторы) и правые — мы имеем здесь в виду отнюдь не одного т. Бухарина и вообще не какого-нибудь товарища, но в целом идеологию правого уклона в теории и на практике, — есть одна и та же палка, преломленная в другой среде. Идеология кондратьевцев смыкается с взглядами правых оппортунистов в нашей партии. Программа кондратьевцев и правых ведет к одному и тому же результату — сдаче кулацкой стихии позиции диктатуры пролетариата и реставрации капитализма. В этом тождество кондратьевцев и правых. Их различие в том, что, в то время, как кондратьевцы знали об этом, правые не хотели продумать и осознать, куда они тянут партию.

Кондратьевцы знали, что мелкое сельское хозяйство стихийно рождает капитализм и, ослабляя позиции пролетариата, ведет к реставрации.

Правые не знали этого, отрицая «товарно-капиталистическую тенденцию крестьянства» (из Заметок Ленина на кн. Бухарина, Ленинский сборник XI, стр. 368; подчеркнуто Лениным).

Кондратьевцы сознательно стремились к подрыву командных высот пролетарской диктатуры.

Правые не сознавали, что их лозунги об'ективно означают то же самое.

Выходит, что кондратьевцы есть осознавшие смысл своих требований правые, а правые — люди не осознавшие, к чему ведет их кондратьевская программа.

XVI с'езд партии признал правооппортунистические взгляды несовместимыми с пребыванием в партии. Надо полагать, что разоблачение кондратьевщины «приведет к сознанию» тех из правых, которых еще не прочно «обволокли» «буржуазные предрассудки, называемые теориями», и которые еще не окончательно потеряны для партии.

Методология экономической апологетики.

(Критика методологии Струве[1]).

И. Вайнштейн.

I.

Борьба против ревизионизма и апологетики является орудием укрепления подлинных позиций диалектического материализма. Дело не в самых апологетах, дело в принципах и идеях, выразителями которых они являются. Ошибочно было бы поэтому полагать, что «идеи» таких апологетов, как Струве или Туган-Барановский, совершенно не встречаются в теоретическом обиходе современного оппортунизма. «Феноменологическое» понимание стоимости как результата меновых актов оценки, характеристика баланса, как стержня экономической теории, наконец, «социальная» трактовка капиталистического распределения, как результата соотношения классов, можно найти в новейшем экономическом ревизионизме. Критика и разоблачение т а к и х идей является поэтому также критикой оппортунистической современности.

Ревизионизм с самого начала выбирает основным об'ектом своей теоретической критики методологию Маркса, т.-е. материалистическую диалектику. Бернштейн — родоначальник западно-европейского ревизионизма — ознаменовал свой ревизионизм атакой против диалектики, которую он об'явил коренным источником всех погрешностей Маркса. Ось ревизионизма есть его методологическая установка, эклектическая в основе.

Русская апологетика по существу копирует своего западно-европейского собрата, вслед ему направляя главный удар на методологические основы марксова учения.

Отец русского ревизионизма и будущий идеолог махровой реакции — П. Струве обнаруживает эту методологическую суть апологетики уже в период своей «приверженности» к Марксу. «Интерес» представляет поэтому струвистская интерпретация именно метода Маркса, который в изображении Струве оказывается эклектикой, п р и м и р е н и е м логических противоречий.

Струве начинает с фальсифицирования метода Маркса. Диалектика есть душа научного познания, является лучшим орудием познания многообразных форм действительности. Гегель поэтому говорил, что диалектика есть метод природы, которой он проникнут, метод всякого об'екта, почему отличается монолитностью. Маркс в гораздо большей степени, нежели Гегель, выявлял монистичность м а т е р и а л и с т и ч е с к о й диалектики, как подлинного метода бытия, единство которого состоит в его материальности. Струве же изображает учение Маркса лоскутным, эклектичным,

---

[1]) Глава из подготовляемой к печати книги: «Логика экономического ревизионизма».

лишенным единства. «Несколько слов о научном направлении и о методе Маркса. В этом отношении Маркс представляет выдающийся интерес — трудно найти автора более поучительного. С точки зрения экономической догматики и с точки зрения методологии Маркс был в гораздо большей мере, чем обыкновенно думают, продолжателем англо-французской классической, политической экономии, подразумевая под классической экономией все научное движение, начиная с Кенэ и кончая Рикардо. От физиократов и их английских продолжателей Маркс усвоил себе ту механистически-натуралистическую точку зрения, которая столь ярко обнаруживается в его учении о труде, как субстанция стоимости.

Это учение — венец всех об'ективных учений о ценности: оно прямо материализует последнюю, превращая ее в экономическую субстанцию хозяйственных благ, подобно физической материи — субстанции физических вещей. Эта экономическая субстанция есть нечто материальное, так как образующий ценность труд Маркс понимает в чисто-физическом смысле, как абстрактную затрату мышечной и нервной энергии, независимо от конкретного и многообразного содержания этой затраты, отличающегося бесконечным разнообразием. Абстрактный труд Маркса — есть физиологическое понятие, идеально по крайней мере подлежащее сведению к механической работе» [1]). Толкование Струве марксова метода показывает, что его теоретическая эволюция не нуждалась в скачках, что она намечена в первых теоретических выступлениях апологета.

Толкование это об'являет экономическое учение Маркса механистически-натуралистически, повторяющим в учении о субстанции стоимость англо-французскую классическую политическую экономию.

Ясно, что подобное толкование лишает марксово учение всякой оригинальности. Но в действительности механистическая концепция характерна для экономики классиков, которые в этом отношении служили предметом научной критики со стороны Маркса.

Касаясь понимания стоимости со стороны Рикардо, Маркс подчеркивал, что для Рикардо непонятен особый характер образующего стоимость труда, абстрактного труда, непонятно его социальное качество, благодаря которому он становится создателем стоимости. Корни этого непонимания Маркс именно видит в механическом способе мышления Рикардо, сосредоточенном главным образом на количественной стороне явления. Следовательно, интерпретация Струве есть грубейшее извращение Маркса. Согласно Струве абстрактный труд Маркса есть физиологическое понятие, подлежащее сведению к механической работе. Подобное понимание стоимости можно действительно найти у предшественников Маркса, которых нельзя называть его теоретическими предшественниками. Фр. Ланге, например, дал механическую трактовку категории стоимости, которая не делает его еще предшественником Маркса в смысле предвосхищения его экономической теории. «Экономическая ценность,—говорит Ланге,—несомненно обязана своим возникновением ряду физических условий, между которыми выдающуюся роль играет работа» [2]). Определение Ланге, если исходить из интерпретации Струве, совпадает с марксовой теорией стоимости, ибо оно вполне механично и исходит из механической траты энергии. Однако не только Ланге, но и Рикардо не дал подлинного научного понимания стоимости, не поняв основной проблемы теоретической экономии, которая может быть разрешена только на основе диалектического метода.

Струве в бытность свою «последователем» Маркса, совершенно не понимал этой диалектики, видел в мышлении Маркса смесь «социологиче-

[1]) П. Струве, предисловие к русскому переводу I тома «Капитала».
[2]) Ф. Ланге, История материализма, ч. 2, стр. 246.

ских» и «механических» мотивов, преодоление которых представляет подлинную оригинальность Маркса. Ленин поэтому говорил, что именно диалектика есть «наиболее существенное и наиболее новое» в мышлении Маркса. Говоря о новой эпохе, созданной Марксом в экономической мысли, Плеханов также связывает эту новизну с диалектическим преодолением односторонностей прежних экономических учений. «Диалектическая критика Маркса устранила односторонние метафизические взгляды буржуазных экономистов, пополнила пробелы и исправила ошибки в их теории и поставила политическую экономию на совершенно новое основание»[1]). Преодолением метафизической экономии Маркс создал научную базу коммунизма, который прозвучал смертным приговором буржуазной системе. «Быстрые теоретические успехи социализма были в то же время теоретическими успехами экономической науки. Теперь политическая экономия стала наукой об экономическом развитии общества. Что касается буржуазного порядка, то она изучает историю его законов и показывает, как постоянное и неотвратимое их действие подрывает этот порядок и подготовляет материальные условия для нового общественного порядка. Иначе сказать, буржуазная политическая экономия изучала буржуазный порядок в его готовом законченном виде, который она считала неизменным. Современная нам политическая экономия изучает буржуазный порядок с точки зрения развития, с точки зрения его возникновения и уничтожения. Диалектическое преодоление буржуазной экономии совпадает с теоретическим обоснованием неизбежного крушения капитализма, что несовместимо с механической теорией познания, которая увековечивает капитализм, представляя процесс развития, как вечное и однообразное повторение.

Струве наряду с механическими мотивами приписывает Марксу еще «социологический», который он находит наиболее «оригинальным». Находя этот мотив наиболее оригинальным, Струве одновременно находит его у предшественников Маркса, т.-е. отказывает ему в оригинальности. Оригинальность Маркса по сравнению с классиками в отношении «социологического мотива состоит всего только в большей сознательности его применения. «Эту социологическую точку зрения,—говорит Струве,—на которой классическая экономия стояла бессознательно и так сказать наивно, Маркс развивал вполне сознательно. Правда, он в отличие от своих предшественников нигде не говорит о «распределении», но то, что он называет производственными отношениями, об'емлет собой всецело и занимавшую классиков проблему распределения в общем смысле слова,—распределения, неразрывно связанного с данными отношениями производства, вместе с ними разделяющего исторический характер, которого классики наивно не замечали или который они признавали по крайней мере несущественным»[2]). Маркс в представлении Струве отличается от классиков всего только степенью своей теоретической сознательности, оставаясь в общем и целом на позициях классической экономии. Маркса от классиков разделяет якобы только проблема распределения, которую Маркс включал в производственные отношения. Совершенно верно, что производственные отношения включают у Маркса распределение, ибо прежде, чем распределение становится распределением продуктов, оно есть: «во-первых, распределение орудий производства, и, во-вторых, что представляет собой дальнейшее распределение того же отношения,—распределение членов общества по различным родам производства (подведение индивидов под определенные производственные отношения)». Проблема капиталистического распределения есть для Маркса проблема историческая, коренящаяся в антагонистическом характере

---

[1]) Г. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 69.

[2]) П. Струве, предисловие к I тому «Капитала», стр. XXXII.

исторически-определенных производственных отношений. Однако экономика Маркса отличается от экономики классиков не одной трактовкой проблемы распределения, а отличается по способу мышления, который у классиков носит механический характер, превращающий буржуазное распределение в вечное и естественное. Мог ли, например, Рикардо дать правильную теорию капиталистического распределения, разумея под капиталом накопленный труд, лишенный всякого исторического и социального содержания? Можно ли при подобной трактовке капитала понимать капиталистическое распределение? Маркс понимал под капиталом «социальную форму, которую принимают средства воспроизводства на базе наемного труда», т.-е. определенно общественное отношение, предполагающее в качестве необходимого условия существование класса, не имеющего ничего, кроме рабочей силы, продажа которой предначертывает границы его «дохода» и максимум его возможного извлечения из общественного продукта, созданного его же собственным трудом. Экономическая категория заработной платы есть также категория распределения, которая однако вплетена в исторически-определенную производственную структуру, проявлением которого она является. Подходили ли классики хотя бы бессознательно к такому решению проблемы? Конечно, нет. «Что интересует Рикардо, — говорит Гильфердинг,—это—распределение, при чем оно выступает у него в узком смысле распределения продуктов, в то время, как оно одновременно представляет распределение людей между различными отраслями производства и определяет их взаимные отношения в качестве рабочих, капиталистов и т. д. Поэтому его категории остаются естественными категориями: стоимость для него все еще свойство самого блага, заключающееся в том, что он есть продукт труда, как для другой категории благ стоимость заключается в их редкости; капитал для него не что иное, как накопленный труд, что, по выражению Маркса, представляет только экономическое название для средств производства. Поэтому Рикардо не дает достаточного обоснования закона стоимости, который кажется ему скорее фактом удачно открытым и навязывающимся эмпирически,—чем результатом строгого анализа» [1]). Заработная плата есть исторически-определенное производственное отношение, не отделимое от категории наемного труда, выступающего в форме распределения под видом заработной платы. Последняя, как форма распределения, следовательно, выражает определенное производственное отношение между капиталистом и рабочим. «Если бы труд не был определенным, как наемный труд, то и тот способ, которым он участвовал в распределении, не принял бы вид заработной платы» [2]). Проблема распределения есть также проблема производства, обратной стороной которого оно является. Непонимание преходящего исторического характера капиталистического производства как исторически определенного антагонизма составляет ахиллесову пяту классической экономии. Но Струве видит заслугу Маркса только в его большей сознательности по сравнению с классиками, отрицает именно качественную разницу между метафизической и диалектической экономией. Струве утверждает, что Маркс занимается склеиванием и соединением различных несоединимых частей. Но Струве снисходителен к Марксу, считает даже эклектику данной системы критерием ее содержательности. Сплетение механического и социологического моментов представляет в его глазах «оригинальность» марксовой экономики. Струве в данном случае поистине толкует Маркса по своему образу и подобию. «В экономическом учении Маркса переплетаются и сплетаются, как мы уже указывали, два основных мотива: во-первых, механически-натуралистический, под влия-

[1]) Сборник «Основные проблемы политэкономии», стр. 75—76.
[2]) К. Маркс, Введение к «Критике политической экономии», стр. 17.

нием которого Маркс создал свое об'ективное учение о трудовой затрате, как субстанции и мерила ценности, и, во-вторых, социологический, за вещной оболочкой экономических явлений, видящий в качестве их основного содержания—исторически изменчивые отношения между людьми в процессе производства. Дело критики раз'единить и критически взвесить каждый из этих моментов в отдельности и затем исследовать, в какой мере они совместимы друг с другом» [1]). Оказывается, Маркс сочетал механический и социологический моменты в своем экономическом учении. Струве поэтому ставит перед критикой задачу раз'единения взаимночуждых и несовместимых мотивов его учения. Предупреждая, что критический анализ «не должен бояться вскрыть противоречия в системе Маркса», Струве заявляет, что изобилие последних представляет е е г л а в н о е д о с т о и н с т в о. Струве не отделяет богатства содержания от присущих ему э к л е к т и ч е с к и х и формальных противоречий, которые он выдвигает в качестве критерия такого богатства. Словом, не диалектическое противоречие, а эклектическое составляет в глазах Струве «достоинство» марксова учения, что побуждает его выражать несогласие с Ф. Ланге, который берет непротиворечивость системы в качестве принципа ее истолкования. «С не меньшим,—говорит Струве,—если не с большим правом и успехом можно исходить из предположения, что все богатые содержанием и глубоко систематические построения представляют в значительной мере лишь экстатическое, т.-е. суб'ективно-стройные концепции, в создании которых участвовали разнообразные и противоречивые моменты мышления» [2]). Непротиворечивость не может быть взята принципом интерпретации философских систем, в виду эстетически-суб'ективного характера всех «содержательных» и «богатых» научных построений, которые неизбежно изобилуют внутренними противоречиями! Подобная апология эклектического противоречия является выражением ненависти и борьбы против диалектического противоречия, единства противоположностей, дающего ключ к пониманию действительности.

Собственная концепция Струве представляет замечательный пример эклектической софистики, получившей свое выражение в трактовке экономических категорий капитализма.

Определяя различие между диалектикой и софистикой, Гегель связывает его с пониманием или непониманием единства противоположностей. «Рассуждение,—говорит Гегель,—делающее и отстаивающее ложное предположение об абсолютной раздельности бытия и небытия, должно быть названо не диалектикой, а софистикой. Ибо софистика есть рассуждение из необоснованного предположения, принимаемого без критики и необдуманно; д и а л е к т и к о й ж е м ы н а з ы в а е м в ы с ш е е д в и ж е н и е р а з у м а, в к о т о р о м т а к и е п о п р о с т у р а з д е л е н н ы е в и д и м о с т и, с а м и с о б о ю, ч е р е з т о, ч т о о н и с у т ь, п е р е х о д я т о д н о в д р у г о е, и п р е д л о ж е н и е с н и м а е т с я» [3]).

Мышление Струве представляет лучший пример софистики, которую он обнаруживает в «критике» закона стоимости. Струве упрекает Маркса в понимании ценности, как внутренней основы или з а к о н а цены. «Закон ценности» становится idée fixe политической экономии. И универсалистический («реалистически») мотив мышления выступает в этой области всего ярче у того писателя, у которого он сочетается с наибольшей широтой общей философской концепции экономической науки, у Маркса. Этот мотив соединяется у него с невыработанным в деталях, но тем более цельным материалистическим миросозерцанием» [4]). Струве правильно отмечает связь ме-

[1]) С т р у в е, предисловие к «Капиталу», т. I, стр. XXXIII.
[2]) Там же.
[3]) Г е г е л ь, Наука логики, т. I, стр. 47.
[4]) С т р у в е, Хозяйство и цена, т. I, стр. 25.

жду экономикой и философией Маркса, отмечает материалистическое содержание марксовой экономики. Благодаря такому содержанию марксова экономика различает между сущностью и явлением, открывая подлинные законы капитализма. Последовательный же эмпиризм, являющийся «философией» Струве, не приемлет такого различия, направленный на изгнание из науки закономерности. Ленин в таком изгнании законов из науки видел протаскивание законов религии.

Гегель называл сущность истиной бытия, считал целью познания нахождение этой сущности, которую эмпирическая философия совершенно игнорирует. «Так как познание хочет познать истину того, что такое бытие в себе и для себя, то познание не останавливается на непосредственном и его определениях, но проникает через них в предположении, что за этим бытием есть еще нечто иное, чем самое бытие, что эта основа составляет истину бытия. Это познание есть познание опосредствованное, так как оно не находится непосредственно при сущности и в сущности, но начинает с другого, с бытия и должно пройти предварительный путь, путь выхода из бытия или, правильнее, вхождения в оное. Лишь поскольку знания углубляются из непосредственного бытия во внутрь, лишь через это опосредование находит оно свою сущность» [1]. Истиное знание не заключается в непосредственном знании, но предполагает предварительное теоретическое углубление, через посредство непосредственного во внутреннюю связь, что только может привести к истине. Против такого предварительного пути, против теоретического мышления, которое углубляется в действительность, охватывает ее противоречивую сущность, восстает последовательный эмпиризм, девиз которого гласит: дело не в противоречиях, а в полноте. Что же говорит последовательный эмпиризм о логике противоречий и ее роли в учении Маркса? Суждения Струве по этому вопросу весьма любопытно, иллюстрируя степень извращений, допускаемых эмпирической интерпретацией. «Не в диалектике, которую Маркс усвоил себе чисто-внешним образом и которая представлялась ему и до сих пор представляется его верным последователям какой-то логикой эволюционного принципа,—связующим звеном между материалистом Марксом и идеалистом Гегелем, а именно, в той власти, которую имел над обоими мыслителями реалистический мотив. Не диалектический метод заимствовал в действительности Маркс у Гегеля, а логический реализм в его подлинно онтологическом истолковании и расширении. Обоим им,—и Гегелю, и Марксу,—был поэтому глубоко чужд дух эмпиризма, для которого «реализм» есть яд» [2].

Совершенно верно, что Гегелю и Марксу был глубоко чужд дух эмпиризма, вульгарный подход к действительности. Гегель и Маркс в одинаковой степени боролись против формы мышления, направленной на затемнение истинного понимания вещей. Гегель поэтому издевался над философской бессознательностью эмпиризма, который занимается бессознательно метафизикой. «Последовательное проведение эмпиризма, поскольку он ограничивается со стороны содержания конечным, отрицает вообще сверхчувственное или, по крайней мере, познание и определенность последнего и оставляет за мышлением лишь абстракции, формальную всеобщность и тождество. Основная ошибка научного эмпиризма состоит в том, что он пользуется метафизическими категориями: материя, сила, одно, многое, всеобщность, бесконечность и т. д. и, руководясь такими категориями, умозаключает дальше, исходя как из предпосылки, из форм умозаключения и при этом не знает, что он сам содержит в себе метафизику, сам занимается ею; он таким образом пользуется лишь указанными категориями совершенно не-

[1] Гегель, Наука логики, т. I, кн. 2, стр. 1.
[2] Струве, Хозяйство и цена, стр. XXVI.

критично и бессознательно»[1]). Можно сказать, что диалектическая логика Гегеля служила подлинным, связующим звеном между великим идеалистом и великим материалистом. Диалектическая логика, в качестве такого связующего звена, не представлялась Марксу логикой эволюционного принципа, логикой вульгарного эволюционизма, а рассматривалась в качестве единственно правильной логики развития, понимаемого не как увеличение или уменьшение, но как единство противоположностей и раздвоение единого. Перевод этой логики на материалистические рельсы дал Марксу возможность раскрыть законы капитализма, которые были непостижимы для домарксовой экономики. Экономические законы капитализма в свете новой логики оказались историческими и переходящими, законами определенной общественно-экономической формации, обреченной к перехождению и исчезновению: «Для нас так называемые экономические законы не являются вечными законами природы, но законами историческими, возникающими и исчезающими, а кодекс современной политической экономии, поскольку экономисты составили его об'ективно правильно, является лишь сводкой законов и условий, при которых современное буржуазное общество только и может существовать. Словом, это есть отвлеченное выражение — резюме, сводка условий производства и общения буржуазного общества»[2]). Историческое, переходящие законы капитализма Маркс открыл благодаря применению диалектической логики, которая есть отражение исторического процесса в его существенной форме. Струве же считает, что Марксом применен к политической экономии «логический реализм» Гегеля, т. е. применен его идеализм, что, конечно, является кричащим абсурдом. Струве подобный вздор нужен в целях изобличения Маркса в схоластицизме, ради которого апологет способен на всякую софистику. «Столь прославленный так называемый «об'ективизм» Маркса есть не что иное, как применение к специальной науке политической экономии логически онтологического реализма Гегеля и — я пойду дальше — схоластиков»[3]). Таким образом, Струве видит в идеализме связующее звено между Марксом и Гегелем, понимая под «логически-онтологическим реализмом» гипостазирование общих понятий, обладающих единственно реальностью.

Относительно «реалистического» мотива, фигурирующего для Струве в качестве связующего звена между Марксом и Гегелем, приходится сказать, что он ничего общего не имеет с подлинным материалистическим реализмом, который является выражением материальной действительности. Исполненный неудержимого стремление превратить Маркса в схоласта, Струве невероятно путает в своих рассуждениях относительно диалектики.

Логика Гегеля в пределах идеализма полна реалистического содержания, так как выводит свои категории действительности, давая поразительный пример исторической логики, категории которой являются моментами познания действительности. Возьмем категорию становления, представляющую исходный методологический пункт гегелевской логики. Указанная категория могла быть Гегелем позаимствована только из действительности, которая является процессом возникновения и исчезновения. Формальная логика оторвана от действительности, не знает поэтому становления, которая является исходной категорией гегелевской логики. Ленин в своей интерпретации гегелевской логики имел все основания сказать, что Гегелем угадана идея универсального движения до ее применения Марксом. Можно сказать, что Гегель на идеалистической основе делал первые подступы к материализму в области логики и методологии, ибо не ограничивался простым перечислением

[1]) Гегель, Энциклопедия, стр. 80.
[2]) Письма Маркса и Энгельса.
[3]) Струве, Хозяйство и цена, ч. I, стр. 26.

логических категорий, а раскрывал внутреннюю связь последних, поскольку она выражает связи действительности.

Струве считает, что философия Гегеля, подобно философским системам Платона и Фомы Аквинского, в одинаковой степени оставляет без рассмотрения природу и происхождение понятий, которые принимаются указанными системами некритически. Словом, «некритический реализм», выражающийся в догматическом принятии унаследованных форм мышления, приписывается Струве одинаково Гегелю и догегелевскому идеализму. Можно сказать, что указанные Струве недостатки представляют сплошной вымысел, выражая степень научной совести апологета, «критический эмпиризм» которого по существу оказывается полнейшим извращением фактов. Несомненно, что Гегель был подлинным зачинателем теории познания и систематического исследования природы разума, специфических внутренних связей человеческого мышления. «Не критический реалист» Гегель впервые с огромной решительностью выдвинул положение, что известное еще не является вследствие этого познанным, что имеющиеся логические категории подлежат строгому критическому исследованию, благодаря которому они только и могут стать познанными, ибо вследствие наибольшей известности обычные логические категории лишены всякого научного значения и нуждаются поэтому в максимальной степени критического рассмотрения. «Жизнь приводит уже к употреблению категорий, они лишаются почета быть рассматриваемыми для себя, понижаясь до того, чтобы в духовном обороте живого содержания, в создании и обмене относящихся к нему представлений служить, отчасти, как сокращения посредством обобщения, ибо какое бесконечное множество частностей внешнего существования и деятельности об'емлют собой представления: сражение, война, народ или море, животное и т. п.; как и представления — бог или любовь и т. п., сокращенно сосредоточиваются в простоту таких представлений бесконечное множество представлений, деятельностей, состояний и т. д.; отчасти для ближайшего определения и нахождения предметных отношений, при чем, однако, содержание и цель, правильность и истина присоединяющегося сюда мышления — сами совершенно зависят от того, что дано, и мысленным определениям для себя не приписывается никакой определяющей содержание деятельности. Такое употребление категорий, которое в прежнее время называлось естественной логикой, бессознательно, и если научная рефлексия указывает им назначение служить средством для духа, то тем самым мышление вообще обращается в нечто подчиненное другим духовным определениям» [1]).

Гносеология Канта дает в лучшем случае перечисление известных форм мышления, но не идет дальше такого перечисления, когда Гегель подверг критическому испытанию эти формы, дал развернутую систему диалектической логики, чьи категории вытекают одна из другой с имманентной необходимостью, обнаруживая свою внутреннюю связь. Гегель действительно преодолел даже на идеалистической основе внешний утилитарный характер прежней логики, поднялся над бессознательной стихийностью последней, показал деятельность и движение мышления в его специфических формах.

Струве же причисляет Гегеля к некритическим реалистам, исходящим из смутных понятий, принимаемых за высшую реальность. «Опасность некритического реализма в теории познания заключается именно в том, что смутное «наиобщее» принимается без надлежащей обработки за наивысшую реальность» [2]). Струве, конечно, «реалист», но «критический» и «имманентный», опирающийся на психологическое содержание суб'екта и отбрасывающий всякое трансуб'ективное, т.-е. материальное, содержание. Отбрасывая

[1]) Гегель, Наука логики, т. I, стр. XIX.
[2]) Струве, Хозяйство и цена, стр. IX.

подобное содержание, Струве оказался идеалистом худшего свойства, Гегелю идеализм не помешал развенчать грубейший эмпиризм, не понимающий связи общего и особенного. Диалектическая увязка общего и особенного составляет одно из достижений гегелевской логики в понимании конкретного понятия. «Последовательный эмпиризм» не приемлет именно таких общих понятий, включающих также особенное и единичное, не приемлет понятия класса, которое в учении Маркса полно огромного революционного содержания. Понятие класса является одним из основных понятий марксовой исторической концепции, которая усматривает в классовой борьбе движущую пружину истории. Класс и классовая борьба поэтому же неприемлемы для апологета, который, отрицая реальность общего, подводит логическую базу под отрицание класса. «Одно — реализм, как чисто-гносеологическое построение, опирающееся на имманентную теорию познания, другое — реализм, сочетающийся с материализмом, или, точнее, с материалистической метафизикой и с соответствующей чисто-трансцендентной теорией познания. Допуская, что «общее» в суждениях, представлениях, понятиях есть «общее» в вещах, т.-е. есть нечто реальное, мы тем более обязываемся подвергать «общее» в суждениях и понятиях тщательной проверке путем сравнивания и дифференцирования, ибо в таком случае «общие» понятия имеют не только вспомогательное или символическое значение, а призваны выражать действительность» [1]). Струве в качестве последовательного эмпирика выступает против всеобщего, признавая только единичное. Отрыв общего от отдельного и представление его в виде схоластической универсалии служит Струве исходным пунктом «критики» марксовой теории и методологической основой его собственной, направленной на упразднение общего в единичном и изгнание закономерностей из науки.

Гегель находил, что без общего нет единичного, что в единстве общего и единичного заключается конкретность понятия, что исчезновение общего ведет к исчезновению всего разнообразия, которое связуется и скрепляется общей основой. Гегель находит, что если бы от неделимого отняли его общую основу, снабженную присущим ему многообразием, исчезло бы само неделимое. Всякая софистика, питающая отвращение к общему, об'ективному и закономерному, находит свою теоретическую опору в вульгарном эмпиризме, который за частным не видит общего, отбрасывает внутреннюю закономерность, т.-е. существенное отношение в разнообразии явлений.

Гегель правильно подчеркивал об'ективность общего в отдельном и особенном, исчезающих вместе с исчезновением общего. Ленин поэтому в своем толковании гегелевского понимания абстрактного подчеркивает превосходство этого понимания над всякой ходячей и обыденной логикой. «Отрицать об'ективность понятий, — говорит Ленин, — об'ективность общего в отдельном и в особом — невозможно» [2]).

Исходя из отрицания реальности общего, Струве критикует марксов закон стоимости, который он «опровергает» наглядными софистическими рассуждениями. Струве направляет свою критику против марксова понимания стоимости, как з а к о н а цены, противопоставляя этому пониманию психологическую трактовку ценности, как суб'ективного состояния, вырастающего из актов оценки. «Цена с этой точки зрения вытекает, конечно, из суб'ективной ценности, но самая ценность понимается не ак об'ективная норма, а как суб'ективное состояние» [3]). Оторвав общее от частного, сущность от явления, признав за первыми лишь метафизические фикции, Струве допускает научность только психологической теории ценности, которая рассматривает

---

[1]) Там же.

[2]) Ленинский сборник IX, стр. 197.

[3]) П. С т р у в е, Хозяйство и цена, стр. XXII.

ценность, как психологическое состояние. Суб'ективизм против об'ективизма, психологический эмпиризм против диалектического материализма! Субстанциональность, закономерность, об'ективность выбрасываются из познания экономических явлений, которые признаются только видимостью. «Разрушительные» операции Струве в отношении об'ективных логических категорий, как схоластических универсалий, однако, прекращают свое действие, когда такие универсали соответствуют его психологической установке. Универсалии, например, эмпирио-критической философии признаются Струве реальными и научно-пригодными. «Принцип «экономии», или «наименьшей траты сил», получивший название хозяйственного или экономического принципа, был выдвинут впервые при рассмотрении хозяйства» или точнее «хозяйствования», но по существу этот принцип имеет, конечно, универсальное значение, т.-е. приложим ко всякой человеческой деятельности. Им хозяйствование определяется формально-психологически... Подчинение хозяйствования принципу наименьшей траты предполагает количественное сравнение или измерение как актов. так и результатов хозяйствования. Вне возможности подобного измерения не может быть рационального хозяйства» [1]. Принцип наименьшей траты сил, несмотря на его универсальность, некритически принимается Струве, ибо его формальная сущность широко способствует суб'ективизации и психологизации действительности, упразднению ее закономерности. Механический характер этого принципа, ограничивающего познание количественным сравнением и измерением, чрезвычайно удобен для лишении экономических категорий всякой внутренней противоречивости, неразрывно связанной с качественным характером данной действительности.

Принцип экономии мышления признается Струве подлинно универсальным принципом об'яснения мира, не взирая на его универсальность. Струве обосновывает примат этого принципа возможностью при его посредстве рассматривать хозяйственные явления чисто-количественно, отвлекаясь от качественной природы последних. Формализм и механицизм, вытекающий из этого принципа служит для Струве лучшим основанием провозглашения его теоретической «истинности».

«Последовательный эмпиризм» Струве вполне гармонирует с механическим миропониманием, которое центр тяжести переносит на числовые определения. Струве по видимости выражает отрицательное отношение к механическому пониманию экономических явлений. Но бывает иногда такое «отрицание», сквозь которое проглядывает с особой четкостью приверженность к отрицаемому. Последнее подтверждается следующим положением Струве: «Дело совсем не в том, — говорит Струве, — является ли «механический» подход к экономическим явлениям логически мыслимым, а в том, соответствует ли он природе самого явления, т.-е. являются ли предпосылки математического рассуждения, отвечающими существу экономических явлений. На это я отвечаю решительным отрицанием. В экономике какие-то подлежащие определению в каждом отдельном случае «индивиды» должны быть сосчитаны, сведены в разряды и категории, т.-е. именно трактуемы как индивидуально весьма различные единицы, об'единяемые лишь «по признакам» в некие статистически обозреваемые совокупности. Вне такой статистической обработки мы имеем в экономике только либо построение общих понятий, выливающихся в форму дефиниций, либо не приуроченное ни к каким числовым статистическим характеристикам описание конкретных явлений данного места и времени при помощи же данных общих понятий. Числить и мерить плодотворно в экономии можно только статистически, и это — как это ни странно — вытекает именно из основного понимания новейшей математической экономии о всесторонней взаимозависимости эко-

[1]) Там же, стр. 4.

номических явлений»[1]). Резюмируя свои рассуждения, Струве приходит к заключению, что «точное познание» в экономике возможно только либо в форме статистической разработки, либо в форме фактического описания неисчислимых статистически феноменов и сторон»[2]).

Критикуя механический подход в политической экономии, Струве целиком стоит на механической точке зрения, ограничивая «точное познание» статистическими разработками, не выходящими за пределы числовых измерений. Струвистская точка зрения наглядно демонстрирует теоретический нигилизм, который неизбежно следует из механического способа мышления. Марксу Струве приписывает, конечно, механический подход, называя трудовую теорию ценности «особым учением о субстанциональном равновесии цен», но уклоняется от всякого обоснования такого толкования, которое невозможно даже для завзятого софиста. Приписав марксову учению механический подход, Струве считает, что на основе такой методологии трудовая теория стоимости ведет к отрицанию предпринимательской прибыли, представляющему также вывод из экономической теории равновесия Вальраса. «В состоянии общего экономического равновесия, — гласит этот вывод, — определяемого равновесием цен и равновесием издержек производства, не существует предпринимательской прибыли, как таковой». Подобный вывод мало вяжется с теорией прибавочной стоимости, вскрывающей подлинный источник капиталистической прибыли, как формы прибавочной стоимости, т.-е. эксплоатации труда рабочего. Однако Струве находит, что трудовая теория ценности не делает такого вывода только благодаря внешнему прибавлению к концепции равновесия — точки зрения капиталистической эксплоатации. «Этого вывода трудовая теория ценности... не делает лишь в силу того, что с посылкой или концепцией равновесия она сочетает посылку или концепцию имманентной, по крайней мере к капиталистическому строю, эксплоатации трудящихся — нетрудящимися»[3]). Совершенно естественно, что концепция равновесия, ведущая к подобным благотворным результатам, может быть только приветствуема апологетом, что Струве и делает, утверждая, что теории равновесия, увязанной с последовательным эмпиризмом, суждено открывать в политической экономии новые пути и перспективы. Сочетание же выражается в сведении понятия равновесия к понятию баланса, который и образует, согласно Струве, незыблемый стержень экономической науки.

«Классическое понятие равновесия приводится тут к более скромному (но родственному) понятию баланса, осмысливание и эмпирическое использование которого, однако, указывают политической экономии новые пути и новые достижения»[4]). Последнее утверждение Струве вполне совпадает с другим его механическим положением, согласно которому «именно этот признак — естественного измерения и таковой же измеримости — сообщает хозяйствованию определяющий смысл»[5]). Число в наиболее грубом применении является для Струве единственной категорией, делающей возможной экономическую науку, ибо число в последовательно-эмпирической трактовке есть именно орудие смазывания об'ективных закономерностей и своеобразных форм изучаемой действительности.

Психологический эмпиризм Струве спокойно уживается с механическими миропониманиями, которые в одинаковой степени эклектичны.

---

[1]) П. Струве, Научная картина экономического мира и понятие «равновесия», «Экономический Вестник» 1923 г., № 1, стр. 17.

[2]) Там же.

[3]) Там же, стр. 23.

[4]) Там же, стр. 26.

[5]) П. Струве, Основные понятия экономической науки, «Экономический Вестник».

Струве принимает ценность, как суб'ективно психологическое состояние, но отвергает в качестве закона цен. Наука, однако, нераздельна от понимания закономерностей действительности, Маркс превратил политическую экономию в науку, когда сделал ее выражением законов капиталистического общества в его возникновении, движении и гибели. Выступая против законов действительности — в угоду ее внешней и поверхностной видимости, Струве отказывается признавать даже традиционный эмпиризм, который сохраняет хоть некоторую приверженность к закономерности. Струве поэтому также отвергает традиционный эмпиризм за оперирование законом, которое во всех видах означает некритическое мышление, «которое всегда имеет тенденцию прикреплять идею закономерности к чему-то субстанциональному, подставлять под закон субстанцию». Отсюда Струве заключает, что, поскольку теория Маркса дает понимание законов цены, она даже не нуждается в опровержении, ибо всякое раскрытие закономерности является уже метафизикой, которая не заслуживает опровержения. Последовательный эмпиризм допускает научность только эмпирического явления цены, допускает только воспроизводство явления, как оно внешне воспринимается, но считает метафизикой всякую попытку дальнейшего углубления за пределы такой представляемости. Поэтому Струве считает излишней всякую критическую работу, направленную на опровержение экономической теории Маркса, которая исходит из различия между сущностью и явлениями. «Эта теория, во-первых, вне всякого сомнения, есть не что иное, как непрерывная погоня за вещным ядром, за субстанцией эмпирического явления «цена»; в то же время и во-вторых, есть погоня за «uniwersalie» цены в духе логического реализма. Таким образом, в понятии об'ективной ценности, которое создал Маркс, перекрещиваются метафизический мотив и мотив реалистический в логически-онтологическом смысле. Для того, кто понял это, критическая работа над теорией трудовой стоимости доведена до конца. Никакого опровержения этой теории уже не нужно, ибо вышеуказанное понимание ее заключает в себе не просто «отвержение» данного материального решения проблемы, но и обнаруживает научную недопустимость самой постановки проблемы. Ценность одинакова и как субстанция, и как «uniwersalie» цены есть понятие, бесполезное для познания эмпирических фактов образования цены; она означает не более, не менее, как метафизическую гипотезу, которая не может иметь никакого применения в науке» [1]).

Маркс показал, что цена не есть нечто самостоятельное и независимое, а денежное выражение стоимости, показал, что превращение ценности в цену есть процесс, посредством которого стоимости товаров обозначаются, как количества одинакового общественного труда. Подобное взаимоотношение стоимости и цены не удовлетворяет критического эмпирика, который именно настаивает на самостоятельности цены, поскольку в таком понимании она представляет эмпирический феномен, вполне совпадающий с вульгарным пониманием действительности.

Эмпирическая метафизика, отвергая противоречивое движение действительности, признает только ее поверхностную сторону об'ектом науки. Методология Струве есть методология видимости, соответственно которой должно протекать познание.

Струве считает единственно научной форму непосредственного мышления, которую он выдвигает в противовес мышлению Маркса. Интересна оценка, данная Гегелем, форме непосредственного мышления, которая также приемлема для диалектического материализма. «Так как эта форма,—говорит Гегель,—как всецело абстрактная, безразлична ко всякому содержанию и именно поэтому восприимчива ко всякому содержанию, то она может оди-

[1]) Там же, стр. XXX.

наково санкционировать как идолопоклонническое и не моральное содержание, так и ему противоположное. Лишь усмотрение того, что подобное содержание несостоятельно и опосредствовано неким другим, — низводит его до его конечности и неистинности»[1]. Опираясь на эту форму неистинного мышления, Струве считает излишним опровергать марксову экономическую теорию, которая развивается и развертывается через преодоление всякого рода вульгарных и метафизических форм политической экономии. Характерный способ опровержения Маркса! Можно сказать, что точка зрения Струве действительно не нуждается в опровержении, ибо всякое научное мышление начинается с отыскания закономерностей познаваемого явления, когда мышление Струве начинается с отрицания закономерности. Уподобление же закономерностей схоластическим универсалиям представляет доведенный до абсурда эмпиризм, последовательный теоретический нигилизм.

Отрицание закономерности вырождается в грубую фальсификацию действительности, которая заменяется всякого рода моральными фикциями, призванными заполнять брешь опустошенной действительности. Струве, упразднивший действительное содержание стоимости, об'явил ее должным. Отрицание закономерности всегда неизбежно сопровождается моральными и теологическими фикциями, которые замещают изгнанную закономерность. Ленин так именно истолковывает струвистское бегство от закона в мир моральных догм. «Если цена есть меновое отношение, то неизбежно понять разницу между единичным меновым отношением и постоянным, между случайным и массовым, между моментальным и охватывающим длительные промежутки времени. Раз это так, — а это несомненно так, — мы столь же неизбежно поднимаемся от случайного и единичного к устойчивому и массовому, от цены к стоимости. Попытки Струве об'явить стоимость должным, сблизить с этикой или учением канонистов и т. п., падает как карточный домик. Называя эмпиризмом признание стоимости за фантом и метафизикой стремление («идущее от Аристотеля к Марксу», стр. 194) — надо еще добавить: через всю классическую, политическую экономию. Найдя закон и образование цен. Струве повторяет прием новейших философских реакционеров, которые метафизикой считают материализм естествознания вообще, а эмпиризм об'являют ступенькой к религии. Изгнание законов науки есть на деле протаскивание законов религии. Напрасно воображает Струве, будто его хитрости могут об'яснить что-нибудь на счет этого простого и несомненного факта»[2]. Теория стоимости Маркса есть результат глубочайшего проникновения в сущность капиталистического общества, представляет восхождение через абстрактное к конкретному, воспроизводящее всю конкретную полноту действительности.

Эмпирическому мышлению Струве характерно игнорирование закономерности, совпадающее с игнорированием самого мышления, направленного на усвоение таких законов. Теория стоимости есть для Струве фантом, ибо она является абстрактной теорией, которая в свете эмпиризма является фикцией. Стоимость есть фантом, ибо фантомом является всякий закон, постигнутый на основе изучения действительности.

Классовая подоплека мышления Струве, подоплека апологетики,— толкает по пути видимости, отвлекающему от существенных противоречий действительности.

Единство ценности и цены называется Струве метафизикой, которой он противопоставляет эмпирическую реальность эмпирического ценообразования. «Всего яснее противоположение метафизической идеи ценности, как сущности и закона цены, эмпирической идее цены и ценности, как реального

[1] Гегель, Энциклопедия, стр. 127.

[2] Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 391.

факта, сопутствуемого идеей своей нормы в двояком смысле: нормы этической и нормы типа, можно формулировать, противопоставляя два следующих тезиса:

1. Во-первых, тезис метафизический, формально идущий еще от Аристотеля и материально кульминирующий в учении Маркса, гласит так: блага обмениваются и могут обмениваться потому, что в них есть нечто общее. Эта общая субстанция и есть ценность. Обмен возможен благодаря тому, что есть в товарах такая общая субстанция, благодаря некоему равенству, которое предсуществует обмену.

II. Тезис эмпирический гласит так: равенство между товарами или благами создается в самом процессе обмена, и только в нём. Никакой общей субстанции и никакого равенства, предшествующего обмену, нет и быть не может. Совершенно ясно, что с этой точки зрения ценность вовсе не управляет ценами. Образованию цен предшествуют в конечном счете только психические процессы оценки. Ценность же образуется из цен» [1]).

Эмпирический тезис Струве гласит, что ценность не рождается в процессе товарного производства, а возникает из обмена, рождается из психических процессов оценки, гласит, что товар и благо совпадают, лишены всяких различий.

Основная иллюзия теории предельной полезности состоит в стремлении понять законы капиталистического общества суб'ективно, посредством анализа обмена, как частного акта. Иллюзии струвистской концепции превосходят психологический иллюзионизм указанной теории, так как Струве не только не хочет нападать на какие-либо закономерности, но считает самый закон иллюзией. Обмен представляет форму трудовой связи людей в обществе товаропроизводителей, представляет обратную сторону процесса производства товаров. Отождествляя товар и благо, Струве представляет обмен, как вечную категорию, коренящуюся в человеческой психике. Гильфердинг отчасти разделяет подобную нелепость, когда приписывает организованному обществу также определенную форму обмена. «При товарном производстве в основе обмена лежит об'ективно общественный момент, определяющий меновые пропорции: общественно-необходимое время, воплощенное в общественных и обмениваемых предметах. В коммунистических обществах в основе обмена лежит только суб'ективное приравнивание, определяемое одинаково направленной волей» [2]). Называя обмен в коммунистическом обществе случайным, Гильфердинг, однако, раздвигает пределы его исторической правомерности, обнаруживая в этом свою оппортунистическую природу. Увековечение обмена есть увековечение классов, так как индивидуальный обмен связан с антагонизмом классов. Эмпирический тезис Струве, устраняющий и выбрасывающий производственную субстанцию обмена, превращает обмен в вечную форму общественной связи людей, увековечивает классовый антагонизм.

Эволюция научной экономической мысли действительно направляется по пути нахождения субстанции. Маркс отмечал гениальность Аристотеля, который в товарообмене открывал отношения равенства, но лишен был возможности установить его субстанцию, в виду условий эпохи рабовладельчества, мешавших такому установлению. Классики уже нащупывали эту субстанцию, но, благодаря своему буржуазному кругозору, не смогли понять ее исторического и переходящего характера. Метафизический метод мышления помешал классикам правильно охватить проблемы капитализма, которые при наличии такой методологии не могли быть разрешены. Но классики не были вульгаризаторами действительности, ибо пытались при посредстве своей метафизической логики все же проникать во внутреннюю структуру, капи-

[1]) П. Струве, Хозяйство и цена, стр. 91.
[2]) Р. Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 5.

тализма, словом, стремились к научному пониманию действительности. Относительно критического эмпиризма Струве ничего подобного нельзя сказать, ибо он является полнейшим извращением действительности бегством от ее закономерностей. Эмпирический тезис, гласящий, что обмен выражается в психологических актах оценки, которые дают разрешение проблемы обмена, не выдерживает никакой научной критики, представляя облеченную в этический наряд апологию капиталистической видимости.

Отрыв цены от стоимости, об'явление стоимости фантомом, означает выхолащивание всякого содержания из общественной формы труда, жонглирование психологическими иллюзиями, которые выступают на место такого содержания.

Чувствуя, что упразднение категорий стоимости вырождается в психологический иллюзионизм, Струве пытается спасти положение путем введения суррогатов стоимости. Роль такого суррогата должна выполнить так называемая нормативная ценность. Выдвигая эту нормативную ценность, Струве преследует две задачи: избежать психологического иллюзионизма и устранить идею закономерности. Нормативная ценность означает эмпирическое, психологическое понятие ценности, которое не выходит за пределы единичных оценок, ибо не определяет цены, а является продуктом цен, которыми она определяется. Подобный суррогат действительно устраняет закономерность, но совершенно не устраняет психологического иллюзионизма и суб'ективизма, которые резче выделяются.

Суррогат, выдвигаемый Струве, представляет одну из модификаций суб'ективной теории ценности, почему всякие разговоры Струве относительно его «оригинальной» теории остаются совершенно необоснованными. Струве полагает, что, придав моральную окраску своей идее цены-ценности, он может спасти этот суррогат от научного бесплодия и придать ему видимость оригинальности. Мысль Струве сводится к положению, что ценность, не имеющая об'ективного содержания, коренится в психических актах оценки, следовательно, сводится к некоторой духовной субстанции. Нужно сказать, что подобная идея представляет повторение идей суб'ективной школы в политической экономии, где она только проводится более последовательно и четко. Менгер, один из представителей суб'ективной школы, прямо сводит ценности к суждению: «Итак, — говорит Менгер, — ценность не есть нечто присущее благам, не свойство их, но также и не самостоятельная и сама по себе существующая вещь. Ценность — это суждение, которое хозяйствующие люди имеют о значении находящихся в их распоряжении благ, для поддержания жизни и благосостояния, а потому вне мира сознания не существует»[1]). Эмпирический тезис Струве мало отличается от приведенного положения Менгера, которое только высказано гораздо более четко и ясно. Не выдерживает поэтому никакой критики чванливое заявление Струве относительно собственных путей, критических и эмпирических в одно и то же время, отличных от пути суб'ективной теории.

Что же Струве говорит относительно так называемой нормативной ценности? Каковы ее особенности, которые делают ее оригинальной? «Можно, правда, сказать, что ценность, как норма, указует на ценность, как закон, т.-е. на ту ценность в «об'ективном» смысле, тайну которой всегда искала политическая экономия. Но ценность есть норма цены вовсе не в том смысле, что она есть «закон» цены». Мы уже указывали на то, что рядом с такой ценностью, которая, как норма, предшествует реальным ценам и их при случае можно так или иначе определять, рядом с этакой нормативной ценностью может быть также ценность, которая, как норма, вырастает из

[1]) Менгер, Основание политической экономии, стр. 85.

реальных цен, за ними следует или ими определяется. т.-е. может быть ценность типическая. Поскольку ценность понималась, как закон цены (в научном смысле закона), поскольку ей по отношению к цене приписывали известный примат. Но если понять ценность, как норму, такой примат над ценой ей вовсе не может быть приписываем. Эмпирическое, психологическое и эмпирически-социологическое понимание ценности, как нормы цены, ставит ее так сказать в один ряд с ценой, и историческое соотношение между нормой и фактом представляется при таком понимании чистейшей question facti, требующей для своего решения в каждом случае специального исследования [1]).

Эмпирическое понимание ценности не признает никакой сущности цены, допуская только психологические нормы, ценности, которые ничего об'ективного не выражают. Выдвигая вместо закона цен норму, Струве заявляет, что ценность в таком понимании не представляет примата цены, но всецело сводится к последней, называя такое сведение эмпирико-психологическим пониманием ценности.

Экономические категории марксовой экономики не просто об'ективны, но диалектичны, т.-е. выражают данный об'ект в его историческом своеобразии и специфической сущности. Характерным для категории цены является ее адэкватность капиталистическому способу производства, который своеобразно преломляется в этой категории, выражающей проявление закона посредством его нарушения. «При одинаковых условиях производства или при постоянной производительной силе труда для производства квартера пшеницы требуется то же самое количество общественного рабочего времени, как и прежде. Это обстоятельство не зависит ни от воли производителя пшеницы, ни от других владельцев товаров. Величина стоимости товара выражает, следовательно, необходимое присущее в процессе его образования отношение к общественному рабочему времени. С превращением величины ценности в цену, это необходимое отношение является в виду менового отношения товара к другому товару. Но эта форма может выражать как величину стоимости товара, так и *случайное отношение*, в каком он определяется в данных обстоятельствах. Возможность количественного несовпадения цены с величиной стоимости или уклонение цены от величины стоимости существует в самой форме цены, это вовсе не составляет недостатка этой формы, но, наоборот, делает ее формой, вполне соответствующей тому способу производства, в котором правило может обнаруживаться только как слепо действующий закон, при совершенном отсутствии правильности [2]). Цена представляет специфический феномен капитализма, выражение присущих ему противоречий, которые нашли гениальное раскрытие в марксовом экономическом учении.

Марксова экономика представляет применение материалистической диалектики к производственным отношениям капитализма, что составляет ее подлинную оригинальность. Против логики противоречий и обрушивается Струве, всячески уверяя, что противоречие невозможно в действительности. Струве категорически отрицает возможность реального противоречия, старается *уверить*, что всякое противоречие и всякое отрицание имеет только суб'ективный характер, является продуктом волевого творчества.

Струве выступает против *диалектического* понимания противоречий в целях обоснования *фиктивности* социализма, связывая свое отношение к диалектике с прямой установкой апологетики. «Противоположение прежде всего есть логический акт, а не реальное отношение. Логическое отрицание, лежащее в основе всякой противоположности может-

[1]) Там же, стр. 99.
[2]) К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 50.

воплощаться в жизнь, становиться явлением действительности лишь постольку, поскольку его вводит в жизнь воля людей, поскольку оно выступает как из'явление или провозглашение воли, каковое всегда есть в то же время и чисто-мысленная, логическая операция... Только воля, сосредоточиваясь на одном каком-нибудь моменте, делает его существенным признаком всего явления, его выразителем, и тем самым отношение между наличностью и отсутствием этого признака возводится в ранг «противоположности» между двумя типами явления [1]). Волюнтаристическая метафизика в данных суждениях утверждает невозможность реального противоречия, создаваемого только волей путем выделения одного признака и противопоставления его другому, в виде противоположности. «Последовательный эмпиризм» утверждает одну непосредственную сторону действительности, превращает ее в лишенную противоречий видимость, охраняя от разрушительных действий сущности, обрекающей видимость исчезновению. «Таков вообще процесс действительности. Она есть вообще не только непосредственно сущее, но, как существенное бытие, она есть снятие своей собственной непосредственности, благодаря этому она опосредствует себя самой собой» [2]).

Отрицая реальное противоречие, Струве логическому отрицанию придает суб'ективный характер, лишая его всякого об'ективного смысла. Струве допускает логические отрицания только для воли, поскольку они появляются в юридических актах. «Но бесконечно-многообразная и в целом ничьей воле не подчиняющаяся социальная жизнь никогда не развивается путем логических отрицаний» [3]). Струве не беспокоится насчет обоснования своих положений, которое заменяется пустым уверением. Струве пытается оправдать эти уверения ссылкой на специальную философскую природу этих проблем, которые его не касаются. Однако философские логические проблемы не только индифферентны к решению конкретных научных проблем, но определяют в качестве определенной методологической установки теоретический путь этих наук. Обнаруживая изрядную долю теоретической беспомощности, Струве ухитряется связать логику противоречий с леностью логической мысли. Логику противоречий Струве связывает с неосмотрительным теоретизированием, считает ее продуктом теоретической неосмотрительности, которую призван преодолеть последовательный эмпиризм. «Неосмотрительное теоретизирование, — говорит Струве, — которое ищет всегда наиболее заостренных результатов, и, с другой стороны, известная леность логической мысли имеет тенденцию возводить различия реального мира в логические противоположности. Между тем в реальной действительности, конечно, гораздо больше различий, чем противоположностей» [4]). Струве допускает в реальном мире только различия, но ужасается противоречий, которые он отвергает, как продукт неосмотрительного мышления и лености мысли.

Логику внешней видимости, ограниченную непосредственным бытием, Струве выдвигает против логики сущности, которая в экономическом учении Маркса преломляется в мышлении з а к о н о в производства и обмена. Отмечая такое направление марксовой теории, Струве связывает его с материализмом, свидетельствует, что психологическая и идеалистическая эклектика в любой области явлений ограничена только видимостью. «Говоря о теории трудовой ценности, как наиболее характерном и наиболее последовательном образце теории об'ективной ценности, как явления, лежащего в основе цены, мы тоже отметили, что возникновение этого построения восходит и к чисто-

[1]) С т р у в е, Хозяйство и цена, стр. 118.
[2]) Г е г е л ь, Энциклопедия, стр. 246.
[3]) Хозяйство и цена, стр. 118—119.
[4]) Там же, стр. 119.

теоретическому мотиву. Подставляя на место феномена цены или цен (величин или знаний, многообразно и тем самым многозначно определяемых) — некоторую ее подлинную основу, однозначно определяемую ценность, — думает создать постоянную теорию, дойдя до устойчивой экономической сути или сущности явлений. Тут познавательный мотив, упирающийся о действительность, приводил и приводит к материально-метафизическому построению» [1]).

Совершенно бесспорно, что теоретическое познание, которое ставит себе целью проникновение в сущность явлений, имеет дело не с психологическими переживаниями, а опирается на законы материальной действительности. Мышление Маркса, изучающее противоречия в самой сущности вещи, является вследствие этого материалистическим, ибо подлинной основой диалектики учение о законах мышлений является материализм.

Но познавательный мотив марксова мышления восходит к диалектическому материализму, который далеко не совпадает с метафизическим или механистическим материализмом. Представление Струве о материализме Маркса крайне примитивно и вполне гармонирует с его эмпиризмом, который в понимании этого материализма оказывается также поверхностным и вульгарным.

Эмпирическая метафизика видит истинное в непосредственном, пребывающем на поверхности, которая не нуждается в теоретическом мышлении, ибо вполне укладываются в представлении и восприятии, как низших формах мышления. Эмпиризм потому является врагом теоретического мышления, мышления законов действительности. Скольжение по поверхности, воспроизводство видимости явления является определенной формой притупления существенных противоречий действительности, почему логические основы эмпиризма являются также основами апологетики, превращающей единство противоречий в безразличное и гармоническое тождество.

Противоречие, согласно материалистической диалектики, разрешается в процессе прохождения и превращения, который выражается во взаимных переходах одного явления в свою противоположность. Движение противоречия является движением в сторону его разрешения. Логика же Струве, направленная на увековечение капитализма, отрицает реальность диалектических противоречий, допускает противоречия, которые увековечивают капитализм, противоречие без движения. Неразрешимое противоречие кладется Струве в основу исторического процесса, как вечного дуализма естественного и стихийного, который по существу является апологетическим увековечиванием капиталистических антагонизмов, возведенных в естественный закон». Исходя из такой «логики». Струве подвергает «критике» марксову экономическую концепцию, которая рассматривает антагонизм капиталистического общества исторически, как противоречия в процессе движения, разрешение которых совпадает с разрушением и крахом капиталистической системы.

«Логика» Струве в свое время встретила оценку со стороны Н. Бухарина. Нельзя, однако, сказать, что указанная оценка вскрыла основу этой логики. Бухарин указывает в своем возражении, что в учении Маркса применена «общественная точка зрения». Повидимому, Бухарин видит в этой точке зрения методологическую суть марксова учения, что неверно. «Вот именно: если не обработать заранее Маркса под Фому, тогда можно увидеть в теории гениального экономиста не схоластическую болтовню, а «правомерное применение» общественной точки зрения, т.-е. познание причинных связей между различными общественными процессами. Видеть же за образными (?) выражениями Маркса метафизические сущности, значит

[1]) Там же, стр. 418.

абсолютно не понимать духа марксизма, за словом не понятия» [1]). Что Струве абсолютно не понимает духа марксизма, не подлежит сомнению. Но совпадает ли «общественная точка зрения» с материалистической диалектикой? Конечно, нет. Бухарин в известной мере соглашается с точкой зрения Струве, который также видит в учении Маркса сплетение общественной и механически-физиологической точек зрения. Попытку же Бухарина оправдать Маркса перед «критиком» ссылкой на образные выражения нужно признать неудачной. Маркс действительно исходит из сущности явления, которую вульгарные эмпирики считают метафизикой. Маркс, исследуя сущность явления, дает образец материалистического применения логики Гегеля, поднимающейся недосягаемо над всякого рода суб'ективистами и эмпириками. «Философы более мелкие спорят о том, — говорит Ленин, — сущность или непосредственно данное взять за основу (Кант, Юм, все махисты). Гегель вместо или ставит и, об'ясняя конкретное содержание этого и» [2]). Единство сущности, явления представляет не образ, а выражение диалектического мышления Маркса, совершенно недоступного софистам и апологетам, рьяным представителем которых является Струве.

Критикуя струвистскую интерпретацию марксова понимания взаимоотношения стоимости и цены, Бухарин опять-таки становится на механистическую точку зрения, почему смыкается с Струве. Струве называет закон стоимости фантомом, считает средневековой схоластикой положение Маркса, согласно которому эмпирические цены управляются законом стоимости. «Защищая» Маркса от такого обвинения со стороны Струве, Бухарин уверяет последнего, что стоимость для Маркса не есть закон цен. «Цены у Маркса никакого бытия от ценности не заимствуют и не могут заимствовать; самое выражение Струве в приложении к Марксу просто бесмысленно; у Маркса ценность есть абстракция, об'ясняющая цены. В исследовании он исходит от «рыночных цен» через «производственные цены» к «ценности»; в изложении он идет от ценности через «производственные цены» к «реальным ценам». Ясно, что цена может заимствовать свое бытие у ценности так же мало, как, скажем, совершенно конкретный г. Струве во всей его индивидуальности может заимствовать свое струвистское бытие от «человека вообще» [3]). Выходит следовательно, согласно Бухарину, что стоимость у Маркса есть только логическая абстракция, а не реально-историческая сущность ценообразования, не закон цен. Бухарин таким превращением стоимости в полую логическую абстракцию, лишенную всякого конкретного исторического содержания, наглядно демонстрирует метафизический отрыв логического от исторического, которым насквозь проникнута вся струвистская теория. Стоимость не только об'ясняет цены, но представляет конкретно-исторический субстрат цен. Непонимание этого со стороны Струве Ленин называет издевательством над наукой. «Цена есть проявление закона стоимости. Стоимость есть закон цен, т.-е. обобщенное выражение явления цены. О независимости здесь говорить можно для издевательства над наукой, которая во всех областях знания показывает нам проявление основных законов в кажущемся хаосе явлений... В области естественных наук человека, который сказал бы, что законы явлений естественного мира—фантом, посадили бы в дом сумасшедших или просто осмеяли. В области наук экономических человека, щеголяющего так именно... в голом состоянии... охотно назначат профессором, ибо он действительно вполне пригоден для отупления буржуазных сынков» [4]). Ленин таким образом не только не отрицает, что цены у Марк-

[1]) Бухарин, Атака, стр. 81.
[2]) Ленинский сборник IX.
[3]) Бухарин, Атака, стр. 79.
[4]) Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 273.

са получают свое бытие от стоимости, представляют проявление закона стоимости, но выходит отрицание такой взаимозависимости издевательством над наукой, возможным только при замене науки поповщиной и мракобесием. Бухаринская «защита» Маркса есть защита посредством такого орудия, которое в лице механического мышления само является лучшим орудием апологетики и формализма. Совершенно естественно, что подобная защита представляет по существу извращение подлинных позиций Маркса и идейную капитуляцию перед Струве, позиция которого также механистична и метафизична.

II.

Вульгарный эмпиризм есть философия данности, ограничивающая пределы познания единичным восприятием и единичным фактом, оторванными от своих общих закономерностей. «Согласно воззрения эмпириков, — говорит Гегель, — восприятие есть форма, которою мы должны постигать предметы внешнего мира, и в этом состоит недостаток эмпиризма. Восприятие, как таковое, всегда есть нечто единичное и преходящее; познание, однако, не останавливается на восприятии единичности, оно отыскивает всеобщее и пребывающее, и это составляет переход простого восприятия к опыту» [1]. Пользуясь формой анализа, эмпиризм раз'единяет действительность, оставаясь на ступени такого разделения, которое переходит в неразрешимое противоречие. Но экономическая апологетика видит в этой ступени конечный предел познания, которому предписывается умерщвление действительности путем консервирования движущих ее противоречий. «Мертвое не движется, так как оно не устанавливает различий сущности, существенного противоположения или неравенства, поэтому оно не достигает перехода в противоположное, не приходит к имманентному качественному движению, к самодвижению» [2]. Отсутствие такой мертвенности, не совместимой с диалектической логикой, Струве вменяет в вину Марксу, который рассматривает противоречия капитализма не мертво и статически, а как изменчивые и переходящие. Противоречие, выражающееся в товарном фетишизме, как овеществлении лиц и олицетворении вещей, нашло в экономическом учении Маркса свою гениальную разгадку, которая явилась разгадкой ее исторического характера. Струве же, исходя из вечного «дуализма» общественного процесса, считает марксово понимание товарного фетишизма произвольным. Основной недостаток этого учения он видит в его историчности, считая этот недостаток результатом социализма Маркса. Струве критикует Маркса с точки зрения вульгарной экономии, которая «переводит на свой язык представления, мотивы и т. д., скованных капиталистическим производством носителей его, в которых оно отражается лишь в поверхностном виде» [3]. Марксово понимание товарного фетишизма получило свою четкую формулировку в следующих классических положениях: «Свойство продуктов труда — таких полезных вещей, как сюртук, холст, пшеница, железо и проч. — представлять собою стоимости, определенные величины стоимости и вообще товары, есть, конечно, такое свойство, которое они получают в наших сношениях, а не от природы, подобно, например, свойству быть тяжелым, удерживать теплоту или питать. Но в сфере наших сношений эти вещи относятся друг к другу, как товары. Они суть стоимости, они измеримы, как величины стоимостей, и их общее свойство быть стоимостью ставит их в отношение друг к другу, как стоимости. Равенство, например, 20 аршин холста = 1 сюртуку или 20 аршин холста стоят 1 сюр-

[1] Гегель, Энциклопедия, т. I, стр. 80.
[2] Гегель, Феноменология духа, стр. 26.
[3] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 354.

тук, выражает только следующее: 1) разнородные виды труда, необходимые на производство этих вещей, считается равным, как один и тот же человеческий труд; 2) израсходованное на производство их количество труда измеряется на основании определенных социальных законов и 3) портной и ткач вступают в определенное общественное отношение производства. Это есть определенное социальное отношение производителей, в котором они приравнивают свои различные полезные виды труда друг к другу, как один и тот же человеческий труд. Измерение величин их труда продолжительностью времени израсходования человеческой рабочей силы составляет такое же определенное социальное отношение производителей. Но в сфере наших сношений, им представляются эти социальные качества их собственного труда, как социально-естественные свойства, как предметные определения самих продуктов труда; равенство различных видов человеческого труда им кажутся свойством продуктов труда, как стоимостей; мера труда посредством общественно-необходимого рабочего времени им представляется, как величина стоимости продуктов труда; и, наконец, социальное отношение производителей посредством их работ они принимают за отношение стоимостей или за общественное отношение вещей, т.-е. продуктов труда. Именно поэтому продукты труда кажутся им товарами, чувственно-сверхчувственными или социальными вещами» [1]).

Приведенная характеристика товарного фетишизма представляет характеристику определенной общественной формы труда, определенного общественного противоречия, раскрытого Марксом в его существенной основе, что вызывает критические нападки Струве, предпочитающего увековечение этой фразы, удержанной во внешней видимости. Нельзя согласиться с И. Рубиным, который видит в лице Струве противника теории стоимости и одновременно высокого ценителя теории фетишизма Маркса [2]). Точка зрения Рубина есть точка зрения апологета. Струве не только не дает правильной оценки товарного фетишизма, не только не выказывает никаких признаков ее положительного понимания, но грубейшим образом ее извращает, считая присущую ей историчность извращением и схоластикой. Струве считает, что Маркс совершенно произвольно рассматривал товарный фетишизм исторически, так как иррациональный характер, который он постиг в товарном фетишизме, является вечной необходимостью. «Своеобразна, как всегда, позиция Маркса в этом вопросе. В фетишизме товарного производства он гениально уловил имманентно-социальное начало экономического процесса, подвластность людей не природе, а «человеческому, слишком человеческому», их собственным творениям. Но для Маркса, как социалиста, указанный фетишизм, историческая категория, которая будет преодолена социализмом. Ему не приходило в голову, что социально-экономический процесс заключает в себе необходимость власти человеческих вещей над людьми, власти, которая не может быть устранена никаким рациональным построением экономических отношений. Эта мысль не приходила в голову социалисту Марксу, ибо она оказывает разлагающее действие на социализм, как догматическое воззрение» [3]). Марксу не приходило в голову, что товарный фетишизм и иррациональная закономерность не преодолимы никакой человеческой организацией, ибо представляет вечную основу всякого общества, не приходило в голову увековечить капитализм.

---

[1]) К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 1-е, стр. 669.
[2]) И. Рубин, Очерки по теории стоимости, изд. 3-е, стр. 13.
[3]) Струве, Современный кризис, «Логос», 1911 г., кн. I.

Маркс вскрыл товарный фетишизм как историческую категорию, показал отчуждение человека как выражение определенного способа производства. Раскрытием товарного фетишизма как следствием применения материалистической диалектики Маркс положил начало подлинной экономической науке, указав выход из этого отчуждения. Но буржуазный апологет, знающий, что социальный фетишизм, выражающий власть вещей над людьми, неотделим от капиталистического способа производства, провозглашает этот фетишизм вечным законом развития. Струве, отрицающий закономерность, внезапно допускает исключение для «закона», который увековечивает эксплоатацию человека, господство буржуазии над пролетариатом, власть мертвого труда над живым. Конечно, возведение в закон такой власти вещей над людьми Марксу не приходило в голову, так как он раскрыл законы неизбежного крушения такой власти, неизбежного крушения царства отчуждения и фетишизма.

Марксу поэтому не приходило в голову считать экономические категории капитализма вечной необходимостью. Последнее обстоятельство вызывает поучительные замечания со стороны Струве, стремящегося доказать, что власть вещей над людьми есть вечная категория. Струве полагает, что непонимание Марксом этого положения послужило причиной его социалистических «утопий», предполагающих полную рационализацию общественного процесса производства.

Классическая экономия в ограниченных пределах механического мышления смогла усмотреть за вещественным фетишизмом общественные отношения труда, которые она считала вечными и естественными. Маркс на пути материалистической диалектики полностью преодолел ограниченный взгляд классической экономии, раскрыл исторический характер общественных отношений труда, принимающих вещественное выражение, обнажил переходящий характер товарного фетишизма.

Анализируя историю политической экономии, Маркс видит критерий ее внутреннего прогресса в степени приближения к пониманию историчности этого фетишизма. Разбирая Джонса, Маркс указывает на переплетение в его экономическом мышлении различных мотивов, среди которых характерно проскальзывает правильное нащупывание подлинной сущности капитализма и присущих ему производственных отношений. Он говорит: «Капитал или накопленный запас потом лишь берет на себя функцию авансирования рабочему его заработной платы, после того как он при производстве богатства уже выполнил различные другие функции». Это предложение служит великолепным выражением его противоречия: с одной стороны здесь имеется историческое понимание капитала; с другой стороны оно затемнено экономической ограниченностью, что «запас», как таковой, есть будто бы «капитал». Поэтому «накопленный запас» становится личностью, которая берет на себя функцию авансирования людям заработной платы. Необходимо еще освободиться от экономической ограниченности, которая имеется еще у Джонса, раз капиталистический способ производства рассматривается как определенный исторический способ производства и, не представляет уже вечных, естественных производственных отношений» [1]).

Развитие домарксовой теоретической экономии уже приводит к признанию историчности капиталистического способа производства. Но признание историчности капиталистического способа производства открывает новую перспективу, кладет конец обычному мнению, согласно которому законы капиталистического способа производства являются вечными и естественными. Но апологету такая перспектива вовсе не улыбается, поощряет всячески реставрировать вульгарную экономию, истины которой он ухитряется преподносить в качестве самоновейших истин, способных пролить

[1]) Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 334.

свет на глубочайшие тайны политической экономии. Подобную «истину» Струве преподносит в лице «естественного закона» социального дуализма. Развенчав закон стоимости, как фантом, оставив только цену, как понятие реального менового отношения между обмениваемыми благами, Струве переходит к реабилитации «покинутого» «естественного» закона и присущей ему истинности. Откуда вдруг такая реабилитация закона, который должен гармонировать с последовательным эмпиризмом? Откуда вдруг такое признание закона? Дело в том, что «естественный закон» Струве чрезвычайно мало похож на закон, представляет выдумку апологета, склонного возводить свои чаяния в естественные законы. «С развитой нами точки зрения идея «естественного закона» получает новый и особый смысл. Конечно, для научного исследователя все «естественно», и потому мысль о существовании «естественного» рядом с искусственным недопустима. Но наши соображения подвели нас вплотную к другому пониманию «естественного» закона. В краткой форме оно гласит: в едином общественном экономическом процессе есть два ряда явлений в каждый данный момент, или, вернее, в каждом изучаемом данном отрезке времени, существенно отличающиеся один от другого. Один ряд, могущий быть рационализованным, т.-е. направленным согласно воле того или иного суб'екта, и другой ряд, не могущий быть рационализованным, протекающий стихийно вне соответствия с волей какого-либо суб'екта» [1].

Таким образом, обновленный «естественный закон» сводится у Струве к утверждению вечной необходимости двух взаимно безразличных и противоположных начал в общественно экономическом процессе, который исключает возможность осуществления социализма, превращает такую возможность в фантазию.

Закон, подобным образом понятый, оказывается приемлемым, ибо сконструирован согласно экономической апологетике. Действительно, забыв свои обличение Маркса в стремлении найти законы явлений, Струве выступает с открытием основного закона общественного развития. Плохо однако, что закон этот ничего общего не имеет с действительными законами, представляет апологетическую карикатуру на естественный закон, представляет плод эмпирической метафизики, вульгарной разновидности последней. «Эмпиризм имеет с одной стороны, — говорит Гегель, — общий источник с самой метафизикой, для которого подтверждением ее определений (как предпосылок определенного содержания) также служат представления, т.-е. содержание, имеющее своим источником опыт. С другой стороны, единичное восприятие отлично от опыта, и эмпиризм возводит содержание восприятия чувства и созерцания в формы всеобщих представлений, положений, законов и т. д. Это происходит, однако, и в том смысле, что этим всеобщее определение (например) не должно иметь несколько другого самостоятельного значения и никакой другой самостоятельной значимости, кроме того значения и той значимости, которая получается из восприятий, и никакая другая связь не должна находить определения, кроме той, которую можно доказать в явлении. Прочные опоры суб'ективной стороны эмпирическое сознание имеет в том, что сознание обладает в лице восприятия своей собственной непосредственной данностью и достоверностью» [2]. Гегелем охарактеризован традиционный эмпиризм, возводящий содержание восприятий в форму законов, которые в качестве суб'ективных закономерностей не являются вовсе закономерностями.

Критикуя традиционный эмпиризм за допущение законов, Струве сам допускает «закон», увековечивающий присущие капитализму противоречия, закон неразрешимости противоречия, вернее, непреодолимости капиталистической эксплоатации, обусловливающий утопичность социализма.

[1]) Струве, Хозяйство и цена, стр. 60—61.
[2]) Гегель, Энциклопедия, стр. 79.

Противоречие, как источник движения, не мыслимо для эклектика который предпочитает ему формальное тождество, умерщвляющее всякое содержание. Гегель говорил, что подобное мышление может в лучшем случае отходить только в отвлеченное отрицание, односторонне удерживать противоречивое одно вне другого в состоянии непримиримой разобщенности. Касаясь этих положений Гегеля, Ленин находит, что в последних охарактеризована «суть антидиалектики».

Суть антидиалектики выступает в струвистском понимании «естественного закона», который сводится к исторически-безразличному сосуществованию рационального и стихийного, протекающих параллельно и никогда не соприкасающихся в своем обособленном существовании, которое делает это противоречие вечным. Струве видит главный недостаток Маркса в историчности его мышления, исключающем вечный и вневременный законы. «Маркс подметил эту особенность общественно-экономических отношений между людьми и указал на них в своем учении о фетишизме товарного производства». Ошибка Маркса — и это имманентная ошибка социализма, передавшаяся отчасти и Миллю — заключалась в том, что он этой черте общественно-экономического процесса, присущей ему как таковому, т.-е. его основному дуализму, приписал чисто-исторический характер, признав указанную черту особенностью товарного производства. Но этот дуализм присущ всякому экономическому процессу, как бы ни было организовано общество в хозяйственном отношении, если только и в этом обществе существует в той или иной мере хозяйственное общение. Речь может итти только лишь о той пропорции, которой или той или иной хозяйственной организации в ней представлены элементы естественные и рациональные. И в развитом товарном производстве элемент естественный только гораздо явственнее обнаруживается, чем в других организациях» [1]).

Маркс раскрывал специфические закономерности капитализма, выражающие существенную основу движения данного бытия, показал впервые диалектический закон, абстрактность которого оказывается конкретнее фактов, которые он охватывает, ибо представляет существенную конкретность. Гегель уже боролся против формального закона, опустошающего конкретное содержание действительности. «Что касается содержания, — говорит Гегель, — то здесь нужны не такие законы, которые только спокойно придают просто сущему различию форму всеобщности, а такие, которые непосредственно имеют в этих различиях беспокойство понятия, а вместе с тем необходимость отношения сторон» [2]). Гегель в идеалистической форме указывает, что диалектически понятый закон выражает общее как сущность изменений, которые не исчезают в этой сущности, но выражают ее наполненность и разнообразие. «Общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, — говорит Энгельс, — чем каждый отдельный конкретный пример этого» [3]).

Совершенно не касаясь природы закона, Струве противопоставляет бессодержательную метафизическую абстракцию законам марксовой экономики, полагая подобными абстракциями доказать утопичность и неосуществимость социализма. Струве с беспечностью софиста ни одним звуком не пытается ближе рассмотреть природу закона, которая представляет предмет глубочайшего теоретического интереса. Гегелевское понимание закона представляет иллюстрацию к этому положению, так как представляет усилие раскрыть всю глубину и содержательность этого понятия. Гегель именно старается вскрыть противоречивость закона, обнаружить противоречивость самой сущности. «Существенный мир есть далее не только общее основание

---

[1]) Хозяйство и цена, стр. 66.

[2]) Гегель, Феноменология духа, стр 126.

[3]) Энгельс, Диалектика природы, стр. 199.

являющегося мира, но его существенное основание» [1]. Мир закономерностей есть существенная основа его собственной противоположности, являющегося мира, представляя отрицание последнего в качестве существенной полноты содержания. Но царство законов есть не только основа являющегося мира, но переход и становление, противоречивое движение сущности. Характеризуя таким образом царство законов, Гегель хочет подчеркнуть, что закономерность не противостоит миру явлений, в качестве его неподвижного основания, но представляет, так сказать, движущуюся существенность, имманентную миру явлений. «Или иначе, если рассматривать закон только для себя, то стороны его содержания взаимно безразличны; но равным образом они сняты через свое тождество, стало быть устойчивость каждой из них есть неустойчивость ее самой. Это положение одной из них в другой есть отрицательное единство, и каждая из них есть не только положение себя, но и также другой, или каждая сама есть это отрицательное единство. То положительное тождество, которое они имеют в законе, как таковом, есть лишь внутреннее единство, требующее доказательства и опосредования, так как это отрицательное единство еще не положено в них. Но поскольку различные стороны закона теперь определены, как различные в их отрицательном единстве, или как такие, из коих каждое содержит свое другое в себе самом, вместе с тем, как самостоятельное, отталкивает от себя это самое инобытие, то тождество закона есть теперь также положенное и реальное. Таким образом, закон тем самым приобрел также недостававший момент отрицательной формы своих сторон, момент, который ранее того принадлежал еще явлению» [2]. Приведенные рассуждения Гегеля представляют попытку преодолеть статичность закона, понять самый закон в движении. Ленин отмечает живую мысль, проникающую гегелевское положение о законе. «Понятие закона есть одна из ступеней познания человеком единства и связи, взаимозависимости и цельности мирового процесса. «Обламывание» и «вывертывание» слов и понятий, которому здесь предается Гегель, — есть борьба с абсолютизированием понятий закона, с упрощением его, с фетишизированием его» [3].

Определив сначала закон, как покоящийся образ являющегося мира, Гегель не успокаивается, ибо существенное, выражающее природу закона, не может противоречить беспокойному явлению, которое законом отражается. Углубляя интерпретацию закона, Гегель поэтому говорит, что «отрицательное единство» закона снимает взаимное безразличие противоположных сторон, ибо устойчивость каждой из них становится ее собственной неустойчивостью. Таким образом, охватывая диалектику явлений, закон становится целым, существенной полнотой явления, охватывающей существенные и несущественные стороны последнего. Охват законом явления выражается в охвате сущности его изменений, что Гегель называет существенной отрицательностью.

Гегелевское понимание закона представляет не досужие потуги, а глубокие теоретические усилия понять диалектику закона, которая метафизическому мышлению может казаться безумием.

«Естественный закон» Струве иллюстрирует пример непревзойденной вульгарности. Связь сознательности и стихийности принимает различный характер в зависимости от исторически-данной формы социального антагонизма.

Антагонизм стихийности и сознательности в пределах монополистического капитализма достигает максимальной остроты, так как усиление рационального начала обостряет в этих пределах момент анархии. Но пролетарская революция, обобществляя средства производства, делает истори-

[1] Гегель, Наука логики, ч. 2, стр. 98.
[2] Гегель, Наука логики, ч. 2, стр. 97.
[3] Ленинский сборник IX, стр. 145.

ческий шаг к преодолению этого противоречия в сторону вытеснения стихийного начала из области социального бытия. «Естественный закон» высится над всяким историческим бытием, в качестве неразрешимого противоречия, лишенного всякой двигательной силы, которая присуща противоречию.

Некоторые современные философы выдвигают особую логику неразрешимого противоречия, которую они именуют «трагической диалектикой» в противоположность оптимистической диалектике Гегеля. Струве в известной степени предвосхитил подобную «диалектику», вернее: софистику, которую он положил в основу своей концепции вечного дуализма.

Энгельс рассматривает противоречие стихийности и сознательности, как характерное противоречие капиталистической системы, когда организация становится орудием анархии. «С расширением же производства для сбыта и именно с выступлением на историческую арену капитализма, законы товарного производства, до тех пор как бы погруженные в дремоту, стали действовать с большей силой и ясностью. Старые связи были разрушены, старые рамки разбиты, и производители все более и более обращались в раз'единенных и независимых товаропроизводителей. Анархия общественного производства выступила наружу и принимала все большие и большие размеры. А между тем главнейшее орудие, с помощью которого капитализм усиливал анархию в общественном производстве, представляло собой прямую противоположность анархии: оно состояло в усилении общественной организации производства в каждом отдельном промышленном предприятии» [1]).

Присущее капитализму противоречие стихийности и организованности является выражением присущего ему коренного противоречия общественного характера производства и частного характера присвоения. Соответственно обострению последнего растет также первое противоречие, достигающее максимальной остроты в эпоху монополистического капитализма.

Монополистические об'единения капиталистов, представляя регулирующие центры производства, представляют одновременно очаги обостряющейся анархии, что было отмечено Энгельсом на заре империализма: Энгельс говорил о превращении в трестах конкуренции в монополию, а бесланового производства капиталистического общества в плановое производство вторгающегося социализма. «Но в новой своей форме эксплоатация настолько бросается в глаза, что она должна рухнуть. Ни один народ не согласился бы долго мириться с производством, регулируемым трестами, с неприкрытой эксплоатацией всего общества маленькой бандой купоновладельцев» [2]). Противоречие стихийности и сознательности принимает в указанную капиталистическую фазу угрожающий характер, обнажая в сильнейшей степени эксплоатацию маленькой горсточкой миллионных масс.

Струве ставит себе задачей затемнить этот характер, привить рабочему иллюзию вечной необходимости капиталистической эксплоатации, возлагая надежду на благотворное действие своей теоретической концепции на рабочие массы, в смысле привития такой иллюзии. Признание Струве весьма ценно и показывает практическую суть экономической апологетики. Струве прямо говорит, что практическая задача, которую преследует идея естественного закона, заключается в примирении рабочего с капиталистической эксплоатацией, что «то теоретическое настроение, которое соответствует пониманию основного имманентного дуализма, если оно сообщается широким кругам, способно вообще оказать полезное влияние на их практическую деятельность, ориентируя их актуальность в таком направлении, в каком возможны важные реальные успехи» [3]). Эклектическая софистика прямо проповедуется в интересах усыпления рабочих масс, прямо преподносится в качестве противоядия революционным тенденциям пролетариата.

[1]) Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 257.
[2]) Там же, стр. 262.
[3]) Струве, Современный кризис, «Логос», кн. I, 1911 г.

Струве допускает безраздельный рост рационализации только во взаимоотношении человека и природы, но совершенно исключает из производственных отношений, совершенно не понимая, что подлинное господство над природой станет возможным только тогда, когда человек будет господствовать над собственными отношениями, преодолеет стихийные закономерности в собственном бытии. Последнее же недопустимо для апологета капитализма, допускающего только господство капитала над трудом. «Отношения человека, или, общее и точнее, человеческих суб'ектов к природе, отличается от нашего «естественного» ряда тем, что они принципиально поддаются полной рационализации. Самую природу человек, конечно, не может рационализировать, но свои отношения к природе он может рационализировать до конца. Таким образом, отношения человека к природа в нашем смысле суть нечто, как это ни звучит странно, такое, в чем нет ни грана «естественного». Природа может противостоять человеку, как нечто «данное», от него не зависимое, но в принципе и фактически эта данность, т.-е. степень независимости природы от человека, поддается учету — ничего загадочного не представляет; поскольку же природа не только дана человеку, но и зависит от него, она для него вполне обозрима и не только не представляет ничего загадочного, но, наоборот, всецело подчиняется его контролю, есть покорное звено в его хозяйственном плане. Поэтому-то отношения человеческих суб'ектов к природе принципиально поддаются рационализации, ибо и «иррациональное» в них есть некоторое известное и постоянное «данное», которое может быть легко и просто вдвинуто в рациональный план» [1]).

Техническая рационализация в условиях капитализма не исключает господства капитала над трудом, но служит могущественным орудием его эксплоатации. Рациональное начало, как средство эксплоатации, выражается в растущей технической мощи капитала и вполне естественно, с точки зрения естественного закона, увековечивающего эту эксплоатацию.

Струве отличается абсолютной беззаботностью в отношении исторического развития, совершенно оставляет в стороне историческое проявление связи стихийного и рационального.

Монополистический капитализм уже знает значительный рост рационального момента в общественных отношениях, который на капиталистической основе продолжает служить источником обостряющейся иррациональности, ибо упирается в противоречие общественного производства и частного присвоения. Рациональный момент в пределах капитализма не только не устраняет стихийности, но развивает ее до высшей точки.

Струве, в целях увековечивания этого противоречия, исключает всякий исторический подход в понимании действительности, ибо такой подход подрывает почву всяких попыток увековечивания капитализма. Отношение человека к природе совершенно отрывается Струве от исторических данных отношений людей, растворяется в безразличном отношении к вещи. Оторвав отношения людей от отношения к природе, Струве допускает рационализирующее начало только между человеком и природой, что означает, что взаимные отношения людей, отношения эксплоатации и угнетения вечны в своей стихийной основе и не доступны никакому изменению. Струве категорически отвергает всякое историческое понимание действительности, так как признание буржуазного способа производства историческим несовместимо с его увековечиванием. «Однако,—говорит Маркс,—с того момента, когда буржуазный способ производства и соответствующие ему отношения производства и распределения признаются историческими, наступает конец ошибочному мнению, что они представляют будто бы естественные законы производства, и открывается перспектива нового общества, новой экономи-

[1]) Струве, Хозяйство и цена, ч. 1, стр. 64.

ческой общественной формации, для которой капиталистический способ производства служит лишь переходной формой»[1]). Марксова диалектика изучает переходы и связи в развитии действительности, изучает противоречие в его движении. Ленин поэтому замечает, характеризуя единство противоположности, что оно означает «переход каждого отдельного определения качества черты стороны свойства в каждую другую, в свою противоположность»[2]).

Единство стихийности и сознательности представляет исторически развивающееся и исторически разрешающееся противоречие. Монополистический капитализм по сравнению с классическим капитализмом представляет новую модификацию этого противоречия, получившего еще более эструю форму. «Закон» Струве, увековечивающий это противоречие, ставит себе целью обосновать неподвижность капиталистических противоречий, разрешение которых может быть только одновременным уничтожением капитализма.

Струве обвиняет Маркса в... «низвержении» разума и находит такое «низвержение» показателем... реакционности Маркса, теория которого оказывается переводом на язык «позитивизма, атеизма и радикализма» формул французской теократической школы. Маркс, возмущается Струве, дает отставку разуму. Струве связывает такую отставку с приматом бытия над сознанием, отстаиваемым теорией Маркса, связывает ее с материализмом Маркса. Струве грубо отождествляет механический и диалектический материализм, полагая, что последний изгоняет разум через растворение его в движении молекул. Однако диалектический материализм представляет в действительности единственную науку о законах мышления и не только не дает отставки разуму, но единственно исследует внутреннюю необходимость мышления, имманентную последовательность его категорий, с точки зрения соответствия последних развивающейся действительности. Важно не просто восхвалять разум, а показать развитие последнего в его исторической необходимости. Именно с такой точки зрения рассматривал Гегель «царство разума», философское изображение которого означает его изображение в его собственной имманентной последовательности. Согласно Струве разум несовместим с социализмом, который, мол, лишен разумных оснований. «Дав отставку разуму, Маркс остался революционером и социалистом и стремился исторически оправдать и обосновать социализм. Социализм для него такой же продукт сверх-разумных, сверх-индивидуальных сил истории, каким совсем другие общественные формы (монархия, церковь) были для реакционеров. Так же, как последние исторически хотели оправдать существующее, так Маркс хотел исторически оправдать новое и грядущее»[3]). Разум в представлении Струве есть метафизическая категория, лишенная всякого историзма. Превращение разума в историческую категорию кажется апологету уничтожением разума.

Гегель говорил, что уразумение историчности мышления составляет одну из главных сторон логики. «Уразумение того, — говорил Гегель, — что диалектика составляет природу самого мышления, что в качестве рассудка оно должно впадать в отрицание самого себя — в противоречие, уразумение этого составляет одну из главных сторон логики»[4]). Гегель также говорил, что все предстает пред судом диалектики, которая есть универсальная власть, разрушающая все устойчивое и прочное, заставляя его перейти в свою противоположность. Но апологет признает только один вид разума, увековечивающего капитализм и потому лишенного всякого движения. «Разумное в своем превращении в историческую категорию обесценению, как

[1]) К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 335.
[2]) Ленинский сборник IX.
[3]) Струве, Хозяйство и цена, ч. I, стр. 55.
[4]) Гегель, Логика, стр. 28.

таковое, как разумное. В этом основное противоречие социализма, опирающегося на социологическое воззрение Маркса» [1]).

Струве разделяет логическое от исторического пропастью, находит, что историческое понимание логического есть понимание разума, как неразумного, и равнозначно его полному аннулированию. «Разумное само стало исторической категорией, оно поставлено таким образом в одну линию, в один непрерывный ряд с неразумным. И тем сближено и сравнено с ним» [2]).

Разрыв между историческим и логическим является характерной чертой вульгарной метафизики, которая имеет в лице Струве своего законченного идеолога.

Струве совершенно не понимает, что рационализация общественного процесса неразрывно связана с процессом обобществления производства, опирается на это обобществление, которое уже в пределах капитализма является предпосылкой рационализации производства и преодоления стихийности. Струве же допускает рациональное в качестве над'исторической абстракции, витающей над стихийным развитием, никогда его не касаясь.

Беда естественного закона, как всякого метафизического закона состоит в его полной оторванности от исторического развития и свойственных ему закономерностей. Вместо таких закономерностей — фикция естественного закона, который никакого отношения не имеет к реальному содержанию действительности. Энгельс отмечает несовместимость организации внутри капиталистической фабрики с существующей рядом анархией производства, которая становится осязательной для самих капиталистов, благодаря совершающейся во время кризисов насильственной концентрации капиталов, путем разорения многих крупных и несравненно большего количества мелких капиталистов. Обобществление больших масс произведенных средств диктуется капиталистам крахами промышленности. Энгельс, предвосхищая монополистическую фазу капитализма, говорил, что развитие обобществления производства принимает уже большие размеры при капитализме, когда об'единяются все крупные производства в один трест с целью регулирования производства, когда определяют общую сумму производства, распределяют ее между собой и навязывают наперед установленную продажную цену. «А так как эти тресты при первой заминке в торговле распадаются, то они тем самым вызывают еще большую концентрацию производства. Соответствующая отрасль промышленности превращается в одно единственное колоссальное акционерное общество, внутренняя конкуренция уступает место внутренней монополии этого общества» [3]). Рациональное начало, приобретая значительную силу в монополистическую фазу капитализма, не устраняет анархии, но обостряет ее в максимальной степени, так как основа анархии производства — капитализм — продолжает существовать. Противоречие между стихийностью и сознательностью капитализм не может разрешить. «Превращение производительных сил в государственную собственность не разрешает противоречий капитализма, но оно заключает в себе формальное средство — возможность их разрешения. Это разрешение может состоять лишь в фактическом признании общественной природы современных производительных сил, следовательно, в приведении способов производства, присвоения и обмена в соответствии с общественным характером средств производства. А этого можно достигнуть только прямым и открытым переходом в общественную собственность производительных сил, переросших всякий другой способ применения их к делу. Общественный характер средств производства и его продуктов, проявляющийся теперь с разрушительной силой

[1]) Струве, Хозяйство и цена.
[2]) Хозяйство и цена, т. I, стр. 56.
[3]) Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 262.

слепого закона природы, обрушивающийся против самих производителей, периодически нарушающий ход производства и обмена, будет тогда сознательно проведен в жизнь производителями и превратится из причины неурядицы и сильнейших катастроф в сильнейший рычаг производства... Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их узнанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественным производством, организованным по плану, рассчитанному на удовлетворение потребностей как целого общества, так и каждого его члена. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт порабощает сперва производителя, а затем и самого присвоителя, уступит место новому способу присвоения, основанному на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямому общественному присвоению продуктов, в качестве средств для поддержания и расширения средств производства, а, с другой, прямому индивидуальному присвоению их, в качестве средств существования и наслаждения[1]).

Противоречие стихийности и сознательности подвержено переходам. Переход средств производства в общественную собственность переводит это противоречие на новую ступень, когда рационализация производства рассчитана на удовлетворение потребностей целого общества и каждого его члена. Усиление рационального начала в новых условиях имеет своей конечной целью превращение производительных сил в руках производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Говорить же о полной рационализации вне всяких переходов и ступеней составляет жалкую софистику, которая не может претендовать на гибкость, даже суб'ективного свойства.

Постановка Струве ярко выявляет методологические основы всякой апологетики, сводящейся к внешнему удержанию противоположных определений без взаимного соприкосновения, что увековечивает эти противоположности, лишающиеся всякой жизни, борьбы и движения.

Подобная «методология» представляет теоретический фундамент всякой апологетики в ее различных вариантах. Струве эту методологию обнаруживает довольно четко и последовательно, если такая последовательность имеет место в эклектических системах. Реакционная апологетика, направленная всеми помыслами на доказательство невозможности социализма, имеет в эклектической логике свою методологическую базу, которая является базой всякой софистики.

Софистика «естественного закона» обнаруживает свою интимную близость к надклассовому об'ективизму, который в свое время Струве выдвигал против материализма. Ленинская характеристика этого об'ективизма оказалась пророческой, так как она усмотрела в последнем пролог к буржуазной апологетике. Доказывание необходимости процесса без вскрытия присущих ему противоречий явилось преддверием к «системе воззрений», направленной уже на о б о с н о в а н и е в е ч н о й н е о б х о д и м о с т и н а е м н о г о р а б с т в а. Абстрактный об'ективизм Струве означал формально-логическое выхолащивание противоречий действительности, которое уже тогда встретило соответствующую оценку Ленина, который, подчеркивая п а р т и й н о с т ь философии, вскрывал апологетические тенденции, скрывавшиеся под маской беспартийного об'ективизма. «Об'ективист говорит о необходимости данного исторического процесса, материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Об'ективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Об'ек-

[1]) Там же, стр. 264—265.

тивист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях», материалист говорит о том классе, который заведует данным экономическим порядком, создавая какие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалисты, с одной стороны, последовательнее об'ективиста и глубже, полнее проводят свой об'ективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выявляет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость. В данном случае, например, материалист не удовлетворился бы констатированием непреодолимых исторических тенденций, а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данного порядка и исключающих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в себя так сказать партийность, обязывая при всякой оценке событий прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [1]).

Материалистическая диалектика, служившая Марксу логическим орудием исследования, включает одновременно партийность, так как выступает явно в качестве философии революционного рабочего класса и направлена на низвержение существующего капиталистического мира. Беспартийный об'ективизм, возвышающийся над классовыми противоречиями, представлял в мышлении Струве скрытое выражение такой системы воззрений, которая в качестве прямой апологетики направлена против революционного пролетариата в защиту капиталистической эксплоатации.

Вскрывая классовую основу струвистской концепции, Ленин квалифицирует ее как «союз науки, промышленности и власти».

Русская буржуазия, превратившись в контрреволюционную силу, призвала науку на служение ее классовым целям, что наука должна была осуществлять в первую голову на уничтожении марксова учения. Экономическая концепция Струве с оголтелым цинизмом выполняла это назначение, что и выдвинуло его в первые ряды идеологов реакционной буржуазии. Процесс такого единения науки и эксплоатации Ленин характеризует как процесс европеизации русской буржуазии, наука которой стала настолько независима от правительства, что ее воззрения совершенно об'ективно стали совпадать с интересами вождей торговли и промышленности. В наше время, когда все так далеко шагнуло вперед, заслужить репутацию солидного ученого и получить официально признание своих трудов, — это значит показать невозможность социализма посредством парочки «по-кантиански» выведенных определений, это значит уничтожить марксизм, раз'яснив читателям и слушателям, что его не стоит даже опровергать, и сославшись на тысячи имен и названий книг европейских профессоров; это значит выкинуть за борт всякие научные законы о чистке места законам религиозным; это значит нагромоздить горы высоко ученого хлама и сора для забивания голов учащейся молодежи» [2]). Классовая характеристика, данная Лениным «науке» Струве, приобретает особую актуальность в нашу эпоху, когда с подобным цинизмом социал-демократическая теория, выполняя задания буржуазии, всячески изощряется на уничтожении революционных основ марксова учения и реставрации кантианства, дюрингианства и всяких других «корифеев» буржуазной науки, авторитет которых призывается для уничтожения законов науки и обоснования законов религии. «Уничтожение» научных законов, особенно вскрытых Марксом его экономическим анализом капитализма, настоятельно необходимо буржуазии, ибо, уничтожая эти законы, она уничтожает непреклонного вестника ее собственной гибели. «Экономическая дей-

[1]) Ленин, Экономическое содержание народничества, стр. 65.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 278—279.

ствительность с бьющей в глаза наглядностью показывает нам классовое деление общества, как основу хозяйственного строения и капитализма и феодализма. Внимание науки с самого появления на свет политической экономии устремлено на об'яснение этого классового деления. Вся классическая и политическая экономия сделала ряд шагов по этому пути. Маркс сделал еще шаг дальше. И современная буржуазия так испугана этим шагом, так обеспокоена законами современной хозяйственной эволюции, такими очевидными, слишком внушительными, что буржуи и их идеологи готовы выкинуть всех классиков и всякие законы, лишь бы сдать в архив юриспруденции... всякие там... социальные неравенства» [1]).

---

[1]) Там же, стр. 272.

Национальные хозяйства как узлы мировых хозяйственных связей[1]).

Н. Петров.

«Капитал» — только и посвященный изучению именно капиталистического общества — дает материалистический анализ этого общества и его надстроек».

Ленин.

Проблема „нации“ и политическая экономия.

Можно ли политической экономии пренебрегать понятием «нация»?— Едва ли кто скажет «да». Самый вопрос вызовет у большинства читателей недоумение: да как можно в таких бесспорных вещах сомневаться и спрашивать!

Однако перед нами печальный факт: ни одному понятию в политической экономии не выпадала такая незавидная участь, как понятию «нация». Это понятие постоянно нами употребляется под самыми различными наименованиями: «нация», «национальное хозяйство», «народ», «народное хозяйство», «торгующая нация», «страна», «государственно-территориальное об'единение» и т. д. Оно важно, обойтись в политической экономии без него мы не можем... и тем не менее мы его либо «бойкотируем», либо употребляем совершенно некритически, совершая из-за этого тысячи ошибок.

С легким сердцем мы употребляем выражения: «внешняя торговля», «международная торговля», «экспорт капитала» и т. п. Много ли смысла вкладываем мы в эти слова? Употребляем ли мы эти выражения достаточно научно?

Отдаем ли мы, например, себе отчет в том, для кого торговля и в каких, именно, случаях является «внешней»?—Подумав немного, мы должны будем согласиться, что какой-нибудь «само собой разумеющийся» ответ,—например, что о «внешней торговле» мы говорим применительно к известным территориальным об'единениям,—нас удовлетворить не может. В экономической литературе и повседневной печати иногда говорят не только о внешней торговле Франции, Соединенных Штатов, но и о «внешней торговле» Московской области или Баварии, с одной стороны, о «внешней торговле» Британской империи как целого, — с другой. По Фалькнеру, можно говорить о внешней торговле любого экономического района, совершенно безотносительно государственных границ, о частях государства с таким же правом, как и о целых государствах [2]). Английское эконо-

---

[1]) Помещая статью т. Петрова в порядке обсуждения, редакция просит товарищей, работающих в этой области, высказаться на страницах журнала по затронутым вопросам, особенно в связи с тем, что вопросы теории мирового хозяйства в нашей печати недостаточно освещаются. **Ред.**

[2]) «Вопросы Торговли» 1928 г., январь, № 4, стр. 31.

мисты в последнее время усиленно занимаются проблемой «внешней торговли Британской империи» [1]).

Существуют и другие споры при определении понятия «внешняя торговля». Роза Люксембург и некоторые из ее последователей определяют внешнюю торговлю как взаимоотношение всего капиталистического сектора с докапиталистическим. Последний всегда является «внешним рынком», даже и в таких случаях, когда, например, германский промышленник продает товары германскому крестьянину. Но торговля, по ее мнению, является внутренней, если обмен происходит между капиталистами Германии и Англии.

Значит, нужно согласиться, что уместна постановка вопроса, на первый взгляд как будто бы чрезвычайно ясного и простого: для кого внешняя торговля является «внешней», кто и на каких основаниях принимается нами в качестве «суб'екта» внешней торговли? Что такое «народы», «нации», которые «ведут» между собою «международную торговлю», «экспортируют» капиталы, имеют «вексельный курс» и т. д.?

Марксистская политическая экономия нуждается в четком и ясном разрешении вопроса о «торгующей нации» не только для преодоления затруднений типа тех, которые мы только что упомянули. Понятие «нации» давно уже сделалось краеугольным камнем ряда буржуазных теоретических построений. Пользуясь тем, что в вопросе о «нации» все «само собою разумеется», не встречая отпора со стороны диалектиков, буржуазные политико-экономы успели не только создать, но и широко распространить свои более или менее развернутые теории внешней и международной торговли. Нужно ли говорить, что в этих теориях нет и грана понимания сущности производственных отношений капиталистического общества!

Экономисты-марксисты, за небольшими исключениями, тщательно избегают в своих «курсах» и других трудах постановки проблемы о «нации», о национальном хозяйстве, а сразу начинают с экспорта капитала, вексельного курса и т. д. Им и в голову не приходит, что ведь не всякое передвижение капитала в пространстве означает экспорт капитала, а лишь такое, при котором капитал покидает одну страну («нацию») и перемещается в другую.

Марксистская критика буржуазных теорий международной торговли до сих пор не развернута в сколько-нибудь удовлетворительной степени, и легко показать — почему. Она не коснулась основного элемента всей теории, понятия «торгующей нации». Хуже того, марксисты сами порою орудуют этим понятием, бессознательно употребляя его в рикардианском стиле. Таким образом происходит идеологическое подчинение Рикардо как раз в том пункте, где основоположник трудовой стоимости недвусмысленно отрекается от последней.

Не только соображения о необходимости разоблачить основы буржуазной теории внешней торговли должны руководить нами. В век чрезвычайно интенсивных международных экономических связей экономисту нельзя не иметь собственного взгляда по вопросам мирового хозяйства, нельзя не иметь самостоятельной концепции, теории внешней и международной торговли и мирового хозяйства. Мы знаем лишь пару попыток со стороны марксистов вторгнуться сколько-нибудь далеко в эту область, попыток, кончившихся полной неудачей. Одна из них сделана т. Бухариным. В дальнейшем мы надеемся показать, что существенная ошибка последнего кроется как раз в неправильном понимании национальных хозяйств. Трактовка последних как «узлов» мирового хозяйства у т. Бухарина получилась совершенно механистичной.

---

[1]) «Вопросы Торговли» в книжке за март—апрель 1930 г. дают обстоятельный обзор 13-го выпуска трудов Имперского экономического комитета, вышедшего в текущем году и содержащего исчисления «внутренней» и «внешней» торговли Британской империи. См. стр. 148—153.

Проблема, которая нас здесь интересует, распадается на две части. Первая сводится к вопросу о признаках нации как «торгующей нации» и о возникновении ее. Вторая—к вопросу о том, как далеко простирается опосредывающее действие «нации», в какой мере наличие ее видоизменяет («модифицирует») известные нам общие законы рынка, законы капиталистических производственных отношений.

Однако деление стоящей перед нами проблемы на «первую» и «вторую» часть в значительной мере условно. Точнее было бы сказать, что перед нами— две стороны одной и той же задачи. Меньше всего смысла в такой работе над понятием, которая не идет на базе одновременного или предварительного выяснения сущности процесса, а значит и сущности капиталистических производственных отношений. Поэтому обе части проблемы должны разрешаться одновременно.

Буржуазная теория мирового хозяйства, внешней и международной торговли опирается на тот становой хребет, который она находит в трудах Давида Рикардо. Со времен Маркса известно, насколько непоследователен Рикардо в отношении им же самим сформулированного закона трудовой стоимости, даже там, где он этому закону хочет следовать. Однако этот серьезный порок ученого, непоследовательность, бледнеет перед другим пороком,—изменой собственным принципам,—который мы находим у Рикардо, когда последний касается вопросов внешней торговли.

По мнению Рикардо, «закон, регулирующий относительную стоимость товаров в одной стране (т.-е. развитый ранее закон стоимости. *Н. П.*), не регулирует относительную стоимость товаров, обмениваемых между двумя или большим числом стран» [1]).

За этим заявлением у Рикардо следует попытка построить на совершенно новых принципах особую теорию внешней и международной торговли. Возникло явное, не скрываемое самим Рикардо, противоречие между двумя частями одной и той же работы. Обмен внутри страны должен совершаться в основном по закону стоимости. Тот же обмен, когда он пересекает государственную границу—по каким-то иным принципам, ничего общего с трудовой стоимостью не имеющим и даже позволяющим опровергать весь закон стоимости [2]).

Не требуется слишком много труда для того, чтобы понять корень ошибки Рикардо. Он лежит в представлении о «нации», как о чем-то доминирующем над общественными отношениями, как о явлении внеисторическом, вечном, который приходится принять в качестве готовой и обязательной предпосылки теории.

Критиковать теорию внешней торговли Рикардо и его последователей—это значит, во-первых, критиковать тот метод, который позволяет брать такого рода предпосылку, и, во-вторых, показывать в положительной форме, что «торгующая нация» есть производное производственных отношений капиталистического общества, а вовсе не что-то данное извне. Мы никогда не убережемся от ошибок, которых не избежали И. Дашковский, В. Акуленко и многие другие, если предварительно не разберемся в поставленном вопросе.

---

[1]) Давид Рикардо, Начала политической экономии и податного обложения, перевод, вступительная статья и примечания Д. Рязанова, Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, Гиз, М.-Л. 1929 г., стр. 86.

[2]) Такую попытку опровергнуть Рикардо при помощи самого же Рикардо делает Вайгманн в недавно вышедшей работе «Kritischer Beitrag zur Theorie des internationalen Handels», Jena 1926. М. Спектатор и Н. Цаголов не понимают Рикардо и говорят, что в теории внешней торговли последнего «закон ценности претерпевает модификацию» («Под Знаменем Марксизма» 1930 г., № 7—8, стр. 127, 129; М. Спектатор, Основные проблемы, 1930 г., стр. 43).

Уже из сказанного явствует, что политическая экономия должна не пренебрегать понятием «торгующая нация» («национальное хозяйство» и т. д., как бы его ни обозначали терминологически), а тщательно анализировать его. Иначе мы не получим возможности ни критиковать буржуазные теории, ни построить собственную.

К сожалению, большинство наших политико-экономов «благую часть избра». В многочисленных «курсах», руководствах и прочих трудах проблема «нации» обходится гробовым молчанием. Когда наши авторы подходят к вопросам международной торговли, вексельного курса и т. п., они почему-то берут вопрос о национальном хозяйстве как решенный. Приходится ли удивляться, что в соответствующих разделах они подпадают под влияние не только Рикардо, но даже и вульгарного Д. С. Милля, и что, заходя, таким образом, в тупик, они не могут сделать хотя бы малейший шаг вперед.

Особое положение занимает Н. Бухарин и его «школа» в вопросах мирового хозяйства в лице тт. А. Угарова, И. Бутаева и кое-кого еще. В своей работе «Мировое хозяйство и империализм» Н. Бухарин не только не обходит понятия национального хозяйства, но делает его одним из существеннейших моментов своей концепции «организованного капитализма» [1].

Никому другому, как именно Н. Бухарину принадлежит прекрасная сама по себе формулировка, взятая нами в качестве заглавия настоящей статьи: «Национальные хозяйства как узлы мировых хозяйственных связей». К сожалению, блестящая словесная одежда прикрыла у Н. Бухарина далеко не столь блестящий ход мыслей. Содержание, которое кроется у Н. Бухарина за приведенным выражением, значительно более широко, чем следовало бы, и совершенно не имеет диалектического характера, хотя, казалось бы, употребление самого слова «узлы», взятого из гегелевского арсенала, к этому обязывает.

Если присмотреться ближе к «национальным хозяйствам» Н. Бухарина, то мы увидим, что они давно уже стали у него не «узлами» капиталистических общественных отношений, а совершенно механическим образованием, ближе и точнее определяемым другими бухаринскими выражениями вроде «государственно-капиталистические тресты», «национально-хозяйственные тела» и т. д. Тов. Бухарин многократно указывает в своих работах, что национальные хозяйства, рассматриваемые в отношении к мировому хозяйству, ему представляются чем-то подобным индивидуальному предприятию в отношении к «народному» хозяйству.

Итак, потребности теории, потребности борьбы с чуждыми нам мировоззрениями повелительно требуют от нас изучения проблемы национального хозяйства. Столь же властно этого требуют и потребности практики. В нашей повседневной деятельности мы встречаемся с задачами, которые требуют ответа на вопрос: «нация» или не «нация»—Канада, Южно-Африканский союз, Индия? Куда растут британские доминионы, какова перспектива их дальнейшего развития? Что означает с точки зрения длительной перспективы оговорка относительно доминионов во временном советско-английском соглашении? Имеем ли мы перед собою экспорт капитала, когда стоимость переносится с целью производства прибавочной стоимости из Парижа на северный берег Африки? и т. д.

Все это убеждает нас в том, что постановка политической экономией на очередь дня проблемы национального хозяйства себя полностью оправдывает.

---

[1]) Автор настоящей статьи сам допустил в 1928—29 г. грубые ошибки методологического порядка в работе «Международная торговля и торговая политика» (попул. серия «Мировое Хозяйство» в изд. «Московский рабочий»). В этой работе была проведена мирохозяйственная концепция т. Бухарина. Автор считает своей обязанностью подробно раскритиковать собственные ошибки, что он рассчитывает сделать уже в ближайшей своей работе, посвященной вопросам торговой политики.

Основная предпосылка теории внешней торговли Рикардо.

Предметом экономических работ Рикардо являются меновые отношения между людьми, меновое общество в его капиталистической фазе. Вопросам внешней торговли посвящен целый ряд замечаний и глав, разбросанных повсюду, но специально теория внешней торговли трактуется им в VII главе «Начал политической экономии». И вот во всех этих местах, особенно в VII главе, мы встречаемся с подчеркиваемым утверждением, что обмен в пределах страны—одно, обмен между разными странами—совсем другое. Настолько другое, что и закон, управляющий обменом в первом случае, совершенно не пригоден, ни в какой своей части, для обмена международного. И там и тут обмен, и там и тут контрагентами являются индивидуальные предприниматели и, несмотря на это, перед нами две разных природы!

Рикардо, как позднее и Д. С. Милль, прекрасно видел, что такое разграничение рынка на две совершенно отличные сферы требует некоторого обоснования—и он попытался нам его дать. Он попытался указать нам тот признак, по которому мы различаем внешний рынок от внутреннего, то основание, на котором мы должны строить особые законы обмена для каждого из них. Вот они:

«В одной и той же стране норма прибыли, вообще говоря, всегда одинакова. Различия происходят только потому, что одно помещение капитала более или менее безопасно и удобно, чем другое. Но этого нельзя сказать по отношению к разным странам. Если прибыль на капитал, занятый в Йоркшире, превышает прибыль на капитал, занятый в Лондоне, то капитал быстро переместится из Лондона в Йоркшир и равенство прибыли восстановится. Но если вследствие уменьшения производительности земледельческого труда в Англии, если вследствие увеличения капитала и населения заработная плата повысится, а прибыль понизится, то из этого еще не следует, что капитал и население необходимо переместятся из Англии в Голландию или Испанию или Россию, где прибыль может быть больше» [1]).

В этой цитате есть целая серия положений, с коими нельзя согласиться. Некоторые из них, несмотря на всю их ошибочность, мы, однако, оставляем в стороне, так как к настоящей теме они не относятся. Таково, например, утверждение о причинах, которые, по мнению Рикардо, могут повести к понижению прибыли («увеличение капитала и населения»).

Здесь нам важно остановиться лишь на тех причинах, которые, по Рикардо, не позволяют упавшей норме прибыли выравняться по другим странам. Совершенно очевидно, что если эти причины указаны правильно, то в значительной мере обоснованным будет и положение о неприложимости закона стоимости к международной торговле. Тогда станет несомненным, что стоимость как регулятор общественного производства и обмена находит себе предел как раз там, где положен предел свободному перемещению капитала и труда.

Каковы же те причины, которые препятствуют стоимости быть регулятором производства в мировом масштабе?

«Опыт... показывает, что мнимая или действительная необеспеченность капитала, когда он уже не находится под непосредственным контролем своего владельца, естественное нерасположение всех людей покидать свою родину, рвать старые связи и вверять себя, со всеми своими установившимися привычками, чужестранному правительству и новым законам, задерживают выселение капитала. Эти чувства, на ослабление которых я бы смотрел с пе-

[1]) Д. Рикардо, Начала политической экономии и податного обложения, 1929 г., стр. 87.

чалью, побуждают большинство лиц со средствами скорее довольствоваться низкой нормой прибыли у себя на родине, чем искать более выгодного помещения для своего богатства в чужих странах» [1]).

Этот опорный пункт всей теории внешней торговли Рикардо надлежит рассмотреть самым внимательным образом. Рикардо убежден в существовании каких-то факторов, которые стоят между индивидуальным предпринимателем и мировым рынком, поскольку речь идет о перемещении капитала. Что же это за факторы?

1. «Мнимая или действительная необеспеченность капитала, когда он уже не находится под непосредственным контролем своего владельца». Это соображение, на первый взгляд, носит чисто-экономический характер. Однако сам автор подчеркивает, что на ряду с «действительной необеспеченностью капитала» бывает еще «мнимая». Другими словами, в качестве препятствия к перемещению капиталов через границу указан совершенно суб'ективный, психологический момент, «мнение». Итак, «мнение» стоит поперек пути стихийно складывающихся и слепо действующих законов рынка!

Ну, а как же с «действительной необеспеченностью капитала, когда он уже не находится под непосредственным контролем своего владельца»?—Тут надо заметить две вещи. Во-первых, всякий капитал в той или иной мере «не обеспечен», даже когда он «находится под контролем своего владельца». Иначе не было бы банкротств. В приведенной ранее цитате Рикардо сам проговаривается в том же духе: «В одной и той же стране норма прибыли, вообще говоря, всегда одинакова. Различия происходят только потому, что одно помещение капитала более или менее безопасно и удобно, чем другое» (Разрядка моя. *Н. П.*). Значит различие в степени безопасности, т.-е. обеспеченности, есть и в пределах одной страны.

Во-вторых, всякий капитал в той или другой степени обязательно «не находится под непосредственным контролем своего владельца», будь то сфера внутреннего рынка или мирового. Разница здесь не принципиальная, не качественная, а чисто-количественная. Да и количественная разница сплошь и рядом может быть не в пользу внутреннего рынка, а в пользу заграницы. Почему баварскому купцу легче будет осуществлять свой контроль, если его капитал переместится, скажем, в Восточную Пруссию, чем если бы он был перенесен в Швейцарию, Австрию или Францию? Не скорее ли наоборот, принимая во внимание близость расстояний, удобство транспорта, а в отношении Швейцарии и Австрии—также и единство языка? Почему капиталам из Нью-Иорка предпочтительнее устремляться в Калифорнию или какие угодно другие западные, южные, центральные штаты Северной Америки, а не в близлежащую Канаду?

Наконец, приведенное соображение совершенно теряет свою силу в тех случаях, когда вместе с капиталами перемещаются за границу и капиталовладельцы, когда происходит, выражаясь по Гильфердингу, «денационализация капитала».

Таким образом, все, что кажется в приведенном положении «экономическим», на самом деле оказывается малоубедительным, несущественным, непринципиальным. То же, что кажется специфическим («мнение» капиталиста относительно обеспеченности его капитала), лишено экономического значения.

2. «Естественное нерасположение всех людей покидать свою родину, рвать старые связи и вверять

[1]) Д. Рикардо, Начала политической экономии и податного обложения, 1929 г., стр. 89.

себя, со всеми своими установившимися привычками, чужестранному правительству и новым законам». В этом доводе психологический момент, можно сказать, выпирает из всех пазов. Если бы он действительно играл ту решающую роль, которую ему приписывает Рикардо, то передвижение капиталов из одной страны в другую совершенно не имело бы места.

Так ли, однако, обстоит дело, как его изображает Рикардо?

Везде, куда проникает капитал, он создает прежде всего те общественные отношения, которые сложились у него на родине и которые он находит в других развитых буржуазных странах. «Чужестранные правительства» и «новые законы» не настолько для мигрирующего капитала «новы» и «чужды», чтобы остановить его, если дело идет о прибыли. Капитал везде находит—а не находит, так создает—себе «отечество». Шейлок, представитель интернационального капитала, это прекрасно знает, заявляя на суде, что «плюнет на законы Венеции», если они не обеспечат ему уплаты по векселю. И суд это знает, так как молчаливо соглашается с такой постановкой вопроса, хотя речь идет об охране буржуазных прав представителя презираемой национальности (еврея-ростовщика).

3. Оба перечисленные аргумента Рикардо предваряет словами: «Опыт показывает, что...» и т. д. Опыт, который подсказал Рикардо его утверждение, был опыт конца XVIII и начала XIX века, когда миграция капиталов была, действительно, не столь еще грандиозна, как в конце XIX или в наш век. Даже прозорливый Рикардо мог поэтому сделать совершенно неправильное заключение,— что же говорить о других его современниках. Этого извинения мы не можем, естественно, сделать в отношении позднейших писателей, тем более — теоретиков наших дней. Нам представляется совсем непростительным и странным запоздалое рикардианство И. Дашковского, который развивает положение, что потоки капитала в мировом хозяйстве имеют лишь одностороннее направление (в сторону аграрных стран — совсем в духе Каутского) и что единого закона стоимости в мировом хозяйстве, таким образом, нет.

Д. С. Милль выступил со своей политической экономией на три десятка лет позднее Рикардо. В основном он стоит всецело на позициях последнего. Но, формулируя пункт о препятствиях к выравниванию нормы прибыли, Милль уже более осторожен. Он прямо признает, что «капитал становится все более и более космополитическим», что наблюдается тенденция к всемирному выравниванию прибылей. «Среди более цивилизованных стран теперь наблюдается гораздо большее, чем раньше, сходство в обычаях и учреждениях и гораздо более слабое чувство отчужденности, и потому как население, так и капиталы ныне передвигаются из одной страны в другую с меньшей нерешительностью» [1]).

Нужно было пройти еще нескольким десятилетиям, чтобы даже буржуазные ученые признали факт таким, как он есть. Раньше других это удалось «космополитически» настроенным фритредерам. Гобсон в 1904 г. в своей работе о международной торговле писал по данному вопросу совершенно уже в иных тонах:

«Сделалось общим местом положение, что капитал становится космополитом, т.-е. что он переправляется с большой свободой через национальные барьеры к обширным полям своего применения, вкладываясь не только в общественные займы, железные дороги и другие публичные и полупубличные предприятия, но и в чрезвычайно разнообразные сельскохозяйственные, фабричные и торговые предприятия, образующиеся в целях при-

[1]) John Stuart Mill, Principles of political economy with some of their applications to social philosophy, London 1921, p. 275.

были. Космополитизм труда, по крайней мере, поскольку речь идет об известных крупных рынках труда, недалеко отстает...»

«Распространение знания и легкость современного транспорта значительно ослабили силу тезиса Адама Смита, что «из всех видов багажа наименее транспортабельным является человек». Обычный или неквалифицированный труд за последние три десятилетия приобрел чрезвычайно возросшую подвижность. Представители столь различных национальностей, как ирландцы, скандинавы, славяне, итальянцы, немцы, малайцы, китайцы, обнаружили настолько высокую способность к миграции, что могут значительно уравнять на пространстве чуть ли не всего земного шара условия рынка неквалифицированного труда...»

«Поскольку речь идет о старых европейских странах, способность к передвижению между ними капитала и труда пока еще мала, затрагивая лишь очень небольшую часть всех сфер народного хозяйства; но новые страны Северной и Южной Америки, Южной Африки и Австралии, а также некоторые наиболее отсталые части Старого Света, ныне перешедшие на путь быстрого развития, образуют собою огромные пространства космополитической индустрии» [1]).

Совершенно правильно констатируя факт всеобщей подвижности капитала и труда, факт, ставший одним из коренных признаков империализма [2]), Гобсон остался «верен себе» и сделал вывод, далеко уходящий за пределы посылки. Он вывел пацифистски-фритредерского характера заключение о том, что в этом «космополитизме» «разбиваются и стираются национальные границы» и уничтожается дух национальной исключительности. Таким образом, допущен перегиб в обратную сторону: «интернационализм» капитала, всегда и особенно в наш век решительно опирающийся на «свое» национальное хозяйство, самым серьезным образом смешивается с «космополитизмом», который изображается, как необходимая тенденция. Между тем, национальные границы — факт и факт первостепенной важности. **Их наличие и все возрастающее значение нужно об'яснить как раз на основе всеобщей подвижности капитала, труда, товаров, самих товаро- и капиталовладельцев**, одним словом на основе капиталистических производственных отношений. Именно, в этом лежит задача.

Положение современных протекционистов в вопросе о «нации» несомненно затруднительно. Опираться на доводы Рикардо о неподвижности капитала и труда им более нельзя — факты не позволяют. Между тем для протекционистской «теории» необходим тезис, что каждая страна представляет из себя в мировом хозяйстве единство. Приходится этот тезис просто прокламировать, не затрудняя ни себя, ни читателей аргументами.

Только что вышел «труд» румынского экономиста Маноилеско «Теория протекционизма и международного обмена». Под характерным заголовком: «Страна — единство» дается именно такая декларация, какую мы только что изобразили. Из соображений экономии места опускаем цитаты, предлагая читателю обратиться к первоисточнику [3]).

---

[1]) John A. Hobson, International trade, 1904. p. 46—48. Впрочем, другие экономисты, напр., Nicholson (1897 г.), продолжают твердить прежние «истины» в таком, напр., духе: «Когда мы имеем перед собой две или более нации и сравниваем их с районами одной и той же страны, существенная разница, с точки зрения чистой теории, будет заключаться в том, что между странами капитал и труд не будут передвигаться совсем или лишь с большим трудностями» (J. S. Nicholson Principles of political economy, 1919, p. 295).

[2]) См. Ленин, Империализм как новейшая стадия капитализма.

[3]) Mihail Manoilesco, Théorie du protectionisme et de l'échange internationale, Paris, 1929, p. 85, 86. См. нашу рецензию в журнале «Вопросы Торговли», 1930 г., июнь.

Здесь уделим место гораздо более интересному, на наш взгляд, произведению, демонстрирующему, как иногда сходятся крайности. В марксистском журнале «Вопросы Экономики», издающемся в Харькове, появилась статья В. Акуленко «Проблема мирового хозяйства». Автор стоит на б у х а р и н с к и х позициях по вопросу о превращении современных национальных хозяйств в «государственно-капиталистические тресты». Напр., он говорит: «Структура национальных хозяйств давно уже (!? *Н. П.*) не имеет молекулярно-анархического вида в результате трестирования и комбинирования одних предприятий с другими». Эту мысль В. Акуленко упорно и неоднократно повторяет в разных местах своей статьи.

Мы ничуть не удивляемся, что тот же самый В. Акуленко оказывается полностью на платформе Рикардо-Милля в вопросе о подвижности капитала и труда в мировом хозяйстве. Он пишет так:

«В мировом... хозяйстве мы встречаем почти непреодолимые препятствия на пути массового движения населения из одних стран в другие, препятствия, обусловленные как неоднородностью моментов социально-культурного характера (различие языка, нравов и пр.), так и отсутствием единой политической организации мирового хозяйства (!? *Н. П.*). Поэтому закон выравнивания заработной платы почти не имеет места в мировом хозяйстве, отсюда различный уровень жизни одних и тех же классов в разных странах» [1]).

В. Акуленко признает, что факторы, которые, по его мнению, обусловливают международное разделение труда и международную торговлю и которые у него почти полностью сведены к чисто-географическим, естественно-историческим, природным моментам, столь же успешно действуют и в рамках отдельных национальных хозяйств, т.-е! ничего с п е ц и ф и ч е с к о г о для об'ясняемого явления из себя не представляют. Однако он не видит, что этим признанием сводит на-нет всю свою аргументацию.

Не замечает он и того, что сам себя побивает цитатой из Маркса, который прямо указывает, что разница, которая возникает в процессе создания стоимости в разных странах вследствие различной производительности их труда, ничуть не составляет специфической черты международного обмена как такового.

«Капиталы, вложенные во внешнюю торговлю, могут давать более высокую норму прибыли, так как, во-первых, здесь идет конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, так что более передовая страна продает свои товары выше их стоимости, хотя дешевле конкурирующих стран. Поскольку труд более передовой страны оценивается при этом как труд более высокого удельного веса, норма прибыли повышается, потому что труд, не оплачиваемый как труд более высокого качества, продается как таковой. То же самое может иметь место по отношению к той стране, в которую отправляются товары и из которой получаются товары; именно, такая страна отдает овеществленного труда in natura более, чем получает, и все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить. С о в е р ш е н н о т а к ж е, к а к ф а б р и к а н т, у т и л и з и р у ю щ и й н о в о е и з о б р е т е н и е п р е ж д е, ч е м о н о в о ш л о в о в с е о б щ е е у п о т р е б л е н и е, п р о д а е т д е ш е в л е с в о и х к о н к у р е н т о в и, н е с м о т р я н а т о, в ы ш е и н д и в и д у а л ь н о й с т о и м о с т и с в о и х т о в а р о в, т.-е. с р а в н и т е л ь н о б о л е е в ы с о к у ю п р о и з в о д и т е л ь н у ю с и л у п р и м е н я е м о г о и м т р у д а о н и с п о л ь з у е т, к а к п р и б а в о ч н ы й т р у д. Он реализует, таким образом, добавочную прибыль» [2]).

---

[1]) «Вопросы Экономики». выпуск второй, Харьков 1928 г., стр. 108. 111.

[2]) М а р к с, Капитал, т III, ч. 1, 1929 г., стр. 178; разрядка моя. *Н. П.*

Значит, в том факте, что одни страны получают от международной торговли более высокую прибыль, чем другие, не кроется чего-либо специфического для международной торговли как таковой. «Более высокая прибыль» передовой страны не есть вообще «прибыль страны», а есть сумма прибылей группы фабрикантов, проживающих в данной стране. Их высокая прибыль об'ясняется не тем, что они проживают в данной стране, а только тем, что у них—более совершенная техника производства и т. д. Среди предпринимателей той же самой страны могут оказаться имеющие очень отсталое оборудование, которые, поэтому, не примут совершенно никакого участия в «более высокой прибыли страны». А в отсталой стране столь же успешно могут встретиться предприятия, оборудованные по последнему слову техники и доставляющие своим владельцам прибыль, не меньшую, чем получается в странах передовых.

Возвращаемся к Рикардо. Констатируем, что «опыт» подвел его. Он оказался плохим советчиком именно потому, что выступил как антагонист теории. Вместо сочетания теории с практикой мы видим у Рикардо разрыв между ними, подмену первой вторым, переход от научной теории на позиции голого эмпиризма. Поэтому и вся «теория» внешней торговли оказалась на шатком фундаменте.

Казалось бы, Рикардо должен был, даже в случае правильности всех приведенных посылок, сделать только одно заключение: так как перенос капитала за границу сопровождается «мнимым» или «действительным» риском, так как при этом капиталисту необходимо преодолеть свое «естественное нерасположение», то разница в норме прибыли дома и заграницей должна каждый раз достичь определенных размеров, чтобы экспорт капитала стал возможен. Эта разница должна «вознаградить» капиталиста и за риск и за «нерасположение» и за прочие «неприятности», но для всех предпринимателей данной страны она неминуемо должна быть более или менее одинаковой. Как только такая разница в норме прибыли создалась бы, началось бы свободное переливание капиталов заграницу.

Еще Маркс заметил, что Рикардо часто противоречит сам себе. Так и в данном вопросе. Когда ему представляется необходимым мобилизовать аргументы против государственых налогов, он допускает возможность миграции капитала. «Искушение переселиться со своим капиталом в другую страну, где он был бы избавлен от этого бремени (от тяжелых налогов. *Н. П.*), под конец становится непреодолимым и побеждает естественное отвращение, с которым каждый человек покидает свою родину и старые связи» [1]). И несколькими строками ниже: «...Есть предел той цене, которую отдельное лицо согласно платить, в форме постоянного налога, за одну только привилегию жить в родной стране». Значит, все дело в количестве, в степени, а не в принципе.

Что помешало Рикардо распространить действие закона стоимости на международную торговлю и международное движение капиталов? Чисто-фетишистское представление о «торгующей нации», о капиталистическом национальном хозяйстве как о чем-то обособленном не только психологически, суб'ективно, но даже климатически, географически, естественно- и культурно-исторически и т. д. и т. п. Совершенно не является случайностью, что в одном примечании Рикардо сравнивает взаимоотношения торгующих стран со взаимоотношениями индивидов менового общества.

[1]) Рикардо, Начала, 1919 г., стр. 179.

«... Страна, обладающая очень значительными преимуществами по части машин и мастерства и, поэтому, подготовляющая товары с помощью меньшего количества труда, чем ее соседи, может, в обмен на такие товары ввозить часть хлеба, требующегося для ее потребления, даже в том случае, если бы ее земля была плодотворнее и возделывание хлеба требовало в ней меньше труда, чем в стране, откуда он ввозится. Два человека выделывают обувь и шляпы, и один превосходит другого в обоих занятиях, но, изготовляя шляпы, он может превзойти своего соперника на одну пятую, или 20%, а изготовляя обувь — на одну треть, или 33%; не будет ли для них выгоднее, чтобы более искусный занялся исключительно изготовлением обуви, а менее искусный — производством шляп?» [1]).

Фетишистская трактовка понятия «торгующей страны, как чего-то подобного индивиду, заставила Рикардо коренным образом видоизменить и развитую им в первых шести главах «Начал» теорию денег.

«В предыдущей части настоящего труда,—говорит Рикардо,—мы принимали для упрощения предмета исследования, что деньги всегда сохраняют одинаковую стоимость; теперь же мы стараемся показать, что кроме обычных изменений в стоимости денег, которые общи всему товарному миру, есть также частные изменения, которым деньги подвергаются в отдельных странах, что стоимость денег никогда не бывает одинаковой в двух странах в силу различия их систем налогов, промышленного искусства, разницы климата, естественных богатств, а также в силу многих других причин» [2]).

Легко можно было бы показать (и в общих курсах политической экономии это делается), что одна из ошибок Рикардо — смешивание различных функций денег между собою, а также неразличение денег как средства обращения от денег как формы капитала. В частности, у Рикардо очень плохо обстоит дело с отличием «национальных денег» (монеты и разных знаков стоимости, в том числе бумажных) от денег мировых (золото и серебро в слитках). Многое можно было бы сказать об этих и других противоречиях во взглядах Рикардо. Однако нас пока не это интересует. Нас интересует учение Рикардо о деньгах в связи с его представлением о национальном хозяйстве.

Причины, приводящие, по Рикардо, к несовпадению стоимости денег в разных странах, сводятся к различию: 1) в системе налогов, 2) в промышленном искусстве, 3) в климате и естественных богатствах, наконец, 4) к разнице в расстояниях стран от места добычи золота и серебра и т. д. Между причинами порядка экономического и остальными причинами (климат, естественные богатства, географическое положение и т. д.), здесь водворено удивительное «равноправие». Между тем, только разница в налоговой системе является характерной для стран как таковых. Что же касается остальных причин, то для различных районов одной большой страны они должны быть «действительны» в такой же мере, как для разных стран. Однако ведь мы не говорим о различной стоимости денег в Пруссии и Баварии, в Техасе и Нью-Йорке, в Москве и Закавказье. А ведь на основании посылок Рикардо надо было бы допустить, что в пределах одной страны стоимость денег так же легко колеблется от района к району, как и в международном масштабе.

Давая обзор критических возражений против упомянутой точки зрения классиков, Энджелл, между прочим, приводит такое:

«По поводу различий между международной и внутренней торговлей было сделано то возражение, что эти различия относятся к числу чисто-количественных, но не качественных; они сводятся к степени, а не к принципу. Например, такие различия усматриваются в больших издержках междуна-

[1]) Рикардо, Начала, 1929 г., стр. 88.
[2]) Там же, стр. 93.

родного транспорта и в тарифах... Что же касается неподвижности труда и капитала, то подчеркивается, что эта неподвижность может быть приписана с одинаковым правом как внутренней, так и международной торговле. Неподвижность в последнем случае является, как правило, лишь несколько большей, чем в первом. Ни одно из этих количественных отличий не представляет достаточного основания для специальной теории международной торговли и стоимости. Если уж делать какое-либо различие, то его скорее следует делать между разными рынками одной и той же страны» [1]).

Энджелл не без основания указывает, как на причину столь большой непоследовательности Рикардо (и вообще классиков), когда они переходят к вопросам **международной торговли**, на то, что они трактуют последнюю лишь суб'ективно, **лишь как внешнюю торговлю своей страны**. Другими словами, что они стоят не на миро-хозяйственной, а на национально-хозяйственной точке зрения. Энджелл говорит:

«Может быть прямо сказано, что классики никогда не работали над теорией международных цен, как таковых. Их главнейший интерес сосредоточивался на проблеме национальных выигрышей или потерь от внешней торговли и от способа, которым последняя ведется. Они занимаются международными стоимостями лишь как вспомогательными понятиями для этой более широкой темы, и поэтому они трактуют эти международные стоимости, в первую очередь, с точки зрения национальной производительной силы,— иногда, с точки зрения труда,— но не с точки зрения денежных цен или структуры цен» [2]).

Итак, теоретическая позиция классиков и их вольных или невольных последователей в вопросах национального и мирового хозяйства характеризуется:

1) допущением, в качестве решающих, «вечных», надисторических моментов;

2) внесением в исследование суб'ективизма, суб'ективно-национальной точки зрения;

3) подчинением исследования эмпирике, голому «опыту», неспособностью дать теорию в неразрывной связи с практикой, разрывом между ними и неизбежным отсюда эклектизмом;

4) забвением или недооценкой того, что одно только и является решающим,— а именно, производственных отношений капиталистического общества.

Явление национального хозяйства не может быть понято на иной базе, чем на базе общественных отношений. Ими-то мы и должны заняться.

Возникновение торговли и расчленение ее на внешнюю и внутреннюю.

Докапиталистическая история человечества знает многочисленные хозяйственные уклады и различные общественные формации, а также и сложные совокупности тех и других. Перечислим основные: натуральное хозяйство, хозяйство с слабо развитым обменом, меновое хозяйство с слабо развитыми капиталистическими отношениями; патриархальные роды, рабовладельческие хозяйства, феодальные и крепостные вотчины, ремесленные города средних веков, крестьянские общины и т. д. Многие из них характеризуются **значительной замкнутостью в себе**.

---

[1]) James W. Angel, The theory of international prices, Cambridge 1926, p. 366.

[2]) Ibid., p. 364.

Род, община, город — сами для себя целый мир, «космос». До того, что делается за их околицей, им более или менее «дела нет», разве нагрянет военное нашествие. И только купеческий капитал, по самой природе своей чуждый им, рыщет по белу свету. Лишь немногие отдельные пункты земного шара — ганзейские города, Венецию, Генуэю, восточные города и т. д.—может он считать своей родиной. Вообще же говоря, он — космополит. В отличие от крестьянского «мирка» в пределах околицы, мир в представлении купца — вселенная в известных ему пределах, космос без кавычек. «Ubi bene, ibi patria» — «где хорошо, там и отечество» — таково было его исповедание.

Обмен товаров возникает первоначально там, где оканчивается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или с членами чужих общин, «на конечностях общественного организма». «Развитие продуктов в товары имеет своим источником обмен между различными общинами, а не между членами одной и той же общины» [1]).

Посредническая роль купеческого капитала ничего первоначально не изменяла. «Торговые народы древности существовали как боги Эпикура в междумировых пространствах вселенной или, вернее, как евреи в порах польского общества. Торговля первых самостоятельных пышно развившихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто-посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников» [2]).

Торговый капитал в значительной мере обслуживает «представителей потребляющего богатства», всех тех, кто присваивает чужой прибавочный продукт и стремится придать последнему либо более удобосохраняемую и легче реализуемую форму, либо превратить его в предметы непосредственного потребления. Соответственно этому и торговля в те времена преимущественно сосредоточивалась на предметах роскоши — вине, оружии, мехах, пряностях, тонких тканях и т. п., в отличие от современной нам торговли, которая имеет об'ектом продукты массового потребления — хлеб, хлопок, уголь и т. д.

Выражаясь несколько парадоксально, торговля первоначально возникла как «внешняя торговля» и долгое время оставалась таковой. Однако это была «внешняя торговля» отнюдь не в нашем смысле слова. Хозяйства, для которых она была, если хотите, «внешней», сами были еще натуральными или полунатуральными и никакой «внутренней» торговли, в отличие от упомянутой «внешней», не имели.

Однако требовалось только время для того, чтобы разложить натуральные общественные отношения древности и средних веков и поставить членов их в меновые отношения друг к другу.

Проникновение менового начала в натуральные доселе общества и ускоряющийся рост рынка все-таки далеко не сразу повели к расчленению последнего на «внешний» и «внутренний». На место прежней натуральной совокупности, скажем, общины стала сумма индивидуальных хозяйств, работающих на рынок. Но каждому из них долгое время было сравнительно безразлично, с какого рода контрагентами он имеет дело,— с соотечественниками или иноземцами. Самое понятие «соотечественник» было далеко еще неясным, оно еще не сложилось на базе производственных отношений меновόго общества, это произошло лишь значительно позднее.

Интерес индивидуального хозяина теперь сосредоточивался на превращении товара в деньги, а денег вновь в товар, представляющий для него

[1]) Маркс, Капитал, т. I, 1928 г., стр. 44; т. III, ч. 1, 1929 г., стр. 129. Ср. Энгельс, Закон ценности и нормы прибыли, Киев 1905 г., стр. 79.
[2]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, 1927 г., стр. 254.

потребительную стоимость. Это значило — при продаже выручить максимальную цену, при покупке заплатить как можно дешевле за наилучший товар. Возможность выручить как можно более высокую цену легче обеспечивалась наличием многочисленных покупателей. Возможность приобрести товар по наиболее низкой цене и наилучшего качества была наибольшей, когда продавцов много. В отличие от капиталиста-предпринимателя средневековый товаропроизводитель, а также и все слои, жившие за счет прибавочного продукта, не имели никаких побудительных мотивов к обособлению и отгораживанию «своего», «внутреннего» рынка от внешнего. Наоборот, экономическим интересам такого хозяйственного уклада скорее соответствовало космополитическое мировоззрение в прямом смысле этого слова (отнюдь не в том, как это выражение употребляется в отношении фритредеров XIX века).

Представители «потребляющего богатства» (феодалы, духовенство, рабовладельцы, военные и т. д.), как мы сказали, менее всего склонны были к обособлению «отечественного» рынка от мирового. Если с купцов брались таможенные пошлины, то они брались не при в'езде только в ту или иную страну, а чаще — на мостах, переправах, у замков и были чисто-фискальным мероприятием. Сплошь и рядом мы встречаемся в средних веках с поразительными примерами «протекционизма на изнанку»: например, московский царь охотно и сознательно давал ганзейским, голландским, английским купцам привилегии по сравнению с туземцами.

Еще менее склонен был замыкаться рамками той или другой страны купеческий капитал. Если мы и встречаемся в средние века с купеческими «нациями» в Константинополе, Александрии и других местах, то лишь как с образованием профессионально-земляческого типа. Английские купцы образовывали на данном рынке, скажем, в Александрии, одну «нацию», немецкие — другую, венецианские — третью и т. д. в целях создания наилучших условий деятельности за границей, не у себя дома[1]). Создание этих обособленных «наций», столь же мало означало экономическое обособление соответствующих стран, как, скажем, и образование Ганзейского союза, об'единившего ряд купеческих городов-республик Северной Европы. В Ганзу входили наряду с немецкими городами и скандинавские и русские.— Да и в наши дни купеческий капитал, поскольку он еще в состоянии иметь и проявлять склонность к собственной торговой политике, является по преимуществу фритредером.

Итак, вплоть до конца средних веков рынок был «космополитическим» в полном соответствии с интересами всех главнейших экономических сил. Более или менее высокую степень обособления мы находим только в ремесленных городах с цеховым устройством. Это было, конечно, некоторым прообразом современной «нации», но прообразом, весьма еще далеким.

Торговля средних веков не происходила, конечно, в «безвоздушном пространстве», на территории, не имеющей никаких государственных границ. Наоборот, этих границ было чрезвычайно много, гораздо более, чем в век промышленного капитала, и, притом, все эти границы были, порою, не менее, а более ощутительны, чем в наши дни. Весь культурный мир был поделен между крупными и мелкими государствами феодального типа. А пошлины и всякие поборы взимались не только на государственных границах. В середине XIII века, говорит Кунов, спускающиеся по Рейну корабли, на одном только отрезке между Базелем и Кельном, проходили не менее, чем через 40 таможен, установленных для взимания поборов владельцами обоих берегов реки. Путешествие по реке Майну на каких-нибудь 270 километров в 1520 году означало проезд по 17 владениям различных «государей»

[1]) Энгельс, Закон ценности и норма прибыли.

и досмотр на 27 таможнях, т.-е. примерно через каждые 10 километров[1]). Одним словом, государство выглядело (и на самом деле было) чуждым капиталу институтом, его форма (дробность и чересполосность владений) и политика (взимание фискальных пошлин) были прямо вредны с точки зрения капитала.

Однако уже на заре образования промышленного капитализма наблюдается некоторое изменение феодального государства, при чем это изменение происходит не без известного влияния со стороны торгового капитала. Абсолютная монархия с течением времени об'единяет под собою крупные территории — вспомним Францию, Россию. Государства постепенно крепнут как национально-территориальные единицы. Государственные деятели все чаще выдвигают своей задачей вытеснение натурального хозяйства и замену его денежным. Процесс углубления меновых связей происходит все более интенсивно (и, конечно, не политика делает его, а он политику). Однако мы все еще не видим «национального государства» в современном буржуазном смысле слова.

«Количественное» развитие меновых отношений должно было привести к «качественному» их изменению, к превращению различных видов докапиталистического способа производства в капиталистический через процесс первоначального накопления. Одним из важнейших орудий первоначального накопления было само государство, постепенно переходившее на службу капиталу. Первоначально капитал должен был «брать» государство таким, как оно есть,— со всеми его феодальными или крепостническими атрибутами, и лишь постепенно приспосабливать себе. Это, конечно, не могло его удовлетворить, и мы видим в странах наибольшего развития капиталистических отношений серию буржуазных революций (1642 г. в Англии, 1789 г. во Франции).

Понятие «национальности» в нашем смысле слова окончательно сформировывается лишь с приходом к власти или, по крайней мере, к общественному влиянию класса промышленной буржуазии. В эпоху феодализма это понятие только еще начинает складываться.

Карл Каутский не совсем прав, когда он об'ясняет возникновение национального государства интересами торговли. Как мы видели, торговля сама по себе толкает скорее к космополитизму, а не к национальности. Лишь производство прибавочной стоимости и ее распределение способны по-настоящему поставить буржуазию на национальные рельсы.

В одной из работ Каутского имеется такая характеристика процесса:

«В средние века мы всюду находим, с одной стороны, ограниченный партикуляризм, взаимную рознь между отдельными городами, и, с другой,— тот космополитизм, который обнимал собою весь христианский мир Запада. Чувство же национальности было очень слабо.

«Купец не может ограничиться незначительной территорией, как крестьянин или ремесленник: для него, насколько это возможно, должен быть открытым весь свет. Он беспрестанно стремится все дальше и дальше, старается захватить все новые и новые рынки. В противоположность цеховому горожанину, который часто в продолжение всей своей жизни ни разу не выходил за черту родного города, купец неутомимо стремится в неизвестные страны. Он переходит границы Европы и начинает тот век открытий, который увенчивается открытием Америки и морского пути в Индию. Но, строго говоря, этот век продолжается еще до сих пор: еще и теперь купец, а не ученый исследователь, является главным фактором экспедиций в неисследо-

[1]) Heinrich Cunow, Allgemeine Wirtschaftsgeschichte, Dritter Band, 1929, S. 153.

ванные страны. Вместо прикрепления к известной территории торговля ввела тот космополитизм, который везде чувствовал себя прекрасно, где только можно было что-нибудь «заработать». Но одновременно с этим она, в противоположность универсальности церкви, выдвинула национальность. Мировая торговля расширила кругозор западных народов далеко за пределы католической церкви, но вместе с тем она же сузила его в тесных пределах нации. Это кажется парадоксом, но так действительно было, и причины этого явления понять не трудно. Мелкие самодовлеющие общины средних веков если и стояли в каком-либо экономическом противоречии друг к другу, то лишь в самой незначительной степени. Понятно, внутри самих общин противоречия эти существовали, но к внешнему миру общины относились довольно безразлично,— конечно, до тех пор, пока их самих оставляли в покое. Для крупного же торговца далеко не безразлично, какую роль играет за границей та община, к которой он принадлежит. Торговая прибыль происходит от того, что покупают возможно дешевле и продают возможно дороже. Она в значительной степени зависит от того, в каком отношении находятся силы продавцов и покупателей. Но вместе с торговлей возникает также и конкуренция как в рядах продавцов, так и в рядах покупателей. На внешнем рынке эти противоречия становятся национальными противоречиями» [1]).

Каутский не замечает, что «нации», возникающие на основе деятельности торгового капитала при отсутствии еще развитой промышленной буржуазии, суть весьма условные «нации», те, которые описаны Энгельсом в статье «Закон ценности и норма прибыли» и деятельность коих целиком протекает в чужих странах, а не у себя дома.

Совершенно иная картина получилась по завершении, хотя бы в основном, процесса первоначального накопления. Теперь дело создания национальных государств быстро пошло вперед. Пролетаризация широких масс самостоятельного доселе населения пробудила у буржуазии аппетит к внутреннему рынку. Прежде всего была раскрыта тайна, что мало — произвести прибавочную стоимость, надо ее еще реализовать и распределить, и что в области распределения государство и его экономическая политика играют далеко не малую роль. Далее, было открыто, что «отечественный» пролетарий является весьма солидным и интересным покупателем, хотя он и во много раз беднее самостоятельного ремесленника или крестьянина. Затем оказалось, что самое производство прибавочной стоимости, т.-е. эксплоатацию этого пролетария, как рабочей силы на мануфактуре, фабрике и заводе, нельзя полностью осуществить, если не принять одновременно мер к тому, чтобы другие товаропроизводители, иностранцы, не заполонили внутреннего рынка своими изделиями.

Таким образом, понятие внутреннего рынка родилось в борьбе за производство прибавочной стоимости, и ее распределение. Лишь с этого момента рождается и понятие внешнего рынка. Оба, следовательно, взаимосвязанные, соотносительные понятия, точнее — полюсы единого целого, противоречивого капиталистического способа производства. Лишь теперь, когда торговля расчленилась на внешнюю и внутреннюю, проблема «нации», «национальных интересов», «национального хозяйства» становится актуальной проблемой общества.

Подчеркиваем еще раз: внутренний рынок обособляется гораздо позднее, чем возникает широко развитая «космополитическая» (нельзя еще

[1]) Карл Каутский, Век гуманизма и реформации, статья в сборнике «Очерки и этюды», собр. и перев. Г. Ф. Львович. Спб. 1907 г., стр. 135, 136. Эта статья взята из работы Каутского «Томас Мор и его утопия», в которой она составляет первый отдел. См. последнюю работу в изд. Петроградского Совета Р. и Кр. Д., 1919 г., стр. 5—91.

сказать «международная») торговля. Капиталистическая «нация», с ее «внешней» и «внутренней» торговлей образуется в результате длительного развития и углубления меновых связей. Внутренний рынок не представляет из себя по существу ничего иного, как одного из секторов мирового рынка, обособленного посредством экономических мероприятий государственной власти.

С образованием внутренних рынков мировой обмен не приобретает какого-то особого характера, не изменяется в своем принципе. Он, как и ранее, подчиняется закону стоимости. Этот закон стоимости управляет всем процессом обмена и после того, как образовались национальные секторы мирового хозяйства. Наличие экономической политики национальных государств обусловит нам добавочное отклонение цен от стоимостей, но вовсе не потребует введения каких-то новых законов, принципиально отличных от закона стоимости, или двух законов стоимости, как думает И. Дашковский. Уже отсюда мы видим, насколько мало оснований за попытками буржуазных экономистов строить теорию международного обмена на иных принципах, чем теорию внутреннего обмена.

Стремление на внешний рынок и самое сознание внешнего рынка, в отличие от внутреннего, суб'ективно окрашено интересами группы капиталистов данной страны. Практически оно означает стремление к равной норме прибыли. Народники, Роза Люксембург и другие совершенно не поняли происхождения национального хозяйства и допустили грубую ошибку, теоретически об'ясняя происхождение внешнего рынка законами реализации прибавочной стоимости. Убеждение в невозможности существования капитализма без внешнего рынка есть одновременно убеждение в том, что внешний рынок образуется позднее, чем внутренний.

Отвечая народникам, Ленин по этому вопросу писал:

«Необходимость внешнего рынка для капиталистической страны определяется вовсе не законами реализации общественного продукта (и сверхстоимости, в частности), а, во-первых, тем, что капитализм является лишь как результат широко развитого товарного обращения, которое выходит за пределы государства. Поэтому нельзя себе представить капиталистической нации без внешней торговли, да и нет такой нации.

«Как видит читатель, эта причина — свойства исторического» [1]).

Нет (и не было) такой нации, у которой бы не было внешней торговли. Нация и «национальный» капитализм есть результат широко развитого товарного обращения, которое не считалось с государственными границами, которое само создало их. Поэтому грубейшую ошибку делают все, кто, подобно Бухарину, Спектатору и т. д., полагают, что сначала образовался внутренний рынок, а затем, постепенно, и мировой. Наоборот, не только мировой рынок, но и капитал первоначально были космополитическими, не знающими национальных границ.

Приспособление национального государства, «надстройки», к интересам господствующих производственных отношений, «базиса», происходит исторически позднее и является производным. Это приспособление и взаимопроникновение является очень сложным диалектическим процессом, понять который не легко. Приходится ли удивляться, что он не дался, между прочим, и Струве, который в одном месте уверяет нас:

«Нельзя достаточно резко подчеркивать, что, толкуя о народно-хозяйственном организме, забывают, что народное хозяйство, как целое, есть «система» и что эта «система», это сплетение может существовать независимо от какой-либо политической связи, что приурочение к экономическому

---

[1]) Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. III, изд. 2-е, 1927 г., стр. 39.

сцеплению политической связи это момент новый и принципиально посторонний народно-хозяйственному сцеплению как таковому» [1]).

Оставляем в стороне струвианскую «систему», сформулированную им еще ранее в работе «Хозяйство и цена». Обращаем внимание на чисто-механическую и метафизическую трактовку вопроса о взаимоотношении между «экономическим сцеплением» и «политической связью». Согласно Струве, это взаимоотношение есть «момент новый и принципиально посторонний народно-хозяйственному сцеплению как таковому». Перед нами — не «надстройка», вырастающая на определенном «базисе», не взаимодействие между двумя частями диалектического единства, перед нами — взаимосцепление двух «принципиально посторонних» моментов, механически воздействующих один на другой.

Еще меньше понимания вопроса и столь же мало диалектики в положениях А. Г. Герценштейна:

«Капиталистический процесс начинает историческое движение с внешнего рынка — все равно, будет ли это иностранный спрос или спрос мелких товаропроизводителей внутри страны,— сосредоточивается вслед за тем на создании своего внутреннего рынка, как составного сектора, образующегося в силу прогрессирующей денатурализации хозяйства национального рынка, и вновь устремляется к внешнему рынку в его широком миро-хозяйственном масштабе. Это — трехфазная эволюция капиталистического производства каждой страны, отражающаяся в закономерном изменении соотношения внутреннего и внешнего спроса на товарные элементы воспроизводства национального капитала» [2]).

Мнимо-гегелевская «триада», рассматривать ли ее со стороны содержания или формы. Если даже оставить в стороне ходульный язык, дающий себя знать не только в этой цитате, а и во всей книге («денатурализация хозяйства... рынка»!), мы замечаем у Герценштейна причудливое переплетение нескольких арий из совершенно различных опер. Трактовка внешнего рынка заимствована у Розы Люксембург («все равно, будет ли это иностранный спрос или спрос мелких товаропроизводителей внутри страны»). У Маркса схвачена и неверно передана мысль о том, что обмен первоначально возникает на «конечностях общественного организма» и лишь с течением времени под его влиянием разлагаются натуральные отношения общин (у Герценштейна: «Капиталистический процесс начинает свое историческое движение с внешнего рынка»!). Самому А. Г. Герценштейну здесь принадлежит лишь некритическое и не имеющее смысла в его устах употребление понятия «страна» и убеждение, что внешний рынок исторически возникает раньше внутреннего.

Почти ту же самую ошибку мы находим и у И. Дашковского, который строит, примерно, такую же «трехфазную» схему:

«Развитие международных экономических отношений есть своего рода диалектический процесс. Как известно, обмен и торговля исторически возникают «на конечностях общественных организмов». Международная, междуплеменная торговля есть исходный пункт развития обмена, вместе с которым развивается и капиталистическое хозяйство. В дальнейшем капитализм постепенно расчищает для себя необходимое «поле эксплоатации» внутри страны, разлагая остатки натурального строя, прокладывая повсюду пути товарного хозяйства и превращая последнее в капиталистическое. В этот период происходит интенсивное «образование внутреннего рынка» для капи-

[1]) П. Б. Струве, К критике так называемой международной торговли, П 1915 г., стр. 6.

[2]) А. Г. Герценштейн, Теория капиталистического рынка, М. 1926 г., стр. 168, 169.

тализма. Когда эта работа достаточно проделана вглубь и вширь, наступает снова очередь международного обмена, но уже не на примитивных основах, а на фундаменте крупного производства и машинной техники. Капитализм «втаскивает» одну за другой все нации и страны в миро-хозяйственный оборот. Наступает эпоха мирового хозяйства» [1]).

Непродуманность всей проблемы у И. Дашковского отразилась, между прочим, в последней фразе приведенной цитаты. Он должен был сказать: «наступает современная фаза мирового хозяйства» — это было бы и по-марксистски, и в согласии с предыдущими положениями. А он об'явил, что наступает «эпоха» мирового хозяйства. Повидимому, И. Дашковский думает, что экономическое развитие сначала проходит «ступень» «национального хозяйства», существующего в чем угодно, но не в мировом хозяйстве, и уже затем оно поднимается на «ступень» мирового хозяйства.

Обоим авторам, и Герценштейну и Дашковскому, чуждо понимание того, что возникновение мирового хозяйства, в частности — внешней и внутренней торговли, нужно об'яснить сначала принципиально, с качественной стороны, после чего легко будет понять чрезвычайно быстрый и эффектный количественный рост как национальных, так и мировых хозяйственных связей. На базе этого количественного роста впоследствии, в свою очередь, происходят качественные изменения. Одним из таких новых «качеств» является современное мировое хозяйство, мировое хозяйство эпохи империализма.

Некоторые характерные черты национального государства.

В т. I «Капитала» мы находим следующее замечание:

«Нарождающейся буржуазии нужна государственная власть, чтобы «регулировать» заработную плату, т.-е. принудительно устанавливать ее в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинять рабочий день и, таким образом, удерживать самого рабочего в нормальной зависимости от капитала. В этом существенный момент так называемого первоначального накопления» [2]).

Как мы видим, возникновение буржуазного способа производства само по себе означает возникновение соответствующего ему буржуазного государства. Поэтому мы должны считать, что и процесс создания «нации» по-настоящему начинается лишь одновременно с процессом первоначального накопления. Однако он долго протекает в попытках приспособления чуждых еще друг другу «базиса» и «надстройки». Сначала капиталистические отношения принуждены приспосабливаться к существовавшему тогда государству, затем — феодальное и крепостническое государство все более переходит на службу интересам капитала. Первое мы находим, например, в том, что капиталу приходится работать в условиях чрезвычайной раздробленности территориальных владений, пестроты законов и налогов и т. д. Сюда же относится такое явление, как большая распространенность монополий, выдаваемых государством на торговлю тем или иным товаром. Не менее часто мы встречаемся с примерами постепенного, вольного или невольного, сознательного или несознательного, приспособления феодального государства к нуждам и интересам капитала. Иллюстрации сказанному читатель найдет в многочисленных разделах о законодательстве из I т. «Капитала».

---

[1]) И. Дашковский, К теории развития мирового рынка и мирового хозяйства, статья в журнале «Под Знаменем Марксизма» 1927 г., № 1, стр. 86.

[2]) Маркс, Капитал, т. I, 1928 г., стр. 592.

Государство однако является классовым институтом. Господствующий класс не уступает своей власти другому без боя. Половинчатые уступки никогда никого не удовлетворяют, особенно — класс, идущий к власти. Рано или поздно он переходит к насильственным действиям, к **революции**.

Лишь Английская революция 1642—1649 гг. и Французская — 1789 г.— открыли полосу **мощного движения в пользу национально-буржуазных государств.**

«С конца средних веков,— говорит Энгельс,— история работает в направлении организации Европы в крупные национальные государства. Такие государства являются единственным типом государственного устройства, нормальным для правящей европейской буржуазии, а также непременной предпосылкой для установления гармонического международного взаимодействия, без которого немыслимо господство пролетариата... С развитием торговли, земледелия, промышленности — а с ним и классовой мощи буржуазии — повсюду росло национальное чувство, раздробленные и угнетенные нации требовали об'единения и самостоятельности. Поэтому революция 1848 г. везде, за исключением Франции, в одинаковой степени стремилась к удовлетворению как национальных требований, так и политических» [1]).

Буржуазное государство, как и всякое государство, есть классовый институт, стоящий как бы над обществом. Оно «возникло из потребности сдерживать классовые противоречия» (Энгельс). «Нация», «народ», «демократия», т.-е. **буржуазное общество, оформленное как государство, является средством поддержания и сохранения отношений труда к капиталу, отношений эксплоатации.** Стремление к возможно более полной эксплоатации рабочего класса, между прочим, выливается в форму борьбы с иностранными капиталистами за «национальные» интересы, за внутренний рынок и т. д.

Другая важнейшая функция, выполняемая буржуазным государством, это — обеспечение условий «нормального» воспроизводства капиталистических отношений, т.-е. **воспроизводства в возможно более расширенном масштабе.** Что этому может помешать? Одна из важнейших помех и угроз — это неокончательно сломленный феодализм, уцелевший, скажем, в соседней стране. Он представляет собою постоянную опасность, порою переходящую в реальное нападение, и буржуазное государство ведет против него «национально-освободительную» войну. Сплошь и рядом (но не всегда) она и в действительности является борьбою прогрессивного, нового, даже революционного, против старого, отжившего, реакционного.

Нет ничего более неправильного, как воображать себе «чистый капитализм», по стандартному типу развивающийся на обломках феодализма. Закон неравномерного развития капитализма выражается, между прочим, в том, что взаимодействие «базиса» и «надстройки» в лице национальных государств в разных углах земного шара происходит совершенно по-разному Поэтому и «национально-освободительная война» в различные эпохи и у разных народов протекает неодинаково. Например, современные национально-освободительные движения в Индии, Китае, Турции и т. д. направлены не против феодализма (поскольку речь идет о внешних врагах), а против загнивающего капитализма, против империализма.

Мы должны предупредить, что обличье «национально-освободительных» войн апологеты империализма и социал-соглашатели умышленно пытаются натянуть на современные империалистические войны. Германские империа-

[1]) Энгельс, Сила и экономика в образовании Германской империи, цитировано по сборнику «Маркс и Энгельс о праве», 1925 г., стр. 408. Другой перевод см. в изд. Е. Горское, 1925 г.

листы в 1914—1918 гг. кричали о необходимости освободиться от опасности со стороны варварской России, английские и французские — об опасности со стороны немецкой полуфеодальной военщины и т. д. Ленин неустанно подчеркивал ложный характер таких утверждений.

Сложившиеся капиталистические «национальные хозяйства» стремятся к расширенному воспроизводству часто и методом присвоения территорий, население коих живет еще в условиях докапиталистических отношений. Это выливается в форму колониальных захватов, раздела и передела мира между крупнейшими державами. И здесь буржуазное государство играет решающую роль.

Таким образом, современная «торгующая нация» обособляется от остального мира вовсе не в силу климатических, географических и прочих внеисторических причин, как и не в силу причин религиозных, культурных, расовых и т. д., а исключительно под давлением капиталистических интересов, которые сами суть продукты широко развитого товарного производства и соответствующего ему мирового обмена. Теперь мы видим, как далеко от истины обретаются Рикардо и Милль, Кэрнс и Бастэйбль и весь остальной буржуазный теоретический мир, когда он занимается формулировкой основной посылки своей теории внешней торговли.

Еще более нелепы утверждения протекционистов типа Манойлеско, которые совершенно голословно заявляют, что каждая «нация» есть «единство» [1]). Ни одно государство не есть такое хозяйственное единство, которое предполагает какого-то «хозяйствующего суб'екта». В национальном государстве наших дней мы находим лишь одно единство — единство условий капиталистической эксплоатации. Это означает, что внутри капиталистической страны не должно быть никаких таможенных границ, что правовая и налоговая системы должны быть в максимальной степени унифицированы, что внутри страны должна процветать возможно полная «свобода торговли». Что же касается внешнего мира, то от него необходимо как можно сильнее отгородиться системой покровительственных пошлин.

Территория или, точнее, границы государства не всегда представлялись столь необходимым признаком государства, как это мы видим в капиталистическом обществе. Например, древнее государство-город охватывало собою граждан города, земля и рабы которых находились часто далеко за городом. А территорию, на которую распространялась власть города Рима, и определить было трудно: так широк и вместе — неустойчив был круг его подданных, вносивших дань. Феодальное государство хотя и обосновывалось на территории-вотчине, но для вотчинника-крепостника размер его государства измерялся количеством душ крестьян, платившиx дань. Сами подвластные крестьяне выражали это словами: «мы — ваши, но земля — наша». Феодальное государство представляло из себя тип «государства государств» без особого единства. Это единство территории подготовлял абсолютизм, но до конца он был доведен только буржуазной революцией. Только она об'явила границы государства (так же как и границы собственности) «священными», «неприкосновенными». Только теперь границы государства становятся «естественными» рубежами национально-буржуазной эксплоатации [2]).

Единство территории, этот существеннейший момент современного национального государства, усиливается устройством сети сообще-

---

[1]) M. Manoïlesco, Théorie du protectionisme et de l'échange international, 1929.

[2]) П. Стучка, Государство, статья в «Большой Советской Энциклопедии», т. XVIII, стр. 513.

ний — дорог, каналов и железнодорожных путей. Внутренняя экономическая политика идет рука об руку с внешней.

Феодальное государство не нуждалось в таком единстве территории и в такой связи отдельных частей ее между собою. Его отдельные области могли быть (и в большинстве случаев были) экономически независимы одна от другой. В основном они довлели сами себе. Феодальный князь мог стоять во главе владений, разбросанных по самым различным областям. Так, например, Габсбурги вплоть до XIX столетия владели некоторыми областями в Бадене и Вюртемберге, Гогенцоллерны — в Швейцарии. Административное деление современной (послевоенной!) Германии продолжает носить многочисленные следы этой чересполосицы и раздробленности прежних феодальных владений, из коих сложилась Германия. Их не могло стереть ни национально-об'единительное движение XIX века, ни революционные события, имевшие место после империалистической войны.

Экономическая (таможенная, в первую очередь) граница, как правило, совпадает с политической границей буржуазного государства. Однако это бывает не всегда. Бывают исключения из этого общего правила, исключения, которые, как ни странно, иногда прямо диктуются интересами капитала. Таково, например, выделение за общую таможенную границу страны так называемых «свободных гаваней». В последнюю четверть прошлого столетия, т.-е. как раз в период развития «наступательного протекционизма», был учрежден целый ряд свободных гаваней в Германии, Австро-Венгрии, Дании: Гамбург (с 1882 г.), Бремен (1888 г.), Штеттин (1896 г.), Данциг (1901 г.), Триест (1891 г.), Копенгаген (1894 г.) и др.

В период после империалистической войны 1914 г. число свободных гаваней увеличивается еще более. Швеция учреждает свободные гавани в Гётеборге, Мальмё и Стокгольме, Испания — в Кадиксе, Барселоне и Бильбао. Версальский договор возложил на Германию обязанность сохранить свободные гавани во всех портах, где они существовали на 1 августа 1914 года. Но этот принудительный пункт Версальского договора оказался излишним, так как Германия стала учреждать даже новые свободные гавани: в Кенигсберге, Киле и др. местах. К работам по устройству свободных гаваней в последнее время приступлено в Ревеле и Либаве.

Значение свободных гаваней заключается, прежде всего, в их посреднических функциях в международной торговле. Свободные гавани притягивают к себе транзитные и импортные грузы, главным образом, тем, что простой судов в них, вследствие отсутствия сложных и обычно длительных таможенных процедур, значительно сокращается, а также и тем, что владельцы грузов могут сначала произвести продажу товара с назначением внутрь страны и уже затем произвести уплату пошлин, т.-е. выиграть во времени. «Отечественный» капитал не противник международной торговли, если она протекает на его «национальной» территории и приносит прибыль, хотя бы она была выделена и за таможенный кордон. «Не человек для субботы, а суббота для человека». Так и с таможенными границами [1]).

Особый случай нарушения принципа единства территории в экономическом смысле мы имеем, когда в результате компромисса вновь присоединенная территория сохраняет за собой право на собственную таможенную политику. Таково, например, было положение с Финляндией в дореволюционной России.

Как мы уже однажды упомянули, не следует думать, что при создании современного «национального государства» речь идет о соединении в данном

[1]) И. М. Кулишер, Основные вопросы международной торговой политики, ч. II, изд. 2-е, 1924 г., стр. 205—232; А. Кейлин, Вольная гавань, статья в «Большой Советской Энциклопедии», т. XIII, стр. 43—46.

государстве всех смежных областей, населенных тождественною национальностью и только ею.

В век капитализма с его исполинским развитием техники даже такие естественные границы, как горные хребты и многоводные реки, заметно теряют свое значение границ. Реки скорее являются связующим средством, чем препятствием для сношений. Горы и пустыни успешно преодолеваются тоннелями, железными дорогами и т. д. Что же говорить о других, более «тонких» и «деликатных» границах — границах языка, религии, расы и т. п. Известное значение все они, конечно, имеют — хотя бы через посредство созданных ими исторических условий и традиций, оказывающих некоторое влияние и на способ производства и на круг потребностей народов, что отражается в свою очередь на процессе их активного или пассивного самоопределения.

Единство языка играет, конечно, некоторую роль и в качестве предпосылки образования того или другого национального государства. Но гораздо большую роль оно играет в качестве задачи создавшегося уже буржуазного «национального» государства. Язык является важнейшим средством человеческого общения. Поэтому единство языка вскоре становится одним из важнейших требований буржуазии, которое она стремится удовлетворить насильственным распространением языка господствующей нации. Язык оказывается существенным условием действительно свободного и широкого капиталистического товарооборота.

«На Западе, — говорил на X с'езде партии т. Сталин, — в Англии, Франции, Италии и отчасти Германии период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств, в виду чего там нации при своем развитии облекались в государственные формы». Другими словами, формулирование нации как языковой, расовой, культурной и территориальной общности и формирование ее как «торгующей нации», как буржуазного государства идут рука об руку (иная картина — на Востоке).

Следовательно, при изучении процесса образования современных государств нельзя упускать из виду естественных и исторических условий, но не следует их и переоценивать — не они играют решающую роль. Абсурдом было бы рассматривать довоенную австрийскую монархию, как естественное единство территории, и допускать, что Галиция, которая после войны столь же легко стала составной частью Польши, и Босния, ныне отошедшая к Югославии, были в свое время самой природой предназначены состоять частями единой государственной территории.

Впрочем, при определении государственных границ современной «нации» одна «естественная» потребность оказывается чрезвычайно повелительно: потребность доступа к мировому морю. Этой потребности не было у феодального государства, но она становится настоятельной для капитализма, который, ведь, сам «является лишь как результат широко развитого товарного обращения, которое выходит за пределы государства» [1]) и для которого участие в мировой торговле является не роскошью, а вопросом жизни.

Мировое море представляет собою, по крайней мере — в мирное время, свободную дорогу всех наций, которую никто не может загородить. Напротив того, государство, не лежащее у моря, остается навсегда, даже и в мирное время, зависимым не только от таможенной политики своих соседей, но и от всех мероприятий экономической политики вообще, от способа проведения у них железных дорог, каналов, от товарно-грузовых ставок и т. д. Эта зависимость может стать прямо-таки убийственной для экономической

[1]) Ленин. Развитие капитализма в России, гл. I, § VIII.

жизни «сухопутного» государства. С точки зрения капиталистических интересов предпочтительнее жить в большом многонациональном государстве, в котором можно пользоваться свободным доступом к морю, чем в таком собственном «национальном государстве», отрезанном от моря.

Поэтому государство, будь оно даже действительно национальным, не остановится перед занятием области, населенной чужой национальностью, если только оно этим путем добьется доступа к морю. А тем более государство, уже обладающее морской гаванью, и особенно единственною, постарается всеми средствами отстоять эту гавань, хотя бы ценою грубого нарушения принципа национальности, понимаемой в узком смысле слова [1]).

Таков, именно, «естественный процесс», приведший Триест и Фиуме в состав бывш. Австро-Венгерской империи, Петербург — в состав бывш. Российской империи, Данциг и «польский коридор» — в состав теперешней Польши. Довоенная Европа знала в сущности одно только государство, не имевшее выхода к морю, страну туристов — Швейцарию. После империалистической войны произошло искусственное и насильственное дробление побежденных стран Центральной Европы, «балканизация» Европы, вследствие чего на божий свет появились новые «сухопутные державы»: Чехо-Словакия, Венгрия, Австрия. Едва не оказалась в их ряду Литва.

Тяга современной Австрии в состав Германии об'ясняется не одними расовыми, культурными и подобными моментами, и не только национально-шовинистическим стремлением воссоздать еще более обширную и мощную, чем до 1914 г., Германию для реванша в сторону Англии и Франции, но и чисто-экономическими обстоятельствами. Народ, искусственно замкнутый в государственные границы таким образом, что он сразу потерял все свои прежние рынки и лишен возможности приобрести новые, народ, третью часть которого составляет население одной только столицы Вены, не может не считать свою жизнь искалеченной.

Современные нации образовались под самыми разнообразными влияниями, влияниями, которые то перекрещивали, то уничтожали, то дополняли и усиливали друг друга. Ни одна из современных наций не возникла таким же путем, как другая. Но каждая из них явилась результатом одинакового экономического развития: капиталистического производства товаров и торговли.

«... Современная национальная идея есть, в сущности, буржуазная идея. Буржуазия и национальность нашего времени выросли на одной и той же почве, развитие одной из них способствовало развитию другой и наоборот. И роль, которую играет национальная идея, соответствует, таким образом, роли, выпавшей на долю буржуазии. Пока буржуазия была революционной, борьба за национальное единство и величие являлась борьбой высокого самоотвержения, создавшего тысячи воодушевленных героев, которые страдали и умирали за свою идею, не желая и не ожидая никакой награды. Теперь же национальная идея стала мантией, в которую драпируются всякие спекулянты и карьеристы. Экономическая подкладка этой идеи стала очевидной» [2]).

Классический образчик буржуазной трактовки национальной идеи мы находим у апостола протекционизма Фридриха Листа. Он определяет понятие «нация» с заслуживающей одобрения прямотой и откровенностью:

---

[1]) Карл Каутский, Освобождение национальностей, перевод под редакцией приват-доцента М. Я. Лазерсона, сборник «Национальные проблемы», с предисловием С. Семковского, изд. «Книга», П. 1918 г., стр. 130—135.

[2]) Карл Каутский, Национальность нашего времени, статья в сборнике «Очерки и этюды», собр. и перев. Г. Ф. Львовича, изд. 4-е, исправленное и дополненное, Спб. 1907 г., стр. 114.

«... Между отдельным человеком и человечеством стоит н а ц и я с ее особенным языком и литературою, с ее собственным происхождением и историей, с ее особенными нравами и обычаями, законами и учреждениями, с ее правами на существование, на независимость, прогресс, вечную устойчивость, и с ее обособленною территориею; образовавшись в ассоциацию посредством солидарности умственных и материальных интересов, составляя одно материальное целое, которое признает над собою авторитет закона, но в то же время как целое, владея еще естественною свободою по отношению к другим подобного рода ассоциациям, нация, при существующем мировом порядке, не может обеспечить свою самостоятельность и независимость иначе как собственными силами и своими частными средствами. Подобно тому, как отдельный человек только благодаря нации и в недрах нации достигает умственного образования, производительной силы, безопасности и благосостояния, так и цивилизация человечества немыслима и невозможна иначе, как при посредстве цивилизации и развития нации.

«В настоящее время между нациями существует, однако, бесконечное разнообразие; мы видим между ними великанов и карликов, существ нормальных и калек, нации цивилизованные, полуцивилизованные и варварские. Но тем не менее все нации, как и отдельные люди, обладают от природы инстинктом самосохранения и стремлением к прогрессу. Задача политики — цивилизовать варварские нации, сделать малые — великими и слабые — сильными, но прежде всего обеспечить их существование и устойчивость. Задача политической (национальной) экономии заключается в э к о н о м и ч е с к о м в о с п и т а н и и н а ц и й и в подготовлении их к вступлению во всемирное общество будущего.

«Нация в нормальном состоянии обладает собственным языком и литературой, обширной и хорошо округленною территориею, снабженной разнообразными естественными материальными источниками богатств и значительным населением. Земледелие, фабрично-заводская промышленность, торговля и мореходство развиты в ней равномерно; искусства и науки, просвещение и народное образование находятся у нее на одинаковой высоте с развитием материального производства. Государственное устройство, законы и учреждения обеспечивают ее гражданам высокую степень безопасности и свободы, поддерживают в ней религиозность, нравственность и благосостояние, одним словом, цель их — преуспеяние граждан. Она обладает достаточными морскими и сухопутными силами для обеспечения своей самостоятельности и независимости и для поддержания своей внешней торговли. Ей присуща сила влиять на развитие отставших от нее наций и посредством избытка своего населения и своих умственных и материальных капиталов основывать колонии и порождать новые нации.

«Значительная населенность и обширная, снабженная естественными богатствами территория — вот необходимые признаки нормальной национальности; они составляют основное условие умственного развития, равно как материального преуспеяния и политического могущества. Нация с ограниченным количеством населения и незначительной территорией, в особенности если она говорит своим собственным языком, может владеть лишь изуродованною литературою, лишь ничтожными учреждениями для развития искусств и наук. Незначительное государство никогда не будет в силах развить на своей территории до совершенства различные отрасли труда. Всякое покровительство будет вызывать у нее частную монополию. Только посредством союзов с более могущественными нациями, жертвуя частью национальных выгод и чрезмерным напряжением сил, может она еще кое как обеспечить свою самостоятельность.

«Страна, которая не соприкасается с морями, которая не имеет ни торгового, ни военного флота, или у которой устья рек не находятся в ее

власти, в своей внешней торговле стоит в зависимости от других наций; она не может ни основать колоний, ни положить начало новым нациям; весь избыток населения, умственных и материальных средств, отливая в страны еще не культивированные, теряется совершенно для ее литературы, цивилизации и промышленности в пользу других наций.

«Нация, не окруженная морями и горными цепями, предоставлена вторжениям чужеземцев и может лишь с огромными пожертвованиями установить свою собственную таможенную систему, и то лишь очень несовершенную.

«Территориальные недостатки могут быть устранены или посредством наследований, как было в Англии и Шотландии, или покупкою, как было в Флориде и Луизиане, или завоеваниями, как это было в Великобритании и Ирландии.

«В новейшее время начали прибегать к четвертому способу, который приводит к той же цели и более соответствует праву и благосостоянию народов и государств, чем завоевания, и не стоит в такой зависимости от случайностей, как наследование, а именно: к об'единению интересов различных государств посредством торговых договоров, свободно заключенных. Еще недавно германская нация посредством таможенного союза обеспечила себе обладание важнейшими атрибутами национальности. Однако это мероприятие не может считаться совершенным, пока оно не распространится по всему побережью Немецкого моря от устьев Рейна и до границ Польши со включением Голландии и Дании. Естественным следствием такого союза должно быть вступление обеих этих стран в Германский союз, следовательно, присоединение к германской национальности, чем они приобретут то, чего им недостает в настоящее время, а именно: рыбные ловли и морские силы, морскую торговлю и колонии. Тем более, что оба эти народа принадлежат и по своему происхождению и по существу своему к немецкой национальности. Долги, которые лежат бременем на этих странах, суть необходимое следствие их неестественного стремления к поддержанию своей самостоятельности, и вполне естественно, что это зло достигнет таких размеров, когда оно сделается невыносимым и когда включение в лоно более обширной национальности им самим будет казаться желательным и необходимым.

«Бельгия только путем федеративного об'единения с нациею более обширною может устранить неудобства, проистекающие из ограниченности ее территории и численности населения. В Северной Америке и Канаде тем более будет возрастать население, чем более будет развиваться протекционная система Соединенных Штатов, тем более они будут чувствовать потребность в сближении друг с другом и тем менее Англия будет в состоянии воспрепятствовать устройству между ними конфедерации» [1].

Едва ли есть надобность в особых комментариях к этому честному и открытому буржуазному исповеданию. Мы теперь не только точно понимаем его смысл, но ясно представляем себе всю необходимость и закономерность появления на известном этапе исторического развития такой идеологии, такого острого «чувства национальности».

Многие места из приведенной выдержки звучат прямо пророчески. Взять хотя бы предсказание относительно сближения Соединенных Штатов и Канады и о неминуемости постепенного отторжения последней от Англии [2].

---

[1]) Д-р Фридрих Лист, Национальная система политической экономии, перевод с немецкого под редакцией К. В. Трубникова, Спб. 1891 г., стр. 223—226.

[2]) См. об этом мою статью в журнале «Социалистическое Хозяйство» 1925 г., кн. III, стр. 202-211, Н. Петров, Американизация Канады.

Подводим итоги. Буржуазному способу производства соответствует социально-политический строй, вырастающий на нем в форме «национального государства». На определенном историческом этапе эта «надстройка» не только начинает появляться, но и оказывает все более могущественное обратное воздействие на базис — на производительные силы и производственные отношения, конечно, в пределах, поставленных последними. То, что мы весьма условно называем «национальным хозяйством», и есть единство капиталистических производственных отношений и его социально-политической формы — буржуазного государства. Это удалось понять даже Петру Маслову, который пишет:

«Развитие национального хозяйства является результатом превращения самостоятельного производителя-ремесленника в кустаря, работающего на скупщика или на хозяина, и в рабочего, работающего на мануфактуре. В этот период, названный Марксом периодом первоначального накопления капитала, разрушаются постепенно все основы старого хозяйственного строя и создаются основы современных капиталистических отношений» [1].

Однако именно это довольно ясное положение оказалось непонятым Н. Бухариным. В «Экономике переходного периода» он замечает, что не следует смешивать «нацию», «целое» с государством, т. е. организацией господствующего класса.

Ленин при чтении «Экономики переходного периода» поставил на полях против этого замечания Н. Бухарина «???» и надписал: «Это не смешение, а исторический факт. Автор «забыл», что типичное государство при капитализме есть национальное государство (± колонии, но это не к данному вопросу)» [2].

Для того, чтобы ошибка Н. Бухарина была яснее, приведем более подробно развитые Лениным положения о национальном государстве из его работы 1914 г. «О праве наций на самоопределение»:

«Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем.

«Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы — более того: для всего цивилизованного мира — типичным, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство» [3].

---

[1]) Проф. Петр Маслов. Наука о народном хозяйстве, изд. 2-е, М.-П. 1923 г., стр. 236.

[2]) Ленинский сборник XI, 1929 г., стр. 381.

[3]) Ленин, О праве наций на самоопределение, Соч., т. XVII, 1929 г., стр. 428.

Типы национальных хозяйств.

Ни одно национальное хозяйство не возникает тем же путем и в тех же условиях, как другое. Каждое есть продукт специфических обстоятельств и потому носит особую печать, понять которую можно только исторически.

Национальные хозяйства образовывались на протяжении длительного исторического периода, тянувшегося несколько столетий, незакончившегося и в наши дни. Образовавшиеся национальные хозяйства в свою очередь не оставались неизменными. Они или развивались, или деградировали. Иногда они отпочковывали от себя другие национальные хозяйства, не переставая существовать сами, иногда катастрофически распадались. Таким длительным и мучительным путем создалось на месте прежнего «космоса», мира купеческого капитала, современное мировое хозяйство, являющееся комплексом национальных хозяйств плюс колонии и полуколонии. Особое положение в мировом хозяйстве занял СССР, но об этом речь ниже.

Несмотря на всю пестроту национальных хозяйств, можно подметить несколько типичных случаев, изучение которых поможет нам лучше понять остальные и разгадать проблему национального хозяйства в целом. Типом или даже прототипом национального хозяйства в наших глазах является, прежде всего, Англия. Она была первой страной, которой удалось стать «нацией», национальным хозяйством [1]). Поэтому полезно ближе и подробнее ознакомиться с процессом возникновения английского национального хозяйства. После этого в кратких чертах коснемся и других.

История английского капитализма распадается на два периода, хотя и сходные по внешности, но совершенно различные по своему историческому значению. Первый период продолжается с конца средних веков и до промышленного переворота, грубо говоря с XV века до середины XVIII века. Характерной его чертой является гегемония торгово-капиталистических интересов и в экономике страны и в ее политике. Это — время, когда «торговля господствует над промышленностью». Его можно было бы назвать «раннекапиталистическим периодом» в отличие от собственно-капиталистического, современного, когда, наоборот, промышленность начинает господствовать над торговлей, когда развитие промышленного капитализма определяет собою общее развитие страны, ее экономику и политику. Ранне-капиталистический период по отношению к собственно-капиталистическому играет, таким образом, роль переходного, подготовительного периода. Рассматриваемый с этой точки зрения, он может быть охарактеризован следующими моментами.

Исходным пунктом движения является феодальное общество с едва зародившимся в его недрах обменом. Лишь с большим трудом, медленно, обмен разрывает узкие местные границы и втягивает в интенсивные рыночные отношения одну провинцию за другой. Если бы не присоединились некоторые ускоряющие факторы, которых мы коснемся ниже, экономическое развитие продолжало бы итти этим сравнительно медленным темпом. Английское хозяйство долгое время оставалось бы в основе натуральным, выбрасывающим для обмена только излишки своих продуктов, остающиеся за покрытием потребностей производителей. При тех темпах экономического развития, которые имели бы место в таких условиях, Англия едва ли шла бы впереди других стран, например, Франции и Германии и уж, во всяком случае, отстала бы по сравнению с Италией и Португалией.

«Не подлежит никакому сомнению,— говорит Маркс,— что великие перевороты XVI и XVII веков, совершившиеся в торговле вследствие геогра-

---

[1]) Д. Рязанов думает, что исторически первым национальным государством следует считать Нидерланды (см. его примечания к «Комм. Манифесту», 1925 г., стр. 114).

фических открытий и давшие толчок для быстрого роста купеческого капитала, были существенным моментом, побудившим к переходу феодального способа производства в капиталистический» [1]).

Следовательно, не в условиях данной страны, Англии, взятой самой по себе, а в условиях мирового хозяйства, в международном разделении труда и обмене нужно искать основную пружину быстрого развития капитализма. В только что приведенной цитате Маркса мы находим ту же самую идею, которую, как мы уже говорили, Ленин выразил так: «Капитализм является лишь как результат широко развитого товарного обращения, которое выходит за пределы государства».

Само собою разумеется, что великие географические открытия были в свою очередь детерминированы экономическим развитием. Торговый капитал рыщет по белу свету, вероятно, не одно тысячелетие. Однако лишь в средних веках развитие производительных сил и общественных отношений стало усиленно гнать его на поиски новых путей и новых стран.

Внезапное расширение мирового рынка, умножение обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства. Особенное значение имело для Англии увеличение емкости мирового рынка, в первую очередь — его нидерландского сектора, по отношению к английской шерсти. Массовая «товаризация» английского хозяйства оказалась возможной лишь с того момента, как главнейшие продукты сельского хозяйства Англии (шерсть, кожи) нашли массовый сбыт [2]).

Рост участия Англии в мировой торговле сопровождался созданием в стране крупных капиталов и вообще сосредоточением собственности на средства производства в одних руках. Развитие производительных сил требовало создания капиталистических отношений — и вот они появились. Было приступлено к обезземелению крестьян и пролетаризации этой громадной части населения. Полным ходом начался великий процесс первоначального накопления. Появились налицо оба обязательных элемента капиталистического способа производства: средства производства как капитал и рабочая сила в виде «свободных как птицы пролетариев».

Торговый капитал в состоянии преобразовать феодальное государство в буржуазное лишь постольку он сам способен перерасти в свою противоположность, — в промышленный капитал. На это оказался способен, в силу ряда исторических причин, английский капитализм и неспособен голландский.

Не последнюю роль в числе причин сыграло островное положение Англии, контур ее берегов, ее естественные богатства, климат и почва, одним словом, природные условия производства. Они не об'ясняют нам происхождения английского или какого угодно другого капитализма, но до некоторой степени они об'ясняют более быстрый рост капиталистических отношений, именно в этой стране по сравнению с другими. Адам Смит имел некоторые основания заметить:

«Англия самою природой предназначена... ко всемирной иностранной торговле, к мануфактурным заведениям для снабжения своими произведениями самых отдаленных рынков и ко всем находящимся в связи с такою торговлею промыслами» [3]). И, действительно, ни одна астрана в начале нового

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, гл. 20.

[2]) Ср. замечание Маркса в «Теориях прибавочной стоимости», т. II, ч. 2, 1925 г., стр. 93.

[3]) Ад. Смит, Исследование о природе и причине богатства народов, П. 1866 г., т. II, стр. 219.

времени не находилась в более благоприятных условиях для развития капитализма, чем Англия.

Для формирования Англии как капиталистической «нации», как первого национального хозяйства, имело большое значение в частности, как мы только что сказали, ее островное положение. Оно обеспечивало сравнительную безопасность достаточно большой территории с чрезвычайно естественными границами в виде моря, которое одновременно и «отделяло» и «не отделяло» ее от внешнего мира. «Отделяло» в том смысле, что как военная, так и экономическая защита внутреннего рынка была относительно легка. «Не отделяло», — поскольку море, в отличие от других естественных границ, таких, как, скажем, горы или пустыни, не только не мешает, а, наоборот, сильно способствует экономическому общению граждан данной страны с заграницей. Больше того, море, в совокупности с удобным географическим положением островов Англии у самых ворот Северной Европы, обеспечило за этой страной инициативу и активную роль в мировом обмене. Торгово-капиталистическая Англия выросла на обслуживании обмена веществ развивающегося мирового хозяйства.

Долгое время уже после того, как роль английских товаров на международном рынке сделалась заметной, в особенности роль шерсти, а позднее, — сукна, внешняя торговля Англии продолжает еще обслуживаться попрежнему иностранцами, главным образом, ганзейцами, итальянцами, голландцами. Однако уже в конце XV века венецианские купцы начинают вытесняться из торговли на островах. В начале XV века это вытеснение становится систематическим. Против венецианцев властями принимается ряд мер, которые мотивируются тем, что эти купцы привозят ненужные товары, не доставляют пряностей, шелка, не ввозят денег. В результате наступают перерывы, на несколько лет каждый, в посещении островов венецианцами, а в 1534 году они приезжают в Англию в последний раз, с тем чтобы более уже не появляться здесь. В конце XVI века правительство Венеции даже не знает, имеется ли его консул в Лондоне. Между тем, английский консул в Венеции в это время широко действует.

Почти одновременно начинает подвергаться стеснениям и ганзейская торговля. В 1552 году ганзейцы лишаются всех особых привилегий, которыми они пользовались до сих пор в Англии, и уравниваются с другими иностранными купцами. В 1598 году английскими властями закрывается торговое подворье ганзейских купцов в Лондоне, Stahlhof. Деятельность Ганзы с каждым годом подрывается, падает, несмотря на то, что торговые отношения островов с континентом растут: англичане забирают развивающуюся внешнюю торговлю в свои руки.

Экономическое развитие Западной Европы в XVI веке включает в себя два прямо противоположных процесса. На одном полюсе Европы (Англия, отчасти Голландия) происходит несомненный рост капитализма, повышение его удельного веса в мировом масштабе, формирование капиталистического национального хозяйства. На другом полюсе (сначала Италия, затем Ганза; мы уже не говорим об Испании и Португалии)—столь же несомненный процесс разложения некогда крепкой экономической организации, падение торгового могущества. В лице Венеции и Ганзы отходят в прошлое те экономические образования, которые, по выражению Маркса, «существовали как боги Эпикура в междумировых пространствах или, вернее, как евреи в порах польского общества».

Торговля первых самостоятельных пышно развившихся торговых городов, как торговля чисто-посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, в отношении которых они играли роль посредников. На-

против того, торговля Англии развивается на ее собственном растущем производстве, включенном в мировой обмен, в мировое хозяйство. Не город-государство, а нация-государство выходит на авансцену истории.

Нация - государство отличается от города - государства не только количественно, т.-е. не только размером своей территории и численностью населения, хотя и количественный момент играет большую роль. Возникает то, что именуется «национальными интересами», т.-е. возникает «национальное» буржуазное государство, как орудие капиталистической политики.

Национальное государство с первых шагов своей деятельности должно было обратиться к преследованию задач, лежащих в двух плоскостях. Во-первых, оно должно было озаботиться о том, «чтобы классы с противоречивыми экономическими интересами не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе» (Энгельс), чтобы был обеспечен «порядок» внутри ее более раз'едаемого классовыми противоречиями общества. Сгоняемые с земли крестьяне, будущие пролетарии, громадные массы только что созданного бродяжничества, составляли серьезную угрозу этому порядку. Во-вторых, капитализм данной страны поспешил опереться на институт своего государства в противопоставлении себя внешнему миру.

Первые короли из династии Стюартов, Яков I, Карл I, не вели достаточно активной национальной политики по отношению к Голландии. Успехи последней в торговле на севере Европы, в начале XVII века, делались все более значительными. Голландская конкуренция ощущалась самым болезненным образом на развитии английского торгового капитала. Перевозка товаров, центральные мировые рынки, эксплоатация колониальной добычи были в руках Голландии. Развивающийся английский капитализм требовал борьбы с растущей голландской конкуренцией. Между тем, короли Яков I и Карл I старались дружить с Голландией и даже породнились с Оранским домом. Таким образом, правительство Англии недостаточно отражало интересы растущей капиталистической нации.

Между экономикой страны и политикой ее правительства обнаружилось растущее несоответствие,—оно должно было рано или поздно вылиться в форму социально-политического столкновения. Это столкновение и произошло в 1642—1649 гг., когда революция поставила у власти новое республиканское правительство.

Одним из наиболее серьезных мероприятий республики был «акт о мореплавании» или так называемый навигационный акт Кромвеля, принятый парламентом в 1651 г. Согласно этому акту ввоз товаров в Англию допускался или на кораблях английских владельцев, или на кораблях тех стран, где данные товары произведены. Так как голландцы сами производили очень мало, то акт равнялся запрету их перевозочной и колониальной торговли в Англии. Навигационный акт относится к разряду типичных экономно-политических мероприятий национального государства, ибо он был направлен к тому, чтобы как можно более расширялось поле деятельности английского капитала, английского мореплавания, чтобы производство и распределение прибавочной стоимости происходило с максимальными выгодами для английской буржуазии.

После второй Английской революции 1688 г. внешняя торговая политика Англии начинает еще более соответствовать интересам отечественного капитала, еще более энергично начинает выражать и защищать эти интересы как интересы нации.

«Английская буржуазия,—говорит Маркс,—достигши при Вильгельме Оранском политического господства и получивши возможность свободно развивать условия своего существования, сразу создала новую систему налогов, общественный кредит и систему покровительственных пошлин» [1]).

Внешний мир для Англии продолжал оставаться безличным «космосом» до тех пор, пока не образовались другие национальные хозяйства, подобные ей самой. Впрочем, с течением времени и в этом «космосе» появилось некоторое различение с точки зрения Англии: она постепенно стала обзаводиться собственными колониями. Колонии оказались каким-то несамостоятельным придатком к метрополии, об'ектом ее деятельности, отличающимся от прочего мира только тем, что его можно было при желании несколько изолировать от «третьих лиц» и подвергнуть более беззастенчивой эксплоатации.

Сложившаяся на протяжении веков грандиозная Британская империя оказалась, однако, слишком пестрым и сложным образованием, чтобы ее можно было считать за одно сплошное национальное хозяйство. Скорее ее надо рассматривать, как комплекс, состоящий из единственного в этом комплексе национального хозяйства (метрополии—Англии), нескольких владений, которые оказались способными к развитию в самостоятельные национальные хозяйства (хотя не закончили этого развития до сих пор) и остальной, совершенно бесправной и беспомощной кучи колоний в собственном смысле слова. Однако о процессе развития центробежных сил Британской империи скажем несколько позднее. Сейчас остановим наше внимание на истории некоторых других национальных хозяйств [2]).

Интенсивный рост меновых отношений, всюду подводивший дело вплотную к первоначальному накоплению и переходу на капиталистический способ производства, также повсюду толкал и на создание крупных национально-хозяйственных территорий. Разные страны пережили при этом довольно различную эволюцию.

Одни, например Голландия, имели уже высокую степень капиталообразования, но не сумели своевременно опереться на достаточно обширный внутренний рынок. По мнению Фридриха Листа, они легко могли бы создать его из Рейнской области, Северной Германии и теперешней Бельгии.

«Если бы Голландия,—говорит Лист,—соединившись с Бельгией, с Рейнским бассейном и Северной Германией, образовала одну национальную территорию, трудно было бы для Англии и Франции нанести, посредством войны и торговой политики, ее морскому могуществу, ее внешней торговле и внутренней промышленности тот удар, который ей был нанесен. Такая нация могла бы торговой системе тех государств противопоставить свою собственную торговую систему. Если бы, вследствие возникновения фабрик в тех государствах, немецкая промышленность понесла ущерб, то естественные богатства страны и иноземная колонизация с избытком возместили бы эти убытки. Но Голландия пала, потому что население, обитавшее на узкой приморской полосе земли, заселенной небольшим числом немецких рыболовов, моряков, купцов и пастухов, стремилось из себя самого создать национальное государство, и часть континента, с которым Голландия составляла одно географическое целое, принималась голландцами в соображение как страна чужеземная, с которой они так и обращались.

«Таким образом, пример Голландии, так же как и Бельгии, ганзейских городов и итальянских республик, ясно показывает, что частные промышлен-

---

[1]) Маркс, Нищета философии, Маркс и Энгельс, Соч., т. V, 1929 г. стр. 399.

[2]) Ранне-капиталистическому периоду Англии посвящена моя работа «Английский капитализм на заре своего развития» («Труды Института Красной Профессуры»), 1924 г.

ники не в состоянии непосредственно поддержать торговлю, промышленность и богатство целых государств и стран в том случае, когда общественные условия не благоприятствуют этому, и что отдельные лица большею частью своих производительных сил обязаны политической организации управления и силе наций» [1]).

Другие страны, напр. Франция, с успехом образовали из себя достаточно крупные государства-монархии и показывали несомненные начатки самостоятельной буржуазной внешней экономической политики, но показывали их слишком робко. Торговая политика абсолютизма была и нерешительной, и колеблющейся. Абсолютизм не мог преодолеть такого явного порока, как внутренние таможенные пошлины и неодинаковый налоговый режим в разных частях страны. Элементы капитализма не были еще настолько развиты в стране, чтобы настоять на уничтожении этих атрибутов феодального строя. «Свободной конкуренции в пределах страны,—говорит Маркс,—приходилось добиваться повсюду при помощи революции—1642 и 1688 гг. в Англии, 1789 г. во Франции» [2]).

Лишь в результате длительного периода, начатого Великой Французской революцией и законченного наполеоновскими войнами, Франция окончательно сформировывается как национальное государство в буржуазном смысле слова. Любопытно при этом отметить, что в период реставрации, когда к власти вернулись дворянско-феодальные круги и верхи финансовой буржуазии, не только не было сделано каких-нибудь шагов назад к старому режиму и феодальному строю, но, наоборот, вся политика государства была направлена на дальнейшее углубление и усиление национальных связей. Как никогда ранее была развернута программа промышленного и аграрного протекционизма. Как никогда правительство преследовало коалиции рабочих и малейшие попытки возмущения. При всей суб'ективной реакционности правительства реставрации, оно сделало все возможное для укрепления позиций французской буржуазии. Волей-неволей оно осуществляло буржуазную национальную политику [3]).

Третьи страны, к которым следует отнести Германию и Италию, долгое время страдали и от чрезвычайно слабого развития капиталистических отношений, и от раздробленности территории. Лишь в середине XIX века происходит эффектное преобразование той и другой в настоящие национальные государства. Однако более подробное освещение этого процесса мы принуждены отложить до другого случая.

Так постепенно создавалась и множилась «семья передовых народов» и тем самым на месте прежнего космоса образовывалось мировое хозяйство, т.-е. совокупность национальных хозяйств плюс капиталистически неразвитая колониальная, полуколониальная и просто отсталая в экономическом отношении периферия.

Мировое хозяйство не перестает пополняться новыми национальными хозяйствами и в наши дни. Часть из них образуется путем преобразования отсталых доселе стран, другая—путем «отпочкования» от ранее возникших национальных хозяйств. К числу первых относятся, например, Турция, Китай.

---

[1]) Фридрих Лист, Национальная система политической экономии, Спб. 1891 г., стр. 88, 89.

[2]) Маркс и Энгельс, Фейербах, напечатано в «Архиве Маркса и Энгельса» кн. I, М. 1924 г., стр. 240.

[3]) См. об этом подробнее мою раннюю работу «Французский рабочий класс в эпоху реставрации», составленную на основании документальных материалов, впервые собранных и опубликованных в книге D. et H. Bourgin «Le regime de l'industrie en France de 1814 à 1830», Paris 1912 («Труды Института Красной Профессуры», т. I, 1923 г., стр. 329—347).

К числу вторых—британские доминионы. Особое положение занимает во всем этом процессе Индия.

История преобразования Турции в национальное хозяйство представляется нам особо поучительной. Эпоха буржуазно-демократических революций в Восточной Европе и Азии началась в 1905 году. Однако решительное преобразование Турции по существу началось лишь после империалистической войны и досталось туркам ценою громадных жертв, принесенных ими в национально-освободительной войне против англо-французского империализма и империалистических наймитов в лице Греции.

Запоздалый выход Турции на арену национального движения в буржуазном смысле слова поставил ее, в отличие от «наций» XIX века, перед необходимостью вести борьбу с империализмом и феодализмом одновременно. В наш век, когда весь мир поделен между крупнейшими капиталистическими державами, Турция не могла успешно разрешить задачу создания обширной государственной территории. Наоборот, ей пришлось согласиться на значительное сужение своих границ в пользу империалистических интересов и на западе и на востоке и на юге. Достаточно вспомнить историю отторжения нефтеносного Моссульского района.

Сознание национальных интересов было не чуждо и прежнему государственному строю Турции. Давление сложившихся ранее национальных государств, в особенности, когда они переродились в империалистические государства, каждый день и час толкало турок на путь национального сплочения и освобождения. Еще сильнее, чем внешнее давление, сказывались причины внутреннего порядка: развитие в стране капиталистических отношений, распространение принципа частной собственности на землю и т. д. П. Т. Мун такими штрихами изображает развитие национального хозяйства Турции:

«На своей исторической родине, Анатолийском плато, турки составляют довольно компактную массу населения. Называть их «турками» было бы, правда, не совсем верно, ибо по большей части они представляют из себя смешанную расу, в которой сравнительно небольшая доля монгольской или турецкой крови перемешалась с кровью других народностей. Но они говорят на турецком языке и привыкли смотреть на себя, как на членов единой турецкой нации, имеющей такие же национальные права, как и всякая другая. Это национальное чувство развилось лишь за последнее время и мало вяжется со старыми оттоманскими традициями, считавшими за оттоман всех мусульман, независимо от их языка и расы. Новый национализм есть продукт западной цивилизации, перенесенный европейским империализмом на восточную почву» (надо было сказать точнее: продукт капиталистических отношений.. *Н. П.*). «Этот новый национализм, ревниво охраняющий свою независимость и резко протестующий против вмешательства, является препятствием для европейского империализма» [1]).

В последней фразе есть несомненное преувеличение: буржуазный национализм молодых стран является лишь относительным препятствием для империализма, ибо, появляясь на свет в эпоху империализма, он довольно быстро оказывается связан с ним значительной общностью интересов, а кроме того, просто попадает сразу в экономически-зависимое положение.

Турция сумела сбросить с себя навязанный ей победителями Севрский договор, который полностью восстанавливал прежний капитуляционный порядок. После длительной и тяжелой национальной войны турки добились того, что вместо Севрского договора в силу вошел новый, составленный на совершенно иных началах. Лозаннский договор 1923—1924 гг. порвал, наконец,

[1]) **Паркер Томас Мун**, Империализм и мировая политика, перевод Ст. Вольского, 1928 г., стр. 168, 169.

все путы, которые связывали Турцию в течение нескольких столетий, и, несмотря на ряд недостатков, открывал большие возможности по части развития производительных сил страны в их капиталистической форме. Отныне Турция получает возможность формального равенства, а отчасти—и фактической взаимности с другими державами. Она пытается энергично развивать покровительство своему производству, особенно текстильному, сахарному, угольному, а также сельскому хозяйству. Обособление нового национального сектора в лице Турции не происходит, конечно, с такой легкостью, с какой это бывало раньше, в других странах, сто или восемьдесят лет тому назад. Таможенная стена любой высоты может быть преодолена и разбита в наши дни капиталистическими монополиями при помощи вывозных премий. Однако это обособление все же кое-что дает Турции.

Протекционистские тарифы в Турции как и в других странах дают эффект не только в плоскости внутреннего рынка, который ими защищается, но и по линии рынка внешнего. Ценою скидок с высоких тарифных ставок получается возможность выторговать у других стран соответствующие скидки на продукты данной страны. Таким путем Турция, например, получила существенные таможенные скидки на следующие статьи своего экспорта: табак, фрукты, оливковое масло, ковры, хлопок, опиум и др. [1]).

На примере Турции мы можем чуточку подробнее коснуться еще одной стороны явления. Обособление того или другого национального сектора ни в коем случае не надо понимать в том смысле, что происходит всестороннее ослабление связей с внешним миром, что развиваются какие-то самобытные «истинно-турецкие», «истинно-французские» и т. п. черты, что получается замкнутость и т. д. Совсем наоборот. Только последовательно проведенная национальная политика в буржуазном смысле слова часто впервые вообще открывает путь к европейской капиталистической цивилизации, к усвоению буржуазных правовых норм, к относительному раскрепощению женщин, к смене арабского алфавита латинским, к переходу на метрическую систему и т. д., и т. п. Турция лихорадочно работает над развитием путей сообщения, которые бы связывали отдельные части страны как между собою, так и с внешним миром. Это наглядно свидетельствует о единстве мировых производственных отношений, не разрываемых, а, наоборот, укрепляемых созданием национальных хозяйств.

«Прежняя местная и национальная замкнутость и самодовление,—говорит Маркс в «Коммунистическом Манифесте»,—уступают место всестороннему обмену и всесторонней взаимной зависимости народов. И как в области материального, так и в области духовного производства... Национальная односторонность и ограниченость становятся теперь все более и более невозможными...

«Быстрым усовершенствованием орудий производства и бесконечно облегченными средствами сообщения буржуазия толкает на путь цивилизации все, даже самые варварские народы... Она заставляет все нации принять буржуазные способы производства, под угрозой полного их разорения; она заставляет их усвоить так называемую цивилизацию, т.-е. сделаться буржуа. Словом, она творит новый мир по своему образу и подобию».

То, что происходит в Китае — у всех на глазах. Китайская буржуазия, так же, как и турецкая, все помыслы направляет на то, чтобы скорее покончить с навязанными Китаю неравноправными договорами, чтобы перейти к самостоятельной внешней торговой и экономической политике. Порою даже кажется, что она готова пойти на решительные формы национально-

[1]) И. Геннн, Внешняя торговая политика современной Турции; А. Зонненштраль-Пискорский, Торгово-договорная система Турции, статьи в журнале «Вопросы Торговли» 1929 г., декабрь, № 15, стр. 101—126.

освободительной борьбы против империализма. Но смелость редко бывает уделом буржуазии. Ее меньше всего можно ожидать в наш век, когда всякой буржуазии, в том числе и китайской, приходится бояться не только внешнего врага, но и «внутреннего»—рабочий класс в современных молодых странах растет быстрее, чем он рос в свое время в старых буржуазных странах [1].

С «естественным» процессом образования новых национальных хозяйств, как мы его описали выше, не следует смешивать насильственный, пример которому дает политика держав победительниц, начатая Версальским мирным договором. Как известно, в результате войны произошло чрезвычайное дробление крупных ранее государств, «балканизация Европы». Из территории трех великих прежних империй были сформированы многочисленные мелкие или сравнительно мелкие «самостоятельные» государства: Австрия, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Чехо-Словакия, Эстония. Мы не упоминаем Финляндию, ибо она и ранее не составляла в экономическом отношении единого целого с Российской империей, имела собственные таможенные границы и т. д. Не упоминаем многочисленных балканских государств, так как они образовались значительно ранее и отчасти могли использовать свою национальную самостоятельность для более быстрого развития в них капитализма. Тем не менее следует отметить, что они остались и после войны по существу мелкими, хотя некоторые и выросли за счет соседей, в частности — Югославия.

Каждое из вновь образованных государств завело подобие самостоятельной национальной внешней экономической политики, результатом которой явилось в первую очередь удлинение таможенных границ Европы в несколько раз. От одного только этого нововведения международная торговля после войны должна была показать статистический «рост» по сравнению с довоенным периодом: ведь тот товарооборот, который ранее был внутренним, теперь стал «внешним» (напр., между Австрией, Венгрией и Чехо-Словакией). Этот ложный рост международной торговли вполне соответствует ложности самих новообразований, всех этих стран-лилипутов, пытающихся в эпоху империализма иметь собственную и притом самостоятельную торговую политику. Ничего, кроме раздражения, действительным агентам международного экономического общения это не приносит.

Лозунги «Пан-Европы» являются любопытным маневром некоторых групп империалистической буржуазии в частности потому, что они обещают: 1) промышленному и торговому капиталу уничтожение или смягчение этих многочисленных и несносных границ, а 2) сельскохозяйственной буржуазии вновь образованных мелких «держав» сулят дешевые иностранные промышленные товары. Финансовый капитал пытается создать блок с европейским кулаком и, отчасти, помещиком. Своего рода «столыпинщина» в европейском масштабе.

В заключение мы должны на время вернуться опять к Англии, вернее— к Британской империи. Как мы уже упоминали в своем месте, новые национальные хозяйства образуются не только за счет «космоса», за счет несоединенной в «нации» и неосвоенной капиталистической периферии. Могут иметь место и такие случаи, как расчленение уже образованных ранее национальных хозяйств.

Северо-американские колонии Англии восстали против своей метрополии, отделились от нее после длительной борьбы (1776—1789 гг.) и провозгласили свою независимость как раз к тому моменту, когда на континенте Европы начала разгораться Великая Французская революция. Формированию Соединенных Штатов Северной Америки в качестве самостоятельного национального государства помогли естественно-географические

[1] Ленин, Соч., т. XVII, 1929 г., стр. 432.

факторы (еще в большей мере, чем в свое время Англии). Два океана, Атлантический и Тихий, обеспечили Соединенным Штатам почти островное положение. Обширность захваченной территории дополнялась богатством и разнообразием климата, почвы, растительности, подземных залежей и т. д. Однако основу событий 1776—1789 гг. составили экономические причины — развившееся участие Америки в мировой торговле и проникновение в Новый Свет капиталистических отношений.

Энергичная внешняя экономическая политика, в частности — протекционистские пошлины, быстро двинули вперед начавшееся на этой базе развитие национального капитала Соединенных Штатов. Правда, в течение нескольких десятков лет в Америке сохранялось еще рабство негров, но и этот пережиток был решительно устранен после гражданской войны 1861—1865 гг. В дальнейшем развитие капитализма, процессы концентрации и централизации идут уже бешеным темпом, и национальное государство довольно быстро перерождается в империалистическое государство.

Другой пример отпочкования национальных хозяйств происходит на наших глазах. Это — грандиозный процесс децентрализации современной Британской империи. Все доминионы (Канада, Южно-Африканский Союз, Австралия, Новая Зеландия, Ирландия) и вместе с ними Британская Индия быстро шагают к полной самостоятельности и независимости от Англии. — Запоздалая тяга к национальному государству. В век империализма трудно или почти совсем невозможно создание действительно самостоятельных и свободных национальных хозяйств. Отпадение от Англии всех или некоторых из упомянутых владений может кончиться или эфемерной самостоятельностью при фактической зависимости от другой, более сильной державы, например Соединенных Штатов, или даже полным слиянием с последней. Первое, например, легко может произойти с Южно-Африканским союзом, второе — с Канадой [1].

Неизбежная «американизация Канады», о которой теперь все говорят, была ясна Энгельсу еще в 1888 г. В этом году он совершил путешествие в Америку и писал оттуда Зорге:

«Переход от Соединенных Штатов к Канаде поразителен. Сначала тебе кажется, что ты снова в Европе, а затем думаешь, что попал в страну полнейшего упадка и в страну, во всех отношениях регрессирующую. Здесь видно, как необходим для скорейшего развития новой страны лихорадочный спекулятивный дух американцев (предпослав капиталистическое производство как основу); и не пройдет каких-нибудь 10 лет, как Канада созреет для присоединения к Штатам, и фермеры Manitob'a и др. мест сами этого потребуют. А в социальном отношении страна эта теперь уже наполовину присоединена. Гостиницы, газеты, рекламы и т. д. все на американский манер. И как бы этому канадцы не противились, экономическая необходимость проникновения американского духа в Канаду восторжествует и между Америкой и Канадой сотрет пограничную линию, на что в соответствующий момент и Джон Буль даст свое благословение» [2].

---

[1]) Подробнее эти вопросы мной освещены в 1925 г. в статьях: «Проблемы британского империализма в Южной Африке» (журнал «Социалистическое Хозяйство» за 1925 г., кн. IV, стр. 107—134), «Американизация Канады» (тот же журнал, 1925 г., кн. III, стр. 202—210), «Национальный вопрос и рабочее движение в Южной Африке» (журнал «Коммунистический Интернационал» 1925 г., № 11, стр. 149—164). Последняя работа на немецком языке появилась в декабрьской книжке «Die Kommunistische Internationale» (1925, XII, S. 60—75).

[2]) Письмо Энгельса к Зорге от 10 сентября 1888 г., «Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.», Спб. 1907 г., стр. 333.

Можно было бы привести довольно много иллюстраций того, как британские доминионы постепенно отрываются от своей метрополии и развиваются в направлении самостоятельных национальных хозяйств. Выражаясь по Гегелю, в лице доминионов мы имеем «национальные хозяйства в становлении». Констатация довольно небезразличная с практической точки зрения. Когда мы заключали последнее «Временное торговое соглашение» с Англией, то практически познакомились с этой проблемой. Она нашла себе отражение в тексте соглашения в целом ряде статей (4, 5, 6, 7 и приложения). Напр., ст. 4 гласит:

«Постановления настоящего соглашения могут быть по взаимному соглашению распространены с любыми изменениями, взаимно согласованными, на любой из его величества самоуправляющихся доминионов (включая любую подмандатную территорию, управляемую правительством такого доминиона) или на Индию, посредством обмена нотами между правительством СССР и правительством каждого такого доминиона или Индии».

Ирландия, особо ревниво относящаяся к вопросам своей самостоятельности, поспешила тотчас же заявить, что ни одно положение статей 4 и 6 временного торгового соглашения между Англией и СССР на нее не распространяется, и что она готова обменяться непосредственно с правительством СССР нотами, устанавливающими модус вивенди между Ирландией и СССР впредь до заключения особого торгового договора.

С этим же несовпадением внешней экономической политики Англии и ее владений мы сталкивались и ранее, например, при разрыве наших отношений с Англией, который далеко не автоматически и не сразу повлек за собой разрыв и с доминионами (Канадой и Австралией). В будущем мы можем ожидать еще скорее такого же самого расхождения в политике (не только в отношении нас) между Англией и ее непокорными владениями.

Единство производственных отношений капиталистического мира.

Мы стоим на той точке зрения, что мировое и национальное хозяйство составляют предмет политической экономии и образуют в составе последней лишь особый специальный раздел подобно тому, как особые разделы политической экономии составляют учение о деньгах, сельскохозяйственная экономика, вопрос о заработной плате, кризисах и т. д. [1].

Прекрасным подтверждением этого взгляда является факт, что в вопросах понимания сущности мирового и национального хозяйства спор идет по существу между теми же самыми идеологическими направлениями, что и в основных методологических вопросах политической экономии.

Об'единяющая характерная черта всех буржуазных направлений в области политической экономии—суб'ективизм. Буржуазную политическую экономию правильно характеризуют, как попытку дать капиталистическому предпринимателю практическое руководство «к действию», только к действию не в интересах общества, а в интересах кошелька, в интересах класса капиталистов.

Не что иное как **суб'ективизм является характерной чертой всех буржуазных теорий внешней торговли**, начиная от Рикардо и до наших дней. Суб'ективизм не перестает быть суб'ективизмом и в тех случаях, когда буржуазному мыслителю удается возвыситься от индивидуально-суб'ективной концепции до «общенациональных» интересов.

В чем сущность суб'ективной концепции в политической экономии? В том, что исследователь заранее отказывается от того, чтобы подняться

[1] См. об этом мою статью «Мировое хозяйство как предмет политической экономии» в журнале «Под Знаменем Марксизма», № 2—3 за 1930 г.

над точкой зрения отдельного агента капиталистического общества и об'ективно посмотреть на вещи. В том, что он сознательно становится на позицию отдельного предпринимателя или группы предпринимателей, об'единенных какой-то «общностью интересов», и не обременяет себя заботами по открытию стихийно-действующих законов рынка, которые не только довлеют над отдельным участником этого рынка, но определяют и все его поведение.

Если в вопросах стоимости основоположники политической экономии, Адам Смит и Рикардо, еще могли занимать более или менее научную позицию и даже формулировали закон трудовой стоимости, хотя весьма противоречиво и неясно, то в вопросах внешней торговли этот об'ективизм их совершенно покинул. Об'яснение этому интересному факту надлежит, очевидно, искать в условиях экономического развития того времени. Буржуазия еще шла на под'ем, она только еще проделывала Великую Французскую революцию и не боялась признавать вещи такими, как они есть. Недаром классики навлекли на себя кличку «пессимистов» со стороны позднейших буржуазных историков экономической мысли. Буржуа никогда более не смог подняться так высоко в научном отношении, как это было в конце XVIII и начале XIX веков, когда он даже не боялся открыто признать непримиримое противоречие классовых интересов. Буржуа же более поздней эпохи, особенно—современный буржуа, не может создать никакой общественной теории, кроме апологетической.

Вместе с тем и об'ективные возможности понять основные законы менового общества у классиков были довольно велики. Англия, родина классической школы, была уже на высокой ступени развития капитализма, чего нельзя было сказать о других странах. В то время как кусочек менового общества, расположенный на британских островах, успел об'единиться в «национальное хозяйство», это явление на континенте и в Америке было лишь в зародыше или в недостаточно развитом виде. Всюду, даже в таких крупных государствах, как Франция, Россия, можно было встретить махровые цветы феодализма. Что же касается Центральной Европы, то она пребывала в раздробленном состоянии. О прочих частях света говорить не приходится.

Удивительно ли, поэтому, что, говоря о внешней торговле, англичанин эпохи Адама Смита и Рикардо смотрел на весь мир глазами англичан, а на свою страну смотрел как на единственное «организованное целое», с точки зрения которого только и существует весь остальной мир. Ему не было никакого дела до того, что капиталисты других стран начинают так же сознавать свои интересы, так же приспосабливать государство к этим интересам, так же смотреть на себя как на «нацию». Он твердо помнил, что в этом мире—«каждый за себя, один бог за всех», поэтому считал совершенно естественным смотреть на весь мир эгоцентрически, т.-е. ставить в центре всего мира самого себя, свое «национальное хозяйство» [1].

Взять Адама Смита, который пишет, как никак, «о богатстве народов». Как сообщает нам Гармс, некоторым континентальным экономистам удалось еще в начале XIX века подметить, что в лице «космополита»

---

[1]) Бесподобное изображение эгоцентризма капиталистического сознания дают нам первые страницы известнейшего произведения Диккенса (1848 г.):

«И он еще раз тем же тоном повторил:

— До-ми-би и сын!

Эти три слова в совершенстве выражали взгляд на жизнь м-ра Домби. Земля сотворена для торговых операций Домби и сына. Солнце и луна предназначены для освещения их конторы. Морям и рекам повелено носить их корабли; радуга обязана служить вестницей прекрасной погоды; звезды и планеты двигаются в своих орбитах единственно для того, чтобы содержать в исправности систему, центром которой были: Домби и сын».

перед нами—человек, который не может покинуть английскую почву, который не может понять мировых капиталистических отношений как единого целого.

«В немецкой литературе граф фон-Зоден, насколько известно, был первым, кто выступил против Адама Смита. В т. I своей «Национальной экономии», появившейся в 1805 г., он вступил в состязание с шотландцем Его упрек последнему сосредотачивался на том, что система Смита является недостаточно «миргражданственной». «В целом... в сочинении Смита господствуют односторонность и локальная точка зрения, которые должны значительно понизить ценность сочинения, которое посвящено интересам всего человечества».

«Так же как фон-Зоден, Канкрин (1821 г.) обращается против Адама Смита, о котором он говорит, что даже самые общие его положения сильно пахнут индивидуальностью Англии» [1]).

«Фритредер», «космополит» и классик Рикардо только потому и изменяет теории трудовой стоимости, как только касается внешней торговли, что он также смотрит на весь мир суб'ективно, глазами англичан. Он, в сущности, считает возможным говорить только о внешней торговле, но не о «международной». «Внешних торговель» и «мировых рынков» на свете столько, сколько «наций», с точки зрения коих они только и являются «внешними» и «мировыми». Каждой нации предоставляется измерять ценность внешнеторгового оборота собственною мерою.

Если непоследовательный Рикардо отдавал дань суб'ективизму даже в теории обмена между индивидуумами («каждый человек создает для себя собственный масштаб, с помощью которого он оценивает различные житейские удобства, но этот масштаб так же разнообразен, как человеческий характер» [2]), то приходится ли удивляться его суб'ективизму в теории международного обмена?

Рикардо решительно избегает каких бы то ни было упоминаний об интернациональной стоимости, об едином мериле стоимости для разных стран и т. д., хотя местами и близко подходит к тому, чтобы признать его [3]). Наоборот, стоимость денег в разных странах различна, стоимость импортируемого и экспортируемого товара у него «не определяется относительными количествами труда, затрачиваемого на производство того и другого». Чем же она определяется?

«... Стоимость всех иностранных товаров измеряется количеством продуктов нашей земли и труда, которое отдается в обмен на них... Стоимость ввозимых товаров не увеличится и не уменьшится вследствие увеличения или уменьшения количества полученных иностранных товаров». «Труд 100 англичан не может быть отдан за труд 80 англичан, но продукт труда 100 англичан может быть отдан за продукт труда 80 португальцев, 60 русских или 120 индусов. Разница в этом отношении между отдельной страной и несколькими легко об'ясняется, если мы примем во внимание трудности перемещения капитала из одной страны в другую в поисках более прибыльного занятия и легкость, с какою он неизменно перемещается из одной области в другую в пределах одной и той же страны» [4]).

Мы считаем чрезвычайно характерным для буржуазной политической экономии, что она не один раз делала попытку всю теорию обмена построить на началах теории внешней

[1]) Bernhard Harms, Volkswirtschaft und Weltwirtschaft, 1920, S. 13, 14, 19, 20.

[2]) Д. Рикардо, Начала политической экономии и податного обложения, 1929 г., стр. 174.

[3]) См., напр., стр. 97.

[4]) Рикардо, Начала, стр. 82, 88.

торговли Рикардо. Наиболее откровенную попытку в этом отношении недавно сделал Вайгман, который об'явил, что из двух противоречивых частей учения Рикардо правильной и последовательной является лишь та, которая посвящена внешней торговле. Что же касается рикардианского закона трудовой стоимости, то, по Вайгману, его можно считать действительным лишь в той мере, в какой он не противоречит закону международного обмена [1]).

Милль и дальнейшие экономисты вплоть до наших дней ничего нового, по сравнению с Рикардо, фактически не дают. Миллевский «закон выравнивания международного спроса» ничего нового, кроме наименования, по сравнению с учением Рикардо из себя не представляет. Правда, Милль говорит уже о «международной торговле» и ее «законах», но это — лишь дефиниции и дедукции на основе сказанного Рикардо.

Эгоцентрическое мировоззрение национально-ограниченного буржуа легко себе представить при помощи диаграммы (I), которую мы берем из книги Гармса о мировом хозяйстве [2]).

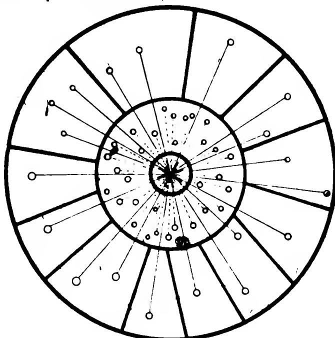

Диаграмма I.

Центральный кружок означает одно из предприятий, скажем, крупную капиталистическую фирму. Мелкими кружками, рассыпанными по всему чертежу, обозначены другие предприятия, с которыми данное центральное находится в связи. Часть этих предприятий вместе с данным, центральным, охвачена одним общим кругом, соответствующим границе государства. Последним и более широким кругом охвачена вся «заграница», подразделенная (хотя это и необязательно), в свою очередь, на секторы — другие национальные хозяйства. В их составе мы также находим мелкие кружки — предприятия, кото-

[1]) D-r H. Weigmann, Kritischer Beitrag zur Theorie des internationalen Handels, Jena 1926, S. 11.

[2]) Мы отдаем себе отчет в полной условности графических приемов для изображения или иллюстрации фактов из области общественных отношений. Вместе с тем обращаем внимание читателя, что самый смысл, который мы вкладываем в диаграммы, взятые из книги Гармса, у нас совершенно иной, чем у последнего. Диаграммы служат у нас иной цели, чем у первоначального их автора.

рые являются контрагентами центрального. Эта связь всех предприятий с данным обозначена соединительными линиями (пунктирными — в пределах одной и той же страны, сплошными, — когда предприятия принадлежат к разным секторам).

Все в целом и есть сумма производственных отношений, как она представляется буржуа. Любопытны в этом представлении две вещи.

Во-первых, значительное безразличие к тому, что производственные отношения многосторонни, что, например, многочисленные предприятия — контрагенты данной фирмы — связаны не только с последней, но и между собою, что основу их составляет отношение международного труда к международному капиталу. Буржуа в лучшем случае готов считаться как с реальностью и с имеющим значение фактом — с тем, что все предприятия одной страны связаны общностью интересов, «национальных интересов». До всей суммы капиталистических производственных отношений, т.-е. до мирового хозяйства, ему, вообще говоря, дела нет.

Во-вторых, все, что лежит за пределами страны, буржуа трактует как «заграницу» или, выражаясь терминами Гегеля, как «другое», собственное мнение которого о себе самом ему безразлично. Все события всего мира он мерит своею мерою. «Заграница» существует «для него», но не «для себя». Здесь, в этом неразвитом еще до об'ективизма мировоззрении, и кроется разгадка как рикардианской теории внешней торговли, так, пожалуй, и суб'ективной теории политической экономии вообще.

С точки зрения более об'ективной, чем изображенная выше, взаимоотношения членов меногого общества могли бы быть представлены более правдоподобно. Если попытаться вместо «эгоцентрической» диаграммы (I) изобразить общественные отношения другой диаграммой, более соответствующей действительности, то получится примерно то, что изображено на таблице (II), которую мы опять-таки заимствуем из книги Гармса.

Основа диаграммы (II) та же самая, что и диаграммы (I). В средине расположен круг, соответствующий одному какому-либо государству. Его окружает со всех сторон множество других государств, таких же как первое. Расположение первого государства в центре не означает никакого особого положения его в «системе государств» — такое его место и изображение на чертеже совершенно случайно. Пусть это будет одно из наиболее крупных и передовых государств — это дела не меняет.

Многочисленные кружки, рассеянные по чертежу, представляют собою отдельные капиталистические предприятия. Пунктирные линии связывают между собою предприятия одной и той же страны, сплошные тонкие линии — предприятия разных стран. Почти каждое хозяйство связано с другими как посредством пунктирных, так и посредством сплошных линий, пересекающих границы.

Сумма общественных отношений, как она теперь предстает перед нами, оказывается уже весьма сложной, запутанной сетью. А ведь мы отвлеклись, может быть не совсем позволительно, от главного в этих отношениях, от отношения труда к капиталу. Однако даже это несовершенное представление значительно выше того, которое было изображено диаграммой (I). Исследователь видит теперь, что общественные отношения — сложная паутина, что в них втянуты многие миллионы «суб'ектов», что единственно правильный путь — не вставать на точку зрения того или иного капиталистического суб'екта, а подняться над суб'ективными интересами и посмотреть на их игру как на некий стихийный процесс, не зависящий от них и довлеющий над ними.

Диаграмма (II) представляется нам полезной и потому, что она дает возможность ближе подойти к пониманию **единства капиталисти-**

ческих производственных отношений. Каждый капиталист, каждый товаровладелец (в том числе и владелец своеобразного товара «рабочая сила») принадлежат к меновому обществу, взятому в его целом. Это обычно не улавливается глазом поверхностного наблюдателя и не доходит до сознания каждого отдельного представителя менового общества, но это так.

Если, напр., на амстердамской фондовой бирже американцами скупаются акции берлинского предприятия, в этом находят себе выражение производственные отношения между немецкими рабочими и американскими капи-

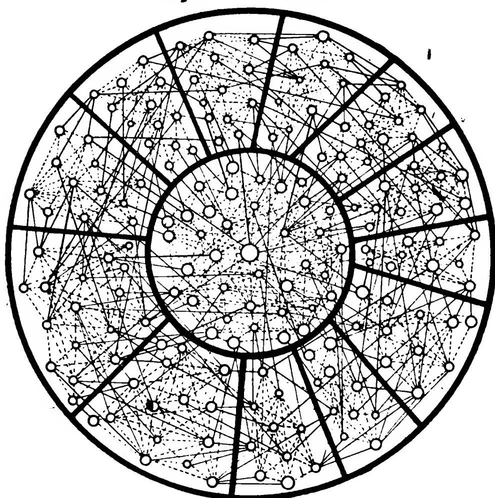

Диаграмма II.

талистами. Если лондонский капиталист переносит часть своих капиталов в Южную Африку, куда одновременно эмигрируют из Индии кули, то устанавливается производственное отношение между индийским кули или южноафриканским негром банту, жившими до сих пор патриархальной жизнью, и английским капиталом. А за этими непосредственными отношениями следуют связанные с ними многочисленные другие: все сплетается в один клубок.

Наша эпоха, когда развитой капитализм все более сближает и перемешивает вполне уже втянутые в торговый оборот нации, ставит на первый

план «антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением» [1]).

Границы между капиталистическими государствами служат не абсолютными барьерами для экономических отношений, а лишь относительными преградами. Они не разрывают единого капиталистического общества на части, принципиально одна от другой отличающиеся. Связи между всеми предприятиями капиталистического мира по существу одинаковы, это — меновые связи. Производственные отношения остаются едиными и после размежевания мира на государственные территории. Они теперь лишь своеобразно преломляются через эти государственные границы, но отнюдь не меняют своей природы. При капиталистическом строе хозяйство в действительности образует одно целое не внутри национальных границ, а в мировом масштабе. В действительности, одно целое составляет не народное хозяйство, а мировое.

Связи менового общества, как видно из диаграммы, не повсюду одинаково интенсивны. Местами они сгущаются, становятся более сложными и постоянными. Это особенно заметно для отдельных национальных секторов. Национальные хозяйства становятся «узлами» мировых хозяйственных связей. Прекрасная формулировка, впервые, насколько нам известно, употребленная Н. Бухариным в его книге «Мировое хозяйство и империализм», но употребленная совершенно неправильно.

Национальные хозяйства являются «узлами» отнюдь не в бухаринском смысле. Национальные хозяйства вовсе не перерождаются в единые «целые», в «организованные» «государственно-капиталистические тресты», «тела» и т. д. Обмен и конкуренция остаются внутри национальных секторов важнейшими моментами [2]). Капиталистические монополии существуют рядом с конкуренцией. Капиталистические производственные отношения лишь проявляются теперь более сложно, чем ранее, подвергаясь воздействию своей же собственной «надстройки» в лице государства и его экономической политики.

Таким образом, национальным хозяйствам вовсе нет надобности перерождаться в такие «организованные» по-бухарински «тела», чтобы стать «узлами» мировых хозяйственных связей. Характеристика их как «узлов» опирается на два момента. Первый является чисто-количественным, это — сгущение экономических связей в пределах нации. Второй содержит в себе некоторое «качество» — упомянутое нами обратное воздействие надстройки на базис.

Два слова о наших экономистах. В качестве примера заблуждений, проистекающих из непонимания единства капиталистических производственных отношений, в первую очередь следует упомянуть И. Дашковского. Вместо единой теории стоимости Маркса И. Дашковский подносит нам две: «мировую стоимость» и «национальную стоимость». Другими словами, И. Дашковский переоценивает национальное хозяйство как «целое», приближаясь в этом отношении к Н. Бухарину. Подробным разбором теории стоимости И. Дашковского мы займемся, однако, в другом месте.

А. Угаров, наперекор общеизвестным марксистским положениям, не менее решительно разрывает единство производственных отношений, как только начинает говорить о капиталистическом цикле. Различные фазы цикла, по А. Угарову, пробегают по разным странам неодновременно. Если одна страна переживает под'ем, то только потому, что в другой — кризис.

---

[1]) Ленин, Соч., т. XVII, 1929 г., стр. 432.

[2]) В своей работе 1928 г. «Международная торговля и торговая политика» я также некритически принял и провел ошибочные взгляды т. Н. Бухарина. См. об этом примеч. на стр. 195.

Нетрудно заметить близкое родство взглядов А. Угарова с теоретической концепцией Н. Бухарина. «Теория кризисов» А. Угарова, если бы мы вздумали ей поверить, сослужила бы нам очень дурную службу зимою 1929/30 г., когда шел спор о том, перерастает ли современный американский кризис в мировой. Надо думать, что после выступления т. Сталина по вопросу о мировом экономическом кризисе А. Угаров не будет более упорствовать в защите своей странной «теории».

М. Спектатор, в противоположность обоим, забывает отношения мирового труда к мировому капиталу, забывает внутринациональные отношения и согласен говорить только об «экономических междугосударственных отношениях». Принцип единства производственных отношений ему понятен еще менее, чем другим.

Единственным исключением из общего правила, формулированного нами касательно единства производственных отношений, является социалистическое государство в капиталистическом окружении. На всей его территории капиталистическим производственным отношениям положен жесткий предел и ограничение. Во внешнем мире, в мировом хозяйстве, СССР выступает как единое организованное целое, что и фактически и формально выражается фактом нашей монополии внешней торговли.

О „модификации“ закона стоимости в мировом хозяйстве.

С того момента, как сумма капиталистических производственных отношений начинает выступать перед нами в виде мирового хозяйства, понимаемого как совокупность национальных хозяйств (плюс остальные, полуколониальные и колониальные страны), нам приходится поставить вопрос: не подвергаются ли теперь какой-то «модификации» сами производственные отношения и выражающий их закон стоимости?

На основании эмпирических наблюдений известно, что можно говорить о «национальных деньгах» и «мировых деньгах», о национальном уровне заработной платы, о национальных и мировых ценах и т. д. Внимание теории также постоянно привлекалось к этому явлению «национализации» и «интернационализации» ряда категорий политической экономии. Достаточно вспомнить III и XX главы I тома «Капитала».

Некоторые увлекающиеся головы, напр., И. Дашковский, построили даже целую теорию о двух стоимостях: «мировой стоимости» и «национальной стоимости», которые якобы управляют движением цен каждая в своей особой сфере, одна — в мировом хозяйстве, другая — в национальном

Займемся в первую очередь вопросом о деньгах.

Эмпирический факт существования многочисленных национальных валют и их неодновременного и неоднородного колебания в ценности Рикардо об'ясняет такими причинами:

«Стоимость денег никогда не бывает одинаковой в двух странах в силу различия их систем налогов, промышленного искусства, разницы климата, естественных богатств, а также в силу многих других причин» [1]).

В другом месте Рикардо определяет стоимость денег в зависимости от их количества. Он не смущается тем, что само количество денег в той или другой стране у него постоянно изменяется под влиянием... изменений в стоимости их! Например, он говорит: «Спрос на деньги всецело регулируется их стоимостью, а их стоимость — их количеством» [2]). Как будто «спрос на деньги» какой-либо страны, рассуждая рикардиански, не отзывается немедленно на их количестве. Значит, положение Рикардо можно про-

[1]) Д. Рикардо, Начала, 1929 г., стр. 93.
[2]) Там же, стр. 133.

доложить до замкнутого и довольно «порочного» кольца: «количество же денег регулируется спросом на них»!

У Рикардо можно было бы показать множество логических противоречий по вопросу о деньгах, но в настоящий момент это не входит в нашу задачу. Мы остановимся лишь на тех элементах его теории, которые относятся к интересующему нас вопросу о сущности и характерных чертах «национальных денег». Здесь мы подчеркнем только одно, уже ранее выведенное нами положение, что если согласиться с Рикардо в том, что естественные, климатические, вообще географические, «вечные» причины способны повлиять на стоимость денег в разных странах, то надо будет прямо сказать, что от закона трудовой стоимости, сформулированного тем же Рикардо, ничего не остается.

Рикардо обнаружил эмпирический факт различия национальных валют, но не сумел его об'яснить в первую очередь потому, что не сумел четко отделить различные функции денег одну от другой. Изменения, которые касаются лишь функции средства обращения, он перенес и на функцию мерила стоимости. Что же касается функций сокровища и мировых денег, то он совсем их не заметил. Он всегда говорит только о деньгах вообще, о золоте и серебре как деньгах вообще. А, между тем, следовало вести речь каждый раз о чем-либо определенном, о каких-то определенных функциях денег. Тогда легко было бы заметить, что при выполнении одних функций деньги охотно надевают на себя «национальный мундир» (чеканка, замена денег из полноценного материала знаками стоимости), при выполнении других они сохраняют свой «мирогражданственный» характер (мерило стоимости, средство платежа, мировые деньги).

Например, Рикардо ведет речь ни о чем другом, как только о мериле стоимости, в следующем положении: «Золото, как и все другие товары, имеет свою рыночную стоимость, которая в конечном счете регулируется сравнительной легкостью или трудностью его производства»[1]). Правильное, в основном, положение, из коего следует вывод, что так как «сравнительная легкость или трудность производства» есть величина, данная для каждого момента и для всего капиталистического мира, то и стоимость золота и серебра, а следовательно, и их способность служить мерилом стоимости, не может уже колебаться от страны к стране, под влиянием каких бы то ни было национально-хозяйственных факторов, тем более таких, какие указывает Рикардо (система налогов, промышленное искусство, климат, естественные богатства и т. д.).

В другом месте, несколькими десятками страниц ранее, Рикардо говорит просто о деньгах, тогда как он имеет в виду в сущности только средство обращения. А ведь обращение, как известно, может быть обслужено не только реальным золотом или серебром, но и знаками стоимости.

«Когда денежный поток насильственно задерживается и деньги не могут установиться на своем нормальном уровне, то нет границ возможным колебаниям вексельного курса. Результаты получаются точно такие же, как и тогда, когда в обращение брошены бумажные деньги, неразменные на металл по желанию их владельца. Обращение таких денег необходимо ограничивается той страной, где они выпущены; они не могут, при большом изобилии их, разлиться по другим странам. Уровень обращения нарушен, и вексельный курс будет неизбежно неблагоприятен для страны, где количество средств обращения чрезмерно: точно таково же будет действие металлического обращения, если при помощи насильственных мер, законов, которые нельзя

[1]) Д. Рикардо, Начала, 1929 г., стр. 134.

обойти, деньги удерживались бы в стране, когда течение торговли толкает их к другим странам» [1]).

Рикардо не сумел заметить и отметить того, что функция средства обращения с наибольшей полнотой развертывается именно в масштабе национального хозяйства, а не в международных экономических отношениях, где значительно большую роль играют функции платежа (кредитные деньги) и мировые деньги. Он не оттенил того, что золото, отчеканенное в виде монеты, «надевает на себя национальный мундир», который оно способно сбросить в любой момент, в отличие от неполноценных знаков стоимости, особенно — бумажных денег, «национальный мундир» которых срастается с самым их существом.

Именно потому, что Маркс показал нам ясное различие функций денег, он сумел нам показать, что не только золоту, но и всякому товару самому по себе несвойственны какие бы то ни было границы — религиозные, политические, национальные. Мирохозяйственный характер всякого товара, всякого капиталистического отношения, а вместе с тем и единство производственных отношений в мировом масштабе прекрасно и убедительно показано Марксом в следующих строках:

«Как деньги развиваются во всемирные деньги, так и владелец товара развивается в космополита. Космополитическое отношение людей между собою является первоначально только отношением их как владельцев товара. Для товара, самого по себе, не существует ни религиозных, ни политических, ни национальных границ языка. Его всеобщий язык — цена, а его всеобщая сущность — деньги. Но вместе с развитием всемирных денег, в противоположность национальной монете, развивается космополитизм владельца товаров, как вера в практический разум в противоположность наследственным, религиозным, национальным и другим предрассудкам, препятствующим обмену продуктов среди человечества. Если то же самое золото, высадившись в Англии в форме американских eagles, становится совереном, а через три дня, попадая в Париж, делается наполеондором, а через несколько недель, очутившись в Венеции, превращается в дукат, и при этом сохраняет, однако, постоянно одну и ту же ценность, то владельцу товаров становится ясным, что национальность — «is but the guineas stampe» (только печать гинеи). Высшая идея, в которую для него превращается весь мир, это идея рынка — всемирного рынка» [2]).

Развитие всемирных денег,—говорит Маркс,—имеет своей противоположностью национальную монету. Одно другому нисколько не противоречит, наоборот, одно другим дополняется. Перед нами — не две изолированных сферы действия закона стоимости. Значит, нелепо говорить о двух стоимостях («мировой» и «национальной»). Надо говорить о различных функциях денег и о «национальном мундире» средства обращения и только. Положение, которое имеет большое значеание для теории вексельного курса.

Закон стоимости обладает полной силой в мировом хозяйстве (понимаемом, как совокупность национальных хозяйств). Он нисколько не нарушен, а, наоборот, развит благодаря тому, что некоторые функции денег осуществляются простыми знаками стоимости, которые легко приобретают печать национальности. Границы государства ничего по существу не изменяют ни в законе стоимости, ни в капиталистических производственных отношениях. Они лишь преломляют известным образом эти отношения, «модифицируют» не более, чем внешнее проявление этих отношений. Не требуется изобретать

[1]) Д. Рикардо, Начала, 1929 г., стр. 96, 97.
[2]) Маркс, К критике политической экономии, изд. 4-е, М. 1922 г., стр. 153, 154.

какого-то особого закона стоимости для национальных хозяйств, как это сделал И. Дашковский.

Одновременно с «раздвоением» денег на «национальные» и «мировые» происходит известное раздвоение и в личности самого агента капиталистического общества. «Вместе с развитием всемирных денег в противоположность национальной монете, — говорит Маркс, — развивается космополитизм владельца товаров, как вера в практический разум, в противоположность наследственным, религиозным, национальным и другим предрассудкам». В поисках более выгодного помещения капиталов современные пираты крупной промышленности не стесняются такими пустяками, как любовь к родине, или боязнь порвать старые связи. Самое понятие «отечественный капитал», «отечественное производство», которым они охотно оперируют, значит в их устах не больше, чем «работающий в данном отечестве» [1]). Иначе настроена мелкая капиталистическая рыбешка. Для нее характерен узко-понимаемый национализм, то, что Маркс называет «национальными предрассудками». Для мелкого буржуа середины прошлого века (в значительной мере также и для современного) мы находим у Энгельса чрезвычайно меткую характеристику:

«Буржуазия во всех странах возникла из мелких буржуа, вместе с развитием мировой торговли и крупной промышленности... Мелкий буржуа представляет внутреннюю и прибрежную торговлю, ремесло, мануфактуру, в основе которой лежит ручной труд, — виды промышленной деятельности, приуроченные к ограниченной территории, требующие небольших капиталов, оборот которых совершается медленно, и порождающие лишь местную и вялую конкуренцию. Мелкий буржуа представляет местные, буржуа — всемирные интересы. Мелкий буржуа находит, что положение его достаточно обеспечено, если, при косвенном влиянии на управление государством, на государственное законодательство, он непосредственно принимает участие в провинциальной администрации... Буржуа не может обеспечить свои интересы без непосредственного непрерывного контроля над центральным управлением, внешней политикой и законодательством своего государства. Классическим продуктом мелкого буржуа были немецкие имперские города, классическим продуктом буржуа является французское государство с представительной системой. Мелкий буржуа консервативен, если только господствующий класс делает ему хотя бы незначительные уступки; буржуа революционен, пока он сам не станет господствовать» [2]).

Выдумывать специальные законы стоимости для национального хозяйства, чем занялся И. Дашковский, это и значит переступить на пройденную ступень «местных интересов», «приуроченных к ограниченной территории», интересов мелкого буржуа. Крупный буржуа — гражданин мира, хотя он никогда не «забывает» своего отечества и использует его до конца. Он использует, впрочем, не только свое отечество, но и всякое другое. Взять для примера Шведский спичечный трест, договаривающийся с правительствами разных (крупных и мелких) стран о займах им и монополиях на сбыт спичек себе. Шведский спичечный трест — не «космополит» (космополиту безразлично наличие национальных границ). Он «интернационалист», ибо решительно опирается как на свое собственное национальное государство, так и на другие (которые тем самым он делает также «своими собственными»).

«Раздвоение личности» агента капиталистического общества Сарториус фон-Вальтерсгаузен остроумно изображает на примере чиновничьей

---

[1]) Ср. Ленин, Соч., т. XV, 1929 г., стр. 555.

[2]) Энгельс, Конституционный вопрос в немецкой социалистической литературе. Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 522.

коррупции, которая также принимает то «национальный», то... «мирохозяйственный» размах и характер:

«Капиталистический дух охватил весь земной шар — так гласит жалобное или изумленное признание. Здесь следует подчеркнуть то обстоятельство, что до сих пор в разных странах он внедрился неодинаково глубоко. Индивидуальная жизнь имеет заметные различия повсюду, и особенно часто — в некоторых своеобразных областях. Возьмем, например, чиновничью коррупцию, о которой общество узнает время от времени, благодаря особо бросающимся в глаза фактам. Ее старомодный формой является хищение наличных денег из вверенной государственной кассы, современная же форма состоит в том, чтобы проделывать незаконные делишки при государственных закупках снаряжения и средств существования, самая же новейшая ее форма свелась к тому, чтобы участвовать в консорциумах и трестах и обращать на пользу последним работу государственной машины. О русском чиновнике известно, что он обворовывает и обсчитывает государство для того, чтобы иметь деньги на роскошную жизнь, на покупку бриллиантов и шелковых платьев своей жене, на путешествия по заграничным курортам. Француз чувствует себя иначе, его электризует слово «рента». Он думает в первую очередь не о мимолетной пользе сегодня, но об обеспечении будущего. Твердые государственные бумаги в достаточном количестве, поместье с замком — таковы его интимнейшие желания. Как только удастся ему использовать с блестящим результатом государство, он считает себя удовлетворенным и может как вполне порядочный человек уйти в отставку, чтобы затем забыть о прошлом. Сумма не должна быть мала, и он не считает себя в праве хвататься, наподобие итальянского депутата, за первую попавшуюся пару тысяч франков, ставя тем самым на карту свое гражданское существование. Политическому спекулянту Соединенных Штатов Америки французская суета в свою очередь кажется совершенно непонятной. Сумма, которая манит его воображение, не имеет никакого точного количества нулей на конце; он абстрагируется временами от того представления, что капитал есть средство, за счет которого можно жить; чаще он для него только цель — когда он ставит государство на службу своему кошельку, он имеет в виду лишь увеличение абстрактной стоимости в своих руках. Его воля к экономической власти совершенно «идеалистична», его удовлетворяет сознание, что, обладая ею, он имеет средство для того, чтобы приобрести новую власть на Уолстрите или на хлебной и хлопковой бирже» [1].

Совсем как в «Скупом рыцаре»: последний собирает сокровища, побуждаемый только сознанием всемогущества денег, сознанием громадной общественной силы, которая, в лице денег, концентрируется в его руках.

Что не подвластно мне! как некий демон
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель, и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей награды.
Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне все послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;

---

[1]) A. Sartorius von Walterschausen, Das Kapitalanlage im Auslande, Berlin 1907, S. 23, 24.

Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья...
..Я царствую. — — — Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастие, в ней честь моя и слава! [1]).

Есть что-то родственное между этим средневековым собирателем сокровищ и современным всемирным буржуа, любителем абстрактного богатства. Разными путями оба стремятся к овладению громадной общественной силой в лице стоимости, воплощенной во всеобщих носителях ее, золоте и серебре.

Возвращаемся к характеристике «национальных денег».

Эмиссионный доход правительства, подделка монеты, инфляция денежного обращения — это все явления «национальных денег». Как говорит Фихте, правительство, которое может сделать денег столько, сколько оно захочет, получает возможность «теперь похитить у владельца денег его собственность даже из замкнутого сундука», безгранично уменьшая покупательную способность денег безграничным умножением обращающейся денежной массы [2]).

Недаром коварный Мефистофель, по совету которого Фауст ввел бумажно-денежную систему в интересах прогоревшего императора, так красочно, и вместе иронически, расхваливает технические удобства новых денег:

Не надо будет брать с собою кошелек:
И на груди легко носить такой листок,
Где с письмецом любви лежать он рядом может.
В молитвенник его себе священник вложит;
Солдат же молодец, чтоб стан не отягчать,
Не станет в пояс свой червонцы зашивать [3]).

Если бы, повторяем, Рикардо и его вольные или невольные единомышленники ясно представляли себе, что в отличие от «национальных денег» существуют и «мировые деньги», как специальная функция денег вообще, они не имели бы оснований создавать новые, слишком сложные и шаткие теории о климатических, естественных и т. п. факторах определения ценности денег. Они были бы, может быть, способны понять происходящие перед их глазами экономические явления монистически, стоя на точке зрения закона стоимости.

Мы уже говорили ранее, что Рикардо и его последователи пытаются обосновать национальные различия товарных цен, стоимости денег, высоты прибыли и т. д. естественными, климатическими, психологическими и т. п. причинами, препятствующими свободному переливанию капиталов из одной страны в другую. Теперь во избежание недоразумений, хотим прибавить, что с нашей стороны было бы непростительным легкомыслием отрицать всякое значение географических, климатических, национальных, культурных и прочих условий для определения нормы прибыли, тем более таких, как искусство промышленных рабочих, уровень культуры, налоговый режим и т. д. Они вносят известную поправку к действию закона стоимости. Но их «отклоняющее» значение, во-первых, не следует преувеличивать и переоценивать, во-вторых, надо понять с точки зрения единства мировых капиталистических производственных отношений. Об этом мы говорили уже ранее.

Гораздо яснее, чем со стоимостью, ценою, прибылью и т. д., обстоит дело с той частью прибавочной стоимости, которая известна под наимено-

[1]) А. С. Пушкин, Скупой рыцарь.
[2]) И. Г. Фихте, Замкнутое торговое государство, М. 1923 г., стр. 151
[3]) Гете, Фауст, перевод Николая Холодковского.

ванием процента. В качестве иллюстрации того, насколько чужда была Марксу односторонняя национально-хозяйственная трактовка нормы прибыли, цены производства и процента, приведем одно место из III тома «Капитала».

Перечисляя обстоятельства, способствующие упрочению размеров процента, Маркс указывает «то обстоятельство, что мировой рынок, независимо от условий производства данной страны, оказывает гораздо большее непосредственное влияние на установление размера процента, чем то влияние, которое он оказывает на норму прибыли» [1]).

В приведенной цитате следующие мысли характеризуют концепцию Маркса: 1) влияние мирового рынка на размер процента осуществляется «независимо от условий производства данной страны»; 2) мировой рынок при этом оказывает «непосредственное влияние» на установление размера процента.

То, что сказано в этой цитате Марксом о мировом уровне процента, относится полностью и к общей норме прибыли, ибо последняя является категорией того же самого порядка, что и средний размер процента. Маркс на это прямо указывает:

«Размер процента относится к норме прибыли так же, как рыночная цена товара к его стоимости. Поскольку размер процента определяется нормой прибыли, он всегда определяется общей нормой прибыли, а не особыми нормами прибыли, которые могут господствовать в отдельных отраслях промышленности, и тем более не добавочной прибылью, которую отдельный капиталист может получить в какой-нибудь особой сфере предприятий. Поэтому общая норма прибыли в действительности проявляется как эмпирический, данный факт в средней норме процента, хотя последний не представляет чистого или достаточно надежного выражения первой» [2]).

Итак, размер процента потому так легко нивелируется мировым рынком, что он всегда определяется «не особыми нормами прибыли», которые могут господствовать в отдельных отраслях промышленности (для ясности следовало бы так же, как и выше, подчеркнуть: «или в отдельных странах»), а общей нормой прибыли. Последняя же является основным определяющим моментом цены производства.

Вывод: согласно концепции Маркса, как она развита в III томе «Капитала», мировой рынок представляет из себя единую сферу ценообразования, процентообразования и образования общей нормы прибыли. Не страны, как таковые, а предприятия этих стран участвуют со своими индивидуальными стоимостями и прибавочными стоимостями, со своими ценами производства и ценами в образовании единого мирового уровня стоимости, цены, прибыли, процента и т. д.

В гл. XX тома I «Капитала» имеется место, дающее повод к чрезвычайно неправильным толкованиям всей системы взглядов Маркса. Это—то самое место, где употребляются выражения: «различие интернациональных стоимостей», «относительная стоимость денег меньше у нации с более развитым, чем у нации с менее развитым капиталистическим способом производства». Выхватив из контекста эти выражения Маркса (единственное место, на которое они вообще могут сослаться), И. Дашковский, А. Угаров, а помимо них и многие другие позволяют себе развить целые эклектические теории.

Во избежание недоразумений цитируем эту главу несколько подробнее, чем это делают упомянутые авторы, в частности — А. Угаров, и посмотрим,

[1]) Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, 1929 г., стр. 285.
[2]) Там же стр. 283.

изменяет ли она концепцию Маркса, как она была только что изложена. Напомним, что глава носит чрезвычайно ясное наименование: «Национальные различия в заработной плате». Это заглавие само по себе кое-что значит для тех, кто знает целевую устремленность Маркса и точность всех его выражений. Итак, читаем:

«... При сравнении национальных заработных плат необходимо принять во внимание все моменты, определяющие изменение в величине стоимости рабочей силы: цену и об'ем естественных и исторически развившихся жизненных потребностей, издержки воспитания рабочего, роль женского и детского труда, производительность труда, его экстенсивную и интенсивную величину. Даже самое поверхностное сравнение требует, прежде всего, сведения средней заработной платы в данном производстве различных стран к рабочему дню одинаковой продолжительности. После такого уравнивания дневных заработных плат повременная плата должна быть переведена на поштучную, так как только эта последняя дает мерило и для производительности, и для интенсивности труда.

«В каждой стране существует известная средняя интенсивность труда; труд, не достигающий этой средней степени интенсивности, затрачивает на производство данного товара более времени, чем общественно необходимо в этой стране, и потому не является трудом нормального качества. Только та степень интенсивности, которая поднимается выше национальной средней, изменяет в данной стране измерение стоимости простой продолжительностью рабочего времени. Иначе обстоит дело на мировом рынке, которому каждая отдельная страна противостоит, как существенная часть целого. Средняя интенсивность труда изменяется от страны к стране; здесь она больше, там меньше. Эти национальные средние образуют, таким образом, скалу, единица измерения которой представляет собою единицу среднего мирового труда. Следовательно, более интенсивный национальный труд, по сравнению с менее интенсивным, производит в разное время большую стоимость, которая выражается в большем количестве денег.

«Но закон стоимости в его интернациональном применении претерпевает изменения еще более значительные благодаря тому, что на мировом рынке более производительный национальный труд принимается в расчет тоже как более интенсивный, пока конкуренция не принудит более производительную нацию понизить продажную цену ее товара до его стоимости.

«Средняя интенсивность и производительность национального труда в данной стране поднимается выше интернационального уровня в той самой мере, в какой развивается капиталистическое производство этой страны. Следовательно, различные количества товаров одного и того же вида, производимые в различных странах в равное рабочее время, имеют неодинаковые интернациональные стоимости, выражающиеся в различных ценах, т.-е. в денежных суммах, различных в зависимости от различия интернациональных стоимостей. Таким образом, относительная стоимость денег меньше у нации с более развитым, чем у нации с менее развитым капиталистическим способом производства. Отсюда следует, что номинальная заработная плата, т.-е. эквивалент рабочей силы, выраженный в деньгах, у первой нации будет выше, чем у второй; но это отнюдь еще не значит, что там будет больше и действительная заработная плата, т.-е. количество средств существования, находящихся в распоряжении рабочего.

«Но если даже оставить в стороне это относительное различие в стоимости денег в различных странах, то все же зачастую окажется, что поденная, понедельная и т. п. заработная плата у одной нации, с выше развитым капиталистическим способом производства, выше, чем у другой, тогда, как

относительная цена труда, т.-е. цена труда по сравнению с прибавочной стоимостью и с стоимостью продукта, у второй нации выше, чем у первой...

«Как известно, в Восточной Европе и в Азии английские компании взяли на себя постройку железных дорог и при этом на ряду с туземными употребляют известное число английских рабочих. Практическая необходимость заставила их, таким образом, считаться с национальными различиями в интенсивности труда, — и это отнюдь не принесло им убытка. Их опыт научил их, что если высота заработной платы и соответствует более или менее средней интенсивности труда, то относительная цена труда (т.-е. по сравнению с продуктом) изменяется обыкновенно в прямо противоположном направлении» [1]).

Ошибка А. Угарова и И. Дашковского в понимании цитированной главы заключается в том, что они не обратили внимания на тему главы в целом. Ее заглавие: «Национальные различия в заработной плате» не случайно. Оно вполне соответствует и содержанию и намерениям Маркса и абсолютно не соответствуют подходу наших авторов.

Поскольку Маркс делает «подлежащим» своего исследования, хотя бы на время (именно здесь, в XX главе), «национальный труд», «национальную заработную плату» и т. под., все остальные категории занимают уже только соотносительное положение, положение «сказуемого». Поэтому мы и встречаем здесь необычное у Маркса выражение: «относительная стоимость денег меньше у наций...», «неодинаковые интернациональные стоимости». При помощи этих чрезвычайно выпуклых изображений становятся понятнее «национальные различия в заработной плате». В частности, становится ясным, что низкая заработная плата и дешевая рабочая сила не одно и то же. А ведь это и есть главная мысль Маркса, цель всей главы XX!

Выражения, употребленные здесь (и только здесь!), не меняют мирохозяйственной концепции Маркса, наоборот они подчиняются ей и уступают дорогу ей, а следовательно, и всем таким понятиям, как «мировые деньги», «абстрактный общественно-необходимый труд» и т. д., везде, где эти понятия нужны. Если хотите, последние являются более всеобщими, первые — частными и подчиненными [2]).

Национализм и империализм.

Средства национально-хозяйственной политики современного государства чрезвычайно многочисленны. Каждое новое десятилетие пополняет арсенал внешней экономической политики все новыми и новыми орудиями и методами борьбы. Гармс употребляет в одном месте, правда, в кавычках, выражение, которому нельзя отказать в известной удачности. Он говорит, что мы наблюдаем «закон растущей государственной активности» [3]). Выражение неточное, так как следовало бы говорить о «растущей национально-хозяйственной активности», которая осуществляется в форме не одних только государственных, а и частнохозяйственных «национальных» мероприятий, таких как вывозные премии, раздел международного рынка между капиталистическими об'единениями и т. п. В самой формулировке у Гармса сказалось его идеалистическое понимание мирового хозяйства, как чего-то проистекающего из государственной деятельности, из международных договоров

[1]) Маркс, Капитал, т. I, 1928 г., стр. 437—440

[2]) Даже М. Спектатор неожиданно обнаружил гораздо более правильное понимание этого места, чем А. Угаров и И. Дашковский. См. его «Введение в изучение мирового хозяйства», 1928 г., стр. 68.

[3]) Bernhard Harms, Volkswirtschaft und Weltwirtschaft, Jena 1920.

Сарториус фон Вальтерсгаузен дает такое описание современного торгово-политического арсенала:

«Суверенное государство вмешивается в каждое явление мирохозяйственных отношений в целях собственной экономической и политической мощи. В первую очередь — рядом мероприятий внутри своей страны. Наиболее известной формой такого рода вмешательства является торговая политика, но сюда же принадлежат: валюта страны, законодательство о поселении и о свободе передвижения, патенты, судоходные, железнодорожные тарифы и тарифы на каналах. К политическим (следовало бы выразиться точнее· к «государственным» или к «государственно-политическим». *Н. П.*) «мероприятиям присоединяются частные: установление особых цен для заграничных товаров, образование синдикатов, организация экспорта, поощрение иммиграции, вывоз и ввоз капитала банками и консорциумами» [1]).

К этому перечню следует добавить раздачу все более грандиозных казенных заказов (особенно развившихся в связи с милитаризмом), выдачу субсидий, соглашения о разделе мирового рынка, предоставление государственных монополий отдельным капиталистическим об'единениям (например, Шведскому спичечному тресту), создание международных капиталистических об'единений, таможенную войну, наконец, самую настоящую войну, которая, ведь, есть не что иное, как «продолжение политики иными средствами».

Помимо того, что появились новые формы национально-хозяйственной активности, старые формы стали использовываться гораздо энергичнее, чем прежде. Напр., протекционистские тарифы выросли во много раз и давно уже стали в целом ряде отраслей своей противоположностью — «агрессивным протекционизмом» (в переводе: «наступательным покровительством»). Тот же самый процесс роста замечается в отношении экспортных премий, в отношении захвата новых территорий и т. д.

Казалось бы, национальное хозяйство находится сейчас в пору самого своего расцвета. — Однако такое мнение не годится. Н а ц и о н а л и з м   я в с т в е н н ы м   о б р а з о м   н а ч и н а е т   в ы т е с н я т ь с я   и м п е р и а л и з м о м.

Ни в коем случае не следует думать, что национальное хозяйство в эпоху империализма начинает становиться не нужным, что, скажем, международные капиталистические об'единения и соглашения, имеющие своим предметом раздел рынков и установление монопольных цен, уже не нуждаются в отграничении отдельных национальных территорий стеной высоких таможенных пошлин, что они не нуждаются более в «национальном государстве». Совсем наоборот. Обострение классовых противоречий в эпоху империализма делает институт государства еще более необходимым для поддержания общественного порядка. Обострение противоречий между отдельными капиталистическими группировками заставляет все чаще прибегать к системе «национально-хозяйственных» экономических мероприятий. Самое образование международных об'единений и соглашений становится возможным лишь на базе национальных государств, склонившихся под власть олигархии капиталистов, под власть тех или других монополий. «Национальное государство» ведет таможенную войну во имя империалистских целей. «Национальное государство» осуществляет территориальные приобретения, раздел мира. «Национальное государство» в лице своего правительства садится за круглый стол совместно с представителями крупнейших трестов договариваться с ними о передаче им монопольных прав по сбыту того или другого товара на рынке данной страны, и т. д.

---

[1]) A. Sartorius von Waltershausen, Das Volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande, Berlin 1907, S. 3.

Надо вообще основательно усвоить то обстоятельство, что империализм не есть «целое», вставшее на место другого «целого» — капитализма, что он есть лишь «фаза целого», капитализма. Монополии существуют бок-о-бок с конкуренцией не только на международном рынке, но и в пределах любого национального хозяйства.

Примером шаблонно-неправильного представления о развитии мирового хозяйства в эпоху империализма может служить следующее место из книги И. К. Дашковского «Рынок и цена в современном хозяйстве»:

«Капиталистическое развитие, как доказал Маркс, ведет к тому, что национальные хозяйства все больше и больше разлагаются, растворяются в едином мировом хозяйстве» [1]).

Ссылка на Маркса здесь явно напрасна. С развитием капитализма роль национальных хозяйств растет, несмотря на все более оживленный международный обмен. Капитал «национализируется» тем в большей мере, чем больше он втягивается в мирохозяйственную жизнь и одновременно «интернационализируется». Интернационализация капитала представляет из себя противоречивый процесс: раз'единение на национальные хозяйства происходит с одновременным их об'единением. Современные «национальные хозяйства» являются столь же характерными «узлами» мировых хозяйственных связей, как и до сих пор. Чем более капитал связан с внешними рынками, тем больше ему нужна поддержка со стороны «своей» государственной власти.

Дашковский здесь смешивает «интернационализм» современных отношений с «космополитизмом», этой давно пройденной ступенью экономического развития, которую лишь буржуазные экономисты способны считать предстоящей, наступающей.

Для того, чтобы было налицо «единое мировое хозяйство», национальные хозяйства ничуть не должны отмирать. Именно, наличие национальных хозяйств только и создает мировое хозяйство. Это — не исключающие друг друга понятия, а лишь полюса-антагонисты одного и того же противоречия — капиталистических производственных отношений, две стороны одной и той же медали.

Однако надо понять и другую черту современного мирового хозяйства. Из того, что национальные хозяйства, вопреки И. Дашковскому, отнюдь не «растворяются», не «разлагаются» в едином мировом хозяйстве, отнюдь не следует, что они сохраняют все свое прежнее самостоятельное значение, что национализм, национальное движение попрежнему составляют основную цель буржуазного общества, нечто, продолжающее оставаться прогрессивным.

Период процветания «национальных отечеств» продолжался почти 100 лет (1789 — 1871 гг.). В последней четверти XIX века и начале XX постепенно назревал крах буржуазных отечеств, который и разразился с мировой империалистической войной 1914 — 1918 гг. Национальное движение было в свое время прогрессивным освободительным движением буржуазии, которое сплошь и рядом совершенно сознательно мог поддерживать и рабочий класс. Это было движение, в основном направленное против феодализма, за свободное развитие производительных сил в капиталистической форме.

«Старый империализм», империализм древнего Рима или Англии XVIII века был в значительной мере чуждым для промышленного капитализма направлением деятельности. То был, если можно так выразиться, «торгово-капиталистический империализм», против которого промышленный капитал восставал. «В период манчестерства колонии рассматривались в Англии, как остаток старого аристократического строя, скорее вредный, чем полезный».

---

[1]) И. К. Дашковский, Рынок и цена в современном хозяйстве, изд. «Пролетарий», 1925 г., стр. 109.

Колонии считались жерновами, привязанными к шее великой нации, которые лишь топят ее. Чем более распространялось в Европе ясно выраженное господство промышленного капитала, тем более модными и распространенными становились эти взгляды. «В середине прошлого века, с 40-х годов по 70-е, нельзя отметить ни одного значительного колониального приобретения» [1]).

Это не значит, что капиталистические национальные хозяйства не имели никакого интереса к докапиталистической периферии. Интерес этот был достаточно велик. Но он вылился в своеобразную систему внешней экономической политики манчестерства, в систему свободной торговли и открытых дверей.

Англия, которой принадлежала роль лидера среди национальных хозяйств XIX века, ничего не добивалась в своих войнах с Китаем в 1840, 1850 и 1860 гг., кроме того, чтобы Китай, этот величайший потенциальный рынок, открыл доступ к себе торговле всех наций. Лозунг «открытых дверей» долгое время оставался руководящим принципом при установлении взаимоотношений с отсталыми странами: Турцией, Бельгийским Конго и т. д.

С развитием капиталистических трестов, синдикатов и картелей колониальная политика вступает в новую фазу. В отличие от времен Дизраэли теперь считается благом захватить как можно более колоний. Весь мир делится между великими державами. Эпоха национальных движений, эпоха расцвета национального хозяйства остается позади. Это — уже пройденная ступень. «Национальная узость» не для того сменяется империалистическим широким размахом, чтобы проделать затем обратное движение.

Исходя из тенденции экономического развития, мы должны сказать: не «назад, к национальному отечеству», как призывают социал-демократы, — это теперь уже реакционный лозунг, — а «вперед, к социальной революции» — такова задача сегодняшнего дня, которую преследует мировой пролетариат.

С точки зрения исторической, война «национального» буржуазного государства выполняла одну важную миссию: она об'ективно являлась войною против феодализма, еще не ушедшего от власти и экономического господства в других странах. Поэтому рабочий класс не мог относиться к «национальным» войнам так же отрицательно, как он относится, например, к войне империалистической. У Ленина мы находим такую сравнительную характеристику национальной и империалистической войны (написано в 1915 г.):

«И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности. В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т.-е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (напр., самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую)...

«Новую эпоху в истории человечества открыла Великая Французская революция. С этих пор и до Парижской Коммуны, с 1789 до 1871 г., одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера. Другими словами, главным содержанием и историческим значением этих войн было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуженационального гнета. Поэтому то были прогрессивные войны, и все честные, революционные демократы, а также все социалисты, при таких войнах, всегда сочувствовали успеху той страны (т.-е. той буржуазии), которая содействовала свержению или подрыву самых опасных устоев

[1]) К. Каутский, Колониальная политика в прошлом и настоящем, Спб. 1900 г., стр. 42.

феодализма, абсолютизма и угнетения чужих народов. Напр., в революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это нисколько не меняет основного исторического значения этих войн, которые разрушали и потрясали феодализм и абсолютизм всей старой крепостнической Европы. Во франко-прусской войне Германия ограбила Францию, но это не меняет основного исторического значения этой войны, освободившей десятки миллионов немецкого народа от феодального раздробления и угнетения двумя деспотами, русским царем и Наполеоном III.

«Эпоха 1789 — 1871 гг. оставила глубокие следы и революционные воспоминания. До свержения феодализма, абсолютизма и чуженационального гнета не могло быть и речи о развитии пролетарской борьбы за социализм. Говоря о законности «оборонительной» войны по отношению к войнам такой эпохи, социалисты всегда имели в виду именно эти цели, сводящиеся к революции против средневековья и крепостничества...

«Но представьте себе, что рабовладелец, имеющий 100 рабов, воюет с рабовладельцем, имеющим 200 рабов, за более «справедливый» передел рабов. Ясно, что применение к подобному случаю понятия «оборонительной» войны или «защиты отечества» было бы исторической фальшью и практически просто обманом простонародья, мещанства, темного люда ловкими рабовладельцами. Именно так и обманывает народы посредством «национальной» идеологии и понятия защиты отечества теперешняя империалистическая буржуазия в современной войне между рабовладельцами за укрепление и усиление рабства» [1].

Не наивностью, а фальшью отдают буржуазные трактовки того же самого «национального государства». Еще в 1922 г. у нас могли появляться учебники для советских высших учебных заведений, где могло защищаться положение, что «государство есть властно организованный народ», что «государства представляют собою замкнутые и самостоятельные не только политические, но и экономические организмы» [2].

Ту же буржуазную точку зрения проводит, по существу, и «марксист» Кунов, когда он утверждает, что тезис: «У пролетария нет отечества» правилен лишь до тех пор, пока рабочий класс не имеет никакого влияния на дела своей «нации». Что, дескать, положение немецких рабочих в этом смысле изменилось ко времени империалистической мировой войны и потому-то правы были немецкие социал-шовинисты, когда они призывали германских рабочих к «защите отечества» [3].

Первое, что упущено «марксистом» Куновым, это что лишь борьба с опасностями феодального режима могла бы призвать рабочих и социалистов к защите отечества, но никак не задача раздела и передела мира, прикрываемая национально-патриотическим шумом насчет «освобождения братушек-славян», «православных армян» и т. д.

Второе обстоятельство, совершенно «непостижимое» с точки зрения Кунова и всех без исключения буржуазных и мелкобуржуазных экономистов, есть тот процесс роста производительных сил капитала, который давно уже сделал характерной чертой нашего времени интернационализм, а не нацию.

---

[1]) Ленин, Социализм и война. Отношение РСДРП к войне, Соч, т. XVIII. Гиз, 1929 г., стр. 193, 194. См. также В. И. Ленин, Новые статьи и письма, не вошедшие во 2-е издание Сочинений, вып. 1, 1930 г., стр. 9, 10.

[2]) Я. М. Магазинер, профессор Петроградского университета, Общее учение о государстве, курс лекций, читанных в Петроградском университете в 1918—1922 гг., изд. 2-е, переработанное, Петербург, Центральный издательский кооперативный союз «Кооперация», 1922 г., стр. 5, 6.

[3]) Heinrich Cunow, Die Marxsche Geschichts Gesellschafts und Staatstheorie der Marxschen Soziologie, Berlin 1923, II, Bd., S. 30, 31.

Производительные силы переросли рамки и частной собственности и государственных границ. Государства вовсе не представляют собою «замкнутых и самостоятельных экономических организмов», и поэтому борющиеся классы, если они не желают играть реакционную роль, вовсе не должны ограничиваться «завоеванием решающей власти в данной хозяйственной системе», а ставить перед собою интернациональные задачи. Но из всех классов только пролетариат самым своим положением подготовлен к выполнению этой задачи.

Интернационализм тем отличается от космополитизма, что в первом есть, во втором нет наций, национальных хозяйств как образующих элементов. И капитал в своей интернациональной экспансии и рабочий класс в своей международной деятельности опираются на национальное хозяйство, но делают это диаметрально противоположным способом. Капитал использовывает национальное государство, как средство и как предмет своей эксплоататорской деятельности, как орудие для своих целей. Пролетариат, «победивший первоначально в одной отдельно взятой стране», делает государство этой страны своим государством в такой мере, что оно выступает как носитель нового революционного начала в раздираемом противоречиями капиталистическом мире.

Всем известны идеи, развитые на эту тему Лениным в его полемике против предложений Троцкого о «Соединенных Штатах Европы». Менее известно одно из писем Маркса к Энгельсу (от 20 мая 1866 г.), где также затрагивается вопрос о небезразличии «национального хозяйства», «нации» для международной борьбы пролетариата. Маркс писал:

«Вчера в Совете Интернационала происходили дебаты о теперешнем военном положении.

«...Представители «Jeune France» (нерабочие) настаивали на том, что и национальность и сами нации — «устаревшие предрассудки». Это — прудонизированное штирнерианство. Разложить все на маленькие «группы» или «коммуны», которые снова образуют «союз», но не государство. И это «индивидуализирование» человечества и соответствующая «взаимная поддержка» должны происходить таким образом, чтобы во всех остальных странах история приостановилась и чтобы весь мир ждал, пока французы созреют для совершения социальной революции. Тогда они проделают этот эксперимент, и весь мир, побежденный силою их примера, сделает то же...

«Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с указания, что наш друг Лафарг и т. д., упразднивший национальности, обращался к нам на «французском» языке, т.-е. на языке, которого девять десятых аудитории не понимали. Далее, я указал, что он совершенно бессознательно под отрицанием национальностей понимал, повидимому, их растворение в образцовой французской нации».

Интернационализм и мировое хозяйство не есть отрицание и отказ от «нации» и «национального хозяйства». Последние являются «узлами» мирового хозяйства и международного движения и должны быть использованы пролетариатом для новых задач, более высоких, чем ставила себе буржуазия даже в эпоху максимального расцвета своих творческих сил и способностей, в эпоху своей готовности действовать революционным методом.

Мы вплотную подошли к некоторым важнейшим положениям программы Коммунистического Интернационала. В отделах, рассматривающих вопрос о завоевании власти пролетариатом и о борьбе за мировую диктатуру пролетариата, программа говорит:

«Необходимейшей и решающей предпосылкой перехода мирового капиталистического хозяйства в хозяйство социалистическое является диктатура мирового пролетариата. Эта диктатура может реализо-

ваться лишь в результате победы социализма в отдельных странах или группах стран, когда вновь образовавшиеся пролетарские республики вступают в федеративную связь с уже существующими, когда сеть этих федеративных об'единений растет, включая в себя и освобождающиеся от ига империализма колонии; когда федерация таких республик становится в конце концов Союзом советских социалистических республик мира, осуществляющим об'единение человечества под гегемонией международного, государственно-организованного пролетариата» [1]).

Этот тезис направлен не только против социал-соглашателей и троцкистов, которые хотели бы «воздержаться» от пролетарских революций в отдельных странах, пока не «подоспеет» мировая революция, которые хотели бы «выжидать» одновременной революции во всех странах, т.-е. по существу дела—хотели бы под благовидным предлогом отказаться от революции. Тезис направлен одновременно и против всех, кто недооценивает национальные хозяйства, как «узлы», «звенья» (мирового хозяйства), которыми пролетариат должен овладевать в первую очередь, чтобы иметь возможность выступать в виде «государственно-организованного пролетариата».

В другом месте программы Коминтерна мы находим еще более ясное указание:

«Международная революция пролетариата складывается из разновременных и разнородных процессов: чисто-пролетарских революций; революций буржуазно-демократического типа, перерастающих в революции пролетариата; освободительных национальных войн; колониальных революций. Лишь в конечном счете революционный процесс приводит к мировой диктатуре пролетариата.

«Неравномерность развития капитализма, обострившаяся в империалистический период, вызвала разнообразие его типов, различные ступени его зрелости в отдельных странах, разнообразие и специфические условия революционного процесса» [2]).

Вот этих-то специфических условий международного революционного процесса мы и не поймем, если не поставим своей задачей изучить национальные хозяйства. Ибо в первый период революции, как это подчеркивает Ленин, поправляя Бухарина, пролетарское государство будет представлять из себя «национально»-организованный рабочий класс [3]).

По чрезвычайно точному выражению т. Сталина, «отдельные страны и отдельные национальные хозяйства перестали быть самодовлеющими единицами, превратились в звенья единой цепи, называемой мировым хозяйством» [4]). Как не напомнить по этому поводу нашим «нигилистам» по части национального хозяйства ленинское учение о звене, за которое необходимо ухватиться.

Пролетариат, вступивший в эпоху пролетарских революций, смело берется за те «звенья», «узлы» мирового хозяйства, которые представляют собою национальные хозяйства. Однако, в отличие от эпохи национальных движений, он ставит перед собою интернациональные задачи.

Самая постановка этих интернациональных задач, а вместе с тем —и способность их разрешения характерны только для международного пролетариата.

---

[1]) Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, вып. 6, 1929 г., стр. 24.
[2]) Там же, стр. 36.
[3]) Ленинский сборник IX, Замечания на книгу Бухарина «Экономика переходного периода».
[4]) И. Сталин, Вопросы ленинизма, 1929 г., стр. 86; разрядка наша. *Н. П.*

Резолюция расширенного заседания президиума Коммунистической Академии совместно с Ассоциацией естествознания Комакадемии и естественным отделением ИКП философии и естествознания по докладу т. Шмидта и содокладу т. Максимова „О положении на фронте естествознания“.

1. СССР вступил в период социализма, проходит этап, завершающий построение фундамента социалистической экономики, этап «перестройки всех органов пролетарской диктатуры, партийных, профсоюзных, советских и кооперативных организаций под лозунгом мобилизации масс за большевистские темпы социалистической реконструкции» (резолюция XVI партс'езда). Эта перестройка должна распространяться и на научно-исследовательскую работу в технике, естествознании и медицине.

2. Социалистическая реконструкция всего хозяйства СССР требует в отличие от капиталистической системы хозяйства проведения сознательного и планового руководства строительством всей науки, в частности естествознания. Усваивая и применяя все действительные достижения науки капиталистического общества, мы должны перестраивать формы организации науки и подвергать переработке самое содержание ее на основе марксистско-ленинской методологии. При этом необходима непримиримая борьба со всеми проявлениями в науке вообще, в естествознании в частности, идеологии враждебных пролетариату классов и попытками реставрировать эту идеологию.

Эта перестройка предполагает в дальнейшем орабочивание состава научных работников, усиление среди них коммунистического ядра, изменение форм работы в сторону непосредственной связи с широчайшими массами трудящихся, сосредоточение внимания на проблемах, имеющих важнейшее значение для социалистического строительства.

3. Правильная линия партии, невиданный рост нашего хозяйства, а в связи с ним и рост науки привели к тому, что мы имеем ряд успехов в деле постановки естествознания на службу социалистическому строительству. Значительная часть специалистов в области технических и естественно-научных дисциплин активно участвует в строительстве; в среде научных работников все больше и больше осознается необходимость поворота науки к социалистическому строительству; значительно возрос интерес широкой массы естественников к диалектическому материализму, выросли, хотя и недостаточно, рабочие и коммунистические кадры естественников, наблюдается рост естественно-научной марксистской литературы, растут научные марксистские общества, усилилось влияние и участие коммунистов в естественно-научных с'ездах.

4. Отмеченные успехи, однако, не покрывают существенных прорывов на фронте естествознания. К ним относится, прежде всего, отставание теории от практики. Положение, констатированное т. Сталиным на конференции аграрников-марксистов, по экономике непоспевание теории за практическими успехами социалистического строительства целиком относится к естественно-научному фронту. Рост социалистического строительства по линии промышленности и сельского хозяйства, постановка ряда новых проблем в этих областях, а также в советском здравоохранении, в вопросах обороны страны и т. п., опережает рост теоретической работы в области естествознания. Совершенно недостаточен количественный и качественный рост естественно-научных кадров вообще и в особенности их рабочая, коммунистическая прослойка.

Не велась работа по реконструкции науки на основе методологии диалектического материализма; не была поставлена проблема партийности в науке, вместе с тем борьба с враждебными организационными и идеологическими течениями в области научно-исследовательской работы была совершенно недостаточна и проводилась с неортодоксально-марксистских позиций.

5. Борьба за реконструкцию науки, выдвигаемая задачами социалистического строительства, осложняется на данном этапе усиленным сопротивлением социалистическому строительству враждебных пролетариату классовых сил. Это сопротивление выражается на естественно-научном фронте как в открытой борьбе путем вредительства (Шпитальский—в химии и др.), так и во враждебных пролетариату идеологических течениях в лице махизма (Френкель — в физике), витализма (А. Гуревич, Берг, Соболев, Любищев—в биологии), реакционных политических выводов из естествознания (Савич—учение о высшей нервной деятельности, Кольцов—в евгенике) и др.

В борьбе за реконструкцию науки на основах марксистско-ленинской методологии важное значение приобретает разоблачение всякого рода псевдомарксистских течений типа корниловщины, бехтеревщины в психологии, Серебровский в биологии и ряда направлений в других областях науки, представляющих форму приспособления к марксизму-ленинизму в условиях диктатуры пролетариата, по существу отображающих напор классового врага на идеологию пролетариата.

6. Рост враждебных настроений сказывается в мировой науке в изгнании материалистического мировоззрения из наук о природе, во все большей и большей пропаганде через естественно-научную литературу религиозных и мистических идей, в повороте немалого числа естествоиспытателей в стороны спиритизма, оккультизма, парафизики (Шнейдер, Дриш), в решительной борьбе против революционного значения дарвинизма, принявшей в Америке средневековые формы «обезьяньего процесса», попытки создания высших естественно-научных учреждений на основе библии (Брайановский университет), в пропаганде со специальных кафедр по философии естествознания враждебных материализму философских учений (в Берлине—Райхенбах, в Вене—М. Шлик, в Мюнхене—Г. Динглер, в Праге—Франк и т. д.).

Порождаемая гигантскими успехами техники, громадным накоплением нового фактического материала, революционная ломка естественно-научных теорий в условиях разложения капиталистического общества, при наличии в капиталистических странах лишь небольшой горстки естественников-коммунистов используется идеалистическими и философскими школами, проводящими свои взгляды в формулировках тех или иных естественно-научных теорий (махистская и идеологическая трактовка теории относительности Эйнштейна Эддингтоном, Вейлем и др., марксистская трактовка волновой механики Гайзенбергом, Шредингером, идеалистическая школа в патологии Креля, идеалистические направления в психологии — Штерн, Адлер).

Рост социалистического строительства СССР и усиление его как фактор мировой пролетарской революции приводит в то же время к дальнейшему расслоению среди ученых Западной Европы и Америки в смысле отхода большинства их в лагерь враждебных пролетариату классов (отношение Эйнштейна и др. к вредительству в СССР и попыткам интервенции). Социал-демократия выступает как социал-фашизм не только в политике, но и в идеологии, и способствует фашизации науки (писания К. Каутского, Ф. Адлера и др.).

7. В условиях все обостряющейся классовой борьбы внутри и вне СССР борьба за чистоту партийной линии в области теории приобретает особенно важное значение. Наибольшей опасностью в этом отношении является механистический уклон от философии диалектического материализма, об'ективно являющийся выражением влияния враждебных пролетариату идеологий.

Механисты (Тимирязев, Варьяш, Сарабьянов, Обух и др.) выхолащивают все революционное содержание марксизма и заменяют его философией буржуазных естествоиспытателей, реставрируя методологию вульгарного механицизма. В решении ряда теоретических проблем естествознания механисты смыкаются с реакционно-идеалистическими концепциями (проблема жизни, проблема приспособления, проблема поведения и др.).

С другой стороны, механистические взгляды и вся система механистического мировоззрения являются на данном этапе теоретической и методологической базой правого уклона.

8. Задачи руководства на естественно-научном фронте в СССР заключаются в борьбе за большевизацию науки, за генеральную линию партии. Борьбу нужно вести неуклонно, разоблачая всех современных «дипломированных лакеев поповщины», все равно выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно-социалистическими публицистами» (Ленин).

9. Подводя итоги работы, проделанной Секцией (теперь Ассоциация) естествознания Коммунистической академии, следует констатировать ряд достижений и успехов.

К ним относятся прежде всего:

а) Количественный рост самой Ассоциации.

б) Усиление влияния на значительные слои естественников, путем организации целого ряда марксистских обществ (общества физиков, математиков, врачей, биологов, психоневрологов, геологов).

в) Участие Ассоциации в ряде естественно-научных с'ездов (с'езд по поведению физиологов, зоологов, математиков, физиков), где представители Коммунистической академии, руководя материалистическим крылом, оказывали влияние на работы с'езда.

г) Пропагандистская и литературная деятельность Ассоциации (организация лекций, докладов, создание теоретического журнала «Естествознание и Марксизм», выпуск отдельных монографических работ, организация курсов для учителей и др.).

д) Борьба, хотя и недостаточная по своему об'ему и неортодоксально-марксистская по характеру, с механистами, а также с открытыми выступлениями идеалистов.

10. Отмечая указанные достижения, следует сказать, что естественно-научное руководство (Шмидт, Левин, Леакт, Гессен, Агол) не осуществило реализации генеральной линии партии на фронте естествознания, не учло сдвигов, связанных со вступлением СССР в эпоху социализма, не поняло задач, которые диктовались ускорением темпов социалистического строительства и обострением классовой борьбы.

Естественно-научное руководство непосредственно сомкнулось с группой Деборина, Карева, Стэна и др., либо активно поддерживало ее в борьбе против партийности в философии и естествознании (Леакт, Левит, Агол, Гессен), либо относясь примиренчески и по существу защищая его (Шмидт).

Защищая неправильную линию группы Деборина, Карева, Стэна и неся за эту линию ответственность в целом, естественно-научное руководство само извратило понимание проблемы партийности в науке, стало на антимарксистский путь, допустив отрыв теории от практики.

11. Товарищи из естественно-научного руководства, признавая на словах необходимость разрабатывать и применять материалистическую диалектику в естествознании, в ряде своих работ отождествляют новейшие работы буржуазных естествоиспытателей с марксизмом, тем самым капитулируя перед буржуазной наукой. Ленин, анализируя процесс глубокой революционной ломки во всех областях естествознания, подчеркивал, что задача естественников-марксистов заключается в переработке тех завоеваний, которые делаются буржуазными учеными, в умении «отсечь их реакционную тенденцию, а умении вести с в о ю линию и бороться с о в с е й л и н и е й враждебных нам сил и классов». Товарищи из естественно-научного руководства пренебрегли этими указаниями Ленина. Так т. Гессен некритически утверждает в своей брошюре о теории относительности, что «в областях физики взгляды теории относительности на пространство и время в основном совпадают с воззрением диалектического материализма на соотношение пространства, времени и материи». Разумеется, критическое отношение теории относительности не должно сопровождаться огульным отрицанием физической стороны ее, как это делают механисты (Тимирязев), взгляды, развиваемые т. Тимирязевым по этому вопросу, ничего общего с марксизмом не имеют. Левит отождествляет современную генетику с диалектическим материализмом в биологии. Перечисленные товарищи не отсекли реакционных философских тенденций в указанных теориях и отождествили их с марксизмом.

12. Вместе с тем, товарищи из естественно-научного руководства недооценили значения для естествознания работ Маркса, Энгельса и Ленина. При этом не только не разрабатывалось теоретическое наследство Маркса, Энгельса и Ленина (в журнале «Естествознание и Марксизм» не появилось ни одной статьи, посвященной «Диалектике природы» Энгельса или работам Ленина, рассматривающим проблемы естествознания), но имелись попытки прямой ревизии марксизма-ленинизма при трактовке ряда естественно-научных проблем. При одобрении и поддержке Леакта, Левина и Агола в «Естествознании и Марксизм» писалось (Серебровским), что в области эволюционной теории Энгельс «лишь стремился быть на уровне с наукой того времени». Этим сознательно смазывается значение естественно-научных работ Энгельса и реаизуется его роль в методологической переработке естествознания на базе диалектического материализма.

13. По отношению к Ленину недооценка выразилась у указанной группы товарищей из естественно-научного руководства Коммунистической академии в непонимании того, что и в естествознании ленинизм является «марксизмом эпохи империализма и пролетарской революции», что Ленин дал анализ того положения, которое создалось в области естествознания в эпоху империализма и пролетарской революции и определил задачу и тактику пролетариата и на этом

фронте. В противоположность сказанному в резолюции II конференции марксистско-ленинских учреждений по докладу т. Шмидта написано: «В естествознании же после Энгельса марксизм почти не разрабатывался, и только у Ленина мы имеем сравнительно немного, правда гениальных, страниц». Здесь налицо полное непонимание и принижение роли Ленина.

14. К ошибкам механистического порядка, перерастающим в целом ряде случаев в идеалистические, относятся, прежде всего, метафизическая трактовка проблемы случайности у Гессена и Агола, механистическая и метафизическая трактовка проблемы организма и эволюции, внешнего и внутреннего в связи с проблемами генетики у Агола, Левита и Левина; механистическая и метафизическая трактовка причинности, соотношения физиологического и эволюционного у Серебровского при поддержке Агола, Левита, Левина. К этой же категории ошибок относится и недооценка Левиным опасности механистических воззрений Гельмгольца (XII том, примечание загр. изд. сочинения Ленина), тоже Дюринга (XIII том), тоже Вейсмана (БСЭ) и т. д.

Механистическим же является сведение социального к биологическому у т. Серебровского. При поддержке тт. Левита, Агола и Левина т. Серебровский подменяет борьбу за генеральную линию партии проблемой улучшения генофонда (пятилетка в 2½ года), чем допускает об'ективно политически реакционную ошибку.

Явно идеалистического порядка делает ошибку т. Гессен, утверждая, что «материя есть синтез пространства и времени», и некритически усваивая некоторые положения махистов о движении. Идеалистические ошибки делает и Агол в трактовке целесообразности и причинности (ст. в «Естествознании и Марксизм» № 1/6, 1930 г.).

15. Естественно-научное руководство вело совершенно недостаточную борьбу с идеализмом. Естествознание совершенно не использовано в работе всех органов Ассоциации, в том числе и обществ Коммунистической академии, для антирелигиозной борьбы.

«Самое важное—чаще всего именно это забывают наши, якобы-марксистские, на самом деле уродующие марксизм, коммунисты—это суметь заинтересовать совсем еще не развитые массы сознательным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религии». (Ленин).

Совершенно недостаточной была борьба с уклонами от марксистско-ленинской философии среди естественников и, прежде всего, с главной опасностью в этом отношении—механицизмом. Механисты не только свободно развертывали свою пропагандистскую деятельность в стенах учреждений секций, но до последнего времени имели свои организационные оформления под флагом так называемого раздела работ т. Тимирязева, замкнувшись в группу с групповой платформой и планом работы. Особо нужно также отметить развертывание механистами работы в обществе «Ленинизм в медицине» (группа Обуха), против нее Ассоциация естествознания Коммунистической академии не сумела своевременно развернуть борьбы.

16. Отмеченные неправильные установки и ошибки товарищей из естественно-научного руководства сказались и на литературной продукции, выходящей под ответственностью этих товарищей. Журнал «Естествознание и Марксизм» не поместил ни одной статьи, посвященной социалистическому строительству и защите генеральной линии партии и по существу был групповым органом естественников, поддерживающих философское руководство.

В Большой советской энциклопедии, руководимой ответственным редактором, председателем Ассоциации естествознания Коммунистической академии т. Шмидтом, естественно-научный отдел должен быть квалифицирован как в основном немарксистский.

В ряде важнейших идеологических статей («Волны», написанные махистом Франком, «Гарвей», «Вещество», «Витализм», «Антропотехника», «Биология», «Аксиома», «Внушение», «Вейсман», «Вероятность», «Влечение», «Бери», «Бер» и др.) дается антимарксистская интерпретация и ориентация широких кадров читателей. Помимо того, редакция естественно-научного отдела БСЭ допустила политические ошибки в организации и подборе редакционного и авторского персонала, не привлекая к этой работе в значительной степени имеющиеся и растущие марксистские, коммунистические кадры естественников, используя для этой работы, в то же время реакционные круги естественников-специалистов, сотрудничая с ними в духе либерализма, в духе терпимости к проведенным ими немарксистским взглядам.

Статья т. Левита в пятом, посвященном XVI партс'езду, номере журнала «Под Знаменем Марксизма» содержит в себе ряд меньшевистских положений.

17. Ряд ошибок допущен руководством Ассоциации и по линии организационно-практической работы. В частности, оно не организовало коммунистической

общественности естественников, что наиболее наглядно бросается в глаза в факте отрыва Ассоциации от ИКП Ф. и Е. Практика самотека царила в развертывании сети научно-исследовательских учреждений, не обеспечивалось в должной мере идеологическое и политическое руководство работой, на что указывает большая засоренность состава научных работников социально-чуждыми элементами и то, что научные институты Ассоциации до сих пор мало чем отличаются от подобных, не входящих в состав Коммунистической академии, учреждений.

18. Академический и аполитичный характер носила до сих пор деятельность научных обществ при Ассоциации естествознания. Общества не сумели организовать массы вокруг проблем, выдвигаемых социалистическим строительством, не вели активной борьбы за пропаганду марксизма и борьбу против уклонов от него среди научных работников естественников, полагаясь в своей работе целиком на самотек. Положительная роль этих обществ в смысле создания новых марксистских кадров также ничтожна. Влияние этих обществ не выходило за пределы Коммунистической академии и никакой ведущей роли не играло в деятельности аналогичных обществ вне Коммунистической академии, в том числе и в провинции.

Завоевание и перестройка естествознания на марксистской основе, участие его в социалистическом строительстве требуют быстрого темпа роста рабочих и коммунистических кадров естественников. Естественно-научным руководством проблема кадров совершенно не была разработана и поставлена. Больше того, позиции естественно-научного руководства приводили к дезориентации немногочисленных имеющихся марксистских кадров.

19. Вся система антимарксистских и антиленинских ошибок естественно-научного руководства представляет собой форму проявления на естественно-научном фронте борьбы против марксизма-ленинизма (рубинщина—в политической экономии, переверзевщина—в литературоведении, антимарксистский уклон группы Деборина—в философии и т. д.). Антимарксистские ошибки естественно-научного руководства сочетались с тем, что оно вместо содействия развертыванию среди естественников большевистской самокритики противодействовало ей и тем самым углубляло свои ошибки и замкнулось в оторванную от широких масс группу, ведя с так называемым философским руководством общую групповую линию (платформа десяти и т. д.).

Это необходимо подчеркнуть тем более, что естественно-научный фронт—один из самых отсталых и наименее обеспеченных марксистскими кадрами участков теоретического фронта. Все это приводит к тому, что положение на естественно-научном фронте в данный момент является более тяжелым, чем на философском.

20. Ответственность за положение на естественно-научном фронте лежит не только на Ассоциации естествознания, но и на президиуме Коммунистической академии, который не уделял достаточного внимания общеполитической установке и не осуществлял достаточного контроля над работой на фронте естествознания. Президиум Коммунистической академии недооценивал значения естествознания в социалистическом строительстве и в теоретической борьбе партии. В общей системе учреждений Коммунистической академии Ассоциация естествознания не была поставлена в соответствующие условия для развертывания работы.

А. Для действительного осуществления поворота Ассоциация естествознания должна перестроить всю свою работу на следующих началах:

1. Большевистской партийности, повседневной непримиримой борьбы за генеральную линию партии.

2. Непосредственного участия в социалистическом строительстве партийного методологического влияния на всю научно-исследовательскую работу в СССР.

3. «Ведение войны» со всеми враждебными диалектическому материализму направлениями в естествознании, всеми разновидностями идеализма, со всеми извращениями марксизма-ленинизма, с механистической опасностью как главной, проявив вместе с тем особую бдительность к меньшевистскому идеализму группы Деборина, Карева, Стэна и шедших с ними естественников Левина, Левита, Агола и др.

4. Обеспечения разработки наследства Маркса, Энгельса и особенно Ленина по вопросам методологии, естествознания, реконструкции естественных и математических наук на основе материалистической диалектики, пропаганды и распространения влияния марксистско-ленинской мысли в области естествознания как в СССР, так и в международном масштабе (создание специального бюллетеня и т. д.).

5. Максимальной концентрации марксистско-ленинских кадров естественников, решительного выдвижения и планово формированной подготовки новых рабочих коммунистических кадров.

6. Строгой плановости и дисциплины, самокритики, соцсоревнования и ударничества, бригадности в работе, проверки исполнений.

Б. Исходя из этих основных принципов, Ассоциация естествознания должна:

1. Связаться с научно-исследовательскими учреждениями ВСНХ, НКПС, Наркомзема, Наркомздрава, не дублируя, а методологически содействуя им, контролируя их исследовательскую работу, ставя в основном проблему планирования науки, взять на себя методологическое содействие соответствующими центрами наркомпросов союзных республик, способствовать усилению партийного влияния на Академию наук; особо заняться осуществлением содействия естествознания обороне страны.

2. Реорганизовать свои научно-исследовательские институты путем концентрации имеющихся и дальнейшего планового развертывания новых учреждений, сосредоточения их работы вокруг немногих узловых проблем, с одной стороны, выдвигаемых социалистической реконструкцией и задачами обороны страны, с другой—основных для марксистско-ленинского мировоззрения.

а) Институт биологический—на базе Тимирязевского института и Биомузея: методологическая помощь Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина и т. д., проблемы органической эволюции.

б) Институт высшей нервной деятельности с включением Института мозга и Психотехнической секции, с вовлечением Психологического института.

в) Институт геологический—на базе Института генезиса минералов, содействуя учреждениям ВСНХ, проблемы эволюции земли и т. д.

г) Институт математический, с отделением механики—на базе Математической секции: контроль математических методов в экономических и технических институтах ведомств.

д) Институт физический с отделением геофизики и астрофизики—должно быть немедленно организовано наблюдение над Физико-техническим институтом БЭИ, ЦАГИ, Теплотехническим институтом и др., проблемы строения материи, теории относительности, космогонии.

е) Институт химический—должен быть немедленно организован.

ж) Институт теоретических основ социалистического здравоохранения—на базе имеющихся институтов, разделов и секций.

з) Институт истории естествознания, в особенности эпохи империализма и пролетарской революции, ставя вместе с тем широко библиографическую работу.

Институт методологии техники, который должен быть организован при Коммунистической академии, должен заниматься общей методологией и историей техники, в то время как каждый из указанных специальных институтов должен иметь свой технический раздел (напр., в Биологическом институте технический раздел разрабатывает методологические проблемы растениеводства, животноводства, в Физическом: методологические проблемы энергетики, теплотехники и т. д.; в Геологическом—методологические проблемы разведочного дела и т. д.). Будучи тесно связана с Экономическим институтом Коммунистической академии, Секция методологии техники должна вместе с тем работать в тесном контакте с институтами Ассоциации естествознания.

Рабочую программу институтов создать путем срочного созыва специальных деловых совещаний крупнейших научных работников и практиков СССР с участием ведомств, в дальнейшем введя такие совещания в практику и организуя через них научный актив вокруг Ассоциации естествознания Коммунистической академии.

3. Реорганизовать свои общества, превратив их в массовые организации, решительно отказавшись от самотека в их работе, сосредоточив их работу вокруг плановых проблем соответствующих институтов, превратив их тем самым в актив, работающий над актуальными вопросами теории и практики социалистического строительства.

4. Осуществить идеологическую помощь и контроль над научными изданиями в СССР, борясь с политической нейтральностью, с противопоставлением «фактической» науки марксистско-ленинской, за соответствующее изменение лица научных журналов, оказывая методологическое содействие издательствам, в особенности по выходящим энциклопедиям. Организовать просмотр имеющейся учебной и самообразовательной литературы, учебных планов, программ и методов преподавания в вузах, в втузах и в техникумах и рабфаках, разработать марксистско-ленинские учебники по отдельным естественным и теоретическим наукам, принять активное участие в политехнизации школы.

Журнал «Естествознание и Марксизм» реорганизовать в соответствии с поворотом в боевой орган, переименовать его в «За Марксистско-Ленинское Естествознание».

5. Поставить планомерную связь руководства с периферией и массовую работу путем:

а) Систематических выездов на места (в том числе в национальные районы), организации конференций.

б) Организации областных ячеек марксистских обществ (Ленинград, Казань, Томск и т. д.).

в) Осуществления руководства соответствующими музеями, курсами, выставками, изданиями и т. д.

г) Возглавления и проведения коренной реорганизации специальных научных обществ; обеспечения руководства научными с'ездами.

д) Организации бюро антирелигиозной работы, подготовки и переподготовки научных антирелигиозников, издания соответствующей литературы.

е) Создать свои базы на крупнейших заводах и в колхозах-совхозах с периодическими докладами, добиться их шефства над отдельными своими институтами, вовлечь рабочих в руководство работой Ассоциации и ее учреждений.

6. Перейти к плановым формам подготовки и вербовки аспирантуры по всем разделам, в особенности по химии, геологии, физике, механике, организовав подготовительное отделение для рабочих-коммунистов с рабфаковской подготовкой, провести вербовку среди втузовцев последних курсов. В этой работе, за неимением экспериментальной базы, Ассоциация естествознания должна впредь до организации собственных лабораторий вступить в соглашение с соответствующими учреждениями. Необходимо взять курс на максимальное кооперирование ИКП Ф. и Е.

Организовать марксистскую переподготовку научных работников-партийцев для различных категорий, в частности, совместно с ИКП Ф. и Е. курсы по повышению квалификации преподавателей диамата.

Организовать ежедекадные научно-популярные доклады в крупных аудиториях Москвы с передачей по радио.

Организовать Заочное бюро марксистско-ленинского естествознания, а также курсы для подготовки из рабочих пропагандистов и преподавателей по отдельным специальностям (напр., преподавателей физики для средней школы и т. п.).

Организовать вокруг Ассоциации естествознания и ее институтов актив из рабочих крупнейших предприятий.

7. Произвести пересмотр личного состава своих учреждений, освобождаясь от неприемлемых и несоответствующих работников и держа курс на замещение не позднее осени 1931 г. руководящих научных должностей (зав. отделением, действительные члены институтов) кандидатурами, имеющими методологическую квалификацию.

8. Изменить характер работ своего правления в сторону постановки принципиальных вопросов при единоначалии во всех административно-хозяйственных вопросах и максимальной административно-хозяйственной самостоятельности отдельных учреждений.

В. Президиум Коммунистической академии считает неудовлетворительным нынешнее руководство Ассоциации естествознания. В связи с значительным расширением масштаба работы Ассоциации естествознания президиум Коммунистической академии считает необходимым возглавление Ассоциации освобожденным от работы председателем и двух его заместителей, а также закрепление за Ассоциацией естествознания не менее десяти новых работников по новым институтам. Президиум Коммунистической академии считает необходимым немедленно обеспечить Ассоциацию естествознания достаточной территориальной базой, срочно пересмотреть смету Ассоциации естествознания в сторону решительного увеличения в отношении капитального строительства, оборудования, снабжения иностранной литературой, штатов зарплаты, в частности стипендий, и войти со специальным ходатайством в соответствующие правительственные органы.

Настоящую резолюцию опубликовать в печати.

Диалектика в эволюционном процессе[1].

(Ответ А. С. Серебровскому).

П. Серебровский.

Проф. А. С. Серебровский в «Естествознании и Марксизм» (№ 1/5 1930 г.) опубликовал статью, в которой обвиняет меня в принадлежности к механистам. Гнев его понятен: как я покажу в этой статье, А. С. Серебровскому не удалось опровергнуть моих положений, чего, однако, требует его самолюбие, как главы неодарвинистов. Нетрудно показать, что в споре между неоламаркистами и неодарвинистами решающим окажется уменье действительно пользоваться диалектическим методом. «Надо приспособлять дарвинизм к новым открытиям», поучает меня, «механиста», «диалектик» А. С. Серебровский (l. c.). Это очень откровенно; даже до цинизма. А. С. Серебровский уже давно приспособляет нашу диалектику естествознания к метафизическим положениям вейсманизма и морганизма. Но все еще не сбитые им с пути марксисты-эволюционисты будут больно драться за диалектику. Они не позволят «приспособлять дарвинизм», но поступят наоборот: буржуазную науку освоят и преодолеют силой диалектического оружия. «Приспособление» было начато А. С. Серебровским в «Под Знаменем Марксизма» еще в 1926 году. «Все стоит в связи со всем и все взаимодействует», но вот развитие и новообразование признаков в течение эволюции с внешней средой никак не связано. Так поучал Серебровский, выполняя об'ективно заказ буржуазной науки и «приспособляя» нашу диалектику к учению Вейсмана и Моргана. В то время большинство марксистов отказалось от такого «приспособления», но А. С. Серебровский делал свое дело и, наконец, «преодолел» положение — «все стоит в связи со всем», и сейчас редакция «Естествознание и Марксизм» уже откровенно развивает это положение, помещая одну за другой статьи, доказывающие бессилие внешней среды видоизменить генотип, т.-е. отстаивает физиологическую независимость эволюционного процесса. Призыв «приспособлять дарвинизм к новым открытиям» остался без примечания редакции. Недавно Дубинин в «Естествознание и Марксизм» (1929 г., кн. 4) заявлял, что спор между дарвинистами и неодарвинистами уже окончен. Я думаю, что он только начался. До сих пор марксистская методология еще почти не касалась эволюционного учения, и это надо помнить как Дубинину, так и другим неодарвинистам. В процессе спора за диалектику этот из'ян и должен быть выполнен.

Я начну с беглого очерка истории воззрений неодарвинистов. Взгляды основоположника неодарвинизма, Августа Вейсмана, как читатель сам убедится, прямо противостоят диалектике. Фундаментом его мировоззрения было — резкое принципиальное разграничение зародышевой плазмы от ос-

---

[1]) Статья П. Серебровского печатается в дискуссионном порядке. Редакция отмечает, что развертывание критики взглядов А. Серебровского теперь крайне необходимо, однако ст. П. Серебровского, ценная по своему фактическому материалу, ведет эту критику в основном с механистических, механо-ламаркистских позиций. **Ред.**

тальных клеток тела (сомы). Первые содержат в себе все наследственные зачатки (детерминанты), расположенные в хромосомах. Зародышевые клетки происходят лишь от зародышевых. Сома (тело) содержать полный набор зачатков не может. Все, что протекает в соме — не влияет на зародышевую плазму.

Взаимодействие частей единого целого, таким образом, не признавалось. Роль внешних условий в образовании наследственных зачатков также сводилась к нулю (явно не диалектический подход к явлению), равно как и роль упражнения и неупражнения. Вейсман иногда менял свои воззрения, допуская, например, изменяющую роль среды в случае прямого действия ее на зародышевую плазму. Но до недавнего времени вейсманисты и генетики решительно отрицали эту роль [1]).

В этом отношении позиция дарвинистов куда более вяжется с диалектикой. Жизнедеятельность есть непрерывное опосредование внутреннего внешним и внешнего внутренним.

Но раз отброшена роль внешней среды, то Вейсману предстояла задача невозможная, трудная задача доказать, что даже ничтожно-малые признаки появляются в результате отбора. Ему резонно возражали, что, прежде чем стать вредным или полезным, признак должен в течение поколений както увеличиться, дорасти до состояния, улавливаемого отбором. Тогда Вейсман об'явил, что всякий признак вообще имеет подборную цену. Иными словами, развивающийся признак с первого же момента является качественным в смысле отборного значения. Я уже имел случай доказать, что взгляды дарвинистов на этот предмет куда более диалектичны [2]).

Новую эпоху открывает де-Фриз учением о мутациях. Мутациям по мнению де-Фриза предшествует подготовительный процесс. Вероятно, это так и есть. Но не случайно В. Слепков [3]) об'явил их не диалектическими. Дело в том, что в представлениях неодарвинистов подготовительный процесс как-то выпал. О нем только сейчас начинают говорить, да и то не особенно внятно, и получаются скачки действительно какие-то случайные, в результате, например, того, что часть хромосомы обрывается, или кусочек ее выпадает, перемещается в другую хромосому, отдельные гены перемещаются и т. п. В мутациях Штандфусса, Фишера, Тоуэра и др. подготовительный процесс был и зависел от материальных факторов (внешних воздействий). Теперь же надо верить в какую-то неведомую иррадиацию, а так как ее никто не видел, то остается формулировка, весьма пригодная для идеалистов. Я уже однажды писал, что в представлениях неодарвинистов мутация нечто неподвижное, нечто не развивающееся. Это неподвижное в процессе отбора сменяется другим, также неподвижным. Что это вопиюще не согласуется с диалектикой — бесспорный факт. В своем ответе А. С. Серебровский по этому поводу, м о л-

[1]) Недавно Моллер положил конец спору вейсманистов с дарвинистами, которые настаивали на изменяющей роли среды, вызвав действием рентгеновских лучей наследственные изменения у мухи дрозофилы. Вейсманисты и морганисты были окончательно биты (да и раньше подобного рода опыты приводили также к подобным результатам, но об этих опытах неодарвинисты старались помалкивать). А. С. Серебровский выступил по этому поводу с газетной статьей, в которой проводил примерно такую мысль: ага, как мы вам, дарвинистам, всыпали! Это уже такая всегдашняя манера у А. С. Серебровского (можно сравнить с известным: Сенька, я ворв поймал! Так веди его. Да он не идет! Так сам иди. Да он не пускает). А. С. Серебровский теперь выправил свою оплошность, состоявшую в признании положительной роли внешних агентов (рентгенизации) в образовании новых признаков. Его школа теперь об'являет, что собственно новых признаков тут не образуется, а рентгенизация только ускоряет естественно идущий процесс. Движущей его (процесса) силой остается какая-то внутренняя «иррадиация». Подай боже.

[2]) См. «Под Знаменем Марксизма» № 4, 1929 г., статья «Дарвинизм и «дарвинизм»».

[3]) Биология и марксизм, Гиз, 1928 г.

чит, не возражают и другие неодарвинисты. Только Местергази (Основные проблемы органической эволюции, 1930 г.) спешит навести тень на ясный день и оправдывается так: «Огромной заслугой генетиков является установление нормы реакции фенотипа, зависящей от строения генотипа... теперь статическое понятие признака мы можем окончательно заменить динамической нормой реакции». Это не то, не то, т. Местергази. При чем здесь норма реакции? Никто в ней не сомневается; но по-вашему (и от этого вам не отвертеться) норма-то реакции остается неизменной — как и генотип в течение ряда поколений до новой мутации. Эта норма остается периодически ненарушимой, вполне константной, отнюдь не «динамической» и не диалектической. Вот ведь в чем дело. Между тем исследования механо-ламаркистов (и мои) показывают, что возникшие как мутационным, так и не мутационным путем признаки не остаются неизменными ни на одно поколение, не остается неизменной и норма реакции («все течет», т. Местергази), но эти изменения идут «во времени» (т.-е. в течение большого ряда лет) и лабораторными приемами обыкновенно не улавливаются [1]). Высокомерная вера в свои лабораторные возможности мешает генетикам взяться за другие приемы исследования, и они предпочитают «отвергать» явления физиологического развития во времени.

Одновременно с выступлением де-Фриза выплывают вторично забытые законы Менделя, и начинается развитие генетики, что привело к настоящему моменту к известной «теории гена» Моргана. Морган и его последователи— неодарвинисты представляют хромосомный аппарат чем-то вроде аптечной витрины: — стоят там полочки-хромосомы, на полочках баночки-гены. Наследственные признаки возникают в результате того, что одна баночка переставляется на другую полочку, или на место другой, или выпадает вовсе; одна часть полочки может присоединиться со всеми баночками к другой полочке и т. д. и т. п. И все это от внешней среды не зависит. Да даже и вообще не известно, отчего зависит. Это А. С. Серебровский и называет «физиологией». Но уж если он так называет, то, конечно, не напрасно. Вспомним его тактику. Ясно, что именно пока физиологии здесь и нет. Пока только механика. И уж если называть «механистами», так именно неодарвинистов. Впрочем, школа А. С. Серебровского сделала великолепные шаги в направлении ликвидации этой схоластической схемы (см. Дубинин, Природа и строение гена, «Естествознание и Марксизм» № 1, 1929 г.), и тем более жалко, что остальную схоластику и метафизику менделистов она упорно поддерживает (о чем еще неоднократно будет говориться).

Законы Менделя глубоко внедрили в сознание генетиков представление о постоянстве, неизменности генов, их независимости как от внешних условий, так в большинстве случаев и друг от друга. Иными словами, нечто сверхантидиалектическое. «Генотип особи с возрастом не меняется», утверждает А. С. Серебровский (l. с.) и добавляет: «Не гулял ли т. П. В. Серебровский последние 30 лет в далекой тайге, вдали от всего развития учения о генотипе и фенотипе». На это возразить нетрудно: А не гулял ли А. С. Серебровский в Москве, а нет ли там Комакадемии? Впрочем, в любом книжном магазине он мог бы купить любую книжечку по диамату или нечто подобное. Там на первых же страницах он прочел бы: «все течет и все изменяется». Только вот гены не меняются, норма реакции не меняется. Так, так, «приспособляйте», т. А. С. Серебровский, дарвинизм к метафизике Моргана. Морган и все генетики естественно пришли к такому выводу: они не диалектики,

[1]) В своей статье в «Под Знаменем Марксизма» № 4, 1929 г., я обещал поместить статью о скачках в эволюции. Это я и сделал; но помещенная в журнале «Человек и Природа» (№ 18 за 1929 г.) статья была по техническим причинам коротка и в нее не вошли скачки физиологической природы. Материал у меня имеется порядочный, и может быть я соберусь позднее опубликовать его.

а генотип практически действительно почти не меняется. Но вы, т. Серебровский, вы, товарищи, его поддерживающие, вы ведь диалектики? Почему вам было необходимо взять подсунутый буржуазными учеными вывод безмарксистской критики? Да... диалектика диалектикой, а что скажет Морган! Это или меньшевизм от биологии, или «плоды зевакового дерева». Если принять, что гены не неизменны (как писал я уже в статье «Дарвинизм и «дарвинизм»» [1]), что они изменяются хотя бы ничтожно, практически неуловимо - мало как в течение жизни, так и во времени, то от этой, на первый взгляд столь маловажной, поправки получатся великие сдвиги в ваших воззрениях на эволюцию; вы войдете в полное согласие с наблюдаемым в природе, в частности и с явлениями ортогенеза [2]. Сообщенные мною и другими исследователями факты и их трактовку никто не мог из наших противников опровергнуть (о чем еще будет сказано), а главное — вы войдете в полное согласие с диалектикой и вовсе не разойдетесь с генетикой, внеся в нее лишь полезную поправку.

До последнего времени генетики считают вейсмановский принцип независимости зародышевой плазмы святой истиной. Сома (фенотип) не может оказать на генотип никакого влияния в смысле изменения его наследственных свойств. «Совершенно ясно, что фенотип организма есть качество совершенно иное, чем генотип», — пишет Дубинин («Естествознание и Марксизм» № 4, 1929 г.). От всего марксизма у неодарвинистов-генетиков ничего, кроме этого «качества», нет. А следовало бы пользоваться не словечками, а методом. Метод же учит видеть в каждом явлении процесс. Значит следует призадуматься, как это бесспорное качество возникло в процессе развития. Сейчас мы ознакомим с этим читателя, и станет ясно, что самый важный, основной вывод вейсмано-генетиков стоит беспомощно на голове. Начнем с одноклеточных, как наиболее приближающихся к древнейшим организмам. Здесь, как очевидно, принципиальной разницы между телом и зародышевой плазмой нет: то и другое совмещается в одной клетке, ни о каком качестве пока еще не приходится говорить. От одноклеточных произошли многоклеточные. Возьмем что попроще, например водоросль спирогиру. Здесь каждая клетка тела может в зависимости от случая конъюгировать, и после конъюгации получается зародышевая клетка. Каждая клетка здесь есть часть сомы, но по воле наших генетиков-вейсманистов она внезапно получает знаменитое новое «качество», и хотя при этом нисколько не меняется, но начинает «качественно» отличаться от... самой себя.

Возьмем более сложный организм — речную гидру. Здесь уж есть и полость тела, что-то вроде рта, щупальца. В стенках тела образуются округлые скопления зародышевых клеток, но скопления от стенок не резко отграничены, да и вообще каждая клеточка гидры может дать потомство. Некоторые виды губок также могут дать целый организм от любой клетки тела. Где здесь зародышевая плазма с набором хромосом (генотип) и «качественно» различное остальное тело (фенотип)? Хотя неоспоримо есть и зародышевая плазма и фенотип.

«Изменения в соме не могут оказать влияния на наследственные качества зародышевой плазмы», — так гласит основное положение неодарвинистов. Но в приведенных примерах нельзя даже провести грань между реально существующей сомой и не менее реальными зародышевыми клетками. И здесь сома способна передать признаки по наследству. У растений многие части сомы способны дать новое молодое растеньице со всеми ему присущими признаками. Это справедливо даже для самых высших. При этом происшедшие от соматических клеток молодые растения дают подобное родительскому расте-

---

[1]) «Под Знаменем Марксизма» № 4, 1929 г.

[2]) См. «Номогенез», сборник критических статей, 1927 г.

нию потомство. И генетики теперь считают, что в каждой клетке сомы такой же набор хромосом, значит такой же генотип, как и в зародышевых. Как видите, т. Дубинин, особое «качество» есть и особого «качества» нет — смотря по тому, с какой стороны к этому качеству подходить. Разделение на зародышевую плазму и сому иногда начинается очень рано, что можно трактовать как раннюю специализацию половых клеток. Так бывает у червей, членистоногих, повидимому, у некоторых (? всех) позвоночных; чем выше животное, тем сильнее специализация клеток. Специализация сомы у высших организмов доходит до такой степени, что ее клетки уже не могут дать организма, хотя еще содержат весь гарнитур хромосом. Вот в таких случаях мы уже вправе поставить вопрос о качественном различии в наследственных потенциях (только о них идет речь) между соматическими и половыми клетками. Вейсман, конечно, отлично знал о низших организмах [1]), но, очевидно, старался о них не думать. Впрочем, неизвестно что он думал, когда строил грандиозное здание своей теории, оказавшееся стоящим на флюгерах, кверху фундаментом. Из его «великих обобщений» — это самое неудачное. Он не увлекся бы им, если бы взял явление как процесс, что требует диалектическое мышление. Наши неодарвинисты-«диалектики» покорно плетутся в хвосте Вейсмана. А как же шла эволюция до того момента, как возникло это новое качество, иначе говоря до того, как образовались животные с сильно специализованными тканями и клетками? А как идет сейчас эволюция высших растений? По Вейсману, Моргану и К° или как?

Класть за основу особенности животных с очень далеко зашедшей специализацией — все равно, что выводить законности развития общества времен каменного века, исходя из особенностей, например социалистического строительства. Пора бы, товарищи неодарвинисты, пересыпать нафталином ваши вейсмановские воззрения и отложить подальше.

Понятно, что на такой «основе» выросла масса недоразумений. Основное это то (т. Дубинин, приготовьтесь услышать ужасные вещи!), что у генетиков получились расхождения не только с дарвинистскими взглядами, но и... с генетикой. Идея Вейсмана разорвала единство организма. Организм есть система, иногда очень сложная, взаимодействующих друг с другом, поддерживающих друг друг органов и тканей. Вейсманом внушено, однако, что зародышевые клетки есть «государство в государстве». Генетика установила, что во всякой клетке тела имеется налицо полный комплекс наследственных зачатков. Каждый ген оказывает специфическое влияние не только на отдельный признак, но и на весь ход развития, в крайних случаях, быть может, и на все органы или признаки тела; все гены, или многие из них, работают совместно в направлении создания определенного сложного, конечного продукта (по Моргану). Отсюда *дается возможность* не только генам влиять на развивающееся тело, *но и телу* на развивающиеся в нем зародышевые клетки будущих поколений (не по Моргану). И если тело в течение жизни претерпевает какие-либо изменения в результате действия внешних условий или упражнения или неупражнения органов, то *вся система* (а не один орган) должна претерпеть известные изменения, *вместе с будущими половыми клетками*. Все гены всего тела работают совместно в направлении создания определенного сложного, конечного продукта — так признают все генетики, но из «конечного продукта», в силу им одним известной «диалектики», они совершенно выключают зародышевые клетки будущих поколений. Подумайте хорошенько и не стремитесь «приспособлять» диалектику к непоследовательным выводам Моргана.

---

[1]) Отлично знает о них и А. С. Серебровский.

Диалектика исследовательского процесса здесь такова, что, взяв за исходный пункт «обобщение» Вейсмана (сома не влияет на зародышевую плазму), генетики сами подрубили это основание. Они пока не сдаются еще, хотя логически, казалось бы, уже пора констатировать отрицание взглядов Вейсмана. Причина этого заключается в следующем. От Вейсмана же взято метафизическое представление о форме наследования: существует в хромосоме какой-то кусочек, обеспечивающий полное повторение признака в дальнейшем потомстве и... баста, как будто это нечто от века данное, неизменное. Откуда явился такой метафизический подход у буржуазных ученых — ясно само собой: ведь менделизм мог начать развиваться только на основе изучения ярко выраженной, наисовершеннейшей формы наследования (менделирующих признаков). Но наши московские товарищи обязаны быть диалектиками и смотреть на наследование как на процесс. Иначе говоря, им неизбежно начать сейчас же, хоть с запозданием, поставить на очередь вопрос об эволюции форм наследования (Для нас он уже решен отчасти). Ясно, что живые существа не могли же зародиться с готовым хромосомальным аппаратом; он как-то создавался и создается постоянно, неизменно. На этом пути должны быть и периоды спокойного развития и скачки. А между тем аппарат, как бы искони одинаковый и совершенный, у вас является исходной отправной точкой понимания наследования. И проблема механизма наследования также у вас стоит на голове, товарищи горе-«диалектики». Вы всегда оперируете с об'ектами вроде насекомых, птиц и т. п. Ну, а если взять бактерий, у которых и ядро-то как следует не выражено, иногда даже совсем не обнаруживается обычными методами окрасок или же оказывается раздробленным, тогда-то как быть? При наличии уже хорошо развитого хромосомального аппарата, разве обязательно непременно наличие только хорошо сформированного, с вполне отчетливыми функциями гена? Конечный наиболее совершенный этап развития гена вы хорошо видите; это верно; с него началась работа менделистов, но, повторяю, разве он извечный, неизменяемый? Ведь если так, то нет самого развития гена. Недоумеваю, как этого не могут до сих пор понять. А между тем уже столько было предупреждений со стороны смежных дисциплин, да и со стороны тех же эксперименталистов-генетиков, ламаркистского толка. Неодарвинисты хорошо знают, что я подразумеваю. В лице длительных модификаций, т. е. передающихся некоторому количеству поколений признаков, индуцированных внешними влияниями, мы имеем указание на какое-то более первичное, еще неокрепшее, неоформленное состояние гена. Известно, что чем долее длится воздействие на организм, тем дольше длятся в потомстве «длительные модификации», откуда логически следует, что это непрочное состояние, как бы зарождение гена, должно перейти в прочное. Фенотипические изменения переходят в генотипические. Противопоставление их — метафизика. Мои работы и аналогичные им других авторов отлично это подтверждают. Генетики ни разу не задумались о времени действия, как о реальном факторе. Это и понятно: понятие «ген» взято не как процесс во времени. Мы разумеем при этом длительное время превращения, которое всегда ускользает из внимания эксперименталистов, но не ускользает у зоогеографов и палеонтологов. Закон параллелизма реакций индивидуума с одной стороны и вида во времени с другой (см. мою статью в «Номогенезе», l. с.), особенно когда мы имеем вовсе не приспособительные, а безразличные в борьбе за существование реакции, требует отнестись к вопросу более серьезно, чем это делают неодарвинисты группы А. С. Серебровского. Тов. Дубинин[1]) ошибочно взял самую простую форму длительных модификаций, дабы разбить нас. Он взял случай истощения, когда потомство поневоле рождается также хилым. Но

[1]) «Естествознание и Марксизм» № 4, 1929 г.

ведь мы знаем случаи также и наследований рисунка, окраски, формы и величины отдельных органов, инстинкта, измененных внешними условиями у родительского поколения. Это далеко не то, что наследование истощения.

Надо было, если Дубинин хотел разобраться сам для себя, взять самый трудный случай. Упрощенчество смазывает интерес проблемы и тормозит движение мысли по пути ее анализа. Длительные модификации остаются укором современной генетике. Через правило параллелизма реакций вида и индивидума она перескочить также не сумела (об этом еще будет сказано в дальнейшем). Наши же обобщения, не противореча ни одному факту генетики (ибо мы не отвергаем, разумеется, специфичности зародышевых клеток там, где она есть, не отвергаем и последний этап развития гена, когда он уже отчетливо передает признак), об'единяют все имеющиеся в науке факты. Если мы приходим к выводу, что индуцированные внешними агентами признаки и признаки, явившиеся в результате упражнения и неупражнения органов, передаются отчасти другому поколению; иначе говоря, если организм порождает себе подобное, то Агол, Дубинин и другие неодарвинисты это заключение об'являют мистикой (!). Так и говорится у Агола [1]), что адэкватное наследование — мистика, а неадэкватное, — т.-е. когда организм порождает непохожее на себя — это нечто вполне согласное с материалистическим мировоззрением. Разумеется, это так, если принимать механистические воззрения на гены, их расположение и т. д., если не видеть взаимодействия генов, если не видеть в организме системы взаимодействующих факторов, если брать за исходное последний этап развития признака, если считать «основой» учения о причинах изменчивости и наследственности резкое разграничение сомы и зародышевой плазмы, что опять-таки является последним (для современного геологического момента) достижением эволюции организмов; если, иначе говоря, подойти к проблеме не диалектически; не рассматривая явления как процесс, и взяв попросту выводы буржуазных ученых без марксистской критики, то можно винить нас вместе с Энгельсом в мистике, находить здесь «механистические», «реакционные», «эклектические», отсталые» взгляды. Во избежание недоразумений, я должен сказать, что указанный мною путь развития гена я вовсе не считаю единственным. Несомненно есть и другие. Уже теперь ясно, что как понятие «ген», так и понятие «мутация» являются, так сказать, свалочными понятиями. Пока, однако, еще нет хорошей классификации мутаций и соответственно им генов. Наследуемость длительных модификаций генетики вынуждены об'явить совершенно независимым, особым рядом явлений. Опять что-то резко отграниченное, изначально существующее, не связанное решительно никак с явлением менделирования. Неужели и это согласуется с законами диалектики? Метафизическая ограниченость буржуазных учителей могла бы быть сейчас преодолена, если бы не причины повидимому просто эмотивного характера. Я не могу видеть в названных товарищах, за исключением А. С. Серебровского, упрямых людей и тем более консерваторов [2]). Мало того, я глубоко убежден, что именно молодая группа (не в смысле возраста) неодарвинистов, группирующихся вокруг А. С. Серебровского, сама же и придет к отрицанию подсунутых им буржуазной наукой «основ». Не случайно, что именно школа Моргана, наиболее упорно недопускавшая решительно никакого прямого участия внешней среды в деле формирования новых признаков, сама же, руками Моллера, нанесла этой метафизической идее окончательный удар. Проблема в принципе уже решена в пользу механо-ламаркистов (и меня прямо смешит тактика группы Серебровского, делающей вид, что, наоборот, они

[1]) И. Агол, Витализм, механистический материализм и марксизм, стр. 14.

[2]) Судя по неодинократным выступлениям А. С. Серебровского, сам он за морганизм пойдет и сядет на кол.

тут выиграли). Настойчивая работа школы Моргана привела к отрицанию своей основной идеи — полной независимости генезиса признаков от внешней среды — такова диалектика исследовательского дела. Группа А. С. Серебровского придет также к отрицанию своих теперешних установок, потому что, сколько я могу судить по печатным работам этой группы, она уже стала на верный путь. В последних их статьях с удовлетворением можно читать, что прежнее схоластическое, упрощенческое отношение к сущности гена трещит по всем швам. Приятно констатировать, что теперь уже не хотят лишь расставлять «баночки по полочкам», уже приходят к выводам, что гены могут, так сказать, превращаться один в другой, «ген — это не отдельность, имеющая резкие и самостоятельные границы». От представления о гене, как самостоятельной единице, склонны отказаться, пытаются провести разложение гена и т. д. Дальнейшее знакомство с геном и натолкнет на мысль об эволюции устойчивости гена [1]). Ясно, что при этом лишь уродливым пережитком буржуазной мысли является нетерпимость к ортодоксальным дарвинистам и далеко не умное самомнение, являющееся следствием той ограниченности морганизма, о которой мы уже говорили и о которой еще следует сказать несколько слов. Противоречия развития менделизма, как особой отрасли знаний, сказались очень быстро. Углубившись в гибридологический анализ и цитологию и пожиная здесь богатую жатву, тем самым отдалили себя от всего, что недоступно такому анализу. Механистические представления о менделирующих «полочках» и «баночках» **отодвинули в тень физиологию формообразования** настолько, что, например, когда проф. М. М. Завадовский недавно прочел в Москве доклад, в котором попытался сделать то, что сами генетики должны были бы давно начать делать, а именно, попытался связать учение о генах с учением о формообразовании, то нашлись люди, которые усмотрели в этом чуть ли не нападение на генетику. Какой еще надо ограниченности. Далее. Никто путем не стремился связать добытое менделизмом с наблюдаемым в природе и когда я это сделал, то получил от А. С. Серебровского высокомерную отповедь и моя попытка об'является «вредной» только потому, что я, видите ли, не вел при этом экспериментальных работ. «Никаких ответственных выводов на основании только метода корреляции... делать нельзя». Но ниже я укажу, что А. С. Серебровский просто не в силах опровергнуть хоть бы один вывод моей работы и такая оценка моей методики — хорошее доказательство ограниченности мышления, явившееся результатом ограниченности методики и методологии менделизма. Я не стану говорить здесь, что он даже фактически не прав. Мой метод — метод корреляции плюс экспериментальная биология, плюс менделизм (об этом всякий может судить по многочисленным ссылкам на эксперименты других авторов, которые имеются в критикуемых им моих

---

[1]) Когда Агол, Местергази и другие теоретики эволюции обвиняют нас (вместе с Энгельсом) в мистицизме, они бросают новейшие достижения генетики и балансируют прежними механистическими менделевскими представлениями о сущности гена (полная независимость генов друг от друга, каждый признак зависит лишь от своего гена). Они понимают, что видеть в организме только единую систему — методологически неверно, но впадают в обратную крайность — видят лишь качественное различие между генотипом и фенотипом, упуская единство системы. При таких условиях у них и получается столь странный конечный вывод: если измененный организм производит себе подобное, то это мистика, если нечто непохожее, то диалектика (я не преувеличиваю). Адэкватные признаки они отводят, таким образом; наследования неадэкватных известно ничтожное количество, да и те «раз'яснены» группой А. С. Серебровского (напр. лучи радия, только ускоряют независимо идущий процесс). Что же от внешних воздействий, как стимулов к изменению, остается? Ничего не остается, кроме слов. Зато остается некая «иррадиация», никем не доказанная. Создается любопытнейшее положение: горе-«диалектики» вздумали спасать дарвинизм от идеалистов и создали нечто достойное аплодисментов попа Введенского.

работах) плюс еще все эволюционное учение. Это ведь далеко не один только метод корреляций. Можно не соглашаться с моими выводами, но не понимать, что подобные работы настоятельно необходимы, есть новый образчик ограниченности. Ведь есть немало областей, где анализом генетиков вообще невозможно работать; в микроскоп нельзя изучать небесные тела, но это не значит, что телескоп лишний и «вредный» инструмент, а по А. С. Серебровскому выходит так. Генетика изучает генотипическую структуру организмов, но разве это и все, что мы должны знать об эволюции? Это только часть знаний и при том даже не самая значительная. Это, если так позволительно выразиться, статика эволюции, но не динамика. Некоторые дошли до мнения, что появление мутаций — уже законы динамики эволюции видов. Здесь «маленькая» методологическая ограниченность. Мутация — индивидуум, а вид—колоссальное их количество. Частичка спутана с целым.

Ограниченность мнений генетиков в отношении к палеонтологии также имеет место, и оно вполне понятно: нельзя ведь скрестить, например, мегалозавра с цератозавром или вывести «чистую линию» ихтиозавров. Глава генетиков, Морган, блеснул недавно [1]) такими мыслями, в области эволюции: «Не является ли совершенно ненужным обобщением та мысль, что, вообще, всякого рода изменения представляют собой эволюционный процесс (По, нашему это перевести: нужна ли диалектика *П. С.).* В большинстве случаев термин «эволюция» выражает не более, чем простое желание указать на возможность об'яснения этого рода явлений, без ссылки на вмешательство сверхестественных сил». А по-нашему знать эволюцию, значит владеть методом познания биологических явлений. Морган недоволен, что «палеонтология уклонялась от описательного метода изложения предмета, пытаясь формулировать «причины», «законы», «принципы», приведшие к возникновению этих серий» (речь идет о переходных сериях вместе со всеми другими находками. *П. С.).* «Почтенный палеонтолог подвергается большей опасности, чем он думает, когда, оставив описание, он пытается об'яснять. У него нет способа проверки своих умозаключений, но ведь общеизвестно, что мысль человека, не подчиненная контролю, приобретает дурную привычку витать в облаках». «Генетик может сказать палеонтологу: до тех пор, пока природа палеонтологических явлений остается неизвестной (а таковой она будет всегда), ничего нельзя с достоверностью сказать о наследственных факторах, сделавших процесс эволюции возможным». «Современное освещение» эволюционных теорий свелось у Моргана в этой его книжке к обсуждению результатов опытов с мухой дрозофилой и другими общеизвестными из курсов генетики об'ектами и, конечно, из пределов генетики не вышло. Высокомерно поучительный тон (все же куда более корректный, чем у А. С. Серебровского по отношению к нам) прямо пропорционален этой механистической ограниченности: все свести на законы наследования мутаций и генетическую структуру;—«один свет, что в окне», маленьком узеньком окошечке. Кроме того, что можно в это окошко видеть, остается необ'ятно грандиозная картина эволюции, совершенно заслоненная от глаз мирового светила щетинками и глазками мухи дрозофилы. Где зависимость организмом от среды, естественный отбор в природе, учение о биоценозах, законы Северцова, законы вымирания видов и фаун, законы Долло, Роза, Готана, Копа и т. п.? Не все из этих законов можно принять без предварительной переработки, но не в этом дело, а в том, что, например, закон Готана (о темпах эволюции растений и животных) не нуждается вообще ни в малейшем генетическом освещении; законы Копа о неспециализации, равно как его «закон роста», далее—Роза о темпе и амплитуде изменчивости во времени и многое другое составляют свои особые законы; законы генетики существуют в пределах этих

[1]) Теория эволюции в современном освещении, русск. пер., Гиз, 1926 г.

законов явно в снятом виде, т.-е. они нисколько не характеризуют этих процессов. Генетика не может и браться за законы смены флор и фаун. Но обо всех этих законах в книжечке Моргана даже не упоминается, и «современное освещение»—это лишь освещение сквозь щелку генетики и только. Зачем же отечески поучать палеонтологов, делающих свое дело, своими методами? Вот уж именно: «он чином от ума избавлен». Я был вынужден на этом остановиться потому, что сейчас у нас в среде марксистов тяга к эволюции, тяга, разумеется, понятная, носит явный отпечаток моргановской ограниченности. Генетика в своей сфере имеет великое значение, как теоретическое, так и может быть еще больше практическое. Мне пришлось слышать подробный рассказ проф. Ю. А. Филипченко, например, о достижениях Нильсона-Эле в Швеции. Страна буквально облагодетельствована последним тем, что он вывел специально для Швеции сорт пшеницы, дающий 150% урожая и в то же время для теоретической генетики этот ученый дал свой известный «принцип Нильсона-Эле». Но это ведь крупица по сравнению со всей совокупностью добытого генетикой. Побольше ею заняться, расширить наши лаборатории по генетике — это задача сегодняшнего дня в нашем Союзе. Возникшая гено-география обещает великолепные перспективы. Но нельзя же нашу теоретическую мысль подчинять эволюционистским довольно ограниченными и, как я указал, не диалектическим взглядам генетиков, к чему явно склоняется журнал «Естествознание и Морганизм», т.-е., виноват, Марксизм. Против этого мы обязаны настойчиво протестовать.

Теперь мы перейдем к критике статьи проф. А. С. Серебровского против меня, дабы читатель убедился в недочетах методологии и «приемах» видного представителя целой группы генетиков, а также чтобы снять с себя возведенные им поклепы. Начну с последних. Разумеется, дабы «уничтожить» противника, надо было обвинить в чем-нибудь ужасно унизительном. И, конечно, является словечко «механист». Поводом послужила одна единственная фраза (вероятно, у всякого можно отыскать такую фразу), не только не характеризующая общее направление моей работы, но могущая быть даже просто выпущенной — сущность моих статей от этого совершенно не изменилась бы. Я писал: «Все, что мы... получаем от сравнения северных фаун с южными, позволяет нам, по крайней мере, относительно внешнего облика птиц (внутренние органы не изучались, кроме того, температура внутренних органов постоянная), утверждать: холод задерживает как онтогению, так и филогению, тепло действует обратно». Замечу, что после того, как это было написано, я получил в свое распоряжение еще серию фактов, свидетельствующих о правильности этого моего вывода, от которого я, конечно, ни в коем случае не отказываюсь. Из смысла статьи моей всякий легко поймет, что я разумел лишь филогению рисунка пера птиц, безразличного в борьбе за существование, и ряд других признаков, тоже безразличных (я делал обстоятельные оговорки о роли борьбы за существование и отбора в случае, если признак не безразличен). А. С. Серебровский стремится привить мысль, что кроме климата я ничего не признаю. Это недостойный прием, явно рассчитанный на тех читателей, которые моих работ не читали или не компетентны в них разобраться. Категорически утверждаю, что механистического в том, что известные признаки задерживаются в своем развитии низкой температурой, ничего нет. Но к этому выводу и прибавлена та малозначная фраза, о которой я выше говорил. «Это стоит в полном согласии с законами физики и химии: холодом можно задержать какую-угодно химическую реакцию, тепло действует обратно». На этом и построил все свои обвинения А. С. Серебровский. Нелепые преувеличения привожу дословно: «... итти.. вульгарным механистом, ничего кроме температуры и влажности

не признающим (sic! *П. С.*), но, в качестве эволюциониста-диалектика, итти... без непрерывного стремления к сведению всего на физико-химию» (разрядка А. С. Серебровского). Неужели допустимо, прицепившись к одной фразе, убеждать много и долго о «сведении», да еще «непрерывном», да еще делая здесь разрядку! Вот случайно в статье поклонника А. С. Серебровского, Дубинина (ученика, может быть), я увидел такую фразу: «Дифференциация хромосом на качественные участки требует наличия мутационной изменчивости в виде физико-химических (разрядка моя. *П. С.*) превращений одного гена в другой. В книжке другого поклонника А. С. Серебровского читаем: «Мы не знаем еще ничего о явлениях, определяющих характер трансгенаций, но несомненно химическая сторона здесь играет большую роль» (Местергази, Основные проблемы органической эволюции, стр. 81). Подобные же фразы можно читать и у других неодарвинистов. Ну, и что же? Надо значит вскочить, кричать: «держи механистов. они сводят на физико-химию процессы образования, мутацию, всю эволюцию». Подавляющее большинство товарищей, уважая свое доброе имя, делать этого не станет. Писали Дубинин и Местергази не на тему о взаимоотношении физико-химии с эволюцией (как и я), не заостряли в этой плоскости обсуждаемые ими проблемы (как и я), а просто написали как часто пишут физиологи. Всем понятно, о чем речь. Разумеется, никаких доказательств «непрерывного сведения» А. С. Серебровский не приводит, да его, конечно, и нет у меня. Вместо доказательств градом сыплются его фантастические обвинения: «если от физики до эволюции организмов П. В. Серебровский видит лишь единый процесс (а где я это говорил? *П. С.*), ускоряющийся с температурой, если он не усматривает никаких качественных скачков на этом громадном пути (sic! *П. С.*), то каким образом будет он обосновывать наличие качественного скачка между эволюцией обезьян и эволюцией от обезьяны к человеку и, наконец, эволюцию человеческого общества». О качественных «скачках» я поместил целую статью в журнале «Человек и Природа» в сентябре 1929 г., и Серебровский обязан знать литературу критикуемого автора. О скачках же мною говорится в вышедшей весной с. г. моей книге «История органического мира», да и в разбираемых статьях об этом говорится. Например: «Мы далеки от мысли отставить монопольное значение в эволюции этого правила (речь идет об ортогенезе. *П. С.*). Помимо ортогенеза беспрерывно идет отбор, устраняющий нежелательное и меняющий направление роста в ту сторону, куда указывает необходимость; идет гибридизация, возникают явления симбиоза» [1]) и т. д. (с этим полезно сравнить: «не усматривает никаких скачков на этом громадном пути»). На вопрос: «каким образом будет обосновываться наличие качественного скачка между эволюцией обезьяны и эволюцией человека» и т. д., я, конечно, не отвечаю. Эволюцию без скачков я не мыслил никогда и совершенно очевидно, что эти выдуманные, несуществующие мои провинности нужны только для того, чтобы говорить о «ярко выраженном механисте». Браво, т. А. С. Серебровский! Констатирую, что мы таких недостойных приемов никогда не употребляли и употреблять не намерены. И ведь как легко такими-то приемами «бороться» с дарвинистами. Можно что угодно «обосновать». Приведу еще место из своей статьи в «Номогенезе»: «Небольшие изменения во времени слагаются, становятся все более и более заметными и приводят к очень существенным результатам. Само собой понятно, что естественный отбор снова начнет свое действие, коль скоро

---

[1]) Сборник «Номогенез», I. с.

эти изменения из количественных станут качественными». Есть подобные места и в разных других моих статьях, докладах и книгах, в частности во всех статьях, которые «критикует» А. С. Серебровский. Писать можно что угодно — бумага все вытерпит. Замечу попутно, что направленные против нас статьи неодарвинистов часто прямо переполнены натяжками и фальшью. Я однако (извиняюсь перед читателями) вынужден и дальше опровергнуть нелепые обвинения А. С. Серебровского, так как они мотивируются очень серьезно: «опасностью, непосредственно вытекающей из этой (т.-е. моей. *П. С.)* точки зрения для марксистского понимания исторического процесса и в человеческом обществе» (вот куда загнул! *П. С.)*. Вот что пишет А. С. Серебровский: «Какая причина мешает ему (т.-е. мне. *П. С.)* или его последователям считать, что и эволюция самоедов и эскимосов и других полярных народов тоже «отстала» от эволюции более южных народов по той же самой причине — общей с замедлением химического процесса в реторте. Правда, этот процесс отстал и под тропиками у ньям-ньям и др. негров, но разве механист не может найти в два счета химический процесс, который будет наиболее быстро итти при некоторой оптимальной температуре, а при дальнейшем повышении температуры начнет замедляться. Таких процессов в химии множество. И тогда мы получим великолепное физико-химическое «обоснование» зоологическому национализму «северной расы», которая, вопреки своему названию, обитает в умеренном климате и здесь, очевидно, в своей эволюции обогнала все другие расы, одни из которых «отстали» благодаря слишком низкой, а другие — благодаря слишком высокой температуре. Отсюда недалеко до попыток об'яснения войн и революций количеством солнечных пятен и до прочих благоглупостей». Отвечаю. Я не настолько не уважаю современную марксистскую общественность, чтобы опасаться, что кто-то напечатает «благоглупости», а редактор их сочтет возможным пропустить, и комсомольцы, прочтя, не найдут, что возразить. Теперь по существу. Как раз именно согласно моей теории, коль скоро температура внутри тела (как и у птиц — см. выше цитату моей статьи) у человека постоянная, ему обеспечена возможность эволюционировать вне всякой связи с климатом. А. С. Серебровский знает, что задержку или ускорение филогении я указывал лишь для оперения и клюва птиц, вообще для поверхностных, обтекаемых непосредственно теплым или холодным воздухом, частей тела (и у человека такого же рода несущественные мелочи могут зависить от прямого действия внешней среды), а также для общих размеров тела. А. С. Серебровский, как человек грамотный в биологии, едва ли мог «читать и не дочитать». Таким образом, я констатирую здесь неуважение к собственному слову, к читателю, который, конечно, не заинтересован получить ложное освещение вопроса и к нашему марксистскому журналу. Правда, у А. С. Серебровского есть основание бороться за «опасность» превратного понимания эволюции человека. Действительно, один из «механистов» высказался за возможность того, что эволюция может протекать «и помимо отбора» в результате прямого действия факторов ландшафта (к числу которых принадлежит и климат); в этом отношении наши с ним воззрения совпадают. Но в отношении человека он особенно напирал не на климат, а на питание и, в частности, на питание мясом, чего я совершенно не касался, но что, впрочем, принципиально не важно. Так как в отношении мяса у одних племен густо, а у других пусто, то эволюция одних, согласно мнению этого «механиста», должна итти или быстрее, или медленнее и тогда, конечно, крышка... будет основание для «зоологического национализма», мы закроем университеты для вегетарианцев и ЦК переведем в Казакстан, ближе к мясу. Имя этого опасного

механиста... Энгельс. На стр. 28 у А. С. Серебровского есть такая фраза: «Отсюда (все от той же окраски оперения птиц. *П. С.*)... вывод о задерживающем влиянии на филогенез низкой температуры уже в 1929 г., после того, как столько лет шла дискуссия между механистами и далектиками». Повторяю — Энгельс считал возможным влияние факторов ландшафта на эволюцию помимо естественного отбора[1]).

Полезно затронуть еще один вопрос.

От каких причин, спросим мы А. С. Серебровского, зависит «зоологический» национализм? Разве от того, что напишет тот или иной специалист? Тогда и теорию отбора надо счесть «вредной», так как Геккель считал буржуазию «наиболее приспособленной» в борьбе за существование, наиболее талантливой, короче говоря: за сливки общества, и оправдывал эксплоатацию, ссылаясь на естественный закон, царящий во всем мире. Не знаю как наш «диалектик», а я полагаю, что «зоологический национализм» в высшей степени мало зависит от статей по эволюции окраски оперения птиц. Не только эти невинные, но такие «опасные вещи», как вместимость черепной коробки человека, давно дебатируются в науке, но пока не видно, чтобы это заметно влияло на «зоологический национализм».

Центр тяжести «опровержения» А. С. Серебровского лежит, таким образом, в демагогии самого дешевого свойства.

Теперь перейдем к существу критики. Когда я писал свои статьи, я очень хорошо учитывал, что девять десятых биологов уже под влиянием Моргана и К°. Как генетик, я отлично знал, что именно обычно возражают в подобных случаях, и подробно разобрал в статье в «Номогенезе» все «за» и «против». Казалось бы (если А. С. Серебровский так уверен в истинности своих воззрений), что проще — взять и разбить противника по пунктам. Конечно, ничего подобного в его критике нет. Больше полстолетия нет ответа, например, на следующий вопрос: громадное количество признаков столь мелки, что естественным отбором они не могли быть подхвачены и для каждого надо искать таинственно сцепленный с ним «важный фактор». Я не стану повторять того, что уже писал против этого не выдерживающего критики утверждения, но Серебровский моих возражений не может разбить и не разбивает. В самом деле, фантастично, чтобы летали или полулетали (смертельные и истощающие факторы) были у всех организмов, от птиц и млекопитающих до бабочек, как-то связаны непременно с побледнением на севере и с потемнением на юге. Для этого надо допустить гомологию хромосом у всех различнейших животных и принять, что факторы у всех расположены одинаково в одних и тех же хромосомах. Но ведь это было бы — переться против всей генетики. Стертвант исследовал для сравнения с дрозофилой хромосомальный аппарат чрезвычайно близкого вида (Dr. simulans) и нашел, что, несмотря на ожидаемое большое сходство, есть местами и весьма резкие различия. Что же можно ожидать от сравнения хромосомного аппарата дятла с таковым суслика (или ястреба и бабочки). Допущение у всех одного и того же сцепления просто нелепо с точки зрения самой же генетики. Кроме того, известно, как исстари обращал внимание народ на масть (окраску) скота. Это было столь существенно, что возникло много специальных слов. Например, изабеллово-желтая лошадь с бурыми гривой и хвостом называется соловая, а с белыми — саврасая. Если у гнедой лошади конец морды сизый, она уже не гнедая, а мухортая; если есть желтоватый налет, то буланая, далее различают чалых, пегих, карих, сивых и т. д. Не беспокойтесь, любители таинственных «важных факторов», — если бы дохли жеребята с определенным оттенком шерсти,

[1]) У меня сейчас нет перед собою книги, чтобы процитировать соответствующее место, но это к лучшему: марксисты и без этого знают мнение Энгельса, а А. С. Серебровский пусть поищет, авось, хоть при этом познакомится с Энгельсом.

то народ это давно бы отметил. То же можно сказать об овцеводах, голубятниках, свиноводах, куроводах, кролиководах и т. д., и т. д. Никто никогда не констатировал связи оттенков оперения или шерсти со «смертельными» факторами. Казалось бы, тому, кто берется возражать, надо было выставить контрфакты, но это, конечно, далеко не так просто, как обвинять в механистичности. Как же возражает А. С. Серебровский? Тоном снисходительной знаменитости он поучает: «Попробуем указать ряд путей и т. д. «Во-первых, следует дальше искать возможной пользы самого признака бледной окраски». 16 лет искал, теперь вы поищите; «во-вторых, не направляются ли те вещества, которые шли на выработку пигмента, на удовлетворение иных задач» — это высосано из карандаша, дабы что-то написать. Знаю физиологию образования пигмента: на холоду его вообще меньше образуется, так как понижается жизнедеятельность; «в-третьих, не стоит ли развитие пигмента в обратной корреляции с каким-либо полезным другим признаком (знаменитые «важные» факторы. *П. С.)*, например, с ростом». Отвечаю: не стоит[1]). Бывает, что крупный рост связан не с бледным, а с темным пигментом (комбинации климатических факторов разные бывают, о чем я писал, но Серебровский не потрудился принять это во внимание). «В-четвертых, не зависит ли выработка пигмента от желез внутренней секреции». Здесь опять в конечном итоге «важные невидимые признаки». От чего бы пигмент не зависел, необходимо по вашим догадкам селективное выживание. Искал я и в направлении «желез внутренней секреции», но если бы и нашел — это не об'яснило бы сходства в реакциях таких различных организмов, как птицы и, например, бабочки, а между тем у энтомологов давно уже известно об «обеднении окраской» палеарктических бабочек. Есть разница, т. Серебровский, между железами бабочки и птицы? Есть разница в хромосомном аппарате? Не знаю, как А. С. Серебровский, а я думаю, что есть; и если, тем не менее, наблюдаются общие явления, то их надо и искать в общих причинах. «В-пятых..., и т. д. «Да, товарищ», ваши советы, там, где от вас требовались опровержения, очень ясно показывают вашу беспомощность. Переходя к случаю удлинения на юге у птиц хохлов, рожков, выростов, А. С. Серебровский долго издевается: «как профанируют механисты интереснейшие проблемы биологии» и т. д. «А почему бы не посмотреть глубже?» Дальше идут не опровержения, а опять «глубокие» советы, советы... Оказывается, хохлы нужны птичкам в силу «необходимости различения друг друга полами». Хоть бы спросил у первого мальчика-птицелова, отличаются ли указанные мной в качестве примера синицы-московки (Periparus ater) по полам. Это птицы мономорфные. То же серые жаворонки, почти так же обстоит дело и с рогатыми жаворонками. У этих, правда, самки имеют более укороченные рожки, что об'ясняется тем, что самки как правило вообще примитивнее, но видеть здесь половой отбор нельзя. Биологи, и А. С. Серебровский обязан это знать, установили, что количество рождающихся самок в подавляющем большинстве случаев равно количеству рождающихся самцов, — следовательно, для большинства птиц, на которых я основывался, половой отбор значения иметь не может: они моногамы (живут парочками и выбирать самцов не из кого), полигамов же среди птиц немного, и я их в расчет не принимал. Кроме того, очень важно, что северные самцы и самки имеют «украшения» более короткие, чем у южных также самцов и самок; это дает себя знать уже на широтах Пекин — Туркменистан, где гнездовая жизнь птиц примерно такова же, как и у нас, да и у более южных птиц (Сев. Африка, Гималаи, Индия) по большей части наблюдается также лишь один выводок в год.

---

[1]) Почему незначительные (сплошь и рядом) изменения роста у птиц (это ведь не амёбы!) должны быть «полезными»—секрет А. С. Серебровского.

Принцип полового отбора совсем нельзя прилагать к бабочкам, так как экспериментально установлено, что самцы ищут самок, обонянием, не обращая внимания на «украшения» самцов. Все это давно всем известно и перешло в учебники, но «глубокому» взору А. С. Серебровского осталось недоступно, и он призывает меня на путь, которым следовали ученые 70-х гг. прошлого века, т.-е. на грубый, примитивный и явно отсталый путь. Теперь пусть читатель сам скажет, кто из нас «профанирует интереснейшие проблемы биологии».

Из дальнейшего я узнал, что «на юге, где буйно растут травы и деревья, где множество видов растений и животных, где разнообразны враги и друзья — там напряженнее борьба за существование между видами и внутри видов, там сильнее естественный отбор, там чаще смена поколений — и там действительно эволюция идет более быстрым темпом, чем на скудном севере». Тов. Серебровский, не сочиняйте домашних теорий. Вашу теорию орнитологи не примут, даже не делая изысканий. Прямо фантастично, что человек на севере обнаружил менее суровую борьбу за существование. Наши зоологи из Академии привозили нам из Якутии ничтожные коллекции, так как «там надо целые дни ходить, чтобы одну птичку отыскать», хотя насекомых и растительного корма много. Поговорите, т. Серебровский, с революционерами, жившими в Сибири, они вам наверно скажут, что борьба за существование уже вследствие ненавистного вам климата там очень и очень не легка.

Свой столь неудачный метод искания всюду, где можно и где нельзя, естественного отбора А. С. Серебровский гордо называет «методом диалектика». Я не стану долго останавливаться на «критике» А. С. Серебровского, так как она не серьезна по существу.

Как, в самом деле, расценивать, например, такие его заключения: «Как ни невероятно, но зоолог Академии Наук считает возможным опыты с изменением величины инфузорий над непосредственным влиянием температуры привлечь непосредственно к об'яснению того, почему на севере живут крупные птицы, а на юге мелкие, (!!). Можно ли так далеко зайти в природу из душной лаборатории». Никогда, нигде я не «об'яснял» увеличения птиц опытами над инфузориями. Я сделал за много лет своих исследований десятки тысяч измерений птиц и основывался н а н и х, а также и на всей сумме добытых наукой в этом направлении фактов. И если я сделал обобщающее заключение: «Так же (в смысле увеличения роста: *П. С.*) реагируют, повидимому, рыбы и многие другие животные, не исключая и одноклеточных», то на это я имел все основания, так как подобные указания в литературе имеются. и инфузории увеличиваются в размере; но я ничего не говорил о существе происходящих в организме физиологических явлений. Зачем же выдумывать то, что я не писал? Кроме того, есть указания в литературе, что низкая температура задерживает внутриклеточные процессы, например процессы удаления хроматина, а это связано при известных условиях с увеличением плазмы клетки. Коль скоро тело птиц также состоит из клеток, которые имеют также ядро и хроматин, как и клетки одноклеточных, то там и здесь могут быть явления общего значения, и, следовательно, опрометчиво с места в карьер высмеивать подобное обобщение (которое, повторяю, касалось только факта увеличения роста, а не его физиологического истолкования). Далее А. С. Серебровский пишет следующее: «мы знаем, что высокогорные растения также уже миллион лет сидят в горах, а долинные растения тоже миллионы лет сидят внизу и хотя их высота резко отличается от высоты высокогорных растений, но, как показал э к с п е р и м е н т, эта разница не стала наследственной и исчезает в первом же поколении». Не знаю, какой эксперимент имеет в виду автор. Высокогорный можжевельник «Juniperus nana, по Шретеру распадается на два — «один индуцированный и другой прирожденный, н а-

следственно зафиксированный». Карликовая береза, Betula nana, отнюдь не превращается в обыкновенную березу, когда заходит в ее зону, что я сам видел на Алтае; высокогорный карликовый кедр (Pinus pumila), когда его шишки скатываются вниз в зону обыкновенного кедра (Pinus cembra), отлично произрастает между деревьями последнего в качестве подлеска, чего не могло бы быть, если бы, как уверяет А. С. Серебровский, он с первого же поколения потерял свои отличительные черты.

«Большинство из них (высокогорных карликовых растений *П. С.*) может быть культивируемо и в нижних поясах, при чем характер их роста лишь слабо изменяется, будучи устойчивым признаком», пишет специалист ботаник, проф. Талиев («Организм, среда и приспособление», Гиз, 1926 г., стр. 139).

Теперь как же, т. А. С. Серебровский, вы и впредь будете писать—«Мы знаем»? Нет, очевидно, вы недостаточно знаете вопрос, о котором беретесь писать. Но при таких обстоятельствах скучно и разбирать его «критику».

Одно из важных возражений: индивидуум в течение жизни реагирует примерно как вид в течение эволюции на одно и то же прямое воздействие среды (правило параллелизма реакций вида и индивидуума); и это отбором во многих случаях решительно не может быть об'ясняемо. Это возражение осталось без ответа. Выше уже говорилось о переоценке генетиками экспериментального метода. Этим методом нельзя подмечать медленных (в течение тысячилетий), но все же несомненно идущих изменений, которые легко улавливаются методом, принятым, между прочим, мною. Так как прямое действие внешних условий, а также упражнения и неупражнения органов создают наследуемые изменения лишь после весьма длительного срока, то генетики их не примечают, но совершенно неосновательно берутся утверждать прямо обратное. Наши противники также подобно А. С. Серебровскому кичащиеся тем, что они диалектики, не дошли еще до взгляда на наследственность как на процесс, на ген так же, как на процесс (метафизическая точка зрения Вейсмана). Тем не менее Серебровский должен был на это что-нибудь возразить. Ответа не было. Много было и других положений мною выставлено. Например, взгляд на мутацию, как передающуюся из поколения в поколение в неизменном виде, вплоть до новой мутации, как будто бы совсем не вяжется с диалектикой. На это возражение ответа не последовало. А. С. Серебровский об'являет мою точку зрения «вредной», основываясь на выше перечисленных «доказательствах». Сколько в ней «вреда», читатель сможет отлично взвесить сам.

Перечисляю то, на что марксистам-неодарвинистам из числа разобранных вопросов следует обратить самое серьезное внимание:

1) «Независимость» зародышевой плазмы принимается метафизически, не в процессе ее развития.

2) Механизм передачи по наследству признаков также считается чем-то раз навсегда данным, не в процессе развития.

3) Постоянство генов, неизменность мутаций в течение целого ряда поколений (до новой мутации) противоречит основному положению диалектики (все изменяется).

4) «Независимость» зародышевой плазмы, ее по выражению Дубинина лишь «сосуществование» в соме, противоречит диалектике и стоит в противоречии даже с позднейшими выводами самой генетики, согласно которым связь сомы с развивающимися зародышевыми клетками должна быть взаимной [1]).

[1]) Дубинин, как бы в оправдание, говорит, что сома и зародышевая плазма стоят друг с другом в физиологической связи, не замечая или затуманивая то, что из этой самой связи генетика выхолостила самую сущность.

5) «Независимость» («полное отсутствие связи», l. c., стр. 31, как говорит А. С. Серебровский) появления и лжестабильного существования мутаций от внешних условий противоречит диалектическому воззрению на процесс жизнедеятельности.

6) Независимое существование двух якобы принципиально различных форм наследования, а именно: обычной (обусловленной четким геном) и второй, типа длительных модификаций, вне всякой связи друг с другом и при полном отсутствии каких-либо «перекидных мостиков» между ними — противоречит диалектике.

7) Отбрасывать значение времени (напр., времени действия внешних условий) — значит отбрасывать реально существующий фактор, что, конечно, не марксистский прием анализа.

8) Эмпирическая ограниченность генетики ведет к непониманию и недооценке значения физиологии, палеонтологии и зоогеографии.

9) Эмпирическая ограниченность генетики в процессе диалектического развития морганизма уже приходит к отрицанию «основ», за которые еще цепляется А. С. Серебровский: опытами Моллера окончательно сбита самая центральная «основа» Вейсмана, а именно — положение, согласно которому образование новых признаков вообще не связано с влиянием среды. Ныне школой А. С. Серебровского, как и еще раньше школой Моргана, разбито или разбивается представление о «независимости», «чистоте» гена и т. д. Упорство А. С. Серебровского только задерживает естественно идущий в самой же генетике процесс.

10) Точно установлено, что глава московских генетиков, проф. А. С. Серебровский, стремится «приспособить дарвинизм (диалектику живой природы) к новейшим открытиям», т. е. к выводам Моргана и ему подобных ученых, вместо марксистско-ленинского преодоления их метафизической ограниченности.

Теперь пойдем дальше. В результате ограниченности методики и методологии менделизма, как я неоднократно показывал, получился ограниченно-упрощенческий взгляд на эволюционный процесс. А. С. Серебровский о т р и ц а е т всю ф и з и о л о г и ч е с к у ю сторону этого процесса (кроме физиологии образования мутаций и комбинаций) и исповедует лишь один отбор, да и то ограниченно, не выходя за пределы отбора мутаций. Тем не менее он пользуется большим влиянием. Его статьи без всяких примечаний редакции печает орган Комакадемии. В этих статьях он об'являет ортодоксально-дарвинистскую точку зрения «вредной», дарвинистов «механистами», не делая оговорок даже относительно Энгельса. Все это очень грустно. Это может задержать (и мне известно, что уже задерживает) развитие дарвинизма, а между тем ясно видно, что вооруженные таким тонким оружием, как диалектика, советские эволюционисты уже и сейчас могли бы дать очень многое как в развитии физиологии эволюции, так и в развитии принципа естественного отбора.

Я поэтому позволю слегка приоткрыть завесу, познакомив с возможными перспективами на то и другое. Начну с физиологической части (которую я не мыслю, разумеется, вне зависимости от отбора). Вопреки обыкновению скажу вперед, к чему будет клониться речь: в перспективе имеет место обоснование закона, напоминающего известный закон Геккеля — онтогения повторяет филогению, но в чисто-физиологической сфере.

Уже было указано, что в отношении поверхностных частей тела птиц констатировано, что теплю ускоряет идущие во времени изменения, холод задерживает их. Дело здесь, разумеется, не в одном климате, а и во внутренней структуре организма, которая, как правило, податлива и может изменяться в различных (немногих) направлениях. Хороше доказательство этому—

фауна Канарских и Азорских островов и особенно южно-японской группы островов (Рну-кну и др.). Климат там примерно одинаковый, но на отдельных островах генотипы одного и того же вида изолированы различные, и они видоизменяются каждый на свой лад, а общее всем им — только потемнение окраски, яркость, насыщенность тонов. Что отбор вмешивается и что он может иметь результаты, видно из вышесказанного, но важно отметить, что во времени идет примерно тот же процесс, который мы можем вызвать искусственно. Биби путем воздействия очень высокой температуры при сильной влажности вызвал у голубя, Scardafella inca, те же изменения интенсивности окраски, какие у этого же голубя встречаются в тропиках. Но это реакция индивидуума и ее нельзя путать с реакцией вида. Достаточно сказать, что первая несомненно есть признак колеблющийся (это видно из опытов) и надо полагать ненаследуемый (практически). Виды же дикой природы, как правило, имеют наследуемые признаки. Кроме того, они не подвергались действию столь высокой температуры. Температура тропиков довольно высокая, но очевидно лишь долговременное ее действие могло привести к сходному, но н е с о в с е м, результату. В статье в сборнике «Номогенез» мной приведен весьма значительный список (его можно было бы сильно увеличить) примеров, показывающих, что и растения, и животные испытывают одинаковые (н о н е с о в с е м) изменения как во времени, так и в течение индивидуальной их жизни. Эти примеры касаются зависимости: растений от почвы, ее солености, климата; моллюсков от солености и температуры воды; млекопитающих от температуры; наконец, есть примеры действия целого комплекса условий (да так, разумеется, бывает и всегда). Изменения бывают всевозможные. Последнее дает возможность сделать такое обобщение: индивидуум реагирует на какое-либо воздействие среды в том же направлении, как и вид; например, если моллюски в теплой и богатой кальцием воде получают скульптурные выросты, то и вид во времени в этих условиях приобретает такого же характера изменения, но обычно резче выраженные и наследуемые. Если птица реагирует потемнением в очень нагретой и влажной атмосфере, то в тропиках ее эволюция идет в сторону прогрессивного усиления окраски и т. д. При вмешательстве отбора или без вмешательства идет эволюция, это вообще вовсе не безразлично; отбор поддерживает полезную реакцию, укрепляет ее, отбрасывая не туда идущие генотипы и выбирая наиболее «передовые» генотипы. Но нам по существу в данный момент безразлично, вмешивается отбор или нет, так как подобные процессы могут итти и помимо отбора. Нам в данный момент важнее отметить лишь физиологические особенности и установить: физиологические реакции на воздействия извне в течение о н т о г е н и и идут в том же направлении, как и физиологические реакции на такие же воздействия в течение ф и л о г е н и и (Решительно ничего механистического в этом нет, как бы ни «старался» А. С. Серебровский). Заметим еще (это пригодится для дальнейшего), что хотя и велико сходство в реакциях, но тождества полного все же нет.

Поразительно, что физиологических параллелей оказывается очень много. Я уже указывал («Номогенез», сборник 1927 г.) на интересную параллель, относящуюся к группе дегенерации. Морфологически дегенерация характеризуется мелкими анатомическими уродствами, ассиметрией (кривые рога, зубы и т. п.), среди уродств много атавистических. По этим признакам можно судить о дегенерации ископаемых, каковая всегда кончается быстрым вымиранием. Физиологически дегенерация выражается в общем ослаблении конституции, наклонности к заболеваниям, ослаблением плодовитости и преждевременной смерти. Недавно О. Абель терпеливо разобрал мощные отложения кухонных отбросов палеолитических племен и дал превосходную картину эволюции пещерного медведя; его зарождение, расцвет, колебания в связи то с наступающим оледенением, то с наступающей межледниковой

эпохой и, наконец, период вымирания с очевиднейшими признаками дегенерации: малорослые, ослабленные костяки, мелкие уродства, позднее и крупные уродства (бульдоговидные челюсти и т. п.) [1]. Однако это не простое собрание дегенератов. Дегенерат в настоящее время появляется как одиночка среди многих нормальных. В этом же случае дегенерировал весь вид и не в несколько лет, а в течение длительного периода. Подобно тому, как во времени реакция, скажем, на теплю и влагу такая же, как у отдельного индивида, но не вполне такая, так же точно и здесь: дегенерация, но совсем иного характера. Дегенерация у аммонитов изучена очень хорошо: искривленные, неправильно завитые, чаще также неправильно раскрученные, несимметрично завитые и т. п. встречаются в конце, т.-е. перед вымиранием почти каждой большой группы, особенно в верхнем мелу. И здесь к «дегенератам» принадлежит вся масса и процесс идет в течение геологического времени. Пока совершенно не изучен вопрос о причинах дегенерации во времени. Этим следует заняться физиологам.

Явление акромегалии встречается в настоящее время как патологическое явление у немногих индивидуумов. Выражается в гиперфункции гипофизы, увеличении роста за счет главным образом удлинения конечностей и др. В течение эволюции «акромегалия» встречается у многих. Нопче показал, что черепа гигантских видов имеют громадный гипофизарный канал. Очевидно, и у них была гипофиза увеличена. Гигантские формы встречаются среди моллюсков, насекомых, ракообразных, червей и очень много среди позвоночных. Однако, помимо сходства между особенностями гигантизма во времени и гигантизма индивидуального, есть и свои значительные различия. Гигантизм во времени прогрессирует в течение миллионов лет, и в каждый взятый момент гигантские виды состоят из особей однородных. Хорошим примером гиганта геологического является современный слон, и его физиология возможно даст указания на физиологическую природу гигантизма во времени.

Но если так много параллелей в жизни индивидуума и видов, то, быть может, в течение видовой жизни, как и в индивидуальной, можно обнаружить юность, зрелое состояние, старость и смерть? Относительно юности, зрелости и старости говорят палеонтологи давно. Я добросовестно просмотрел многие из указанных примеры, но ничего не нашел, кроме того, что сформулировано Геккелем; онтогения примерно повторяет филогению, и это об'ясняется, пожалуй, главным образом отбором, а не физиологическим развитием. Например, указывают, что у палеозойских рыб скелет был хрящевый и окостеневал он постепенно лишь в позднейшие времена; у палеозойских амфибий было неполное окостенение позвоночника, как у лягушат, и т. д. и т. д. Особенно много подобных примеров у гониатитов и аммонитов. Суть в том, что на одной раковине видна вся онтогения (юные раковинки не отпадают после того, как моллюск переберется в следующую раковину). Все эти явления можно об'яснить не юностью и зрелостью, а тем, что постепенно надстраивались новые стадии, указуемые отбором, а не физиологией. Однако в отношении скульптуры (видимо безразличный в борьбе за существование признак) есть что-то вроде постепенного осложнения ее в родственных группах. Здесь однако нужно разбираться специалисту, чтобы что-то уверенно говорить. Однако своеобразные «старость» и «смерть» вида во времени—вполне реальные явления. Начнем с причин старости и естественной смерти индивидуумов. Многие естествоиспытатели-марксисты, прорабатывая этот вопрос по различным поводам, приходили к выводу, что старость и смерть есть

---

[1] Должен заметить, что об этих работах О. Абеля, я знаю только из доклада академика П. П. Сушкина, лично навестившего О. Абеля.

результат диалектичности развития организма. Недавно Е. Финкельштейн доказал это в прекрасной обстоятельной статье («Естествознание и Марксизм» № 4, 1929 г.), что избавляет меня от необходимости останавливаться на этом вопросе. Уже a priori трудно допустить, что процесс онтогенического развития сложного организма (другое дело очень просто устроенные одноклеточные) может протекать бесконечно. Такие различные ткани, как кость, кровь, железы, нервы и т. д., имеют каждая свои особенности и разные органы построены весьма различно. Поэтому фантастично, чтобы в течение онтогенеза все ткани и органы гармонично и координированно развивались, превращались, изменялись бесконечно. Это было бы развитие без нарастания противоречий и без перерывов непрерывности, т.-е. без самых существенных особенностей диалектического развития; иначе говоря, это было бы чудом. Уже один только внешний вид старика указывает на ослабление организма и на внешние показатели противоречий, а именно: одни части ослабли и претерпевают обратное развитие, деградацию, другие, наоборот, переразвиваются. Например: волосы на голове редеют, зубов во рту уже нет или же мало и они сточились, а нос, наоборот, вытянулся и увеличился, брови наросли густые и длинные, появились волосы из ушей, из носа и т. д. и т. д. Что-то очень похожее на старость и естественную смерть вида мы имеем среди ископаемых [1]). Особенно часто указывают ее для тех же аммонитов, которых было много тысяч видов. Среди аммонитов есть отличные генеалогические ряды, которые всегда кончаются более или менее заметным развертыванием (своего рода инфантилизм) и упрощением шва между камерами (также попятный ход развития). Часто это кончается признаками дегенерации. Общеизвестная неизбежная смерть узкоспециализированных видов гораздо более напоминает смерть. Само собой понятно, что старость и смерть во времени в общих чертах зависят от тех же причин, что и смерть индивидуальная, но, конечно, она не может полностью быть похожа на последнюю. Достаточно указать, что едва ли индивиды «состарившегося» вида берут начало от какой-то «одряхлевшей» зародышевой клетки с уже отложениями отравляющих веществ. Это было бы прямо сверх'естественно. Но зато более чем вероятны и диалектически законны диспропорции частей, особенно у видов, загнанных естественным отбором к пределу узкой, односторонней специализации; но диспропорция частей неизбежно должна быть следствием диспропорции в выделении гормонов, что все вместе создавало вероятно общую дисгармонию процессов в онтогенезе каждого индивида «состарившегося» вида. Прародительские группы обычно гармонично развиты, неспециализованы. Но отбор ведет большую часть по пути специализации. Совершенство вида повышается, но тут же мы обнаруживаем следующее противоречие: специализация привязывает животное к определенной стации и к определенной пище. Совершенство специализированного вида содержит уже начало конца его: чем дальше идет специализация, тем уже и уже становится сфера обитания и добывания пищи. Под конец даже небольшое изменение ландшафта ведет к вымиранию. Помимо односторонней специализации, дисгармония формы и физиологических процессов может иногда вызываться какими-то еще неизученными процессами роста отдельных частей

---

[1]) Е. Финкельштейн (l. c.) вполне справедливо указывает, что хотя смерть и неизбежна, но осуществление этой неизбежности всегда является случайным (болезни, зависящие от внешних агентов). В таком же условном смысле мы будем говорить и о «естественной смерти» видов во времени. Для «состарившихся» видов, достаточно легкой перемены обстановки, и они не в состоянии конкурировать с другими видами. Естественный отбор их устраняет.

Пользуюсь случаем попутно заметить, что Агол (l. c.) считает смерть за «приспособление». Вот что значит взять без критической проверки подсунутый Вейсманом вывод.

(ортогенезом), едва ли связанными (во вторую половину своего развития) с естественным отбором. «Старость» аммонитов я не могу об'яснить, так как не хватает сведений о форме и величине мантии (она обычно отсутствует), а по одной раскрученности и инфантилизму еще трудно сказать, в чем дело; привожу же я их потому, что на них часто указывают специалисты. Вот если бы было доказано, что мантия была у «стареющих» видов усложнена и переразвита (а на это есть намеки, по крайней мере у мезозойских форм), тогда и эти случаи подошли бы к ранее обсуждавшейся группе. Вероятно по изучении этого явления окажется вполне возможным об'яснить его диалектичностью процессов морфогенеза и физиогенеза. Но в отличие от гигантизма, например, здесь основным фактором старости и смерти надо думать является естественный отбор и лишь в конце переразвития одна «голая» физиология, изменяющая вид вероятно даже вопреки отбору. Как и состарившийся индивидуум, «старый» переразвитый вид гибнет от какой-нибудь внешней причины; но, разумеется, не от «воспаления легких» или «простуды», а вероятно вследствие перемены обстановки, к которой специализованным видам всегда чрезвычайно трудно приспособиться. Смерть индивидуальная обязательна для всех, кроме самых простейших (микроорганизмов). Смерть во времени обязательна для подавляющего большинства, так как большинство организмов специализуется. Но для развивающихся гармонично, благодаря постоянному исправляющему воздействию отбора, — «смерть» нисколько не обязательна. Хотя различия между смертью индивида и вида очень большие, но нет сомнения, что есть и значительное сходство, почему мы эту пару явлений должны включить в свой перечень.

На явления роста во времени часто указывалось со времен Копа в литературе по эволюции. Будто бы большинство животных с течением эволюции постепенно увеличивается в росте, что все ведет к гигантизму и смерти. Это «закон роста». Копа. Мои исследования по ортогенезу позволяют для позвоночных (млекопитающие, птицы) поставить крест на этом «законе». Я показал [1], что в направлении уменьшения роста эволюционирует куда более значительное количество видов (влажные тропики и т. п. места), но они просто не могут сохраняться в ископаемом состоянии. Во-первых потому, что во влажных и теплых местностях гниение совершается чрезвычайно быстро, во-вторых, от мелочи вообще крайне редко что-нибудь уцелевает в ископаемом состоянии, тогда как крупные, и тем более гиганты, имеют наибольшие шансы уцелеть. Но это пока справедливо лишь для птиц, и вероятно млекопитающих. Других животных я не изучал и вовсе не ручаюсь, что там дело обстоит так же. Но тем не менее рост во времени существует, если не настаивать непременно на росте в величину. Я имею в виду рост отдельных органов, помимо отбора, по крайней мере под конец развития органа.

Сравнение возрастных изменений северных и южных разновидностей, как бы перерастание и недорастание признаков, указывает на наличие своеобразного роста во времени. Мимоходом отмечу, что эти факты действительно убийственны для неодарвинистов; А. С. Серебровский совершенно не мог дать им удовлетворительного об'яснения. Критикуя соответствующее место, он беспомощно выкрикивает что-то вроде: «Ах, какая это сплошная ерунда! Возрастные изменения зависят от желез внутренней секреции». Позвольте, позвольте, товарищ! Кому не известно, что они зависят от желез, да суть-то вовсе не в этом, а в причинах э в о л ю ц и и этого действия желез. Мы рассматриваем признак как п р о ц е с с и нам понятна разница в темпе разви-

---

[1]) Влияние климата на эволюцию птиц, «Бюллетень Московского Общества Испытателей Природы» 1925 г.

тия, а вот при ваших исключительно скачковых изменениях подобное явление оказывается совершенно необ'яснимым. Об этом я уже писал в «Номогенезе» (l. c.) и в «Дарвинизме и «дарвинизме»» (l. c.), куда и отсылаю читателя. В тех же статьях я подробно останавливался и на различии роста во времени и роста в течении онтогении, почему позволю себе этого теперь не делать.

Несомненно, найдется кое-что параллельное и в явлении изменчивости и, может быть, в ряде других черт.

Можно, например, указать на то, что омолаживания у сложных организмов в течении жизни не бывает и быть не может, так как процессы необратимы. В параллель к этому следует поставить закон Долло, установившего необратимость эволюционных процессов во времени [1]).

Во всех подобных случаях изменения во времени должны сопровождаться отбором, который вообще всегда поддерживает исправное состояние вида. В большинстве случаев он ведет его по пути приспособления и, значит, в известном смысле слова создает организм. Но сплошным предрассудком является мнение неодарвинистов, будто все без исключения признаки и свойства получены в результате отбора (мелких мутаций). Целый ряд признаков эволюционирует видимо без малейшей «воли» отбора и иногда даже вопреки отбору (переразвитие, дегенерация, гигантизм). Сама физиология не есть что-то самостоятельное, так как ход ее развития, как и морфологических изменений, регулируется и направляется отбором, хотя и не беспрерывно. Не столь часто можно обнаруживать признаки безразличные в борьбе за существование, но они о физиологических возможностях говорят более, чем что другое. Я смог установить некоторые из вышеупомянутых параллелей именно потому, что по роду своей работы (ортогенез) я должен был отыскивать исключительно то, что проходит помимо отбора. Набросанные факты и сопоставления уже в известной мере предрешают выводы, хотя работа в этой сфере почти не начата еще. Совершенно очевидно, что современная физиология должна включить в свое ведение еще одну новую главу, которую можно было бы назвать физиологией эволюции или динамической физиологией. Ясно, что мы здесь имеем явления, более или менее сильно расходящиеся с тем, что нам дает физиология, изучающая отправления современных организмов. В перспективе одна из работ для кого-либо из эволюционистов-физиологов. Выводом вероятно явится закон, который вкратце и несовершенно можно было бы формулировать так: физиология онтогении имеет параллельные черты с физиологией филогении или, если хотите, физиология онтогении повторяет физиологию филогении. Известный закон Геккеля: «онтогения повторяет филогению» касался пока преимущественно морфологии и менее физиологии. Ныне явно назревает его развитие вышеформулированным (временная, предположительная формулировка) законом. Разумеется А. С. Серебровский должен об'явить борьбу этому новому закону. Возможно, что эта борьба будет иметь успех и тогда... закон этот обоснуют немцы или вообще заграничные ученые, так как если закон назревает, то он «носится в воздухе» во многих местах. Задачи русских марксистских эволюционистов — не дать его буржуазным ученым, ибо последние считаться с диалектикой не будут и неизвестно какие выводы они сделают. Размеры статьи не позволяют мне остановиться на иных примерах эволюции, где физиологическая часть явлений выступает очень рельефно. Приведенные перспективы — только часть и при том маленькая того, что в этой области можно сделать.

---

[1]) Акад. П. П. Сушкин, а позднее и я («Влияние климата на эволюцию птиц») доказали, что этот закон справедлив безусловно лишь теоретически; в отдельных деталях возможно практически почти полное повторение древнего признака.

Есть целый ряд причин остановиться на значении естественного отбора. Дело в том, что наука, как и все остальное, развивается в противоречиях. Увлечение генетикой необыкновенно двинуло известную часть эволюционного учения. Часть по существу небольшую, и, как выше было указано, далеко не обнимающую грандиозную картину эволюции органического мира. Но это же увлечение генетикой породило непонимание и недооценку всего, что выходило из ее сферы; вернее не могло быть исследовано излюбленными приемами генетиков (по преимуществу скрещивание). Методика влияет и на методологию. Дальше естественного отбора мелких полезных изменений генетики не пошли, о чем ярко свидетельствует статья А. С. Серебровского «Опыт качественной характеристики процесса органической эволюции» («Естествознание и Марксизм» № 2, 1929 г.). Не могу не сказать, что эта статья меня глубоко изумила. Зачем она? Несколько страниц ее затрачено на то, чтобы показать, что филогенез и физиология, а также физиология и отбор — явления качественно различные. Дарвин, Уоллес, К. А. Тимирязев, Геккель, Плате и др. уже много, много раз об этом говорили. Не смешиваем этого и мы грешные. Если статья писана для малограмотных биологически, то они ничего в ней не поймут (слишком абстрактно мыслит и излагает автор), если для грамотных, то это изумительно, так как, в самом деле, бумага теперь дорога и тратить ее на то, чтобы доказать, что свиной пятачок качественно разнится от панихиды, нет никакого расчета. Но может быть автор дает новый метод анализа и выводит новые заключения? Метод, положим, есть, но он очень несовершенен и состоит в отыскании ближайшей причины явления. Мимикрия бабочки является результатом «окольной» причины, наличия «глаза». Панцырь панцырных рыб—результат наличия «зубов» и т. п. «Глаз», «зубы» и пр. взяты абстрактно, почему у автора выпали понятия ценоза и фауны. Это примерно то же самое, что считать причиной империалистической войны чей-то «кошелек». Название «окольная» причина неудачно, так как подразумевается прямая, непосредственная, а не окольная причина. Она только не физиологическая, но все же прямая. В дальнейшем автор обсуждает интересный вопрос об эволюции популяций, делая предупреждение сторонникам, «физиологизма». Если иметь в виду популяции столь беззащитных и слабых в борьбе за существование организмов, как муха дрозофила, то предостережения очень ценны, но факты с мухой дрозофилой нельзя переносить на ценозы других животных; меж ними существует «качественное» различие, и это следовало бы иметь в виду автору. Таким образом, «Опыт качественной характеристики процесса органической эволюции» не идет дальше старющих, заплесневелых воззрений Вейсмана, Уоллеса и К°, согласно которым вся сложнейшая картина эволюции сводится к единственному «качеству—отбору мелких полезных изменений. В вышецитированной книжке Моргана — та же нищета содержания — вот плоды тридцатилетнего влияния интересной и в известном смысле чрезвычайно ценной, но односторонней дисциплины — генетики.

Теперь попробуем разобраться в процессе сложнейшей борьбы за существование и отбора, пользуясь диалектическим методом. Читатель должен иметь в виду, что наш опыт в пользовании этим методом очень невелик и потому вероятно очень несовершенен. Но так как от генетиков трудно ждать правильной схемы, то нам, дарвинистам, очевидно придется, помогая друг другу, самим попытаться все же хоть положить начало такой характеристике [1].

---

[1]) Я не голословен в своих обвинениях. В работах московских неодарвинистов (А. С. Серебровского, Агола, Местергази, В. Слепкова и др.) что вы найдете, кроме подбора мелких мутаций? А им уже 70-летняя давность!

Прошу товарищей марксистов внимательно выискать слабые места и поделиться печатно своими замечаниями и критикой.

Мне кажется, что Ч. Дарвин к процессу отбора в борьбе за существование и его причинам подошел несколько упрощенно и отчасти совершил ту же ошибку, что и Вейсман, провозгласивший «независимость» зародышевой плазмы. Но, как будет видно из дальнейшего, эта ошибка менее вредна. Она состоит в том, что под влиянием Мальтуса он главное ударение сделал на усиленной размножаемости, не заметив, что усиленная размножаемость — свойство позднейшее. Если принять во внимание все бесчисленные «ухищрения» и «изобретательность» и тысячи приспособлений животных и растений, направленные к максимальному размножению, то будет понятно, что усиленная размножаемость сама явилась следствием предшествовавших периодов борьбы за существование. Иначе говоря, явления борьбы за существование и отбора и причины их должны быть взяты в процессе их развития.

Живое вещество постоянно распадается и вновь созидается. Для этого нужен материал и энергия извне. Живое, чтобы жить, должно что-то захватывать (воду, кислород, питательные вещества и пр.) извне. Живое от мертвого отличается, помимо прочего, неким экономическим, если так можно выразиться, признаком. Кроме того, не при всех условиях внешней среды (температуры, влажности, солености в воде и пр.) жизнь возможна, но лишь в строго определенных рамках. Уже этого (минуя размножаемость) достаточно, чтобы возникла неизбежность «борьбы» за существование, за вот эти определенные условия среды, за материал и энергию, получаемые извне. В пустыне много места, но организмов очень мало; им не тесно, но борьба со стихиями здесь ужасная. Следствием жизнедеятельности, в частности обмена веществ, является рост; отсюда размножение и значит конкуренция и друг с другом, как почти одновременно возникший и столь же неизбежный фактор борьбы за существование. Выживать начинают те, которые (между прочим) лучше плодятся. Это доставляет им преимущество перед другими, но это же является и началом их собственного конца, так как усиленная размножаемость еще более обостряет борьбу и выживают лишь немногие генотипы, но качественно иные; опять-таки, между прочим, с еще более совершенными способами размножения. Так в силу беспрерывных противоречий возникло то состояние, которое Ч. Дарвин видел и взял за основу своего учения. Теперь проследим эволюцию форм борьбы за существование, следя лишь за главнейшим и, конечно, поневоле схематизуя явления. Первичных животных пока мы недостаточно знаем, почему начнем с одноклеточных животных, так как они имеют наиболее примитивное строение среди всех, нам известных.

Борьба по уже указанной схеме приводит, конечно, не только к способности сильнее размножаться, но и к накоплению самых различных признаков приспособления. Одним из последних является совместная, колониальная жизнь. На первых порах она еще не создает особых отличий колониальных от одноклеточных. Но скоро начинается специализация отдельных элементов, как это мы видим, например, у шаровика (Volvox), где только немногие клетки участвуют в размножении и они уже начинают отличаться от остальных клеток. Специализация быстро спаивает элементы колоний в единый коллектив, живущий одной в физиологическом отношении жизнью. Это уже новое качество. Всякая специализация, развиваясь на основе противоречий, приводит к новым качествам, но мы упоминаем об образовании многоклеточных потому, что для эволюции форм борьбы за существование это явление имело и имеет большое значение. Количество видов одноклеточных животных очень велико, почему можно думать, что на протяжении бесчисленного числа лет будущей истории земли они будут по-

прежнему поставлять для органического мира новые и новые формы многоклеточных существ. Совсем нельзя сказать, чтобы жизнь колоний или позднее в виде многоклеточного организма избавляет клетки сполна от борьбы за существование. Не следует забывать, что отправления клетки до известной степени автономны; а раз так, то переживание сильнейшей за счет слабой и должно быть. Внутритканевая и внутриклеточная борьба хорошо доказана, и я не стану о ней говорить. Упомяну лишь, что некоторые картины ее очень показательны. Например, на микроскопических срезах через яичник можно видеть, как одна созревшая клетка захватывает другую. Наконец, видим и такие, которые уже втянули соседние, более слабые внутрь себя и, наконец, в третьих клетках можно видеть остатки высосанных и ассимилированных соседей. Внутриклеточная борьба имеет свои законы и следствия, о которых можно прочесть в специальных работах (например, Wilhelm Roux, Der Kampf der Theile im Organismus, Leipzig 1881 и др.). Здесь же мы упомянем только о взаимно проникающих противоположностях в жизненном процессе многоклеточных существ. Клетка, как физиологически до известной степени независимый организм, должна «бороться» с соседями, отнимая у них питательные вещества, но эта взаимная борьба выгодна большинству клеток, так как они спаяны в единый комплекс и существование этого комплекса сильно зависит от его здоровья, если так можно выразиться. Борьба же между элементами многоклеточного организма (клетками и даже тканями) приводит к торжеству совершеннейших. Кроме того, если какой-либо орган мало упражняется и в связи с этим приток питательных веществ к нему замедляется, его тощие клетки отчасти истребляются соседними клетками нормально работающих органов. Таким путем об'ясняются некоторые (но не все) целесообразные реакции и функциональные приспособления организма. Таким образом, многоклеточный организм сам в значительной степени есть следствие борьбы за существование одноклеточных организмов, давших ему начало и еще продолжающих позднее борьбу между собою в ином виде. Таким образом, мы отмечаем возникновение качественно новой единицы жизни — многоклеточного оргаизма. Жизнь многоклеточного организма среди других организмов уже не та, что жизнь одноклеточного. Его внутренняя жизнь—физиология—также образует новое качество. Отправления элементов стоят в подчинении к жизни единого целого и имеют к нему отношение как низшая форма развития к высшей. Цитологические законы уже не характеризуют жизнь целого, они содержатся внутри его в снятом виде.

До сих пор, занятые внутренним строением организма, мы мало обращали внимания на связь организма со средой. Участие мертвой внешней среды в эволюции организма уже обсуждалось выше, а также и в ряде предшествовавших статей, почему позволительно более не касаться этой темы. Сейчас мы должны отметить, что помимо мертвой есть и живая среда и у очень многих организмов, особенно у неподвижных (растения, кораллы, губки, мшанки и пр.) она прежде всего состоит из себе подобных. Следовательно, обычным положением вещей является борьба отдельных индивидуумов друг с другом. Назовем эту борьбу дарвиновской, потому что о ней больше всего говорили Дарвин и дарвинисты. Дарвиновская борьба представляет повсюдное и очень важное явление, так как в процессе этой борьбы отбираются наиболее приспособленные в данных условиях генотипы. Сюда же можно присоединить и борьбу между отдельными индивидуумами различных видов, хотя бы и резко различных в систематическом отношении. Причиной торжества новых генотипов является не какие-то абстрактно взятые «глаза» или «зубы», а сложный комплекс вполне конкретных живых и мертвых об'ектов. Борьба за существование подгоняет признаки не только к «глазу» и не только к «зубам», а ко всей обстановке. Результатом

длительной борьбы за существование неизбежно возникновение сообщества или, как лучше мы будем в дальнейшем говорить, ценоза. Учение о ценозах — очень молодое, но, несмотря на это, то, что мы знаем о ценозах, хотя бы из работ Пачосского, Сукачева, Морозова, Алехина, Тинемана, Верещагина, Ласточкина, японского ботаника Гайоты и многих других, позволяет говорить о закономерности и, следовательно, неизбежности его появления. Есть еще споры по вопросу о признании сообщества, как спаянного коллектива организмов (Резвой). Можно не сомневаться, что споры еще будут продолжаться, потому что есть порядочное количество видов, уживающихся в весьма различных условиях и не связанных, поэтому ни с какими ценозами (напр., бурьяны, многие широко-распространенные животные вроде вороны и пр.). Главная же причина та, что большинство наших ученых изучают, разумеется, Палеарктическую область; но она испытала недавно резкие и разрушительные перемены—великое оледенение, с его тремя-четырьмя стадиями наступления и соответствующим количеством межледниковых эпох, когда было столь тепло, что местами могли вновь поселиться подтропические организмы. История земли показывает, что такие резкие перемены всегда сметают с лица земли множество специализованных видов. Уцелевают более гармонично построенные и в то же время обладающие признаками, позволяющими переносить перемены обстановки [1]). После ледниковой эпохи прошло геологически ничтожное время. Заселение отдельных районов опустошенных местностей еще далеко не закончилось и сейчас. Если, например, взять птиц; то на памяти орнитологов происходит продвижение некоторых видов на север (в Европе) и из Сибири на запад. Таким образом, прочно слаженных ценозов сейчас у нас нельзя и ожидать. Сейчас Палеарктика имеет еще случайный состав видов, собранный из различных мест и принадлежащий к весьма различным третичным ценозам. При таких условиях, разумеется, еще можно ожидать возражения против самого существования сплоченных сообществ. Тем интереснее узнать мнение ученых, знающих ценозы подтропических и тропических местностей или таких, которые почти или совсем не испытывали климатических перемен. Японский ученый Гайота изучил фитоценозы Китая, Японии, Формозы — как раз районов, где ледникового периода не чувствовалось, и его мнение очень ценно. Он утверждает, что фитоценозы в борьбе за существование выступают как одно целое. Один биоценоз сменяет другой биоценоз [2]). Уже a priori можно ожидать, что совместная эволюция в течение более или менее длительного времени должна взаимоприспособить случайно оказавшееся вместе собрание видов. В противном случае оставалось бы какое-то абстрактное «приспособление», представление о каком часто и сейчас мы прививаем друг другу, излагая процесс слишком схематично, представление о приспособлении «вообще», о переживании наиболее приспособленных к чему-то неизвестному (или к какому-то «глазу», «зубам» и пр.). Точно также совершенно очевидно, что чем далее идет дело, тем взаимоприспособление должно итти все дальше и дальше. Собственно говоря, мы здесь встречаемся с общим для специализирующихся видов правилом: уже если специализация началась, то, обычно, она продолжается все далее и далее, вплоть до предела биотехнических возможностей организма [3]). Это, конечно, лишь схема. В деталях, от нее бывает сколько угодно отступлений. Мы очень хорошо знаем, что растения, как организмы неподвижные, обычно приспособлены к какой-либо определенной почве и к определенному климату.

---

[1]) Об этом смотри подробнее: П. В. Серебровский, История органического мира, изд. Тимирязевского Института, 1930 г.

[2]) Из доклада академика В. Л. Комарова.

[3]) Об этом подробнее можно прочесть в моей книжке «История органического мира».

К растительным ценозам приспособлены ценозы животных. Таким образом, спаянный комплекс, как правило, спаян и с известным ландшафтом мертвой природы. Можно различать ценозы степей, лугов, болот, лесов, горных склонов, альпийской зоны и т. д. и т. д. Если ландшафт меняется, то это сейчас же отражается на ценозах: они перемещаются, уменьшаются или расширяются, перестраиваются, вымирают совершенно и т. д. Ценоз невозможно представлять вне ландшафта, а его жизнь вне зависимости от мертвой природы и соседних ценозов. Законы борьбы за существование ценозов только еще начинают изучаться, но то, что прослежено, например закономерности в смене лесных пород, вполне подтверждают тот взгляд, что более или менее спаянный ценоз выступает как целое, как известная автономная единица, не лишенная, однако значительной текучести составляющих ее видов. Кой-кто (Тинеман) уже поспешил сравнить биоценоз с организмом (индивидуумом), но это ненужная аналогия, затемняющая дело.

Борьбу за существование часто изображают односторонне, как нечто крайне индивидуалистическое. Обычно считают, что переживает индивидуум за счет гибели множества неудачников, в дальнейшем вновь фигурирует торжество одного индивида над другими и т. д. Это не совсем верно, борьба есть один из полюсов взаимоотношений организмов. Другой полюс— взаимопомощь, если употреблять это чересчур антропоморфное, но, впрочем, хорошо понятное выражение. Оба полюса образуют единство противоположностей. Это взаимное проникание противоположностей не всем понятно. Чаще всего под взаимопомощью понимают помощь стадных животных друг другу путем сигналов предостережения, совместной защиты от нападения хищников и т. д. Однако гораздо чаще встречается незримая помощь иного вида. Возьмем для примера папоротник в лесу. Ясно, что он борется с соседями за свою жизнь, теснит их, затеняет более слабых своими листьями, корнями отнимает у них воду и т. д. Его в свою очередь также теснят и «стремятся погубить» его соседи. Но уберите вокруг папоротника всю растительность на большом пространстве. Оставьте его одного среди поляны «наслаждаться» простором и солнцем, и... он очень быстро погибнет. Его листья приспособлены к тени, его корни пригодны лишь к влажной почве. Ему надо «полог», затеняющий его от солнца, почва известного состава и т. д., т.-е. то, что он найдет лишь в обществе своих «врагов». Чем далее идет борьба за существование в биоценозе, тем сильнее она сплачивает «врагов» друг с другом. Такое положение вполне допустимо, но лишь в ограниченных размерах. Сильная специализация взаимоприспособления, теоретически рассуждая, должна вести к нарушению равновесия, назреванию противоречий, гибели специализованных видов и вторжению вместо них других, следовательно к переформированию ценоза, а в отдельных случаях, возможно и к развалу «старого» ценоза. Этот вопрос, однако, еще нуждается в изучении. С растительными ценозами животные ценозы спаяны гораздо более прочно, чем можно думать с первого взгляда. Дровосеки и короеды (из жуков) живут на коре и в древесине, другие виды обнаруживаются лишь на траве в тени, третьи под упавшими стволами деревьев, четвертые на средней высоте дерева или на кустах и т. д. и т. д. Птицы очень тонко различают «стации», т.-е. характерные уголки среди растительности. Сорокопут-жулан живет только на средней величины кустах по опушкам и полянам, серая сова жмется в глушь, но для охоты ей нужны поблизости большие поляны и т. д. и т. д. Неудивительно поэтому, что в конце концов ценоз настолько оказывается скреплен взаимосвязями, что выступает в жизненной борьбе примерно как некоторое целое и сменяется другим ценозом, также с характерным комплексом своих видов. Ценоз, таким образом, образует новое качество, новый комплекс жизни, живущий по своим законам.

Дарвиновский отбор (в моем условном значении, т.-е. отбор индивидов среди индивидов) относится к отбору ценозов, как низшая форма развития борьбы за существование и отбора к высшей. Его законы оказываются здесь в снятом виде. Это нетрудно показать на примере. Если наступает ледник и ценозы сосновых и осиновых лесов начинают с севера наступать на более теплолюбивые широколиственные леса [1]), то эти последние отступают и в известных случаях даже вымирают вместе со всеми как малоприспособленными, так и совершеннейшими мутациями. Смены ценозов, вытеснение одним ценозом другого есть также своего рода борьба за существование. Однако, как и сам ценоз, она вытекает как неизбежное следствие из борьбы «дарвиновской», как ее дальнейшее развитие в качестве формы высшего порядка со своими законами. Развитие, при этом, идет на основе борьбы противоположностей, взаимно проникающих друг друга и не мыслимых порознь.

Разнородные ценозы животных и растений, эволюционируя и размножаясь в числе, образуют фауну и флору. Поразительно, что на протяжении истории земли одна флора на другую менялась радикально и относительно очень быстро (скачкообразно). Флора голосеменных мезозоя за каких-нибудь полмиллиона лет сменилась на флору покрытосеменных. Мы знаем примеры и не менее быстрой смены одной фауны на другую. Понятно, что между сменой ценоза одного на другой и сменой целых флор и фаун имеется громадная разница как по масштабам и темпам изменений, так и по причинам и следствиям. Закономерность гибели изживающих себя и под'едаемых внутренними противоречиями старых флор и фаун и торжества молодых мною подробно изложены в книге «История органического мира», почему здесь я ограничусь очень краткой схемой основных выводов, минуя доказательства. Внешние условия на земной поверхности все время меняются. Периоды относительно спокойной эволюции при примерно однородных условиях в мертвой природе сменяются более или менее резкими переломными эпохами в связи с революциями в мертвой природе. Органический мир реагирует на эти изменения внешней среды. Он «удовлетворяет спрос» на засухоустойчивых во время засух, на влаголюбивых во время влажного периода, на холодоустойчивых в ледниковые периоды и т. д. и т. д., но каждый раз он дает то, что позволяет в то время высота организации. Например, в девонские засушливые времена из позвоночных были только рыбы, и мы видим, что среди весьма различных систематических групп рыб (Crossopterygii и др. ганоиды, Dipnoi и Arthrodira) появляются двоякодышащие. В влажном болотистом климате карбона развернулись амфибии, но рептилий было еще очень мало — они только нарождались. Теплые и влажные времена мезозоя характеризуются расцветом рептилий — другие более высшие классы были тогда лишь в процессе формирования. Связь эволюции с внешними условиями не подлежит сомнению. Каждый переворот в мертвой природе служит причиной гибели многих ценозов и выдвижения новой флоры и молодой фауны, вышестоящих в смысле приспособления к переменам, менее зависимым от перемен. Общий характер эволюции во времени — это накопление признаков, дающих относительную независимость организмам от переменных условий среды, как-то (у животных в порядке появления): яйцеродность, живородность, теплокровность; кожа покрытая роговыми щитками, кожа покрытая шерстью, пером и т. д. Молодая фауна выступает в виде неспециализованных видов, которые быстро начинают дробиться на виды, роды, семейства и т. д. и все более и более специализоваться.

[1]) При чем каждый ценоз включает в себя свои кустарники, травы, грибы, своих насекомых, птиц, млекопитающих и др. животных.

К растительным ценозам приспособлены ценозы животных. Таким образом, спаянный комплекс, как правило, спаян и с известным ландшафтом мертвой природы. Можно различать ценозы степей, лугов, болот, лесов, горных склонов, альпийской зоны и т. д. и т. д. Если ландшафт меняется, то это сейчас же отражается на ценозах: они перемещаются, уменьшаются или расширяются, перестраиваются, вымирают совершенно и т. д. Ценоз невозможно представлять вне ландшафта, а его жизнь вне зависимости от мертвой природы и соседних ценозов. Законы борьбы за существование ценозов только еще начинают изучаться, но то, что прослежено, например закономерности в смене лесных пород, вполне подтверждают тот взгляд, что более или менее спаянный ценоз выступает как целое, как известная автономная единица, не лишенная, однако значительной текучести составляющих ее видов. Кой-кто (Тинеман) уже поспешил сравнить биоценоз с организмом (индивидуумом), но это ненужная аналогия, затемняющая дело.

Борьбу за существование часто изображают односторонне, как нечто крайне индивидуалистическое. Обычно считают, что переживает индивидуум за счет гибели множества неудачников, в дальнейшем вновь фигурирует торжество одного индивида над другими и т. д. Это не совсем верно, Борьба есть один из полюсов взаимоотношений организмов. Другой полюс— взаимопомощь, если употреблять это чересчур антропоморфное, но, впрочем, хорошо понятное выражение. Оба полюса образуют единство противоположностей. Это взаимное проникание противоположностей не всем понятно. Чаще всего под взаимопомощью понимают помощь стадных животных друг другу путем сигналов предостережения, совместной защиты от нападения хищников и т. д. Однако гораздо чаще встречается незримая помощь иного вида. Возьмем для примера папоротник в лесу. Ясно, что он борется с соседями за свою жизнь, теснит их, затеняет более слабых своими листьями, корнями отнимает у них воду и т. д. Его в свою очередь также теснят и «стремятся погубить» его соседи. Но уберите вокруг папоротника всю растительность на большом пространстве. Оставьте его одного среди поляны «наслаждаться» простором и солнцем, и... он очень быстро погибнет. Его листья приспособлены к тени, его корни пригодны лишь к влажной почве. Ему надо «полог», затеняющий его от солнца, почва известного состава и т. д., т.-е. то, что он найдет лишь в обществе своих «врагов». Чем далее идет борьба за существование в биоценозе, тем сильнее она сплачивает «врагов» друг с другом. Такое положение вполне допустимо, но лишь в ограниченных размерах. Сильная специализация взаимоприспособления, теоретически рассуждая, должна вести к нарушению равновесия, назреванию противоречий, гибели специализованных видов и вторжению вместо них других, следовательно к переформированию ценоза, а в отдельных случаях, возможно и к развалу «старого» ценоза. Этот вопрос, однако, еще нуждается в изучении. С растительными ценозами животные ценозы спаяны гораздо более прочно, чем можно думать с первого взгляда. Дровосеки и короеды (из жуков) живут на коре и в древесине, другие виды обнаруживаются лишь на траве в тени, третьи под упавшими стволами деревьев, четвертые на средней высоте дерева или на кустах и т. д. и т. д. Птицы очень тонко различают «стации», т.-е. характерные уголки среди растительности. Сорокопут - жулан живет только на средней величины кустах по опушкам и полянам, серая сова жмется в глушь, но для охоты ей нужны поблизости большие поляны и т. д. и т. д. Неудивительно поэтому, что в конце концов ценоз настолько оказывается скреплен взаимосвязями, что выступает в жизненной борьбе примерно как некоторое целое и сменяется другим ценозом, также с характерным комплексом своих видов. Ценоз, таким образом, образует новое качество, новый комплекс жизни, живущий по своим законам.

Дарвиновский отбор (в моем условном значении, т.-е. отбор индивидов среди индивидов) относится к отбору ценозов, как низшая форма развития борьбы за существование и отбора к высшей. Его законы оказываются здесь в снятом виде. Это нетрудно показать на примере. Если наступает ледник и ценозы сосновых и осиновых лесов начинают с севера наступать на более теплолюбивые широколиственные леса[1]), то эти последние отступают и в известных случаях даже вымирают вместе со всеми как малоприспособлеными, так и совершеннейшими мутациями. Смены ценозов, вытеснение одним ценозом другого есть также своего рода борьба за существование. Однако, как и сам ценоз, она вытекает как неизбежное следствие из борьбы «дарвиновской», как ее дальнейшее развитие в качестве формы высшего порядка со своими законами. Развитие, при этом, идет на основе борьбы противоположностей, взаимно проникающих друг друга и не мыслимых порознь.

Разнородные ценозы животных и растений, эволюционируя и размножаясь в числе, образуют фауну и флору. Поразительно, что на протяжении истории земли одна флора на другую менялась радикально и относительно очень быстро (скачкообразно). Флора голосеменных мезозоя за каких-нибудь полмиллиона лет сменилась на флору покрытосеменных. Мы знаем примеры и не менее быстрой смены одной фауны на другую. Понятно, что между сменой ценоза одного на другой и сменой целых флор и фаун имеется громадная разница как по масштабам и темпам изменений, так и по причинам и следствиям. Закономериость гибели изживающих себя и под'едаемых внутренними противоречиями старых флор и фаун и торжества молодых мною подробно изложены в книге «История органического мира», почему здесь я ограничусь очень краткой схемой основных выводов, минуя доказательства. Внешние условия на земной поверхности все время меняются. Периоды относительно спокойной эволюции при примерно однородных условиях в мертвой природе сменяются более или менее резкими переломными эпохами в связи с революциями в мертвой природе. Органический мир реагирует на эти изменения внешней среды. Он «удовлетворяет спрос» на засухоустойчивых во время засух, на влаголюбивых во время влажного периода, на холодоустойчивых в ледниковые периоды и т. д. и т. д., но каждый раз он дает то, что позволяет в то время высота организации. Например, в девонские засушливые времена из позвоночных были только рыбы, и мы видим, что среди весьма различных систематических групп рыб (Crossopterygii и др. ганоиды, Dipnoi и Arthrodira) появляются двоякодышащие. В влажном болотистом климате карбона развернулись амфибии, но рептилий было еще очень мало — они только нарождались. Теплые и влажные времена мезозоя характеризуются расцветом рептилий — другие более высшие классы были тогда лишь в процессе формирования. Связь эволюции с внешними условиями не подлежит сомнению. Каждый переворот в мертвой природе служит причиной гибели многих ценозов и выдвижения новой флоры и молодой фауны, вышестоящих в смысле приспособления к переменам, менее зависимым от перемен. Общий характер эволюции во времени — это накопление признаков, дающих относительную независимость организмам от переменных условий среды, как-то (у животных в порядке появления): яйцеродность, живородность, теплокровность; кожа покрытая роговыми щитками, кожа покрытая шерстью, пером и т. д. Молодая фауна выступает в виде неспециализованных видов, которые быстро начинают дробиться на виды, роды, семейства и т. д. и все более и более специализоваться.

[1]) При чем каждый ценоз включает в себя свои кустарники, травы, грибы, своих насекомых, птиц, млекопитающих и др. животных.

Перерывы непрерывности и развитие противоречий указаны мною в вышеупомянутой книге.

В конце концов специализованная фауна изживает себя, отрицается, обычно не переживая новых перемен в мертвой природе, и на смену ей выступает новая фауна, опять «молодая», неспециализованная, которая проделывает аналогичный цикл отрицания. Но эта «молодая» фауна не есть повторение прежней «молодой». Здесь мы имеем не топтание на месте, а именно развитие, так как новая фауна обладает новыми, обычно в массе своей прогрессивными чертами и непременно с новым комплексом признаков независимости от перемен обстановки. Аналогичная картина получается, если мы проследим эволюцию флор.

Само собой ясно, что смена флор и фаун образует уже нечто качественно новое. Она прямо вытекает из эволюции ценоза, но опять-таки в качестве высшей формы развития отбора, со своими законами. Законы борьбы и смены ценозов, равно как и «дарвиновская» борьба, не отсутствуют при этом, но они существуют здесь в снятом виде, т.-е. не характеризуют развития флор и фаун.

Само собой понятно, что указанные три фазы развития форм борьбы за существование и естественного отбора, непосредственно друг из друга вытекающие, а именно: «дарвиновский» отбор, смена ценозов и, наконец, смена фаун и флор, глубоко различны, но в них есть и кое-что общее: всюду происходит выключение некоего комплекса живых форм, всюду имеет место переживание наиболее приспособленного; во всех случаях, наконец, это важные факторы эволюции. Для эволюции не безразлично, если, скажем, целая флора голосеменных была сразу вытеснена покрытосеменными. Громадное количество саговниковых, гинкговых, папоротников и т. д. исчезло почти нацело. Саговниковых (ископаемых) известно уже сейчас 278 видов, а уцелело их ничтожное количество. Гинкговые в юре образовали целое семейство со многими родами и массой видов. От них нам остался «на память» всего один вид. Жизненная арена почти целиком досталась другим группам. Эта элиминация несомненно имела гораздо большее значение в эволюции, чем выключение неудачных индивидуумов и даже видов в процессе эволюции флоры голосеменных [1].

Сколь бы резко ни отличалась борьба фаун и флор между собой от борьбы индивидуумов в обычном понимании дарвиновского отбора, все же она принадлежит к группе явлений того же порядка, и если у нас до сих пор все стремились сводить к тщедушной формуле «переживают наиболее приспособленные мутации и комбинации», то это есть результат замкнутости генетики и ее механистической ограниченности.

Прежние естествоиспытатели не могли даже обсуждать чего-либо подобного. Например, во времена Энгельса, да даже и позднее, почти до нашего времени, очень мало затрагивался вопрос о биоценозе, а из эволюции флор и фаун знали лишь обрывки. Разумеется, ведущим началом в процессе эволюции является отбор, а не физиология (о чем я и раньше много раз писал, почему приписываемый мне А. С. Серебровским «физиологизм» есть заведомая фальшь). Два фактора — физиологический и фактор отбора — не являются обособленными друг от друга, о чем уже я говорил. Мало того, между этими качественно столь неодинаковыми факторами есть перекидной мостик в лице внутритканевого отбора, который столь тесно смыкается с физиологией, что лишь искусственно их можно разделить. Внутритканевой отбор, правда, представляет собой особое явление, но все же здесь мы имеем выключение неудавшихся, до известной степени автономных

[1]) Отсюда с полной ясностью видна исключительная узость моргановизма, концентрирующего внимание эволюционистов почти исключительно на мутациях.

жизненных единиц — клеток. При формировании многоклеточного организма борьба между его частями должна была играть гораздо более активную роль, коль скоро все клетки независимо могли размножаться и каждая давать свою колонию. Здесь у истоков многоклеточного организма мы видим теснейшее смыкание фактора физиологического и фактора естественного отбора. Мы видели три группы явлений — «дарвиновский» отбор, отбор ценозов, смена фаун и флор. Эволюция их выводится одна из другой. Но если иметь в виду многоклеточный организм, то создание его и отчасти жизнеспособность выводится как следствие из эволюции одноклеточных организмов. И тогда мы получаем четыре звена явлений. В действительности спереди и сзади можно поставить еще по одному звену, как я почти не сомневаюсь. О них пока не будем здесь говорить, дабы не ставить лишние мишени для выдумок и натянутых обвинений противников.

Я далек от мысли считать окончательными те соображения и выводы, которые здесь изложены относительно как физиологической стороны эволюции, так и естественного отбора. Понятно, что критика их чрезвычайно желательна. Пусть от моих выводов останется немногое, но они полезны, так как дадут толчек к тому, чтобы действительно начать пользоваться в эволюции диалектическим методом. О последнем во всяком случае не мешает помнить некоторым марксистам-неодарвинистам, у которых диалектика состоит главным образом в одном слове «качество», затем в желании изыскать «механистов» там, где их даже не было. А. С. Серебровский пока обнаружил только новое «качество» там, где оно было обнаружено еще Ч. Дарвином, и больше никакой диалектики он не развернул, а при его странном нежелании видеть все грандиозное многообразие в едином эволюционном процессе как по линии физиологии, так и по линии отбора, невольно ставится на очередь вопрос: кто собственно из нас «механист»? А. С. Серебровский, как генетик, *всю эволюцию сводит* к вышеупомянутой *тощенькой формуле*. Стоило только поскоблить немного «диалектика» А. С. Серебровского, и обнаружился подлинный механист от биологии. Как читатель видит, я не без основания выставляю это обвинение и глубоко уверен, что рано или поздно вредная ограниченность генетиков в вопросе эволюции будет преодолена. Это не исключает возможности их временного торжества и, следовательно, задержки нашего марксистского движения по пути преодоления метафизики буржуазной науки. Вторично оговариваюсь, что я вовсе не нападаю на генетику, как известную отрасль знаний, чрезвычайно важную как для теории, так и для практического ее использования. Но нужно видеть настоящее ее место в ряду науки о развитии жизни, между тем как многие очевидно воображают, что генетика — это чуть ли не вся эволюция. Ни в коем случае.

О некоторых основных понятиях механики и диалектики.

В. РУДАШ.

Мировоззрение и социологическая теория правого уклона и стало быть в первую очередь механическое мировоззрение и основанная на нем социологическая теория т. Бухарина уже были подвергнуты в нашей марксистской литературе критике. И все-таки нельзя утверждать, что они разоблачены окончательно. Философские их корни еще не вскрыты до конца. Это оправдывает мое намерение вернуться к ним еще раз в настоящей статье. При этом я позволю себе остановиться на двух основных понятиях бухаринской теории, имеющих фундаментальное значение для антитезы «механика — диалектика», — на понятиях силы и системы (целого и его частей).

Что касается первого из названных понятий, то т. Бухарин сводит, как известно, внутреннее противоречие, эту (по его собственному выражению) «душу» диалектики, к антагонизму сил, а борьбу противоречий, этот центральный нерв диалектического движения и развития,—к борьбе противоположно направленных сил. Охарактеризовав диалектику как теорию изменения, непрестанного движения и об'явив причиной этого непрестанного движения и изменения непрестанное внутреннее противоречие, борьбу внутренних противоречий, он затем продолжает:

«Это положение, несомненно, правильно. В самом деле, представим себе на минуточку, что в мире не было столкновений никаких сил, что не было бы никакой их борьбы, что различные силы не направлялись бы одна против другой. Что это означало бы? Это означало бы, что весь мир находится в состоянии неподвижного равновесия, т.-е. в состоянии полной и абсолютной устойчивости, в состоянии полного покоя, исключающего всякое движение. Где господствует покой? Покой господствует там, где все составные частички, все силы находятся в таком отношении друг к другу, что не происходит никакого столкновения, где нет никакого взаимодействия..., никакой противоположности борющихся, сталкивающихся сил (подчеркнуто Бухариным. *В. Р.*), где нет никогда никакого нарушения равновесия, где господствует, наоборот, абсолютная устойчивость. Но мы знаем уже, что в действительности «все движется, все течет». Покоя, абсолютной устойчивости в действительности не существует» (Теория исторического материализма, стр. 73—74; подчеркнуто мною. *В. Р.*).

Это сведение внутреннего противоречия к антагонизму сил, борьбы противоречий к борьбе различно направленных сил он резюмирует далее, во избежание всяких недоразумений, в следующей «строгой» формуле:

««Борьба», «противоречия», т.-е. антагонизм различно направленных сил, и обуславливают движение» (Там же, стр. 75).

Критиками этого взгляда т. Бухарина уже было подчеркнуто, что такое сведение диалектического внутреннего противоречия к антагонизму различно направленных сил недиалектично и противоречит духу марксизма-ленинизма. Нередко приводилось также примечание Ленина, в котором он называет это отождествление противоречия с антагонизмом «архинеточным»:

«Архинеточно. Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме» (Ленинский сборник, XI, стр. 357).

Противоречием является, напр., противоречие между обобществленными производительными силами современного общества и частной, капиталистической формой присвоения, т.-е. капиталистическими производственными отношениями. Это противоречие исчезнет при социализме — но лишь для того, чтобы уступить место другим противоречиям. Каковы будут эти последние, сейчас нельзя указать в точности. Но, безусловно, этого требует диалектика, — и в коммунизме будет существовать противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Ленин, напр., указывает на проблему I v + m и II c и накопления. Если бы этого или других противоречий не было при социализме, то не было бы и дальнейшего развития, ибо «противоречие есть то, что движет вперед». Но это невозможно, социалистическое общество будет не только развиваться дальше, но оно будет развиваться несравненно более быстрым темпом, ибо в нем исчезнут нынешние препятствия, задерживающие развитие. Антагонизм, с другой стороны, мы имеем, напр., в антагонизме классов, города и деревни, умственного и физического труда и т. д. И хотя все эти антагонизмы вытекают из вышеназванного противоречия, однако при социализме они исчезнут, и не только они, но и всякий антагонизм вообще. Капитализм представляет собою, как это часто подчеркивает Маркс, антагонистическую общественную форму. Но он является вместе с тем и последней из общественных форм, основанных на антагонизме. В социалистическом обществе останутся, конечно, противоречия, но в нем не будет антагонизмов, оно не будет антагонистической общественной формой.

Впрочем, это отождествление противоречия и антагонизма является у т. Бухарина не простой только неточностью. Оно теснейшим образом связано со всяким механическим мировоззрением. Само собой разумеется, что я здесь говорю о (классической) механике как науке, а не о механическом движении, которая в той же мере происходит диалектически, как все в мире. Это относится и к дальнейшему, когда я говорю о механике, механике твердых тел и т. д. Дело в том, что именно механика знает в лучшем случае только антагонизм, но не знает противоречий в собственном смысле и уж тем более внутренних противоречий. Все внутренние противоречия рассекаются механикой пополам, превращаются в нечто внешнее, в антагонизм различно направленных внешних сил. Но то, что классическая, ньютоновская механика рассматривала как отношение внешних сил, то диалектика рассматривает как внутреннее состояние, как внутренний процесс не только в мировой системе в целом, но и в каждом отдельном случае. И хотя инстинктивно, но современное естествознание также вступило на этот путь.

На обстоятельство, что сведение противоречий к антагонизму теснейшим образом связано со всяким механическим мировоззрением, бросает яркий свет известный эпизод из истории марксизма. Мировоззрение т. Бу-

харина совершенно совпадает с мировоззрением одного человека, который не только хорошо известен из истории марксизма, но в то же самое время был одним из самых выдающихся представителей механического мировоззрения. Этот человек — Е. Дюринг, который в свое время утверждал буквально то же самое, что Бухарин хочет нам представить как диалектику. Разница между Бухариным и Дюрингом единственно в последовательности последнего. Дюринг никогда не утверждал, что антагонизм сил— диалектика, наоборот, он прямо заявил, что «первая и важнейшая теорема о логических основных свойствах бытия относится к исключению противоречия».

«Антагонизм сил противоборствующих друг другу в противоположном направлении есть основная форма всех действий в природе и во всех ее проявлениях».

Во имя этой основной формы всех действий в природе Дюринг отрицает последовательно всяческую возможность противоречий. Противоречие, по Дюрингу—бессмыслица, абсурд:

«Противоречие—это категория, которая возможна только в комбинации мыслей, но не в действительности. В вещах нет никаких противоречий, или, другими словами, принятое за реальность противоречие есть вершина бессмыслицы».

И он продолжает:

«Эта борьба направлений сил, элементов и индивидов даже в отдаленнейшей мере не совпадает с идеей абсурдного противоречия...».

Это миропонимание Дюринг именует «антагонистической мировой схематикой», вместо чего «подсунули» «неуклюже изготовленный идол диалектики противоречий». Чем отличается мировоззрение т. Бухарина от «антагонистической мировой схематики» Дюринга? Ответ Энгельса, которым он оценивал эту «мировую схематику», есть одновременно строгая, но справедливая оценка мировоззрения также и т. Бухарина.

«Если гегелевское «учение о сущности» низведено до плоской мысли о силах, движущихся в противоположном направлении, но не противоречиво, то, разумеется, лучше всего уклониться от какого-либо применения этого общего места» (Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 108—109).

Что касается второго понятия, понятия «системы», то оно играет не только столь же важную роль в механическом мировоззрении, как понятие силы, но и связано с этим последним самым тесным образом. Всякое механическое мировоззрение непременно понимает мир, как систему, которая состоит из частей, элементов, так или иначе связываемых «силами». Так, например, т. Бухарин говорит:

«Любую вещь—будь ли то камень, или живой предмет, или человеческое общество, или что-нибудь другое, мы можем рассматривать, как нечто целое, состоящее из связанных друг с другом частей (элементов); другими словами, мы можем это целое рассматривать как систему» (Теория исторического материализма, стр. 77).

Под «системой» понимается таким образом «целое», состоящее или возникающее из отдельных частей. От частей зависит тот способ, каким осуществляется об'единение в целое:

«Каждая система состоит из составных частей (элементов), соединенных между собой так или иначе. Человеческое общество—из людей, лес—из деревьев и кустов, куча камней—из этих камней, стадо животных—из отдельных животных и т. д.» (Там же, стр. 79).

Что эта точка зрения так же неразрывно связана со всяким механическим миропониманием, как и понятие силы, и что она настолько же далека от диалектики, мы подробно покажем ниже. Но уже тот факт, что т. Бухарин заимствовал эту точку зрения у Богданова, типичного представителя механического миропонимания, доказывает, что она неотделима от механического взгляда на вещи. Вот как описывает сам Бухарин происхождение своей теории в переписке с Лениным:

«Раньше Богданов стоял на точке зрения признания философии. Теперь он философию уничтожает (я говорю не о верности или неверности его взглядов, а о характеристике этих взглядов). Тектология есть, по Богданову, замена философии.

Ход его рассуждений таков:

1. Все можно рассматривать, как системы, т.-е. как элементы в определенном типе связи...».

На это Ленин ответил ему:

«Богданов вас обманул, переменив (verkleidet) и постаравшись передвинуть старый спор. А вы поддаетесь!»

Характерно, как реагирует на это Бухарин:

«Но именно это нужно доказать.

По-моему по существу тут действительно нет философии, и тектология — не что иное, чем эмпириомонизм.

Надуть меня в таких вещах не так-то легко» (Ленинский сборник стр. 385; подчеркнуто в подлиннике. *В. Р.*).

Бухарину еще нужно доказательство, что такой писатель, как Богданов, занимавшийся философией всю свою жизнь и пришедший, наконец, к идеалистически-реакционным философским взглядам, продолжает отстаивать свою философию. Можно ли заниматься наукой и особенно наукой об обществе, не полагая в основу своих исследований — сознательно или бессознательно — какую-нибудь философию? И можно ли допустить, что Богданов не кладет сознательно определенную философию в основу своих общественных теорий или что он отказался от своей старой философии, против которой вели борьбу Ленин и Плеханов? Бухарин попался на удочку и воображает, что в тектологии Богданова нет по существу никакой философии. Верно как раз обратное: хотя Богданов и уверяет, что всякая философия им уничтожена, по существу философия у него есть и притом вполне определенная — эмпириомонизм, махизм. И, несмотря на заверение Бухарина, что «в таких вещах» его не так-то легко надуть, он все-таки попался и не заметил, что «старый спор только «передвинут».

Тут, разумеется, не то важно, что Бухарин взял у Богданова взгляд, по которому все в мире, начиная от камня и кончая человеческим обществом, состоит из частей или элементов, связанных между собой «так или иначе». Суть вопроса выяснится из дальнейшего изложения, при чем мы увидим, что разбираемый взгляд, каким бы невинным он ни казался, совершенно противоречит как диалектическому мировозрению вообще, так и марксистскому учению об обществе в частности: именно в этом взгляде коренится одна из причин, почему т. Бухарин не может найти в своей теории общества правильную классовую точку зрения и почему он не в состоянии дать безупречную теорию классов.

I. Антагонизм сил и борьба противоречий.

Начнем с рассмотрения понятия «силы». Мы начинаем с этого понятия потому, что оно играет, как мы уже видели, фундаментальную роль в мировоззрении т. Бухарина, и далее потому, что наше второе понятие, понятие

системы, связано с ним теснейшим образом. Мы покажем, что понятие силы неотделимо от старой механики, что в ней оно необходимо, но что оно стоит и падает вместе с нею. А далее мы покажем, что в диалектике и в современном естествознании оно не играет роли или играет лишь второстепенную: оно выражает скорее наше незнание какого-либо процесса, чем наше знание о нем.

Это констатировал уже Энгельс, который задолго до нынешнего переворота в естествознании предостерегал от употребления этого понятия.

«Мы ищем прибежища в слове «сила»... потому, что мы еще не выяснили себе «довольно запутанных условий» этих явлений. Таким образом, прибегая к понятию силы, мы выражаем не наше знание, а наше отсутствие знания природы закона и способа его действия. В этом смысле, в виде краткого обозначения еще не познанной причинной связи, в виде уловки языка оно может перейти в обычное употребление. Что сверх того, то от лукавого» (Энгельс, Основные формы движения, «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. II, стр. 247).

Однако в механике понятие силы играет совсем иную роль, чем та, которой Энгельс захочет здесь ограничить его значение. В механике «сила» является как раз средством об'яснения причинных связей в мире, механика придает этому понятию серьезное научное значение, она считает об'ясненной и раскрытой действительную причинную связь, когда исследуемые ею явления, т.-е. механические движения, сведены к какой-либо силе, как к причине движения, когда они об'яснены с помощью какой-либо силы.

Вот как характеризует, напр., механическое мировоззрение Эйнштейн:

«Пока физика шла по пути, указанному ей Ньютоном, господствовало следующее представление о физической реальности: материя реальна и подвержена только таким изменениям, которые можно мыслить как перемещение в пространстве. Движение, пространство и время суть реальные формы. Всякая попытка отрицать реальность пространства опровергается явлениями инерции.

«В системе Ньютона имеется еще третий, лежащий в основе реальности, самостоятельный фактор: силы, взаимодействующие между материальными частицами и зависящие исключительно от взаимного положения этих частиц. Эти силы считались всецело связанными с частицами и распределенными в пространстве по неизменному закону. Физика XIX века принимала, что существует два вида материи: тяжелая материя и электричество; частицы тяжелой материи действуют друг на друга с силой тяжести, по закону Ньютона, а частицы электричества — с силами кулона, в обоих случаях обратно пропорционально квадрату расстояния. При этом не было никакого определенного представления о природе сил, действующих между частицами той или другой материи.

«Абсолютному пространству не приписывали никаких свойств. Оно рассматривалось так сказать как арена, на которой разыгрываются действия материальных частиц. Согласно этому Ньютон об'яснил распространение света в пустом пространстве с помощью гипотезы, что свет тоже состоит из материальных частиц, вступающих во взаимодействие с тяжелыми частицами.

«Таким образом Ньютон принял еще третий вид материальных частиц, хотя и резко отличающихся от других видов».

Из этой характеристики механического мировоззрения выделим прежде всего те места, которые выясняют роль понятия силы в механике. По Эйнштейну эта роль заключается в следующем: сила есть лежащий в основе физической реальности самостоятельный фактор; она действует между

материальными частицами мира и зависит исключительно от взаимного положения этих частиц; силы связаны с материальными частицами и распределены в пространстве по неизменному закону. При этом «не было никакого определенного представления о природе сил», действующих между частицами материи.

Совершенно так же характеризует роль силы физик Планк в своем «Введении в общую механику» — книге, появившейся в 1921 г. и, следовательно, выражающей последнюю точку зрения этой науки:

«В природе мы имеем дело не с материальными точками, а с материальными телами конечных протяжений. Но мы можем каждое тело рассматривать как комплекс очень многих материальных точек, и разнообразие в механических свойствах тел свести к тому, что их отдельные точки действуют друг на друга с различными силами. В таком случае вопрос о законах движения материальных тел сводится к механике системы материальных точек.

С этой точки зрения в природе не существует вообще никаких других механических сил, кроме сил между материальными точками. Каждая материальная точка движется сообразно результирующей тех сил, с которыми на нее действуют все остальные точки вселенной. Если когда-нибудь будет речь о силе, которую производит тело в целом или которой оно подвержено, то это не следует понимать дословно, но только как сокращенный оборот речи. В действительности только отдельные точки тела могут быть, с одной стороны, началом сил, с другой стороны—точками приложения сил.

Каждая точка действует от одной определенной материальной точки А на другую определенную точку В.

Поэтому все силы природы возможно координировать друг с другом попарно, поскольку каждой отдельной силе, исходящей от точки А, соответствует другая сила, производимая второй точкой В на первую точку А; каждые две такие соответствующие силы, по принципу равенства действия и противодействия, равны по величине и противоположны по направлению» (Русский перевод под ред. проф. Кастерина, 1927 г., стр. 119; подчеркнуто мною. *В. Р.*).

Здесь мы находим некоторые дальнейшие черты, характеризующие понятие силы в механике. Каждое тело есть лишь система точек и связывается воедино силами, которые действуют между образующими его точками. Эти силы можно координировать попарно, и каждые две силы между двумя точками равны по величине и противоположны по направлению. Этим и об'ясняется возможность образования «систем точек», т.-е. тел, ибо равные по величине и противоположные по направлению силы уравновешивают друг друга и тело.

Поэтому сила есть, во-первых, причина движения:

«...Мы называем вообще при всяком движении причину движения силой и полагаем величину ее пропорциональной производимому ею ускорению» (Там же, стр. 11).

Во-вторых же, отсюда следует, что задача механики — разыскивать силы, которые сообщают некоторому телу, находящемуся в равновесии, некоторое движение (ускорение):

«Пусть дано покоящееся твердое тело произвольных размеров, на которое в определенных заданных точках, в «точках приложения» действуют силы определенной величины и направления. Спрашивается, при каком условии эти силы уравновешиваются, или если это условие не выполняется, то

какую или какие силы нужно еще приложить, чтобы достигнуть равновесия» (Там же, стр. 120).

Так описывает задачу механики Планк. Так мы получаем вполне законченную картину мира, которая в своих важнейших для нашей настоящей цели моментах представляется в следующем виде:

Существует абсолютное пространство и абсолютное время. В пространстве содержится бесконечное количество материальных точек, абсолютно отделенных друг от друга этим абсолютным пространством. Но и само пространство связано с ними только в том смысле, что оно содержит их в себе; оно является лишь «ареной», на которой разыгрываются их действия, никакого другого участия оно в мировом процессе не принимает. Оно неподвижно пребывает в абсолютном покое, в бездействии., Каждая точка подвергается воздействию со стороны всех остальных точек мирового пространства. Причиной движения является сила, которая пропорциональна производимому ею ускорению. Материальные точки приводятся в связь исключительно «силами», которые действуют между ними, прн чем разделяющее их абсолютно пустое пространство не перестает их разделять (дальнодействие, каждая сила действует через пустое пространство непосредственно вдаль).

Разделяющий точки промежуток может сделаться очень малым, но никогда не может исчезнуть совершенно. Каждые две силы между каждыми двумя точками равны друг другу по величине, но противоположны по направлению: в этом заключается принцип равенства действия и противодействия, и этот антагонизм, т.-е. противоположная направленность сил, есть единственное «противоречие», действующее в мире. Материальное тело есть лишь система материальных точек, т.-е. оно составлено из конечного числа материальных точек, силы которых уравновешивают друг друга.

Перед нами картина мира, диаметрально противоположная как мировоззрению диалектики, так и—хотя и рождающемуся—мировоззрению современного естествознания. И диалектика, и современное естествознание исходят из единства мира и не раздробляют мир на изолированные друг от друга кусочки.

Что касается современного естествознания, то после последних еще далеко ие завершившихся переворотов оно не может пока дать хотя бы сколько-нибудь законченной картины мира. Но одна черта проступает уже сейчас со всею желательной четкостью и ясностью, и эта черта заключается как раз в том, что исходный пункт новейшей физической картины мира противоположен механическому воззрению. В механике последними основными реальностями являются, как мы видели, абсолютное пространство и материальные точки. Непрерывное, бесформенное, пассивное, бездеятельное пространство и движущиеся в нем материальные точки безнадежно изолированы друг от друга, ио такова же и взаимная судьба материальных частиц, ибо они тоже принципиально оторваны друг от друга, изолированы абсолютным простраиством. Имеино поэтому механика и нуждается в понятии силы, чтобы как-нибудь преодолеть эту изолированность и притти хоть к какому-нибудь единству мира. Все эти представления классической механики были одно за другим вытеснены новейшей физикой и сданы в архив. Почему и как это произошло, об этом Эйнштейн говорит (непосредственно после вышеприведенной цитаты) следующее:

«Поэтому нас нисколько не удивляет, что ньютоновская система должна была пасть именно под ударами новой теории света. Этой иовой теорией была волновая теория света... Сначала физики не заметили, какая брешь пробита этой теорией в прочном здании прежней научной системы. В действительности эта теория опровергла прежний взгляд,

что всякую реальность можно представлять себе как движение частиц в пространстве. Выяснилось, что световые волны суть не что иное, как состояние колебания пустого пространства, и пространство оказалось таким образом уже не простой только ареной физических явлений.

Гипотеза мирового эфира замаскировала эту брешь и не дала возможности заметить ее. Согласно этой гипотезе существует третий вид материи, эфир, который пронизывает все существующее и наполняет собою все пространство. Не было замечено, что эта гипотеза вынуждает нас отказаться от самого пространства. Раз эфир представляет собою такого рода материю, которую ни откуда нельзя удалить, он до известной степени отождествляется с пространством. Свет становится таким образом динамическим процессом, которому по сути дела подчинено само пространство. Так родилась, в качестве незаконного ребенка ньютоновской физики, теория поля».

Теория поля — «незаконный ребенок» ньютоновской физики, потому что она является ее полной противоположностью. «Поле» — это прежнее абсолютное пространство Ньютона. Но в противоположность последнему, бывшему лишь «ареной», на которой разыгрывались действия материальных частиц, без всякого участия с его стороны, «поле» есть «динамический процесс, которому по сути дела подчинено само пространство». Стало быть, если для механического миропонимания сила есть взаимоотношение двух тел, действующих друг на друга, как бы подающих друг другу руки через абсолютное пространство, т.-е. через зияющую бездну, то теория поля устраняет в корне эту абсолютную изолированность, взаимную отчужденность материальных частиц и тел, восстанавливая внутреннюю связь и единство мира. Между «материальными частицами» всюду имеется «поле», и тела действуют друг на друга, согласно теории поля, не на расстоянии, а таким образом, что каждое тело или каждая материальная частица передает свое действие окружающему пространству, полю (эфиру), с которым она неразрывно связана, а это поле проводит затем воспринятое действие до ближайшей частицы. Тем самым ликвидированы понятия абсолютно пустого пространства, изолированных от него и друг от друга материальных частиц, действующих на расстоянии сил и т. д.,—словом, все основные понятия ньютоновской механики.

Это мировоззрение отличается от ньютоновского тем, что последнее дает раздробленную картину мира, современное же естествознание строится, наоборот, на единстве мировых явлений, постигает мир как изначальное единство. Так, Г. Вейль говорит:

«Эту картину мира едва ли можно еще называть динамической, ибо в ней поле не порождается каким-то противостоящим полю агентом и не действует на таковой, а находится, следуя исключительно своей собственной закономерности, в состоянии тихого, непрерывного течения. Оно всецело покоится в непрерывности; даже атомные ядра и электроны не суть последние, неизменные элементы, передвигаемые извне силами природы, а сами непрерывно распростерты и подвержены тончайшим текучим изменениям».

И он прибавляет:

«Здесь не существует пустого пространства; предположение, что поле испускает пространственную область, нелепо» (H. Weyl, Philosophie der Naturwissenschaft, стр. 130, 131; подчеркнуто мною. *В. Р.*) [1]).

---

[1]) Вряд ли нужно заметить, что цитату Вейля мы привели единственно для выяснения понятия поля и что мы, в остальном, не согласны с взглядами этого писателя о прерывности и непрерывности.

Не существует пустого пространства, потому что «поле» и есть сам деятельный, активный, находящийся в состоянии динамического процесса, неустанно движущийся эфир, с которым материальные тела связаны неразрывным единством и взаимодействием. «Пустое» и «плотное», эта со времен Демокрита неподвижная физическая антитеза, разрешается «в дополнительные черты совершенно общего и единого познания природы» (А. Гааз, Волны материи и квантовая механика, стр. 178), она релятивизируется, т.-е. рассматривается как диалектические понятия. Пустое лишь относительно пусто, т.-е. обладает лишь иными свойствами, чем плотное, чем те электроны и протоны, та тяжелая материя вообще, которая представляет собою лишь особые образования в эфире, а не «элементы, передвигаемые извне силами природы».

Это единство эфира и материальных частиц, закономерностей эфира и закономерностей материальных частиц, другими словами — единство мира, есть как результат, так и вновь обретенный отправной пункт почти всего современного естествознания. Так, напр., Эйнштейн говорит в уже цитированном выше месте:

«В начале нашего столетия физики стали уже сознавать несостоятельность дуалистической теории, принимавшей два вида основной физической реальности: с одной стороны, поле, а с другой — материальные частицы. Вполне естественно, что делались попытки представлять себе материальные частицы как образования в поле, т.-е. как места, в которых поле чрезвычайно уплотнено. Такое выделение частиц на основе теории поля было бы величайшим завоеванием науки, но, несмотря на все усилия, эта цель не была достигнута. Приходится даже признать, что сейчас этот дуализм резче выражен, чем десять лет тому назад...».

Последнее замечание Эйнштейна справедливо теперь уже далеко не в полной мере. Современная физика неутомимо работает над восстановлением единства мира, который был раздроблен Ньютоном и классической механикой. Таково единодушное убеждение всех знатоков дела. Вот что говорит, напр., Иордан:

Проблема взаимоотношения электронов и эфира «уже получила другой вид, чем во времена теории Лоренца, когда электроны плавали до некоторой степени в эфире, как чужеродные тела» [1].

Или послушаем Макса Борна:

«Особенность квантовой механики состоит именно в том, что она не делает определенного выбора между двумя равноправными способами представления (корпускулы — волны), но после кажущейся победы одного снова восстанавливает в его правах другой и об'единяет оба в высшем синтезе» (Ueber den Sinn der physikalischen Theorien, «Die Naturwissenschaften», H. 6, 1929; цитируется там же).

Но это уничтожение старой антитезы частиц и волн и есть не что иное, как уничтожение антитезы материи и эфира, как это совершенно ясно высказывает А. Гааз:

«Для новейшей физики типично уничтожение «противоречия» между частицами и волнами,—следовательно, между материей и светом» (Волны материи и т. д., стр. 123).

Или еще выразительнее в другом месте:

«Противоположность материи и света (в широком смысле слова) [2]) новейшим развитием атомной теории очень смягчена. Существенные отличительные свойства материи, прежде всего прерывность и наличие ко-

[1]) Jordan, Charakter der Quantenphisik, «Die Narwissenschaften», B. 41, 1928; цитируется у Гессена.

[2]) Т.-е. светом, электричеством, магнетизмом и т. д — короче эфиром, движениями которого являются все эти явления.

личества движения, присущи свету; и, наоборот, волновые свойства света имеют место и у материи. Корпускулярные и волновые представления в современной физике не являются больше основой рассмотрения совершенно различных отраслей физической науки; наоборот, они представляют дополнительные черты совершенно общего и единого познания природы» (Там же, стр. 178).

Естествоиспытатели инстиктивно всегда признавали это единство мира. Так напр. Максвелль в своем небольшом сочинении «Материя и движение» пишет:

«Чем яснее становятся наши понятия о пространстве и времени, тем отчетливее мы убеждаемся, что все, к чему относятся наши динамические теории, связано в одну единственную систему».

Если ко всему сказанному прибавить еще те черты, которые дает теория относительности, то получится — в противоположность охарактеризованному выше мировоззрению механики—следующая картина мира:

Не существует абсолютного пространства, как равно и абсолютного времени. Пространство и время теснейшим образом связаны друг с другом и находятся в теснейшей зависимости от материи и ее движения. Пространство и время сообразуются в своем строении с движением материи, и поэтому существует только относительное пространство и относительное время, ибо всякое конкретное движение есть относительное движение, хотя само движение, как изначальное свойство материи, представляет собою абсолютное свойство последней. Пространство—не пассивная только, лишенная всяких свойств арена мировых событий, а форма существования материи, изменяющей свою форму существенным способом своей деятельности, способом своего существования, т.-е. движением. То же самое относится и к времени. Физические явления не сводятся к простой перемене мест материальных частиц, тел и т. д.—нет, материальные частицы, тела и т. д. находятся в неразрывном единстве с эфиром. Поэтому не существует каких-то «сил», которые впервые связывали бы изолированные частицы и тела и причиняли бы их движения: эфир, тяжелая материя (от атома до небесных тел) составляют одно непрерывно связанное целое, которое не составляется из частей, как это принимает механика, а, наоборот, распадается на различные формы материи с их различными формами движения, не теряя, однако, при этом внутренней связи. Категория силы снимается в движении, которое есть причина самого себя и не нуждается для своего причинения в каких-то посторонних «силах».

Материя, движение, время, пространство не распадаются таким образом врозь в современном естествознании, а образуют целостность, единство — единство содержания и формы. Но именно таково и было всегда мировоззрение диалектики. Так, уже Гегель говорит:

«Его (движения) сущность в том, что оно есть непосредственное единство пространства и времени, для движения требуется пространство и время...». «Пространство и время наполнены материей... Как нет движения без материи, так нет и материи без движения» (Гегель, Философия природы; цитировано у Энгельса, «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. II, стр. 20).

Пространство и время суть формы существования материи, как движение есть способ ее существования, столь же неразрушимый, как она сама, и неотделимый от нее. Для диалектики и для современного естествознания природа — повторяем еще раз — есть целостность, она не составлена из материальных точек, оторванных друг от друга и в сущности никогда не смыкающихся в истинное, подлинное, внутреннее единство, могущих самое большее лишь внешне приблизиться друг к другу, благодаря равновесию сил, в каковом случае они могут обра-

зовать «систему материальных точек», т.-е. тело. Наоборот: из изначально единого мирового процесса выделяются особенные, временные процессы, ни на мгновение не теряя, однако, связи с целым, с универсальным мировым процессом. Каждое отдельное явление (а в известном смысле все, познаваемое нами, есть такое явление, ибо бесконечную и бесконечно сложную совокупность мирового бывания мы можем постигнуть только посредством изолирования отдельных моментов) есть лишь выделившееся в данное мгновение и в данном месте или выделенное нашей рефлексией отдельное явление взаимосвязанного движения вселенной. В действительности вся природа связана в изначальное, неразрывное единство, она есть единое целое. Что касается в частности «воспринимаемой материи» и тел, «материальных точек» механики, то это не последние кирпичи мироздания, которые должны быть извне скреплены цементом «силы», чтобы мир не рассыпался на отдельные куски, а это — узловые точки «невоспринимаемой» материи, образующей непрерывный, сплошной, связный континуум, в котором дискретная материя (электроны, протоны, атомы и т. д.) и тела впервые порождаются внутренним, диалектическим противоречием, самодвижением материи и разделением единого.

Еще задолго до новейших переворотов в физике именно такова была точка зрения диалектического материализма. Вот, что говорит, напр., Энгельс, гениальность которого ярко сияет и в вопросах атомной теории, и который защищал эту точку зрения в такое время, когда механическое мировоззрение господствовало почти безраздельно.

«Новая атомистика отличается от всех прежних тем, что она не утверждает, будто материя просто дискретна, но дискретные части являются различными ступенями (эфирные атомы, химические атомы, массы, небесные тела), различными узловыми точками, которые обусловливают различные качественные формы бытия у всеобщей материи по нисходящей линии вплоть до потери тяжести и до отталкивания» (Энгельс, Заметки, «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» кн. II, стр. 205; подчеркнуто мною. *В. Р.*).

Итак, для диалектики не существует «сил», которые связывали бы чисто-внешне-пространственным образом разрозненные и принципиально раз'единенные, более того — изолированные части мира, никогда не осуществляя подлинного, внутреннего единства; мир един в своем глубочайшем существе, и только самодвижение материи, ее развертывание в качественно различные формы бытия и движения, вносит в него раздвоение, не уничтожая в то же время его внутреннего единства. А единство мира заключается в его материальности. Движение этой материи сплачивает материю, ее различные формы, пространство и время, в нерасторжимое диалектическое единство содержания и формы (относительность движения, пространства и времени); это движение и отщепляет единичные процессы от всеобщего мирового процесса, и устремляет материю в ее развитии навстречу все более высоким формам.

Классическая механика не знает этого внутреннего единства мира и не может его знать. Она не знает самодвижения материи, раздвоение единого, развития мира и ничего не может знать об этом. Механика не знает внутреннего противоречия — и не может знать его.

Для механики мир впервые составляется из материальных точек. Эти точки не процессы, а атомы в старом смысле слова: застывшие, изолированные точки, лишенные всяких свойств, кроме обладания силой. Только силы различных точек могут быть различны по направлению, противоположны друг другу. Так, уже цитированный выше Планк говорит:

«Конечно, надо отличать материальную точку от геометрической. Последняя вполне характеризуется местом своего нахождения, тогда как первая еще кроме того — свойством ее материи: материальные точки надо вообще считать различными не только количественно, но и качественно» (В указ. соч., стр. 2).

Но от этого качественного различия механика должна отвлечься. Каждая материальная точка рассматривается только количественно, и, что для нас в данном случае еще важнее, каждая точка должна быть свободна от противоречий. В самом деле, каждая точка обладает только одной единственной силой. Если бы в ней присутствовало несколько сил, то она не могла бы быть одной точкой, механика тотчас же разделила бы ее на несколько точек, предположила бы наличие нескольких точек, рассекла бы одну точку на несколько пространственно отдельных точек.

Так обстояло дело с атомом. Пока атом мыслился как последнее единство, для старой механики все было в порядке. Но с тех пор как открыли, что атом есть сплошная система, сложный процесс запутанных движений, механика и механически мыслящие естествоиспытатели стали разыскивать «последние единицы» этой системы, т.-е. те материальные точки (электроны. субэлектроны и т. д.), «силы» которых удерживают систему в «равновесии». Однако, к несчастью для них, атом посрамляет все их усилия об'яснить эти движения механически. Электрон не дает понять себя исключительно как «материальную точку», как «дискретное тельце», и не подчиняется законам старой механики. Он находится в диалектически противоречивом единстве с эфиром, и его поведение может быть об'яснено только с помощью теорий, учитывающих это внутреннее единство и рассматривающих электрон, как узловую точку эфира — узловую точку, которая диалектически об'единяет в себе свойства тела со свойствами волны. Старая механика терпит здесь крушение и заставляет естествоиспытателя признать, что «совершенно излишне и неправильно представлять себе всякий колебательный физический процесс, заключающийся в периодическом изменении какой-либо величины, как механическое колебание» (А. Газз, в указ. соч., стр. 26).

Но если каждая материальная точка может обладать только одной единственной силой, откуда возьмется в ней противоречие? Материальная точка свободна от противоречий, и возникнуть может только антагонизм сил между точками. Противоречие сводится таким образом к антагонизму, т.-е. сила может натолкнуться на противоположную силу только вовне, в другой материальной точке. Для механики не существует внутреннего противоречия, а есть только противоположность сил, при чем противоположно направленные силы не могут проникнуть друг в друга, ибо они находятся в двух абсолютно разделенных материальных точках. Антагонизм сил остается чисто-внешним, он никогда не бывает внутренним. И у т. Бухарина, именно благодаря его механическому миропониманию, противоречие тоже сводится к антагонизму — к антагонизму сил, к внешней противоположной направленности сил между двумя чуждыми друг другу, и навеки чуждыми, «системами», например между природой и обществом; которые никогда не могут проникнуть друг в друга, не могут вступить в синтез.

Поэтому старой механике и пришлось принять дальнодействие сил, остающееся дальнодействием и тогда, когда взаимодействуют не небесные тела, а материальные точки. Последние абсолютно отделены друг от друга абсолютным пространством, они никогда не могут слиться в действительное единство или действительно коснуться друг друга. Солнце и земля, а равно и мельчайшие точки материального мира, навеки отчуждены друг от друга и взаимодействуют только издали, т.-е. извне. Это непонятное

представление о дальнодействующих силах не становится понятнее, если вместо солнца и земли, удаленных друга от друга на миллионы километров, разделенных бездеятельным мировым пространством, берутся две материальные точки, находящиеся гораздо «ближе» друг к другу. «Близко» и «далеко» — весьма относительные понятия. Расстояние между землей и солнцем представляет собой небольшой прыжок по сравнению с расстоянием некоторых звезд, удаленных от нас на сотни тысяч световых годов (свет пробегает в секунду около 300.000 *км*); а, с другой стороны, электроны не ближе к ядру атома (разумеется, соответственно атомным размерам), чем земля к солнцу. Дальнодействие есть непонятный, но неизбежный результат раздробления мира, — антиматериалистический, антидиалектический вывод из антидиалектического, механического мировоззрения. Но оно уже давно отжило свой век и должно исчезнуть вместе с понятием силы, с которым оно теснейшим образом связано. Поэтому Планк и говорит о действии на расстоянии:

«Как потребовалась упорная работа многих столетий, чтобы сделать вполне привычным представление о непосредственном дальнодействии, так окажется возможным и избавиться от этой привычки, если только будет действительно установлено, что это представление отжило свой век» (Planck, Das Prinzip der Erhaltung der Energie, стр. 274).

Но даже и сила, действующая в одной точке, остается чисто-внешней для этой точки. Она есть единственное свойство материальной точки, которое механика вынуждена признать. Механика должна признать это свойство, чтобы об'яснить покой и движение, или вернее ускорение тела. Ибо не движение является для механики «имманентным» способом существования материи, а покой. Движение возникает из последнего только вследствие воздействия «силы»; материальная точка, в которой не присутствовала бы сила, или тело, которое не подвергалось бы воздействию силы, находились бы в состоянии покоя или равновесия; ибо сила есть причина движения. Таково всегда было воззрение механики, начиная с Ньютона.

Ньютон отлично чувствовал, что этот взгляд превращает движение в нечто чисто-случайное, необ'яснимое. Он упорно отклонял от себя вопрос, почему тяготение есть универсальный мировой закон, и всегда подчеркивал, что тяжесть есть хоть и всеобщее, но не существенное свойство материи (см. Philosophiae naturalis и т. д., III, стр. 4).

Именно потому, что движение и его причина, сила, есть вполне случайное, для механики необ'яснимое свойство, Ньютон не мог принять положения о сохранении энергии. Теорема о сохранении живой силы (в этой форме закон сохранения энергии был издавна известен в механике) оспаривается Ньютоном на том основании, что все тела состоят из «абсолютно твердых» атомов, а при каждом столкновении таких атомов часть механической энергии должна теряться; общее количество силы таким образом постоянно убывает, так что мир нуждается время от времени для своего сохранения в новом импульсе со стороны бога (Newton, Optica, стр. 322 сл.). Итак, сила есть постороннее для материи свойство, она есть причина движения.

Гегель категорически опровергнул об'яснения явлений при помощи понятия «силы». Напр., в «Энциклопедии» он говорит:

«Часто говорят, что природа самой силы неизвестна, и мы познаем лишь ее обнаружение. Но, с одной стороны, определение содержания силы целиком совпадает с содержанием обнаружения, и об'яснения какого-нибудь явления некоей силой есть поэтому пустая тавтология. То, что согласно этому утверждению остается неизвестным, есть, следовательно, на самом деле не что иное, как та пустая

форма рефлексии внутрь себя, которою одною лишь сила отличается от обнаружения, — форма, которая сама также есть нечто довольно хорошо известное. Эта форма ничего не прибавляет к содержанию и к закону, которые познаются единственно только из явлений. Нас, кроме того, всегда уверяют, что, говоря о законе обнаружения силы, мы ничего не утверждаем относительно природы силы. Непонятно в таком случае, зачем форма силы введена в науку» (Гегель, Энциклопедия, стр. 229).

Ни Гегель, ни Энгельс не признали, что с понятием «силы» можно об'яснить явления, меньше всего признали они силу причиной движения. Наоборот, т. Бухарин точностью копирует механику. Механика говорит: сила есть причина движения. Бухарин утверждает: «Антагонизмы различных сил обусловливают движение».

Полнейшее совпадение с механикой. И это сказано в определении диалектики!

Но это совпадение с механикой есть вместе с тем несовпадение с диалектикой. Ибо тем-то, далее, и отличается механика как от диалектики, так и от современного естествознания, что если в механике движение должно быть чем-нибудь причинено, а покой есть изначальный способ существования мира (абсолютно покоящееся пространство, абсолютно покоящийся эфир; если опыт не дает этого абсолютного покоя, то постулируется абсолютно покоящееся тело в каком-нибудь неизвестном нам месте мирового пространства,—напр., гипотеза Карла Неймана),—то в диалектике и в современном естествознании движения есть, наоборот, изначальное, имманентное свойство материи, причиняющее все, в том числе и (относительный) покой, но само ничем не причиняемое. Материя столь же не мыслима без движения, как движение без материи. Материя и движение составляют внутреннее, нерасторжимое единство, как вещь и свойства вещи, или как содержание и форма, или как существующее и способ существования. Движение не привносится к материи, оно не нуждается в об'яснении (и не может быть об'яснено),—оно есть способ существования материи.

Так, Энгельс говорит:

«Взаимодействие — вот первое, что мы наблюдаем, когда начинаем рассматривать движущуюся материю в целом с точки зрения современного естествознания. Мы наблюдаем ряд форм движения: механическое движение, свет, теплоту, электричество, магнетизм, химическое сложение и разложение, изменения агрегатных состояний, органическую жизнь, которые все — если исключить пока органическую жизнь — переходят друг в друга, обуславливают взаимно друг друга, являются здесь причиной, там действием, при чем совокупная сумма движения при всех изменениях формы остается одной и той же (спинозовское: субстанция есть causa sui, выражает прекрасно взаимодействие). Механическое движение превращается в теплоту, электричество, магнетизм, свет и т. д. и обратно. Так в естествознании подтверждается то, что говорит Гегель (где?), что взаимодействие является истинной causa finalis вещей... Только исходя из этого универсального взаимодействия, мы приходим к реальному каузальному отношению. Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированным образом, а в таком случае изменяющиеся движения являются перед нами — одно, как причина, другое, как действие» (Энгельс, Диалектика и естествознание, «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» кн. II, стр. 27).

Современное естествознание, подтвердившее одно за другим и все остальные положения диалектики, подтверждает также диалектический тезис о движении, как об абсолютном, имманентном способе существования материи. Из множества новейших открытий упомянем только о двух.

Прежде, в период господства старой механики, считали, что при абсолютном нуле температуры прекращается всякое движение, всякий запас энергии, т.-е. допускали возможность абсолютного покоя. Но вот немецкий физик Нернст открыл, что внутри атома и на абсолютной нулевой точке продолжаются различные движения, и что поэтому и при 0° абсолютной шкалы световой эфир заключает в себе огромные запасы колебательной энергии. Нернст назвал эту энергию нулевой энергией (см. В. Нернст, Мироздание в свете современной науки, стр. 44 и 76). С тех пор это открытие было подтверждено рядом других фактов. Так, итальянский физик Ферми нашел, что существует не только энергия абсолютного нуля, как это показал Нернст, но и давление абсолютного нуля, т.-е. оказывается, что материя не перестает действовать и при 0° абсолютной шкалы (А. Гааз, цит. соч., стр. 136 и 138).

С другой стороны, английский физик Артур Комптон сделал в 1923 г., пожалуй, еще более важное открытие, показав, что при столкновении световых квантов с электронами соблюдаются не только закон сохранения энергии, но и закон сохранения количества движения (Там же, стр. 18). Кстати сказать, этот так называемый «эффект Комптона» доказывает не только неразрушимость движения, как неот'емлемого способа существования материи, но и кладет конец новейшим попыткам физиков аннулировать принцип причинности, ибо оказывается, что законы сохранения энергии и количества движения выполняются даже при столкновении одного электрона с одним световым квантом (там же, стр. 179, подстрочное примечание), т.-е. мы имеем дело с индивидуальным событием, с точностью наблюдаемым, и не массовыми событиями, подлежащими лишь статистическим вычислениям.

Стало быть, не «сила» есть причина движения, а само движение представляется изолирующему человеческому познанию, вырывающему явления из их всеобщей связи, то причиной, то действием. Эта мысль об абсолютном характере движения как такового (абсолютность означает здесь и беспричинность), при относительном, обусловленном характере каждого отдельного движения, равно как и его причин и действий, — эта мысль, составляющая общую черту диалектики и современного естествознания, может быть понята только с диалектической, но отнюдь не с механической точки зрения. «Сила» в сущности совершенно чужда материи, в которой она присутствует; откуда она взялась, почему появилась, — это с точки зрения механики необ'яснимо. Сила есть абсолютная причина движения, которая никогда не может сделаться действием. И поэтому всякая механика вынуждена, как мы это видели на примере Ньютона, предположить первый толчок (см. Энгельс, Диалектика и естествознание, «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» кн. II, стр. 25), ибо она считает не движение, а покой имманентным свойством материи, и смотрит на движение, как на нечто, причиняемое силой. Таким образом, сила, как абсолютная и первая причина, приводит к богу, которому время от времени приходится заводить сызнова часовой механизм вселенной. Подобный же «первый толчок» имеется и у т. Бухарина: в качестве такового у него фигурирует природа, все время дающая импульсы для развития общества.

Для диалектики, наоборот, материя и движение составляют неразрывное единство: одно не существует без другого. Поскольку материя существует, она должна действовать, быть активной. А способ ее деятельности и есть движение: заодно причина и действие и в то же время ни то, ни другое, материя, пронизана всеобщим взаимодействием, осуществляется в целостности движений, переплетений, изменений, переходов, раздвоений и синтезов. Эту живую, внутреннюю связь материи и движения, содержания и формы, относительного движения и относительного покоя механика разрывает,

она отторгает друг от друга отдельные моменты единства, превращает их в нечто абсолютное и самостоятельное (напр., действие и противодействие в классической механике понимаются как две раздельные силы, а не диалектически — как противоречивые моменты, как неотделимо связанные и в то же время друг друга исключающие внутренние противоречия материи).

Так материя и движение отчуждаются друг от друга: на одной стороне оказывается материя, как воплощение покоя, на другой—«сила, которая является абсолютной причиной, как движение является абсолютным действием и никогда не может стать причиной. Ясно, что при таком подходе, диалектически сопринадлежные моменты хоть внутренне и противоречивого, но единого процесса отрываются друг от друга и затем наделяются самостоятельным существованием. Одновременно-внутренние, противоречивые моменты единого процесса приобретают внешний характер, от которого они потом уже никогда не могут избавиться в механике. Внутренняя суть, внутреннее противоречие рассекается надвое и тем самым превращается в нечто внешнее — такова точка зрения сил, точка зрения механики.

Современное естествознание все больше сходит с этого пути. Уже закон сохранения и превращения энергии, этот основной закон современной физики, оставшийся незыблемым при всех переворотах последнего времени и даже стоящий теперь более непоколебимо, чем когда-либо, — что такое этот закон, как не описываемое Энгельсом вечное взаимодействие различных форм движения материи? Замените слово «энергия» «движением», и вы получите во всех подробностях тот самый закон, который задолго до открытия сохранения и превращения энергии был провозглашен диалектикой в качестве универсального мирового закона. Поэтому Энгельс и Ленин неутомимо подчеркивают, что категория силы снята в движении, что источником мировой динамики является самодвижение всего сущего.

И уже было предложено заменить в механике представление о силе понятием энергии:

«В настоящее время почти общепринято начинать механику с теоремы о пропорциональности силы и ускорения. Из силы выводится затем работа, энергия и т. д. Этому противостоит другое... воззрение, которое ставит во главу угла механики понятие энергии (работы, живой силы), отводя другим основным понятиям, и в том числе понятию силы, второстепенную роль... Я думаю, что рано или поздно это воззрение восторжествует». (Planck, Das Prinzip der Erhaltung der Energie, стр. 169—170).

С другой стороны мы показали, что в современном естествознании понятие силы не играет почти никакой роли, будучи в сущности только уловкой языка, сокращенным выражением еще не раскрытой причиной связи. Тяготение, а равно и электромагнитный процесс есть не что иное, как движение материи, которая создает своим движением «поле», «гравитационное поле», «электромагнитное поле», т. е. находится в неразрывном взаимодействии с эфиром. Свойства поля определяются этим взаимодействием (пространство-время). Если у Эйнштейна и еще больше у некоторых мистических истолкователей теории относительности (например, у Эддингтона) эта диалектическая мысль о единстве различных форм движения различных видов материи, с одной стороны, и свойственной этому движению формой, с другой, получает не материалистическое, а абстрактно-геометрическое выражение, поскольку не движение материи признается причиной формальных свойств пространства-времени, а наоборот, форма пространственно-временного континуума считается определяющей движение,—то это не изменяет диалектической сущности всей этой теории ни в малейшей мере. Природа заставит в конце концов физиков выражать ее не только диалектически, но и диалектико-материалистически.

Что же касается т. Бухарина, то он, как мы видели, стоит целиком на точке зрения старой механики. И я, думается мне, доказал, что его сведение диалектических противоречий к антагонизмам сил есть нечто большее, чем простая неточность. Оно теснейшим образом связано со всем его механическим мировоззрением, неотделимо от него, как от всякого механического мировоззрения.

Но из этой механической точки зрения вытекают определенные выводы относительно строения действительности вообще и общественной действительности в частности. К этим выводам мы теперь и перейдем.

II. Общество как богдановская „система элементов", т.-е. как механическая система точек.

Открытие, что человеческое тело представляет собою «колонию клеток», шло в разрез с внешней видимостью. Согласно последней, человек есть неделимое единство, «индивидуум». Поэтому названное открытие было неожиданно для «здравого смысла» и явилось великим подвигом научной мысли. Наоборот, нет ничего более «естественного», ничего более согласного с внешней видимостью, как считать общество составленным из индивидуумов. К счастью, эта видимость совпадает с исходным пунктом механики. Поэтому таков же и исходный пункт т. Бухарина.

Выше мы уже цитировали его взгляд на этот предмет, но читатель позволит нам в интересах большей ясности привести еще раз соответствующие места:

«Любую вещь, — утверждает он,—будь ли то камень, или живое существо, или человеческое общество, или что-либо другое,—мы можем рассматривать, как нечто целое, состоящее из связанных друг с другом частей (элементов); другими словами, мы можем рассматривать это целое как систему».

Этими частями или элементами, из которых все состоит, являются, конечно, в человеческом обществе люди:

«Каждая система состоит из составных частиц (элементов), соединенных между собой так или иначе. Человеческое общество—из людей, лес—из деревьев и кустов, куча камней—из этих камней, стадо животных—из отдельных животных и т. д.» (Подчеркнуто мною. *В. Р.*).

Но люди соединены друг с другом в обществе не «так или иначе», а вполне определенным способом: они находятся в производственных отношениях. Что же такое производственное отношение? По Бухарину следующее:

«Мы, рассматривая производственные отношения, сводим их к размещению людей в пространстве. В чем выражается отношение? В том, что каждый человек имеет... свое место точно так же, как винтик в часовом механизме. Именно эта определенность положения в пространстве, «на трудовом поле», и делает из этого «размещения», «распределения», общественно-трудовое отношение. Каждая вещь, понятно, находится в пространстве и движется в нем. Но здесь люди связаны...» (Теория исторического материализма, стр. 160—161; подчеркнуто мною. *В. Р.*).

Итак, «отношение» людей есть «размещение в пространстве», «определенность положения в пространстве», при котором каждое лицо «имеет свое место». Это размещение в пространстве есть общественное отношение. Почему общественное отношение? Когда материальные точки механики образуют тело, каждая точка тоже имеет свое «размещение в пространстве», свое «определенное положение в пространстве», каждая точка занимает свое место. Почему между ними не возникает общественных отношений? Или между деревьями и кустами в лесу, между живот-

ными в стаде? Потому, что здесь «связаны друг с другом люди». «Каждая вещь, понятно, находится в пространстве», но здесь в нем находятся люди,— в этом вся разница между предметными и животными отношениями, с одной стороны, и человеческими, общественными отношениями, с другой. «Составные части» вещей—материальные точки. «Составные части» общества— человеческие точки. Размещение этих точек в пространстве образует в одном случае кучу камней, в другом — живое существо, в третьем — общество. Вот и все.

А впрочем и люди не слишком отличаются от материальных точек. Они лишь «деятельные материальные тела», рабочие — это «рабочие силы in natura». А следовательно, и общество есть «система элементов in natura» (Экономика переходного периода, стр. 44). Общество есть «трудовой аппарат» (Теория исторического материализма, стр. 165), т. е. механизм, подобно машине.

Читатель помнит нашу характеристику механического мировоззрения. Существует пространство и время. В них имеются материальные точки, размещение материальных точек в пространстве и составляет все содержание мирового процесса. Отношение материальных частиц друг к другу, силы, с которыми они притягиваются, зависят исключительно от их положения в пространстве. Мы имеем здесь точную копию этого миропонимания в применении к людям, к человеческому обществу.

Это нивелирование, это отбрасывание всего специфического, качественного и его сведение к количественному, к пространственному размещению, это приравнивание специфически человеческих отношений к отношениям в пространстве было уже жестоко осмеяно Марксом.

«Когда одна вещь удалена от другой, расстояние, несомненно, представляет отношение между одной вещью и другой; но при этом расстояние есть нечто отличное от этого отношения. Это—протяжение, пространство, определенная длина, которая так же хорошо может определять расстояние между двумя другими, как и между теми обеими вещами, которые сравнивались. Но это не все. Когда мы говорим о расстоянии, как об отношении между двумя вещами, мы предполагаем нечто «свойственное», «свойство» самих вещей, что создает для них возможность быть удаленными друг от друга. Что такое расстояние между буквой А и столом? Вопрос бессмысленный. Когда мы говорим о расстоянии между двумя вещами, мы говорим об их различии в пространстве. Мы делаем их одинаковыми между собой, как части пространства, и лишь после того, как мы их сделали одинаковыми, sub specii spatii (с пространственной точки зрения), мы их различаем, как различные точки пространства. В их принадлежности к пространству заключается их единство» (Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 122; подчеркнуто мною. *В. Р.*).

Если отвлечься от всех свойств вещей, если отбросить все остальные отношения между людьми, если приравнять друг другу людей, как «части пространства», тогда, конечно, они будут различаться только своим пространственным положением. Они сведутся к различным точкам пространства, будут принадлежать к пространству, и эта их принадлежность к пространству будет составлять единственное отношение между ними. Но вот что добавляет Маркс в подстрочном примечании к только что приведенному месту:

«Если бы геометрия... удовлетворилась определением: равенство треугольника и четыреугольника означает, что треугольник выражается в четыреугольнике и четыреугольник в треугольнике, — то не далеко бы она пошла».

Она пошла бы недалеко, потому что треугольник и четыреугольник, хотя они и могут быть равны, напр., по величине своей площади, суще-

ственно различны в остальных отношениях, и, отвлекаясь от этих специфических свойств треугольника и четырехугольника, уйдешь недалеко даже в геометрии. А тем более в нашем случае. Можно отбросить все отношения между людьми, можно свести их к размещению в пространстве, — но именно в учении об обществе с этим далеко не уедешь.

Мы уже видели, что т. Бухарин дословно заимствовал этот взгляд у Богданова. Согласно этому взгляду, совпадающему до мельчайших деталей с точкой зрения механики, не только камень, но и живое существо и даже человеческое общество следует рассматривать как «систему элементов», т.-е. как целое, составленное из частей. В этом отношении между всеми этими «вещами» нет различия. Но мы уже показали достаточно подробно, что это исходное воззрение механики несовместимо как с современным естествознанием, так и с диалектикой. Исходный пункт диалектики диаметрально противоположен. Не «составленность» «вещей», а их изначальное единство есть, согласно диалектическому воззрению, подлинная сущность как мира в целом, так и каждого отдельного процесса в мире. Механика исходит из раздробленности мира и вещей, диалектика же из их единства. По Ленину сущность диалектики заключается в следующем:

«Всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом единства мира, природы, движения, материи и т. д.» (Ленинский сборник XII, стр. 186).

Этот всеобщий принцип единства мира, природы, движения, материи, словом — всего сущего вообще, подчеркивается Лениным при каждом удобном случае:

«Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть диалектики» (Соч., т. XIII, стр. 301).

Правда, Ленин тоже говорит здесь о «частях» единого, но, в противовес Бухарину, он рассматривает эти «части» как результат раздвоения единого. И, конечно, спор между механикой и диалектикой, между Бухариным и диалектическими материалистами заключается не в том, имеются ли у вещей «составные части» или нет. Диалектика не оспаривает, что как мир в целом, так и каждая его часть имеет «составные части». Человек состоит из клеточек, клеточка из химических молекул, молекула из атомов, атомы из электронов и протонов и т. д. Общество состоит из классов, классы из людей, люди из клеточек и так далее, в указанной последовательности. И, что бы мы ни взяли, мы всегда найдем одну и ту же картину. Диалектика не отрицает того, что то или другое существо, та или другая вещь может связываться, вступить в разные связи, но, как говорит Ленин, надо соединять, связать, совместить это развитие с всеобщим принципом единства мира, вследствие которого, не исключительно из составных частей возникает система, а единое раздваивается на «части». Самодвижение единого является исходным пунктом диалектики, несмотря на составные части. Другими словами, нельзя потерять из виду диалектику отношений целого и частей, надо понимать, что они не являются непримиримо застывшими, друг друга исключающими понятиями, как в формальной логике и в механике.

Но это совершенно упускается из виду механической точкой зрения. Она совершенно упускает из виду то обстоятельство, что те самые «вещи», которые состоят из «составных частей», являются в свою очередь единствами, и притом единствами разного качества, и это их единство, это качественное различие имеет решающее значение, а не та общая черта, что все они состоят из «составных частей» или куда-нибудь входят таковыми. Электроны и протоны образуют атом, но атом есть единство. Как единство, он есть нечто качественно иное, чем составляющие его электроны и протоны: он есть химический элемент—водород, ге-

лий, кислород и т. д. Как химический элемент, он ведет себя согласно специфическим законам. Как такое единство, как химический элемент, он образует молекулы, но каждая молекула есть опять-таки единство, качественно отличное от своих составных частей, атомов: это, напр., молекула воды или какого-нибудь другого химического вещества. Клетки состоят из химических веществ, а стало быть и из молекул, но как молекулы, так и клетки являются и составными частями, и единствами, и притом всегда единствами высшего порядка, подчиненными высшей закономерности; каждое такое единство есть вместе с тем диалектическая узловая точка, качественно отличная от своих «составных частей»,—узловая точка, в которой старая закономерность переходит в новую. Это новое качество или новая закономерность не есть ни сумма, ни продолжение, ни комбинация или модификация старого качества или старой закономерности составных частей, а совершенно новое качество (или закономерность), которого нельзя понять, исходя из составных частей или их закономерностей. Движения атомных ядер и электронов не дают нам законов движения атомов; атом движется как целое, он подчиняется специфическим законам движения, заключающий в себе законы движения его составных частей, лишь как подчиненные моменты. Молекула движется по иным законам, чем атомы, хотя эти последние продолжают двигаться внутри молекулы по своим собственным законам. Молекулы движутся, напр., медленнее атомов (средняя скорость молекулы водорода составляет, при 0°С и давлении в 1 атм., 1.800 *м* в секунду, скорость молекулы кислорода—450 *м*, электроны же достигают, в зависимости от способа их происхождения, от 1/10 до 1/3 световой скорости) и производят тепловые эффекты. С другой стороны, именно молекулами определяются многие свойства материи. Так, сотрудники Бора, датские физики Крамерс и Гольст, пишут:

«Если материя действительно состоит из самостоятельно существующих частиц — из атомов и молекул, — то эта особенность должна определять не только химическую активность, но и другие свойства материи. Эти свойства, вообще говоря, различны у различных веществ; другими словами, это «молекулярные свойства», и поэтому позволительно думать, что во многих случаях не атомы, а молекулы должны рассматриваться как основные частицы при об'яснении явлений» (Крамерс и Гольст, Структура атома и теория Бора, стр. 18; подчеркнуто мною. *В. Р.*).

Клетка не подчинена всецело и исключительно химическим законам, а движется и развивается как единство, внутри которого «составные части» хоть и движутся согласно своим собственным закономерностям, но лишь как подчиненные моменты развития клетки, которая принимает пищу и выделяет из себя вещества, размножается и ощущает, приспособляется к окружающей среде и передает это приспособление по наследству,—к чему решительно неспособны ее «составные части». Простое сочетание составных частей не дает ключа к пониманию законов движения клетки, ибо последняя представляет собой особое, совершенно новое единство, и законы ее движения суть специфические законы этого единства, как таковаго. Возьмем, наконец, общество. Оно состоит из людей. Люди, как таковые, подчиняются определенным законам природы. Но общество есть единство с совсем особыми законами движения, которые опять-таки не являются ни суммой, ни продолжением, ни комбинацией или модификацией старых «сочетаний», а чем-то совершенно новым, новой закономерностью, основу которой составляет новое, диалектическое единство, возникающее в узловых точках.

Общество состоит, без сомнения, из людей. На этой истине и останавливается т. Бухарин. Но общество состоит также из классов. В чем же ви-

деть составные части общества: в людях или классах? **Составляется** ли общество из людей или **распадается** на классы? Если оно составляется из людей, и если исходным пунктом являются люди, то значит сначала люди соединяются в классы, а потом уже из классов составляется общество. Так что же считать составными частями общества: людей или классы или то и другое?

Известно, однако, что общество исторически первее классов, что классы представляют собой поздний продукт истории. Как возникли классы? Из соединения людей или из распадения общества, порождены ли они движением отдельных людей или движением, развитием общества, как целого, как единства? Происхождение и сущность классов нельзя, разумеется, понять, если исходить из **кажущихся** элементов, из составных частей; понять их можно только в том случае, если рассматривать общество как единство, породившее свои составные части, классы. Этот процесс окажется таким образом не составлением из частей, а распадением на противоречивые составные части, при чем, однако, эти последние суть отнюдь не люди, а классы, сословия, профессии и т. д. Другими словами, **движение общества впервые порождает составные части, на которые оно распадается, этих составных частей даже не существует до целого, вне целого их просто нет, они являются совершенно новыми частями, равно как и единство, диалектическим движением которого они порождены, есть совершенно новое единство по сравнению с тем старым, которое на первый взгляд кажется их составною частью. В зависимости от вида единства** возникают разные составные части, характер единства определяет собою характер составных частей, самодвижущееся единое порождает **свои собственные** составные части.

Или возьмем развитие видов. Это развитие началось с развитием отдельной клетки. Клетка развивается посредством деления. **Что** при этом делится, и каковы **продукты** делений? Делится клетка как единство, как клетка, при чем ее кажущиеся составные части, составные элементы, химические вещества, молекулы и атомы и т. д. остаются в этом процессе деления лишь подчиненными моментами самодвижения клетки. Клетка делится на **клетки же**, т. е. обе «части» остаются клетками, продукт деления определяется характером делящегося, является **живым существом**, — но таким, которое имеет за собой **историю**, которое **развилось**. Новая клетка, продукт движения старой, возникает не просто из сочетания химических веществ и т. д., а является продуктом жизнедеятельности старой клетки, как **единства**. Характер этого нового продукта определяется биологическими законами, приспособлением, наследственностью и т. д.

Но эти биологические законы суть не что иное, как выражение новой формы движения клетки, живой материи, которая в результате деления производит **свои** «составные части». Так клетки **дифференцируются** на разнородные клетки, выполняющие затем различные функции в организме высшего животного, составные части которого тоже являются, конечно, клетками, но клетками **дифференцированными**, возникшими из процесса органической жизни, превратившимися в **органы** в результате самодвижения организма как целого. Клетки **дифференцируются** по законам организма, как целого, организм сам порождает свои **специальные** составные части, из которых он не возникает и не составляется, а на которые он, наоборот, дифференцируется. Куда бы мы ни направили свой взор, повсюду мы найдем это **диалектическое взаимоотношение** между «вещами» и их «составными частями». Все состоит

из составных частей, но эти части суть в такой же мере продукты целого, как и его предпосылка.

Без людей нет общества, но и без общества нет людей. Без клеток нет животного, но и без животного нет дифференцирования клеток на органы и т. д. Есть, однако, существенное различие между «составными частями», являющимися предпосылкой более высокого единства, и составными частями, порождаемыми самим единством, которое делится на них. Первые хотя и являются предпосылками возникновения нового, более высокого единства, но не входят в него «составными частями», а образуют лишь подчиненные моменты в неразрывном, нерасторжимом, вылитом из одного куска единстве, которое, раз возникши, раз перейдя от старой закономерности к новой, является не таким целым, которое состоит из частей, а таким, которое движется как целое, создает себе как целое свои специфические составные части, определяет их своеобразие и характер, противополагает их себе, не переставая в то же время заключать их в себе, как в высшем единстве. И все в мире (кроме мира в целом) развилось именно таким путем раздвоения единого, а не путем составления из первоначально независимых друг от друга частей. Только так может быть понято «самодвижение всего сущего», иначе «раздвоение единого» не имело бы смысла и ни к чему бы не приводило. Возникновение сочетаний при этом ни в коем случае не отрицается: только из своеобразных сочетаний атомов возникают молекулы, из своеобразных сочетаний молекул — химические вещества и т. д. Но как образуются эти сочетания, вот в чем вопрос. А раз образовавшись, прежние «кирпичи» теряют свой характер «составных частей», возникшее в результате диалектического прыжка новое создает себе своим самодвижением, раздвоением единого новые составные части, и сущность диалектического развития в том именно и состоит, что таким путем в мире возникает нечто совершенно новое. Иначе оно и не может возникнуть. А то «новое» было бы только соединением и раз'единением от века существовавшего старого.

Гегель и Энгельс в одинаковой мере отвергали механический взгляд на соотношение целого и частей. Послушаем, напр., что говорит Гегель по этому вопросу.

«Непосредственное отношение есть отношение целого и частей; содержание есть целое и состоит из частей (формы), из своей противоположности. Но они представляют собою части только в их тождественном соотношении друг с другом или, другими словами, постольку, поскольку они, взятые вместе, составляют целое. Но это «вместе» есть противоположность и отрицание части» (Гегель, Энциклопедия, стр. 226).

Механическое воззрение на отношение целого и частей не идет дальше непосредственных отношений, т.-е. оно видит лишь поверхность явлений и не понимает, что части, как части целого, предполагают последнее. Части перестанут быть частями вне целого. И Гегель прибавляет:

«Отношение целого и частей, как представляющее собой непосредственное отношение, есть нечто очень понятное рефлектирующему рассудку, и он поэтому часто удовлетворяется им даже там, где на самом деле имеют место более глубокие отношения. Так, напр., члены и органы живого тела должны рассматриваться не только как его части, так как они представляют собою то, что они представляют собою лишь в их единстве и отнюдь не относятся безразлично к последнему. Простыми частями становятся эти члены и органы лишь под рукой анатома, но он тогда имеет дело уже не с живыми телами, а с трупами. Этим мы не желаем сказать, что такое разложение не должно вообще иметь места, а желаем только сказать, что внешнего и механического отношения целого и частей недостаточно для того, чтобы познать органическую жизнь в ее истине» (Там же, стр. 226—227).

Механическое понимание частей и целого не только поверхностно, но и бессодержательно. Это ярко выражает Гегель на следующем месте:

«Отношение целого и частей есть непосредственное и поэтому поверхностное отношение... Здесь переходят от целого к частям и от частей к целому, забывая, что каждый из этих двух членов противоположен другому, и принимая то целое, то части за самостоятельные существования. Или, иными словами, так как части в этом отношении существуют в целом, а целое состоит из частей, то в разное время то один, то другой член есть устойчивое, а его другое — несущественное. Механическое отношение в его поверхностной форме состоит вообще в том, что части выступают как самостоятельные по отношению друг другу и к целому» (Там же, стр. 228).

Наоборот, в диалектическом понимании отношения целого и частей Гегель рассматривает одну из существенных черт диалектики:

«Эта гармония как раз есть абсолютное становление и изменение,—не становление другого, сейчас одно, а затем другое. Существенно то, что каждое отличное, особое отлично от какого-либо другого, но не абстрактно от какого-либо другого, а от своего другого; каждое есть лишь постольку, поскольку его другое в себе содержится в его понятии» (Гегель, История философии, стр. 336; цитировано у Ленина, Ленинский сборник XII, стр. 199).

Ленин, как известно, сделал к этому месту следующее примечание:

«Очень верно и важно. «Другое», как свое другое, развитие в свою противоположность».

Другое, это свое другое, развитие состоит в развитии в свою противоположность. Развитие не только вызывает свое другое, а определяет и его характер. Часть и целое—это моменты самодвижения единого, одновременно и взаимно обуславливающиеся и исключающиеся, противоречивые моменты движения того же единого.

Механическое представление о «целом», которое образуется путем соединения его «частей» и этим исчерпывается, в корне неправильно и не соответствует ни действительным процессам природы, ни действительному движению общества. Как мы видели, именно на этой неправильной точке зрения и стоит т. Бухарин. Он доверяет внешней видимости, он не проникает в подлинное собственное движение каждого единства, порождающего свои противоречивые моменты. Поэтому исходным пунктом; напр., в обществе является для него «человек», а не общество, поэтому в обществе он видит только сочетание людей, а не распадение на классы, поэтому его понятие развития совершенно недиалектично, ибо у него не возникает ничего нового (общество он считает единственно, как частью природы; человек есть «деятельный организм»; общество—система элементов in natura; развитие—лишь движение с положительным или отрицательным знаком и т. д., и т. д.). Здесь же корень того, что он не в состоянии найти правильную классовую точку зрения и дать правильную теорию классов.

Речь идет стало быть не о том, обладают ли «вещи» составными частями или нет, а, во-первых, о происхождении, источнике, характере этих составных частей; и, во-вторых, о методологическом отправном пункте философии и теории общества, отражающей действительный мир.

Суть ли эти составные части изначальные элементы, из которых составляется мир и все в мире, есть ли глубочайшая сущность мира раздробленность, как предполагают механика и Бухарин-Богданов,—или же единство, из которого составные части лишь выделились путем раздвоения единого, в результате внутреннего противоречия? Если верно первое, то философия и теория общества, воспроизводящие об'ективную действительность, должны, разумеется, отобразить эту сущность мира. Тогда

в самом деле возможны только механическое мировоззрение и механическая теория общества, только пространственное размещение, только соединение и раз'единение частей в пространстве.

Ибо если первоначальное состояние мира, как и всего существующего в нем, есть раздробленность, то и характер соединения первоначально независимых друг друга частей будет механическим, т.-е. они смогут временно соединяться, временно оставаться вместе благодаря равновесию сил, но никогда не сможет получиться истинное единство, как мы уже показали выше. Взаимная отчужденность отдельных «составных частей» не сможет исчезнуть ни при каких обстоятельствах. Тогда в мире не будет единства не только как отправного пункта, но и вообще никакого единства. Возможно только внешнее сосуществование вещей, относительное равновесие между частями, никогда не проникающими друг друга.

Это во-первых. А во-вторых—и это пожалуй еще важнее—в этом случае возможно только сочетание уже ранее, независимо друг от друга существовавших элементов, но не раздвоение единого. Состояние равновесия может быть нарушено, отдельные части могут оторваться от «системы»,—но как при сочетании только соединяется уже существовавшее раньше, так и при разделении раз'единяются только внешне связанные элементы. Соединяется и раз'единяется только бывшее уже прежде, и не возникает ничего нового, а лишь перегруппировывается старое. При таком воззрении развитие исчезает.

Если «составные части» возникают через внутреннее противоречие, через раздвоение единого,—тогда единство природы и общества уже не приходится восстанавливать задним числом, с помощью равновесия сил; так как единство не упраздняется и диалектическим процессом распадения единого, так как составные части суть части об'емлющего их процесса, моментами развития которого они являются, то и их соединение обеспечивается не осуществившимся впоследствии равновесием, а изначальным, ни на мгновение не исчезающим единством. Поэтому диалектика не нуждается в теории равновесия для об'яснения единства природных и общественных явлений. И поэтому же учение о равновесии совершенно необходимо в механике и в механической теории общества. В обоих этих случаях соединение составных частей носит принципиально различный характер. В первом случае, с механической точки зрения, это есть равновесие сил; во втором случае, с точки зрения диалектики, соединение есть, наоборот, изначальное единство, которое раздваивается, не теряя, однако, связи с единством, оно есть, другими словами, единство противоположностей. Это различие между обоими воззрениями и вытекающие из него выводы Ленин подчеркивает самым энергичным образом:

«При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его двигательная сила [1]), его источник, его мотив (или сей источник переносится вовне — бог, суб'ект etc.). При второй концепции (т.-е. диалектической. *В. Р.*), главное внимание устремляется именно на познание источника «само движения».

Глубочайшее значение этого различия прекрасно иллюстрируется социологической теорией т. Бухарина. Показать это подробно мы здесь, к сожалению, не имеем возможности, но достаточно известно, что источник движения общества, движущую силу его развития он также ищет вовне, в природе. В заключение мы только разовьем несколько подробнее в приме-

---

[1]) «Сила», о которой говорит здесь Ленин, не есть, конечно, сила механики, как это явствует из дальнейших выражений «источник», «мотив», — не говоря уже об энергичнейшем подчеркивании самодвижения, исключающего представление о чуждой, посторонней силе.

нении к обществу изложенный выше взгляд на отношение между целым и частями.

Как мы видели, эти два понятия—часть и целое—противополагаются друг другу в формальный логике (а механика опирается всецело на формальную логику) так же непримиримо, как все остальные диалектически-противоречивые понятия. Целое состоит из частей; часть меньше целого и т. д. Все в мире, камень в такой же мере, как человеческое общество, есть целое, составленное из частей. Но Энгельс, как и выше Гегель, словно предвидя, что Бухарин позаимствует из механики этот взгляд (или может быть у Бухарина есть в этом отношении и другие, более старые предшественники, чем Богданов?), заранее опровергает его:

«Часть и целое, это — категории, которые недостаточны уже в органической природе. Выталкивание семени, зародыша и развившееся животное нельзя рассматривать, как «часть», которая отделяется от «целого»; это было бы кривое толкование» («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» кн. II, стр. 13).

Под «кривым толкованием» Энгельс разумеет, конечно, недиалектическое толкование. Бухарин этого «кривого толкования» не побоялся. Ту же самую мысль Энгельс высказывает и в другом месте:

«Простое и составное. Категории, которые тоже теряют свой смысл уже в органической природе... Ни механическое сложение костей, крови, хрящей, мускулов, тканей и т. д., ни химическое — элементов не составляет еще животного... Организм ни прост, ни составной» (Там же, стр. 17).

Последней фразой Энгельс метко характеризует происхождение составных частей из целого, их единство со своим источником, показанное нами выше на ряде примеров, а также диалектический характер понятий «часть» и «целое». Но если уже и животный организм не является ни простым, ни сложным, то конечно тем более человеческое общество, которое обнаруживает ведь еще более высокое строение, чем животный организм. Однако т. Бухарин держится на этот счет, как мы видели, противоположного взгляда. Из каких же «людей» составилось, по его мнению, человеческое общество? Из биологических людей? Выходит как будто, что животный вид «человек» должен был возникнуть прежде, чем могло образоваться человеческое общество. Но ведь животное, из которого развился человек, еще не было человеком. Последний возник в обществе и из общества, в результате общественного трудового процесса. Примат общества не подлежит сомнению ни с исторической, ни с методологической точки зрения. Кто не понимает, что проблему происхождения человека из обезьяны нельзя разрешить с помощью представления, что сначала обезьяна биологически превратилась в человека, а потом уж из этих людей составилось общество,—тот не понимает, что и здесь действует диалектика, как при всяком внезапном изменении закономерности, при всяком внезапном появлении нового качества. Человек возникает из обезьяны вместе с человеческим обществом, в человеческом обществе и из него. Загадка курицы и яйца (Бухарин, Атака, стр. 119) может быть разрешена только диалектически. Биологический человек, являющийся перед нами в истории, как «человек», есть в лучшем случае только предпосылка, вернее — основа исторических индивидуумов и общества. Но люди как общественные существа, т. е. индивидуумы, суть уже во всяком случае целиком и полностью продукты общества, которое, якобы, из них впервые составляется. Поэтому Маркс говорит:

«Чем глубже мы уходим в даль истории, тем в большей степени индивид, а следовательно, и производящий индивид, является не самостоятельным, а принадлежащим к более обширному целому: сначала естественная связь сое-

диняет его с семьей и с семьей, развившейся в род, затем с обществом, различные формы которого возникли из столкновений и слияния родов. Лишь в XVIII в., в «буржуазном обществе», различные формы общественных связей выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость... Человек есть в самом буквальном смысле zoon politikon, не только общественное животное, но животное, которое только в обществе и может от'единиться» (Маркс, К критике..., введение, стр. 16; подчеркнуто мною. *В. Р.*).

Итак, одно из двух: либо Бухарин понимает под «людьми», из которых якобы составляется общество, биологического человека, либо общественных индивидуумов. Биологический человек есть предпосылка или основа общества, но не его составная часть, ибо пока он еще остается животным, он находится вне общества, принадлежа в качестве животного к животному царству. В человека он превращается лишь внутри общества, и стало быть общество является такой же предпосылкой его существования, а не целым, составленным из биологических людей. Общественный же индивидуум есть еще в большей мере продукт общества, а и в крайнем случае можно только сказать, что общество при определенных условиях (напр., в «буржуазном обществе») распадается на индивидуумы, «атомизируется», разрозниваестся, но никак нельзя говорить, что оно составляется из индивидуумов.

Мы видим таким образом, что даже «люди», эти якобы «составные части», «элементы» общества, как биологически, так и социологически являются лишь продуктами общественной действительности. На эту точку зрения никогда не сможет встать механист, но она сама собою разумеется для диалектика. Часть и целое — не взаимоисключающие, несовместимые понятия, а проникающие друг друга полюсы противоположности, т.-е. они в такой же мере и обуславливают друг друга, в какой исключают и переходят одно в другое. Общество нельзя назвать ни простым, ни составным.

Исходный пункт Бухарина все время вынуждает его систематически игнорировать классовую точку зрения в учении об обществе. Если гипотеза материальных точек, во всех отношениях равных друг другу, является, как мы видели, даже в механике только абстракцией, которая, однако, соответствует по крайней мере духу этой науки и могла поэтому дать хотя бы приблизительное и грубое об'яснение исследуемых ею явлений, то гипотеза «людей», как элементов теории общества, есть недозволительная абстракция, противоречащая духу марксизма и уничтожающая уже достигнутые с помощью марксистского метода результаты. Вот откуда отмеченные выше взгляды Бухарина на производственные отношения, как на размещение людей в пространстве, на производительные силы, как на «рабочие силы in natura, на общество, как на «систему элементов in natura». В действительности соединения людей с целью производства и воспроизводства их материальной жизни вовсе не суть бескачественные размещения «людей» в пространстве, при которых «люди» различались бы только занимаемыми ими местами, общество не есть сумма человеческих групп, различающихся только своим техническим местоположением в производстве, — нет, различие между людьми и между образующими общество «группами» носит прежде всего качественный характер: имеется группа эксплоататоров и группа эксплоатируемых. Те и другие—«люди», но уже Маркс подчеркнул, что «в буржуазном обществе генерал или банкир играет большую роль, а просто человек весьма жалкую». От этого качественного различия не только нельзя абстрагировать, но оно даже составляет исходный пункт марксова учения об обществе.

нении к обществу изложенный выше взгляд на отношение между целым и частями.

Как мы видели, эти два понятия—часть и целое—противополагаются друг другу в формальный логике (а механика опирается всецело на формальную логику) так же непримиримо, как все остальные диалектически-противоречивые понятия. Целое состоит из частей: часть меньше целого и т. д. Все в мире, камень в такой же мере, как человеческое общество, есть целое, составленное из частей. Но Энгельс, как и выше Гегель, словно предвидя, что Бухарин позаимствует из механики этот взгляд (или может быть у Бухарина есть в этом отношении и другие, более старые предшественники, чем Богданов?), заранее опровергает его:

«Часть и целое, это — категории, которые недостаточны уже в органической природе. Выталкивание семени, зародыша и развившееся животное нельзя рассматривать, как «часть», которая отделяется от «целого»; это было бы кривое толкование» («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» кн. II, стр. 13).

Под «кривым толкованием» Энгельс разумеет, конечно, недиалектическое толкование. Бухарин этого «кривого толкования» не побоялся. Ту же самую мысль Энгельс высказывает и в другом месте:

«Простое и составное. Категории, которые тоже теряют свой смысл уже в органической природе... Ни механическое сложение костей, крови, хрящей, мускулов, тканей и т. д., ни химическое — элементов не составляет еще животного... Организм ни прост, ни составной» (Там же, стр. 17).

Последней фразой Энгельс метко характеризует происхождение составных частей из целого, их единство со своим источником, показанное нами выше на ряде примеров, а также диалектический характер понятий «часть» и «целое». Но если уже и животный организм не является ни простым, ни сложным, то конечно тем более человеческое общество, которое обнаруживает ведь еще более высокое строение, чем животный организм. Однако т. Бухарин держится на этот счет, как мы видели, противоположного взгляда. Из каких же «людей» составилось, по его мнению, человеческое общество? Из биологических людей? Выходит как будто, что животный вид «человек» должен был возникнуть прежде, чем могло образоваться человеческое общество. Но ведь животное, из которого развился человек, еще не было человеком. Последний возник в обществе и из общества, в результате общественного трудового процесса. Примат общества не подлежит сомнению ни с исторической, ни с методологической точки зрения. Кто не понимает, что проблему происхождения человека из обезьяны нельзя разрешить с помощью представления, что сначала обезьяна биологически превратилась в человека, а потом уж из этих людей составилось общество,—тот не понимает, что и здесь действует диалектика, как при всяком внезапном изменении закономерности, при всяком внезапном появлении нового качества. Человек возникает из обезьяны вместе с человеческим обществом, в человеческом обществе и из него. Загадка курицы и яйца (Бухарин, Атака, стр. 119) может быть разрешена только диалектически. Биологический человек, являющийся перед нами в истории, как «человек», есть в лучшем случае только предпосылка, вернее — основа исторических индивидуумов и общества. Но люди как общественные существа, т. е. индивидуумы, суть уже во всяком случае целиком и полностью продукты общества, которое, якобы, из них впервые составляется. Поэтому Маркс говорит:

«Чем глубже мы уходим в даль истории, тем в большей степени индивид, а следовательно, и производящий индивид, является не самостоятельным, а принадлежащим к более обширному целому: сначала естественная связь сое-

диняет его с семьей и с семьей, развившейся в род, затем с обществом, различные формы которого возникли из столкновений и слияния родов. Лишь в XVIII в., в «буржуазном обществе», различные формы общественных связей выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость... *Человек есть в самом буквальном смысле zoon politikon, не только общественное животное, но животное, которое только в обществе и может от'единиться»* (Маркс, К критике..., введение, стр. 16; подчеркнуто мною. *В. Р.*).

Итак, одно из двух: либо Бухарин понимает под «людьми», из которых якобы составляется общество, биологического человека, либо общественных индивидуумов. Биологический человек есть *предпосылка* или *основа* общества, но не его составная часть, ибо пока он еще остается животным, *он находится вне общества*, принадлежа в качестве животного к животному царству. В человека он превращается лишь внутри общества, и стало быть общество является такой же предпосылкой его существования, а не целым, составленным из биологических людей. Общественный же индивидуум есть еще в большей мере *продукт* общества,а и в крайнем случае можно только сказать, что общество при определенных условиях (напр., в «буржуазном обществе») распадается на индивидуумы, «атомизируется», разрозниввается, но никак нельзя говорить, что оно составляется из индивидуумов.

Мы видим таким образом, что даже «люди», эти якобы «составные части», «элементы» общества, как биологически, так и социологически являются лишь *продуктами общественной действительности*. На эту точку зрения никогда не сможет встать механист, но она сама собою разумеется для диалектика. Часть и целое — не взаимоисключающие, несовместимые понятия, а проникающие друг друга *полюсы противоположности*, т.-е. они в такой же мере и обуславливают друг друга, в какой исключают и *переходят одно в другое*. Общество нельзя назвать ни простым, ни составным.

Исходный пункт Бухарина все время вынуждает его систематически игнорировать классовую точку зрения в учении об обществе. Если гипотеза материальных точек, во всех отношениях равных друг другу, является, как мы видели, даже в механике только *абстракцией*, которая, однако, соответствует по крайней мере духу этой науки и могла поэтому дать хотя бы приблизительное и грубое об'яснение исследуемых ею явлений, то гипотеза «людей», как элементов теории общества, есть *недозволительная* абстракция, противоречащая духу марксизма и уничтожающая уже достигнутые с помощью марксистского метода результаты. Вот откуда отмеченные выше взгляды Бухарина на производственные отношения, как на размещение людей в пространстве, на производительные силы, как на «рабочие силы in natura, на общество, как на «систему элементов in natura». В действительности соединения людей с целью производства и воспроизводства их материальной жизни вовсе не суть бескачественные размещения «людей» в пространстве, при которых «люди» различались бы только занимаемыми ими местами, общество не есть сумма человеческих групп, различающихся только своим техническим местоположением в производстве, — нет, различие между людьми и между образующими общество «группами» носит *прежде всего качественный* характер: имеется группа эксплоататоров и группа эксплоатируемых. Те и другие—«люди», но уже Маркс подчеркнул, что «в буржуазном обществе генерал или банкир играет большую роль, а просто человек весьма жалкую». От этого качественного различия не только нельзя абстрагировать, но оно даже составляет *исходный пункт* марксова учения об обществе.

Кто игнорирует эту классовую точку зрения в исходных предпосылках, тот, рассуждая последовательно, уже не придет к ней никогда. Он сможет притти к ней разве только путем эклектицизма, внезапно отбросов свои собственные предпосылки и с величайшим спокойствием нанизывая на механический стержень марксистские понятия класса, классовой борьбы, способа производства, общественной структуры и т. д., нисколько не смущаясь тем, что механические предпосылки и диалектические выводы связаны у него только механически и противоречат друг другу. Соединение механического миросозерцания с марксистскими элементами может быть, конечно, только чисто-внешним.

Только марксов метод, исходящий из целого (а не из частей), из общества (а не из «людей»), только взгляд на развитие общества как на самодвижение, распадение единого на классы, дает ключ к пониманию законов движения общества, но никак не противоположный, механический метод, отправляющийся от «частей», «составных частей», «элементов», исходя из которых никакими усилиями не добьешься понимания самодвижения общества, как целого. Кто начинает с механики, тот в механике и застрянет. Кто из частей хочет понять целое, тот не поймет ни целого, ни его составных частей, ни их диалектической связи.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НИК. КАРЕВ. За материалистическую диалектику. Издание 2-е, дополненное. Стр. 404. Гиз РСФСР «Московский Рабочий». 1930 г.

Рецензируемая книга представляет собою в некотором роде событие на философском фронте. Событие в том смысле, что она, по сравнению с работами других представителей деборинской группы, в наиболее завуалированной форме преподносит читателям систему взглядов меньшевиствующего идеализма. И хотя автор на диво изворотлив в формулировках тех положений, которые он развивает, тем не менее отход его от диалектического материализма очевиден.

Прежде всего в рецензируемой книге явно извращено значение Ленина, какое он имеет в деле развития диалектического материализма. Взгляд на Ленина, ярко выраженный в книге, т. Карев высказал в одной из своих статей еще в 1924 году. «Ленин,—писал он тогда,—стоит целиком и полностью на почве марксизма, применяя его к современной нам обстановке—периоду загнивания капитализма. Он проводит марксовскую теорию, очищенную от опошлений II Интернационала, в действие. Ленинизм—это марксизм эпохи краха капитализма, переходного периода от капитализма к социализму. Это марксизм на практике пролетарской революции, для которой не было еще достаточных материальных предпосылок в марксовском Интернационале. Больше всего Ленин был бы удивлен, если бы ему сказали, что он открывает новую эру (?!) в марксизме»[1]) В этой тираде т. Карев исчерпывает роль Ленина применением марксизма на практике и совершенно отрицает новую ступень в развитии марксистской теории, каковою является ленинизм. Между тем вовсе не требуется большого напряжения ума, чтобы в лице Ленина видеть гениальнейшего пролетарского теоретика, в руках которого непревзойденное, мастерское от начала до конца последовательное применение материалистической диалектики на практике неразрывно связывалось с многосторонней ее теоретической разработкой. Нельзя указать ни одного важного вопроса материалистической диалектики, по поводу которого Ленин не высказал бы своих глубоких соображений и не указал бы путей для его разрешения. Достаточно назвать такие ленинские произведения, как «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», «Материализм и эмпириокритицизм», «К вопросу о диалектике», «Конспект «Науки логики» Гегеля», в которых наряду с уничтожающей критикой антимарксистских течений содержится философское обобщение важнейших достижений в области естествознания за период после Энгельса и непревзойденные образцы конкретизации и развития марксистской философии, чтобы видеть особенность Ленина как мыслителя, чтобы понять своеобразие новой ступени марксистской философии, на которую поднял ее Ленин.

«Вся правда о ленинизме,—писал т. Сталин,—состоит в том, что ленинизм не только возродил марксизм, но он сделал еще шаг вперед, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата»[2]).

---

[1]) «П. З. М.» № 4—5. 1924 г., стр 241. Вопрос и восклицательный знак т. Карева; подчеркнуто мною. *III.*

[2]) «Вопросы ленинизма», стр. 74.

Вот этого т. Карев вовсе не понимает или не может понять. В статье «Ленин и теория диалектики», написанной уже в 1929 г., в которой, казалось бы, автор должен был вскрыть перед читателями значение Ленина именно как теоретика, т. Карев пишет: «Ленин-вождь нового исторического класса представлял и совершенно новый тип вождя. Ему органически чужд был пафос прошлого, революционная фраза, столь характерные для героев буржуазных революций. Их заменил пафос будущего, язык революционного дела» [1]). И здесь Ленин изображен только вождем, который умеет говорить лишь на языке революционного дела, т. е. на языке практики. Язык же революционной теории, на котором так же прекрасно разговаривал Ленин, т. Карев не видит. Он и в мыслях не допускает того неоспоримого факта, что Ленину принадлежит заслуга продвижения вперед марксистской философии. Всю заслугу Ленина, в противоположность теоретикам II Интернационала, отрекшимся от диалектического материализма, т. Карев видит только в «восстановлении того отношения к вопросам общего мировоззрения и метода, которое отличало основоположников марксизма» [2]). В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленину,—вещает в другом месте т. Карев,—удалось наиболее всесторонне и глубоко изложить марксовский материализм в свете новейших достижений естествознания» [3]).

Всеми этими высказываниями, явно отрицающими самостоятельное значение Ленина в развитии марксистской философии, т. Карев по сути дела реставрирует меньшевистскую концепцию о Ленине. Эта вдребезги разбитая жизнью, практикой революционной борьбы рабочего класса, концепция, подобно взглядам т. Карева, отрицала за Лениным как раз роль теоретика. Меньшевистская клевета о Ленине покоилась на абсолютном непонимании того, что нельзя быть гениальным вождем пролетариата, не будучи в то же время и гениальным мыслителем, дающим теоретические обобщения опыта классовой борьбы и определяющим на основании этих теоретических обобщений линию тактики и политики. Свою бессмыслицу меньшевики в угоду интересам буржуазии использовывали в качестве средства борьбы с большевистской партией. Они кричали о ней на все лады. Примером этого может служить отзыв меньшевички Аксельрод на книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

«Вдумчивый, внимательный и незабывчивый читатель,—изрекала она,—следивший за философской полемикой различного рода эклектиков-марксистов с ортодоксальными марксистами, сразу заметит, что по существу Ильин не сказал ничего такого, что не было бы высказано раньше последними» [4]) Аксельрод подобно т. Кареву не видит того нового, что сказано Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», этом выдающемся, составившем эпоху философском произведении марксизма.

«В аргументации автора,—продолжает клеветать на Ленина Аксельрод,—мы не видим ни гибкости философского мышления, ни точности философских определений, ни глубокого понимания философских проблем [5]). Ограниченная идеология меньшевизма не позволила Аксельрод видеть в произведении Ленина ни глубокого понимания революционной диалектики, ни самостоятельной трактовки Лениным таких проблем, как материя и опыт, об'ективная истина, соотношение абсолютной и относительной истины, роль практики в теории познания и т. д. В оценке Ленина взгляды т. Карева совпали со взглядами меньшевички Аксельрод. Аксельрод, а за ней и Карев отрицают все то новое, что внесено Лениным в общую сокровищницу марксистской философии.

---

[1]) Карев, За материалистическую диалектику, стр. 99—100.

[2]) Там же, стр. 83.

[3]) Там же, стр. 99; подчеркнуто мною. ІП.

[4]) А. Аксельрод, рецензия на «Материализм и эмпириокритицизм», см Соч. Ленина, т. XIII, стр 329.

[5]) Там же, стр. 329.

Извратив исторический образ Ленина как теоретика и совершенно игнорировав самостоятельное значение Ленина в развитии марксистской теории, т. Карев естественно оказался не в состоянии хоть сколько-нибудь удовлетворительно определить и значение ленинского теоретического наследства. В этом отношении крайне показательным является тот факт, что в статье «Проблема философии в марксизме», которая ставит задачей «представить воззрения учителей марксизма на предмет философии в их внутренней связи и единстве и определить вместе с тем значение философии для практики пролетариата», роль Ленина как философа и ленинизм в философии совершенно замалчиваются. Правда, в этой статье, так же, как и в других местах книги, встречаются отдельные выписки из работ Ленина, но эти выписки приводятся не в доказательство того нового, что дал Ленин для диалектического материализма, а в подтверждение той или иной мысли самого автора [1]. Ни в этой и ни в какой из других статей книги т. Карев, несмотря на обещание, так и не представил воззрений Ленина, так и не определил значение ленинизма в философии для практики нашего социалистического строительства.

При таком отношении к ленинскому наследству не приходится удивляться тому, что в книге Карева оказались неиспользованными труды Ленина. Крайне разительным примером того, насколько не использовано наследство Ленина, может служить вся часть (половина) книги, посвященная критике механистической ревизии диалектического материализма. В этой части книги т. Карев почти что не прибегает к Ленину, если не считать тех случаев, когда он вынужден цитировать механистов, ссылавшихся на Ленина. Сокрушительная сила ленинской аргументации против всяких враждебных марксизму течений, в том числе и против механицизма, осталась не использованной. Так не использованными оказались «Материализм и эмпириокритицизм» и философские тетради Ленина, не говоря уже о других работах, которые как правило обходятся сугубым молчанием.

Само собой понятно, что ожидать от рецензируемой книги, несмотря на то, что она издана в 1930 г., указаний насчет разработки ленинского философского наследства, не приходится в то время как вопрос о пропаганде и разработке ленинского наследства приобретает особенно актуальный характер в связи с новыми процессами в жизни нашей страны, обусловленными наступлением социализма по всему фронту. Генеральная линия партии, проводимая на основе неуклонного и четкого выполнения заветов Ленина, привела к невиданным успехам. Возводятся все новые и новые гиганты тяжелой индустрии: растут крупнейшие фабрики хлеба—совхозы; в деревне развертывается сплошная коллективизация, на основе которой ликвидируется кулачество как класс; рабочий класс, добившись основных показателей выполнения плана второго года, вступил в решающий третий год пятилетки. В свете этих успехов социалистического строительства рельефнее обнаруживается особенная сила, глубина мыслей Ленина и своеобразие его как гениального мыслителя, сохранившего как никто из других последователей Маркса и Энгельса неизменную верность революционной диалектике. По-новому встает вопрос о разработке ленинского наследства. Без обращения к трудам Ленина невозможно сделать ни одного шага в области разработки вопросов диалектического материализма.

Ленинское наследство должно находиться в центре внимания всех работников теоретического фронта. Разработку теории материалистической диалектики необходимо сосредоточить вокруг вопросов, выдвинутых Лениным не только в его философских произведениях, но и во всех других работах, начиная от специальных исследований и кончая газетными статьями. Надо брать ленинское наследство в целом.

В тесной связи с отрицанием ленинизма в философии находятся извращения, допущенные т. Каревым в оценке, которую он дает в своей книге философским произведениям Плеханова. Замечания Ленина по поводу ошибок Плеханова в его

---

[1] См., напр., стр. 16, 50, 87, 88, 90, 94 и др.

философских работах т. Карев или просто обходит, или до неузнаваемости жает. Никто, конечно, не может оспаривать того, что Плеханов имеет большие заслуги в развитии диалектического материализма. Недаром из-под его пера вышли философские работы, которые Ленин называл лучшими в международной литературе марксизма. Однако это не должно и не может означать, что у Плеханова не было существенных пробелов в понимании диалектического материализма. Тов Карев затушевывает всячески ошибки Плеханова. Он, например, вопреки всем замечаниям Ленина о Плеханове, утверждает в своей книге, что Плеханов от начала до конца правильно понимал диалектический материализм.

В 1914 г. при чтении «Науки логики» Гегеля, Ленин в виде афоризмв в своей тетради записал: «Плеханов критикует кантианство (и агностицизм вообще) более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения, поскольку он лишь a limine отвергает их рассуждения, в не исправляет (как Гегель исправлял Канта) эти рассуждения, углубляя, обобщая, расширяя их, показывая связь и переходы всех и всяких понятий» [1]). Замечание Ленина вполне ясно и определенно. Однако т. Карев спешит уверить читателя в том, что Плеханов критиковал кантианцев, махистов лишь «недостаточно диалектично» [2]). К своему утверждению «недостаточно диалектично» т. Карев подгоняет слова Ленина «более с вульгарно-материалистической, чем с диалектически-материалистической точки зрения». Впрочем, не только это, а все те места в книге, в которых идет речь о Плеханове, т. Карев делает потуги «уравнять» Плеханова и Ленина, как философов. «Наибольшие успехи в борьбе с идеализмом и Ленин и Плеханов, — заявляет, например, т. Карев, — одержали именно потому, что они поражали своих врагов оружием диалектики. Отдельные частные ошибки Плеханова (например, в теории «иероглифов») были связаны именно с недостаточным использованием этого оружия» [3]). По Кареву выходит, что Плеханов, так же, как и Ленин, понимал диалектику и поражал ею представителей идеализма. Может ли быть более разительный пример сведения Ленина к Плеханову!

Во фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин указывал: «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона», а суть дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» [4]). Здесь Ленин прямо замечает, что Плеханов не обратил внимания на суть дела. В этом же фрагменте Ленин указывал, что у Плеханова «тождество противоположностей берется, как сумма примеров, а не как закон познания (и закон об'ективного мира)» [5]). Эти замечания Ленина т. Каревым истолкованы таким образом, что Плеханов, правильно понимая материалистическую диалектику и владея ею так же, как Ленин, лишь недостаточно использовал ее. В оправдание крупнейших ошибок Плеханова в области философии т. Карев выдвигает положение, согласно которому перед Плехановым будто бы стояла задача борьбы за материализм, а не за материалистическую диалектику. На самом же деле после Маркса и Энгельса всегдашней задачей марксистской философии является борьба за материалистическую диалектику, ибо только на ее основе возможно преодоление всяких враждебных марксизму теорий. В этих же целях, указывая на то, что формирование русского пролетариата в «класс для себя» было возможно лишь на основе той философской критики, которой подверг в свое время Плеханов идеалистические воззрения народников — Лаврова, Михайловского и их последователей» [6]), т. Карев

[1]) Ленинский сборник IX, стр. 197.
[2]) За материалистическую диалектику, стр. 91.
[3]) Там же, стр. 113.
[4]) Ленинский сборник XII, стр. 325.
[5]) Ленинский сборник XII, стр. 323.
[6]) За материалистическую диалектику, стр. 3.

ни слова не говорит о таких трудах Ленина, как «Что такое друзья народа», «Экономическое содержание народничества», «Развитие капитализма в России» и др., сыгравших громаднейшую роль в формировании действительно-революционного движения русского рабочего класса.

Словом, т. Карев игнорирует замечания Ленина о Плеханове. Разбирать вопрос о значении Плеханова, игнорируя глубочайший смысл указаний Ленина на его ошибочные взгляды в вопросах диалектического материализма — это значит издеваться над духом ленинского философского наследства, не понимать вссе ленинизма в философии, наконец, поставить ленинизм на тот уровень понимания диалектики, который был свойственен Плеханову.

К числу коренных пороков книги принадлежит крайнее методологизирование, которым автор сопровождает разбор вопросов. Все проблемы материалистической диалектики, затрагиваемые в книге, рассматриваются исключительно в плоскости их абстрактного логического анализа. Вопреки многочисленным указаниям Маркса, Энгельса и Ленина о том, что истина всегда конкретна, т. Карев ищет ответов на конкретные вопросы в логическом развитии общих определений. В подтверждение высказанной нами мысли можно сослаться на множество мест из рецензируемой книги. Возьмем некоторые из них. Говоря, например, о развитии философии от Гегеля к Марксу, т. Карев совершенно абстрагируется от социально-экономического состояния Германии XVIII и XIX столетий, которым обуславливался процесс развития философской мысли в направлении от идеалистической системы Гегеля к диалектическому материализму Маркса. Отвлекшись с самого начала от социально-экономических причин, вызывавших смену философского мировоззрения, он оказался вынужденным искать эти причины в чисто-логическом развитии философии. Благодаря этому т. Карев причину распада гегелевской философии видит только и исключительно в противоречи между методом и системой. Он так и пишет: «Основным противоречием в гегелевской философии, приведшим к ее крушению, было противоречие метода и системы» [1]. В свою очередь и появление послегегелевской философии по т. Кареву вызывалось тем, «что система давила метод, уродовала результат, искажала конкретное в угоду идеалистической схеме» [2]. В обоих случаях развитие философской мысли т. Карев об'ясняет противоречием самой этой мысли, как будто бы она не являлась выражением противоречий жизни Германии того времени, а составляла какое-то самостоятельное царство наподобие царства понятий у Гегеля. Больше того, по Кареву даже возможность диалектико-материалистического синтеза наук «определяется потребностями самой науки, переросшей свой ограниченный, метафизический, изолирующий предметы и процессы метод исследования» [3].

Словом, т. Карев развитие философии превратил в самостоятельный процесс, не связанный с изменениями общественных отношений, вызываемыми развитием производительных сил.

Явное предпочтение к логическому процессу развития философской мысли со стороны т. Карева не могло остаться безнаказанным и в разрешении им вопроса о соотношении мировоззрения и метода в марксизме. В этом вопросе т. Карев исходит из того убеждения, что философия исчерпывается методом. Он неоднократно заявляет, что «философией нашей эпохи, философией марксизма является метод» [4]. «Место «самостоятельной философии»,— решительно высказывает свою точку зрения т. Карев, — занимает научный, материалистический метод» [5]. Ошибочность точки зрения т. Карева в данном случае состоит в пренебрежении к мировоззрению, в сведении философии исключительно к методу.

---

[1]) За материалистическую диалектику, стр. 14; подчеркнуто мною. *Ш.*

[2]) Там же, стр. 33.

[3]) Там же, стр. 34; подчеркнуто мною. *Ш.*

[4]) Там же, стр. 35.

[5]) Там же, стр. 39.

Сведя философию марксизма к методу, т. Карев придает последнему независимое от конкретных наук значение. В его понимании метод, будучи совершенно самостоятельным, только «подтверждается реальными науками и проявляет себя в них»[1]). Здесь особенно выпукло выступает не отвечающая требованиям материалистической диалектики трактовка вопроса о соотношении метода и конкретных наук. Тов. Карев ставит метод над конкретными науками.

Что дело обстоит именно так, показывает даваемое т. Каревым определение значения философии для конкретных научных дисциплин. «Марксистская философия,— поучает т. Карев,— не наука наук, а скорее наука в науках»[2]).

Наш, впавший в панметодологизм, автор воображает, что дело изменяется, если вместо слов «наука наук» написать «наука в науках». Впрочем, т. Карев не возражает против философии как науки наук, он лишь оговаривается, что такая точка зрения «оказывается недостаточной, несмотря на заключающуюся в ней долю истины»[3]). В другом месте он определяет философию как «синтез, проникающий науки и активно к ним относящийся»[4]). Во всех этих определениях философии нетрудно обнаружить стремление т. Карева возвести философию в повелительницу конкретных наук, каковой она признавалась философами до Маркса.. Философия по Кареву имеет дело с методом, метод же только подтверждается науками, проявляясь в них.

Таким образом философия в понимании т. Карева представляется совокупностью всеобщих определений, под которые подводится материал, добываемый конкретными науками. Давно известно, что философии, претендующей на изобретение абсолютных истин, стоящей над положительными науками или находящейся в них, как утверждает т. Карев, т.-е. философии в старом, домарксовском смысле слова, со времени Маркса-Энгельса пришел конец. И, несмотря на это, автор рецензируемой книги реставрирует философию в старом смысле слова, выдавая свое понимание за единственно правильное. Сошлемся еще на одно рассуждение т. Карева об историческом характере диалектики. Вот это рассуждение: «Диалектика...— историческая наука в том единственно правильном смысле этого слова, что всякий предмет она требует изучать исторически, т.-е. не признавая его существования с Адама и до наших дней, а в его происхождении, развитии и переходе в новое»[5]). В представлении т. Карева диалектика оказывается историчной не потому, что сама она претерпевает процесс исторического развития, как учили Маркс, Энгельс и Ленин, а лишь потому, что предметы она требует рассматривать в изменении. И это по Кареву единственно правильное понимание историчности диалектики. «Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит, и нашей эпохи,— писал Энгельс в «Диалектике природы», это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, и это имеет значение и для практического применения мышления к эмпирическим областям, ибо теория законов мышления не есть вовсе какая-то раз навсегда установленная «вечная истина», как это связывает со словом «логика» филистерская мысль»[6]). Ведь само собою понятно, что если категории диалектики на ряду со всеми предметами окружающего нас мира не претерпевают развития, как это думает т. Карев, то они тогда составляют какую-то самостоятельную совокупность вечных, неизменных определений, осуществляющих себя, наподобие категорий Гегеля, в конкретных предметах. Так на деле у т. Карева и получается. Диалек-

---

1) За материалистическую диалектику, стр. 39.
2) Там же, стр. 47; подчеркнуто мною. Ш.
3) Там же, стр. 46.
4) Там же, стр. 49.
5) Там же, стр. 50.
6) Диалектика природы, стр. 87; подчеркнуто мною. Ш.

тика в его понимании—это замкнутая и неизменная при этом система категорий, подтверждающихся конкретными науками и проявляющихся в них. Поэтому и задачу философии т. Карев видит в том, чтобы посредством чисто-логического анализа подводить под категории диалектики накопляемый конкретными науками опыт. «Не логика дела, а дело логики» составляет предмет исследования, которым занят наш автор. И какие бы оговорки ни делал после этого т. Карев своим пониманием этого вопроса он реставрирует идеалистическую диалектику Гегеля. Тов. Карев оказался в плену гегелевского идеалистического мировоззрения. Рецензируемая книга дает полное основание утверждать, что т. Карев рассматривает все проблемы диалектического материализма под флагом их «гегельянизирования». Гегеля он превратил в единственный неоспоримый авторитет. Обращают на себя внимание, например, чрезвычайно частые ссылки по всякому поводу, а то и вовсе без всякого повода, на положения Гегеля. В книге говорится, что Гегель дал исчерпывающий ответ противникам философии (стр. 42); Гегель показал, как метод становится теорией (стр. 55); на примере Гегеля мы видели, как метод приводит к материализму (стр. 54). Точно также во множестве других случаев т. Карев обращается к примерам из Гегеля, обращается за доказательством к Гегелю. При этом ссылки делаются за очень редкими исключениями, без указаний на то, что Гегель решал философские вопросы с своей идеалистической точки зрения. В одном месте т. Карев пишет, что Ленин тщательно отмечал переходы понятий у Гегеля, которые, наряду с другими моментами, составляют основное богатство «Науки логики». Это утверждение не отвечает действительности. Следя за переходами понятий у Гегеля, Ленин приходил к тому выводу, что они производят впечатление большой натянутости, пустоты, что они сугубо абстрактны. Мнение Ленина по этому вопросу полностью совпадает с оценкой Энгельса, признававшего у Гегеля произвольность переходов от одной категории к другой (см. «Письма Маркса и Энгельса», стр. 354). Необыкновенно частое заимствование примеров из Гегеля оставляет впечатление, что классикам марксизма после Гегеля ничего собственно не оставалось делать в области философии, все сделано Гегелем. К Гегелю, разумеется, необходимо обращаться, но надо к нему обращаться не так, чтобы при этом забывать основоположников марксизма.

Надо сказать, что положения идеалистической диалектики Гегеля т. Карев большей частью воспринимает без материалистической переработки. В своем чрезмерном увлечении философией Гегеля он утратил чувство критического отношения к Гегелю. Случаи такого некритического отношения к Гегелю представляют далеко не редкое явление в рецензируемой книге. Так, например, в подтверждение своей мысли о значении философии т. Карев приводит выдержку из Гегеля, в которой говорится: «Для поучения тому, каким должен быть мир, философия, во всяком случае, приходит слишком поздно. Как мышление мира, появляется она впервые в то время, когда действительность окончила уже процесс своего формирования и готова.. Когда философия рисует свое серое по серому, тогда образ жизни уже стар и серым по серому его можно не омолодить, а только познать; сова Минервы только тогда, когда пробиваются уже сумерки, начинает свой полет».

Эту цитату т. Карев комментирует так:

«При всем глубоком материалистическом понимании зависимости мышления от действительности, заключенном в этих словах, в них есть и созерцательная точка зрения на задачи познания философии»[1]. По Кареву выходит, что Гегель материалистически понимал отношение мышления к бытию. На самом же деле смысл гегелевского утверждения состоит в признании, что философия, имеющая «своей задачей постигать истину», которая «заключается в идее и только в идее», начинает себя проявлять после того, как абсолютная идея, являющаяся по Гегелю творцом мира, пройдет все ступени своего

[1] За материалистическую диалектику, стр. 97; подчеркнуто мною. Ш.

развития и, воплотившись в философию, начнет познавать самое себя. Здесь и не пахнет у Гегеля материалистическим пониманием.

Встав на путь методологизирования, исключительно логического анализа вопросов, т. Карев пришел к извращенному пониманию коренных вопросов материалистической диалектики. Издевательством над духом марксизма-ленинизма звучит, например, трактовка, даваемая в книге основному закону диалектики — закону единства противоположностей. «Диалектик, — говорится в книге, — не должен останавливаться на различиях в изучении предмета, а должен искать в нем противоположности, ведущие к противоречиям»[1])

По Кареву противоположности ведут к противоречиям. В предметах, следовательно, нет с самого начала внутреннего противоречия, вызывающего их развитие. Утверждая, что противоречия появляются в результате отношений между противоположностями, т. Карев отрицает абсолютный характер борьбы этих противоположностей. Борьба противоположностей возникает лишь после того, как различие «перейдет в противоположность»[2]), а из последних разовьется противоречие. Каревское понимание противоречит ленинским указаниям, согласно которым «единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»[3]).

Равнение не на диалектический материализм, а на идеалистическую диалектику Гегеля обусловило целый ряд ошибок, которые рассеяны на страницах книги т. Карева. В одном месте т. Карев, например, пишет, что «классическая философия, даже идеалистическая, развивалась в неразрывной связи с научным знанием»[4]). Верно, конечно, что вообще философия развивается и исторически развивалась в связи с научным знанием. Однако нельзя ограничиваться подчеркиванием лишь связи идеалистической философии с наукой, необходимо также указывать на то, что философские идеалистические системы, полагающие в основу всего духовное начало, порывают с наукой.

В другом месте автор высказывает ту мысль, что движение есть «наиболее общее выражение всех связей и взаимозависимости в природе, так как именно благодаря движению различные материальные предметы соприкасаются (? *Ш.*) друг с другом и переходят друг в друга»[5]).

Если движение есть общее выражение всех связей и взаимозависимостей в природе, то нельзя, как это делает т. Карев во второй части своего утверждения, изолировать движение отдельных предметов и на основе этого заключать к соприкосновению их друг с другом, приходя, таким образом, к противопоставлению движения предметов их взаимодействию. Да и по существу мысль т. Карева неправильна. Вещи, предметы не приходят в «соприкосновение», а всегда находятся во взаимной связи, во взаимодействии. «Вся доступная нам природа, — учил Энгельс в «Диалектике природы», — образует некую совокупную связь тел... Из того, что тела находятся во взаимной связи, логически следует, что они действуют друг на друга, и это их взаимодействие и есть именно движение»[6]).

В свете абстрактной аргументации, носящей характер рассуждений, вообще свойственных автору рецензируемой книги, далеко неудовлетворительной выглядит и та борьба, которую ведет он с механистической ревизией диалектического материализма на страницах своей книги. Тов. Карев как правило критикует грубую вульгарную методологию с высот «чистой» теории. Поэтому чаще всего

[1]) За материалистическую диалектику, стр. 95; подчеркнуто мною. *Ш.*
[2]) Там же, стр. 162.
[3]) К вопросу о диалектике, см. Соч., т. XIII, стр. 302.
[4]) Подчеркнуто мною. *Ш.*
[5]) За материалистическую диалектику, стр. 97; подчеркнуто мною. *Ш.*
[6]) «Архив Маркса и Энгельса» кн. II, стр. 231; подчеркнуто мною. *Ш.*

здесь встречаются повторения одних и тех же общих положений, вызывающих скуку у читателя. Автор ведет спор исключительно в плоскости общих теоретических вопросов, не спускаясь ни на одну минуту к конкретным вопросам на грешную землю. Если можно говорить о положительной роли книги в деле борьбы с механизмом, то она исчерпывается лишь разоблачением отрицания со стороны механистов значения теории вообще и диалектики в особенности. Однако эта роль далеко недостаточна. И та критика механистов, которая проводится в книге, вовсе не может претендовать на нанесение механистической концепции сокрушительного удара, так как покоится эта критика не на позициях ортодоксального диалектического материализма, а на позициях абстрактной диалектики. Механисты, отрицая теорию, тем самым теряются в бездне фактов. В противоположность механистам т. Карев погрязает в философских абстракциях.

Насколько недостаточна критика механистов, показывает, например, тот факт, что совершенно неразоблаченной осталась механистическая концепция исторического материализма. А между тем в этой области механистическая методология успела найти, пожалуй, самое широкое распространение. Известно, что «Теория исторического материализма» Бухарина и «Исторический материализм» Сарабьянова, неоднократно переиздававшиеся, распространялись среди вузовцев, комвузовцев и широких кругах партийных и комсомольских кадров в качестве настольного пособия. И тем не менее по поводу реакционного значения механистических взглядов в области исторического материализма в книге т. Карева не сказано ни слова.

Помимо всего рецензируемая книга представляет собою образец вопиющего отрыва рассмотрения философских вопросов от актуальных задач современности. Невозможно указать ни одной страницы, которая связывала бы теорию с задачами и вопросами нашей революции. В этом отношении книга оставляет впечатление полного разлада, разрыва между автором и жизнью. Жизнь в связи с изменениями в стране, вызванными успешным наступлением социализма по всему фронту, требует новой постановки вопросов в области философии. Автор же, оставаясь равнодушным к обстановке, к новым условиям, из одной статьи в другую упражняется в игре понятиями. Забывая о жизни, уходя в высь философских абстракций, т. Карев превращает действенные положения материалистической диалектики в бессмысленную совокупность догм мертвящей схоластики.

Как бы в предвидении того, что найдутся философы, которые будут забывать о неразрывной связи диалектического материализма с практикой революционного движения, Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» указывал на необходимость разрабатывать материалистическую диалектику, опираясь на работы Маркса и на примеры «диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много»[1]). Ленин сотни раз подчеркивал, что всю работу в области философии надо подчинить делу классовой борьбы пролетариата, делу революции. Тов. Карев в своей книге проходит мимо этого завещания Ленина. Он рассматривает вопросы диалектики, вопреки завещанию Ленина, вне связи с развитием мировой пролетарской революции, вне связи с классовой борьбой и строительством социализма в нашей стране.

Наряду с отрывом философии от актуальных задач социалистического строительства, в книге имеет место игнорирование ленинского принципа партийности в философии. Несмотря на то, что партия постоянно проводила решительную борьбу с внутрипартийными оппортунистическими течениями, т. Карев не отвел места в своей книге защите генеральной линии партии и разоблачению теоретических основ этих оппортунистических уклонов. Вся книга очень и очень далека

[1]) «Ленинский сборник» XII, стр. 323.

от того, чтобы заключать в себе защиту генеральной линии партии. Для Карева ленинского положения о том, что диалектический материализм «включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» [1]), не существует.

Наряду с извращениями положений диалектического материализма в книге т. Карева имеются грубые, недопустимые политические ошибки. Еще в первом издании книги т. Карев по вопросу о классах в переходный период писал:

«Для каждой общественно-экономической формации существуют свои основные классы, перерабатывает и уничтожает самого себя как пролетариат» [2]).
ного периода от капитализма к социализму, строго говоря, существует лишь один основной класс — пролетариат, который, уничтожая и перерабатывая все остальные классы, перерабатывает и уничтожает самого себя как пролетариата» [1]).

Это утверждение т. Карева явно противоречит ленинизму. Ленин, а за ним и т. Сталин многократно указывали, что в период диктатуры пролетариата, после того как буржуазия пролетарской революцией разбита, как решающая, определяющая сила, какой она являлась при капитализме, другим основным классом кроме пролетариата становится крестьянство, его основные, не эксплоатирующие чужого труда, массы. Тов. Карев игнорирует крестьянство, как другой основной класс общества переходного периода, и тем самым впадает в троцкизм. Далее, об'явив наличие одного класса в переходный период, т. Карев продолжает: «Но это вовсе не значит, что и вообще существует в переходном обществе только один класс. В «исторически определенной» для переходного времени системе производственных отношений сохраняются и частично воспроизводятся другие, оставшиеся от прежних общественно-экономических формаций, классы. Их судьба, пути развития определяются общей динамикой борьбы капиталистических и социалистических элементов переходного общества. Отношение к ним пролетариата есть отношение классовой борьбы, формы этой борьбы меняются и различны по отношению к различным классам» [3]). Здесь признается существование кроме пролетариата других классов, но все эти «другие сохраняющиеся и частично воспроизводящиеся классы», без какой бы то ни было попытки различить их, т. Карев относит к враждебному для пролетариата лагерю. Он не проводит различия между капиталистическими слоями и мелким крестьянством, являющимся носителем простого товарного хозяйства. В силу этого, по т. Кареву, и «отношение к ним (т.-е. ко всем другим классам, в том числе и к основным массам крестьянства. *Ш.*) пролетариата есть о т н о ш е н и е к л а с с о в о й б о р ь б ы». Для троцкизма как раз особенно характерным является признание противоречия и отрицание единства между пролетариатом и основными массами крестьянства. Из этого вытекала троцкистская ревизия ленинского учения о диктатуре пролетариата. Ясно, что т. Карев воскрешает разбитые уже давно партией традиции троцкизма в вопросе о классах в переходный период.

Однако не избежал т. Карев троцкизма и во втором издании своей книги, хотя он эту свою статью выпустил. В статье «Марксистская критика и критика марксизма» он пишет: «Современная нам советская действительность есть в основном своем разрезе борьба двух противоположных друг другу сил — капитализма и социализма. Носителем социалистического начала является пролетариат, его партия, руководящаяся учением Маркса и Ленина; носителем капиталистического начала является нэповская буржуазия со всем штатом ее настоящих и возможных, сознательных и бессознательных сородичей и прихлебателей. Это — о с н о в н ы е, о п р е д е л я ю щ и е с и л ы» [4]). Здесь, так же, как и в первом случае, т. Карев не принимает во внимание крестьянство, как основной после пролетариата класс

---

[1]) Л е н и н, Соч., т. I, стр. 276.

[2]) За материалистическую диалектику, изд. 1-е, стр. 62; разрядка автора.

[3]) Там же, стр. 62—63; подчеркнуто мною. *Ш.*

[4]) Там же, стр. 103; подчеркнуто мною. *Ш.*

в переходный период. Он не понимает того ленинского положения, что в переходный от капитализма к социализму период вопросы социалистического строительства, а следовательно, и вопрос «кто — кого» упирается во взаимоотношение между пролетариатом и крестьянством, как двумя основными классами. Ленинизм учит, что диктатура пролетариата выполнит свои задачи, опираясь на союз рабочего класса с основными массами крестьянства при руководящей роли рабочего класса в этом союзе.

Формулировка т. Карева сугубо неверна в методологическом отношении, ибо она не показывает своеобразия переходного периода от капитализма к социализму и механически переносит соотношение классов капиталистического общества на эпоху диктатуры пролетариата. Помимо этого т. Карев превращает свое положение в исходный пункт при исследовании «всякого стоящего перед нами вопроса». «С этой, и прежде всего с этой, точки зрения (т.-е. с точки зрения того, что основными, определяющими силами являются пролетариат и нэповская буржуазия. *Ш.*), — заявляет он, — мы должны подходить ко всякому стоящему перед нами вопросу» [1]).

Ясно само собой, что если подходить к вопросам нашего социалистического строительства с «этой точки зрения», то кроме троцкизма ничего не получишь. Своим утверждением т. Карев дает философское обоснование «левых» взглядов на вопросы классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата.

В связи с «этой точкой зрения» т. Карева находится определение крестьянства, которое дается в книге несколькими страницами ниже. «Крестьянство, — читаем мы здесь, — наряду с пролетариатом в а ж н е й ш и й (не основной, а только важнейший. *Ш*) класс переходного общества, у нас численно самый большой класс». Далее оказывается, — «оно (т.-е. крестьянство. *Ш*) необходимый, но не всегда верный с п у т н и к пролетариата» [2]).

Не может быть сомнения в том, что точка зрения Карева ведет к отрицанию возможности вовлечения трудящихся масс крестьянства в социалистическое строительство.

Подводя итоги, необходимо сказать, что книга т. Карева ни в малейшей степени не отвечает тем требованиям, которые пред'являются к теоретической работе, долженствующей служить руководством к действию. Меньшевистская оценка роли Ленина как теоретика, отрицание ленинизма в философии, игнорирование и извращение важнейших указаний Ленина, реставрация идеалистической диалектики Гегеля, антимарксистская трактовка коренных вопросов диалектического материализма, грубые политические ошибки, вопиющий отрыв теории от актуальных вопросов социалистической революции составляют характерные черты рецензируемой книги. При чем все взгляды, развиваемые в книге, имеют внутреннюю логическую связь между собою. Эта система взглядов представляет из себя по существу своеобразную весьма скрытую замаскированную марксистско-ленинской терминологией форму идеализма. Своеобразие такой системы взглядов состоит в том, что она придает самодовлеющее значение общим теоретическим определениям до такой степени, когда они отрываются совершенно от конкретного содержания и превращаются в самостоятельные, независимые от этого содержания, определения. Об'ективно эта система взглядов является идеалистической ревизией диалектического материализма. На пути развития философской коммунистической мысли в нашей стране она представляет собою реальную опасность, без преодоления которой невозможно успешное выполнение задач, стоящих перед философским фронтом. Опасна такая идеалистическая ревизия диалектического материализма тем, что она заводит мысль в тупик догматической, мертвой схоластики и тем самым притупляет и запутывает сознание участников социалистического строительства — искренних последователей диалектического материализма. Будучи чрез-

[1]) За материалистическую диалектику, стр. 104.

[2]) Там же, стр. 108.

вычайно утонченной, скрытой под формой марксистских терминов, эта система взглядов не только не может являться руководством к действию, но, напротив того, она устраняет всякую ясность перспективы, всякую уверенность в работе. Служа делу подрыва марксистско-ленинской теории и являясь одной из утонченных форм влияния мелкобуржуазной и буржуазной идеологии на пролетарское мировоззрение, эта система взглядов представляет собою меньшевиствующий идеализм.

В современных условиях обостреннейшей классовой борьбы как в экономике и политике, так и во всех областях идеологии названная идеалистическая по своему существу концепция, наряду с механицизмом — главной опасностью в настоящее время, является центром притяжения для мелкобуржуазных и буржуазных теорий, находящих в ней наиболее удобную форму борьбы с господствующей при диктатуре пролетариата теорией марксизма-ленинизма.

Шевкин.

О философском разделе ленинградских „Проблем Марксизма".

Отставание теории от практики, указанное т. Сталиным, нашло свое наиболее острое выражение в области философии. Как в других областях теории, так и здесь мы имеем сложившиеся антимарксистские, меньшевиствующие концепции, идущие под флагом механистической и идеалистической ревизии марксизма. Влияние идеалистической ревизии марксизма сильнее всего отразилось в журнале «Проблемы Марксизма» (теоретический орган Ленинградского Института марксизма, а затем и Ленинградского отд. Комакадемии). В вышедших до сих пор книгах журнала помещено несколько статей и рецензий философского порядка. Однако, за исключением статьи Иоффе о «проблеме закона» в «Капитале» и стенографического отчета доклада Гоникмана о «философских основах правого уклона», в них нет ни одной попытки увязать философские исследования, изучение классических трудов марксизма с актуальными проблемами партийной политики.

* * *

Философская линия «Проблем Марксизма» наиболее рельефно выражена в работах основных представителей деборинской группы в Ленинграде—Гоникмана и Тымянского.

В № 2 «Проблем Марксизма» помещена статья Тымянского о производительных силах, а в № 2 (4) его же рецензия на Ленинский сборник XII. Эта рецензия обнаруживает полное непонимание философского значения Ленина. Тымянский пишет: «Работа Ленина по философии может быть в общем разбита на три периода: девяностые годы, когда Ленин изучал диалектический материализм по работам Маркса-Энгельса, но не занимался философией специально, второй период: годы 1904—1908, когда Ленин вел борьбу с богостроительством и богоискательством, с богдановщиной и другими видами ревизии диалектического материализма, и третий период — годы 1914—1916, когда Ленин повидимому готовил материалы для специальной работы по диалектической логике». Заметки, относящие к эпохе 1914—1916 гг., когда Ленин готовил специальную работу по логике, для нас особенно ценны, ибо мы находим в них богатейший материал по вопросам материалистической диалектики. Но и заметки Ленина, относящиеся ко времени от 1895 до 1911 г., дают нам ряд разбросанных блестящих идей по вопросам философии и науки и обнаруживают перед нами теоретическую мощь философа-революционера» [1]).

Как видим из приведенной длинной цитаты, где дается характеристика Ленину, как философу в целом, автор статьи ничего не понял ни в марксистско-ленинской философии вообще, ни в Ленине в особенности. Во-первых, он, как и вся деборинская группа, не понял исторического значения Ленина в развитии

[1]) «Проблемы Марксизма» № 2 (4), 1930 г., стр. 177—178.

марксистской теории, не понял того, что Ленин дает нам новейший этап в развитии марксистской философии. Во-вторых, он не понял того, что философское развитие Ленина вовсе не ограничивается только периодом до 1916 г. Это свидетельствует о непонимании Тымянским самой сути постановки вопроса о философии в марксизме-ленинизме. Он, собственно говоря, считает философской только работу над проблемами «чистой логики», поэтому он не понимает всей глубины философского содержания именно первых работ Ленина, которые уже сразу обнаружили различие между Лениным и Плехановым. Это абсолютное непонимание философского содержания «Друзей народа» и последующих работ Ленина ясно высказано, между прочим, в утверждении Тымянского, будто к 1910 г. Ленин значительно больше, нежели в прежних конспектах, обращает «внимание на диалектическую сторону марксистского мировоззрения». (Там же, стр. 178). Поэтому для него «особенно ценен» период, когда Ленин де собирал материалы для работы по диалектической логике, и, наоборот, все работы Ленина, написанные после 1916 г., находятся вне пределов философии! Здесь мы имеем плохо скрытую меньшевиствующую оценку теории и ее отношения к революционной практике. Для нашего ленинградского «философа» «Государство и революция», «Детская болезнь левизны», речь о профсоюзах, речь на III с'езде КСМ и другие работы, как и вся вообще революционная работа Ленина и его партии, не имеют отношения к материалистической диалектике. В вышеприведенных строках, которые Тымянский кончает дифирамбами Ленину как «революционеру-философу», он обнаруживает всю фальшь своего меньшевиствующего понимания этих проблем.

Работа Тымянского о «Производительных силах, как движущей силе общественного развития» (там же), как, впрочем, и другие его работы, представляет собою типичное идеалистическое извращение марксизма, извращение, идущее в основном под флагом гегельянства, но с большой примесью кантианства. В 1930 г. на страницах «Проблем Марксизма» Тымянский развертывает типично идеалистическую концепцию общественной науки. Так он утверждает, что «прежде, чем решить вопрос об определенном конкретном общественном явлении, мы должны отвлечься от конкретности отдельных явлений и рассмотреть закономерность общества вообще, общества, взятого в абстракции». Для Тымянского «первым» делом науки является создание абстрактно логической схемы. Его не интересует, как выражается Маркс, «логика дела». Это — дело несчастных «эмпириков», «историков», которые должны появляться на сцену науки только после того, как он, «чистый теоретик», завершил свои блуждания по миру «дела логики». Поэтому не исследование, на основе метода материалистической диалектики, исторически определенных, общественных формаций не познание, скажем, определенных общественных процессов предвидения будущего, а логическое познание «общественных процессов» вообще, вот что является основной и исходной задачей теоретика марксиста, думает Тымянский. «В самом деле, — пишет он в той же статье, — логически познать общественные процессы, значит — познать их общие связи, а это прежде всего означает — познать закономерность абстрактного общества и потом уже, исходя из него, притти к познанию конкретных общественных формаций» (подчеркнуто мной. *Л. А.*) Тут же Тымянский декретирует чуждую марксизму буржуазно-идеалистическую теорию разделения наук на чисто-«методологические» и «исторические».

Мы бы только хотели поставить редакции «Проблем Марксизма» вопрос — неужели ей неизвестны основные методологические установки марксизма, ясно сформулированные Марксом, Энгельсом и Лениным, или она считает явную идеалистическую ревизию марксизма, представленную в этой работе Тымянского, «разработкой материалистической диалектики»? Так как цель настоящей статьи показать философское лицо «Проблем Марксизма», то мы специально остановимся на разборе философских писаний Гоникмана, который являлся главным представителем меньшевиствующего идеализма деборинской группы в «Проблемах Марксизма».

Обратимся к стенограмме его доклада.

Прежде всего надо заметить, что этот доклад по всему своему построению и по своей установке целиком совпадает с теми выступлениями наших «официальных» философов против правого уклона, которые имели место до сих пор. Нет ни одного абзаца, посвященного конкретному анализу хоть какого-нибудь политического вопроса. Тут все — рассуждения «по поводу». Чистейшая схоластика, формальные рассуждения о «единстве противоречий», без единой попытки действительного конкретного анализа конкретного вопроса. Потуги выскочить из мира «методологических сущностей» в мир об'ективной действительности, сплошь и рядом терпят крах. Например, Гоникман «анализирует» «с у щ н о с т ь» т. н. «брестских ошибок» т. Бухарина и приходит к выводу, что «сущность «брестских» ошибок т. Бухарина заключается в том, что он не мог понять действительности, как противоречивого единства» (Там же, стр. 179). Ясно, что т а к о е определение сущности определенной политической линии не только ничего не говорит о действительной сущности «брестских ошибок», но и рассчитано, пожалуй, на оправдание или, по крайней мере, смазывание всей а н т и б о л ь ш е в и с т с к о й с у т и п о с л е д н и х.

Говоря о «сущности» право-оппортунистической позиции т. Бухарина по вопросу о новых формах смычки с крестьянством на новом этапе нэпа, Гоникман изрекает как философская пифия: «Для него система осталась такой же, какой она была в восстановительный период, и если какие-либо изменения она претерпела, то это изменения количественные». «Самодвижение системы, — оглушает Гоникман своих слушателей и читателей, — которое приводит к обновленному содержанию и к новым формам, этого конкретного характера изменения, не количественного, т. Бухарин вскрыть не мог» (Там же, стр. 178). Однако дело не только и не столько в этой словесной эквилибристике, которой наш «философ» пичкал своих слушателей в Ленинграде и читателей «Проблем Марксизма» вместо конкретного анализа основных установок правого уклона. Дело в том, и это — г л а в н о е, что под этой «узорной» схоластической работой скрывается оппортунистическая политическая концепция. В самом деле. В приведенной цитате Гоникман говорит, что ошибка Бухарина заключалась в том, что он не понял «нового качества», которое приобрело наше общество в новый период нэпа. Этот новый период нэпа, как известно, есть р е к о н с т р у к т и в н ы й период.

«Для него», т.-е. для Бухарина, — говорит Гоникман, — система осталась той же, какой она была в восстановительный период, между тем как «система» претерпела существенное, качественное изменение, а не чисто-«количественное». Что новый этап нэпа имеет специфическую, ему присущую характеристику, отличную от предыдущего этапа, это, конечно, верно, но посмотрим, в ч е м видит Гоникман эту специфичность нового этапа нэпа в противоположность прошлому. На странице 177 читаем: «первой кардинальной ошибкой т. Бухарина является непонимание необходимости классовой борьбы в реконструктивный период». Стало быть по Гоникману выходит, что Бухарин «не понял», что принципиальный, не «количественный», а «качественный», характер перехода от в о с с т а н о в и т е л ь н о г о периода к р е к о н с т р у к т и в н о м у заключается в том, что в этот последний период классовая борьба «делается необходимым». Иначе не имело бы смысла охарактеризовать непонимание сущности перехода от восстановительного к реконструктивному периоду, когда «содержание и форма структуры», изменившись, дали новое качество, — непониманием н е о б х о д и м о с т и классовой борьбы в этот реконструктивный период. И вот, по Гоникману, выходит, что Бухарин шел с партией в ногу до тех пор, пока восстановительный период исчерпал себя, а как только мы вступили в новый реконструктивный период нэпа, когда, по словам Гоникмана, при «новом качестве» классовая борьба стала «необходимой», Бухарин отошел от партии. Иначе говоря, по Гоникману, выходит, что до реконструктивного периода классовая борьба «не была необходима», а с переходом к нэпу она с т а л а «необходимой». Есть ли надобность

специально доказывать неправильность этого утверждения? Есть ли необходимость указывать на связь этой, с позволения сказать, «философской» концепции с оппортунистическим представлением о восстановительном периоде, как периоде, когда отсутствовала «необходимость классовой борьбы»? Думается, что нет. Думается, что после всей той работы, которую партия проделала для разоблачения троцкизма и правого уклона, вопрос достаточно ясен сам по себе. Насколько наш «философ» является настоящим диалектиком и настоящим защитником ленинизма, видно, между прочим, из того, что он с простецким видом заявляет: он де не сомневается, «что Троцкий был плохим диалектиком» (Там же, стр. 176). Это Троцкий-то «плохой диалектик»! По мнению Гоникмана, вчерашнего открытого троцкиста и правого уклониста, а ныне выкинутого из партии двурушника, Троцкий не заядлый метафизик, а всего на всего «плохой диалектик». Что же удивительного, если наш маэстро, взявшийся философски «обосновать» политику партии и вскрыть «философские основы правого уклона», заявляет, что «методологическая сущность двух важнейших ошибок Бухарина (т.-е. в вопросе о «классовой борьбе в реконструктивный период и в вопросе об организованном капитализме». *Л. А.)* заключается не в умении приложить закон единства противоречий» (Там же, стр. 177).

Наконец, несколько слов о самом характере постановки вопроса о методологических корнях уклонов от генеральной линии партии. Если просмотреть ту борьбу, которую вели наши философы против правого уклона, то прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что они не показывали или не пытались даже показать социальные корни антиленинских теорий. Отказ от конкретного разбора и конкретной критики оппортунистических теорий, обуславливаемый отрывом философской работы от революционной практики пролетариата, находил свое сгущенное выражение в том факте, что философы вместо того, чтобы обнажить действительную классовую природу, действительные социальные истоки оппортунистических концепций, ограничивались чисто-логическим анализом последних. В результате этого получалось идеалистическое извращение самой революционной теории, марксистско-ленинской диалектики. Замена «логики дела» «делом логики» становилась характерной особенностью той критики теорий правого уклона, которую вели наши философы деборинской группы. В этом отношении между методологией критики оппортунистических теорий, которую давал Ленин и которую дает партия и ее теоретический вождь т. Сталин, и методологией той критики, которую демонстрировали наши философы, лежит прямая пропасть. Первая критика — содержательна, действительно революционна, а вторая — формальна, вымучена, оторвана от практики, схоластична. Ленин, указывая на логическую связь между отдельными ошибками и общей концепцией, указывая, что каждая оппортунистическая ошибка ближайшим образом связана с отходом от революционно-материалистической диалектики, что она является результатом отклонения от основ революционной теории, вместе с тем, как никто другой, умел вскрыть и показать действительный, практический корень этого самого отступления от революционной теории. Но когда наши философы, критикуя теоретические концепции правого уклона, ищут их корни только в теории, они сами тем самым становятся на антимарксистский, антиленинский путь, поскольку они, фактически, переносят источник оппортунистических теорий из практики классовой борьбы в область движения мысли.

Мы уже видели, что доклад Гоникмана представляет собою типичный образец такой критики. Исходя из того, что основу уклонов для теоретиков надо искать в области мысли, Гоникман возвещает миру свое «новое» об'яснение и, пожалуй, можно сказать оправдание, обоснование уклонов.

«Всякая система политических взглядов, — говорит он в начале своего доклада, — как и всякий узел всей системы общественных взаимоотношений, — может быть рассмотрена по двум осям, в двух направлениях: она может быть

рассмотрена с одной стороны снизу вверх, т.-е. как «логика дела», как продукт непосредственных экономических интересов.

С другой стороны, та же самая система политических взглядов может быть рассмотрена, как «дело логики», т.-е. сверху вниз, как продукт применения к анализу экономической обстановки определенной совокупности философских взглядов» (Гоникман, стр. 175). Гоникман оговаривается, что он не признает «чистого» пути. Но не в этом, конечно, дело, а в том, что с его точки зрения политическая концепция правого уклона не является результатом влияния враждебной пролетариату классовой идеологии на неустойчивые прослойки партии, не является формулировкой линии агентуры кулачества в партии, а, возникая самостоятельно, в мире движения «чистой мысли» (в сфере «дела логики»), затем только приходит в определенное созвучие с бренным миром материальных классовых отношений. С точки зрения Гоникмана политическая концепция правого уклона коренится только и исключительно в метафизической методологии Бухарина. Не лишне сравнить то, что говорят об уклонах, их корнях и основах Ленин и Сталин — с одной стороны, Гоникман — с другой стороны. В своей известной речи на пленуме МК т. Сталин говорит по этому вопросу следующее: «Так как пролетариат живет не в безвоздушном пространстве, а в самой действительной и реальной жизни со всем ее разнообразием, то нарождающиеся на базе мелкого производства буржуазные элементы «окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечений к унынию» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 436) и вносят таким образом в пролетариат и его партию известные колебания, известные шатания.

«Вот где, — подчеркивает т. Сталин, — корень и основа всякого рода колебаний и уклонов от ленинской линии в рядах нашей партии» [1]). И далее, подводя итоги своей речи, т. Сталин снова подчеркивает: «1. Правая опасность представляет серьезную опасность в нашей партии, ибо она коренится в социально-экономической обстановке нашей страны» [2]).

Послушаем теперь, что говорит о корнях правого уклона Гоникман. «Для кулака, — говорит он, — этим решающим отправным моментом являются его непосредственные экономические интересы, и, наоборот, для теоретика, в частности, для теоретика, который возглавил правый уклон,—решающим отправным пунктом является определенная система методологических взглядов, определенный способ рассматривания всей действительности, в том числе и действительности политической и экономической («Проблемы Марксизма», стр. 171). Чувствуя, вероятно, некоторое смущение перед этим суб'ективистическим, идеалистическим, антимарксистским определением корня, основ, оппортунистических уклонов, Гоникман оговаривается, что философская система сама, в свою очередь, является «продуктом классовой борьбы». Но все-таки, продолжает Гоникман, «он (т.-е. теоретик) подходит к конкретным фактам действительности на основании определенной системы методологических взглядов, и эта система методологических взглядов приводит к определенному конкретному ответу, к конкретному способу разрешения политических и экономических вопросов» (Там же, стр. 176).

Между этими двумя подходами к вопросу о корнях уклонов, как видим, имеется принципиальная разница. В то время, как подход Ленина и Сталина основывается на диалектико-материалистическом принципе единства теории и практики, подход Гоникмана, наоборот, зиждется на отрыве и противопоставлении теории практике, теории—социально-экономической действительности. Гоникман разрывает и противопоставляет друг другу действительность и ее идеологическое отображение, творящие эту действительность общественные классы, пар-

---

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 2-е, 1930 г., стр. 430—431.

[2]) Там же, стр. 436; подчеркнуто мною. *Л. А.*

тия, и «теоретиков». Диалектическое единство теории и практики заменено здесь характерным для II Интернационала метафизическим их разрывом, «теорией критически мыслящих личностей», отправляющихся от определенных абстрактных методологических принципов и противостоящих им «масс», «толпы», руководимой слепыми побуждениями «низменных» экономических сил. Мы здесь имеем дело с явным извращением марксизма, с явным протаскиванием идеалистических воззрений под прикрытием «марксистских» фраз. И это особенно ясно видно на том, чем кончает Гоникман изложение «своей», с позволения сказать, «философии истории».

«В этой механике, — подводит итоги Гоникман, — кроется ответ на вопрос об условиях образования исторической личности. Вопрос о реальной исторической роли крупных теоретиков решается тем, есть ли контакт между этими путями сверху и снизу. Если путь сверху находит контакт с путем снизу—мы имеем то, что мы называем исторической личностью. Определенная система взглядов, теоретически обоснованная, превращается в материальную силу, когда она овладевает массами» (Там же, стр. 176).

В этих заключительных строках Гоникман с головой выдает себя, как идеалистического, оппортунистического ревизиониста марксизма-ленинизма. Действительный смысл всей этой «оригинальной» меньшевиствующей теории заключается в том, чтобы затемнить классовую природу теоретической концепции Бухарина, как выражения контрреволюционной идеологии кулачества.

И это преподносится как «борьба» против правого уклона, как «борьба» за марксизм-ленинизм. Где же, «консулы» из редакции «Проблем Марксизма», ваша классовая бдительность?

Но было бы ошибочным думать, что этот отрыв теории от практики, это возведение теории в некую самостоятельную субстанцию характерно только для писаний отдельных сотрудников журнала, а не для всей философской позиции журнала «Проблемы Марксизма». Пожалуй, идеалистическое извращение марксизма, гегельянщины деборинской группы, наиболее ярко отразилась именно на «Проблемах Марксизма». Философские статьи, помещенные в этом журнале, могут служить образцом либеральной «беспартийности» В журнале помещен ряд статей, посвященных различным философам. Все эти статьи представляют типичные работы буржуазных гелертеров. Вы не найдете в них никакого анализа конкретной социально-экономической базы рассматриваемых учений. Философские концепции рассматриваются сами по себе, с точки зрения их абстрактно-логической структуры. Чисто-формальный, безжизненный анализ философских категорий и учений, без малейшего намека на специфическую классовую природу данных абстрактных концепций, без малейшей попытки пролетарски-критического отношения к буржуазным мыслителям! [1]).

Нечего и говорить, что «Проблемы Марксизма» абсолютно никакого внимания не уделили борьбе с религией и вообще не ведут борьбы за материалистическое мировоззрение.

Чтобы дать более полное представление о философском лице «Проблем Марксизма», мы остановимся еще на разборе другой статьи Гоникмана: «Предмет диалектики». Мы выбираем эту статью, во-первых, потому, что это — единственная во всех вышедших до сих пор номерах работа, посвященная проблемам диа-

---

[1]) Между прочим заметим, что это «беспартийное» отношение к теории сказалось не только на философском разделе журнала. В № 2 (4) помещена рецензия Качуриннера на «Organisierte Unwirtschaftlichkeit» Bente, в которой автор, формально изложив содержание книги советским читателям, не только не дает ее критики, но и ни словом не обмолвился о классовом содержании теории «организованной бесхозяйственности». Больше того, в некоторых местах автор явно выражает сочувствие идеям Bente о возможности «новых форм», новых стадий капитализма.

лектического материализма, и, во-вторых, потому, что эта статья Гоникмана типична для антимарксистской, меньшевистской идеалистической линии деборинской группы, линии, последовательно проводившейся философским разделом «Проблем Марксизма».

Статья «Предмет диалектики» по замыслу автора должна явиться первым краеугольным камнем в фундаменте той «замкнутой системы» «диалектической логики», создание которой, как полагает автор, является первейшей задачей наших дней и исторической миссией «марксистских философов» — читай: Гоникман и tutti quanti. «Нынешняя историческая обстановка, достигнутый уровень философского развития требуют работы над теорией диалектики, — говорит Гоникман,—надо создать систему диалектики» [1]). Итак, специфической задачей, стоящей перед марксистами в области теории на настоящем историческом этапе, является создание «системы диалектики» (При чем здесь не говорится, к а к о й диалектики,—надо предполагать—диалектики в о о б щ е!). Следовательно, работа над теорией диалектики для настоящего этапа понимается автором, как работа над созданием с и с т е м ы диалектики. Гоникман не претендует на создание абсолютной системы, он удовлетворяется и «относительно законченной системой, ибо он «знает», что для нас абсолютное знание недостижимо. «Абсолютная система диалектики, — говорит он, — может явиться результатом бесконечного только процесса общественного развития. А так как процесс общественного развития вовсе не бесконечен... то даже теоретически абсолютно-законченная система диалектики для нас вещь недостижимая» (Гоникман, Проблемы диалектики, стр. 3). Однако должна быть достижима относительно-законченная система диалектики, как приближение к абсолютной диалектике. Гоникман, который самым определенным образом непонимает роли и значения Ленина в развитии марксизма, пытается создать видимость того, будто Ленин согласен с его идеалистическим пониманием диалектики. «Мысль Ленина, — пишет он, — говорит о замкнутой системе диалектики. Диалектика должна начаться с бытия, но бытием же она должна закончиться» (Там же, стр. 4). Хотя Гоникман ссылается здесь на Ленина, но он спешит, правда в примечании, тут же оговориться, что он не согласен с ним по вопросу о самом п о с т р о е н и и диалектики и по вопросу о том, с какой категории должно начинать материалистическую диалектику. «Относительно законченная, замкнутая система диалектики, — заключает он свое введение к статье, — такова стоящая перед нами задача».

Таким образом оказывается, что классики марксизма не работали над «теорией диалектики», ибо работать над теорией диалектики значит, по Гоникману, «создать хотя бы относительно законченную, но обязательно замкнутую систему диалектики», а они, классики марксизма, как известно, издевались всегда над идеалистической, антидиалектической идеей «замкнутых систем», под каким бы флагом они ни преподносились.

Но Гоникман, как и его коллеги, не довольны тем, что отсутствует выработанная «замкнутая система», поэтому они сами берутся ныне это сделать с полным сознанием того, что в э т о й работе они не могут опереться ни на Маркса, ни на Энгельса, ни на Ленина.

Такое представление о современных теоретических задачах коммунистов, повторяем, является прямым следствием схоластического, идеалистического представления о самой сути марксистской теории вообще и материалистической диалектики как науки в частности. Конечно, «Капитал» Маркса имеет свою логику, конечно, «Государство и революция» или «Развитие капитализма» Ленина, скажут «бывшие руководители», имеют свою логику, однако эта логика есть все же нечто отличное от самого содержания этих трудов. Поэтому эту логику надо освободить от всего конкретного материала исследования, движение материала надо выделить

[1]) С. Г о н и к м а н, Предмет диалектики. См. «Проблемы Марксизма» № 2, Л.—М. 1930 г., стр. 3.

от самого движущегося материала и создать из него («чистого движения», «чистой логики») систему. Тогда только и можно будет получить «теорию диалектики» так, как она имеется в трудах классиков марксизма. Но классики, будучи «перегружены практикой», самой «теорией диалектики», следовательно, не занимались, и эта работа предназначена историей нашим «философам». Это положение лежит в основе всех рассуждений товарищей, которые видят задачу марксистской философии в абстрактно-логических изысканиях как таковых, для чего революционная практика и конкретная научная работа должны представлять только своеобразные костыли, на которые должен опираться мертвый скелет теории, претендующей вместе с тем на роль водителя их.

Итак, под шумок о том, что Ленин указал де на необходимость разработки теории диалектики, Гоникман в полном согласии со своими учителями и коллегами игнорирует действительную разработку Лениным материалистической диалектики, на основе осмысливания эпохи империалистических войн и пролетарских революций. Они не понимают, что благодаря этому работы Ленина представляют собою высшую стадию, именно современную стадию развития марксистской диалектики, которую «марксистским философам» придется основательно еще изучать и осознавать.

Если так обстоит у Гоникмана дело с Лениным, то разумеется, что о теоретическом значении революционной практики пролетариата и его партии Гоникман и не догадывается.

* * *

Недооценка Ленина и ленинизма не может не означать недооценки марксизма вообще, ибо кто в наше время не понимает Ленина и ленинизма, тот ничего не понимает в Марксе и марксизме. И действительно, Гоникман недооценивает не только Ленина как философа, но и Маркса и Энгельса.

«Энгельс, — пишет Гоникман, подводя итоги своей статьи, — вынужден был ограничиться лишь намеками на теорию диалектики». «Что же, — спрашивает он вслед за этим, — мы, по чести говоря, должны сказать о своих силах?» (Гоникман, там же, стр. 23). Однако пусть не думает читатель, что Гоникман признает себя и своих коллег («мы») слабее Энгельса. Ничего подобного! Он не страдает такой скромностью.

Современные же «философы марксисты», полагает Гоникман, могут и должны сделать новый шаг, шаг от Маркса и Энгельса, заключающийся в переходе от якобы несистематических и «разбросанных» мыслей к замкнутой теоретической системе.

«Правда, — продолжает Гоникман, — мы начинаем далеко не с пустого места», но что же, спрашивается, мы имеем? «Мы имеем, — отвечает на это Гоникман, — гениальную систему гегелевской диалектики и разбросанные «намеки» на теорию материалистической диалектики у наших классиков» (Там же, стр. 23).

Хотя в приведенной цитате Гоникман и берет в кавычки слово «намеки», однако само собою ясно, что для Гоникмана все, что имеется у классиков марксизма по материалистической диалектике, это действительно только намеки. По представлениям Гоникмана и всей деборинской группы, о теории материалистической диалектики говорить не приходится там, где нет чисто-логических трактатов. По их представлениям, теория — это «дело логики», а не «логика дела», — а у классиков марксизма, как известно, нет такой «теории», которая изучалась бы вне исследования конкретного материала. Гоникман и его друзья забывают только, что такая недооценка теоретического значения трудов классиков марксизма, характерная для всех буржуазных идеологов, основывается на идеалистическом, схоластическом понимании самой теории. В самом деле, «намеки» на философию в трудах Маркса, Энгельса и Ленина готовы признать и буржуазные идеологи, но самой философии, самой общеметодологической концепции в этих работах признать и познать не в состоянии ограниченный ум буржуа, который

привык видеть философию, «теорию» вне конкретного материала, вне революционной практической и познавательной деятельности. Гоникман ни на шаг не уходит дальше буржуазных идеологов. Он целиком стоит на их позициях в понимании философии — ее отношения к практике и конкретно-научным исследованиям.

Итак, запишем, следовательно, что мы, по мнению Гоникмана, имеем «гениальную систему Гегеля» и всего-на-всего «намеки» Маркса и Энгельса на теорию материалистической диалектики. Наша же задача — «создать систему диалектики», но не систему диалектики Маркса, Энгельса и Ленина, оказывается, а «современную систему». Что касается Маркса и Энгельса, то они просто устарели.

Пойдем дальше. Маркс и Энгельс не только ограничивались «намеками» на теорию материалистической диалектики, но и, собственно говоря, также «переводили» Гегеля на материалистический язык, между тем как «нам», думает Гоникман, надо не только «переводить» Гегеля на материалистический язык, но и создать новую систему, основывающуюся на «современной науке».

«Гегелевская система диалектики, — пишет Гоникман, — идеалистична — она должна быть переведена на материалистический язык. Но подобный перевод может быть в лучшем случае материалистическим комментарием или изложением диалектики гегелевских времен» (Там же, стр. 27). Надо полагать из сказанного, что Маркс и Энгельс, по мнению Гоникмана, не создали новую диалектику, материалистическую диалектику, а «в лучшем случае» просто материалистически комментировали и излагали Гегеля» (О Ленине здесь уже ничего не говорится!).

Такое значение в истории человеческой мысли Гоникман, пожалуй, еще признает за Марксом и Энгельсом. У них в лучшем случае можно найти материалистическое изложение «диалектики гегелевского времени». «С этого, — продолжает наш «современный Гегель», — надо начать — это есть начало только. Гегелевская система диалектики является системой своего времени. Она должна быть переведена на язык современного материализма. А это уже далеко от простого «перевода», ибо со времени создания гегелевской диалектики прошло больше века, века бурного движения вперед во всех областях общественной жизни. Гегелевская диалектика должна быть проверена и обогащена всем современным знанием. Исходным пунктом создания современной диалектики является овладение нашим великим философским наследством. Путем создания — проверка современного знания посредством материалистически истолкованной диалектики Гегеля и проверка и обогащение гегелевской диалектики на всем материале современных наук. Только в итоге этой грандиозной работы, — заканчивает Гоникман свою статью, — может быть создана современная система материалистической диалектики» (Там же, стр. 23).

Поистине «конец венчает дело»!

В приведенных строках ревизионистское лицо Гоникмана получает все конкретные очертания. Согласно Гоникману, Маркс и Энгельс в общем оставались еще по существу на почве и на уровне гегелевской диалектики и, только переводя ее на материалистический язык, сделали лишь начало дела создания теории материалистической диалектики. Теперь же «иные времена», и поэтому нам предстоит создать новую, материалистическую диалектику, для чего у классиков марксизма имеются, якобы, только «намеки». Здесь, заметим между прочим, наш «мессия» обнаруживает самое грубое непонимание диалектического соотношения метода и мировоззрения. Маркс и Энгельс, видите ли, взяли гегелевскую диалектику и перевели на «материалистический язык», а это, по представлениям «современного философа» — Гоникмана, не затронуло самого существа гегелевской диалектики, гегелевского метода.

Гоникман ни слова не говорит о революционной практике пролетариата, этом величайшем источнике теории материалистической диалектики. Он «не практик», он «теоретик», — следовательно, ему нет дела до практики.

Ничего не говорит он своим читателям и о том, что эти свои на вид противоречащие друг другу взгляды на роль Маркса и Энгельса в развитии мировоззрения, взяты из теоретического арсенала II Интернационала. В самом деле ведь именно для теоретиков II Интернационала и характерно «дополнение» Маркса каким-нибудь идеалистическим, буржуазным философом под тем предлогом, что Маркс де не имел своей выработанной стройной философской системы. Даже такие теоретики немецкой социал-демократии, как Фр. Меринг, всегда боровшийся за марксово учение, имел «слабость» к Канту. «Современные» же теоретики немецкой социал-демократии уже давно потеряли всякую память о марксизме, как особом, самостоятельном и пролетарском мировоззрении, которое хотя и выросло из недр истории, но, вместе с тем, является отрицанием всех предыдущих мировоззрений и антагонистом буржуазного мировоззрения. В своем об'емистом двухтомном труде о марксовом понимании истории общества и государства, один из маститых теоретиков германского социал-фашизма Кунов пишет, что в своем учении об обществе и законах его развития Маркс целиком стоял на почве гегелевского учения: «Karl Marx folgt in seiner Gesellschaftsauffassung Hegels Spuren. Er übernimmt nicht nur vielfach Hegels begriffliche Unterscheidungen, sondern auch oft dessen Argumentationen und Vergleiche» [1]).

Как видим, «марксист» Гоникман недалеко ушел от «марксиста» Кунова. Гоникман признает, что Маркс и Энгельс «переводили» Гегеля на материалистический язык. Этого не отрицает и Кунов. Но принципиально оба они, и Гоникман и Кунов, считают, что Маркс (следовательно и Энгельс) стоял на почве гегелевского учения и не отрицал его, что воззрения Маркса и Энгельса не представляют отрицания воззрений Гегеля, не дают нам нового, противоположного гегелевскому, мировоззрения — диалектического материализма.

Не безынтересно указать здесь, что принципиально на таких же позициях стоит и Каутский в оценке Маркса и Энгельса и их отношения к Гегелю. В своем двухтомнике он подвергает критике энгельсовскую диалектику как гегельянскую диалектику и предлагает «новую» диалектику (теорию равновесия) в противоположность этой «гегельянской» диалектике Маркса и Энгельса. Эта «новая» диалектика рекламируется также как нечто выведенное из «современной науки» [2]). «Я,— пишет Каутский в своей книге «Die materialistische Geschichtsauffassung»,— не намеревался увеличить количество комментариев к Марксу и Энгельсу. Он прямо заявляет о том, что не удовлетворяется учением Маркса. То, что я в настоящем труде излагаю, есть обоснование моего собственного понимания истории. Благодаря тому, что здесь я излагаю мое собственное понимание, заранее отпадает всякое возражение насчет того, правильно ли я воспринимаю то или иное положение Маркса. Вряд ли кто захочет думать, что я себя самого понимаю, неправильно... Все мы, — суммирует свою мысль Каутский, — учились у Маркса, основываемся на его исследованиях и мыслях. Но каждый видит последние и видит действительность собственными глазами» [3]).

Каутский охотно допускает обоснование «исторического материализма» не на базе материализма Маркса и Энгельса (хотя он сам, лично, считает это «более приемлемым»), а на базе другого какого-нибудь буржуазного, идеалистического мировоззрения.

Таким образом мы видим, что Гоникман в полном согласии с социал-демократическими ревизионистами марксизма из II Интернационала об'являет Маркса и Энгельса гегельянцами, которые только «перевели на материалистический язык» Гегеля, не отрицая его и не создавая нового мировоззрения, нового, револю-

---

[1]) Heinrich Cunow, Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts und Staatstheorie, B. I, S. 245, Vierte Auflage, Berlin 1923.

[2]) K. Kautsky, Die materialistische Geschichtsauffassung, B. I, S. 130—131.

[3]) Ib., S. 16.

ционного метода материалистической диалектики и что это предстоит делать «марксистским философам» на основе «современной» науки.

Однако надо отметить, что эта недооценка Маркса и Энгельса вместе с недооценкой Ленина характерна не только для Гоникмана. Вся группа Деборина полагала и полагает, что все, что сделано в области теории материалистической диалектики Марксом, Энгельсом и Лениным, является суммой хотя и гениальных, но все же только «намеков», отдельных разрозненных и случайных указаний и что на их долю выпала всемирно историческая роль — выработать теорию материалистической диалектики. За неимением места мы не будем останавливаться на соответственных высказываниях тт. Стэна, Луппола и других.

Мы бы хотели в заключение привести только одно место из писаний Карева, показывающее, насколько эта группа «марксистских философов» недооценивает теоретического значения не только Ленина, но даже и Маркса.

В своей статье «Гегелевская диалектика в оценке молодого Маркса» Карев пишет, что коммунизм является логическим завершением философского развития Маркса и Энгельса. Коммунизм и пролетариат, замечает он, являются подлинными наследниками классической немецкой философии «Тем, — говорит Карев, — что составляло движущую силу всего этого развития — от Гегеля к коммунизму Маркса и Энгельса, — был диалектический метод. Он сохранялся в этом развитии, все более и более усиливаясь в своем значении по пути к революционной практике». Какое же изменение, спрашивает Карев, претерпевает философия в этом переходе «в революционную практику»? Ответить на этот вопрос, — говорит Карев, — значит разобрать взгляды Маркса и Энгельса на проблему философии в зрелом периоде их жизни. И далее, переходя к этой задаче, Карев следующим образом характеризует теоретический облик Маркса и Энгельса. «Итак, смысл всего изложенного движения философии в становлении марксизма заключается в переходе от идеалистической системы благодаря методу к революционной практике»[1]. Как видим, даже «сам» Карев «страдает» этой недооценкой Маркса, как философа. Группа философов, к которой принадлежит Гоникман, следовательно, не только недооценивает Ленина, как философа, но недооценивает и Маркса. Они не понимают того, что диалектический материализм Маркса и Энгельса, как мировоззрение пролетариата, как теория, является отрицанием предшествующей философии и сам является новой, самостоятельной теоретической концепцией.

Гоникмановская статья «Предмет диалектики» является прямой идеалистической ревизией материалистической диалектики Маркса, Энгельса и Ленина. Это образец чистейшей схоластики. В этом не трудно убедиться при самом беглом просмотре статьи.

Гоникман ставит вопрос «Что такое диалектика» и приводит «общеизвестный и общепризнанный ответ Энгельса» (Гоникман, там же, стр. 5) Однако этот ответ его по существу не удовлетворяет. Почему? Потому, что, как мы уже знаем, Энгельс «дал не теорию диалектики», а «только» «намеки». Не удовлетворяясь энгельсовским решением вопроса, решением, опирающимся на познание об'ективного бытия, Гоникман берется выводить «понятие движения» чисто-схоластическим путем Таким образом, он приходит к тому, что «диалектика, как наука об общих законах движения, есть наука об общих законах движения вообще» (Там же, стр. 5). Но ведь движения вообще, говорит Гоникман, не существует, мы знаем только «реальное движение», т.-е. определенные формы движения. Движение же «вообще» есть лишь абстракция. И не вообще абстракция, а формально-логическая абстракция. Движение вообще есть не абстрактное понятие, но и абстрактное представление.

«Таким образом», заключает Гоникман, выходит, что «диалектика как наука

[1]) Н. Карев, Проблема философии в марксизме, сборник «За материалистическую диалектику», «Московский Рабочий», 1929 г., стр 24.

об общих законах движения вообще не имеет об'ективно существующего предмета, т. е. диалектика не является наукой об общих законах движения вообще (Гоникман, там же, стр. 5). Однако после долгих мытарств диалектика как будто обретает, у Гоникмана, свой предмет, т.-е. «систему тех законов движения, которые общи всякому движению». Но энгельсовское определение предмета диалектики (примечания к «Анти-Дюрингу») все-таки не удовлетворяет нашего искателя системы. Ибо,—рассуждает он,—в таком случае, мы должны признать механическое движение предметом диалектики, поскольку оно, механическое движение, в качестве наипростейшего вида движения, и должно быть признано всеобщим видом движения. Как видим, наш «диалектик» прямо переходит на точку зрения механистов в этом важнейшем вопросе о формах движения материи. Гоникман ничего не понял в диалектическом учении об отношении общего к частному. Однако возвратимся к нашему создателю системы. Таким образом, рассуждает он, «богатейшая из наук, наука диалектики, оказывается беднейшей из наук. Она обрела свой предмет, но только для того, чтобы ужаснуться его тощему и анемичному содержанию». ...«Таков бесславный итог погони за собственной территорией, которая оказалась только в иллюзорном владении диалектики. Непосредственное формальное понимание указания Энгельса привело к отрицательному результату. Но отрицательный результат на этот раз имеет чрезвычайно богатое положительное содержание» (Там же, стр. 6). Почему, откуда взялось это «чрезвычайно богатое положительное содержание»? Оказывается, что источник такого обогащения содержания понятия заключается ни в чем ином, как в простом суб'ективно-логическом акте: «Задача,—говорит Гоникман,—заключается теперь в том, чтобы единичное отрицательное суждение поднять до уровня всеобщего отрицательного суждения» (Там же, стр. 7). Вот до уровня какой схоластической пошлости подымается новейший творец «системы диалектики». Энгельс на конкретном анализе различных форм движения показывает, что предметом диалектики как науки являются общие законы движения в природе, обществе и мышлении. Это единственный приемлемый с точки зрения материализма путь. Гоникмана уже это не удовлетворяет. Что значит конкретный научный анализ, когда диалектика у него обитает вне конкретных наук, вне их предела. Ведь конкретные науки занимаются «особыми родами движения»? Гоникман не может проследить движение вещей конкретной действительности. Его это принципиально не удовлетворяет. «Истинно философским» путем оказывается суб'ективная логика, логика как таковая и движение суждений. И вот, благодаря этому возвышению «единичного отрицательного суждения до уровня всеобщего отрицательного суждения», наконец, диалектика обретает «собственную территорию», и вот «таким образом» бесславный путь диалектики оказался не таким уж бесславным. Она узнала, что ни движение вообще, ни один какой-либо частный род движения не является ее предметом. Но этот отрицательный результат не есть простое отрицание, он полагает положительное содержание науки диалектики. Этим положительным содержанием оказывается развившееся конкретное движение, т.-е. все роды движения в целом. Диалектика—наука о всеобщих законах всякого движения» (Там же, стр. 8).

Как видим, диалектика, в руках Гоникмана, из науки, из углубления в природу материального мира и отображения его общих закономерностей превратилась в игру словами, в комбинацию понятий, в чистую суб'ективную рефлексию. Раз став на идеалистический путь, Гоникман уже не стесняется в дальнейшем. У него диалектика «волнуется» в понятиях, полагает и отрицает различные состояния, чтобы... обрести самое себя.

Таким путем она, диалектика, наконец, достигает до понятия развития как перехода к новому качеству. «Но и на достигнутом уровне,—говорит Гоникман,—понятие развития не находит успокоения, оно рефлектирует в самое себя, стремясь с возможной полнотой выявить свою сущность (Там же, стр. 13; подчеркнуто мной. *Л. А.*) Далее,

пытаясь конкретизировать понятие развития, как движение «от абстрактного к конкретному, от простого единства к сложному», Гоникман пишет: «Трудно надеяться на то, что на достигнутом уровне раскрытия своей сущности понятие развития успокоится, но мы здесь остановимся» (Там же, стр. 14; подчеркнуто мной. *Л. А.*). Мы здесь тоже остановимся, но, прежде чем поставить точку, мы приведем еще только одну цитату для иллюстрации схоластики нашего творца «системы». Желая сказать, что высший род движения порождается движением низшего рода и содержит в себе последнее в снятом виде, Гоникман пишет: «Он не просто содержит его в себе, ибо в противном случае он не был бы новой качественной определенностью. Его новая качественная «такость» есть высшая по сравнению с порождающим движением, движение вперед, т.-е. усложненное единство».

Приведенного достаточно для того, чтобы убедиться в том, что мы имеем дело с самой настоящей идеалистической ревизией материалистической диалектики, под флагом разработки теории.

Оказывается, разговоры о том, будто у наших классиков имеется не теория, а только разбросанные намеки, имеют глубокий смысл, заключающийся в том, чтобы под шумок о разработке теории материалистической диалектики осуществить идеалистическую ревизию марксистско-ленинской философии, чтобы возродить «гениальную систему Гегеля», идеалистическую наготу которой чуть-чуть пытаются прикрыть «марксистской» фразеологией.

Результат, к которому мы приходим, следующий: Философский раздел «Проблем Марксизма» представляет собою яркий пример схоластического извращения марксизма. Все дурные качества «философии» группы тт. Деборина, Карева, Стэна нашли в нем свое полное развитие. За все время своего существования журнал не поместил ни одной строки, в которой бы делалась попытка изучения философского наследства Ленина. Недооценка Ленина, продолжающего дела Маркса и Энгельса, поднявшего теорию диалектического материализма на высшую ступень; недооценка Маркса и Энгельса, как основоположников нового пролетарского мировоззрения; основоположников теории материалистической диалектики; полное отсутствие большевистской партийности в философии и полнейший отрыв от революционной практики международного пролетариата и строительства социализма у нас — яркое выражение меньшевиствующего идеализма, — вот характеристика философского раздела ленинградских «Проблем Марксизма» [1]).

Необходимо немедленно ликвидировать этот «прорыв»—очистить философский раздел журнала от меньшевистского идеалистического хлама. Необходимо превратить его в подлинный орган борьбы за марксистско-ленинскую философию, за генеральную линию партии.

Л. Арисьян.

[1]) Заметим, между прочим, что в № 2, там же, где помещена статья Гоникмана о «Предмете диалектики» дается стенографический отчет дискуссии в ЛиМ по докладу Рубина, посвященному разбору его меньшевистской концепции. Несмотря на то, что к тому времени уже вышел № 2 «Большевика» со статьей тт. Милютина и Борилина с примечанием редакции, где давалась вполне четкая политическая и теоретическая квалификация рубинской концепции, как меньшевистской, и несмотря на опубликование ответа т. Сталина на вопросы свердловцев, «Проблемы Марксизма» все-таки поместили отчет об этой дискуссии под заглавием «Спорные вопросы теории стоимости Маркса». Для редакции «Проблем Марксизма», очевидно, взгляды Рубина еще являлись спорными, да и самый марксизм, видимо, проблематичен. Впрочем, у нас нет основания полагать, что «Проблемы Марксизма» в дальнейшем исправили эту свою грубейшую ошибку, потому что в следующих №№ редакция не возвращается к этому вопросу, очевидно, считая свою старую позицию вполне «марксистской».

Большая Советская Энциклопедия
Естественно-научный отдел.

Большая Советская Энциклопедия, охватывая все разделы знаний об обществе, природе и мышлении, должна дать, во-первых, изложение основ пролетарского мировоззрения и, во-вторых, конкретные знания под углом зрения социалистического строительства. Давая систему научных знаний для службы социалистическому строительству, БСЭ должна в то же время являться одним из организующих центров для научных сил, которые под руководством марксистов-ленинцев перестраивали бы науку на основе единственно-научной методологии диалектического материализма и воспитывали бы новые кадры. В условиях борьбы за коммунизм БСЭ не может быть нейтральной, аполитичной, и тем менее допустимо, чтобы она сделалась рупором враждебных нам взглядов. Деятельность руководства БСЭ должна была быть на всех этапах развития БСЭ — она несомненно не осталась одной и той же за время ее существования — направлена именно на то, чтобы превратить БСЭ в орудие борьбы за коммунизм и ни в коем случае не допустить использования ее представителями враждебных пролетариату идеологий. К сожалению, эта элементарная задача оказалась не выполненной в отношении естественно-научного отдела (такого же рода прорывы имеются и по другим отделам) [1].

Как бы мало ни было коммунистов-естественников, все же можно и должно было добиться того, чтобы на страницах БСЭ не проповедывались взгляды, враждебные диалектическому материализму. Этого можно и должно было достигнуть в сотрудничестве с беспартийными естественниками. Задача руководства БСЭ в этом отношении заключалась в том, чтобы, привлекая беспартийных естественников, привлекать именно тех из них, которые являются «сторонниками последовательного и воинствующего материализма в борьбе с философской реакцией и философскими предрассудками так называемого «образованного общества»» (Ленин). Коммунистическое ядро руководства БСЭ должно было играть по отношению к массе естествоиспытателей роль авангарда. Эта задача, как увидим, также не была осуществлена руководством БСЭ.

В естественно-научный отдел БСЭ входят слова, касающиеся основных понятий естествознания (Время, Вещество, Движение и т. д.), слова, содержащие изложение основных теорий и разделов естествознания (Дарвинизм, Алгебра, Геометрия и т. д.); затем слова, посвященные отдельным авторам и истории естествознания (Декарт, Гаусс, Гарвей, Вечный двигатель, Галилей, Гельмгольц и т. д.); и, наконец, слова, дающие конкретные знания о различных животных, растениях, минералах, веществах, химических элементах, об отдельных прикладного характера дисциплинах (напр., медицина, география растений). Последняя группа слов связывает естественно-научный отдел с отделом техники и прикладных наук БСЭ.

Первая и частью вторая группа слов должна была отразить и сформулировать наше диалектическое понимание природы, выразить через эти слова наше диалектическо-материалистическое мировоззрение, борясь с враждебными пролетариату классовыми мировоззрениями и прежде всего с идеализмом и религией. Вторая и третья группы слов то же должны были сделать в отношении исторического материализма, применительно к естествознанию. Эту задачу тем легче было выполнить,

---

[1]) В статье «Возрождение» (т. XII), написанной Э. Фуксом, мы имеем такие перлы. Автор культуру каждой общественной формации определяет так: «Характер каждой культуры обнаруживается наиболее разительным образом в господствующих в ней обычаях, регулирующих половые отношения». А по отношению к эпохе Возрождения пишет: «Проституция в эпоху Возрождения не только была легализована, но даже и самое проявление терпимости в отношении публичных женщин облекалось в такие формы, что именно они придали наиболее выразительные черты внешней физиономии этой эпохи».

что основные вехи истории естествознания были уже намечены Энгельсом, новейший же этап в развитии естествознания в эпоху империализма был проанализирован Лениным. Наконец, четвертая группа слов должна была прежде всего, продолжая выполнять задачу пропаганды диалектического материализма, вооружить своих читателей конкретными знаниями, необходимыми в социалистическом строительстве.

Перейдем к оценке того, что было сделано по первой группе слов.

Одним из важнейших слов является слово «Движение». Энгельс в различных своих работах показал, что движение есть прежде всего форма существования материи, что движение отнюдь-таки не сводится к абстрактной форме движения — механическому перемещению. Им же дан диалектический анализ понятия движения — как единства противоположностей, отношения этой категории к понятию покоя, равновесия и т. д. У Ленина мы имеем блестящий пример того, как нужно различать утверждение относительности отдельных естественно-научных категорий, т.-е. отражение ими лишь отдельных конечных сторон бытия, от философского релятивизма, отрицающего вообще всякое реальное значение категорий мышления. Всего этого уже достаточно было бы, чтобы дать марксистскую трактовку категории движения в том разрезе, в котором это должна делать БСЭ.

Вместо этого мы имеем в слове «Движение» в механике (т XX) по существу махистскую трактовку, а по форме такую трактовку, которая дезориентирует читателей, так как она не дает ответа на вопрос, что такое механическое движение, реально ли оно, как относиться к тем спорам, которые исторически имелись и имеются по вопросу о понимании движения в механике.

Такое положение получается потому, что автор статьи «Движение» проф. В. Ф. Каган (он же редактор всего естественно-научного отдела) не марксист и старательно обходит марксистскую литературу. Но быть немарксистом и быть в то же время ничем при трактовке таких категорий, как движение, нельзя. Отсутствие марксистской точки зрения обозначает на деле присутствие другой (более или менее завуалированной — все дело в смелости и принципиальности) — антимарксистской точки зрения. Философия естествознания, как и вообще философия, партийна, и сидеть здесь между двух стульев не возможно.

Что же написано в статье? Автор дает чисто-формальное определение движения в механике, как «последовательного во времени совпадения точек одного материального тела с точками другого тела или неизменяемой среды, неразрывно со вторым телом связанной». Исходя из этого определения и не подвергнув его хоть какому-нибудь разбору, автор пишет: «С точки зрения приведенного определения утверждение, что движется именно среда I относительно среды II, а не наоборот, лишено всякого содержания. Эти два свойства движения — его относительность и эквивалентность обеих систем — с точки зрения приведенного определения совершенно неоспоримы». С этой точки зрения автор оценивает и все исторически имевшие место споры о действительности движения, как бесплодные, так как «все попытки дать для этого об'ективный критерий ни к чему не привели».

Вместо того, чтобы показать, что данное автором определение является абстрактным, неисторичным, отрывает движение от конкретных условий, в каких оно в природе в действительности протекает, вместо этого автор статьи приходит к признанию, что споры коперниковской точки зрения с птоломеевской, гелиоцентрической с геоцентрической—бесплодны. Если бы проф. Каган не замкнул понятие движения тем определением, которое он дал, а включил бы в орбиту своего рассмотрения и результаты других наук и прежде всего космогоний, то он должен был бы признать, что движение земли возникает исторически из первобытной туманности, что это движение лишь часть, момент в развитии солнечной системы, и что с этой точки зрения вопрос разрешается раз и навсегда в пользу гелиоцентрической точки зрения. То же обстоятельство, что абстрактное определение

движения в механике исключает ответ на вопрос об историческом происхождении движения и вопрос о том, в каком взаимоотношении находятся движения различных тел, принадлежащих к исторически возникшей системе (напр. солнечной), то это должно было бы быть понятно уже из того, что Энгельс неоднократно подчеркивал в «Анти-Дюринге». Энгельс, критикуя Дюринга, показал, что обычнейшей ошибкой является та ошибка, когда, создав абстрактные понятия, забывают об этом и начинают при их посредстве мерять конкретную действительность. Нет ничего удивительного в том, что, исключив из понятия движения понятие происхождения и развития этого движения, оперируя этим понятием, не находят опорных пунктов для понимания истинных взаимоотношений между конкретными исторически возникшими формами движения, с какими по существу мы всегда и имеем дело.

Не будучи вооружен элементарными истинами марксистской философии, добытыми марксизмом на основе исторически данного развития всей философии в борьбе с идеализмом — вообще, дюрингианством, махизмом — в частности, наш автор совершенно упускает из виду, что борьба различных философских школ вокруг понимания движения в механике есть прежде всего борьба материализма с идеализмом. По этой же причине автор не только не борется с махистской трактовкой движения в механике, признающей относительность движения в философском смысле, но по существу ориентирует читателя именно на махистский ответ на вопрос о сущности движения, как на ответ правильный. Когда автор ставит вопрос о том, что же является средой, служащей системой отнесения при вращательном движении, и, отвечая на этот вопрос, говорит, что решение этой проблемы дано теорией относительности, не указывая при этом на философскую борьбу вокруг этой теории, то он опять ориентирует читателя именно на махистскую трактовку этой теории, которая имеется на Западе.

Не марксистский характер статьи признает и автор. Не указывая в списке литературы ни одного из авторов марксистов (прежде всего Энгельса), проф. Каган хочет выйти из положения указанием, что «о движении в общефилософском смысле см. в статье «Диалектика»». Нас эта ссылка не только не может удовлетворить, но, более того, она очень многое вскрывает относительно положения с естественно-научным отделом БСЭ. Получается такое положение, что марксистская трактовка движения в общефилософском смысле отдается философам, а естественники продолжают пребывать с своей тоже в сущности философской, но не марксистской трактовкой и проповедуют эту точку зрения наряду и вопреки марксистской точке зрения. Здесь мы наглядно видим тот разрыв между диалектическими формулами и конкретным содержанием, о котором так много приходилось и приходится говорить при оценке положения на философском фронте и с которым нужно решительно бороться. Этот отрыв, как это наглядно мы видим на проф. Кагане, есть не только дело философии, но и той прослойки естественно-научной профессуры, которая думает обойтись без марксизма при трактовке основных проблем естествознания. Философский отдел БСЭ, руководимый т. Дебориным, не боролся за то, чтобы естественно-научный отдел БСЭ был также марксистским, чтобы ссылки на то, что будет написано в философском отделе БСЭ, не освобождали такой обширнейший отдел, как естествознание, от борьбы за марксизм.

То, что статья «Движение» по существу антимарксистская, не есть случайность, а определенная линия, мы видим на всех многочисленных статьях проф. Кагана, помещенных в БСЭ. Что мы имеем со статьей «Движение», то же мы имеем и со статьей «Время». Этому слову посвящено собственно две статьи — одна общефилософская и другая, очень небольшая по об'ему, посвященная «времени в естественно-научном смысле». В последней опять ни слова о том, как с марксистской точки зрения понимать современные споры о понятии времени у естественников, снова закрепляется разрыв между диалектикой вообще и диалектическим материализмом в применении к конкретным вопросам естествознания.

Если в статьях проф. Кагана антимарксистская по существу точка зрения проповедуется без сколько-нибудь развернутых идеалистических формулировок, то в такой статье, как «Вероятность» (т. X), мы имеем уже открытую проповедь идеализма. Автор этой статье — Асмус — так определяет вероятность: «Вероятность—степень основательности, с какой мы можем ожидать наступления какого-нибудь события. Вероятность,—продолжает наш автор,—не есть признак, принадлежащий самим событиям, ибо наступление или ненаступление всякого события само по себе достоверно, а не вероятно. В отличие от достоверности вероятность имеет место, когда событие об'ективно возможно, но мы не знаем, наступит ли оно или нет». Эту ясную уже постановку автор еще более уточняет, когда пишет: «Возможность измерения степеней вероятности зависит от способов образования наших суждений». И далее: «Даже точная дробь вероятности может указать лишь степень суб'ективного ожидания, обоснованную мерой нашего знания». Развив суб'ективную точку зрения на категорию вероятности, Асмус, оценивая роль этой категории в теории вероятностей в математике, пишет: «Тем не менее (т. е. несмотря на чисто-суб'ективное значение этой категории. *А. М.)* теория вероятностей получает ряд важных практических применений во всех случаях, когда фиктивный характер распределения между отдельными индивидами вероятности, вытекающей из общей средней, не играет практической роли».

Вот «марксистская» трактовка вероятности! Из нее с очевидностью следует, что марксизм автора носит «фиктивный характер», а изучение им таких трудов марксистов, как «Анти-Дюринг», «не играет практической роли» в его писаниях! Действительно, если вероятность вынутия из урны шара того или другого цвета дана не действительным соотношением числа шаров различных цветов, а степенью суб'ективного ожидания, и зависит от способности образовывать суждения, то нужно выбросить весь «Анти-Дюринг», где вся первая часть посвящена доказательствам того, что наши математические и иные суждения суть не суб'ективные «ожидания» и т. п., а отражение реальных и вне нас существующих отношений мира действительности.

Положение со статьей Асмуса еще ухудшается тем, что за ней следует статья—«Вероятность в математике», написанная буржуазным английским ученым Б о у л и. Боули математическим языком говорит в сущности прямо противоположное Асмусу. Он утверждает, что нужно различать два рода вероятности — математическую, как об'ективную, и суб'ективную. Получается зрелище, достойное богов: «марксист» проповедует идеализм, а буржуазный ученый на страницах БСЭ коряво, с своей стихийной точки зрения вносит поправку в сторону материализма!

Если бы статья Асмуса не была апробирована руководством философского отдела БСЭ, то мы имели бы дело лишь с самим автором статьи. Но так как эта статья была одобрена философским руководством БСЭ, то возникает вопрос о том, за что собственно говоря борется это руководство на страницах БСЭ? Кому нужен такой марксизм? На этот вопрос ответ один—резолюции ИКП и Комакадемии, оценивающие положение на философском фронте.

Если в рассмотренных статьях мы имели идеалистическую трактовку категорий естествознания, то в статье «Вещество» (т. X) автор—Н. Семенов—выступает в защиту материализма. Но какой это материализм! Материализм французских материалистов XVIII в. недосягаемый идеал для Н. Семенова!

В начале статьи автор ставит общий вопрос о значении категории «вещество» и дает в связи с этим определения материализма и идеализма. Вот его определения: «...возникли два миросозерцания. Одно из них признавало вещество или материю основой всего мироздания — материалом, из которого исключительно построены и все живые существа, а следовательно, и органы восприятия ощущений; таким образом самые ощущения представляют собою лишь результаты взаимодействия (или само взаимодействие) различных частиц или аггрегатов вещества. Это учение

есть материализм. Другое мировоззрение считает наши ощущения, наше сознание первично существующим и смотрит на вещество, как на результат сознания. Это учение, называемое идеализмом, неизбежно ведет к противоположению вещества духу, за которым все идеалистические учения в более или менее явной форме признают существование, независимое от вещества».

Не говоря уже о путанице, заключающейся в отождествлении первичности ощущений и сознания, независимости существования духа от материи — производности духа от материи, мы имеем в приведенной цитате совершенно недопустимое отождествление естественно-научной категории вещества общефилософской категории материи. Понятие материи есть синоним об'ективной действительности во всех ее проявлениях, и эту категорию никак нельзя отождествлять с естественно-научной категорией вещества. Вокруг этой проблемы вертелись все время споры с механистами, и наш автор ничего из этих споров не усвоил, а редакция БСЭ его не поправила.

Примитивно механистическим является и утверждение, что ощущения суть результаты взаимодействия или само взаимодействие частиц или аггрегатов вещества. Уже Дидро (о чем можно было почерпнуть сведения из «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина) не стоял на столь примитивной точке зрения, отбрасывающей нас по крайней мере за три столетия назад в трактовке сущности ощущения.

Естественно, что определения материализма и идеализма, т.-е. то, что в Большой Советской Энциклопедии должно было быть сформулировано в полном соответствии с формулировками Маркса, Энгельса и Ленина, являются никуда не годными по своей неуклюжей примитивности. Вместо того, чтобы по крайней мере повторить энгельсово определение материализма и идеализма из «Людвига Фейербаха», мы на страницах БСЭ читаем ученические упражнения с ученическими ошибками по части определения материализма и идеализма.

В полном соответствии с этими механистическими ошибками по общим проблемам философии находится и трактовка автором проблемы строения вещества. Он утверждает в статье, что современные открытия подтвердили учение о «тождественности конечных частиц вещества» — т.-е. повторяет механистические зады по вопросу о понимании материи.

Так обстоит дело с руководящими статьями по части основных категорий естествознания. Не лучше дело обстоит и со статьями, посвященными истории естествознания.

Остановимся прежде всего на статье, посвященной Вейсману, праотцу современной генетики, написанной марксистом М. Левиным (т. IX). Эта статья заслуживает тем большего внимания, что в ней вскрываются корни тех ошибок антимарксистского характера, которые в области биологии пропагандировались до последнего времени группой «марксистов»-биологов (Левит, Левин, Агол), сомкнувшихся с антимарксистской позицией так называемого философского руководства (Деборин, Карев и Стэн).

Сущность учения Вейсмана, привлекающего и сейчас к себе большое внимание в связи с успехами генетики, и попытками построить исходя из этих успехов общебиологическую теорию наследственности и изменчивости, заключается в построении теории наследственности и изменчивости организмов. По этому учению наследственные признаки обусловлены некоторыми элементами, так сказать атомами наследственных свойств — детерминантами. Каждый детерминант определяет определенный наследственный признак, и, наоборот, каждому наследственному признаку соответствует в аппарате наследственности особый детерминант. Сумма детерминантов дает «ид» или задаток индивида; иды, сочетаясь, дают «иданты» или хромозомы. Жизненные атомы носят у Вейсмана также названия «биофоров». Наследственная плазма, носительница наследственного аппарата, передается от одного организма к другому и является бессмертной. Роль тела организма сводится к «месту воспитания зародышевых клеток». Изменчивость организмов об'ясняется

амфимиксисом (обменом и соединением наследственных субстанций двух различных особей) и отсеиванием путем отбора некоторых из возникающих, благодаря амфимиксису, комбинаций. Трактовка отбора у Вейсмана существенно отличается от дарвиновской, так как первый распространяет отбор на все ступени жизненных единиц, начиная с биофора или детерминанта.

Учение Вейсмана носит резко выраженные черты метафизичности и механистичности как в одностороннем перенесении понятия отбора на элементы организма, и клеток, так и в атомизировании организма и противопоставлении зародышевой плазмы телу (соме) организма. В этом слабые стороны учения Вейсмана, и они должны были быть вскрыты и подвергнуты критике. Что же мы имеем у т. М. Левина?

Он пишет: Вейсман «пропагандист, теоретик и классик дарвинизма в противоположность Геккелю, который был скорее агитатором, популяризатором и даже до некоторой степени романтиком. Вейсман основатель того направления в эволюционной теории, которое носит название неодарвинизма и представляет собой дальнейшее развитие дарвиновской теории отбора» Так пишется об отношении Вейсмана к дарвинизму. А вот оценка учения Вейсманна: «Последовательный материалист и противник всякого витализма в естествознании»... «решительно отмежевывается от какого бы то ни было виталистического или метафизического толкования внутренних сил развития организма». Рассматривая учение Вейсманна с точки зрения современной науки, Левин утверждает, что вейсманизм в основном подвержен новейшим развитиям науки и что лишь второстепенные частности должны быть отброшены.

Если к тем цитатам, которые приведены, прибавить, что в статье у т. Левина нет ни слова критики метода Вейсманна, то налицо совершенно некритическое, более того—апологетическое отношение к учению с определенно метафизическим характером. По Левину получается, что вейсманнизм лишен метафизических элементов; он воспринимает вейсманнизм без должной его критики и преподносит читателю как нечто вполне согласующееся с марксизмом. Борьба Энгельса и Ленина против метафизики в естествознании осталась для Левина пустым звуком; он ничего не усвоил из работ основоположников марксизма и являет собой яркий пример аллилуйного отношения к марксистской теории, когда на словах ее признает, а на деле остается в плену идеологов буржуазного лагеря.

Плод такого отношения к марксистской теории и теории буржуазных ученых созрел и продемонстрирован Аголом, Левитом и Серебровским в их трудах. Агол в его книге «Диалектический метод и эволюционная теория» повторяет вейсманнистскую метафизику, выдавая ее за диалектический материализм. У него мы находим такие перлы, как утверждение, что «сома есть как бы футляр, в котором хранятся половые клетки» (стр. 114 второго издания книги). Серебровский же перещеголял своих учеников Левита, Агола и Левина, предложив выполнить пятилетку в 2½ года путем улучшения генофонда населения СССР. Здесь мы имеем скатывание не просто в область метафизики вообще, а в область политически-вредной метафизики. К чему приводит неправильная оценка Вейсманна, мы увидим и на страницах БСЭ, о чем речь будет итти несколько ниже.

Примиренческое отношение к метафизике и механистическому об'яснению явлений природы, проявленное в БСЭ по отношению к Вейсманну, мы наблюдаем и в ряде других статей БСЭ, посвященных отдельным крупным ученым, оставившим след в истории естествознания. Обратимся прежде всего к статье «Гельмгольц» (т. XV), написанной академиком П. Лазаревым и т. М. Левиным. Необходимость привлечения двух авторов диктовалась несомненно тем, что акад. Лазарев в философском отношении примитивный механический материалист. Задача редакции БСЭ и т. Левина заключалась в том, чтобы, исключив возможность неправильной философской и исторической трактовки роли Гельмгольца, дополнить в этом отношении статью Лазарева статьей Левина. Выполнение задачи, лежавшей

на т. Левине, облегчалось тем, что Энгельс посвятил довольно много внимания оценке исторической роли Гельмгольца и его философской позиции.

Имя Гельмгольца связано прежде всего с открытием закона сохранения энергии. Энгельс, проанализировав труды Гельмгольца, Р. Майера и др., с полной основательностью показал, что первым была дана чисто-механистическая трактовка закона сохранения энергии. В противоположность Гельмгольцу и ранее его Р. Майер показал, что истинное зерно открытого им закона заключается не только и не столько в сохранении количества энергии, но в смене форм энергии, в превращении одного вида энергии в другой. Поэтому Энгельс в противоположность буржуазным историкам естествознания и физики, в противоположность ходячему мнению буржуазных кругов естествоиспытателей, выдвигавших на первый план Гельмгольца с его механистической трактовкой закона сохранения и превращения энергии и оставлявших в забвении Р. Майера, выдвинул на первое место последнего и подробно обосновал свою точку зрения на историческую роль Майера.

Что же мы находим в статьях акад. Лазарева и т. Левина? Мы ни в той, ни в другой не находим ни слова об отношении Гельмгольца к Майеру и о механистичности трактовки первым закона сохранения энергии. Левин счел очевидно, что Энгельс в данном вопросе «устарел», и присоединился к ходячему мнению среди буржуазных ученых, равнтому в статье акад. Лазарева. Здесь снова налицо примиренческое отношение к механистической методологии в области естествознания.

Проблема превращения энергий имеет непосредственное отношение еще к другой статье БСЭ более раннего характера — «Вечный двигатель» (т. X), написанной Н. Андреевым, физиком с махистской ориентацией. Открытие закона сохранения и п р е в р а щ е н и я энергии было шагом вперед в обосновании материалистического об'яснения природы и ударом по идеализму и теологии, проникавшим в область физики в связи с допущением «перпетуум мобиле» — двигателя, создающего энергию из ничего.

Невозможность вечного двигателя есть невозможность возникновения движения из ничего. Мир действительности есть мир движущейся материи. Все происходящее в мире есть перемена форм движения материи и переход их из одних в другие. Новая форма движения не может возникнуть из ничего, но лишь из другой формы движения материи. Этим самым исключается теологическое утверждение, что движение может быть сотворено и уничтожено, и исключается допущение всяких внематериальных факторов.

Об этом значении невозможности вечного двигателя мы находим много даже у представителей примитивного материализма—Бюхнера, Геккеля и др. Энгельс же вскрыл в полном об'еме историческое значение доказательства невозможности перпетуум мобиле. Естественно, что проблема невозможности перпетуум мобиле не только исторически сыграла большое значение в борьбе с религиозным об'яснением природных явлений, но и сейчас должна играть значительное место в нашей антирелигиозной пропаганде. Вот обо всем этом в статье «Вечный двигатель» н е т н и о д н о г о с л о в а. Это ставит БСЭ по разбираемому вопросу на позиции худшие, чем были завоеваны материалистическими представителями буржуазной идеологии.

То же, что мы видели в слове «Гельмгольц»—т.-е. совершенно неправильную историческую оценку, примиренчество к механицизму, непонимание сущности метода данного автора,—находим мы и в словах «Гарвей», «Галилей» и др.

Статья, посвященная Гарвею (т. XIV), написана покойным проф. физиологии А. Ф. Самойловым, известным своими устными и печатными выступлениями в защиту механистической методологии в естествознании. Определенность позиции автора должна была бы уже насторожить редакционное руководство БСЭ на то, чтобы очистить статью от пропаганды неверных и по существу реакционных взглядов.

Гарвей принадлежит эпохе господства метафизического метода в естествознании. Этот метод, отразившийся у Гарвея в специфически бэконовской форме, господствовал до конца XVIII и начала XIX века, когда он был в основном преодолен на основе открытий Канта, Лапласа, Ламарка, Ляйеля, Шлейдена, Шванна, Дарвина, Р. Майера, Дальтона и др. Метафизический, одностороние-эмпирический метод предшествующего периода хотя и продолжает играть роль и дальше, но роль подчиненную. Энгельсом в его работах дана подробнейшая характеристика метода и мировоззрения естествознания обоих периодов. Успехи естествознания в XIX в. Энгельс отнюдь не связывал с ролью одностороние-эмпирического, метафизического метода. У Самойлова же дается такая оценка метода Гарвея: «Гарвей дал пример строго проведенного экспериментального исследования и тем демонстрировал в области физиологии силу того метода, на котором основаны успехи современного естествознания». Отождествление метода времен Гарвея с методом современного естествознания, естественное в устах механиста, совершенно неправильно и является явной пропагандой механистических взглядов на страницах БСЭ.

Путаную и неверную оценку метода того же метафизического периода мы находим и в статье проф. С. Вавилова—«Галилей».

Характерным для всех статей, помещенных в БСЭ и трактующих проблемы истории естествознания, является то, что из них выпала борьба философских школ под углом зрения борьбы двух основных направлений — материализма и идеализма Все они вещают языком летописца, смотрящего на события из окна своей кельи. Никак не отражена классовая борьба соответствующей эпохи. Естественно, что от таких статей напрасно ждать марксистско-ленинского, большевистского воспитания наших кадров.

Отмеченный характер статей, посвященных отдельным категориям естествознания и истории естествознания, являющихся по существу антимарксистскими, особо выпукло и в концентрированной степени выступает в статьях, посвященных отдельным естественно-научным дисциплинам, основным теориям естествознания, как: алгебра, геометрия, дарвинизм и т. д.

Остановимся прежде всего на статье, посвященной дарвинизму (т. XX) и написанной сотрудником Комакадемии Соболем и т. Агополом.

Дарвинизм по Энгельсу принадлежит к числу тех трех величайших открытий XIX в. (вместе с законом сохранения энергии и открытием клетки), которые вместе с рядом других открытий дали возможность преодолеть метафизические воззрения в естествознании предшествующего периода. Дарвинизм, об'яснив происхождение и развитие животных, а также и человека, отвоевал от религиозного об'яснения огромнейшей важности области человеческого знания, он был новым торжеством материалистической точки зрения и новым этапом в развитии материализма. Рабочий класс в лице Маркса и Энгельса оценили важнейшее значение дарвинизма как в области мировоззрения вообще, так и методологии естествознания в частности. Дарвинизм сделался орудием борьбы за освобождение от идеологических, враждебных пролетариату, классовых пут. Вот то основное, что на основе изложения сущности самого дарвинизма должно было быть дано читателю БСЭ.

Вместо этого мы имеем статью, которую нельзя в действительности иначе расценивать, как скандальнейший наскок на дарвинизм, отражающий антимарксистские тенденции среди биологов.

В статье нет прежде всего дарвинизма—из с о р о к а столбцов статьи изложению дарвинизма посвящено только... т р и столбца. По мнению Агола и Соболя, дарвинизм уже очевидно настолько устарел, что не заслуживает изложения. В соответствии с этим в статье нет ничего ни о материалистическом значении дарвинизма вообще, ни об антирелигиозном в частности. Но что же есть, чему посвящены 37 столбцов?—Они посвящены прежде всего пропаганде Аголом односторонних выводов, делаемых им из современной генетики.

Энгельс, разбирая историческое значение дарвинизма, писал в «Анти-Дюринге»: «Но сама теория развития еще очень молода, и поэтому нет сомнения, что

дальнейшие исследования приведут к очень значительному видоизменению теперешних, в том числе и строго-дарвинистских, представлений о ходе развития видов». Однако Энгельс ни на минуту не допускал, что можно за дальнейшее развитие дарвинизма рассматривать возвращение к метафизическим позициям, хотя бы и на новой основе — на основе генетических представлений. То, что теперь называется «неодарвинизмом», сплошь и рядом является стремлением повернуть на старые метафизические рельсы, «подправить» Дарвина таким образом, что из дарвинизма вытравливается все его революционное содержание.

Генетика—одна из плодотворнейших областей биологии, развившихся за последнюю пару десятков лет. Было бы антимарксистским хоть в какой-либо мере недооценить значение генетики, давшей уже очень много для животноводства и растениеводства. Но столь же антимарксистским является некритическое восприятие тех философских выводов, которые из нее делаются буржуазными учеными. Это нужно иметь особенно в виду потому, что в условиях разложения буржуазного общества и обострения классовых противоречий, одностороннее толкование той или иной естественно-научной теории приводит к скатыванию буржуазных ученых на антинаучные—идеалистические и метафизические—позиции.

Каждая современная естественно-научная теория может содержать в себе диалектические и метафизические моменты. Уметь правильно понять сущность данной теории и не скатиться на почву метафизики—вот задача марксиста. И Энгельс, и Ленин дали нам много примеров того, как марксист должен относиться к естественно-научным теориям; они очень часто расходились с ходячими взглядами буржуазных естествоиспытателей и не плыли по течению, а сплошь и рядом «против течения» (закон сохранения энергии, второй закон термодинамики, философские взгляды современных им естествоиспытателей, атомистика, критическое отношение буквально ко всем теориям, о которых они писали).

Наши же неумеренные поклонники буржуазной моды (Агол, Левин, Левит), не подвергнув ни в малейшей степени разбору учения генетиков, не только некритически их восприняли, но превратились в апологетов этих взглядов, что не может не привести к иному результату, как антимарксизм. Такого рода апологетика в рассматриваемой статье Агола сказывается в некритическом отношении к Вейсману и Иогансену. По отношению к Вейсману он делает те же ошибки, что и Левин в его статье о Вейсмане, о чем мы уже говорили выше. По отношению к Иогансену это некритическое отношение выражается в восприятии метафизической трактовки открытых им «чистых линий».

Иогансен показал, что вид есть смесь, популяция внешне сходных типов (фенотипов), внутренне различных по своим наследственным данным (генотипам). Исходя из этого, он утверждал, что отбор действителен только в пределах популяции, «чистая же линия», т.-е. однородный в генотипическом отношении материал, совершенно неизменна независимо от того, берут ли для разведения дальнейших поколений особи, отобранные по какому-либо одному признаку (напр., бобы с весом меньшим или большим среднего веса бобов данной чистой линии) или нет. Таким образом прежний линнеевский неизмененный вид снова пред нами возрождается в форме «чистых линий» Иогансена!

Учение о чистых линиях в соединении с вейсманизмом и дает ту атомистику наследственности—генетику, согласно которой изменение видов сводится к изменению комбинаций набора генов в популяции. Все сводится в конце концов к арифметике или в лучшем случае к комбинаторике, т.-е. к алгебре. Недаром Гильберт на 91-м с'езде Общества немецких естествоиспытателей и врачей в сентябре 1930 г. в своей речи «Познание природы и логики» подвел законы генетики целиком под аксиоматику евклидовой геометрии. И это не случайно! Действительно учение об абсолютно твердом теле, евклидова геометрия и генетика находятся в самом непосредственном родстве, так как последняя рассматривает ген тоже как абсолютно неизменное тело. Биологи-генетики повторяют метафизические зады, давно пройденные уже математикой и физикой!

Продолжением этой же метафизики является и учение о самопроизвольном, ни в каком отношении к телу организма (соме) не относящемся изменению генов — учение о мутациях в генетическом освещении. Если в метафизической трактовке иогансеновских чистых линий мы встречаемся с рецидивом линнеевской метафизики, то в метафизике учения о мутациях мы встречаемся с метафизикой скачков, «революционных» взрывов Кювье. Энгельс в свое время писал о теории Кювье: «На место акта божественного творения она поставила целый ряд подобных творческих актов и сделала из чуда существенный рычаг природы» [1]). Ошибку, аналогичную Кювье, делают и наши неумеренные генетики в трактовке мутационных изменений.

Наши генетики не понимают того, что можно принимать результаты экспериментальных исследований Иогансена и видеть пользу теории Вейсмана и в то же время отвергать метафизическую трактовку созданных ими учений. Ведь и Линней и Кювье исходили из определенного эмпирического материала и делали свои неверные, метафизические заключения, казалось бы, исходя из всего запаса опытных данных.

Ошибка товарищей биологов заключается в том, что они принимают в метафизической трактовке понятия гена, мутации, чистой линии и т. д. Эти категории у них не являются историческими. Поэтому и трактовка наследственности, изменчивости и эволюции получается абстрактной и метафизической. Вместо того, чтобы преодолеть эту односторонность учений генетиков, Агол, Левин и Левит ухватились именно за метафизику и сделались апологетами ее.

Наряду с этой общей методологического порядка ошибкой, в рассматриваемой статье мы находим ряд неверных формулировок частного характера, являющихся также следствием неверной общей установки авторов. Так в части статьи, написанной Соболем, о дарвинизме говорится, как о «стройно-увязанной философско-биологической теории». Далее утверждается даже, что «дарвинизм есть материалистический метод в биологии». Все это преувеличения, ведущие прямо в болото. В свое время т. И. И. Степанов утверждал, что марксизм в области естествознания заменяется современными естественно-научными теориями. Это было вреднейшей ошибкой, так как сводило на-нет колоссальнейшие задачи марксизма в области естествознания, упраздняло марксизм для целой отрасли человеческого знания. Теперь снова проповедуется такая же точка зрения.

В части статьи Агола мы имеем неверную трактовку случайности. Он пишет. «Случайностью мы называем такую внешнюю по отношению к данному явлению причину, которая не связана с внутренним закономерным развитием этого явления, которая не вытекает из него с необходимостью». Здесь снова перед нами то противопоставление случайности необходимости, против которого боролся Энгельс. Он себе ставил задачу «показать, что дарвинова теория является практическим доказательством гегелевской концепции о внутренней связи между необходимостью и случайностью» [1]). Агол же пытается доказать прямо противное, так как он стоит на плехановской, а не на энгельсовской точке зрения по вопросу о случайности. Неверна формулировка Агола, когда он, обсуждая проблему прерывности и непрерывности, пишет, что «новые признаки прерывают цепь развития материального мира».

Немарксистской является и статья, посвященная алгебре (т. II), написанная самим редактором БСЭ и руководителем секции естествознания Комакадемии т. О. Ю. Шмидтом. В этой статье, разбирающей историю и современное состояние алгебры, н е т н и с л о в а о том, что алгебра отражает определенные отношения действительного мира. В полном соответствии с этим пренебрежением к материалистической точке зрения в статье нет вообще ни слова о борьбе материализма с идеализмом в области алгебры, хотя как математика вообще, так и алгебра

---

[1]) Диалектика природы, изд. 3-е, стр. 114.

в частности в их формальной трактовке всегда были почвой для расцвета идеалистических учений, начиная с древности и до наших дней. Это тем более странно, что Энгельс в «Анти-Дюринге» не мало места посвятил борьбе с идеализмом в математике, а Ленин о том же говорит в «Материализме и эмпириокритицизме».

Вместо материалистической трактовки развития алгебры мы имеем в статье чисто-формалистическую, по существу идеалистическую трактовку развития алгебры. Все успехи алгебры т. Шмидт сводит к развитию символики. Он пишет: «Введение символических обозначений и операций над буквами, заменяющими какие-угодно конкретные числа, есть момент решающей важности». Все этапы развития алгебры сводятся к этапам в развитии алгебраической символики. При отсутствии намека на материалистическую трактовку алгебры, при полном пренебрежении марксистской литературы (даже Энгельс не удостоился быть упомянутым в списке литературы) мы имеем налицо смык с враждебными марксизму и материализму учениями в математике, для которых ничего больше и не нужно, кроме изгнания утверждения соответствия математических формул реальным отношениям. Статья, посвященная алгебре, вскрывает нам многое в источнике того неблагополучия, которое мы имеем в естественно-научном отделе БСЭ. Действительно, если сам редактор БСЭ и руководитель секции естествознания Комакадемии скатывается на идеалистические рельсы, то, естественно, не приходится ждать марксистского руководства естественно-научным отделом БСЭ.

Не останавливаясь на других статьях, относящихся к диалектике природы и ничего не меняющих в отношении философской установки естественно-научного отдела БСЭ, подведем итоги нашему разбору.

Мы взяли главнейшие статьи и преимущественно из последних томов БСЭ и не нашли в них борьбы за марксистско-ленинскую точку зрения в области естествознания. Вместо выполнения ленинского указания—«уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов»[1]) — вместо этого мы имеем или примиренчество к механистическим и идеалистическим течениям, или даже прямую пропаганду идеализма. Поэтому мы должны признать положение с естественно-научным отделом БСЭ неудовлетворительным, а содержание отдела антимарксистским по существу. Понятно, что естественно-научный отдел БСЭ не только не воспитывал наши кадры в духе марксистско-ленинской философии, но дезориентировал эти кадры и тем задерживал их рост.

Остановим еще наше внимание на вопросе—насколько естественно-научный отдел вооружал знаниями своих читателей для строительства социализма. Естествознание играет большую роль не только в области идеологии, но и в создании новой социалистической техники и сельского хозяйства. Какие знания и в какой форме давались в этом отношении БСЭ?

Мы не будем в данном критическом обзоре ставить этот вопрос в полном об'еме, так как он нас выводит за пределы естественно-научного отдела и приводит в отдел техники и прикладных наук. Разбору этого последнего отдела должна быть посвящена специальная статья или даже ряд статей. Но и естественно-научный отдел может и должен дать конкретные сведения о животных, растениях, минералах, химических веществах и их реакциях и т. д., ценные прежде всего своей полезностью в социалистическом строительстве.

Что мы имеем в этом отношении? Основной чертой сведений, даваемых в этом отделе, является академизм, преобладание знаний, никак не увязанных с социалистическим строительством СССР. Это обстоятельство вдвойне вредно: даваемые знания не ориентируют усваивающие их кадры на задачи соцстроительства, а зачастую даже уводят в сторону от задач этого строительства; с другой стороны, академизм в условиях ожесточенной классовой борьбы не может быть какой-то формой нейтралитета со стороны ученых, стоящих на его позициях, а является особо утонченной и скрытой формой враждебного отношения к социа-

[1]) Собр. соч., т. X, изд. 1-е, стр. 291.

быть орудием воспитания кадров. Поэтому исправление недостатков в работе БСЭ должно производиться решительнейшим и скорейшим образом.

Естественно-научный отдел БСЭ должен содействовать и проводить в своей работе перестройку естествознания под углом зрения социалистического строительства, решительно борясь за генеральную линию партии против всякого рода уклонов от ленинских позиций. Перестраивая естествознание на основе методологии диалектического материализма, БСЭ должна бороться за полное вытеснение из области естествознания всех враждебных пролетариату идеологических влияний на естественно-научные теории в форме религиозной и мистической, идеалистической и виталистической, механистической и т. д. Статьи естественно-научного отдела БСЭ, как и других отделов, должны быть проникнуты большевистской партийностью.

В корне должна быть изменена организационная форма работы естественно-научного отдела БСЭ. Нужно стремиться изжить практику индивидуальных заказов, перейдя к привлечению к работе для БСЭ естественно-научных исследовательских институтов, научных обществ, коллективов научных работников и т. д. Для этой цели необходимо добиться включения в планы работы исследовательских институтов и обществ разработки проблем, связанных с содержанием статей, помещаемых в естественно-научном отделе БСЭ. Организуя марксистскую общественность вокруг БСЭ, руководство БСЭ должно широко применять метод большевистской самокритики, подвергая написанные статьи до их напечатания коллективному обсуждению, а вышедшие уже томы БСЭ критическому разбору в печати.

Перестроившись на большевистский лад, БСЭ и в лице естественно-научного отдела сделается могучим орудием социалистического строительства и борьбы за марксистско-ленинское естествознание.

А. Максимов.

Философствующие естественники.

(Эмерджентная эволюция).

Один легкомысленный критик отозвался о книге Уилера, трактующей об эмерджентной эволюции, приблизительно, следующим образом. Почему, спрашивает он, во-первых, как только биолог становится профессором Гарвардского университета, он сейчас же начинает философствовать? И дальше добавляет: Наверное, все же Уилер лучше пишет в области философии, чем философ написал бы о муравьях (Уилер—большой знаток жизни муравьев). Думаю, что и без такого, утешительного замечания книга Уилера заслуживает того, чтобы о ней поговорить и, главное, противопоставить ее метафизическим построениям Моргана. Я и начну с Уилера, хотя Морган старше и хотя Уилер у него заимствовал самый термин.

Что, прежде всего, значит «эмерджентность»? Нас здесь будет интересовать такое понимание этого термина, которое можно назвать эпигенетическим, т. е. им обозначается появление или возникновение чего-то нового, не преформированного, не предсуществующего в данной системе, но в ней возникающего. Понятие «эмерджентности» неразрывно связано с представлением о целом, отличном от суммы его частей, возникающем путем синтеза элементов, но не тождественном сумме элементов. По Уилеру Джон Льюис впервые применил термин «эмерджентность» в химии, говоря о том, что качества соединения не следуют из свойства его молекул, а возникают (are emergents) из них.

В биологии представление о том, что организм отличен от суммы его частей, имеет довольно «почтенную» давность. E. Nordenskiöld в своей истории биологии проследил его вспять до G. E. Stahl (1660—1734), J. C. Reil (1759—1813) и C. A. Rudolphi (1771—1832).

Уилер заговорил об эмерджентной эволюции, конечно, не потому, что профессорам Гарвардского университета полагается философствовать. Он далеко не

один пишет о ней, хотя не все пользуются тем же термином. Можно кроме Уилера и Моргана назвать хотя бы еще следующих биологов: Паркер, Дженнингс, Spaulding'и и др. Нет сомнения, что здесь сказался один из симптомов кризиса механического естествознания. Однако, как мы только что отметили выше и как убедимся и дальше, сам по себе принцип эмерджентной эволюции не предохраняет ни от механистичности, ни от витализма и родственных ему спекуляций.

Посмотрим теперь, как использовал Уилер этот принцип, и что он из него извлек; оставим пока в стороне его возражения Моргану. Возникающие новые целые синтезируются (в своем возникновении) на различных уровнях сложности По меньшей мере некоторые из их качеств новы и поэтому подчиняются собственным законам, но не тождественны с теми, что относятся к частям. Не следует представлять себе эмерджентность схематичной, жесткой и статичной. И продукты ее— новые целые — не во всех отношениях новы, а, может быть, только в некоторых функциональных аспектах. Эволюция может итти в восходящей иерархии, т.-е. ко все более сложным системам. Но может итти и к упрощению, как, напр., в рецессивных мутациях, в паразитах и других высоко специализованных организмах, происшедших от более сложных, но более генерализованных и примитивных предков. В одном и том же организме могут происходить оба процесса в различном об'еме (Я изложил рассуждения Уилера, в которых для философа мало нового, чтобы показать их приложение в биологии. Сейчас дальше очень характерное место). Большинство авторов искусственно изолируют возникающие целые. Не надо забывать, что их части связаны не только между собой, но и с окружающим. Целое больше, чем сумма частей, нами принятых во внимание. В сущности каждый атом, молекула, организм, общество—все новые целые. Все соединено в непрерывную разветвленную систему. «Уровни» проводятся там, где антропоцентрические точки зрения останавливают внимание философа. Термин «уровень» неудачен, так как вызывает представление о чем-то пространственном и статичном. Эмерджентность же на самом деле более подвижна и менее скачуща. Новизна возникающих целых может быть лишь очень небольшой, иначе будет нарушена генетическая непрерывность. Уровни в сущности вводятся только в целях описания (Итак, имеются критические точки, в которых «эмерджируют» новые целые со своеобразными качествами, но... все же это происходит постепенно).

Уилер — специалист по общественным насекомым, и из «уровней» в эмерджентной эволюции он преимущественно интересуется уровнем социальной жизни животных. По его мнению, более сложные сообщества пчел, ос, муравьев и термитов представляют собой новые целые более высокого уровня (над-организмы) по сравнению с простыми скоплениями индивидов. У каждого вида и даже у каждой отдельной колонии гнездо имеет свои эмерджентные особенности. Так же, говорит он, как наши города имеют каждый свой собственный стиль, свою «физиономию», не тождественную с архитектурой отдельных сооружений. Стая высших млекопитающих, как обезьян, человекообразных, первобытных дикарей, возникли на другой базе (здесь преобладает функция защиты, а у насекомых—размножение), и Уилер относит их к более высокому уровню по сравнению с первыми. Человеческое общество Уилер считает над-над-организмом; так как в нем индивиды одновременно состоят в различных группировках. Человеческое общество в отличие от сообществ насекомых не имеет онтогении, а растет путем «чего-то подобного внутреннему роению». Здесь основание колоний (человеком) сравнивается с роением нашей медоносной пчелы.

Ассоциирование имеется и в неорганическом мире: электроны ассоциируются и образуют атомы, а атомы более сложные группы и т. д. Ассоциирование лежит в основе эмерджентности. Но надо признать, что организация ассоциации зависит от самых элементов, так что нет надобности привлекать для об'яснения какие-нибудь «побуждающие и направляющие внепространственные и вневременные» энтелехии, организующие факторы, божество, жизненный порыв и т. п.

Метафизические факторы оказались, говорит Уилер, хуже, чем бесполезными в применении к неорганическому миру, и трудно допустить, чтобы они могли помочь пониманию органического. Предполагается, что «такие факторы обладают замечательным предвидением, хотя все многовековое течение эволюции с его бесчисленными тупиками и обрывами, с его жалкими и трагическими неудачами представляется скорее памятником их колоссальной неадэкватности, слепоты и глупости» (Очень смело... для страны обезьяньих процессов и фундаментализма).

И, наконец, заключение.

Изучая высших социальных насекомых, Уилер находит у них возрастающую дегенерацию индивида. Это видно и в онтогенезе, т.-е. в развитии одной отдельной колонии при сравнении ее ранних стадий с более поздним, и в филогенезе при сравнении более первобытных колоний с более специализованными. У старых половых особей так называемых термитов мозг их (надглоточный узел) оказывается уменьшенным до одной трети первоначального размера, а симпатические узлы одновременно втрое выросшими. Глаза их и оптические узлы также обнаруживают признаки явной дегенерации. В высших обществах муравьев рабочие по строению мозга, глаз, груди и пигментации менее развиты, чем рабочие мелких примитивных муравейников. Здесь, как выше говорилось, эволюция, прогрессирующая в одних чертах, является одновременно регрессирующей в других. (Все это—поскольку относится к насекомым—правильно. И совершенно понятно, почему это так: как я писал в другом месте [1]), сообщества насекомых принципиально отличаются от сообществ высших позвоночных тем, что они базируются на наиболее примитивном первичном поведении, а не на приобретенном индивидуально. Линии развития высших форм поведения (приобретенного) и высших (наиболее сложных и крупных) форм сообществ у насекомых расходятся, а у позвоночных совпадают. Но Уилер, ничтоже сумняшеся, переносит сказанное на человека. У цивилизованного человека мы находим функционально-пониженные зрение, слух, обоняние, дегенерацию производных эпидермы (в зубах, волосах, пигментах); повышенную активность висцеральной нервной системы и желез внутренней секреции (эмотивность), больший процент «нравственно дефективных», и все это при отсутствии каких-либо указаний на прогресс в мозговой коре за исторические времена, если даже нет регресса, что Уилер считает правдоподобным. Возрастающая профессиональная специализация ведет к дальнейшим дегенерациям определенных органов и тканей. Все это делает иллюзорным представление о прогрессе как поступательном движении к совершенству человеческого рода. Кроманьон с полным правом мог бы считать слабосильного, лысого и почти лишенного челюстей человека нашей эры—дегенератом. Нисколько не будет удивительным, если со временем окажется, что разрастание большого мозга, которым так гордится человечество, на самом деле болезненное явление, ведущее к вымиранию этого человечества. Может быть, мамонту его колоссальный рост и нелепо загнутые клыки тоже казались венцом прогресса. А фактически они привели к его вымиранию. Отсюда Уилер сходится с философом Шиллером [2]) в выводе, что современная цивилизация несомненно является разрушающим фактором, ведущим к вырождению человечества.

Итак, мы, в конце концов, нашли довольно знакомые у буржуазных ученых мотивы. Общественная жизнь в своих высших формах и у человека ведет к дегенерации индивида, как это найдено у насекомых. Социализм есть бюрократизация и т. д., и т. п. Для характеристики настроения Уилера могу еще привести, что революцию он относит к болезням общества и ставит ее на одну доску с болезненными опухолями вроде рака у индивида.

Ошибка Уилера совершенно ясна: абсолютно незаконное перенесение на человека соотношений, установленных для насекомых, непонимание диалектики

---

[1]) В «Сравнительной психологии», 1927 г.

[2]) F. C. Schiller, Tantalus.

развития человеческого общества, непонимание развивающей, оздоровляющей и освобождающей роли социализма, непонимание того, что человечество идет к социализму через освобождение индивида и к раскрепощению индивида через социализм.

В 1924 г. был напечатан цикл лекций Ч. Ллойд Моргана под заглавием «Эмерджентная эволюция», затем в 1926 г. они были перепечатаны в расширенном и переработанном виде в особой книге. «Life, mind and spirit». Труднопереводимое многосмысленное слово «mind» здесь всего ближе передать словом «психика»—следовательно, «жизнь, психика и дух». Автор очень настаивает на том, что его точка зрения—монистическая, отвергает дуализм и анимизм. А рядом, как основной мотив книги, душеспасительная задача доказать, что «весь прогресс эволюции можно рассматривать как проявление божественного провидения» (предисловие, стр. XIII). И лозунг «Назад к Спинозе!». Как же это самое провидение вмещается в монистическую систему? Мне кажется, что стоит в этом разобраться, несмотря на отпугивающие благочестивые намерения набожного автора. Мне кажется, что такая работа может нас предостеречь от ошибок, т.-е. показать, как не следует применять некоторых весьма разумных положений. А такие у Моргана несомненно имеются и высказываются в форме не только приемлемой, но даже очень нам близкой.

Попытаемся сначала узнать, как сочетаются жизнь с психикой, а потом как они оба сочетаются с духом. В первой части—много сходства с Уилером (Уилер позже Моргана, а именно 1926—1927 гг.).

Эмерджентная эволюция дает возможность появлению целостностей нового, высшего уровня, обладающих качественно своеобразными чертами. Так об'ясняется и возникновение жизни, живого организма из неорганической материи. И с самого своего возникновения жизнь неразрывно связана с психикой. Нет дуализма, т.-е. души, на ряду с телом, как-то им владеющей и управляющей. Но имеется коренная и фундаментальная дуалистичность жизненных явлений. Я позволю себе привести несколько цитат из разных мест книги, стр. 8: «В каждом организме мы имеем пример основной дуалистичности природы; Спиноза говорит о двух «атрибутах». Стр. 7: «Нет жизни без психики, нет психики, не коррелированной или не сосуществующей с жизненными процессами». Стр. 223: «Нет ни одного органа или ткани в организме, ни составной части клетки, ни хромосомы или хондриосомы, деятельность которого происходила бы без психического сопровождения». Стр. 169: «Наше повторное утверждение состоит в том, что жизненный контекст всегда и всюду сопровождается психическим контекстом».

Последнее положение дает уже и указание на форму связи между жизнью и психикой. Анимизм тоже знает два контекста, но там каждый из них относится к особому роду явлений: во-первых, к физическому телу, во-вторых, к душе, пользующейся телом для своих целей. По гипотезе Моргана, которую он называет «натурализмом», оба контекста относятся к одному и тому же роду явлений природы. Исчерпывающее описание какого-либо жизненного явления непременно должно охватить оба контекста (стр. 45): «какой бы эпизод мы ни выбрали, он всегда допускает двоякую интерпретацию—1) в выражениях, присущих физиологии, и 2) в выражениях, присущих психологии; в 1) контекст включает действия, вызванные влияниями, реакции организма как целого, все акции и реакции, происходящие в цепи явлений между стимуляцией и поведением, а в 2) контекст имеет дело с сопровождающей удовлетворенностью (enjoyment, т.-е. удовлетворенность или наслаждение—специфический моргановский термин; может быть положительным и отрицательным) и с психическими коррелатами влияний. Хотя каждый из контекстов взаимно освещает другой, но ни один из них не делает другого тем, что тот из себя представляет».

Физическое, таким образом, по Моргану не обусловливает психического. Стр. 64: «По нашей гипотезе, организм складывается из психического в не меньшей степени, чем из физико-физиологического». Стр. 84: «Полная натуралистическая

схема слагается из двоякого контекста физического влияния и психических соотношений в связи с основной дуалистичностью природы». Последняя (стр. 137): «Различным образом выражается в жизни и в психике, и ход явлений в любом организме может быть изложен в двух контекстах». Дуалистичность, повторяем, не дуализм (стр. 222): «Дуалистическое учение считает все действия и всякого рода влияния физическими. Не существует чисто-физических явлений, перемежающихся с другими, не физическими, а чисто-психическими. Все перемежающиеся явления физические и могут быть истолкованы физиологом, как действия; все перемежающиеся явления в связи с дуалистичностью природы, также и психические». Психическое не возникает только на какой-то стадии развития живой материи, так как (стр. 232) «дуалистичность природы не появляется в поступательном ходе эволюции, она имеется ab initio».

Понятие эмерджентной эволюции относится как к физиологическому, так и к психологическому. Мы можем установить эмерджентные уровни как в том, так и в другом контексте. Психологические уровни не всегда точно коррелируют с физиологическими. Корреляция тем выше, чем лучше биологическая приспособленность животного, и она усовершенствуется в процессе индивидуального развития данного организма. Но не имеется ни настолько простейшего животного, ни элементарной яйцеклетки, в которых не сосуществовала бы психика с жизненными явлениями (ср. стр. 13). Эволюция идет внутри данного уровня, доходит до некой критической ступени, и тогда из того же уровня возникает новый, не всегда высший, так как эволюция может и деградировать, тогда мы с высшего уровня через критическую точку попадем на низший (ср. стр. 3).

Эта теория, по Моргану, монистична потому, что признает только один род явлений, а жизнь и психику считает только атрибутами одного из высших уровней явлений. Один род явлений можно взять в двух контекстах. Другая характерная черта теории та, что жизнь и психика непременно сосуществуют. Можно найти очень низкий уровень жизни, или очень низкий уровень психики, но где есть жизнь, там будет хоть какой-нибудь уровень психики, и наоборот.

Как представляет себе Морган уровни эволюции психики? Высший—это уровень разумно мыслящего человека, планирующего свои поступки и толкующего события при помощи необходимых обобщений (ср. стр. 132). Низший уровень—на ступени первого появления психики, где она отмечена отсутствием какого-либо взгляда вперед «заключен в узкие рамки настоящего момента»; психические соотношения здесь еще не имеют характера познания. Средний уровень, сосуществующий с тем, что мы в контексте явлений жизни называем «условным поведением», это уровень ребенка и разумных животных; здесь имеются познавательные отношения, но без размышлений. Критическая точка между средним и высшим уровнями там, где на основе познания появляется ожидание имеющего наступить события. Низший уровень соответствует так называемому первичному, т.-е. не измененному индивидуальным опытом, поведению.

Сюда относится, по Моргану, значительная, если не большая, часть нашей психики; все то, что дано от природы, что рождается, а не вырабатывается—как птица рождается певцом (ср. стр. 145). Это подходит под определение «инстинктивного» поведения. И дальше мы узнаем, что (стр. 145) «по моему убеждению это дар божества, проявляющийся в других и открытый мне во мне самом»... «Эмерджентная эволюция с начала и до конца есть проявление и откровение того, что я называю божественным провидением».

Мы оставим в стороне вопрос о других переходных ступенях к высшему уровню и займемся сейчас дальнейшим развитием этого уровня—появлением в нем новых эмерджентных ступеней. На высшем уровне, специально человеческом, психические соотношения имеют не только познавательный характер, но и характер размышлений с предвидением цели и попытками достигнуть ее какими-то средствами (ср. стр. 56). Удовлетворенность на этом уровне переходит в высшие формы удовольствий, радости, счастья, т.-е. в ней возникает эмоциональная окраска.

Теперь о духе. Во-первых, напомню, что Морган просит не смешивать дух с «душой». Душа Моргану не нравится, так как она принадлежит дуализму, имеет происхождение из какого-то иного мира, чем тело и т. д. Дух же совсем напротив. Он оказывается совместимым с монизмом.

Уилер изображает морганское представление о духе, как новый эмерджентный уровень. По его изложению, Морган признает три уровня: первый — материя-пространство, второй—жизнь-организм, третий—дух-божество. Это не совсем справедливо и переупрощено. У Моргана весь этот вопрос очень сложен. Думаю, что не стоит здесь в него углубляться. Приведу только несколько основных моментов.

Жизнь и психика, как мы узнали, не два рода явлений, а два контекста, которыми может быть охвачен единый род явлений. Дух тоже не добавляет второго (или третьего) рода явлений. Дух «открывается» как в жизни, так и в психике. Весь ход эволюции (стр. 172) с начала до конца есть проявление божественного провидения; оно существует внутри все того же единого реального мира (стр. 284). Рассматривая единый ряд фактов, мы в натуралистическом аспекте находим в нем примеры определенной плановости, а в религиозно-духовном аспекте—божественного провидения; кроме физического аспекта и психического некоторым людям открыт еще третий—духовный аспект, так как у них из психической установки эмерджентно возникла новая ее форма—религиозная.

Мы слышали, что на известной ступени эволюции психики появляется качество, обозначаемое как радость. Радость может быть духовной радостью. Тогда она как качество относится к религиозной установке, являющейся высшей эмерджентной ступенью в той же линии, по которой мы уже встретились с этической и эстетической установками. Сверх'естественно ли божественное провидение? Только в определенном смысле: все, что протекает внутри данного уровня эмерджентности, естественно для этого уровня; все, что переходит в следующий внешний уровень, сверх'естественно по отношению к первому. Так как божество относится к наивысшему уровню—религиозной установки, имеющейся не у всех, правда, людей, но у некоторых, то оно сверх'естественно по отношению ко всем низшим уровням. Если я правильно понял Моргана, то божественное провидение обнаруживается об'ективно как раз в критических точках, т.-е. там, где происходит «чудо» появления нового уровня. Но действует оно на всех уровнях от атома и до человека. Об'ективная реальность божества такова же или даже выше, чем реальность, напр., эстетических ценностей. Это реальность того же рода, как реальность рациональной закономерности (порядка) в мироздании, но она эмерджентно стоит выше ее (ср. стр. 297). Морган здесь отмежевывается от неореалистов, с одной стороны, также как от анимистов, с другой. Так как сверх'естественное Морган помещает не в особом мире, а тут же в реальных явлениях, то он все же настаивает на том, что его кредо—монистическое (стр. 302).

Трудно понять, как «чудо» совмещается с эмерджентностью. Либо новые качества, характеризующие следующий уровень, возникают в естественном развитии самой системы, т.-е. эмерджентно; либо их появление является чудом. Как второе представление может быть принято «натурализмом»? Если эмерджентность, то мы вправе говорить о монизме. Но «чудо», несомненно, предполагает и «чудотворца»—иначе оно не было бы чудом. Здесь никакое переопределение понятия «сверх'естественности» не поможет, также как нельзя чудотворца уложить в монистическую систему. Совершенно ясно, что здесь Морган вдруг начал называть сверх'естественным то самое, что раньше он называл возникновением качеств, отличающих целостную систему от суммы ее компонент. Ведь именно эти качества, как новые, и заставляют говорить о новом уровне. Для этого явления ведь и было выдвинуто представление об эмерджентной эволюции. Если же это «явление» надо понимать как чудо («богоявление») и обозначать его сверх'естественным, то незачем было вводить понятие эмерджентности.

Откуда же взялась и зачем понадобилась Моргану вся божественная компания? «Если бы,—пишет он (стр. 288),—божественное провидение хотя бы в небольшой мере проявлялось во мне и через меня, то я был бы благодарен и ничего большего бы не желал». Понятно, что при таком настроении эмерджентное легко преображается в сверх'естественное или в чудо. Для этого даже не требуется, чтобы автор намеренно протаскивал и втискивал божество в свою теорию; это может производиться более или менее непроизвольно. Тенденциозное настроение заставляет закрывать глаза на одни противоречия и колоссально преувеличивать другие. Тогда автор может добросовестно не замечать путаницы, им же сотворенной. Уилер так именно освещает «натуральное благочестие» Моргана.

Интереснее, мне думается, вопрос о существе этой путаницы. Я вижу основную ошибку Моргана в следующем. Берется факт: целое больше, чем сумма его частей; целое не складывается из частей, а возникает из них; целое обладает присущими ему чертами, несвойственными его составным частям. Трудно спорить против этого. Установив такое положение, что же делает Морган дальше? Он придумывает ему этикетку: эмерджентный; эволюция не просто эволюция, а эмерджентная эволюция. А глубже он не идет. Не спрашивает о характере эмерджентного процесса, не дорабатывает вопроса до корней. Если эмерджентность только этикетка, то, конечно, потом легко признать ее «чудом», чем угодно. А вот, если бы Морган додумал вопрос по существу до конца, то он должен был бы установить, что новые качества возникают в борьбе противоположностей, путем их взаимного проникновения, нашел бы, наверное, отрицание отрицания; одним словом, пришел бы к основным положениям диалектики. Соединение биологии с диалектикой сделало бы его диалектическим материалистом, но тогда божественное провидение, уж конечно, не соблаговолило бы избрать его сосудом для «проявления».

«Путаница» Моргана зависит, следовательно, от того, что им взято хотя и совершенно правильное и свойственное диалектике положение, но взято оно в отрыве от всей системы. Для диалектика же новое понятие «эмерджентной» эволюции приходится признать излишним. Для биолога—недиалектика признание эволюции эмерджентной—есть шаг вперед, и надо его приветствовать. Но исчерпывающее и последовательное об'яснение фактов возможно только на базе диалектического материализма.

Уилер отказывается понимать, почему Морган и другие следующим уровнем над психикой надстраивают божество, а не общественность, которая, по его мнению, логично бы здесь примыкала. Интересно привести из Уилера еще следующее место, которым он заканчивает свою книжку: «Принцип эмерджентности, — говорит он, — дает нам возможность избежать некоторых традиционных антиномий. В биологии одной из наиболее серьезных считалась преформация, как противоположность эпигенезису, но она разрешилась после экспериментов над развитием живых существ, а изучение филогении живущих и вымерших организмов показало, что имеется как генетическая непрерывность, так и прерывность или произведение нового в живых существах; другими словами, что эволюция—процесс не только повторяющий, но и творческий».

«Вероятно, с расширением тех же принципов придется отбросить и другие «или—или», как материализм—спиритуализм, механизм—витализм, необходимость—свобода, плюрализм—монизм и т. д., и тем очистить путь для более последовательного и более удовлетворительного взгляда на реальный мир».

Здесь принцип эмерджентности дан, повидимому, уже в несколько более глубокой и плодотворной форме, чем у Моргана.

В заключение я хотел бы еще раз подчеркнуть то, что автор охотно пользуется одним из положений диалектики, отнюдь не делает его диалектическим материалистом. На примере Моргана мы видим, что, при игнорировании всех прочих органически связанных диалектических принципов, очень нетрудно впасть в какую-угодно чертовщину.

В. Боровский.

СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ

ИТОГИ ФИЛОСОФСКОЙ ДИСКУССИИ И НАШИ ЗАДАЧИ НА ФИЛОСОФСКОМ ФРОНТЕ

(Резолюция по докладу т. Разумовского, принятая I Ивановской областной философско-естественной научной конференцией).

На основе последовательного и неуклонного проведения исторических решений с'езда ВПК(б) партия и рабочий класс под руководством ленинского ЦК достигли громадных успехов в развернутом социалистическом наступлении. В результате наших достижений «мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, мы уже вступили в период социализма, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко» (Сталин).

Решения декабрьского пленума ЦК и ЦКК являются программой завершения построения фундамента социалистической экономики Советского союза на базе большевистских темпов развития индустрии и социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Успешное развертывание социалистического строительства, борьба за выкорчевывание остатков капитализма, за ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации неизбежно вызывает бешеное сопротивление классового врага и обострение классовой борьбы.

В отчаянных попытках врага задержать социалистическое наступление и восстановить власть эксплоататоров, огромную роль играет борьба на идеологическом фронте.

В условиях диктатуры пролетариата классовый враг, не ограничиваясь прямыми и открытыми выступлениями против марксистско-ленинской теории, все чаще пытается протащить свои враждебные пролетариату и коммунистической партии, взгляды под флагом формального признания марксистско-ленинской теории.

На путь враждебной пролетариату идеологии неизбежно скатываются правые и «левые» оппортунисты, которые, подпав под влияние буржуазно-кулацких элемситов, превратившись в их агентуру, встали на пути открытой борьбы с генеральной линией партии и с марксистско-ленинской теорией.

Активные выступления открытых и явных идеалистов против диктатуры пролетариата и марксистско-ленинской теории, попытки механистической ревизии диалектического материализма, отвлечение теоретической мысли от решения злободневных вопросов текущей политики — все это лишь отдельные звенья в общей борьбе классового врага против социалистического строительства.

Тов. Сталин год тому назад на конференции аграрников-марксистов правильно и своевременно указал на отставание нашей теории от революционной практики и от тех задач, которые стоят перед партией, в связи с необходимостью изучения закономерностей и проблем переходного периода. Этот отрыв теории от революционной практики имеет место не только в области экономики, но и во всех отраслях марксистско-ленинской теории, в том числе и в области философии.

Связь теории с революционной практикой, проблема партийности особенно остро стоит именно в философии потому, что последняя играет руководящую роль в марксистско-ленинской теории, потому, что философия вооружает пролетариат в его борьбе за социализм мощным оружием — материалистической диалектикой.

Старое философское руководство, замкнувшись в рамках чисто-академических абстрактно-схоластических вопросов, оторванных от реальной действительности, не только не обеспечило необходимого поворота философии к актуальным проблемам переходного периода, но активно противодействовало этому повороту, упорствуя в своих ошибках, вскрытых в резолюции ячейки ИКП Ф. и Е. от 14 октября. Дальнейшая критика работ Деборина, Карева и других представителей старого философского руководства, развернувшаяся в ходе дискуссии,

вскрыла в этих работах новую форму идеалистической ревизии марксизма, представляющую по своему классово-политическому содержанию рецидив меньшевизма на советской почве.

Первая областная философско-естественная конференция Ивановской промышленной области находит поэтому уже недостаточной критику лишь отдельных ошибок старого философского руководства и считает необходимым со всей решительностью и резкостью охарактеризовать его позиции, как позиции антимарксистские, антиленинские, как позиции меньшевиствующего идеализма, маскирующегося под марксизм-ленинизм в условиях реконструктивного периода.

Занимаясь изучением абстрактно-схоластических вопросов, старое философское руководство оказалось в союзе с контрреволюционной рубинщиной, которая свою борьбу с пролетариатом тоже проводила путем отвлечения теоретической мысли от изучения вопросов современности.

Старое философское руководство определенно недооценивало теоретической роли ЦК ВКП(б), как творческого штаба, дающего блестящий синтез теории и практики, повседневно применяющего диалектику к живой действительности. Мало внимания уделялось также изучению трудов лучшего ученика Ленина, вождя коммунистической партии,—т. Сталина.

Разоблачение замаскированного меньшевиствующего идеализма старого философского руководства, вскрытие системы теоретических ошибок в работах его представителей является одной из боевых задач марксистско-ленинской философии, наряду с продолжением и углублением борьбы с механистами, представляющими другую разновидность ревизии марксизма-ленинизма.

Одобряя своевременное и правильное реагирование на философскую дискуссию со стороны Ивановского областного правления ОВМД, конференция предлагает всем товарищам, работающим в области диамата и естествознания во всей своей дальнейшей работе решительно осуществить поворот в сторону разработки конкретных вопросов практики социалистического строительства, одновременно широко популяризируя и давая правильное ленинское освещение последним научным достижениям среди широких масс партийцев, рабочих, колхозников и работников науки, техники и культуры. Беспощадную борьбу с контрреволюционным идеализмом и механистической ревизией марксизма воинствующие материалисты-диалектики должны в дальнейшем вести на основе разработки всего теоретического наследства Ленина.

Боевой задачей марксистско-ленинской философии является также разработка проблем исторического материализма, на основе опыта эпохи империализма и пролетарской революции, в тесной связи с задачами развернутого социалистического наступления.

В области естествознания необходимо вести решительную борьбу за подлинную диалектико-материалистическую разработку проблем естествознания, против недооценки значения ленинской методологии для естественных наук, против идеалистического вредительства, прикрывающегося флагом «об'ективной» или «чистой» науки.

Следуя заветам Ленина, воинствующие материалисты-диалектики должны сделать решительный сдвиг в деле усиления пропаганды атеизма в тесной связи с союзом воинствующих безбожников. Ответственные задачи, стоящие перед марксистами-ленинцами, на фронте философии и естествознания, могут быть успешно разрешены лишь под руководством ленинской коммунистической партии, на основе развертывания подлинной большевистской самокритики, на основе широкого выдвижения и подготовки новых философских кадров из среды рабочего класса.

За развернутое социалистическое наступление по всему фронту!

Против правого оппортунизма, как главной опасности, и «левых» загибов, тормозящих социалистическое строительство!

За борьбу на два фронта в философии—против меньшевиствующего идеализма и механистов!

За действенную разработку ленинского теоретического наследства!

За ленинскую партийность в философии и естествознании!

Да здравствует ленинский ЦК—центр и руководящий штаб творческого марксизма-ленинизма, дающий гениальный синтез теории и практики!

О ПОЛОЖЕНИИ НА ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ ФРОНТЕ.

(Резолюция по докладу т. Максимова, принятая I Ивановской областной философско-естественной научной конференцией).

Первая областная философско-естественная научная конференция Ивановской промышленной области, заслушав доклад т. Максимова о положении на естественно-научном фронте, считает:

а) что в области естествознания, как и в других областях научной работы, имеется отрыв теории от практики социалистического строительства;

б) что недостаточно были мобилизованы марксистские кадры в области естествознания на борьбу за выполнение пятилетнего плана социалистической реконструкции;

в) что имеется недооценка роли Энгельса и Ленина в завоевании естествознания марксистско-ленинской методологией и

г) что совершенно недостаточно разрабатывалось литературное наследство Маркса, Энгельса и Ленина в области методологии естествознания.

Вместе с тем конференция констатирует, что на естественно-научном фронте имеет место примиренчество к враждебным пролетариату идеологическим течениям, выразившееся в недооценке ведущей роли марксистской философии в естествознании и в подмене материалистической диалектики частными теориями и достижениями естественных наук.

Наряду с примиренчеством к враждебной пролетариату идеологии в теориях современных естествоиспытателей среди группы естественников имеет место система ошибок механистического и идеалистического порядка (Гессен—в теории относительности, в учении о вероятности, Левит, Левин, Агол—в генетике, О. Ю. Шмидт—в отношении фрейдизма).

Старое естественно-научное руководство не вело последовательной и непримиримой борьбы на два фронта: как с механицизмом, так и с исконным врагом диалектического материализма—идеализмом. Не велась также в сколько-нибудь достаточном об'еме антирелигиозная пропаганда.

Эти ошибки, взятые вместе, сочетаясь с отсутствием самокритики и борьбой против нее со стороны названной группы естественников, привели к тому, что такие журналы, как «Под Знаменем Марксизма» и «Естествознание и Марксизм», сделались групповыми органами, не отражающими тех новых задач, которые стоят перед философией и естествознанием, в связи с развернутым социалистическим наступлением.

Смыкание ошибок указанной группы естественников, с ошибками старого философского руководства в лице группы Деборина свидетельствует о том, что группа естественников также встала на путь антимарксизма.

Осуждая линию этой группы и отмечая отставание теории от практики социалистического строительства на естественно-научном фронте, конференция считает, что на ближайшем этапе особенно необходимо развертывание дальнейшей борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории в области естествознания. Основными задачами являются:

1) разработка литературного наследства Маркса, Энгельса и Ленина,

2) применение марксистско-ленинской методологии к конкретным вопросам естествознания;

3) подготовка и рост марксистско-ленинских кадров в области естествознания;

4) решительная борьба со всеми и всяческими идеалистическими и механистическими течениями и взглядами в области философии естественных наук;

5) смелое развертывание большевистской самокритики в деятельности научно-естествоведческих организаций;

6) коренная перестройка работы этих организаций в сторону решительного усиления разработки боевых вопросов социалистического строительства, а также перестройка работы журналов «Под Знаменем Марксизма» и «Естествознание и Марксизм»;

7) привлечение естественников-марксистов к активному участию в антирелигиозной пропаганде.

Письмо в редакцию.

Уважаемый т. редактор!

Прошу поместить в вашем журнале это письмо.

За последнее время в связи с философской дискуссией моя фамилия фигурирует вместе с фамилиями других товарищей, стоящими на линии меньшевиствующего идеализма. Я действительно сделал ошибки формалистического порядка в своей статье «Логика Гегеля и логика марксизма», помещенной в журнале «Вестник Коммунистической Академии» в 1929 г., № 34. В этой статье я выставил следующее положение: «Мы думаем—и это мы постараемся в дальнейшем обосновать,—что в настоящее время центральным узлом всех проблем, которые определяют вид, конструкцию, тип построения нашей материалистической логики, является не столько вопрос о характере самих категорий, из которых должна состоять эта логика, а проблема порядка их расположения. В результате нашей дискуссии с механистами, в результате наших углубленных занятий над Гегелем, после «Диалектики природы» Энгельса, после ленинского конспекта гегелевской логики, выяснилось достаточно определенно, что в общем, с теми или другими поправками, мы можем принять основные категории гегелевской об'ективной логики. Но, в таком случае, перед нами встает вопрос кардинальной важности: можем ли мы согласиться с тем толкованием порядка, какое дает сам Гегель?» [1]).

В этом положении имеется ряд формалистических ошибок. Во-первых, совершенно неверно, что когда-либо в настоящее время, в прошлом или будущем центральным узлом всех проблем материалистической логики может явиться «не столько вопрос о характере самих категорий»,—«а проблема порядка их расположения». Это утверждение имеет несомненно формалистический характер и ведет к идеализму. Форма, порядок, структура, последовательность категорий логики отрываются этим утверждением от их характера, от содержания, каким являются содержание самой об'ективной материальной действительности. Порядок, форма, расположение категории, логики в материалистической постановке, обосновываются их характером, а не наоборот. Только на основе того, как отображается в логике реальное движение материи, только на основе строгого противоположения материалистического характера логики идеалистическому—мы можем судить о логической связи категорий логики, о их последовательности.

Следующая ошибка, непосредственно связанная с этой, является утверждение, что «мы можем принять основные категории гегелевской об'ективной логики». Наша материалистическая диалектика должна разрабатываться на основе всего человеческого опыта и прежде всего на основе опыта ленинизма, в котором конденсируются наилучшие достижения всей научной человеческой мысли. Вот почему мы не можем просто так принять категории гегелевской логики. Мы должны подвергнуть гегелевскую логику,—эту энциклопедию диалектики, хотя и развитую из совершенно ложного исходного пункта,—самой решительной материалистической критической переработке—для того, чтобы извлечь из нее рациональные, скрытые за мистической оболочкой, элементы. Центральной ошибкой деборинской школы в этом отношении является некритический подход к гегелевской логике,—категории и положения этой логики механически переносились в материалистическую диалектику. Образцом совершенно другого подхода к гегелевской диалектике является ленинский подход, ленинский способ изучения гегелевской логики. Мы, конечно, принимаем категории гегелевской логики, мы принимаем и качество и количество и меру и сущность и явление, форму и содержание и т. д., но принимаем так, как это указал еще Маркс, как это указал Ленин. Мы принимаем, отвергая, перевертывая идеалистический метод гегелевской философии, ставим его с головы на ноги, отметаем идеалистическую основу, отвергаем боженьку, абсолют, идеализм, берем скрытое в мистической форме—разумное зерно. Своеобразие такого подхода к гегелевской диалектике не было подчеркнуто мною в вышеприведенном положении. Эта ошибка тоже формалистического порядка и характеризует собой некритическое отношение к гегелевской философии. Эти две ошибки являются центральными—к ним примыкают другие сходные и тождественные, также свидетельствующие о неверной характеристике соотношения порядка и характера категорий логики, какую я высказал в приведенном положении, а также свидетельствующие о недостаточно критическом отношении к логике Гегеля.

За все эти ошибки я несу, конечно, полностью ответственность. Хотя я никогда не был ортодоксальным деборинцем, как это отметил сам глава этой школы, но все же, на прошлом этапе, я вел работу вместе с этой школой. Эти ошибки

[1]) «Вестник Коммунистической Академии» № 34, 1929 г.

формалистического порядка, об'ективно ведущие в сторону меньшевиствующего идеализма, имеют происхождение в общем источнике, в линии деборинской школы, линии меньшевиствующего идеализма, в отрыве философии от революции, от ленинизма, от задач партии, от практики революционной борьбы и социалистического строительства. Характерно, что статья, с этими ошибками, была помещена в «Вестнике Комакадемии» без всяких примечаний. И никто, ни главный редактор этого журнала А. Деборин, ни подредакторы, никто не сказал мне ни единого слова, не сделал никакого указания. Кстати добавлю, что с признанием этих своих ошибок я уже выступал несколько раз. Открыто на философской дискуссии, организованной Институтом красной профессуры весною прошлого года, а также на собрании философского Института красной профессуры—осенью прошлого года (то и другое нашло свое отражение в стенограммах).

С коммунистическим приветом Георгий Дмитриев.

Содержание журнала „Под Знаменем Марксизма“ за 1930 г.

И. Агол.—Проблемы эволюционного учения (№ 4, стр. 180).

Его же.—Задачи марксистов-ленинцев в биологии (№ 5, стр. 95).

И. Альтер.—Конец одной легенды (Зомбарт и Маркс), (№ 4, стр. 106).

Его же.—Социология Кунова (№ 9, стр. 57).

Гр. Баммель.—Об идеалистической философии после Октября (№ 5, стр. 36).

Отто Бенедикт.—Накопление капитала при растущем органическом составе. (К вопросу о капиталистической рационализации), (№ 7—8, стр. 91).

В. Боровский.—Новое в учении о рефлексах (№ 2—3, стр. 198).

Инал Бутаев.—Мировое хозяйство, как конкретный процесс капиталистического воспроизводства (№ 2—3, стр. 120).

И. Вайнштейн.—Методология экономической апологетики (критика методологии Струве), (№ 10—11—12, стр. 160).

В. Вандек и С. Турецкий.—Некоторые вопросы методологии правого уклона в ВКП(б) и троцкизма (№ 6, стр. 58).

И. Верцман.—Эстетика в свете социализма (№ 4, стр. 159).

К. Виттфогель.—К вопросу о марксистской эстетике (№ 7—8, стр. 207)

П. Вышинский.—Философия буржуазных реставраторов (кондратьевщина) (№ 10—11—12, стр. 143).

П. Вышинский. и Я. Левин.—Еще раз о механистах и о новой путанице тов. Сарабьянова (№ 1, стр. 13).

С. Гоникман.—Теория классов и классовая борьба в капиталистическом обществе (№ 2—3, стр. 21).

З. Гришин.—К вопросу о бухаринской и троцкистской концепциях классов и классовой борьбы в переходный период (№ 9, стр. 37).

М. Гришин-Николаев.—О философском смысле одного литературного выступления (№ 2, стр. 187).

А. Деборин.—Строительство социализма и наши задачи на теоретическом фронте (№ 5, стр. 6).

Его же.—Итоги и задачи на философском фронте (№ 6, стр. 1).

А. Деборин и др.—О борьбе на два фронта (№ 5, стр. 139).

Гр. Деборин.—Политическая экономия вредительства (№ 9, стр. 94).

Гр. Деборин и М. Чернин.—О двойственной природе одного полемического трюка (№ 1, стр. 102).

Г. Дмитриев.—Логика Гегеля и логика марксизма (№ 4, стр. 14).

Ф. Дучинский.—Неодарвинизм и проблема эволюции человека (№ 2—3, стр. 212).

Ник. Карев.—Итоги работы и задачи в области исторического материализма (№ 5, стр. 25).

Его же.—О XII Ленинском Сборнике (№ 6, стр. 17).

Его же.—Заметка о вреде путаницы и поповской проповеди и об искусстве заметать следы (№ 7—8, стр. 32).

Д. Квитко.—Философия Джона Дьюи (№ 9, стр. 1).

В. Кирпотин.—Крестьянство, как социально-экономическая категория в условиях строительства социализма (№ 5, стр. 222).

Ст. Кривцов.—И. В. Сталин. (К 50-летию со дня рождения) (№ 2—3, стр. 1).

П. Кучеров.—Практика и диалектическая логика (№ 7, стр. 75).

Его же.—Ленин и теория познания Плеханова (10—11—12, стр. 113).

С. Левит.—К кризису современной медицины (№ 5, стр. 112).

И. Луппол.—Ленин и партийность философии. (К 6-ой годовщине смерти В. И. Ленина) (№ 1, стр. 1).

А. Максимов.—М. Планк и его борьба с физическим идеализмом (№ 1, стр. 165).

А. Мартынов.—Теория подвижного равновесия общества и взаимоотношения между обществом и средой (№ 2—3, стр. 59).

М. Миронов.—Социальные категории в социалистической деревне (№ 9, стр. 163).

М. Митин.—К итогам философской дискуссии (№ 10—11—12, стр. 25).

А. Молок.—Июньское восстание 1848 г. и собственники провинций (№ 4, стр. 122).

Л. Надеждин.—Существует ли социально-органическая школа (№ 4, стр. 91).

С. Новиков.—Политическая методология троцкизма (№ 5, стр. 78).

Его же.—О либерально-меньшевистском и марксистско-большевистском понимании этики. (Этика М. Фурщика) (№ 5, стр. 150).

Его же.—Диалектика революции и софистика О. Бауэра (№ 6, стр. 95).

Его же.—Воинствующая путаница (Философские подарки тт. Ральцевича и Митина) (№ 7—8, стр. 41).

Р. Новицкий.—Католицизм на службе у фашизма (№ 6, стр. 122).

Ф. Олещук.—На антирелигиозном фронте. (№ 5, стр. 56).

Передовая.—Годы великого перелома (№ 5, стр. 1).

Передовая.—Важнейший исторический документ (№ 10—11—12, стр. 2).

Н. Петров.—«Простое воспроизводство», как диалектическая категория (№ 1, стр. 127).

Его же.—Мировое хозяйство как предмет политической экономии (№ 2—3, стр. 77).

Его же.—Национальные хозяйства как узлы мировых хозяйственных связей (№ 10—11—12, стр. 192).

С. Петропавловский.—Историческое развитие учения Маркса-Энгельса о диктатуре пролетариата (№ 9, стр. 174).

И. Подволоцкий.—XVI с'езд ВКП(б) и задачи на философском фронте (№ 7—8, стр. 1).

Е. Преображенский.—Экономическая природа советских денег и перспектива червонца (№ 4, стр. 57).

А. Пригожин.—Проблема общественных формаций (№ 7—8, стр. 159).

И. Разумовский.—Борьба с международным ревизионизмом на философском фронте (№ 5, стр. 62).

Его же.—О марксистском и эклектическом понимании эстетики (№ 5 стр. 187).

Его же.—Ленин и исторический материализм (№ 10—11—12, стр. 82).

Резолюция Бюро ячейки ИКП Ф. и Е.—Итоги философской дискуссии (№ 10—11—12, стр. 15).

Резолюция Президиума Комакадемии о естественно-научном фронте (№ 10—11—12, стр. 251).

Резолюция Ин-та философии Комакадемии и московской организации ОВМД от 24/IV—30 г.— Об итогах и новых задачах на философском фронте (№ 4, стр. 4).

В. Рудаш.— О некоторых основных понятиях механики и диалектики (№ 10—11—12, стр. 258).

М. Рютин.— Диалектика и проблемы войны (№ 2—3, стр. 164).

А. Сегацкий.— Труд в теории стоимости (№1, стр. 70).

Его же.— Труд в теории стоимости (окончание) (№ 2—3, стр. 139).

А. Серебровский.— Ответ Ф. Дучинскому (№ 2—3, стр. 223).

П. Серебровский.— Диалектика в эволюционном процессе (Ответ А. Серебровскому) (№ 10—11—12, стр. 258).

М. Смит.— Понятие случайности в статистике и диалектике (№ 6, стр. 152).

О. Танхилевич.— Философия Германа Когена и его критика марксизма (№ 9, стр. 33).

С. Томсинский.— К методологии крестьянских движений в докапиталистическую эпоху (№ 6, стр. 134).

Н. Тутким.— О социальной природе крестьянства (№ 7—8, стр. 138).

А. Фогараши.— Социология знания и социология интеллигенции (№ 7—8, стр. 194).

М. Фурщик.— Философские заметки (№ 10—11—12, стр. 160).

Н. Цаголов.— К проблеме мирового хозяйства (№ 7—8, стр. 124).

Его же.— К проблеме мирового хозяйства (окончание) (№ 9, стр. 120).

К. Шмюкле.— К критике немецкого историзма Мейнеке и «raison d'état (№ 1, стр. 50).

И. Шпильрейн.— Психотехника в СССР за последние годы (№ 5, стр. 124).

Шредингер и М. Планк.— О причинности (№ 1, стр. 173).

В. Юринец.— Философский фронт на Украине (№ 5, стр. 129).

С. Яновская.— Очередные задачи математиков-марксистов (№ 5, стр. 88).

Список рецензированных книг.

Georg V. Below,— Die Entstehung der Soziologie. Deutsche Beiträge zur Wirtschafts — und Gesellschaftslehre, т. 7.

Посмертное издание Отмара Шпанна, Иена, 1928 г. (№ 4, стр. 202, К. Шмюкле).

Берлинер.— Н. Г. Чернышевский и его литературные враги.

Под редакцией Л. Каменева, Ранион, Н.-Исслед. ин-т сравн. ист. лит. и языков Запада и Востока. Гиз., М.—Л., 1930 г., стр. 229. (№ 9, стр. 212, А. Нифонтов).

Библиотека писателей для школы и юношества, под ред. Е. Ф. Никитиной. IV серия — «Русские критики в марксистском освещении», изд. «Никитинские субботники». Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов. Д. И. Писарев. Москва, 1929 г. (№ 2—3, стр. 242, А. Нифонтов).

Большая Советская Энциклопедия, Естественно-Научный отдел (№ 10—11—12, стр. 339, А. Максимов).

F. Brandt.— Thomas Hobbes mechanical conception of nature Copenhagen—London, 1928 г., 400 стр. (№ 2—3, стр. 229, Л. Ческис).

Буржуазные ученые о законах капитализма. Перев. с нем. под ред. составителей сборника, М. Ф. Иоэльсона и М. И. Баха, с предисловием Г. Я. Сокольникова. Гиз, 1929 г., М.—Л., Экономическая библиотека, 174 стр. (№ 4, стр. 206, Ал. К.).

Быховский.— Очерк философии диалектического материализма, Гиз, 1930 г., 242 стр. (№ 9, стр. 208, В. Вандек и Г. Исаков).